

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

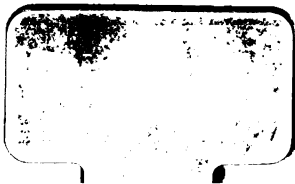
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Per. 278975 d. 80

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ

ЗАПИСКИ

1868

№ 9 СЕНТЯБРЬ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Въ типографіи А. А. Крайвсаго. (Литейная, № 38)

	СТРАН.
I. — МЕДВѢЖЬЯ ОХОТА. Три сцены изъ лирической комедіи (3-я, 4-я, 5-я) Стих. Н. Некрасова . . .	1
II. — ГДѢ ЛУЧШЕ? Романъ. Часть 2-я. Въ Петербургѣ. Ө. М. Рѣщеткина -	17
III. — РУССКІЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДѢЯТЕЛИ ПРОШЛАГО ВѢКА И ПУГАЧЕВЪ. VIII—XIII. Д. Л. Мордовцева	85
IV. — ДѢВИЧНИКЪ. Очеркъ фабричныхъ нравовъ. Филиппа Нефедова	145
V. — ОБЛАКА. Стих. А. Плещеева	183
VI. — КРЕСТНИЦА МИНИСТРА. (MADAME FRAINEX, par Robert Halt) I—IX.	185
VII. — „*“ Стих. А. Плещеева	244
VIII. — РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ИСТОРИИ ПОСЛѢДНЯГО ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЯ. Періодъ второй. 1830—1848. Франція въ концѣ іюля 1830. Вліяніе іюльской революціи на судьбы Бельгій, Англіи и Германіи. В. И. Покровскаго	245
IX. — ЛЕГКОВѢСНЫЕ. Картины въ натуральную величину. Н. Щедрина	283
X. — РУССКІЕ БОГАТЫРИ В. И. В- ва	301
XI. — ВЕСЕЛЫЕ НИЩІЕ. Кантата. (Изъ Роберта Борнса). Стих. П. И. Вейнберга	325
XII. — ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ МАЛЕНЬКАГО ОБОРВЫША. Романъ Джемса Гринвуда (окончаніе)	353—380

СОВРЕМЕННОЕ ОВОЗРѢНІЕ.

XIII. — КРИТИКА. — РУССКОЕ НЕДОМЫСЛІЕ. «Отцы и дѣти» И. Тургенева. — «Взбаламученное море» А. Писемскаго. — «Марев» В. Ключникова. — «Некуда» М. Стебницкаго. — «Бродящія силы» В. Авенариуса. А. Сжабичевскаго	1
--	---

(См. страницу 3-ю).

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЫЙ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ
ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЬ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ.

ТОМЪ СЛХХ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи А. А. Краевского (Литовск. № 38).

1868.

С-17201-73

ТРИ СЦЕНЫ ИЗЪ ЛИРИЧЕСКОЙ КОМЕДИИ:

«МЕДВѢЖЬЯ ОХОТА».

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Зимняя картина. Равнина, занесенная снѣгомъ, кое гдѣ деревья, пни, кустарники; впереди сплошной лѣсъ. По направленію къ лѣсу, безъ дороги, кто на лыжахъ, кто на четверенькахъ, кто барахтаясь по поясъ въ снѣгу, тянется вереница вагонщиковъ, человѣкъ сто: мужики, отставные солдаты, бабы, дѣвки, мальчишки и дѣвочки. Каждый и каждая съ дубинкою, у нѣкоторыхъ мужиковъ ружья. За народомъ Савелій, окладчикъ, продавшій медвѣдя и распоряжающійся охотою. По дорогѣ, протоптываемой народомъ, пробираются, часто спотыкаясь, господа охотники. Впереди князь Воихотскій, старикъ лѣтъ 65-ти, сановникъ; за нимъ баронъ фонъ-деръ-Гревенъ, нѣчто въ родѣ посланника, важная надменная фигура, лѣтъ 50. Онъ изрѣдко переговаривается съ Воихотскимъ, но оба они болѣе заняты труднымъ процессомъ ходьбы. За ними Миша, плотный, полнолицый господинъ, лѣтъ 45, дѣйствительный статскій совѣтникъ, служить; здоровъ до избытка, шутникъ и хохотунъ; рядомъ съ нимъ Пальцовъ, господинъ лѣтъ 50-ти, не служилъ и не служить. Они горячо разговариваютъ. Далѣе, немного поотставъ, Карташовъ, молодой гвардейскій офицеръ, въ сопровожденіи двухъ бабъ, выбранныхъ изъ вагонщицъ. Онѣ несутъ ему ружья. Онъ болтаетъ и смѣется съ ними, называя ихъ своими адъютантами. При каждомъ охотникѣ вѣдь.

Миша и Пальцовъ продолжаютъ прежде начатый разговоръ.

Пальцовъ.

...Что ты ни говори, претить душѣ моей
Тотъ кругъ, гдѣ мы съ тобою бродимъ:
Двухъ-трехъ порядочныхъ людей
На сотню франтовъ въ немъ находимъ.
А что такое русскій франтъ?

Все совершенствуется въ свѣтѣ,
А у него единственный талантъ,
Единственный прогрессъ — въ жилетѣ.
Т. СЛХХVIII. — Стл. I.

Вино, рысакъ, лоретка — тутъ онъ весь
И съ внутреннимъ и съ внѣшнимъ міромъ.

Его тщеславіе вращается до днесь

Между конюшней и трактиромъ.

Программа жалкая его —

Не дѣлать ровно ничего,

Считая глупостью и ложью

Все, кромѣ свѣтской суеты;

Гнушаться чернью, быть на «ты»

Со всею именитой молодёжью;

За недостаткомъ гордости въ душѣ

Являть ее въ своей осанкѣ;

Дрожать для дѣла на грошѣ

И тысячи бросать какой-нибудь цыганкѣ;

Знать наизусть Еленѣ и Клеопатрѣ,

Наѣхавшихъ изъ Франціи въ Россію,

Ходить въ Михайловскій театръ

И презирать — *Александрію*.

Французскимъ jeunes premiers въ манерахъ подражать,

Искусно на конькахъ кататься,

На скачкахъ призы получать

И каждый вечеръ напиваться

Въ трактирахъ и въ другихъ домахъ,

Съ отличной стороны извѣстныхъ,

Или въ милютинныхъ рядахъ,

За лавками, въ конурахъ тѣсныхъ,

Гдѣ царствуетъ обычай вѣковой

Не мыть половъ, салфетокъ, склянокъ,

Куда влекутъ они съ собой

И чопорныхъ, брезгливыхъ парижанокъ,

Чтобы въ разгарѣ кутежа

Въ угоду пристающимъ съ-пьяна

Ѣсть устрицы съ желѣзнаго ножа

И пить вино изъ грязнаго стагана!

Въ одномъ прогресѣ являетъ онъ —

Нашъ милый франтъ — что все мельчаетъ,

Лѣтъ въ двадцать волосы теряетъ,

Тщедушень, ростомъ умалень

И слабосиліемъ наказанъ.

Стаганомъ можно каждого спить

И каждого не трудно удавить

На узкой ленточкѣ, которой онъ повязанъ!

Миша.

Ты жѣтко франтовъ очертилъ.

Пальцовъ.

Одно я только позабылъ,
Коснувшись этой тли снаружи,
Что эти полумертвецы,
Развратомъ юности ослабленны души,
Невѣжды, если не глупцы, —
Современемъ родному краю
Готовятся...

Миша.

Я понимаю.

Но не однихъ же пустомель
Встрѣчаемъ мы и въ свѣтскомъ мірѣ:
Есть люди — ихъ понятя шире,
Доступна имъ живая цѣль.
Сбери-ка эти единицы,
Таланты, знанія, умы,
Съ великорусской Костромы
До полурусской Ницы,
Соедини-ка ихъ въ одно
Разумнымъ, обще-русскимъ дѣломъ...

Пальцовъ.

Соединить ихъ — мудрено!
Занесся ты въ порывѣ смѣломъ
Богъ вѣсть куда, любезный другъ!
Вернись-ка къ фактамъ!

Миша.

Факты трудны!

Не говорю, чтобъ были скудны,
Но не припомнишь вдругъ!
Я самъ не слишкомъ обольщаюсь,
Не ждалъ я и не жду чудесъ,
Но твердо за одно ручаюсь,
Что съ мели сдвинуть насъ прогрессъ.
Вотъ напримѣръ: давно не очень
Жизнь на Руси груба была
И, какъ подъ музыку, тѣла
Подъ градъ ругательствъ и пощечинъ,

Тотъ звукъ, какъ древней драмѣ хоръ,
 Необходимъ былъ жизни нашей.
 Ну, а теперь — гуманный споръ
 Игривый спичъ за полной чашей!

Пальцовъ.

Вотъ чудо!

Миша.

Чуда, другъ мой, нѣтъ,

Но все же выигрешь въ итогѣ.
 Засѣвши на большой дорогѣ
 Съ дворовой челядью, мой дѣдъ
 Былъ, говорятъ, грозю краю,
 А я — его любезный внукъ —
 Я другъ народа, другъ наукъ —
 Я въ комитетахъ засѣдаю!

Пальцовъ.

Ты шутишь?

Миша.

Нѣтъ, я не шучу!

Я этой рѣзвостью сравненъ
 Одно сказать тебѣ хочу:
 «Держись на русской точкѣ зрѣнья» —
 И ты утѣшишься, другъ мой!
 Неслишкомъ длинное пространство
 Насъ раздѣляетъ съ стариной,
 Но ужъ теперь не то дворянство,
 Въ литературѣ духъ иной,
 Администраторы иные...

Пальцовъ.

Да! люди тонко развитые!
 О нихъ судить не нашему уму —
 Довольно съ насъ благоговѣть, гордиться.
 Ты эпитафію читалъ ли одному?
 По моему, десяткамъ пригодится!
 «Систему полумѣръ принявъ за идеаль,
 «Ни прогресистъ, ни консерваторъ,
 «Добро ты портилъ, зла не улучшалъ,
 «Но честный былъ администраторъ»...
 Въ администрацію попасть большая честь;
 Но будь талантъ — пути открыты,

И надобно признаться, все въ ней есть,
Есть даже, кажется, спириты!

Миша.

Давно ли чуждо было намъ
Все, кромѣ личнаго разсчета?
Теперь къ общественнымъ дѣламъ
Явилась рьяная забота!

Пальцовъ (сжѣтсѣ).

Съ тѣхъ поръ, какъ родину прогрессъ
Поставилъ въ новыя условия,
О, Русь! вселился новый бѣсъ
Почти во всѣ твои сословья.
То бѣсъ «общественныхъ заботъ».
Кто имъ не одержимъ? Но — чудо! —
Не много выигралъ народъ,
И легче нѣтъ ему погуда
Ни отъ чиновныхъ мудрецовъ,
Ни отъ фанатиковъ народныхъ,
Ни отъ начитанныхъ глупцовъ,
Лакеевъ мыслей благородныхъ!

Миша.

Ну! золь ты сталь, какъ погляжу!
Прослыть стараюсь Вельзевуломъ,
Ты и себя ругнуть огуломъ. —
А я опять-таки скажу:
Часть общества по мѣрѣ силъ развита;
Не сплошь мы пошлости рабы:
Есть признаки осмысленнаго быта,
Есть элементы для борьбы.
У насъ есть вѣрнопостникъ-плантаторъ,
Но есть и честный либераль;
Есть заскорувный консерваторъ,
А рядомъ — самъ ты замѣчалъ —
Великосвѣтскій радиваль!

Пальцовъ.

Двухъ словъ безъ горечи не бросить,
Безъ грусти ни на чемъ не остановить глазъ,
Онъ не идетъ, а такъ-сказать проноситъ
Себя, какъ контрабанду, среди насъ.

Шалить землевладелецъ крупной,
 Морочить модной маской свѣтъ,
 Иль точно тайной недоступной
 Онъ полонъ — не великъ секретъ!

М и ш а.

И то ужъ хорошо, что времена пришли
 Брать эти — не другія роли...
 Давно ли мы безгласно шли
 Куда погонять насъ, давно ли?...
 Теперь, куда ни посмотри,
 Зачатки критики, стремленье...

Пальцовъ (съ *иньомъ*).

Пожалуйста, не говори
 Про русское общественное мнѣнье!
 Его нельзя не презирать
 Сильнѣй невѣжества, распутства, тунеядства;
 На немъ предательства печать
 И непонятнаго злорадства!
 У русскаго особый взглядъ,
 Преданьямъ рабства страшно вѣренье:
 Всегда побитый виноватъ,
 А битымъ — счетъ потерянъ!
 Какъ будто съ умысломъ силки
 Мы разставляемъ мысли смѣлой:
 Сперва — сторонниковъ полки,
 Восторгъ почти Россіи цѣлой,
 Потомъ — усталость; наконецъ
 Всѣ на-сторожѣ, всѣ въ тревогѣ,
 И поводится боецъ
 Почти одинъ на полдорогѣ...
 Побѣда! мимо всѣхъ преградъ
 Прошла и принялась идея:
 Ура! кричимъ мы не робѣя
 И тотъ, кто радъ и кто не радъ...
 Зато съ какимъ зловѣщимъ тактомъ
 Мы неудачу сторожимъ!
 Замѣтивъ облачко надъ фактомъ,
 Какъ ступешаться мы слѣшимъ!
 Какъ мы вертимъ хвостомъ лукаво,
 Какъ мы уходимъ величаво
 Въ скорлупку пошлости своей!
 Какъ негодуемъ, какъ клеветемъ,

Какъ ретроградамъ рукоплещемъ,
 Какъ выдаемъ своихъ друзей!
 Какіе слышатся аккорды
 Въ постыдной оргіи тогда!
 Какія выдвинутся морды
 На первый планъ! Греза, бѣда!
 Облава — въ полномъ смыслѣ слова!...
 Свалились въ кучу — и готово
 Холопской дурн торжество,
 Мычанье, хрюканье, блѣянье
 И жеребячье гоготанье —
 А-ту его! а-ту его!...

Не такъ ли множество идей
 Погибло несомнѣнно важныхъ,
 Помявъ порядочныхъ людей
 И выдвинувъ впередъ продажныхъ?..
 Намъ все равно! Не дорожимъ
 Мы шагомъ къ прочному успѣху.
 Прогрессъ?... Его мы не хотимъ —
 Намъ дай новинку, дай потѣху!
 И вотъ новинкѣ всякій радъ.
 День, два,—всѣ полны грѣзъ и вѣры.
 А завтра съ радостью глядятъ
 Какъ «рановременная» мѣры
 Теряютъ должныя размѣры
 И съ трескомъ пятятся назадъ!..

(Народъ впереди остановился. Остановились и охотники. Савелій, объяснивъ что-то князю Воехотскому, при чемъ таинственно указывалъ по направлению къ лѣсу, подходитъ къ Пальцову и Мишѣ).

САВЕЛІЙ.

На нумера извольте становиться.
 Теперь нельзя курить
 И громко говорить здѣсь не годится.

МИША.

Что жь можно? Можно водку пить!
(Хочетъ, и наливая изъ фляжки потчуетъ Пальцова и пьетъ самъ. Савелій, разставивъ охотниковъ по цѣпи, въ разстояніи шаговъ пятидесяти другъ отъ друга, разделяетъ народъ на двѣ половины; одна молча и съ предосторожностями отправляется по лѣнѣи круга на право, другая на лѣво).

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

БАРОНЪ ФОНЪ-ДЕРЪ ГРЕВЕНЪ И КНЯЗЬ ВОЕХОТСКІЙ.

На № 5-мъ. Баронъ сидитъ на складномъ стулѣ; снѣгъ около него утоптанъ, подъ ногами коверъ. Близъ него прислонены къ дереву три штуцера со взведенными курками. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, сзади, мужикъ-охотникъ съ рогатиной.

Кн. Воехотскій *(подходя къ барону съ своего, соседняго, номера)*.

Теперь, баронъ, вы видѣли природу,
Вы видѣли народъ нашъ?

Баронъ.

И не могъ
Не заключить, что этому народу
Пути къ развитію заградилъ самъ Богъ.

Кн. Воехотскій.

Да! Да! непобѣдимыя условья!
Но, къ счастью, народъ не выше ихъ:
Невѣжество, безчувственность воловь
Полезны при условіяхъ такихъ.

Баронъ.

Когда природа отвѣчать не можетъ
Потребностямъ, которыя родить
Развитіе—оно бѣды умножить
И только даромъ страсти распалить.

Кн. Воехотскій.

Вы угадали мысль мою: нелѣпо
Въ такихъ условьяхъ просвѣщать народъ.
На почвѣ, гдѣ съ трудомъ родится рѣпа,
Съ развитіемъ бананъ не расцвѣтетъ.
Намъ не указъ Европа: тамъ избытокъ
Во всѣхъ дарахъ, по милости судьбы;
А здѣсь одинъ суровый черный хлѣбъ
Да изъ него же гибельный напитокъ!
И средства нѣтъ прибавить что-нибудь.
Болото, мохъ, песокъ—куда ни взглянешь!
Не проведешь сюда желѣзный путь,
Къ путямъ желѣзнымъ весь народъ не стянешь!

А здѣсь—вотъ, наприимѣръ, зимой —
 Какія тутъ возможны улучшенья?...
 Хоть лошадямъ убавьте-ка мученья,
 Устройте экипажъ другой!
 Здѣсь мужику, что вышелъ за ворота,
 Кровавый трудъ, кровавая борьба:
 За крошку хлѣба капля пота—
 Вотъ въ двухъ словахъ его судьба!
 Его сама природа осудила
 На грубый трудъ, неблагодарный бой
 И отъ отчаянья разумно оградила
 Невѣжества спасительной броней.
 Его удѣлъ—безграмотство, безпутство,
 Убожество и чувствомъ и умомъ,
 Его узда—налоги, трудъ, рекрутство,
 Его утѣха—водка съ дурманомъ!

Баронъ.

So, so...

СЦЕНА ПЯТАЯ.

Пальцовъ и Миша.

На № 1-мъ. Къ Пальцову подходитъ съ своего номера Миша.

Миша.

Еще не скоро выдетъ звѣрь...
 Покажѣсть, приведемъ-ка въ ясность
 То время, какъ слова «свобода», «гласность»,
 Которыми набили мы теперь
 Осному какъ незрѣлыми плодами,
 Не слышались и въ шутку между нами.
 Когда считался звѣремъ либераль,
 Когда слова: «общественное благо»
 И произнести нужна была отвага,
 Которою никто не обладалъ!
 Когда одни житейскія условия
 Сближали насъ, а по просту разсчотъ
 И лишь въ одномъ сливались всѣ сословья,
 Что дружно налегали на народъ...

Пальцовъ.

Великій вѣкъ, когда блисталь
 Среди безгласныхъ поколѣний

Администраторъ-генераль
И откупщикъ — кабачный геній!

Миша.

Ты, думаю, охоту на двуногихъ
Засталъ еще въ ребячествѣ своемъ.
Слыхалъ ты вопли стариковъ убогихъ
И женщинъ, засѣваемыхъ внудомъ?
Я думаю, ты былъ не полугода
И не забылъ порядки тѣхъ временъ,
Когда, въ отвѣтъ стenanіямъ народа,
Мысль русская стонала въ полу-тонъ?

Пальцовъ.

Великій вѣкъ—великихъ мѣръ!
«Не разсуждать—повиноваться!»
Девизъ былъ общій; самъ Гомеръ
Не смѣлъ Омпромъ называться.

Миша.

Припомни, какъ въ то время золотое
Учили насъ? Раздолье-то какое!
Сынъ барина, чиновника, князька
На столько поровилъ образоваться,
Чтобъ на чужія плечи забираться
Умѣть — а тамъ дорога широка!
Три фазиса дворянское развитіе
Прекрасные являло намъ тогда:
Въ дни юности — кутѣжъ и стеклобитье,
Наука жизни — въ зрѣлые года
(Которую — не въ школахъ европейскихъ —
Мы черпали въ гостинныхъ и лакейскихъ),
И наконецъ, завѣтная мечта —
Почетная, доходная мѣста...

Припомнилъ ты то время золотое,
Котораго исчадье мы прямое,
Припомнилъ?—Ну, такъ полюбуйся имъ!

Какъ яблоню качаетъ проходящій,
Весь занятый минутой настоящей,
Желаніемъ однимъ руководимъ —
Набрать плодовъ и далѣ въ путь пуститься,

Не думая, что много ихъ свалится,
 Которыхъ онъ не сможетъ захватить,
 Которые напрасно будутъ гнить:
 Такъ русское общественное древо,
 Кто только могъ, направо и налево
 Раскачивалъ, спѣша набить карманъ,
 Не думая о томъ, что будетъ далѣ...
 Мы всѣ тогда жирѣли, наживали,
 Всѣ... кромѣ, разумѣется, крестьянъ...
 Да въ сторонѣ стоялъ одинъ, печаленъ,
 Тогдашній чистоплотный либераль;
 Онъ рукъ въ грязи житейской не маралъ,
 Онъ для того былъ слишкомъ идеаленъ,
 Но онъ за то не дѣлалъ ничего...

Пальцовъ.

О комъ ты говоришь?

Миша.

Въ литературѣ

Описанъ онъ достаточно: его
 Прозвали «лишнимъ». Честный по натурѣ,
 Онъ былъ аристократъ, гулака и дѣвчата,
 Избыточно снабженный всѣмъ житейскимъ,
 Слѣдилъ онъ за движеніемъ европейскимъ...

Пальцовъ.

Да это — я!

Миша.

Какъ хочешь понимай!

Тинъ былъ одинъ, отгнѣновъ было много.
 Судили ихъ тогда довольно строго,
 Но я недавно началъ понимать,
 Что мы добромъ должны ихъ поминать...

Діалектикъ обаятельный,
 Честенъ мыслью, сердцемъ чистъ!
 Помню я твой взоръ мечтательный,
 Либераль-идеалистъ!
 Созерцающій, читающій,
 Съ неотступною хандрой
 По Европѣ развѣзжающій,
 Здѣсь и тамъ — всему чужой.

Для дѣйствительности слованный,
 Верхоглядомъ жилъ ты, зря,
 Ты бродилъ разочарованный,
 Красоту боготворя;
 Все съ погибшими созданьями,
 Да съ брошюрами возясь,
 Наполняя умъ свой знаньями,
 Обходилъ ты жизни грязь;
 Грозный дѣятель въ теоріи,
 Безпощадный радикаль,
 Ты на улицѣ исторіи
 Съ полицейскимъ избѣгалъ;
 Злыхъ, надменныхъ, угнетающихъ
 Лишь презрѣннемъ ты каралъ,
 Не спасалъ ты утопающихъ,
 Но и въ воду не толкалъ...
 Ты, въ которомъ чуть не генія
 Долго видѣли друзья,
 Рыцарь добраго стремленія
 И безпутнаго житя!
 Хоть реальнаго усилія
 Ты не сдѣлалъ никогда,
 Чувству горькаго безсилія
 Подчинившись навсегда —
 Все же чту тебя и нынѣ я,
 Я люблю припоминать
 На челѣ твоємъ унынія
 Безпредѣльнаго печать:
 Ты стоялъ передъ отчизною,
 Честенъ мыслью, сердцемъ чистъ,
 Воплощенной укориною,
 Либераль-идеалистъ!

П а л ь ц о в ь .

Куда жь дѣвались люди эти?

М и ш а .

Богъ вѣсть! Я не встрѣчаю ихъ.
 Ихъ пѣсня спѣта — что намъ въ нихъ?
 Герои слова, а на дѣлѣ — дѣти!
 Да! одного я встрѣтилъ: глупъ, рѣчиствъ,
 И старъ, какъ возвращенный декабриствъ.
 Съ нихъ вообще теперь немного толку.

Мудрѣйшіе достали въ тихомолку
 Такого рода прочныя мѣста,
 Гдѣ служба по возможности чиста,
 И, средніе оклады получая,
 Не принося ни пользы, ни вреда,
 Живутъ себѣ подъ старость припѣвая;
 За то теперь влеймятъ ихъ иногда
 Предателями племя молодое;
 Но я ему сказалъ бы: не забудь,
 Кто выдержалъ то время роковое,
 Есть отъ-чего тому и отдохнуть.
 Богъ на помочь! бросайся прямо въ пламя,
 И погибай...
 Но кто твое держалъ когда-то знамя,
 Тѣхъ не пятнай!
 Не предали они — они устали
 Свой вѣстѣ нести,
 Повинулъ ихъ духъ Гнѣва и Печали
 На полпути...

Еще добромъ должны мы помянуть
 Тогдашнюю литературу,
 У ней была задача: какъ нибудь
 Намекомъ натолкнуть на честный путь
 Къ развитію способную натуру...
 Хорошая задача! Не забылъ,
 Я думаю, ты истинныхъ свѣтилъ,
 Отмѣтившихъ то время роковое:
 Бѣлинскій жилъ тогда, Грановскій, Гоголь жилъ,
 Еще найдется славныхъ двое-трое —
 У нихъ тогда училось все живое...

Бѣлинскій былъ особенно любимъ...
 Молясь твоей многострадальной тѣни,
 Учителы! передъ именемъ твоимъ
 Позволь смиренно преклонить колѣни!

Въ тѣ дни, какъ все коснѣло на Руси,
 Дремля и рабодѣпствуя позорно,
 Твой умъ кичѣлъ — и новыя стези
 Прокладывалъ, работая упорно.

Ты не гнушался никакимъ трудомъ
«Чернорабочій я — не бѣлоручва!»
Говаривалъ ты намъ—и напроломъ
Шелъ къ истинѣ, великій самоучка!

Ты насъ гуманно мыслить научилъ,
Едва ль не первый вспомнилъ объ народѣ,
Едва ль не первый ты заговорилъ
О равенствѣ, о братствѣ, о свободѣ...

Не даромъ ты, мужая по часамъ,
На взглядъ глупцовъ казался перемѣнчивъ,
Но предъ врагомъ заносчивъ и упрямъ,
Съ друзьями былъ ты вротокъ и застѣнчивъ.

Не думалъ ты, что стоишь ты вѣнца,
И разумъ твой горѣлъ, не угасая,
Самимъ собой и жизнью до конца
Святое недовольство сохраняя—

То недовольство, при которомъ нѣтъ
Ни самообольщенья, ни застоя,
Съ которымъ и на склонѣ нашихъ лѣтъ
Постыдно мы неубѣжимъ изъ строя—

То недовольство, что душѣ живой
Не дать возстать противу новой силы
За то, что заслоняетъ насъ собой
И старцамъ говорить: «пора въ могилы»!

Грановскаго я тоже близко зналъ —
Я слушалъ лекціи его три года —
Великій умъ! счастливая природа!
Но говорилъ онъ лучше, чѣмъ писалъ.
Оно и хорошо — писать не время было:
Почти что ничего тогда не проходило!
Бывали случаи: весь вѣкъ
Считался умнымъ человѣкъ,
А въ книгѣ глухимъ очутился:
Пропалъ и умъ, и слогъ, и жаръ,
Какъ будто съ бѣднымъ приключился
Аполексическій ударъ!

Когда же въ книгахъ будемъ мы блистать
Всею русской мыслью, рѣчью, даромъ,

А не зайками хромыми выступать
Съ апоплексическимъ ударомъ?...

Передъ рядами многихъ поколѣній
Прошелъ твой свѣтлый образъ; чистыхъ впечатлѣній
И добрыхъ знаній много сѣялъ ты,
Другъ Истины, Добра и Красоты!
Пытливъ ты былъ: искусство и природа,
Наука, жизнь — ты все познать желалъ,
И въ новомъ творчествѣ ты силы почерпалъ,
И въ гениі утасшаго народа...
И всѣмъ дѣлиться съ нами ты хотѣлъ!
Недиво, что тебя мы горячо любили:
Терпимость и любовь тобой руководили.
Ты настоящее оплакивать умѣлъ
И брата узнавалъ въ рабѣ иноплеменномъ,
Отъ насъ вѣжами отдаленномъ!
Готовилъ родинѣ ты честныхъ сыновей,
Провидя лучъ зари за непроглядной далью.
Какъ ты любилъ ее! Какъ ты скорбѣлъ о ней!
Какъ рано умеръ ты, терзаемый печалью!
Когда надъ бѣдной русскою землей
Заря надежды медленно всходила,
Созрѣлъ недугъ, посѣянный тоской,
Которая всю жизнь тебя крушила...

Да! славной смертью, смертью роковой
Грановскій умеръ... кто не издѣвался
Надъ «безпредметною» тоской?
Но глупый смѣхъ въ чему не придирался!
«Гражданской скорбью» наши мудрецы
Прозвали настроеніе такое...
Надъ чѣмъ смѣяться вздумали, глупцы!
Опошлить чувство силатся какое!
Поверхностной ироніи печать

Мы очень часто налагаемъ

На то, что должно уважать,

За то достойное презрѣнья уважаемъ!
Намъ юноша, стремящійся къ добру
Смѣшонъ восторженностью странной,
А зрѣлый мужъ, поверженный въ хандру,
Смѣшонъ тоскою постоянной;
Не понимаемъ мы глубокихъ мукъ,
Которыми болитъ душа иная,

Внимаю въ жизни вѣчно-ложный звукъ
 И въ праздности невольной изнывая;
 Не понимаемъ мы — и гдѣ же намъ понять? —
 Что бѣдный свѣтъ кончается не нами,
 Что можно личнымъ горемъ не страдать
 И плакать честными слезами?
 Что туча каждая, грозящая бѣдой,
 Нависшая надъ жизнью народной,
 Слѣдъ оставляетъ рововой
 Въ душѣ живой и благородной!

Да! были личности!... Не пронадесть народъ,
 Обрѣтшій ихъ во времена крутыя!
 Мудренными путями Богъ ведетъ
 Тебя, многострадальная Россія!
 Попробуй, усомнись въ твоихъ богатствахъ
 Доисторическаго вѣка,
 Когда и въ наши дни выносятъ на плечахъ
 Все поколѣнье два-три человѣка!...

Какъ ты меня, однакожь, взволновалъ!
 Не шуточное вышло изліянье,
 Я лучшій перлъ со дна души досталъ,
 Чистѣйшее мое воспоминанье!
 Мнѣ стало грустно... Надо попадать
 По мѣрѣ силъ опять на тонъ шутовой!...

(Въ мѣсу раздастся сигнальный выстрѣлъ и вслѣдъ затѣмъ крики, трещетки, хлопучки. Охотники постыжно расходятся на свои нумера и становятся на сторожку, съ взведенными штуцерами)...

Н. НЕБРАСОВЪ.

Весна, 1867 года.
 Парижъ и Флоренція.

Г Д Ъ Л У Ч Ш Е ?

РОМАНЪ.

Часть вторая.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

I.

ПЕЛАГЕЯ ПРОХОРОВНА находитъ Петербургъ не такимъ, какимъ его ей малевали раньше.

Полдень. Несмотря на то, что идетъ дождь, дѣятельность и всеобщее движеніе не прекращаются въ ПетербургѢ. Какъ и въ хорошую погоду, многолюдныя улицы полны народомъ; торгаша булками, рубцами, печенкой, яблоками и другою мелочью стоятъ около своихъ подвижныхъ лавочекъ, накрытыхъ клеенкой; артельщики несутъ на головахъ или роляхъ, или по подюжинѢ стульевъ, диваны и т. п. громоздскія вещи; ломовыя лошади, сопровождаемы понукиваньемъ и руганью извозчиковъ, везутъ шагомъ, часто останавливаясь, кули, тюки хлопчатой бумаги, пеньки, желѣзо, машины, ящики съ водкой и съ пустыми бутылками; безчисленные городовые, стоя на углахъ улицъ, или отгоняютъ кого-то; или распекаютъ ломоваго извозчика, за то, что у него упала лошадь, и остановился огромный возъ не въ указанномъ мѣстѢ. Изъ высокихъ трубъ фабрикъ и заводовъ, по окраинамъ столицы, поднимается черный дымъ и потомъ, разсѣваясь, наполняетъ и безъ того удушливый воздухъ смрадомъ. Рѣки и каналы запружены барками и судами, изъ которыхъ выгружаютъ на берега дрова, камни, кирпичи, доски. Много судовъ и барокъ медленно пробираются по рѣкамъ и каналамъ дальше. Огромные дилижансы и пароходы биткомъ набиты пассажирами, ѣдущими съ дачъ и на дачи. На Невскомъ не рѣдкость встрѣ-

Т. CLXXX. — Отд. I.

2

тить двухъ мужичковъ съ завязанными бичовкой назадъ руками и сзади ихъ городоваго, держащаго подъ дѣвой мышкой книгу, а въ правой рукѣ концы бичевочки... Вездѣ движеніе, суета, восклицанія яблочниковъ, штокъ-фишниковъ, спичечниковъ, татаръ съ халатами, поясами, поясками, платками или просто съ узлами и т. п.; трескъ, неумолкающій ни на одну минуту, жалобный стоиъ и ревъ фабричныхъ и заводскихъ трубъ, неслышннй въ серединѣ города. Никому, кажется, нѣтъ дѣла до того, что дождь мочить и мочить; только на панеляхъ пѣшеходы стараются обойти лужи, ругая тѣхъ, которые задѣваютъ ихъ зонтиками разныхъ объемовъ, и дворниковъ, которые, сметая съ панель грязь и воду, безъ церемоніи задѣваютъ метлами по ногамъ пѣшеходовъ. Каменщики преспокойно спускаются и поднимаются съ телѣжками по лѣсамъ около недокладенныхъ каменныхъ домовъ; кое-гдѣ приколачиваютъ надъ окнами новенькія вывѣски, кое-гдѣ поправляютъ штукатурку и красятъ стѣны на домахъ; тамъ и самъ мужички въ оборванныхъ поддевахъ разбиваютъ на мостовой камни, вколачиваютъ одинъ къ другому, или выбрасываютъ изъ ямы на поверхность черную вонючую грязь, и выкачиваютъ воду, пробуя, хорошо ли дѣйствуетъ водопроводная труба. Безъ умолку пристають къ пѣшеходамъ извозчики, безпрестанно ходять вокругъ каланчей два сторожа, взглядывая изрѣдка на вывѣшенные два черныхъ шара. Но никто никому не мѣшаетъ, всякій идетъ своей дорогой, ничѣмъ не интересуясь, останавливаясь развѣ тамъ, гдѣ много собралось въ одну кучу народа; все куда-то спѣшитъ, торопится; на лицахъ не замѣтно радости; каждый при своемъ мѣстѣ, и считаетъ себя находящимся *при дѣлѣ*.

Поѣздъ, слѣдующій изъ Москвы, опоздалъ. Весь дворъ запруженъ извозчиками, извозничьими и городскими каретами; барскія кареты стоятъ особо. Извозчики сидятъ смирно, толкуя другъ съ другомъ; кучера съ огромными бородами, покуривая изъ трубокъ табакъ, тоже разговариваютъ съ лакеями и съ презрѣніемъ поглядываютъ на меньшую братію. По двору ходитъ нѣсколько городовыхъ. Въ воксалахъ народъ, барыни разодѣтыя по погодѣ, баре, купцы, купчихи, чиновники и чиновницы, полиція, бѣдно одѣтые люди. Нѣкоторые изъ солидныхъ людей свободно рассказываютъ по платформѣ, то и дѣло натываясь на жандармовъ, квартальныхъ и городовыхъ. Всѣ эти люди пришли и пріѣхали встрѣчать поѣздъ. И въ этой встрѣчѣ есть двѣ цѣли: одни встрѣчаютъ родныхъ, знакомыхъ, друзей; другіе стараются поживиться на счетъ пріѣзжающихъ; не говоря объ извозчикахъ, въ воксалѣ находятся до сорока квартирныхъ хозяевъ, которые

только тѣмъ и живуть, что прямо съ желѣзной дороги берутъ къ себѣ на квартиры жильцовъ.

Но вотъ показался поѣздъ. Задрожала мостовая по линіи желѣзной дороги. Поѣздъ идетъ тише и тише, наконецъ онъ остановился. Весь народъ, бывшій въ воксалахъ, рванулся на платформу, извозчики скучились на подѣздѣ и передъ подѣздомъ. Народъ сталъ выходить изъ вагоновъ, и Боже мой! сколько въ теченіе четверти часа вышло изъ нихъ народа, *народа просто!* И куда дѣнется весь этотъ простой народъ — мужики, бабы, дѣвки?... Всѣ суетятся, разина ротъ розныскиваютъ своихъ товарищей по деревнямъ, свою родню, хватаютъ за руки или полы полушубковъ, кацавеевъ, поддевокъ... Слышатся восклицанія въ родѣ слѣдующихъ: «Митрей! а Митрей!... Не видалъ ли, любезный, мою бабу?... О штобъ тебѣ околѣть! сказано, держись за меня! Держи крѣпче мѣшокъ-то: оборвутъ!» Каждый изъ пріѣхавшихъ простыхъ людей что нибудь да имѣетъ при себѣ: кто котомку или попросту полушубокъ, обмотанный ремнемъ и надѣтый на спину; кто мѣшокъ, кто пилу, кто лотокъ и т. п. Но вотъ, мало-по-малу, платформа опустѣла, опустѣлъ и воксалъ.

Около воротъ, на панели стояла молодая женщина съ узломъ подъ лѣвой мышкой. По всему видно было, что она только что пріѣхала и не знаетъ куда идти. Казалось также, что ее все удивляло: и большіе дома, мостроенные въ сплошную съ вывѣсками съ верху до низу, точно облѣпленные картинками, и трескъ, и многолюдство, и крики торгашей подъ самымъ ухомъ, предлагавшіе и спичекъ и яблоковъ и другихъ сластей... Она стояла разина ротъ, ничего не понимая; голова ея кружилась.

— Прикажете отвезти-съ? надоѣдали ей извозчики.

— Што стоишь-то? крикнулъ на женщину городовой, должность котораго состояла въ томъ, чтобы стоять у воротъ Николаевской желѣзной дороги, и который, вида стоящую женщину съ узломъ, хотѣлъ развлечься.

Женщина очнулась и вдругъ спросила:

— А гдѣ у васъ тутъ Богъ-то?

— Не видишь што-ли! Ослѣпла. И городовой показалъ ей на Знаменье.

Женщина, отличивши, наконецъ, церковь отъ большихъ домовъ, перекрестилась и поклонилась на церковь.

— Скажи, ради Христа, куда мнѣ идти? спросила опять женщина городского.

Этотъ вопросъ немного озадачилъ городского, но онъ думалъ недолго.

— Всякой дряни въ столицу хочется!... а дороги не знаетъ? Ты поди ѣхала съ кѣмъ нибудь?

— Какъ же! Только не понравились они мнѣ... Ужаси, ради Христа, я тебѣ гривну дамъ.

— Иди на постоялый.

— Да тутъ во мнѣ приставали какіе-то фармазоны: мастеровне не мастеровне, кто ихъ знаетъ. Такъ они просили съ меня тридцать коп. въ сутки.

— Какъ зовуть?

— Меня-то?

— Ну, да! привикнулъ городской.

— Палагея Мокроносова.

— Што за узель? Развяжи-ко?!

— Стану я для тебя развязывать!! Ишь што выдумалъ!..

— Ну, ну!! Въ полицію сведу. Извощикъ?! крикнулъ вдругъ городской и потомъ прибавилъ: — узнаешь!

Палагея струсила и стала развязывать узель. Въ узлу оказалось два сарафана, одно ситцевое платье и шерстяной платокъ.

Пока она показывала и трясла свои вещи, народу вокругъ нея и городского собралось много. Народъ этотъ былъ большею частію простой, занятой, но останавливающейся тамъ, гдѣ собирается въ кучу человѣкъ десять.

Народъ говорилъ:

— Воровку поймали!

— Господи, какая молодая, и...

— Ну, ну!! Пошли! Чего не видали? крикнулъ на народъ городской. Но народъ только попятился отъ городского.

Куча росла.

— Паспортъ?! спросилъ вдругъ у Мокроносовой городской.

— Ишь выдумалъ!! Онъ у меня далеко... вотъ гдѣ. И она указала на грудь.

— Доставай!

Мокроносова засунула руку за пазуху и съ большимъ усиліемъ достала платокъ, на которомъ было нарисовано сраженіе при Синопѣ. Развернувши платокъ, она подала городскому паспортъ. Городской сталъ читать про себя, то-есть не поднимая губъ и не открывая рта. Нѣсколько головъ заглянули на паспортъ съ обѣихъ сторонъ головы городского.

Посмотрѣвши паспортъ и провѣривши его съ личностью Мокроносовой, городской возвратилъ ей его, сказалъ: ступай! и пошелъ прочь.

Народъ тоже разбрелся въ разные стороны.

«Што же это такое? што ему нужно было отъ меня? и што онъ за человекъ такой есть? Такой окази со мной еще нигдѣ не случалось!» думала Пелагея Прохоровна.

А народъ идетъ и ѣдетъ по площади по разнымъ направлѣніямъ; трескъ, стукъ, крики сливаются въ одно; на домахъ пестрятъ вывѣски точно картинки; извозчики, видя стоящую съ узломъ женщину, то и дѣло предлагаютъ свои услуги, прокатить ее по Питеру за молтинничегъ; прохожій народъ то и дѣло сталкиваетъ ее то съ панели, то въ лужи на панели. Голова закружилась у Пелагеи Прохоровны: все ей кажется ново, непонятно, удивительно...

— Куда я пріѣхала? Много я городовъ видала... а здѣсь... Што же это такое?

— Московскіе калачи хороши! прокричалъ пожилой мужчина, неся на головѣ корзину, и обратясь къ Пелагеѣ Прохоровнѣ, сказалъ ласково: — не желаете ли купить?

И, не дожидаясь отвѣта, онъ снялъ съ головы корзинку и откинулъ клеенку. Въ корзинѣ оказались булочки французскія, русскія и польскія.

Пелагеѣ Прохоровнѣ хотѣлось ѣсть. «Отчего не купить и не попробовать питерскихъ булокъ», подумала она и стала разсматривать булочки.

— Какую желаете?... эти московскія, эти французскія, это пеклеванный.

— Што это за пеклеванный?

— Мука такая есть. Господа его очень любятъ... Въ трактирахъ все тоже пеклеванный.

— Значитъ, питерской.

— Именно! И дешевле противъ этихъ и сятѣе будетъ.

Пелагея Прохоровна купила цѣлую булку и спросила у торговца: куда ей идти? Тотъ, разспросивъ ее, откуда она и когда пріѣхала, указалъ путь.

— Вотъ теперь ты поверни направо, будетъ Лиговскій каналъ. Направо черезъ каналъ будетъ идти переулокъ, ты въ переулокъ не ходи, а иди прямо. Тутъ ты увидишь постоянный дворъ, только туда не ходи, потому тамъ извозчики живутъ, а иди дальше. Тамъ спросишь: гдѣ, молъ, постоянный дворъ, што для пріѣзжающихъ съ машины...

— Покорно благодарю.

И Пелагея Прохоровна пошла. Дождь въ это время пересталъ идти.

Когда она вошла по указанію направо въ улицу, картина пред-

ставилась ей уже другая: дома попроще, мало красивых вывѣсокъ, много питейныхъ заведеній; изъ дворовъ несетъ чѣмъ-то нехорошимъ; мало идетъ и ѣдетъ народа. Но главное, что ее занимало — это Лиговскій каналъ, посреди улицы, съ мутною воюющею водою и огороженный деревянными перилами. Здѣсь было много грязи, проходъ черезъ каналъ — узенькій, деревянный мостикъ. Налѣво деревянные тротуары съ провалившимися досками, а кое-гдѣ просто канава. Пелагея Прохоровна поглядѣла въ канаву. Она забыла слово каналъ, потому что не понимала его и поэтому думала, что это рѣка. Но какая же это рѣка: изъ нее такъ и тащить чѣмъ-то нехорошимъ, и узенькая она, и вода въ ней должно быть стоять, ни судовъ ни лодокъ нѣтъ на ней.

— Этотъ калашникъ надулъ меня: потому какой это Питеръ?

Она оглянулась назадъ. Тамъ дома какъ на картинкахъ писано — красивые... Ишь какъ тамъ трещить и гудеть!... На встрѣчу ей шелъ мужчина, держа подъ мышкой фунта два чернаго хлѣба, а въ правой рукѣ булку и печенку, которыя онъ откусывалъ понемножку. Онъ былъ уже выпивши и шелъ неровно. Одѣтъ онъ былъ въ оборванный полшубокъ, синіе изгребные штаны, въ лапти и мѣховую рваную во многихъ мѣстахъ шапку, промокшую до того, что съ нее и теперь изрѣдка капали на лицо капли, которыя, протекая по лицу до бороды, оставляли на той или на другой щекѣ черныя полоски. Онъ прошелъ мимо Пелагеи Прохоровны молча, даже посторонился отъ нее.

«Это изъ нашихъ! Непремѣнно. Бурлаки у насъ такъ-то ходятъ», подумала Пелагея Прохоровна.

И она догнала этого человѣка.

— Дядюшка! сказала она, ставъ съ нимъ нога въ ногу.

— Што? сказалъ онъ охриплымъ голосомъ, глянувъ на нее, и потомъ, мотнувъ головой, сталъ глядѣть на мостовую.

— Питеръ ли это?

— Знамо, Питеръ.

— Гдѣ бы мнѣ остановиться?

— Остановиться?... Извѣстно, гдѣ люди останавливаются...

Онъ глянувъ на нее и опять сталъ глядѣть на мостовую.

— Уважи ты мнѣ дорогу.

— И уважу! провалиться...

— Да ты мнѣ скажи, куда идти-то?

— Куда идти?! Подемъ къ Артемьевнѣ... Я у ней живу.

— А есть ли тамъ бабы?

— Какъ не быть бабамъ... А ты, братъ... Кабы мнѣ такую бабу!

— Пустое говоришь. Ты доведи до мѣста. Они пошли.

— Развѣ я песь?... Нѣтъ, у меня душа христіанская... Я къ слову: потому у меня жена въ деревнѣ. Да какая она теперь жена мнѣ?

И крестьянинъ остановился.

— Почему теперь я въ Питерѣ? спросилъ онъ сердито. Лицо его подернуло, брови сдвинулись.

— Вы всѣ таковы. У васъ все только жены виноваты.

Крестьянинъ махнулъ рукой и изъ руки выпалъ недоѣденный кусокъ булки, который и попалъ въ лужу. Крестьянинъ взялъ его, оберъвъ грязь полшубкомъ, поскоблялъ пальцемъ и откусилъ.

«И здѣсь тоже, видно, хорошъ народецъ», подумала Пелагея Прохоровна.

Крестьянинъ вошелъ во дворъ одного изъ деревянныхъ домовъ.

Пятиконный деревянный домъ, обшитый тесомъ, съ питейнымъ заведеніемъ, принадлежалъ, какъ гласила голубая дощечка надъ воротами, купчихѣ Фокиной. Онъ стоялъ особнякомъ отъ другихъ домовъ, потому что съ одной стороны находился дровяной дворъ съ возвышающимися около самаго заплота и заслоняющими съ одной стороны свѣтъ къ дому рядами еще не распиленного на дрова лѣса, съ другой же стороны находилось пустопорожнее мѣсто, на которомъ, впрочемъ, купчиха Фокина лѣтомъ садила капусту и картофель. Какъ передъ домомъ Фокиной, закоренѣлой старовѣрки, такъ и передъ дровянымъ дворомъ и пустопорожнимъ мѣстомъ, вмѣсто тротуара, существовала канава, которая впрочемъ только отчасти походила на канаву, но за то къ каждому воротамъ были сдѣланы деревянные мостики. Въ настоящее время, въ дождливую погоду, около низенькихъ оконъ дома нельзя было вовсе ходить, хотя грязи было и не очень-то много, но почва была такая, что ноги скользили. Несмотря на то, что наши старовѣрки чистоту любятъ, дворъ купчихи Фокиной не оправдывалъ этой славы: онъ былъ очень грязенъ и вонючъ до того, что въ немъ нахло какъ изъ бочки съ протухлой рыбой или говядиной. Впрочемъ, это объясняется, можетъ быть, тѣмъ, что Фокина сама въ домѣ не жила, а приѣзжала въ него только изрѣдка. Кромѣ дома, во дворѣ былъ флигель съ двумя окнами по бокамъ и дверью въ серединѣ, выходящими къ воротамъ.

Помѣщеніе въ этомъ флигелѣ тоже не отличалось изящностію; войдя въ дверь, даже простой человѣкъ могъ замѣтить, что внутренность его устроена съ расчетомъ. А именно: большая изба съ двумя окнами — одно недалеко отъ двери къ выходу,

другое на лѣво. Но съ перваго раза нельзя отличить, изба ли это, или горница: впервыхъ, потому, что въ ней не было полатей; вовторыхъ, на право въ углу на заднемъ планѣ стоитъ *чуушка* и отъ нее проведена черезъ все помѣщеніе желѣзная труба, идущая, надъ дверьми на право, въ помѣщеніе хозяйки; и втретьихъ, въ этомъ помѣщеніи нѣтъ ни наръ, ни скамеекъ, ни стола и ни стула. Прокоптѣлыя, сырыя стѣны, когда-то облеенныя желтыми обоями, которыя въ иныхъ мѣстахъ уже отпотѣли и отпали, а во многихъ мѣстахъ висать елочками; грязный, никогда не моющійся полъ; въ углу маленькій образокъ, который съ перваго раза трудно замѣтить; сырой потолокъ съ дранками крестъ на крестъ и штукатурные карнизы; сырой табачный и иной неприятный воздухъ — вотъ и все въ этомъ помѣщеніи, называемомъ содѣржательницею флигеля, солдатской вдовою Софьей Артемьевною, постоялою избой. Такъ и намъ слѣдуетъ называть это помѣщеніе.

Когда Пелагея Прохоровна вошла въ эту избу, она замѣтила, что нѣсколько мужчинъ въ поддевахъ, запунахъ, а болѣе въ полшубвахъ, различныхъ лѣтъ, высокіе и низкіе, сидѣли на полу около стѣны, точно собирались пѣть «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ». Такое предположеніе, впрочемъ, въ настоящій моментъ было невѣрно, потому что они говорили почти всѣ разомъ, передавая глиняныя и деревянныя трубки сосѣдямъ. Подальше отъ двери лежало четверо крестьянъ во всемъ какъ есть, подложивши подъ головы свои узелки; въ переднемъ и противоположномъ ему углахъ лежало нѣсколько котомокъ. Тутъ же можно было замѣтить кирку, пилу, лотокъ. Изъ хозяйской комнаты слышались крики женщинъ.

— Ермолаю Евстигнѣеву! крикнуло нѣсколько голосовъ вошедшему крестьянину. Нѣсколько человекъ слегка приподняли шапки. Пелагея Прохоровна ушла въ хозяйскую половину.

— Ну, какъ дѣла?

— Нашель ли мѣсто?

— И не спрашивайте!... Народу нонича страсть. На Сѣнной насъ собравшись, почитай, было ста два. Дождемъ такъ и мочеть. Ну, стояли-стояли, топтались-топтались, — хоть бы кто!!

— Нѣтъ?!

— Провалиться!

— Надо по заводамъ походить.

— Да што на заводахъ-то дѣлать? На фабрикахъ другое дѣло.

— На суда бы.

— То-то, братцы; тамъ все стояли кон на суда... Вотъ въ маляры да въ каменщики спрашивали. А такихъ штобы на

суда—не было. Народъ галдитъ; чать поздно! Пошли къ рѣвамъ—въ полной препорціи! Судовъ страсть в народу страсть.

— Мы тоже по рѣвамъ-ту ходили — народу въ препорціи. Надо ридиться песокъ плавить, или хоша камень.

— Вре?!

— Семдесятъ пять надуть просить. Мы въ прошлое лѣто съ дадей Митриемъ ходили въ Питеръ, такъ у него деньги были, онъ и купилъ лодку—семьдесятъ-пять выложилъ да нанялъ четырехъ работниковъ: такъ онъ еще въ барышахъ остался и лодку имѣеть. Только померъ теперь.

— А лодка?

— Што лодка? я ходилъ къ тому мѣсту, гдѣ мы ее подъ караулъ оставили, караульщикъ и не даетъ: «дай—говорить—такую бумагу, што лодка тебѣ предоставлена, и плыви, говорить, съ ней по Невѣ». А у меня бумаги нѣтъ. Почеваль я тамъ, а утромъ ужъ лодки и нѣтъ. Ну, што ты подѣлаешь?

— Ничего не подѣлаешь. Извѣстно, простота не доводитъ до добра.

Помѣщеніе хозяйки — кухня и комната, какъ хотите называйте его, было уже мужскаго, которое отдѣлялось отъ него перегородкой до потолка и имѣло изразцовую съ печь, похожую на русскую. Все пространство, вровень съ печкою, было занавѣшено ситцевой драпой занавѣской, сѣвозъ которую виднѣлись кровати и комоды. Въ переднемъ углу стоялъ столъ со швафомъ; на столѣ красовался самоваръ, нечищенный болѣе мѣсяца; по обѣимъ сторонамъ стола стояли три стула съ рѣшетками. Надъ столомъ въ углу укрѣплено три образа въ фольговыхъ украшеніяхъ, которыя отъ времени и отъ копоти уже отлиняли. Стѣны оклеены голубыми обоими, которыя хотя и прокоптѣли, но еще цѣлы. На стѣнѣ, противоположной дверямъ, виситъ небольшое зеркальцо и двѣ картинки, изъ которыхъ одна изображаетъ дѣвочку, держащую въ рукахъ книгу, а другая нѣмца, отправляющагося на охоту съ ружьемъ и двумя собаками. Потолокъ здѣсь выштукатуренъ, полъ чистый.

Въ то время, какъ въ это помѣщеніе вошла Пелагея Прохоровна, шесть женщинъ въ коротенькихъ шугайчицахъ и полупубкахъ, въ сарафанахъ и въ платкахъ на головахъ, отъ 18 до 45 лѣтъ, сидѣли на своихъ узелкахъ въ рядъ на полу у стѣны, закусывая кто хлѣбомъ чернымъ, кто хлѣбомъ бѣлымъ съ соленнымъ огурцомъ или сеledкою. Тутъ же была и хозяйка, низенькая, толстенная женщина, съ распухшимъ краснымъ лицомъ, съ

широкимъ ртомъ, съ до того запылившимъ подбородкомъ, что съ перваго взгляда казалось, нѣтъ ли у нея тутъ грѣхи, съ толстымъ краснымъ носомъ, свидѣтельствующимъ, что она въ день употребляетъ не малое количество водки, съ маленькими карими глазами, то-и-дѣло перебѣгающими съ одной женщины на другую и успѣвающими заглянуть въ мужское помѣщеніе. Одѣта она была въ это послѣбобѣденное время въ старенькую черную терновую юбку, которую жильцы называли платьемъ, потому что она носила еще такую же черную кофточку съ широкими, немногѣ поменьше поповскихъ, рукавами. Въ ухахъ ея сережекъ не было; но на лѣвой рукѣ, на указательномъ пальцѣ, находилось постоянно кольцо польсваго серебра — знакъ ея вдовства.

Пелагея Прохоровна помолилась на образа и поклонилась хозяйкѣ и женщинамъ, которыя, при входѣ ея въ комнату, замолчали.

— Што тебѣ? спросила хозяйка, охрипшимъ голосомъ, наливая въ чашку кофе.

— Пусти на квартиру.

— Тѣсно! отвѣтила хозяйка и принялась пить кофе, не спуская глазъ съ Пелагеи Прохоровны.

Пелагея Прохоровна ступила шагъ впередъ и оглядѣла женщинъ. Женщины все незнакомыя: въ томъ вагонѣ, въ которомъ она ѣхала,—этихъ не было.

«И куда это народъ дѣлся? Сколько ѣхало бабъ однѣхъ, а здѣсь ни одной нѣтъ», подумала она, и обратилась снова къ хозяйкѣ:

— Скажи, пожалуйста, хозяйшка, Питеръ ли это?

Хозяйка засмѣялась, разлила кофе и завашлялась такъ, что признана была выйдти вонъ во дворъ; женщины захохотали; щеки Пелагеи Прохоровны покраснѣли.

Оглушенная дружнымъ хохотомъ всѣхъ женщинъ, Пелагея Прохоровна ничего не нашлась сказать. Она чувствовала, что ея щеки горять. «Нѣтъ, это не Питеръ»... подумала она, и взглянула на женщинъ: женщины шепчутся и хохочуть. «Экія гадкія!» подумала Пелагея Прохоровна, и пошла-было къ двери, но ее ухватила одна женщина за сарафанъ.

— Ты куда приѣхала-то? спросила она Пелагею Прохоровну, закрывая ротъ рукою, чтобы не хохотать. Нарѣчѣе у этой женщины было тверское.

— Знамо куда: въ Питеръ везли на чугунокѣ, связала сердито Пелагея Прохоровна.

— А за мѣсто Питера ты куда попала?

— Къ чертямъ! крикнула Пелагея Прохоровна.

Женщины снова дружно захохотали.

Пелагея Прохоровна вышла во дворъ и столкнулась съ хозяйкой.

— О, штокъ тебѣ!... Чуть чуть изъ-за тебя не подавилась! крикнула хозяйка на весь дворъ.

— Ты это куда пошла-то? крикнула она снова, увидавъ, что Пелагея Прохоровна идетъ съ узломъ къ воротамъ.

— Ужь я въ другое мѣсто.

— Въ другое? Да ты заплатила ли мнѣ за постой-то? И хозяйка подошла къ Пелагеѣ Прохоровнѣ.

— За какой?

— А вотъ за какой. И она толкнула Пелагею Прохоровну къ флигелю.

Въ это время изъ дому въ оба окна смотрѣлъ народъ — въ одно мужчины, въ другое женщины.

— Да ты што дерешься-то въ самъ-дѣлѣ? крикнула Пелагея Прохоровна и замахнулась, но хозяйка успѣла отвернуться.

— Хошь, я городского позову?

— Зови хошь чорта! Пелагея Прохоровна пошла.

— Послушай, бѣлоручка, куда ты пойдешь-то? сказала хозяйка ласково.

— Куда-нибудь... Только съ такой драчуньей и съ такими зубоскалками я ни за что не останусь.

— Ладно...

Пелагея Прохоровна вышла за ворота и задумалась: куда ей идти, на право или на лѣво.

Въ это время изъ кабака вышелъ молодой здоровый кабатчикъ съ длинными, гладко причесанными волосами, съ небольшими усами, закрученными къ верху, въ ситцевой бѣлой рубашкѣ, въ жилеткѣ, въ драповыхъ брюкахъ и въ бѣломъ холщевомъ фартукѣ.

— Дура ты, дура оголтѣлая! Ты должна спросить добрыхъ людей, гдѣ можно пристанище имѣть. Ты посмотри, все ли у тебя цѣло въ узлу-то! проговорилъ онъ скороговоркой, обращаясь къ Пелагеѣ Прохоровнѣ, и Пелагея Прохоровна подумала, что и въ Питерѣ есть добрые люди.

— Ну, что ты стоишь-то? Ты посмотри: все-ли цѣло въ узлу-то.

— Да я его все въ рукахъ держала.

— Должно быть, ты еще не знакома съ питерскими мазуриками?

На улицу изъ двора влетѣла хозяйка Артемьевна, и, остановившись около самаго крыльца передъ кабатчикомъ, плюнула ему въ лицо и съ яростію проговорила:

— Подлый ты человекъ! Мазурикъ! Кто воровскія вещи принимаетъ?

— Ты сперва уличи... У кого какъ не у тебя по ночамъ обыски дѣлають. Слушай, баба: иди наискосоу; тамъ ты будешь спокойнѣе, проговорить кабатчикъ, обращаясь къ Пелагеѣ Прохоровнѣ, и потомъ ушелъ въ кабакъ.

Артемовна рванулась—было въ кабакъ, но кабатчикъ толкнулъ ее съ крыльца, проговоривъ съ достоинствомъ, приличнымъ хозяину питейнаго заведенія.

— Куда? Ты сперва въ баню сходи, потомъ лѣзь ко мнѣ.

Ярость Артемовны была велика. Она нѣсколько минутъ топталась передъ крыльцомъ кабака, ворча какъ собака, немогущая изловить кошку, забравшуюся на крышу послѣ большой царапины, которою она угостила собаку.

Пелагея Прохоровна не стала дожидаться конца этой сцены. Она была рада, что избавилась отъ такой хозяйки, у которой и въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, случаются нехорошія вещи. Ее еще все удивляло: отчего это здѣсь и дома дрянные, и народу мало и народъ какой-то пехорошій, точь въ точь какъ въ какомъ-нибудь уѣздномъ городишкѣ. А ей дорогой говорили, что Питеръ отличный городъ, что въ немъ и грязи никогда нѣтъ и народъ вѣжливый... И все оказалось напротивъ. Даже и народъ, простой народъ говорить какъ-то иначе, непонятно. Тутъ и толку никакого не добьешься... Знала бы, не поѣхала бы такую даль! Ужъ если начинъ такой, то и жизнь здѣсь поди худая... хорошо, видно, тамъ, гдѣ насъ нѣтъ!...

Однако, ужъ дѣло сдѣлано, денегъ много истрачено на дорогу и въ дорогѣ, и теперь у Пелагеи Прохоровны денегъ только пятьдесятъ-семь копѣекъ.

Съ такими мыслями Пелагея Прохоровна подошла къ каменному двухъ-этажному дому въ пять оконъ съ подъездомъ въ серединѣ и съ двумя лавками въ подвалѣ, изъ коихъ въ одной продавался хлѣбъ, овощи и другіе съѣстные припасы, а въ другой — водка. Пелагея Прохоровна поглядѣла кругомъ — чуть не въ каждомъ домѣ красуются на дверяхъ вывѣски съ словами «распивочно и на выносъ».

«Вотъ гдѣ пьяное-то царство!» подумала Пелагея Прохоровна и вошла во дворъ.

Дворъ большой, грязный, вонючій; здѣсь пахло еще хуже двора кучихи Ѳекиной. Но за то здѣсь нѣсколько извожичихъ колодъ, опрокинутыхъ, изломанныхъ, на заднемъ планѣ построены давнымъ-давно какія-то клетушки съ запертыми на замки дверьми. На лѣво, противъ каменнаго дома, выходилъ де-

реванный флигель съ пятью окнами на улицу, двумя во дворъ и съ крыльцомъ.

Войдя въ темныя сѣни, Пелагея Прохоровна услышала говоръ нѣсколькихъ голосовъ мужскихъ и женскихъ. Постучалась налѣво—никто не открываетъ, но за звонокъ она не взялась: она еще не понимала этой мудрости.

— Тебѣ кого? спросила ее вышедшая изъ правыхъ дверей худошавая, высокая пожилая женщина.

— Да на постоянный.

— Разъ тутъ постоянный? Не слышь што-ли, въ которой сторонѣ мужичье оретъ? проговорила эта женщина сердито.

— Можно туда идти-то? спросила смиренно Пелагея Прохорова.

— На то и постоянный, чтобы народъ шелъ... Я сейчасъ приду.

Женщина позвонила, и когда ей отворили дверь налѣво, она вошла туда.

Большая комната съ двумя окнами противъ двери и съ неотлеенными стѣнами; двое широкихъ наръ по правую и по лѣвую сторону съ проходомъ между ними, имѣющимъ видъ площадки; въ углу большая круглая печь, обитая желѣзомъ сверху до низу; далѣе, дверь въ темную комнату съ русскою печью, вѣроятно кухню — вотъ постоялая изба, куда вошла Пелагея Прохоровна. На обоихъ нарахъ сидѣли въ разныхъ позахъ и лежали направо мужчины, налѣво женщины. Мужчинъ было человѣкъ двадцать, женщинъ до десятка; какъ тѣ, такъ и другіе говорили, и поэтому въ избѣ говоръ происходилъ неописанный, такъ что сразу нельзя было понять, въ чемъ дѣло или о чемъ люди толкуютъ. Но хотя здѣсь были наръ и на полу лежать не приводилось, за то табачный дымъ заставлялъ кашлять, и несмотря на то, что въ избѣ было два окна, въ ней отъ дыму было темно.

— Экъ ихъ какъ накурили, словно въ казармѣ! сказала Пелагея Прохоровна и закашлялась; потомъ, отмахивая правою рукою дымъ, подошла къ женщинамъ.

— А! сусѣдка! А я тебя искала, искала... Ну, полѣзай! проговорила радостно одна молодая женщина съ веснушками на лицѣ, въ розовомъ шугайчикѣ и ситцевомъ платкѣ на головѣ; она подвинулась.

— Куда?! И такъ тѣсно.

— Пусть на мужское отдѣленье идетъ, проговорили двѣ женщины.

— Со мной въ одномъ вагонѣ ѣхала.

— Мало што!..

— Бога вы не боитесь. Слѣзы!

Пелагея Прохоровна присѣла къ женщинѣ, но та уговорила ее залѣзть на средину нарѣ для того, чтобы *устроиться*—«потому-де, можетъ еще съ машинны народъ найдетъ» — и тогда, пожалуй, придется подѣ нарѣ лѣзть. Пелагея Прохоровна замѣтила, что шесть женщинъ сидятъ у самой стѣны на своихъ узелкахъ, увидала свободное мѣсто, полѣзла и тоже сѣла на свой узелокъ. Пришла хозяйка, Марья Ивановна, та самая высокая, худощавая женщина, которая встрѣтила ее въ сѣняхъ.

— А гдѣ тутъ новая? спросила она, прищурила глаза и стала разглядывать и считать женщинъ.

— Здѣсь! Пелагея Прохоровна встала.

— А! Ловко ли?

— Ничего. Я вонъ тутъ наискось была, такъ тамъ на полу...

— Нѣ-етъ?! провизнесла нѣсколько разъ женщина, удивляясь:— это ужъ такая женщина! Она бы и не имѣла жильцовъ, потому што же за сидѣнье или спанье на полу, да ейной любовникъ на машину ходитъ и оттуда народъ заманиваетъ... Ну, баба, надо съ тебя за квартиру три копѣчки. Здѣсь въ Питерѣ сами жильцы знаютъ, што деньги нужно вносить впередъ.

— Сколько же? спросила Пелагея Прохоровна.

— Да ужъ мы со всякаго беремъ по положенью три копѣчки. Ночуешь—ладно, не ночуешь—деньги не возвращаются, было бы тебѣ это извѣстно. Потому я женщина бѣдная, за квартиру-то двадцать рубликовъ плачу въ мѣсяцъ!

— Што ты? удивились женщины.

— Што дѣлать!

Пелагея Прохоровна отдала три копѣчки.

Хозяйка положила монету въ карманъ своего ситцеваго платья и посовѣтовала Пелагеѣ Прохоровнѣ имѣть на всякій случай поближе паспортъ.

— Потому, ночью можетъ полиція придеть, она часто по ночамъ шляется воровъ да бѣглыхъ разыскиваетъ. Прежде Богъ миловалъ, спокойно было на этотъ счетъ, да чортъ подсунулъ къ намъ въ сосѣди эту Артемьевну. Разъ у ней бѣглаго изъ тюрьмы нашли—ну, стали и къ намъ ходить съ тѣхъ поръ.

— Да вѣдь она почему знала, что онъ бѣглый?

— А отчего она паспорта не спросила?.. Теперь тоже у нихъ съ кабатчикомъ постоянно ругань; она своимъ мужикамъ говорить: не берите у нашего кабатчика водку, потому-де, нехорошая та водка, съ дурманомъ; ну, а мужика долго ли застращать,

они идутъ въ другой кабакъ, а онъ за это отгоняетъ отъ нея жильцовъ: она-де воровка, у нея постоянно по ночамъ обыски дѣлаютъ.

Пелагея Прохоровна стала ѣсть пеклеваннй хлѣбъ. Пожевавши немного, она выплюнула на ладонь, посмотрѣла, и конюхала хлѣбъ.

— Бабы! Какой это я хлѣбъ купила? проговорила она, съ удивленіемъ смотря на женщину и часто отплеиваясь.

— Ну-ко?!

Пелагея Прохоровна передала хлѣбъ одной женщинѣ. Хлѣбъ пошелъ гулять по нарѣ. Однѣ изъ женщинъ находили этотъ хлѣбъ хорошимъ, другія нигуда не годнымъ и спрашивали:

— Гдѣ купила?

— Какой-то булочникъ продалъ тамъ недалеко отъ машины. Онъ еще говорилъ:—господской, говорить, самый питерскій.

— Ну-ко?!

Опять пошелъ хлѣбъ гулять, и прогулялъ до того, что мало по малу отъ него остался маленькій кусочикъ.

— Какъ вамъ, бабы, не стыдно! сказала Пелагея Прохоровна, получивъ кусочикъ.

— Нехорошій хлѣбъ! Напрасно только деньги истратила.

— Нѣтъ, хлѣбъ ничего; кабы анису поменьше, еще бы лучше были! говорили женщины.

— Однако, бабы, не мѣшало бы похлевать чего нибудь.

— Я вотъ цѣльную недѣлю ничего горячаго въ ротъ не брала.

— Марья Ивановна, нѣтъ ли чего похлевать?

— Нѣту. Сама двое сутки ничего для себя не варила. Кофею питаясь.

— А гдѣ бы эдакъ похлевать?

— Не знаю... Ужъ вѣрно, до тѣхъ поръ не придется, какъ на мѣста поступите.

— Экое дѣло!.. А ты, Власовна, непременно сведи насъ туда, гдѣ принимаютъ на мѣста, сказала одна молодая, худенькая, низенькая женщина лежащей на животѣ, въ углу длинной женщинѣ, ноги которой уходили подъ столъ. Эта длинная женщина повернула отъ стѣны лицо молодое, но желтое, и проговорила:

— Охъ, не могу! Животъ такъ и колеть.

— Ты бы клубокъ подложила.

— Охъ, клала коробочку, — не дѣйствуетъ.

— И съ чего это заболѣлъ-то?!

— Должно быть, съ селедки: такая нехорошая попалась.

— Бабы хотѣ-бы капусту похлебать. Марья Ивановна, одолжи чашки и ложки. Мы заплатимъ.

Хозяйка заворчала, но все-таки сжалилась надъ бѣдными женщинами, дала имъ бутылку подъ квасъ, большую деревянную чашку и пять ложекъ деревянныхъ, сказавъ при этомъ: смотрите! не изломайте. По полученіи этихъ вещей, женщины учинили складчину и командировали одну изъ своей среды за капустой, квасомъ и солеными огурцами.

Надо замѣтить, что изъ числа этихъ одиннадцати женщинъ только одна бывала въ Петербургѣ, а именно та, которая всѣхъ длиннѣе и лежитъ на животѣ въ углу. Дарья Прохоровна своей фамиліи не знала и въ ея паспортѣ значилось: крестьянка Дарья Прохорова замужняя, а въ паспортѣ ея мужа значилось: крестьянинъ Кононъ Дорофѣевъ, женатый. Дарья Прохоровна жила въ Петербургѣ два года, но въ это время ей Петербургъ такъ опротивѣлъ, что она воротилась въ деревню. Въ деревнѣ она прожила года два и вышла замужъ за молодого крестьянина, у котораго былъ въ домѣ хромой отецъ и сестра вдова съ ребятами. Этотъ молодой крестьянинъ съ другими крестьянами на лѣто уходилъ на заработки въ Петербургъ. Такъ онъ и нынче ушелъ еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, а въ концѣ мая жена получала письмо, что ея мужъ въ больницѣ. Дарья Прохоровна испугалась, оставила своего шестимѣсячнаго ребенка и маленькихъ сестреночекъ на попеченіе золовки и поѣхала въ Питеръ. Мужа она нашла въ больницѣ; онъ только что началъ поправляться. Поэтому она рѣшилась не уѣзжать изъ Питера до тѣхъ поръ, пока не выздоровѣетъ мужъ. Но вотъ она вчера цѣлый день ходила по старымъ мѣстамъ, спрашивала лавочниковъ объ мѣстахъ, но утѣшительнаго мало; сегодня ходила на Никольскій рынокъ — тоже неудачно. Остальныя женщины, какъ и Пелагея Прохоровна, пріѣхали въ Петербургъ въ первый разъ вчера и сегодня. Двѣ пріѣхали съ мужьями (тоже въ первый разъ) изъ Тверской губерніи. Мужья хотятъ торговать чѣмъ нибудь, и съ ними три сестры, которымъ на родинѣ дѣлать нечего, такъ-какъ на кирпичномъ заводѣ, гдѣ онѣ раньше работали, теперь работы стало очень мало. Остальныя двѣ дѣвушки одна изъ Новгородской, а другая изъ Витебской губерніи; сестры этихъ дѣвушекъ живутъ тоже въ Петербургѣ, а онѣ раньше работали на фабрикахъ и жили въ городахъ. Двѣ женщины: одна изъ Калужской и другая изъ Костромской губерніи были солдатскія жены, но мужья ихъ писали имъ рѣдко откуда-то издалика и онѣ жили въ губернскихъ городахъ, а потомъ вздумали попытать счастья въ Петербургѣ.

Мужчины такъ накурили мохорлой, что у женщинъ начали раз-

баливаться головы и онѣ стали жаловаться другъ дружкѣ на головную боль, но ни одна не понимала причины. Наконецъ кашель сталъ душить всѣхъ женщинъ. У Пелагеи Прохоровны тоже разболѣлась голова и она закрыла платкомъ ротъ.

— Ты што закрываешься то? спросила ее сосѣдка.

— Смотри, што дыму-то отъ табачища... Отъ него знать-то и голова болитъ! Имъ што: они напьются воды и курятъ!

Женщинамъ этого было достаточно: онѣ поняли причину головной боли. Къ тому же рѣдкій изъ мужчинъ не былъ выпивши. Онѣ закричали на мужчинъ, но тѣхъ унять было трудно.

— Мы здѣсь сами себѣ господа, денежки за фатеру наравнѣ платимъ.

— Можно, я думаю, и на улицѣ курить.

— Не замай! И такъ дома-то женщ намъ всѣ уши прожужжали. Здѣсь-то намъ и повальготнѣе.

— Мы вамъ не мѣшаемъ, — сидите, курицы, на ящикахъ.

— Што съ ними, съ дураками говорить. И сказавши это, одна женщина отворила дверь. Дымъ немного вышелъ, но противъ такого самоуправства возстала Марья Ивановна.

— Кто вамъ приказалъ дверь отпирать? У меня тамъ благородные люди живутъ.

— Што намъ коштѣтъ тутъ? Отчего у тѣ окна не отпираются и одушья нѣтъ?

— Идите на улицу, теперъ лѣто.

— Ну и Питеръ! замѣтила съ сердцемъ Пелагея Прохоровна, не зная, что и какъ возразить хозяйкѣ.

Стали хлѣбать капусту съ квасомъ. Квасъ и капуста оказались нехорошими, огурцы гнилые; но на тошѣе желудки и это было слава Богу.

Мужчины то уходили, то приходили. Были тутъ и посѣтители, которые говорили, что въ Питерѣ житье годъ отъ году хуже, и рассказывали о своихъ дѣлахъ. Женщины, особенно Пелагея Прохоровна, вслушивались въ эти разговоры. Разговоры были до того не веселые, что не одна женщина призадумалась надъ тѣмъ: что-то съ ней будетъ! не худо ли она сдѣлала, что поѣхала въ Петербургъ, который ей тамъ въ глуши казался прекраснымъ мѣстомъ, въ которомъ, какъ она слышала, умирать не надо. И зачѣмъ эти самые крестьяне, жившіе въ Петербургѣ, испытывшіе жизнь петербургскую, обманывали ихъ?

— Не врутъ ли они? спросила Пелагея Прохоровна сосѣдку.

— Кто ихъ знаетъ! Только што-же имъ врать-то... А не погуляемъ ли по Питеру?

— Нѣтъ. Еще заблудишься.

Т. СЛХХХ. — Отд. I.

Послѣ скудной трапезы, женщины сидѣли немного. Онѣ легли и лежа слушали толки мужчинъ. Однако, сонъ бралъ свое и Пелагея Прохоровна уснула.

Когда она проснулась, было темно. Мужчины галдели, а двое пѣли:

Ахъ московская дорожка,
Шириню два аршина.
По ней бѣгаетъ машина —
Настоящій соловей!
Не какаетъ, не тресетъ —
Словно вихоремъ несетъ...

Но Пелагею Прохоровну не интересовала эта пѣсня, у нея болѣлъ животъ. Сосѣдки охаютъ. Долго вѣспилась Пелагея Прохоровна и тоже заохала.

— Што: животъ?! Это съ капусты да съ огурцовъ, проговорила сосѣдка.

— Што и ѣсть-то мы будемъ! съ рыбы животъ болить, съ капусты тоже! проговорила другая сосѣдка.

— Да будь онѣ провалить этотъ Питерь... Хоть бы водки выпить съ перцемъ! сказала Пелагея Прохоровна.

Она не могла уснуть до утра. Утромъ пошла она въ заведеніе — заперто.

Былъ какой-то праздникъ и водки нельзя было достать до окончанія обѣдни.

Пелагея Прохоровна захворала.

II.

О томъ, какъ и гдѣ въ Петербургѣ вѣдныя женщины нанимаются въ работу.

Мужчины и женщины рано разбрелись по Питеру изъ избы Марьи Ивановны. Женщины, въ томъ числѣ и оправившаяся Дарья Прохоровна, пошли на Никольскій рынокъ *продаваться*, какъ онѣ выразили Пелагею Прохоровну свое желаніе наняться въ работы. Съ собой онѣ захватили и узелки. Мужчины тоже, захвативши свои котомки, мѣшки и инструменты, у кого какіе были, пошли на Сѣнную *наниматься*. Изба опустѣла; въ ней не было ни одного узелка, и только соръ, хлѣбныя и огуречныя корни и табачный дымъ давали знать вновь вошедшему жильцу, еслбы такой появился, что здѣсь *Русью* пахнетъ. Пелагея Прохоровна осталась одна, потому что и хозяйка куда-то ушла, затворивъ двери въ сѣняхъ на замокъ. Невыносимо скучно сдѣлалось Пелагею Прохоровну; много она передумала въ отсутствіе

хозяйки, дивившеяся часа два. Она думала и о томъ, что-то съ нею дальше будетъ, и о томъ, что гдѣ она ни жила — вездѣ было плохо. Изъ видѣннаго ей во многихъ городахъ и даже здѣсь въ Петербургѣ она смутно понимала, что едва-ли есть гдѣ на землѣ такой уголокъ, гдѣ бы хорошо и весело жилось. Но отчего это? Кто въ этомъ виноватъ? Она было-подумала, что виноваты мужики тѣмъ, что пьянствуютъ и не берегутъ деньги, но въ жизни она видѣла совсѣмъ не то: она, трезвая женщина, начинала мало по малу приходить къ тому заключенію, что пьянство происходитъ не отъ баловства, а совсѣмъ отъ другой причины. Ея отецъ всегда пилъ по недѣлѣ послѣ того, какъ его наказывали розгами. Ея мужъ пилъ всегда послѣ ссоры съ начальствомъ. Въ вагонахъ мужики ѣхали трезвые — отчего же они въ столицѣ напились всѣ допьяна? И тутъ есть какая-нибудь причина. Какая причина? — Пелагея Прохорова доискиваться не стала, потому что мысли ея приняли другой оборотъ. Ея теперь не удивляла ни грязь, ни вонь петербургскихъ улицъ, ни Артемьевина, ни эта Марья Ивановна постоялая изба; ее удивляло то, какъ это бабы пошли на рынокъ продаваться? Правда, онѣ объяснили ей вскозь смыслъ этого слова, но зачѣмъ же именно продаваться, когда человѣкъ пришелъ въ Питеръ для того, чтобы нажить деньги? Нѣтъ ли въ этомъ словѣ нехорошаго чего-нибудь? Ахъ, какъ ей самой хотѣлось поскорѣй побывать на этомъ рынкѣ и узнать доподлинно суть дѣла. Да и неужели иначе нельзя найти работу?

Пелагея Прохорова присѣла. Животъ болитъ; въ избѣ душно. Солнце ярко освѣщаетъ дворъ.

«Тутъ совсѣмъ околѣешь! Нѣтъ, не утерплю я: пойду какъ-нибудь на этотъ рынокъ».

Вошла хозяйка.

— Ну што, бѣлоручка?

— Охъ, не могу!

— Вижу я, ты очень нѣжнаго воспитанія. Вонъ у бабъ тоже животы болѣли, да онѣ пошли продаваться.

— Пойду и я. Далекъ рынокъ-то этотъ?

— Ты бы еще до вечера пролежала: гляди, гдѣ сонце-то! А до рынка-то, пожалуй, часа полтора будетъ ходьбы... Што, у тебя, видно, много денегъ-то?

— Марья Ивановна... Напрасно ты обижаешь меня. Богъ съ тобой! Виновата ли я, что пища у васъ здѣсь нехорошая?

— Э-э! Ко всему надо привыкать. Подмети-ко лучше избу-то, чѣмъ такъ сидѣть.

И Марья Ивановна принесла изъ своей кухни метлу.

Пелагея Прохоровна начала мести, но хозяйка, посмотрѣвъ на нее, съ сердцемъ выхватила метлу и сказала:

— Я такъ и поняла, что ты бѣлоручка! А тоже хочеть въ людяхъ жить. Педи, ложись лучше на свое мѣсто.

Пелагея Прохоровна не стала возражать и легла. Хозяйка тщательно вымела полъ, сприннула его водой и опять вымела. Послѣ этой операціи она сходила за кипяткомъ, который принесла въ большомъ мѣдномъ, почти черномъ чайникѣ и усѣлась въ избѣ пить кофе, сѣвши за столъ на маленькую скамеечку, которую она притащила изъ кухни.

— Хочешь кофею? спросила она Пелагею Прохоровну.

— Поворно благодарю; я его отъ родясь не пивала.

— Ты вышей, легче будетъ.

— Нѣтъ, не хочу я этого пойла.

— А здѣсь ты должна привыкать ко всему. Если ты поступишь въ кухарки или прачки, тебѣ будутъ давать кофею. Куда хочешь дѣвай; таково ужъ здѣсь положенье.

Пелагея Прохоровна попросила Марью Ивановну разъяснить ей, что значить ходить на Никольскій рынокъ продаваться. Марья Ивановна, находясь въ хорошемъ настроеніи и имѣя свободное время, объяснила подробно этотъ вопросъ. Въ чемъ дѣло — читатели скоро узнають.

Солнышко манить на улицу; въ избѣ душно, несмотря даже и на то, что Марья Ивановна отперла дверь въ сѣни; безъ дѣла скучно. Вошла Пелагея Прохоровна во дворъ, присѣла на крылечко, солнце такъ и палить, какъ изъ печи; во дворѣ душно, тяжело дышется, въ горлѣ першить.

— Нѣтъ, у насъ не въ примѣръ лучше. У насъ если жарко — окно отворимъ, и ничѣмъ не пахнетъ. А если на улицѣ жарко, скоронимся куда-нибудь въ сторону; здѣсь и скорониться некуда и пахнетъ нехорошо, и въ горлѣ першить! думала Пелагея Прохоровна и ушла въ избу.

Марья Ивановна, моя чашку, напѣвала духовныя пѣснн. Послѣ этого, она не торопясь одѣлась въ своей кухнѣ.

— Ты никуда не пойдешь? спросила она Пелагею Прохоровну.

— Куда я пойду? Кабы я въ силахъ!

— Ну, такъ запишись на крючекъ, а я пойду на желѣзную дорогу.

— Зачѣмъ?

— Надо мужиковъ зазвать.

— И ты каждый день такъ ходишь?

— Какъ же! Подъ лежачій камень вода не побѣжитъ, говорить пословица.

И Марья Ивановна вышла.

«Какая она добрая и старательная. Вотъ бы мнѣ до такой жизни дожить».

Но Пелагея Прохорова не понимала того, какъ нелегко Марья Ивановна доставаетъ мѣдныя гривны. Она не знала того, что если Марья Ивановна не пойдетъ сегодня на желѣзную дорогу, да не будетъ тамъ, по приѣздѣ поѣзда, заманивать честнымъ и нечестнымъ образомъ приѣзжающихъ крестьянъ, то съ желѣзной дороги къ ней придетъ развѣ или уже остававливавшійся у нее, или заблудившійся, случайно забредшій сюда горемыка; а на этихъ людей, что ночевали сегодня, надежда плохая, потому что половина изъ нихъ, можетъ быть, поступитъ на мѣста, а другая половина разбредется по другимъ постояннымъ дворамъ, которые ближе къ сѣнной площади.

Пришла Марья Ивановна, и привела съ собой пятнадцать мужчинъ и шесть женщинъ. Мужчины и женщины галдили; во на лицѣ Марьи Ивановны выражалось неудовольствіе. И немудрено: сегодня ей меньше вчерашняго пришлось набрать народа.

— Никто не бывалъ? спросила она сердито Пелагею Прохоровну.

— Нѣтъ.

— Вотъ што: ты бы шла въ другое мѣсто, сказала она шепотомъ на ухо Пелагеѣ Прохоровнѣ.

— Зачѣмъ?

— Кто тѣ знаетъ, какая у тебя болѣзнь? Можетъ, холера.

Пелагея Прохорова поблѣднѣла. Хозяйка ушла. Женщины стали знакомиться съ Пелагеей Прохоровной. Изъ нихъ двѣ бывали въ Петербургѣ и утѣшили Пелагею Прохоровну тѣмъ, что, можетъ, къ завтраму болѣзнь и пройдетъ. Онѣ думали такъ потому, что въ Петербургѣ съ непривычки почти у всѣхъ бабъ бываетъ эта болѣзнь въ первый день по приѣздѣ, если только онѣ напьются питерской воды или поѣдятъ чего-нибудь соленого.

Въ избѣ происходило то же самое, что и вчера: мужчины и женщины сидѣли отдѣльно; мужчины курили, выходили, приходили на веселѣ, женщины отъ скуки часто ѣли или черныи хлѣбъ или булки; у одной даже оказался рванчикъ. Къ вечеру всѣ женщины переговорили между собой много, успѣли раза два поссориться; мужчины успѣли къ вечеру выпить кто по косуши, кто по двѣ косуши и накурили какъ вчера. Къ одиннадцати часамъ уснули всѣ, кромѣ Пелагеи Прохоровны, которая,

лежа въ углу, вертѣлась съ боку на бокъ, что ужасно безнокомло добрую Марью Ивановну.

— Ты не спишь? спросила она тихонько Пелагею Прохоровну, подойдя къ ней.

— Нѣтъ.

Хозяйка вышла изъ избы и немного погоды привела городевого.

— Ну, штожь я сдѣлаю? ворчалъ севозъ зубы городской.

— Отправь ее въ больницу.

— Не могу. Вѣдь у нея нѣтъ адреснаго билета?

— Одинъ паспортъ.

— Ну, значитъ, безъ адреснаго и днемъ въ больницу не примуть.

— Што же дѣлать? А если у нея холера?

— Если будетъ худо, завтра объяви въ кварталѣ. Тогда посмотримъ.

— Боже ты мой! Вотъ наказанье-то!

Городовой вышелъ. Хозяйка ушла въ свою кухню, сѣла на кровать и задумалась.

— Слышите ребята — холера! проговорилъ одинъ крестьянинъ.

— Што ти врешь! сказалъ другой, проснувшійся отъ слова холера.

— Ей-богу! Сейчасъ полиція приходила и объявила хозяйкѣ, што если помрутъ мужики — объявить.

— Господь съ нами! Да гдѣ жъ эта холера! говорили проснувшіеся крестьяне.

— Што вы его, дурака, слушаете. Онъ нализался вчера и бредить.

— Своими ушами слышалъ — провалиться!

— То-то, вчера едва на ногахъ держался! Спалъ бы лучше, а не мутилъ народъ.

Женщины тоже проснулись, слышали весь этотъ разговоръ и трусили не на шутку, но больше всѣхъ трусили Пелагею Прохоровну и хозяйка: первая трусила не потому, чтобы боялась холеры или смерти—нѣтъ: она боялась, чтобы женщины не подумали, что холера съ ней и тогда ей не попасть завтра на никольскій рынокъ, что ее, пожалуй, въ самомъ дѣлѣ свезутъ въ полицію, тогда какъ съ ней просто слабость, маленькая головная боль и бессонница, а животъ пересталъ болѣть съ тѣхъ поръ, какъ она выпила осъмушку перцовки вечеромъ; хозяйка, по простотѣ своей, думала, что съ Мокроносовой дѣйствительно холера. А умри-ко у нее кто-нибудь, хлопотъ и возни не оберешься.

Женщины не могли уснуть до утра. Онѣ рассказывали разные

ужасы изъ деревенской, сельской и городской жизни; говорили о покойникахъ, о колдунахъ, о томъ, какъ вѣдьми новорожденныхъ ребятъ въ трубу вытаскиваютъ и пр.

Утромъ Пелагея Прохоровна ходила по избѣ бодро. Хозяйка подошла къ ней и спросила шепотомъ:

— Прошло?

— Слава-Богу. Перцовка, знать-то, помогла.

Немного погода послѣ этого, женщины, въ томъ числѣ и Пелагея Прохоровна, вышли на набережную Лиговскаго канала со своими узелками. За ними вышли и мужчины. Мужчины и женщины столпились въ кучки.

— Куда идти-то? спросилъ одинъ мужчина товарищей.

— Пойдемте по Глазовской. Я тамъ робилъ... Оттуда Сѣна-ля-то блинко, проговорилъ мужчина въ толпѣ.

— Пойдемте прямой дорогой по Невскому, да по Садовой, сказала одна женщина другимъ женщинамъ.

— Веди! только штобы къ мѣсту...

Бывалая женщина тронулась, за ней пошли остальные, въ томъ числѣ и Пелагея Прохоровна.

Когда онѣ вышли на уголь Невскаго и Лиговскаго канала, Степанида Антиповна (такъ звали бывалую женщину) взглянула на часы на башнѣ, устроенной надъ зданіемъ московской желѣзной дороги. Стрѣлка показывала половину шестаго часа.

— Какъ разъ впору: половина шестаго. Покуда идемъ, да што... проговорила Степанида Антиповна.

Женщины тоже поглядѣли на башню и подивились надъ тѣмъ, какъ это часы высоко придѣланы, да еще такъ, что ихъ издалека видно!

Солнце уже высоко стояло и грѣло слегка. Легкій вѣтерокъ съ моря освѣжалъ воздухъ. Теперь дышалось легче оттого, что пылъ къ этому времени осѣла на строения и мостовня.

Въ это раннее время, дѣятельности и движенія въ Петербургѣ мало. На Невскомъ пусто; изрѣдка развѣ проѣдетъ карета или извозчикъ съ загулявшимися кутилой. Извозчики, сидя въ пролеткахъ, дремлютъ и поднимаютъ головы тогда, когда мимо нихъ проѣдетъ извозчикъ или съ сѣдокомъ или безъ сѣдока. Мало стоитъ на перекресткахъ городскихъ. Заперты магазины, но уже отворены мелочныя лавки и питейныя заведенія, въ которыя заходятъ и изъ которыхъ уже выходятъ: изъ первыхъ женщины-кухарки, женщины-прачки, швеи; изъ вторыхъ—мастеровны, подмастерья, рабочіе. Дворники въ розовыхъ вязаныхъ фуфайкахъ, или просто въ ситцевой рубашкѣ и черной килеткѣ, въ фуражкѣ и съ фартукомъ метутъ мостовня, панели.

То и дѣло со всѣхъ сторонъ стелается на Невскій разнѣе рабочіе. Въ одномъ мѣстѣ уже выбрасываютъ изъ ямы черную волючюю землю, размокшую какъ грязь. Въ другомъ мѣстѣ, по лѣвую сторону Невскаго, десять человѣкъ рабочихъ бросили на недоконченную мостовую два лома, мѣшечки съ хлѣбомъ, молотки и стали снимать кто рваные полшубки, кто поддѣвки. Въ это время дремятъ на мостахъ торгаша булокъ, неченихъ яицъ, кренделей, яблоковъ и разныхъ разностей, которые почти круглый годъ живутъ около своихъ лавочекъ; въ это время не гремятъ мостовыя, не вричатъ мальчишя со спичками, торгаша яблоковъ, рыбы и т. п.; только откуда-то слышится свистъ, какъ отъ локомотива или какъ изъ фабричной трубы.

Женщины шли и удивлялись. Ихъ все удивляло: громадныя дома, построенныя вплотную, и множество вывѣсокъ на нихъ, и то, что въ каждомъ домѣ, исключая немногихъ, весь нижній этажъ занятъ лавками, и зеркальныя стекла въ окнахъ, и большое число рабочихъ, то и дѣло выходящихъ изъ улицъ, или идущихъ по Невскому куда-то все впередъ, и рельсы посреди улицы. И говорили они между собой: «Нѣтъ у насъ лучше Питера города; и сколько, должно быть, въ немъ господъ живетъ! и неужели купцы могутъ торговать выгодно, если въ каждомъ домѣ нѣсколько лавокъ; и хорошо бы пожить въ верхнемъ этажѣ: все бы тогда увидѣлъ и все бы сидѣлъ у окна и глядѣлъ на улицу». И чѣмъ дальше онѣ шли, тѣмъ больше имъ нравился Петербургъ; онѣ не чувствовали усталости и каждой казалась теперь противными родныя мѣста, деревни, села, города, каждой хотѣлось жить въ Петербургѣ.

— Тышу рублей давай теперь мнѣ, не пойду отселева... Эхъ, кабы Власъ Васильчъ надоумился пріѣхать сюда. Озолотѣлъ бы онъ. А дядя-дурачекъ зажилъ бы приѣваячи: ему бы только глазами взглянуть на Питерь, онъ бы выдумалъ штуку... Да будь у меня деньги, я ей-богу завела бы постоялый дворъ... А што эти мужики говорили, што здѣсь худо — враки! Дѣла здѣсь, должно быть, много. Вѣдь вонъ сколько насъ на машинахъ пріѣхало и всѣ разошлись. Съ постоялой избой сколько ушло и не воротились. И говорятъ, каждый день столько народу пріѣзжаетъ... Да, хорошо, должно быть, здѣсь. Но кто же живетъ въ этихъ домахъ? Неужели все господа? Такъ думала Пелагея Прохоровна, и спросила объ этомъ Степаниду Антиповну.

— Все господа и купцы... Живутъ больше такъ: у каждаго своя комната. Вотъ въ этомъ дому, я думаю, человѣкъ тысяча живетъ.

Женщины удивились.

— Народу здѣсь страсть! Говорятъ, тысячи-тысячь. Полиція каждый день ведетъ счетъ, никакъ не можетъ сосчитать.

Женщины еще больше удивлялись.

Такъ они дошли до Сѣнной.

На Сѣнной торговля уже отпирала лавки, мужчины и женщины, большею частію, пожилыхъ лѣтъ, катили сюда изъ разныхъ улицъ тележки съ разными разностями и останавливались каждый на своемъ мѣстѣ. Мало-по-малу, Сѣнная площадь наполнялась торговыми людьми, женщины стали предлагать нанимъ женщинамъ яблоковъ, нитокъ, катушекъ, тесемокъ, стали появляться женщины въ салопчикахъ и черныхъ суконныхъ пальто съ рогоженными кулками въ видѣ сумочекъ. Но не это торговое движеніе, только что начинающееся, привлекло все вниманіе нашихъ женщинъ, а то, что въ углу между церковью и Полтавскимъ переулокъ толпилось до двухсотъ крестьянъ; около нихъ стояло нѣсколько женщинъ.

— Подойдемъ-те къ мужчинамъ: нѣтъ ли нашихъ, сказала Степанида Антиповна и повернула къ толпѣ.

«Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ли тутъ дяди, али Васьки Короваева. Можетъ, они съ желѣзной-то и пошли сюда. Вотъ бы обрадовалась-то!» подумала Пелагея Прохоровна.

— Это и есть Никольскій? спросила она Степаниду Антиповну.

— Еще не дошли. Это Сѣнная прозывается, проговорила Степанида Антиповна.

Мужчины галдели. Женщины подошли къ нимъ, стали заглядывать; ни одного нѣтъ знакомаго; даже и тѣхъ нѣтъ, которые ночевали въ одной съ ними избѣ.

— Еще хвастались, а вотъ мы скорѣе ихъ дошли, сказала Степанида Антиповна.

— Што жъ они тутъ стоятъ? спросила Пелагея Прохоровна.

— А занимаются. Этотъ рынокъ мужской.

Пелагея Прохоровна придвинулась ближе къ мужчинамъ. Въ срединѣ ихъ стоялъ высокій, здоровый мужчина въ фуражкѣ и темно-синемъ суконномъ кафтанѣ. Онъ говорилъ:

— Такъ ежели тридцать коп...

— Несподручно, загалдели народъ.

— Харчи чьи? спросилъ молодой мужчина.

— Харчи ваши. Такъ пожалуй тридцать пять.

— Нѣтъ... Такъ негодится, говорилъ народъ и отошелъ отъ него, потомъ разсыпался по уму площади.

Стали собираться въ кучки, въ которыхъ говорили:

— Какая онъ говорить работа?

— Полнъ передѣлывать, стѣны штукатурить.

— Далеко отселева?

— Сколько человѣкъ-то?

— Надн спросить.

Кучки опять разсыпались, подошли къ подрядчику, окружили его.

— Сколько требуется народу?

— Пятьдесятъ человѣкъ, потому кто ежели портить только, тово вонъ. Ну, такъ какъ?

— Ну, а какъ идти?

— Какъ хотите, можно и на машинѣ. Отсюда въ Царское всего четвертакъ стоять.

— Пойдемъ-те бабы, кабы не опоздать, сказала вдругъ Степанида Антиповна и пошла.

Женщины тронулись. Прошли Сѣнную, перенли Вознесенскій проспектъ. Впереди и сзади нашихъ женщинъ шли тоже женщины по пяти, по двѣ и даже въ одиночку.

Сердце забилось сильнѣе у Пелагеи Прохоровны. «Продаваться!» подумала она. — «Что-то будетъ, что-то будетъ».

Вотъ и площадь. По лѣвую сторону каменные лавки — зданіе, похожее на гостинный дворъ съ подваломъ, въ которомъ тоже устроены лавки, которыя тоже отворяютъ торгашаи, а нѣкоторые уже вывѣшиваютъ на двери веревки, бичевки, шлеи, дуги съ колокольцами и безъ колокольцевъ. Впереди отъ Старо-Никольскаго моста стоитъ нѣсколько женщинъ съ узелками.

Поровнявшись съ соборомъ, женщины усердно помолились на него и потомъ подошли къ женщинамъ, оглядѣли ихъ, поклонились имъ; тѣ тоже оглядѣли вновь пришедшихъ и слегка кивнули головами.

Пришедшія остановились.

— Вы подалше отъ насъ! сказала одна молодая женщина изъ прежде-пришедшихъ и тронула за руку Степаниду Антиповну, желая ее отвести.

— Это почему? спросила сердито Степанида Антиповна тронувшую ее женщину.

— Потому, ты намъ не компанья.

— Я тебѣ покажу компанью... Вотъ и видно, что изъ *новенькихъ*.

— Какъ бы не такъ! Вотъ тебя такъ и по облику видно, што ты Калужская луговница.

— Ахъ ты, подлая! Можетъ, ты Калужская-то, а я вовсе не Калужская, а Питерская.

— Оно и замѣтно.

— Двиньтесь, бабы, плотнѣе, крикнула храбро Степанида Антиповна своимъ одиночлежницамъ и толкнула назойливую бабу.

Баба разсвирѣпѣла, обозвала Степаниду Антиповну воровкой. Женщины заголосили и едва не вступили въ рукопашную, но къ нимъ подошелъ городской, стоявшій доселѣ, какъ статуя. Онъ подошелъ медленно, какъ будто каждый его шагъ стоитъ большіе деньги, остановился противъ женщинъ и тупо-флегматически сталъ смотрѣть на нихъ.

Степанида Антиповна и ея противница двинулись къ городскому, за ними двинулись и женщины.

— Она меня обозвала! закричала Степанида Антиповна.

— Она воровка... Въ узу у нее воровскія вещи.

— Ее надо за это...

— Кто ты есть такая, позволь тебя спросить! Ты не разъ въ части сиживала.

— Ну-ну!! Молчать! проговорилъ начальническимъ тономъ городской.

Женщины заголосили, но городской началъ легонько толкать женщинъ, говоря:

— Што на дорогу стали! Становитесь въ уголъ! Пошли, пошли!! Я васъ!

Женщины понялись. Городской пошелъ дальше и сталъ распекалъ женщинъ, продающихъ хлѣбъ, за то, что онѣ выдвинули столы очень близко къ дорогѣ.

Женщинъ прибывало больше и больше. Онѣ приходили или кучами, или въ одиночку, большею частію съ Сѣвной площади. Приходили сюда и отъ церкви Покрова и отъ Фонтанки по Крюкову каналу, но это были женщины, отошедшія отъ мѣстъ въ Петербургѣ; онѣ приходили даже безъ узелковъ, — значить у нихъ были знакомые, у которыхъ онѣ оставили свои вещи. Всѣ вновь пришедшія протискивались въ кучу или становились отдѣльно, недалеко отъ столиковъ, или пристраивались къ чугунной рѣшеткѣ въ уголъ при впаденіи Екатерининскаго канала въ Крюковъ каналъ.

Нѣкоторыя изъ нихъ нашли знакомыхъ.

— И ты адѣсь? спросила женщина Целагею Прохоровну, держа за рукавъ.

Та обернулась, посмотрѣла на женщину: гдѣ-то видѣла, а не припомнить.

— Не узнала? А узнала ли ты Питеръ? спросила снова женщина, улыбаясь.

— Ты у той, что съ кабатчикомъ ругается? спросила Целагея Прохоровна женщину.

— Будь она!.. Штобъ ей... Жаль, што она не подавилась кофеемъ.

— Што такъ?

— Да такъ! Всю ночь спать не дали. Сперва къ ней любовникъ пришелъ, бить ее началъ, насъ сталъ гнать. Просто бѣда! Спасибо, мужики защитили: связали ее любовника. Потомъ полиція. «Подавайте паспорта!» Ну, подали; записалъ всѣхъ и паспортъ возвратилъ... Всю ночь не спали.

— А вчера гдѣ спали?

— Тутъ на Сѣнной.... Тоже не приведи Царьца Небесная. Если все говорить, што тамъ дѣлается, волосы дыбомъ встанутъ.

И женщина отошла къ другой, знакомой ей женщинѣ.

Пелагея Прохоровна подошла къ Крюкову каналу и стала смотрѣть на медленно подвигающіеся съ Фонтанки барки съ кирпичомъ, углемъ и дровами. Интереснаго въ этомъ для нея было немного, и она присѣла на панель, устроенную около рѣшетки.

Къ ней подошла одна изъ женщинъ, ночевавшихъ съ нею первую ночь.

— Здравствуй. А мы думали, ты ужъ померла.

— А што?

— Да вотъ на томъ постояломъ, гдѣ мы сегодня ночевали, двоихъ мужиковъ въ больницу взяли, потому, говорятъ, съ ними холера. И холера эта, говорятъ, отъ огурцовъ да отъ водки приключилась съ ними.

— Господи помилуй!

— Меня тоже хозяйка хотѣла отправить въ больницу и полицейскаго призывала.

— Неужели?

Въ это время Пелагею Прохоровну и ее знакомую окружило нѣсколько женщинъ, которыя тоже удивлялись и были напуганы холерой на постоялыхъ дворахъ.

— Какъ же ты отдѣлалась-то?

— Да такъ! Вчера весь день пролежала...

— Ну, значитъ, холера!

— Да у тѣ поди и таперь холера.

— Отойдете, бабы! проговорили женщины, но прочь не шли, потому что ихъ интересовало то, какъ холерная женщина отдѣлалась отъ полиціи.

— Погляжу я на васъ, такъ у васъ ума-то и на столько нѣту (Пелагея Прохоровна показала на половнику ногтя на мизинцѣ). Еслибы я была нездоровая, могла ли бы придти сюда? Могла ли бѣ я бить въ полномъ расудѣ? Ну, подумали ли вы о томъ, што связали, пусты вы головы!

— Кто тѣ знаетъ. Если бы ты не сидѣла, еще можно повѣрить... проговорила бойко и неизвѣстно почему улыбаясь женщина, безъ узла, и съ красными пятнами на лицѣ.

— Если тебѣ хочется на мое мѣсто сѣсть — изволь! почти крикнула Пелагея Прохоровна взволнованнымъ голосомъ, встала, отошла къ Екатерининскому каналу, уперлась на перила и задумалась.

Женщины въ недоумѣніи поглядѣли другъ на друга нѣсколько секундъ.

— Вострая! сказала одна изъ нихъ.

— Изъ самой Сибири, говоритъ, пріѣхала.

— Не бѣглая ли какая?

— Я паспортъ видѣла.

— Паспортъ и украсть можно.

Женщины поговорили о Пелагеѣ Прохоровѣй минутъ десять, говорили громко, стараясь вызвать на ссору Пелагею Прохоровну; но видя, что она не обращаетъ на нихъ вниманія, разошлись отъ Крюкова канала.

У Николи зазвонили къ обѣднѣ. Въ это время Большая садовая улица уже уже не походила на ту, какою она была утромъ. Впередъ и обратно по ней то и дѣло ѣхали извозчики съ сѣдоками; то и дѣло ломовыя лошади везли или мѣшки съ мукой, кули съ куделей, хлопчатой бумагой, желѣзо, плоховую мебель, за которою или шла старушка въ худенькомъ салопчикѣ и капорѣ на головѣ, или молодая женщина въ черномъ суконномъ пальто съ костяными четырехугольными и шестиугольными пуговицами; ѣхали порожнія кареты, порожнія пролетки съ важно сидящими въ нихъ извозчиками, предлагающими отъ скуки прокатить пѣшеходоѣвъ, преимущественно людей бѣдно одѣтыхъ, которыхъ теперь шло впередъ и обратно очень много. Всѣ эти пѣшеходы что нибудь несли въ рукахъ и шли скоро. Вотъ пріѣхала городская карета, запряженная четверкой лошадей, едва передвигающихъ ноги; на передкѣ стоитъ кондукторъ съ свѣтлыми пуговицами, въ фуражкѣ съ какимъ-то значкомъ и съ кожанымъ кошелькомъ на боку. Карета остановилась противъ Николи и изъ нее вышли человекъ девять мужчинъ и женщинъ, изъ коихъ половина, по одеждѣ, принадлежали къ *порядочному* сословію, а другая половина къ *молодающему* классу. Вотъ зазвенѣлъ гдѣ-то крѣпко колокольчикъ, и немного погодя показался вагонъ, который тащили по рельсамъ двѣ лошади. На немъ и въ немъ сидѣли люди: вверху мужички, прикащики; внутри — господа, купцы и дамы. На передкѣ и на задкѣ этой кареты стояло по кондуктору въ форменной одеждѣ. Ло-

шади остановились, немного недойдя до дилижанса. Въ лавкахъ не было тоже пусто: тамъ покупали кто дугу, кто деготь, кто овса и т. п. Всѣ столы были заняты торговцами и торгошами, но женщины здѣсь превосходили своимъ количествомъ мужчинъ. На столахъ стояли огромные чайники съ какимъ-то кисломолочнымъ теплымъ пойломъ, называемымъ медомъ, и стеклянные кувшины съ квасомъ изъ клюквы; лежали печенки, рубцы, яйца, тешка, черный и бѣлый хлѣбъ. По улицѣ мимо лавокъ шли торгоша съ яблоками, апельсинами и лимонами, съ сахарнымъ мороженымъ, ребята со спичками. Всѣ эти люди громко, почти во все горло кричали и предлагали встрѣчнымъ купить ихъ товаръ.

Женщинъ теперь было въ углу между Крюковимъ и Екатерининскимъ каналомъ до двухъ-сотъ. Онѣ разсыпались по этому углу такъ, что городской то и дѣло просилъ ихъ попятиться съ дороги. Тутъ были и чухонки, лепечущія на своемъ языкѣ и стоящія отъ русскихъ особнякомъ, и нѣмки въ худенькихъ салопчикахъ и чепчикахъ на головахъ, и еврейки; тутъ была даже дѣвочка годовъ шести, босая съ незакрытою ничѣмъ головою, и съ небольшою плешью на темени, стоящая около пожилой женщины.

Однѣ изъ женщинъ галдятъ, ссорятся отъ скуки, стараются своимъ крикомъ осилить другихъ и высказать свою толковость; другія молчатъ. На всѣхъ лицахъ выражается какое-то нетерпѣнiе и страхъ; многія смотрятъ на образъ Николая чудотворца, на церковь и вздыхаютъ. Вонъ одна молодая женщина, прислонившись къ периламъ, плачетъ. Она старается не плакать, но не можетъ удержать слезъ. Вонъ пожилая женщина съ отчаянiемъ въ лицѣ, смотритъ въ каналъ, глаза ея точно приковались къ одному мѣсту. Вонъ дѣвушка годовъ семнадцати, сидя на мостовой, уперла голову обѣими руками. Другія стоятъ тоже съ невеселыми лицами, часто вздыхаютъ и смотрятъ большею частiю на одно мѣсто, какъ бы что-то обдумывая. Ихъ не интересуютъ разговоры, брань и ссоры другихъ женщинъ, еще повидимому не испытавшихъ петербургской жизни; онѣ сосредоточилось сами въ себѣ, точно ихъ горе очень велико и впереди не видится ничего хорошаго.

Пелагея Прохорова замѣтила все это и сердце ея билось не очень-то радостно. Ей хотѣлось заговорить съ молчаливыми и убитыми горемъ женщинами, но она по себѣ знала, какъ тяжело человѣку дѣлается въ то время, когда его спрашиваютъ. Но у женщинъ любопытство и сочувствiе къ женщинамъ велико; ее такъ и порывало подойти къ дѣвушкѣ, сидѣвшей на мостовой.

— Што это какъ долго никого нѣту? проговорила она, не рѣшаясь сѣсть или вѣтъ.

Дѣвушка поглядѣла на Пелагею Прохоровну, но ничего не сказала.

— Ты бы лучше къ рѣчкѣ стала — вѣтеркомъ бы продуло.

— Ничего.

— Ты здѣшняя?

— А ты?

— Я изъ далека (и Пелагея Прохоровна рассказала, откуда она и присѣла къ дѣвущкѣ).

— Ты, стало быть, еще не знаешь петербургской жизни?

— Гдѣ мнѣ знать? Што будетъ, то и будь. Вѣдь ужъ не будетъ же хуже того, што было!

— А было и худое развѣ?

— Што и говорить. Я ужъ рѣшилась молчать, потому што было, то прошло. А я по облику твоему замѣчаю и по рѣчи, што ты не изъ мужичекъ... Правду я говорю?

Дѣвушка закрыла руками лицо.

Вдругъ всѣ женщины подвинулись къ дорогѣ; сидѣвшіе вскочили и побѣжали къ толпѣ; стоявшіе у каналовъ тоже побѣжали съ яростію толкая другъ друга. Пелагея Прохоровна и дѣвушка встали и пошли.

Въ серединѣ женщины стояла пожилая, толстая барыня въ бѣлой шляпкѣ и въ драповомъ пальто.

— А умѣешь ли ты кушанья готовить? спрашивала барыня одну женщину въ то время, какъ Пелагея Прохоровна и дѣвушка подошли къ толпѣ.

— Какъ же... я у хорошихъ господъ жила.

— Вреть она! Она только что изъ деревни прибѣжавши. Вы меня возьмите, я только сегодня отъ мѣста отошла, проговорила другая женщина.

— Вреть! вреть!

— Она табакъ нюхаетъ, кричали со всѣхъ сторонъ женщины.

Барыня была въ затрудненіи: женщинъ много, всѣмъ хочется въ кухарки, а какую изъ нихъ взять? Пожалуй, возьмешь такую, которая ничего и дѣлать не умѣетъ, пожалуй попадетъ воровка.

Пелагея Прохоровна протискалась, употребляя въ дѣло локти, такъ что женщины отскакивали и въ свою очередь колотили ее въ спину.

— Возьмите меня. Я сама своимъ хозяйствомъ жила, нахлѣбниковъ держала, проговорила она, остановившись передъ барыней.

Барыня улыбнулась. Вѣроятно, ей не вѣрилось, чтобы *деревенская* баба могла гдѣ-то держать нахлѣбниковъ.

— Будто? спросила барыня.

— Ея-Богу.

— Не вѣрьте ей, она полоумная, кричали женщины.

Пелагея Прохоровна обернулась, и отъ злости, не помня что дѣлаетъ, плюнула въ ту сторону, гдѣ говорили про нее.

— Ну, какъ же ты не полоумная! кричали со всѣхъ сторонъ.

— Нѣтъ, я тебя не возьму, ты очень молода.

Пелагея Прохоровна отошла, думая: хорошо што предупредатъ. И она стала искать глазами ту пожилую женщину, что съ отчаяніемъ смотрѣла въ каналъ. Но эта женщина уже стояла передъ барыней и плакала.

— Ты водку пьешь? спросила ее барыня.

Пожилая женщина обернулась къ церкви, перекрестилась и сказала:

— Хоть разъ замѣтите, такъ вотъ Николай угодникъ свидѣтель.

— Она горькая пьяница, сказала какая-то женщина.

— Какъ вамъ не стыдно! Мало, видно, вы горя испытали! крикнула Пелагея Прохоровна.

— А ты што пристаешь?

— Это она съ того все еще, што ее, по нашей милости, не взяли, кричали женщины.

Барыня въ это время разглядывала паспортъ и адресный билетъ пожилой женщины.

— Ты въ больницѣ была?

— Да... Только вышла я изъ больницы и пошла къ дочкѣ, пятнадцатый ей годокъ шелъ, она тамъ на Литейной золотомъ шла у французенки. Прихожу, говорятъ, померши полторы недѣли.

— Ну, такъ согласна ты на мои условія: жалованья два съ полтиной, фунтъ кофею, то-есть полфунта кофею и полфунта цикорею и фунтъ сахару?

— А жильцы есть?

— Да, есть. Имъ нужно и сапоги и платье вычистить, и въ лавочку сходить...

— Положите три съ полтинкой.

— Нѣтъ, два съ полтиной. Жильцы тоже будутъ давать къ праздникамъ.

— Я согласна! крикнула другая пожилая женщина.

Женщинамъ захотали; барыня тоже улыбнулась.

— Такъ какъ? спросила барыня первую пожилую женщину. Та подумала.

— Не прибавите жалованья-то? спросила она.

— Нѣтъ.

— Да вѣдь работы много!

— Какъ знаешь.. И васъ много.

Женщина согласилась. Барыня взяла ея паспортъ и адресный билетъ и велѣла приходить въ такую-то улицу, въ такой-то домъ и въ такой-то номеръ квартиры, а сама уѣхала съ извозчикомъ.

— Хорошо ты, видно, сонъ видѣла сегодня, сказала пожилой женщиной одна женщина.

— У васъ, видно, не было такихъ дѣтей, какъ у меня! сказала съ презрѣніемъ нанятая женщина и пошла.

Къ ней подошла пожилая женщина въ салопчикѣ съ дѣвочкой.

— Голубушка! у тебя, говоришь, дочка умерла; возьми мою, проговорила она.

— Куда же мнѣ съ ней?

— Да я даромъ тебѣ ее дамъ, только корми да въ дѣлу приучай.

— Сама знаешь, што кухарокъ не держать съ ребятами.

И нанятая женщина пошла торопливо.

— Заважничалась! прошипѣла отъ злости пожилая женщина въ салопчикѣ и неизвестно за что ударила по затылку дѣвочку. Дѣвочка заплакала.

— За что ты дѣвчонку-то бьешь? крикнула на нее женщина.

— Не твое дѣло: свое бью.

На пожилую женщину напала половина женщины: онѣ стали ее стыдить за то, вопервыхъ, что она бьетъ маленькую дѣвочку, и вторыхъ за то, что хочетъ эдакую маленькую въ работу отдать.

— Я ее продаю, потому что сама ищу мѣсто и мнѣ самой нечего ѣсть, оправдывалась мать дѣвочки..

Между тѣмъ вѣтеръ крѣпчалъ, по небу плыли тучи, и мало по малу совсѣмъ закрыли солнце. Женщины проголодались и стали покупать ситный, печенку или яйца. Пелагея Прохорова купила фунтъ ситнаго и фунтъ печенки. Съ этими яствами она подошла къ дѣвушкѣ, съ которой она прежде вступила въ разговоръ, и спросила какъ ее зовутъ. Та сказала, что ее зовутъ Евгенія Тимофеевна.

— Не хочешь ли, Евгенія Тимофеевна?

И Пелагея Прохорова отломилла половину куска ситнаго и половину печенки, и дала ихъ Евгеніи Тимофеевнѣ. Та не брала.

— Я не хочу.

— Полно-ко. У тебя есть ли деньги-то?

— Есть.

— Ну, не церемонься! Я сама была въ нуждѣ, знаю.

Т. СЛХХХ. — Отл. I.

— А если вамъ самимъ нечего будетъ ѣсть? сказала Еягенія Тимоѣевна и взяла предложенныя ей яства.

— А руи-то на что Богъ далъ?

— Я тоже прежде думала, да вотъ цѣлый мѣсяцъ иду мѣста. Ходила я и въ хваленое общество—говорятъ, мы принимаемъ по рекомендаціямъ. Принесите, говорятъ, письмо отъ сіятельнаго человѣка—примемъ. Ну, я было и пошла къ одному сіятельному лицу, бывшему въ нашей губерніи губернаторомъ. Цѣлую недѣлю я ходила—не допускаютъ. А я все письма ему оставала. Вѣроятно, письма ему не передавали. Наконецъ, встрѣтила его у подвѣзда и говорю: я вашему-ству цѣлую недѣлю передавала письма черезъ швейцара. — Ничего, говорить, я не знаю. Приходите туда-то. Я туда; все-какъ допустили. Кто, говорить, вы такая? Я сказала. А! говорить, знаю. Чтò же вамъ угодно, сударыня? Я и прошу у него рекомендательное письмо. Не могу, говорить, дать потому, что вы нехорошаго поведенья. Вы не съ хорошей стороны уже успѣли зарекомендовать себя въ провинціи; мнѣ, говорить, объ этомъ ваша тетюшка писала. Такъ я и ушла ни съ чѣмъ. Потомъ я какъ-то увидала въ газетѣ объявленіе: нужна гувернантка. Я прихожу. Квартира отдѣлана великолѣпно. Приглашаютъ меня въ кабинетъ. Въ креслѣ сидитъ баринъ. Пригласилъ сѣсть меня, разспросилъ кто я такая. Часа два мы съ нимъ толковали; я спросила, велики ли у него дѣти. Онъ и говорить: у меня дѣтей нѣтъ, а мнѣ, говорить, гувернантка нужна для себя...

— Какъ это такъ? перебила Евгенію Тимоѣевну Пелагея Прохоровна.

— Я тоже удивилась. Онъ говорить: не удивляйтесь. Я вдовъ и мнѣ нужна женщина непременно развитая; я бы, говорить, ее сдѣлала хозяйкой въ моей квартирѣ, однимъ словомъ мнѣ, говорить, нужна молодая, красивая женщина для того, чтобы жить съ ней гражданскимъ бракомъ. Ну я, конечно, не согласилась. Баринъ извинился, далъ мнѣ на бѣдность денегъ, но я его денегъ не взяла. Конечно, эдакіе случаи рѣдки, но со мной, по крайней-мѣрѣ, случилось такъ.

Женщины опять заволновались, стали собираться въ одну кучу. Пелагея Прохоровна съ Евгеніей Тимоѣевной тоже подошли. Еврейка нанимала кухарку, и давала только рубль жалованья съ тѣмъ, что кухарка должна и бѣлье стирать. Поэтому охотницъ нашлось мало.

Только что ушла еврейка, къ женщинамъ подошла толстая, пожилая женщина въ шелковой мантилѣ, въ шелковомъ же черномъ платкѣ на головѣ. Въ правой рукѣ она держала зонтикъ.

Подойдя къ женщинамъ, она стала оглядывать ихъ.

— Я! я! кричали женщины, окружая нанимательницу.

Толстая женщина молчаливо выдержала напоръ женщинъ. Манушь черезъ пять она начала звать къ себѣ самыхъ молодыхъ.

Въ числѣ десятка молодыхъ попали Пелагея Прохорова съ Евгеніей Тимошеевной.

— Кто изъ васъ желаетъ ко мнѣ поступить? спросила толстая женщина съ зонтикомъ.

Поступить пожелали всѣ.

— Мнѣ нужно трехъ для комплекта.

Она опять осмотрѣла женщинъ и выбрала изъ нихъ трехъ. Эти три были: Пелагея Прохорова, Евгенія Тимошеевна и одна чухонка дѣвушка.

— Замужнія?

— Нѣтъ, отвѣчали въ разъ всѣ три женщины.

— Болѣзни никакой нѣтъ?

— Нѣтъ.

Къ толстой женщинѣ подошла мать съ дѣвочкой.

— Купи дѣвочку.

— На что мнѣ ее: кабы она большая да красивая была— такъ! крикнула толстая женщина съ зонтикомъ.

Сердце дрогнуло у Пелагеи Прохоровны. Она шепнула Евгеніи Тимошеевнѣ на ухо.

— Слышишь? тутъ что-то не ладно.

— Возьми хоть даромъ... приставала мать дѣвочки, утирая глаза.

— Я сказала, что такихъ не беру... Продай еврейкамъ; онѣ за христіанку деньги дадутъ. Ну, желаете вы поступить ко мнѣ? спросила нанимательница выбранныхъ ею женщинъ.

— А позволъ тебя спросить, что у тебя за работа? спросила Пелагея Прохорова.

— Да у меня работы никакой нѣтъ. Развѣ себѣ что будете шить!

— А какая цѣна за это? опять спросила Пелагея Прохорова.

— Цѣны я назначить не могу. Вы будете мнѣ платить, каждая за свою комнату, такъ-какъ я нанимаю цѣлый домъ и отъ себя отдаю комнаты жилищамъ...

— Такъ ты это насъ на квартиру зовешь?

— Да!

— Ну нѣ-ѣтъ!... Мы въ работу нанимаемся, потому у насъ денегъ ни гроша нѣтъ. А она еще на квартиру къ себѣ зоветъ! проговорила Пелагея Прохорова и отошла. Прочія женщины тоже отошли.

— Послушайте! Ей, вы три?! крикнула толстая женщина.

— Да нечего тутъ и слушать! крикнула Пелагея Прохоровна. Толстая женщина съ зонтикомъ подошла къ Евгению Тимоеевнѣ.

— Послушай. Я за квартиру беру по истеченіи мѣсяца, за пишу—пища тоже отъ меня—тоже по истеченіи мѣсяца.

— Да изъ чего платить-то! Вѣдь нужно напередъ найти работу! отвѣчала Евгения Тимоеевна.

— Работа будетъ... За всѣми расходами, я такъ думаю, у тебя останется къ каждому первому числу рублей пятнадцать.

— Но какая работа?

— Я ужъ за это берусь.

— Но вы должны здѣсь сказать.

Толстая женщина нагнулась къ дѣвушкамъ, и что-то ей шепнула.

Щеки дѣвушки покрылись румянцемъ. Она задрожала и ничего не могла выговорить.

Въ это время къ ней подошла Пелагея Прохоровна.

— Што съ тобой, Евгения Тимоеевна?

— Вотъ... Подлая женщина!... И она зарыдала.

Пока Пелагея Прохоровна успокоила Евгению Тимоеевну, толстая женщина подошла къ чухонкѣ-дѣвушкѣ, поговорила съ ней и, немного погодя, чухонка пошла за ней, а потомъ женщина посадила ее съ собой въ пролетку и уѣхала.

— Вотъ какъ чухонки-то! Съ извозчиками ѣздить! кричали женщины.

— Какъ? Чухонка-таки уѣхала? крикнула Евгения Тимоеевна.

— Уѣхала.

— А надо бы ее воротить, бабы! крикнула Пелагея Прохоровна.

— А што?

Пелагея Прохоровна рассказала, для какой цѣли эта женщина приглашала ихъ.

Женщины заахали. Имъ жаль было чухонки, но теперь ее ужъ не воротить. Стали говорить о томъ: убѣжить чухонка или нѣтъ. Мнѣнія были различныя. Теперь на Пелагею Прохоровну всѣ смотрѣли съ уваженіемъ, и говорили про нее, что эта бѣлолицая бабенка не пропадетъ, и не дастъ пальца въ ротъ, чтобы его откусили. А попадись дура, какъ чухонка, которой стоитъ только насулить всякой всячины, и понала какъ куръ во щи.

Появились на рынкѣ, около столиковъ съ яствами, каменщи-ки съ замазанными глиной передниками, штукатуры, маляры;

нѣкоторые изъ нихъ были даже безъ шапокъ и фуражекъ, и на нихъ, длинныхъ или всклокоченныхъ волосахъ, на бородахъ и на лицѣ, была тоже или глина, или известька; появились рабочіе съ черными отъ дыма, пота и угля лицами, съ черными, какъ уголь, ладонями, съ черными фартуками; появились мальчишки отъ двѣнадцати до восемнадцати лѣтъ тоже съ черными передниками, съ вымаранными слегка лицами. Всѣ они быстро подходили къ женщинамъ, брали у нихъ фунтъ черного хлѣба, селедку, или тешку, или яйцо, на деньги или въ долгъ, и потомъ такъ же быстро уходили черезъ старо-никольскій мостъ въ питейныя заведенія. Стало быть, теперь первый часъ; рабочіе увлечены до втораго часу обѣдать. Здѣсь, можетъ быть, читатель спроситъ: отчего они нейдутъ обѣдать домой? Они нейдутъ домой потому, что имъ, можетъ быть, до дому ходу цѣлый часъ. Работая по Фонтанѣ и около Крикова и Екатерининскаго каналовъ, они предпочитаютъ за лучшее покупать хлѣбъ, рыбу и пр. на рынкѣ, а не въ мелочныхъ лавкахъ, въ которыхъ они уже успѣли задолжать; покупая сначала на деньги съ шуточками и остротами, они, наконецъ, добиваются, что имъ вѣрять въ долгъ до получки заработной платы.

Поешелъ дождикъ. Женщины стали прикрывать свои узелки, но дождикъ, какъ на зло, шелъ и шелъ, мало-по-малу помячивая полушубки, шугайчики, пальто. Хорошо было тѣмъ женщинамъ, у которыхъ былъ полушубокъ и пальто, но шугайчики скоро промокли. Мостовая тоже смокла, земля на камняхъ и между каменьевъ превратилась въ грязь... Женщины стали проситься къ торговкамъ, потому что тамъ надъ столами сдѣланы крышки. Женщины-торговки не пускаютъ.

Платки на головахъ промочили, по лицамъ течетъ вода и падаетъ вѣстѣ съ дождемъ на плечи; ботинки, башмаки и сапоги промокли; дуетъ холодный вѣтеръ съ моря. Чтѣ дѣлать? Женщины силой лѣзутъ подъ крышки; торговки гонятъ ихъ прочь и кричать:

— По пятаку съ рыла!

— Ладно.

Большинство женщинъ вынимаютъ пятаки, у нѣкоторыхъ нѣтъ и трехъ коп. Онѣ просятъ у другихъ, тѣ не даютъ.

Евгенія Тимофеевна дрожатъ.

— На, пятакъ! говоритъ Пелагея Прохоровна, и даетъ ей пятакъ.

Евгенія Тимофеевна не беретъ.

— Ничего, я не глиняная, не растаю. Теперь лѣто.

— А пошто дрожишь-то?

— Не знаю. Это пройдет.

Дождь перестал идти. Женщины, заплатавшия пятаки, стоятъ подъ крынками и ѣдятъ ситни. Торговки снова ихъ гонать.

— Идите, дождикъ пересталъ.

— Нѣтъ, мы денежки заплатали.

— Што вы, на постоянный што ли сюда забрались? говорите спасибо, што пустили! говорили торговки, употребляя въ дѣло лести.

Какъ ни лебезили женщины передъ торговыми, какъ ни упрашивали ихъ дозволить постоять еще чуточку, а торговки все-таки прогнали ихъ. Женщины стали на прежнія мѣста, и сдѣлались очень сердиты: имъ жалъ стало пятаковъ, и онѣ начали задирать на ссору тѣхъ, которыя не имѣли удовольствія быть подъ крынками.

Къ женщинамъ подъѣхала въ пролетѣ дама.

— Нѣтъ ли тутъ мамокъ? Не можетъ ли кто ребѣнка грудью кормить? спросила дама женщинъ, подошла къ нимъ.

Женщины поглядѣли другъ на дружку. Четыре женщины — три чухонки и одна русская — подошли къ дамѣ.

Дама разспросила ихъ, давно ли онѣ родили. Оказалось, что двѣ родили уже съ годъ, одна съ полгода, и одна назадь тому три мѣсяца.

— Гдѣ ребѣнокъ? спросила дама чухонку.

— Померъ.

— А у тебя гдѣ ребѣнокъ? спросила дама ту, которая родила съ полгода.

— Въ деревнѣ — на молокѣ.

— Зачѣмъ же ты его бросила?

— И, барыня!... Мужъ все говорилъ: оставь ребѣнка, пойдѣмъ въ Питеръ; тамъ въ мамки поступишь. Ходила въ снитательный — солдатъ яе пустилъ. Знать-то ему денегъ надать... А вамъ для своо дѣта?

— Да.

Дама отвела женщину въ сторону, посмотрѣла у ней груди и зубы, и стала торговаться. Эта женщина слышала, что въ Питерѣ мамки получаютъ по восьми рублей въ мѣсяцъ, дюжину рубашекъ, шесть сарафановъ и другіе подарки. Но дама больше пяти рублей не давала, и общала, если только она проживетъ полгода, шить два сарафана и подарить двѣ пары ботинокъ. Пища, разумѣется, хозяйская. Женщина думала, радилась, и черезъ полчаса согласилась на предложенныя условія.

— Вотъ кому счастье, дакъ счастье! Эхъ, дабы у меня былъ ребенокъ!... вздыхала одна женщина.

Эту женщину обругали.

— Да мнѣ давай десять далковикъ — не пойду. Какъ бы не такъ! ни днемъ ни ночью нѣту сношенія.

Подопла молодая женщина въ вязаномъ, розовомъ платкѣ на головѣ, и въ драповомъ темно-синяго цвѣта пальто. Въ одной рукѣ она держала небольшой кожаный савояжъ, въ другой зонтикъ.

— Это, видно, опять изъ такихъ, какъ дамѣ толстая съ зонтикомъ, проговорили женщины, но все-таки подошли къ ней. Пелагея Прохорова съ Евгеніей Тимофеевной тоже подошли не ради найма, а ради развлечения.

— Кто изъ васъ умѣетъ шить?

— Я! я! вразнула каждая женщина.

— Мнѣ нужна швея шить сорочки, манишки, дѣлать мѣтки. Работа трудная, шить нужно чисто, хорошо, на господь. Слушается и на машинѣ шить.

Женщины посмотрѣли другъ на дружку. Никто не рѣшался поступить въ швеи, потому что такихъ швей не было.

— Возьмите меня; я умѣю шить что угодно! проговорила робко Евгенія Тимофеевна.

— Ты изъ какихъ?

— Изъ... дворянствъ... Да вотъ, я сама шила себѣ этотъ бурнусъ.

Швея посмотрѣла на строчку.

— Мнѣ надо почище! это очень некрасиво.

— Я молада, могу скоро приучиться къ адѣшной работѣ.

— Такъ-то оно, такъ. Но вотъ что: вы дворянка, а я мѣщанка. Уживемся ли мы?

— Объ этомъ вы, пожалуйста, не безпокойтесь; я увѣрена, что мы сойдемся. Я для того и пріѣхала сюда, чтобы работать.

— Пожалуй, я васъ возьму. Видите, я еще только открываю швейную; вы теперь будете третья. Вы будете сперва получать за штуку, на моемъ готовомъ содержаніи, а тамъ увидимъ: если будете хорошо работать, я васъ сдѣлаю мастерицей и положу жалованье. Какъ вы думаете объ этомъ?

— Я согласна, робко проговорила Евгенія Тимофеевна.

— Еще одно условіе: чтобы къ вамъ не ходили мужчины.

— Помилуйте! я здѣсь живу еще очень мало.

— Ну, ужъ это дѣло мое. По воскресеньямъ, вы будете свободны, и можете или работать на себя, или идти гулять.

Евгенія Тимофеевна ничего не могла сказать на это: она была очень рада, что попала въ швеи, и даже забыла проститься съ

Пелагеей Прохоровной, которая плохо вѣрила словамъ швецъ, и крикнула отходящей Евгеніи Тимофеевнѣ:

— Прощай, Евгенія Тимофеевна. Желаю тебѣ счастья.

Стали приходять къ женщинамъ мужчины — мужья, братья, деверья, однодеревенцы. Одни изъ нихъ говорили, что завтра поступать въ работу, другіе еще не поступили на мѣсто. Всѣ мужчины были выпивши, а нѣкоторыхъ уже пошатывало. Женщинамъ стало веселѣе, и онѣ жаловались мужчинамъ на дождь, на то, что мало приходять баринь нанимать ихъ; нѣкоторыя женщины даже ругали мужчинъ, что они нарочно завели бабъ Богъ-знаеть куда, для того, чтобы бросить ихъ.

Стали приходять торгаша, предлагавшіе крестьянамъ фуражки, сапоги, поддѣвки, кафтаны. Крестьяне подержали всѣ эти вещи въ рукахъ, фуражки дае примѣрляли себѣ на голову, поторговались, но ничего не купили, потому что торгаша просили дорого, да если и нравилась кому-нибудь вещь и было немного денегъ, такъ жалко было тратить ихъ. Торгаша предлагали промѣнять полушубокъ на поддѣвку, шапку на фуражку, говоря, что теперь лѣто, и просили придачи. Одинъ промѣнялъ шапку на фуражку и далъ придачи десять копеекъ, другой промѣнялъ полушубокъ на поддѣвку, и тоже далъ придачи пятнадцать коп. Торгаша отошли. Промѣнявшихъ вещи, товарищи стали звать въ кабакъ дѣлать спирски. Двое крестьянъ приглашали своихъ бабъ на Сѣнную въ кабакъ, гдѣ народу и-и ты Боже мой! и бабъ тамъ много. Но бабы въ этотъ кабакъ не пошла. Мужчины пошли на Сѣнную; половина женщинъ тоже разбрелась.

— Матушка! голубушка! Охъ, узель мой!... ревѣла одна женщина, немного погода.

Женщины посмотрѣли на свои узлы, посмотрѣли на мостовую, заглянули на столыки и подъ столыки, спросили торговкоъ: не видали ли онѣ узла такой-то женщины — узель исчезъ.

— Въ рѣку не упалъ ли?

— Да онъ што есть, и не стоялъ у рѣки. Сейчасъ при мнѣ былъ.

— Эко горе, горе!... Да ты не забыла ли на постояломъ?

— Говорять, при мнѣ былъ. Не видали, што-ли? Охъ!... Што я теперь дѣлать буду.

— Плохо, видно, держала.

Къ женщинамъ подошла старушка въ люстриновомъ на ватѣ салопчикѣ и въ черномъ капорѣ. Въ суетахъ и въ поискахъ узла, ее замѣтила только одна Пелагея Прохоровна и подошла къ ней.

— Ты кухарка? прошанкала старушка.

— Куварка.

— У кого жила?

— Я пришла изъ Ярославля; у господъ жила... А у васъ што дѣлать?

— Иавѣстно: убирать комнаты, мыть полы, кушанье готовить. Старушку окружили женщины и стали напрашиваться:

— Замужемъ? спросила Пелагея Прохоровну старушка.

— Вдова... А сколько жалованья?

— Два рубля.

— Я, пожалуй, согласна.

Женщины замричали, стали говорить про Пелагею Прохоровну всякую всячину, но старушка, взявши паспортъ, велѣла ей идти за собой.

Пелагея Прохоровна перекрестилась на церковь и пошла за старушкой. Она была рада, что скоро нашла мѣсто.

III.

Кухмистерша Овчинникова.

Старушка въ салопчикѣ, за которой шла Пелагея Прохоровна, была кухмистерша съ Петербургской стороны, Анна Петровна Овчинникова.

Сзади она походить на старую еврейку, которая съ самаго дѣтства или поднимала все тяжелыя вещи, или садѣла, постоянно наклонившись съ высокаго стула къ низенькому столу, отчего ее позвоночный столбъ принималъ наклонное положеніе. Однако, несмотря на значительную сутулость, по которой ее издали узнавали постоянные обыватели Мокрой улицы, Анны Петровна, дожившая до шестого десятка лѣтъ, шла очень скоро, немножко ковыляя правой ногой, какъ будто ее кто сзади погонялъ пруткомъ. Она, часто оборачиваясь и кашлянувъ, произносила фистулой: не отставай! еще далеко! У другихъ старушекъ подь шесть-десять лѣтъ волоса уже сѣдые и лицо бѣло-желтое; а у этой, напротивъ, лицо было бронзоваго цвѣта, и лоснилось, точно она его намазала саломъ. Щеки ея не были ни очень полны, ни худощавы; носъ былъ длинный, прямой, острый, — точно она его постоянно чистила, какъ курица; ротъ маленькій, можетъ быть, оттого, что она его ужимала; ея сѣрые тусклые глаза съ бурными зрачками часто мигали. Къ этому надо еще прибавить, что отъ салопчика и отъ вапора Анны Петровны пахло жаренымъ гусемъ, почему ее всякій бы могъ назвать, не спрашивая, или кухмистершею, или кухаркою въ кухмистерской.

Анна Петровна шла молча и думала; Пелагея Прохоровна

тоже думала. Анна Петровна думала, что теперь она сподойна вполнѣ, нашедши кухарку! Только она много назначила ей жалованья; ну, да она съумѣетъ сдѣлать такъ, что кухарка будетъ получать не больше рубля въ мѣсяцъ. Пелагея Прохорова, съ своей стороны, думала о томъ, какаа это старуха бодрая, точно бабушка Настасья Сергѣевна, которая умерла назадъ тому восемь лѣтъ. Той было слиткомъ девятидесять лѣтъ, та Пугача помнила; но ходила прямо, говорила ясно и чистымъ голосомъ, а не шамкала, не хрипѣла и фистулой не говорила. Бабушка была въ большомъ почетѣ во всемъ заводѣ; она была добрая, ни съ кѣмъ не ссорилась, бывало, отца съ матерью выручала изъ бѣды. А глаза у нея были тоже сердитые. Бывало, забалуемся мы, она только взглянетъ, мы и замолчимъ... Какова-то эта? Та была родная, и я въ то время была маленькая, а теперь я большая, и къ чужой старухѣ пошла въ работу. Штѣ бы теперь сказала про меня бабушка Настасья Сергѣевна, еслибы увидела меня, какъ я иду за этой старухой. Она бы ахнула, потому она мнѣ пророчила мужа богатого, большое хозяйство, дюжину ребятшекъ! Господи, какъ много въ жизни можно испытать всякой всачины... Вотъ эти мужички, что работаютъ, камень разбиваютъ, тоже прежде не думали, что будутъ въ Питерѣ на богатыхъ людей работать. Они, поди, думаютъ, глядя на меня, что мнѣ лучше житье, чѣмъ имъ...

Но напрасно кухмистерша и кухарка думали, что люди про нихъ думаютъ. Никто объ нихъ ничего не думаетъ, а всякій шель своей дорогой, или дѣлаетъ дѣло, думая только о томъ, какъ бы хорошо сдѣлаться вдругъ богатымъ человекомъ и дѣлать то, чтѣ хочется.

Подошли къ Невѣ. По Невѣ плыветъ много судовъ съ лѣсомъ, камнями, барокъ съ сѣномъ, дровами. Плывутъ пароходы, у которыхъ и колесъ не видно, пароходы, биткомъ набитые людьми. Множество судовъ, барокъ, стоятъ у берега, приврѣзанныя цѣпами или толстыми канатами за кольца, вдѣланныя въ гранитныя набережныя. Множество яликовъ съ пассажирами плыветъ по разнымъ направленіямъ; у спусковъ яличники предлагаютъ свои услуги перевезти черезъ Неву.

«Вотъ это рѣка настоящая. А все же, поменѣ нашихъ будетъ», подумала Пелагея Прохорова, когда кухмистерша и она шли по Дворцовому мосту.

Она спросила старушу: какъ называется эта рѣка. Та сказала, и ткнувъ въ пространство лѣвой рукой, проговорила:

— А тамъ море!

— Море! Ахъ бы поѣхала я по этому морю. А ты по морямъ плавала?

— Я, что есть, черезъ Неву на реку не плавала.

— Бояшься?

— Боясь! А море я разъ пять въ году видаю, со Смоленскаго.

— А это што же, Смоленское-то?

— Кладбище такое вонъ тамъ, на Васильевскомъ острову, сказала кухмистерша, и указала рукой.

Пелагея Прохорова стала смотрѣть на Васильевскій островъ.

— Тамъ вотъ онъ, Васильевскій-то славный островъ, шчо въ пѣсни поется. А я думала, што въ пѣсни все вранн... Думала: какой-нибудь пьяный мастерко сочинилъ эту пѣсню, думала Пелагея Прохорова.

Прошли мостъ, пошли по первой линіи.

— Здѣсь тоже Петерь? спросила Пелагея Прохорова старушку.

— Нѣтъ, здѣсь Васильевскій островъ.

«Ахъ бы дядѣ понасть сюда! Ужъ онъ непремѣнно сочинилъ бы съ Короваевымъ такую пѣсню, ште онъ былъ на самомъ Васильевскомъ острову». И сердце у Пелагеи Прохоровны, неизвестно почему, зангло.

Опять мостъ.

— Это што же! Идемъ, идемъ и конца нѣтъ. Все какн-то мѣсты да рѣвн! проговорила Пелагея Прохорова, недовольная тѣмъ, что старуха ее ведетъ Богъ знаетъ куда.

— Еслибн я воды не боялась, давно бы ужъ дома были. Вонъ оттоль стоитъ только въ яликъ сѣсть, и черезъ четыре часа дома. А то я воды боюсь. Отъ роду не плавала, проговорила старуха. Они пошли берегомъ.

Здѣсь кухмистерша чувствовала себя уже свободнѣе и спокойнѣе. Она пошла тише, не загребала правой ногой, а шла какъ лѣвивый конь, покачиваясь направо и налево. Здѣсь она была какъ дома, сняла даже съ головы капоръ—на головѣ оказался бѣлый чепчикъ съ дырочками, сивозъ котораи виднѣлись начинающіе сѣдѣть волосы. Отдавши капоръ Пелагеѣ Прохоровнѣ съ приказаніемъ не брать и не испачкать его, она сняла и салопчикъ и очутилась въ шелковомъ черномъ платкѣ на плечахъ и въ ситцевомъ голубомъ засаженномъ платкѣ.

Это раздѣванье удивило Пелагею Прохоровну, но она не поспѣла спросить. Старушка отдала Пелагеѣ Прохоровнѣ и салопчикъ.

— Ты его положи на плечо, да смотри не даюни! сказала она своей новой слугѣ.

— Барыня... А узелъ?

— И узелъ можешь держать.

Пелагея Прохоровна робко-наво устроила свою пошу.

Преобразившись по домашнему, Анна Петровна пошла еще тише, что-то напывая про себя, какъ будто воображала, что идетъ не по улицѣ, а въ своей собственной комнатѣ.

— Здравствуйте, Анна Петровна! сказала попавшаяся на встрѣчу кухмистершѣ старушка съ платкомъ на головѣ, въ ситцевомъ платьѣ, тоже вѣроятно воображающая, что она у себя дома.

— Здравствуйте, Марья Игнатьевна! И старушки поцаловали другъ друга въ щеки: — куда ходили? А я вѣдь съ Никольскаго.

— Мать Пресвятая Богородица! проговорила Марья Игнатьевна, и неизвестно отчего вздрогнула, точно ее что кольнуло въ бокъ или случилась съ ней нелюта.

— Да, матушка моя, съ Никольскаго. Вонъ какую добыча! И Анна Петровна кивнула головой на Пелагею Прохоровну; которая стояла недалеко отъ старушекъ и смотрѣла на нихъ.

— Неужели у насъ не нашлось?

— О! што здѣшня! Ояѣ забавовались.

— Это такъ... Только она молодая, сказала шепотомъ Марья Игнатьевна.

— Не эдакия у меня жили... Вышколю...

— А у меня несчастье какое: сынокъ ногу вывихнулъ изъ ший.

— Господи благослови! чуть не вкринула Анна Петровна и заморгала чаще обыкновеннаго.

— Да вотъ, поди же ты! Иду къ доктору.

Старушки поговорили минутъ пять и простались, поцаловавъ другъ друга.

Немного погоды, Анна Петровна свернула въ переулокъ, потомъ въ улицу. Здѣсь на каждомъ шагу попадались ей знакомые люди, но она не останавливалась, а только отвѣчала на вопросы: ахъ, съ Никольскаго! устала!

Черезъ десять минутъ она вошла во дворъ, въ которомъ было два деревянныхъ двухэтажныхъ флигеля съ мезониномъ на каждомъ. На улицу, кромѣ того, выходило по обѣимъ сторонамъ два дома—одинъ направо, каменный трехэтажный съ подваломъ, налѣво деревянный съ девятью окнами безъ мезонина, на которомъ была прибита вывѣска съ надписью «школа».

Хотя Анна Петровна Овчинникова никогда не была потомственной дворянкою, но она еще въ дѣтствахъ считала себя

столбовою дворянскою дочерью, несмотря на то, что отецъ ея былъ только сенатскій регистраторъ. Впрочемъ, это происходило оттого, что и родители ея и сосѣди ихъ, служа въ министерствахъ, считали себя особымъ классомъ, съ которымъ нельзя сравнять мѣщанъ и даже купцовъ, и поэтому причисляли себя къ дворянамъ. Однако, несмотря на причисленіе себя къ дворянскому сословію, большинству этихъ самохваловъ и самохвалокъ жилось гораздо хуже нежели мѣщанамъ и купцамъ; не пренебрегавшимъ черною работою, за которую стыдно было взяться какому-нибудь чиновничку, его жемъ или дѣтамъ. Нѣкоторые чиновники имѣли на Петербургской сторонѣ свои дома, доставшіеся имъ или отъ родителей, или въ приданое; а какъ такіе домовладѣльцы имѣли большія семейства, то чиновниковъ современемъ расплодилось много и они такъ дружно сплотились на Петербургской сторонѣ около тѣхъ мѣстъ, гдѣ родились и выросли, что заманить ихъ въ другое мѣсто было очень трудно. Поэтому, и Мокрая улица, населенная преимущественно канцелярскимъ людемъ, имѣетъ свой характеръ, совсѣмъ отличный отъ петербургскаго. Въ ней очень мало каменныхъ домовъ, а все больше деревянные, окрашенные желтою краскою, или охрою, которые тѣснятся другъ въ другу, такъ что съ крыши одного мезонина на крышу другого мезонина свачутъ конки. Улица плохо вымощена, тротуаровъ не существуетъ, нѣтъ извозчиковъ, нѣтъ городскихъ, нѣтъ даже будки. Въ ней всего одинъ фонарь, и то напротивъ гостиницы для прѣзжанцевъ. Здѣсь пахнетъ провинціей, и еслибы изъ оконъ мезониновъ не видна была Нева и гранитная набережная и каменные зданія за Невою, можно было бы сказать, что это не Петербургъ, а уголокъ уѣзднаго города.

Утромъ, чиновники въ известное время идутъ толпами на службу съ портфелями, конвертами изъ синей бумаги, свертками, или безъ нихъ. Потомъ, въ известное тоже время, чиновницы и вообще дамы дворянскаго класса, идутъ въ лавочки за провизіей; послѣ этого, на улицѣ пусто. Около пяти и шести часовъ вечера чиновники, измученные и уставшіе, бредутъ по домамъ; нѣкоторые заходятъ въ заведенія распивочно и на выносъ, откуда или выходятъ сами, или ихъ выводятъ съ руганью жены. До десяти часовъ видится жизнь въ этой улицѣ; чиновники и ихъ семейства сидятъ у оконъ, поютъ пѣсни, и наигрываютъ на гитарахъ; нѣкоторые сидятъ на улицахъ на лавочкахъ въ халатахъ; нѣкоторые, сидя у раствореннаго окна, что-то пишуть; нѣкоторые также въ хорошую погоду увидѣть нѣсколькихъ молодыхъ чиновниковъ, играющихъ въ дворахъ или на улицѣ въ

бабин или городки. Въ десять часовъ все смолкаетъ; гаснуть огни въ домахъ, запираются ставни оконъ, настаетъ тишина, прерываемая лаемъ множества собакъ.

Даже въ климатическомъ отношеніи, Мокрая улица не похожа на петербургскіи улицы; такъ, здѣсь зимой несравненно холоднѣе и больше снѣгу, чѣмъ въ Петербургѣ, гдѣ снѣгъ постоянно сгребается и увозятъ прочь, гдѣ иногда цѣлый мѣсяцъ уже ѣздить на валесахъ, тогда какъ въ Мокрой улицѣ еще хорошая ѣзда на саняхъ. При паденіи воды въ Невѣ, Мокрую улицу занимаетъ раньше другихъ, такъ что изъ нея въ Неву можно отправиться прямо въ лодкѣ или въ яликѣ. И все-таки здѣшнему воздуху Петербургъ можетъ позавидовать: здѣсь меньше мреть народа, женщины доживаютъ до семидесяти и больше лѣтъ, и если дѣтями не передана родителями какая-нибудь болѣзнь, они растутъ толстыми и здоровыми.

Поэтому не мудрено, что Анна Петровна родилась, выросла и прожила до шестидесяти лѣтъ въ Мокрой улицѣ, гдѣ прежде у родителей ея былъ свой домъ, который, послѣ смерти отца, вслѣдствіе крайней нужды, мать принуждена была продать, а потомъ поселиться на квартирѣ въ той же Мокрой улицѣ и заняться шитьемъ. Анна Петровна была третьею дочерью, но успѣла влюбить въ себя молодого чиновника раньше прочихъ сестеръ и, вышедши замужъ, поселилась съ мужемъ также въ Мокрой улицѣ. Ни она, ни супругъ ея даже и въ поминшеніяхъ не имѣли нетолько жить гдѣ нибудь въ Гороховой или въ Офицерской улицѣ Петербурга, но даже переселиться въ другую улицу Петербургской стороны. Такое переселеніе было бы сочтено сосѣдями за расколъ или за чрезмѣрную гордость. Обитатели Мокрой улицы достовѣрно знаютъ, что мужъ у Анны Петровны былъ *варваръ*, какихъ свѣтъ не производилъ. Хотя такихъ варваровъ было много въ Мокрой улицѣ, но со стороны казалось, что этотъ варваръ былъ почище другихъ варваровъ. Въ сущности, однакожъ, онъ былъ даже нѣсколько скромнѣе большинства чиновниковъ, и такое названіе къ нему припиливалось не совсемъ кстати. Дѣло въ томъ, что онъ былъ первые пять лѣтъ для супруга *ангеломъ*, но на шестой годъ, когда Анна Петровна родила плаксивую дѣвочку, ангелъ сталъ приходить домой навеселѣ. Сперва супруга думала, что ангелъ веселѣ потому, что у него есть дочь, или потому, что его сегодня похвалили на службѣ; ей и въ голову не приходило, что ангелъ выпиваетъ, такъ-какъ онъ послѣ выпивки обыкновенно закусывалъ или гвоздикомъ, или сургучемъ, чтобы не нахло водкой. Какое же было ея удавленіе, когда, въ день получки жалованья, «ангелъ»

пріѣхала домой на вѣсточкѣ до того вѣликой, что она должна была втащить его въ квартиру съ вѣщичкомъ. Но и этого мало: у ангела денегъ оказалось на лицо всего трехрублевая бумажка и нѣсколько мѣдаковъ.

Съ этихъ поръ жизнь пошла нехорошая: мужъ пьянствовалъ часто, жена его была и мало по малу истрачивала приданныя деньги; сосѣдки говорили про Овчинникова всякую всячину и не могли понять, отчего онъ сталъ пьянствовать хуже и хуже, закладывалъ свою шинель, вицъ-мундиръ и даже сапоги; тащить въ залогъ все, что лежало плѣхо. Жена выкупала всѣ эти вещи, ходила къ ворожеямъ, поила мужа какими-то лекарствами, отъ которыхъ онъ хворалъ по мѣсяцамъ, но пьянствовать все-таки не переставалъ.

Такимъ образомъ супруги прожили пятнадцать лѣтъ. На шестнадцатомъ, Овчинникова уволили въ отставку; Анна Петровна стала лечить его, и залечила до того, что онъ померъ.

Анна Петровна осталась вдовою губернскаго секретаря съ двумя дочерьми, Вѣрой и Надеждой. Несмотря на нехорошую жизнь съ пьяницей мужемъ, она все-таки была женщина красивая и здоровая, и могла бы выйти замужъ, но ей уже опротивѣла замужняя жизнь, тѣмъ болѣе, что и въ другихъ семействахъ она видѣла почти то же, что творилось и съ нею въ замужествѣ. Да за нее, впрочемъ, никто и не сватался, вѣроятно, потому, что у нея было двое дѣтей и она жила бѣдно, пріобрѣтая деньги шитьемъ. Сестра ея, жившая съ мужемъ на Пескахъ и неимѣвшая дѣтей, которыя умирали черезъ три и пять мѣсяцевъ по рожденіи, звала Анну Петровну жить къ себѣ. Но Анна Петровна не могла у ней прожить и съ недѣлю: ей было скучно обо всей Петербургской сторонѣ, о Мокрой улицѣ, гдѣ ей казался и воздухъ чище и жизнь проще. Тамъ всѣ свои, тамъ просто; здѣсь хоть и чиновники живутъ, но далеко хуже нашихъ, а другъ съ другомъ они не ладятъ. Здѣсь поживеть чиновникъ съ мѣсяцъ и уѣдетъ прочь, а у насъ этого нѣтъ. У насъ и одѣваться хорошо не надо, у насъ и важныхъ людей не встрѣтишь; а здѣсь одѣвнися-ко худо — осмѣютъ. Такъ думала Анна Петровна и воротилась въ Мокрую улицу.

Пришлось переѣхать на другую квартиру, потому, что прежняя была и велика для вдовы и дорога. Заложивъ Анна Петровна кой-какія цѣнныя вещи, доставшіяся ей въ приданое или купленныя въ первый годъ замужества, наняла квартиру въ мезонинѣ, въ три комнаты съ кухней и прилѣпила на воротахъ бумажку съ надписью: «отдаются комнаты составомъ и небелью». Сдѣлавши это, она нѣсколько дней по утрамъ выходила за ворота,

останавливала чиновниковъ, заговаривала съ ними, и просила ихъ найти ей хорошихъ жильцовъ. Но жильцы не нашлись. Поднялись толки, что вѣрно у Анны Петровны много накоплено денегъ, что она нанимаетъ большую квартиру безъ всякаго расчета, тогда какъ ей достаточно было бы съ дѣвочками и одной комнаты, которую она могла бы нанять у любой чиновницы вдовы; нѣкоторые даже стали поговаривать, что Анна Петровна, должно быть, поддѣла любовника изъ Петербурга, который непременно ѣздитъ къ ней по ночамъ, и котораго, вѣроятно, она хочетъ женить на себѣ. За Анной Петровной стали слѣдить; но ничего худаго не услѣдили: она попрежнему шла, уходила съ шитьемъ и за шитьемъ, была со всѣми любезна и на вопросы: какъ живетса? постоянно отвѣчала: поменьшечку! Вогъ грѣхамъ терпѣть. Но, въ самомъ дѣлѣ, она едва сводила приходъ съ расходомъ и ей приходилось къ концу мѣсяца нести что-нибудь въ закладъ. Была у нея пріятельница Степанова, которая жила тоже на Петербургской, только въ другомъ концѣ. Эта госпожа имѣла кухмистерскую секретно, то-есть не имѣла ни вивѣски, ни свидѣтельства на этотъ родъ занятія. Отъ нея Анна Петровна узнала, что вообще кормить небогатыхъ людей выгодно, если только ихъ много и они хорошо платятъ. За пишу она деньги выручаетъ, но комнаты или вообще квартира сидитъ у нее на шеѣ, потому что или стоятъ пустыя все лѣто, когда студенты уѣзжаютъ домой, или въ нихъ живутъ не подолгу люди бѣдные, съ которыхъ иногда совѣстно просить денегъ.

Анна Петровна была женщина сообразительная. Въ каждое изъ ея посѣщеній она что нибудь усвоивала и дома записывала на бумажку, какъ нужно приготовить изъ такихъ-то припасовъ супу на тридцать человѣкъ, какъ изжарить мясо такъ, чтобы его хватило на трое сутки и т. п. И ей сильно захотѣлось сдѣлаться самой кухмистершей. Но тутъ встрѣтилось большое затрудненіе: чтобы готовить обѣды — нужна работница; нуженъ мальчикъ или дѣвочка чтобы разносить кушанья, — не станетъ же она заставлять своихъ дочерей разносить кушанья, не для того онѣ родились! Потомъ, нужна посуда, нужны мѣдные судки. И на все это нужны деньги. Послѣ нѣсколькихъ колебаній, она рѣшилась попросить у мужа своей сестры сто рублей, но онъ далъ только пятьдесятъ подъ росписку съ тѣмъ, чтобы она ихъ уплатила въ теченіе года. На половину этихъ денегъ Анна Петровна купила держаной посуды, наняла кухарку и прилѣпила на воротахъ поллиста бумаги, на которомъ крупными буквами было написано: «чиновница Овчинникова а даетъ кушанья на домъ или у себя спросить объ цинѣ въ мезонинѣ квар-

тира № 12 у вдовы кукушницѣ Анны Петровнѣ Овчинниковой. Несмотря на эту безграмотную записку, прохожіе чиновники, замѣтивъ на воротахъ лоскутокъ бумаги съ большимъ количествомъ буквъ, останавливались, читали, чесали себѣ затылки и подбородки и разсуждали: не выгодно-ли будетъ имъ въ самомъ дѣлѣ получать кушанья отъ вдовы Овчинниковой. Но пока они думали и разсуждали объ этомъ, чиновницы, идя въ лавки и на рынокъ, тоже успѣли прочитать эту надпись и отъ удивленія перешли къ негодованію, потому что вдова Овчинникова стращаетъ ихъ своимъ новымъ занятіемъ.

— Жаль, что она кухаркой не назвала себя! Этого еще не доставало! кричали чиновницы чуть не во все горло. Имъ было досадно не то, что вдова Овчинникова будетъ держать нахлѣбниковъ, но зачѣмъ она назвала себя именемъ кукушницѣ, которое идетъ только къ мѣщанину. Вовторыхъ, имъ было досадно, что вдова Овчинникова, до сихъ поръ жившая со всѣми откровенно, какъ говорится душа въ душу, вдругъ письменно на всю улицу заявляетъ, что она отдаетъ кушанья на домъ или у себя: стало быть, этимъ самымъ заявленіемъ она становится въ нимъ въ непріятельскія отношенія, хочетъ отбить у нихъ не только хорошихъ нахлѣбниковъ, но и квартирантовъ. Вся женская половина Мокрой улицы вооружилась противъ Анны Петровны, а одна чиновница хотѣла даже сорвать бумагу съ воротъ, но ее удержали сосѣди. Хотѣли-было отправить къ ней депутацію, чтобы потребовать объясненія, но рѣшили подождать мужей и квартирантовъ для того, чтобы посоветоваться съ первыми и увѣрить послѣднихъ, что все написанное на бумагѣ надъ воротами дома Плошкина есть плодъ пылаго, но глупаго воображенія вдовы Овчинниковой, которая, какъ надо полагать, пустилась на азеру и думаетъ обобратъ простоватыхъ молодыхъ людей.

Однако, какъ ни старались хозяйки-чиновницы увѣрить своихъ квартирантовъ въ этомъ и въ томъ, что вдова Овчинникова табакъ нюхаетъ, а табакъ легко можетъ попасть въ сумъ и въ жаркое, молодежь захотѣла попытаться, не дешевле-ли у вдовы Овчинниковой обѣдъ. И дѣйствительно, Овчинникова назначила цѣну дешевле другихъ, и въ тотъ же день обѣдало у нея десять чиновниковъ, которые нашли кушанья превосходными. Потомъ четверо наняли у нея двѣ комнаты и дали задатки, четверо согласились обѣдать помѣсячно и дали тоже задатки по рублю; остальные просили подождать до полученія жалованья.

Такой успѣхъ Анны Петровны вывелъ изъ терпѣнія чиновницъ, и онѣ рѣшились сразиться съ ней.

Утромъ, Анна Петровна шла въ Ситный рынокъ за провизіей. За ней слѣдовала и кухарка съ кулькомъ. Попадаются на встрѣчу двѣ чиновницы.

— Вы чтѣ же это такое дѣлаете! спросила ее одна изъ нихъ сердито, не поздоровавшись даже съ нею.

— Чтѣ и такое дѣлаю? спросила въ свою очередь спокойно Анна Петровна.

— А это какъ у васъ въ бумагѣ написано?

— И не стыдно вамъ? прервала другая и закачала головой.

— Это вы на счетъ чего же спрашиваете?

— А на счетъ того, что вы на мошенничество пустились.

— Не горячитесь, Софья Сергѣевна!...

— Я вотъ чтѣ хочу спросить у васъ, Анна Петровна: пристало ли благородной дамѣ называться кухмистершей и на какомъ основаніи вы сманиваете къ себѣ нашихъ жильцовъ и нахлѣбниковъ?

— На томъ основаніи, вопервыхъ, что, по моему понятію, нѣтъ стыда въ томъ, что я называю себя кумистершей. Ужъ это дѣло мое, а не ваше. Повторюхъ, я женщина благородная и мнѣ съ дѣтьми не хочется жить у кого *нибудѣ* въ углу или быть прихлебательницей богатыхъ родственниковъ, какъ это *нѣкоторыя* благородныя дамы дѣлаютъ. Что же касается до того, что мнѣ Богъ далъ нахлѣбниковъ, то значить, я умѣю вести дѣло и не беру такихъ цѣнъ, какъ *нѣкоторыя*.

— Позвольте... вы насъ-то къ чему называете *нѣкоторыми*? Вы этимъ словомъ всѣхъ благородныхъ хозяекъ обижаете.

— Извините... Я иду въ рынокъ... Мнѣ нужно кушанья готовить. И Анна Петровна пошла.

Какъ вообще всякое новое дѣло въ глухой мѣстности находить у неразвитыхъ людей отпоръ, такъ и Анна Петровна, въ теченіе двухъ лѣтъ, много перенесла неприяностей отъ бывшихъ своихъ подругъ, которыя теперь стали ей врагами. Онѣ всячески старались напасть на нее и словомъ и дѣломъ; не было человѣка, который бы не слышалъ, что вдова Овчинникова нехорошая, разгульная женщина, не было лавки, въ которой бы лавочники не были прошены не давать ей ничего. Всѣ эти переговоры, сплетни передавались Аннѣ Петровнѣ дворниками, кухарками, лавочниками въ преувеличенномъ видѣ; чиновницы перестали ей кланяться, точно она только что пріѣхала на Петербургскую; дѣвицы, завидѣвъ кухмистершу, хихикали и становясь съ нею отворачивали лицо въ сторону; однимъ словомъ, вса Мокрая улица и почти весь этотъ уголъ Петербургской былъ дурнаго мнѣнія объ ней; но Анна Петровна помалчивала, хотя на душѣ у нея, какъ говорится, кошки скребли, и проходила

мимо врага, не только не видался на него собакой, но даже и не глядя на него.

Однако, несмотря на то, что въ два года Анна Петровна сумѣла прославиться чуть-ли не во всемъ чиновномъ мірѣ Петербургской стороны сплетнями и дешевыми, но сытными столомъ, прибавил она получала мало, потому что нахлѣбники на-вертывались всякіе: задатокъ отдасть, пообѣдаетъ двѣ недѣли, наѣсть на два рубля въ долгъ, и нейдетъ больше; такихъ же нахлѣбниковъ, которые бы платили впередъ за мѣсяць, было немного. А тутъ еще новая бѣда: вещи, что отданы въ залогъ, пропадаютъ; мужъ сестры, вмѣсто пятидесяти рублей, уже проситъ шестьдесятъ, а къ концу втораго года, пожалуй, причисляетъ еще лишніе десять рублей; мяснику должна пятнадцать рублей, кухарка проситъ жалованье за полгода. Думала, думала Анна Петровна, и придумала штуку: идти по департаментамъ къ экзекуторамъ просить долги чиновниковъ. Результатъ этой ходьбы вышелъ тотъ, что къ новому году экзекуторы вычли изъ пособій и наградъ чиновниковъ должныя Аннѣ Петровнѣ деньги и обѣщались не только рекомендовать хорошихъ нахлѣбниковъ, но и впередъ вычитать съ нихъ долги, если такіе откажутся. Анна Петровна расплатилась съ долгами, даже выкупила нѣкоторыя вещи. Но теперь противъ нее вооружились должники, съ которыми она поступила такъ безцеремонно. Но, несмотря на это, нахлѣбники находились и дѣла ея мало-по-малу улучшались, а квартиранты къ шестому году ея кухмистерства успѣли уже обучить ея дочерей грамотѣ. Мало-по-малу, старые люди успѣли умереть; умерло нѣсколько чиновницъ-подругъ, которыя по началу ея кухмистерства сплетничали на нее, молодежь успѣла выйти замужъ и современемъ все пришло въ такой порядокъ, что какъ будто Мокрая улица немнслима безъ кухмистерши, и теперь Анна Петровна для всей Мокрой улицы такое же существо, какъ и всякая другая сосѣдка.

Теперь, Анна Петровна въ почетѣ въ этой улицѣ и въ славѣ чуть-ли не на всей Петербургской сторонѣ, гдѣ ее знаетъ каждая пожилая чиновница. Въ почетъ же Анна Петровна пошла года съ три назадъ, съ тѣхъ поръ, какъ стала отдавать подъ залогъ деньги.

Какъ всякій человѣкъ, понаторѣвшій въ одномъ какомъ-нибудь занятіи, старается еще больше извлечь изъ него выгоды, постепенно сокращая расходы, такъ и Анна Петровна, имѣя постоянныхъ нахлѣбниковъ у себя и въ другихъ квартирахъ, мало-по-малу довела свое кухмистерство до того, что стала кормить всѣхъ очень скупительно. Прежде она всѣмъ давала хлѣба, а

жильцы ея получали даже ужинъ; теперь все это оказалось невыгоднымъ. Ссылаясь на дороговизну хлѣба и другихъ принадлежностей, она значительно сократила обѣдъ и въ то же время плату за него увеличила на цѣлше два руб. въ мѣсяцъ.

Казалось бы, что при такомъ положеніи дѣлъ, у Анны Петровны должно быть много денегъ, однако денежныя ея дѣла далеко не въ цвѣтущемъ положеніи. Не говоря уже о мальчикѣ, разносящемъ кушанья въ судкахъ по домамъ, и взятомъ ею у мѣщанин-матери назадъ тому шесть лѣтъ почти даромъ, для того только, чтобы приучить его въ помарской части, не говоря объ этомъ мальчикѣ, которому она не хочетъ платить, ссылаясь на какія-то условія, заключенныя домашними образкомъ съ умершею уже мѣщанкою,— она должна и въ мисіуну лавку и въ овещную, въ которыхъ перезаложила на время заложеныя ей чиновницами вещи. Служаща сѣтованія лавочниковъ о томъ, что Анна Петровна день за днемъ все беретъ въ долгъ и если выплатить пять рублей, то заберетъ на пятнадцать, обитатели Могрой улицы говорятъ, что она, вѣроятно, деньги бережетъ для того, чтобы выдать младшую дочь за майора, который уже четыре года какъ объявленъ женихомъ Надежды Александровны...

IV.

КВАРТИРА БУХМИСТЕРШИ ОВЧИННИКОВОЙ.

Во дворѣ окружили Анну Петровну сидѣвшіе на крыльцѣ и игравшіе мальчики и дѣвочки отъ 3-хъ до 10-ти лѣтъ. Они кричали:

— Бабушка, гостинцевъ! Бабушка въ рынокъ ходила!

— Ну, ну... отвяжитесь! Не та пора, чтобы гостинцы раздавать! и она, кое-какъ освободившись отъ повиснувшихъ на ея платъ дѣтей, повела за собою кухарку въ квартиру.

Быль хотя и вечеръ, но еще свѣтло. За то на лѣстницѣ, по которой онѣ поднимались, была совершенная ночь, такъ что Пелагея Прохоровна едва не заблудилась въ переходахъ.

Лѣстница эта была не высока; на площадкѣ было сдѣлано слуховое окно. По краямъ надъ лѣстницей сдѣланы перила, около самой крыши, справа и слѣва, протянуты бичевни, на которыхъ сушится бѣлье.

Въ кухнѣ съ небольшою русской печью и небольшою плитою, съ полками, на которой лежала посуда и суды, и пропитанной запахомъ жареныхъ гусей и сосисекъ, около большого стола сидѣли дочери Анны Петровны, изъ которыхъ Вѣрѣ было

годовъ съ тридцать, а Надеждѣ годовъ двадцать-восемь. Вѣра была дѣвушка здоровая, румяная. Замѣтно было сразу, что она любитъ наряжаться и заботится, чтобы у ней и платье было въ порядкѣ и веротничекъ на шеѣ не былъ грязенъ и нямать и волоса не обити. Взглядъ у ней былъ гордый, смѣлый и лукавый и лицо принимало въ нѣсколько минутъ различныя выраженія, точно она воображала себя актрисой. Другая сестра, Надежда, была худощава, и хотя сидѣла въ ситцевомъ капотѣ съ широкими рукавами и въ кринолинѣ, но и это не придавало ей полноты. Лицо ея было блѣдно съ небольшою количествомъ веснушекъ, но привлекательно; варіе ея глаза выражали не то тоску, не то покорность; темнорусые волосы немного растрепались, сѣтка сползла на бокъ. Она сидѣла нагнувшись къ работѣ и торопливо шила. Около печки, на лавкѣ, сидѣлъ мальчикъ на видъ годовъ десяти, съ худощавымъ лицомъ, запачканнымъ до того, что, казалось, онъ не мылся въ банѣ цѣлый годъ или только что пришелъ съ фабрики, гдѣ работалъ недѣлю. Его черные волосы лоснились, черные глаза смотрѣли со злобью то на Вѣру, то на Надежду. На немъ былъ надѣтъ тиковый халатъ, весь пропитанный саломъ, оловянный ремешъ и застегнутый на воротѣ на крѣпочекъ.

— Вотъ взяла роженю, а она тамъ заблудилась, сказала входя Анна Петровна.

— Неужели? Въ коридорѣ заблудилась? проговорила Вѣра смѣясь.

— Налей-ка водн! сказала хозяйка повелительно кухаркѣ.

— А гдѣ у тѣ ковшикъ-то?

Вѣра хихикнула надъ чѣмъ-то.

— Ты не должна говорить «у тѣ», «у тѣ!» Что это за слово? ты должна говорить у васъ, потому что ты у господъ живешь! проговорила наставительнымъ голосомъ Анна Петровна.

— Давно Петръ Ивановичъ легъ спать? спросила она дочерей.

— Ужъ часъ будетъ. Онъ изъ *маскараду* пришелъ.

— Ничего не принесть?

— Вотъ Нацѣ катушку нитокъ принесть.

Надежда повраасѣла.

— Экая скрага! сказала Анна Петровна.

Минутъ пять всѣ молчали. Въ кухнѣ было тихо, только мальчикъ швырялъ носомъ, да Анна Петровна плескала водой; изъ сосѣдней комнаты слышался храпъ.

— Много ли было сегодня? опять спросила Анна Петровна, обращаясь къ дочерямъ.

— Да все тѣ же. Мисоѣдовъ съѣзжаетъ отъ насъ... свата
Вѣра и взглянула на сестру.

Щеки Надежды покраснѣли и она еще ниже нагнулась.

— Ну, и съ Богомъ. И такъ надоѣлъ со своей скринкой. Я
ему давно хотѣла отказать, да только ради бѣдности держала.

— Онъ, мамаша, вовсе не бѣденъ, проговорила робко, но съ
замѣтнымъ волненіемъ Надежда.

— Ну, это еще неизвѣстно.

— У него всегда есть деньги и онъ всегда трезвый.

— Ну, ужь!... Все-таки пусть съѣзжаетъ. Не забыть мнѣ, какъ
онъ однажды нагрубилъ мнѣ за то, что я не велѣла ему пить
въ то время, когда Петръ Иванычъ спалъ.

— Петръ Иванычъ не въ свою квартиру пришелъ.

— Все-таки онъ намъ близокъ.

— Я бы на вашемъ мѣстѣ давно ему дверь показала.

— Чтò такое? строго спросила Анна Петровна.

— То, что онъ мазурикъ.

Анна Петровна подошла къ Надеждѣ и ударила ее по щека́
ладонью.

— Мамаша... проговорила Вѣра, вставъ и подойдя къ матери,
которая собиралась влѣзнуть Надеждѣ другую ошлеуху.

— Ахъ, ты, негодная!... Человѣкъ платитъ намъ деньги,
сватается за васъ... А она... Чтò, мнѣ долго еще кормить-
то васъ? проговорила запальчиво Анна Петровна, ежeminутно
мигая.

— Я сама себѣ зарабатываю хлѣбъ... начала Надежда.

— Молчать!... Сука!...

Надежда заплакала; Анна Петровна присѣла на стулъ, подперла
лѣвую щеку рукой и стала ворчать. Это ворчаніе заключалось
въ томъ, что у нея дочери хотя и дворянки, но дѣвицы очень
неблагодарныя, грубыя, какъ мужички. Инны давно бы уже
успѣли завлечь такого жениха, какъ Петръ Иванычъ и выйти
за него замужъ, а онѣ заставляютъ Петра Иваныча ждать,
тянуть время, говорятъ про него Богъ-знаетъ какія вещи, чего
въ старые годы и думать даже было не позволено. Пока она
ворчала въ полголоса, дочери молчали, точно она говорила не
имъ и не объ нихъ, точно все это имъ было уже нѣсколько
разъ говорено. Надежда не плакала, но по лицу ея замѣтно
было, что она, еслибы было можно, вскочила бы и убѣжала;
Вѣра шла по прежнему и по глазамъ ея замѣтно было, что
она что-то соображала.

Въ кухню вошелъ молодой человѣкъ съ темнорусыми волосами,
съ маленькими усами, съ лицомъ, изобличавшимъ въ немъ

чакоточнаго челоуѣка. На немъ надѣтъ былъ красный кашемировый халатъ.

— Потрудитесь поставить самоваръ, сказалъ онъ Аннѣ Петровнѣ.

Та приказала Пелагеѣ Прохоровнѣ поставить самоваръ и вѣжливо спросила молодаго челоуѣка:

— Вы, я слышала, съѣзжаете?

— А! уже это довели до вашего свѣдѣнія... Да, мнѣ казенная квартира вышла по жребію.

— А! жаль! челоуѣкъ вы хорошій!

— Благодарю за комплиментъ. Мнѣ и самому не хотѣлось съѣзжать по нѣкоторымъ причинамъ... Онъ кашлянулъ въ кулакъ и взглянулъ на Надежду Александровну, щени которой прекрасны.

— Кухарку изволили нанять? спросилъ молодой челоуѣкъ, которому, какъ видно, хотѣлось посидѣть въ кухнѣ.

— Да, какъ видите. А ты еще здѣсь? обратилась вдругъ хозяйка къ мальчику, точно этотъ мальчикъ до сихъ поръ не существовалъ въ кухнѣ.

— Куда жъ я пойду безъ паспорта? проговорилъ мальчикъ рѣзко-охриплымъ голосомъ, который изобличалъ въ немъ девятнадцати-лѣтняго мальчугана, а не десяти-лѣтняго.

— Слышите, какъ отвѣчаетъ? сказала Анна Петровна жильцу съ удивленіемъ.

— Сс! Да, онъ немного грубъ.

— Нѣтъ, онъ постоянно грубъ. Я бы его ни одной минуты не держала у себя, да надо кухарку познакомить съ господами; вѣдь она не знаетъ, куда нужно носить кушанье.

— Такъ... такъ... замѣтилъ чиновникъ.

Чинovníку говорить было не о чемъ. Онъ было-вынулъ изъ боковаго кармана папиросницу, но только повертѣлъ ее въ рукахъ. Анна Петровна учила кухарку, какъ ставить самоваръ; Надежда нагнулась еще ниже къ работѣ и точно боллась поднять голову; Вѣра нѣсколько разъ поправляла ладонями свои волосы и важно взглядывала на чиновника.

— Ну... я пойду. До свиданія! сказалъ вдругъ чиновникъ и ушелъ. Черезъ пять минутъ онъ въ своей комнатѣ настраивалъ скрипку.

Когда онъ ушелъ, Вѣра Александровна вдругъ захохотала.

— Вотъ образованность! проговорила она съвою смѣхъ.—Ты, Надя, замѣтила, что онъ пришелъ въ туфляхъ и на правой ногѣ у него туфля разодралась?

— Очень нужно мнѣ замѣчать! сказала та сердито.

— Ахъ ты наказанье! Опять запылилъ! проговорила отчаянно Анна Петровна и вскочила на ноги. — Кухарка! Поди по скажи ему, чтобы онъ не игралъ, сказала она Пелагеѣ Прокоровѣ.

Пелагеѣ Прокоровнѣ это приказаніе показалось страннымъ и она подумала сперва, что ей хозяйка дурить.

— Ну, чтожъ ты стоишь? двадцать разъ тебѣ что ли надо приказывать?

— Да какъ... начала-было Пелагея Прокоровна, но въ это время что-то затрещало въ сосѣдней комнатѣ, и оттуда выскочилъ маіоръ.

Еслибы этому маіору пришла фантазія надѣться въ башкирскій малахай и сѣрый войлочный шинуъ, опоясавъ его ремнемъ и заткнувъ за ремень нагайку, никто бы въ немъ не узналъ русскаго человѣка; онъ даже и теперь, въ своемъ маіорскомъ сюртугѣ, походилъ скорѣе на отъѣзжагося кондуктора желѣзной дороги изъ башкиръ.

Онъ вошелъ въ кухню, тряхнулъ правой рукой, загибнулъ на полку однимъ глазомъ, нюхнулъ воздухъ и сѣлъ на стулъ, растопыривъ ноги и сдѣлавъ руки фертомъ.

— Славно выспался, проговорилъ онъ окриплымъ голосомъ, и уставилъ на Вѣру глаза, точно бульдогъ.

— Я думаю, этотъ прохвостъ помѣшалъ со скринкой?

— А! промичалъ маіоръ, вопросительно повернувъ голову, и уставивъ глаза на Анну Петровну.

Въ этомъ взглядѣ такъ и замѣчалось, что маіоръ не любилъ часто ворочать головы.

Анна Петровна повторила свои слова.

— Ну, дажъ чтожъ? Пусть пилить... Мнѣ какое дѣло... проговорилъ нехота маіоръ.

Всѣ молчали. Дѣвицы, казалось, тяготились бульдожьими глазами маіора; маіоръ сопѣлъ.

— Вы что же удрали отъ меня? спросилъ вдругъ маіоръ, глядя на Вѣру.

— Еще бы не уйти! Вы напились пива-то и насъ лѣзете угощать, сказала Надежда.

— А! Угощать, говорите, лѣзу... А! улыбаясь говорилъ маіоръ.

— Бутылокъ десять, кажется, выпили. Кольеа! сколько ты покупалъ бутылокъ? спросила мальчишка Вѣра. Маіоръ тоже повторилъ этотъ вопросъ.

— Только восемь; а въ прошлый я шесть разъ бѣгалъ; бутылокъ двадцать выпили, отвѣтилъ мальчижъ.

— Ахъ-ты!... Ты съ нивомъ и ариметикѣ учишься!

— Ну, что вы тутъ сидите! Идите къ комнатѣ! сказала Анна Петровна.

— А надо еще пива купить! не купили?

— Нѣтъ.

— Што! Врр!!... Васъ все нужно учить...

— Ну-ну! Идите-ка въ комнату.

— Ой!... А я еще и не пойду одинъ-то... Вы здѣсь, и я здѣсь; вы тамъ, и я тамъ; гдѣ вы, тамъ и я, проговорилъ маіоръ потнувъ головою и захохоталъ.

— Ну, а вы-то что глаза тутъ портите! Ужъ темно становится.

— Да въ журики можно играть, проговорилъ маіоръ, всталъ, махнулъ рукой, поглядѣлъ однимъ глазомъ на полку и заговылалъ въ коридорчикъ.

Дѣвнцы пошли за нимъ, Анна Петровна пошла къ жильцу унимать, чтобы не пилилъ на скрипѣ.

— Экая машина! проговорила Пелагея Прохорова, когда въ кухнѣ остались мальчикъ и онъ.

— Здоровъ! Этта какъ-то смазала Надежду Александровну, такъ цѣлный мѣсяць она провалялась.

— Отецъ, штоли, ихной?

— Отецъ! любовникъ ейной!

— Што ты врешь?!

— Я правду говорю, не маленький. Слава богу, мнѣ девятнадцатый годъ.

— Охъ ты хвастуша! Пелагея Прохорова захохотала.

— Помереть сейчасъ... У меня и невѣста есть. И Пелагея Прохорова захохотала пуще прежнего.

Вошла хозяйка.

— Это што за смѣхъ! Ужъ не любезничаєте ли вы?

— Да вонъ онъ говорить ему девятнадцатый годъ и невѣста есть! проговорила смѣясь Пелагея Прохорова.

— Вотъ какъ! И Анна Петровна захохотала и со смѣхомъ пошла въ комнату, откуда пришли вмѣстѣ съ нею маіоръ, и дочеря ея.

— Невѣста, говоришь, есть? проговорилъ хохоча маіоръ поднавъ мальчика.

— Штожъ такое?

— И свадьба скоро?

— Не повашему.

— Не повашему, говоришь? Молодецъ! Умница!... Женишокъ!!! Скажите! а мы и не знали, что у насъ женихъ есть?... Кто же твой невѣста?

— Это ужъ мое дѣло.

— Конечно! Конечно! Про это не говорить... Скажите пожалуйста! А! Брр!!... И приданое есть?—Ах ты каналья!

Мальчишкѣ рванулся и выскочилъ въ сѣни. Маіоръ минуты двѣ держалъ руку въ томъ же положеніи, какъ онъ ея поддерживалъ мальчишка. Онъ глядѣлъ въ потолокъ, тогда какъ Анна Петровна побѣжала въ сѣни догонять мальчишка. Дѣвицы хохотали. Но больше всѣхъ хохотала Пелагея Прохоровна, которую чрезвычайно смѣшила вся фигура маіора.

— Каковъ?! Брр!!... Скажите! сердито говорилъ маіоръ.

— Выскочилъ! говорила смѣясь Вѣра. — А еще хвастались: пашкой по десяти человѣкъ сразу въ Польшѣ убивали!

— Я?! проговорилъ запальчиво маіоръ и двинулся.

Дѣвицы взвизгнули и убѣжали въ комнату. Маіоръ заковылялъ за ними.

Нѣсколько минутъ изъ комнаты слышался хохотъ дѣвиць и визгъ Вѣры Александровны.

Пришелъ тотъ жилецъ, который просилъ самоваръ.

— Что же самоваръ?

— Ой, баринъ, тутъ не до самовару... Тутъ у насъ комедія! охъ ты, господи! хохотала Пелагея Прохоровна.

— Ну, подай самоваръ!

Пришла Анна Петровна запыхавшись и объявила, что мальчишка исчезъ.

Маіоръ сидѣлъ у Анны Петровны до двухъ часовъ. Сперва онъ игралъ въ карты съ Вѣрой и Надеждой, потомъ вынулъ четыре бутылки пива, и пѣлъ непонятныя для Пелагеи Прохоровны романсы. Сѣли опять играть въ карты; но маіоръ скоро заспорилъ, обругалъ всѣхъ сводочами, уронилъ стулъ и ушелъ, грозя всѣмъ перебить skulls. Чахоточный жилецъ еще послѣ чая ушелъ, сказавъ, что онъ сегодня домой не придетъ, а у другаго жильца было двое гостей, для которыхъ Пелагея Прохоровна два раза бѣгала въ кабакъ за водкой, и которые, попѣвъ и пошумѣвъ немного, скоро уснули въ комнатѣ жильца, гдѣ онало.

V.

Которая вкратцѣ объясняетъ отношенія маіора къ дочерямъ кухмистерши Овчинниковой.

Маіоръ Петръ Ивановичъ Филимоновъ сталъ извѣстенъ въ Мокрой улицѣ года съ четыре, съ тѣхъ поръ, какъ онъ, пересмотрѣвъ

въ этой улицѣ нѣсколько комнатъ, пролиная Большую Садовую, Гороховую, обѣ Подъяческія, всѣ три Мѣщанскія улицы за трескъ, за прокисшій воздухъ, за то, что тамъ онъ большею частію на-рывался на нѣмокъ-хозяекъ, которыя будто бы душили съ него большія деньги, и не уважали его майорскую особу. Онъ водво-рился въ мезонинѣ, наняемомъ вдовою-полковницею, доживав-шею въ то время седьмой десятокъ и недавно умершею. Ком-ната у майора была большая, свѣтлая; кровать его была за-навѣшена; окна выходили въ огородъ, и поэтому онъ могъ вволю наслаждаться пѣніемъ пѣтуховъ, мауканьемъ кошекъ и лаемъ собакъ; полковница была старушка добрая, прислуга у нея была послушная. Зажилъ майоръ хорошо. Но черезъ четыре мѣсяца ему сдѣлалось скучно. Дѣлать нечего; считать деньги надоѣло, писать и читать онъ не любитъ, и идти куда не хочется. При-детъ онъ къ полковницѣ, садеть противъ нея. Полковница въ огромныхъ очкахъ и огромномъ чепчикѣ вяжетъ чулокъ и что-то нашептываетъ; въ комнатѣ у нея накурено ладаномъ. Она успѣла уже вывѣдать отъ майора все его прошлое и настоящее такъ же, какъ и онъ въ четыре мѣсяца вывѣдалъ отъ нея не-только настоящее и прошедшее, но и будущее, которое состояло въ томъ, что полковница ежедневно ждала себѣ смерти, тогда какъ майоръ ни за что не желалъ умереть, и не зналъ только, что дѣлать ему завтра. Не о чемъ даже было и говорить. Ново-стей въ Мокрой улицѣ такъ мало, что о нихъ довольно погово-рить съ четверть часа. Полковница вяжетъ, майоръ сидитъ, смотритъ на полковницу и въ головѣ его вертится только одна мысль: умрешь! И онъ силится развить эту мысль, но и разви-вать тутъ нечего: «умрешь и все тутъ, а мы поживемъ».

— Чортъ ее дери—скуку! сказала однаждѣ майоръ.

— На службу бы вамъ поступить! сказала на это полковница.

— Васта!... Будеть: съ одного вола двухъ шкуръ не деруть.

— Гулять бы не то шли.

— Сапоги драть?!...

— Ну, пассаьянсь бы...

— Это понѣмедви?... А я ихъ терпѣть не могу. Я подъ Се-вастополемъ ихъ палашемъ по пятнадцати человекъ сразу рубилъ.

— Да вовсе вы съ нѣмцами тогда, кажется, не воевали!

— Такъ-то оно, такъ... Только что нѣмецъ, что французъ— все нерусскіе. Вотъ что я вамъ доложу!

— Ну, не то женились бы!

— А? Отлично... Но боюсь...

— Чего?

— Толстѣ я очень и силенъ. Меня въ полку называли Ильей Муромцемъ. Боекъ!

— Ну, вы, какънибудь... А вамъ надо жениться... Дѣти будутъ; заботы будутъ, хлопоты, возня.

Полковница просвѣтила маіора. Сталъ онъ теперь думать, что, въ самомъ дѣлѣ, толстота его не мѣшаетъ жениться, а рукамъ можно и не давать воли. Но вотъ что его сбивало съ толку: умретъ ли онъ съ женой и какая такая будетъ у него жена. И онъ опять обратился за совѣтомъ къ просвѣтительницѣ.

— Это дѣло вкуса, сказала полковница.

— А именно?

— Надо, чтобы она вамъ понравилась и имѣла капиталъ.

— Такъ, такъ. Капиталъ чтобы имѣла; ну, чтобы повиновалась...

— И чтобы хозяйкой была, добавила полковница.

Маіоръ задумался. Онъ привыкъ къ одинокой жизни, привыкъ самъ покупать, платить и получать деньги. На своемъ вѣку, онъ немало имѣлъ любовницъ, но уже годовъ съ десять отсталъ отъ этого, вслѣдствіе какой-то нехорошей исторіи. Этихъ любовницъ онъ не любилъ, недовѣрялъ имъ, а просто сорилъ деньги. Теперь, *остепенившись*, онъ долженъ, какъ говоритъ полковница, завести хозяйку, а хозяйка, по его понятію, значила то же, что и всякая квартирная хозяйка. Онъ ужасался, что его *оберутъ*, опять и отравятъ. Онъ сообщилъ это полковницѣ, но та разъяснила, что жена можетъ и свои деньги имѣть. Маіоръ нѣсколько успокоился, но его затруднило теперь то, какая у него должна быть жена: равныхъ съ нимъ лѣтъ, или молодая, толстая или тоненькая, высокая или низенькая, грамотная или не грамотная.

— Да гдѣ взять невѣсту?

— Мало ли у насъ невѣстъ? сказала полковница.

— Но я ихъ не вижу.

— Вы думаете, онѣ сами такъ вамъ въ ротъ погѣзутъ. Вонъ, напримѣръ, противъ вашихъ оконъ, черезъ огородъ, виднѣтъ мезонинъ съ двумя окнами. Тутъ живетъ кухмистерша.

— Слыхагъ.

— Ну, у нея есть двѣ дочери. Дѣвушки красивыя, руководѣльницы. Я иногда имъ даю кое-что починить.

— Отлично! крикнулъ маіоръ.

Но онъ съ мѣсяцъ не рѣшался приступить къ дѣлу. Онъ думалъ о женидбѣ у окна съ трубкой, и смотрѣлъ на мезонинъ. Разъ онъ замѣтилъ у окна въ мезонинѣ мужчину. Захлопотала

кровь у майора, разсвирѣлѣлъ онъ ужасно и пришелъ въ такомъ видѣ къ полковницѣ.

— Мужчина! мужчина!! проговорилъ онъ трагически, указывая руками въ ту сторону, гдѣ мезонинъ.

— Да онъ не тутъ живутъ.

— А?!

— Не тутъ, говорю, живутъ.

— Не тутъ?

— Я вамъ совѣтовала познакомиться съ ними, а вы какъ когда все сидите, или лежите.

— Ужо!

Майоръ успокоился и черезъ день, вышарившись предварительно въ банѣ, надѣвъ мундиръ съ десяткомъ орденовъ и взявъ трость, нововыллалъ къ кукмистершѣ.

Еслибы не дѣвицы, онъ воротился бы съ первой лѣстницы, но его, несмотря на темноту, нехорошій запахъ и грязь, что-то такъ и тануло вверхъ.

Анна Петровна совсѣмъ растерялась, увидавъ въ коридорчикъ такую особу, которую она съ перешлоха признала за генерала; ея дочери украдкой смотрѣли на него изъ двери комнаты. Глаза майора въ короткое время успѣли разглядѣть ихъ, и онъ самъ растерялся, говоря дрожащей Аннѣ Петровнѣ: «Я къ вамъ! Я къ вамъ!...» Ни Анна Петровна, ни ея дочери не понимали, что означалъ этотъ визитъ. Анна Петровна думала, не родственникъ ли какой дальній эта особа; ея дочери думали, не мазурикъ ли какой. Недавно былъ случай, что какой-то мазурикъ нарядился генераломъ и обокралъ чуть не весь магазинъ, но подойти и шепнуть матери объ этомъ онъ боялись, потому что онъ стоялъ въ коридорчикѣ. Наконецъ, майоръ пришелъ въ себя.

— Я къ вамъ изъ дома Королева... Я живу у полковницы Головиной и имѣю честь рекомендоваться: майоръ въ отставкѣ Петръ Ивановичъ Филимоновъ! проговорилъ онъ съ разстановкой, и по окончаніи крикнулъ, точно съ его плечъ огромная ноша свалилась.

— Ахъ, это вы и есть, г. майоръ! Слышала! Только васъ что-то мало видать на улицѣ, проговорила Анна Петровна, утирая губы и обдергивая свое платье.

— Я домосѣдъ-съ! Да. Такой домосѣдъ, что...

— Пожадуйте въ комнату.

— Поворно благодарю... Я къ вамъ по дѣлу...

— Пожадуйте! семеняла Анна Петровна, думая, по какому это дѣлу могъ придти къ ней майоръ, котораго рѣдко кто видать въ Мокрой улицѣ.

Въ комнатѣ маіоръ объявилъ, что онъ намѣренъ брать у кухмистерши кушанья. Онъ просидѣлъ до вечера, похвалилъ и чай и обѣдъ, и кофей, и пиво и дѣвницъ, за то, что онѣ пьютъ хорошо, и обѣщавъ бывать въ кухмистерской ежедневно, заплатилъ за все съѣденное и выпитое, несмотря на то, что кухмистерша отказывалась брать деньги за чай, кофе и пиво, на томъ основаніи, что она рада знакомству.

Маіоръ сообщилъ полковницѣ, что онъ положительно женится; но вотъ горе: ему нравится обѣ дочери кухмистерши.

— Господь съ вами — вы вѣдь не татаринъ, чтобы на двухъ жениться!

Маіоръ задумался. Обѣ молоды, красивы, любезны; которую выбрать?

— Предоставьте это время-теченію, сказала полковница на сътованіе маіора.

Маіоръ не понялъ.

— Очертя голову нельзя дѣлать, что не слѣдуетъ. Потерпите, всмотритесь и рассмотрите ихніе характеры и современемъ вы отличите изъ нихъ достойную васъ, разъяснила полковница.

Сталъ маіоръ посѣщать квартиру кухмистерши и каждый разъ возвращался домой въ недоумѣніи, которая изъ дочерей кухмистерши достойна быть его женой. «Обѣ красавицы, обѣ умны». И думая объ этомъ, онъ попивалъ пиво.

Прошло лѣто, осень, наступилъ морозъ. Маіоръ ходилъ къ кухмистершѣ и засиживался у нея до вечерняго чая, рассказывая про свою военную жизнь, удачу, силу и про то, что въ немъ вѣсу слишкомъ десять пудовъ. Но перемѣны въ дочеряхъ кухмистерши онъ не замѣчаетъ. Такъ же просто онѣ одѣты; такъ же на ватѣ у нихъ салопчики и такъ же онѣ стыдятся ихъ, какъ и прежде. Какъ и прежде, онѣ говорятъ бойко, не долго задумываясь, только что стыдятся его меньше, и стали смѣяться надъ нимъ, какъ ему кажется. Но теперь уже время проводится съ ними скучнѣе прежняго, даже и въ карты играешь — далеко нѣтъ той веселости, какаѣ была и лѣтомъ и осенью.

— Чтѣ бы это такое значило? спрашиваетъ маіоръ полковницу.

— А что жъ вы предложеніе не сдѣлаете и ходите съ пустыми руками?

— Подарить, небось, надо?

— Разумѣется... А выбрали ли невѣсту-то себѣ?

— Да вотъ Надежда мнѣ лучше нравится: она скромна, только горда больно.

— Ну, это пройдетъ! Вотъ вы ей и купите чтонибудь — ну хоть лисій салопъ.

— О-о!!! завонилъ маіоръ и замахалъ руками.

Однако, полковница успокоила его, и онъ на другой день отправился въ гостинный дворъ. Оказалось, мѣха дороги. Ему тамъ посовѣтовали скодить на аукціонъ въ громовскую компанію и тамъ онъ купилъ дешево старенькій лисій салонъ, который и предложилъ Надеждѣ Александровнѣ въ подарокъ къ празднику.

Та удивилась и спросила:

— Это за что же?

— Извольте принимать, Надежда Александровна, не то силой надѣну! сказалъ маіоръ улыбаясь.

— Нѣтъ, силой вы не можете и не имѣете права, отвѣтила Надежда Александровна съ большимъ волненіемъ.

— Ну, такъ я мамашу вашу попрошу.

А Анна Петровна стояла у двери и отчаянно кивала головой какъ будто говоря: бери! бери!

При послѣднихъ словахъ маіора она подошла къ нему.

— Позвольте васъ спросить, за что вы дарите Надѣ салончикъ? спросила она робко.

— За то... Ахъ!! не мо-гу-у! простоналъ маіоръ.

— Мы люди не бѣдные, Петръ Ивановичъ. Вы насъ обижаете, проговорила слезливо Анна Петровна, и стала куксить глаза.

— Обижаете!... Да мнѣ плевать! началъ маіоръ, что-то соображая, но дальше ничего не могъ выговорить, потому что понималъ, что нарвался, и хотѣлъ идти къ полковницѣ за совѣтомъ.

— Не ожидала я отъ васъ. Да вы позвольте васъ спросить, за кого вы моихъ дочерей принимаете? продолжала Анна Петровна запальчиво, сообразивъ, что словомъ «наплевать» онъ выразилъ что-то дурное.

— Анна Петровна... Охъ!! Отдайте за меня Надежду Александровну.

— Я ее не держу: какъ она хочеть!

— Я не хочу... Вы мнѣ не нравитесь! отрѣзала Надежда Александровна.

— Я такъ и думалъ... сказалъ жалобно маіоръ, сѣлъ и задумался.

Онъ сидѣлъ съ полчаса. Въ это время Анна Петровна, вызвавъ дочерей въ кухню, шепотомъ ругала ихъ и приказывала Надеждѣ Александровнѣ изъяснить свое согласіе, а такъ-какъ та не соглашалась, то она употребляла въ дѣло руи.

Маіоръ очнулся, двѣицъ нѣтъ. Онъ пошелъ въ кухню.

— Такъ какъ?

— Она согласна, отвѣтила Анна Петровна.

— Нѣтъ, я несогласна, ни за что на свѣтъ! крикнула Надежда Александровна.

— Ну, такъ прощайте... А салонъ я дарю, потому жиѣ на что же онъ?

И маіоръ ушелъ.

Онъ не приходилъ цѣлыхъ два мѣсяца, потому что его обидѣли отказомъ.

Однако, несмотря на такую явную обиду и трату денегъ на салонъ, его почти ежедневно порывало сходить къ кухмистернѣ и посмотреть, что тамъ дѣлается. И вотъ онъ задумалъ планъ: нельзя ли ему взять къ себѣ Надежду Александровну въ любовницы?

Въ эти два мѣсяца сестрамъ покоя не было отъ матери: она ихъ ругала и била, умоляла ихъ, плакала и опять ругала.

Ни въ чемъ неповинной Вѣрѣ надоѣло все это страшно и она стала тоже уговаривать Надежду Александровну пожалѣть хотя ее.

— Ты изъяви согласіе, пускай онъ ходитъ. Можетъ быть, онъ еще и раздумаетъ, говорила она сестрѣ.

Та плакала, хотѣла убѣжать, но ей грѣшно казалось обидѣть своимъ побѣгомъ мать, да и пугала будущность, если она попадетъ куда-нибудь въ магазинъ. Думалось также, что если она уйдетъ, то Вѣра не пойдетъ съ ней; а если Вѣра останется, то маіоръ непременно будетъ за нее свататься. Она знала характеръ Вѣры — ее уговорить не трудно. И что будетъ за жизнь съ этимъ бульдогомъ, который можетъ однимъ взмахомъ руки убить слабую женщину. Она начинала соглашаться съ мнѣніемъ сестры, что, можетъ быть, онъ и раздумаетъ жениться, можетъ быть, современемъ мать сама убѣдится въ своей несправедливости... Ну, а если онъ да въ самомъ дѣлѣ женится?... И она сказала объ этомъ сестрѣ.

— Я бы на твоемъ мѣстѣ вышла за него, потому что такіе толстые умираютъ отъ удара. Мамаша тоже говоритъ. Она надеется, что онъ долго не проживетъ, и когда онъ умретъ, все намъ достанется. А если бы не это, стала ли бы мамаша выталкивать насъ за него?

Надежда Александровна подумала объ этомъ и рѣшилась изъяснить согласіе. Анна Петровна обрадовалась, и отворнивъ нахлѣбниковъ, одѣлась по праздничному и пошла къ маіору.

Маіоръ лежалъ на кровати; при входѣ Анны Петровны онъ не вставалъ.

— Что это вы, Петръ Ивановичъ! Здоровы ли? проговорила Анна Петровна.

— А что?

— Да васъ не видать нигдѣ...

— Чего мнѣ дѣлается! Я здоровъ.

— А я все собиралась къ вамъ съ Надеей, попросить у васъ извиненія. Да тутъ Нада захворала, хлопотъ было много. Она и больная все говорила мнѣ: сходите за Петромъ Иванычемъ, я, говорить, сказала ему грубости потому, что его сватовство было такъ неожиданно... И теперь все пристасть да пристасть: сходи да сходи... А я все думаю, хорошо ли это будетъ? Можетъ быть, вы и отиѣнили свое рѣшеніе жениться?

Маіоръ пожалъ, глядя въ потолокъ и поглаживая животъ. Съ полчаса, ни кухмистерша ни маіоръ не сказали ни слова.

Наконецъ Аня Петровна надоѣло стоять.

— Прошу извинить, что беспокоила васъ, сказала она.

Маіоръ повернулъ голову къ Ани Петровнѣ и уставилъ на нее свои глаза, которые выражали и радость и звѣрство.

— Такъ она согласилась? проговорилъ маіоръ.

— Одумалась и согласилась.

— Такъ... А если я несогласенъ?

— Воля ваша.

— Ну, я прощаю... И чтобы впередъ этого не было! проговорилъ онъ и всталъ.

Маіоръ сдѣлался любезенъ, наполнилъ кухмистершу чаемъ и пивомъ. Анна Петровна пришла домой на веселѣ и разбила въ кухнѣ миску, купленную ею на Сѣнной.

Маіоръ не скоро собрался къ кухмистершѣ; онъ пришелъ черезъ недѣлю послѣ визита къ нему Анны Петровны.

Мѣсяца два маіоръ приходилъ раза по два въ недѣлю. Онъ обыкновенно приходилъ къ обѣду и уходилъ вечеромъ. Велъ онъ себя скромно, какъ слѣдуетъ жениху, рассказывалъ о своихъ походахъ, о томъ какъ онъ въ старые годы училъ солдатъ, говорилъ, что ему не нравятся нынѣшніе порядки, игралъ въ карты и мало пилъ пива. На сѣтованія Анны Петровны, что содержаніе стало дорого, нахлѣбники плохо платятъ, онъ посоветовалъ давать подъ залогъ вещей или за проценты деньги и подъ предлогомъ быть участникомъ въ этомъ, далъ ей денегъ и обѣщалъ впередъ давать. Однимъ словомъ, Петръ Иванычъ оказался отличнѣйшимъ человекомъ и всѣ имъ были довольны, даже Надежда Александровна не косилась на него по прежнему. Но о свадьбѣ ни маіоръ, ни кухмистерша съ дочерью не заикались; послѣднія считали вопросы неловкими, да и думали, что лучше будетъ, если женихъ и невѣста до свадьбы узнаютъ другъ друга. На третьемъ мѣсяцѣ, маіоръ принесъ Надеждѣ Александровнѣ шелковой матеріи на

платье и потребовалъ, чтобы она поцаловала его. Отказываться было неудобно. Майоръ сталъ приходить по вечерамъ. Надежда Александровна должна была цаловать его по приходѣ и уходѣ изъ квартиры. Но и это ничего; къ майору привыкли, и онъ въ теченіе года былъ въ квартирѣ вухмистерши, какъ свой человекъ. Иногда онъ снималъ съ себя сюртукъ, иногда приносилъ халатъ, трубку, ложился на диванъ; ему эти вольности допускались за то, что онъ носилъ кое-когда подарки невѣстѣ или ея сестрѣ, а мать ссужалъ деньгами. А о свадьбѣ все-таки не было рѣчи, и сестры стали говорить между собой, что имъ надо какъ-нибудь выйдти изъ этого положенія, потому что, какъ видно, майоръ не такой дуракъ, какимъ кажется, и подѣзжаетъ къ нимъ довольно ловко.

Разъ, Надежда Александровна возвращалась домой изъ Малой Дворянской улицы, куда она ходила за работой. Попадаетъ ей предметъ. Оба замѣли, но спросили другъ друга о здоровьѣ. Потомъ предметъ вдругъ спрашиваетъ ее: скоро ли ея свадьба съ майоромъ? Та сказала, что майоръ объ этомъ не говоритъ имъ. Предметъ пригласилъ Надежду Александровну въ паркъ, дорогой купилъ апельсиновъ, грушъ, яблоковъ. Въ саду они сидѣли до вечера, говорили долго, изъяснились въ любви, и предметъ просилъ ее подождать немного, потому что ему обѣщаютъ казенную квартиру и награду. А такъ-какъ онъ ее очень любитъ, то проситъ приходить въ паркъ. Но Надежда Александровна сказала, что ей нельзя часто ходить въ паркъ, потому что бульдогъ по вечерамъ сидитъ у нихъ, а лучше будетъ, если ты, Паша, будешь жить у насъ. У насъ теперь есть порожняя комната. Паша переѣхалъ въ вухмистершѣ, которая ничего не подозрѣвала, а какъ только нѣтъ матери да дома Паша, сестры или сидятъ у него, или онъ у нихъ. Прошло два мѣсяца, Паша живетъ, обнимается и цалуется съ Надей, майоръ тоже ходитъ, обнимается и цалуется съ Надеждой Александровной. Надежда Александровна весела, сдѣлалась даже веселѣе Вѣры, которой было завидно счастію сестры, сумѣвшей своего Пашку помѣстить въ одной квартирѣ; майоръ тоже веселъ: ему казалось, что его, наконецъ-таки, полюбилъ гордая и своевольная дѣвчонка. Теперь майоръ повелъ дѣло на чистоту.

Приходить онъ разъ въ первомъ часу ночи съ узломъ и трубой. Анна Петровна спала, но дочери работали.

Анну Петровну стали будить, майоръ не приказывалъ.

— Что вы такъ поздно пришли? спросила его Надежда Александровна.

— Долго послѣ обѣда спалъ. Стелы, Нада, постель!

— Это не для васъ ли умъ?

— Именно. Сегодня моему террибнѣю месяць. Съ сегодняшняго дня ты жена мнѣ будешь.

Надежда Александровна поблѣднѣла, и встала, двѣла до постели, и закрыла лицо руками.

— Стыдитесь говорить-то! сказала съ сердцемъ Вѣра Александровна.

— Да!

Вѣра Александровна подошла въ двери, кинула ключъ, и крикнула:

— Мамаша! Кухарка! Жильцы! идите!..

Но маіоръ угостилъ ее оплеухой, и она ушла.

Явились мать, жильцы, кухарка. Вышла сцена.

— Вонъ!! ревѣлъ маіоръ, толкая то того, то другаго.

— Вонъ!! кричала испуганная Анна Петровна, вѣди ноги мающуюся съ нолу и съ кровью во рту Вѣру, и платущую Надю.

— Деньги подай, или дочь!

— Павелъ Игнатьичъ! сидите за полиціей! просила Анна Петровна.

— А! вы такъ?! Я васъ прочту!... ревѣлъ маіоръ и сѣлъ.

Но онъ сидѣлъ не долго и ушелъ вслѣдъ за жильцами, пошедшимъ за полиціей.

Теперь всѣмъ стало ясно, что за штука этотъ маіоръ, и рѣшено было жаловаться на него полиціи, и возвратитъ незаконно всѣ вещи, но и деньга по возможности.

Но это было рѣшено съ горяча. Утромъ явится маіоръ въ мундирѣ съ орденами, и войдя въ комнату станетъ передъ кухннстерной на колѣни.

— Вановатъ-съ, простите... Впередъ не буду! протворилъ онъ.

— Идите прочь. Не надо мнѣ вашего прощенья, проговорилъ занальчиво Анна Петровна.

— Но я маіоръ и... я былъ пьянъ.

— Я хоть и не имѣю чести именоваться маіоршею, но все-таки дворянка и не позволю обижать меня и бить моихъ дочерей.

— Я плачу за безчестіе.

— Ничего я не хочу!

Маіоръ всталъ, сдѣлавъ руки фертонъ и началъ:

— А вотъ это какъ по вашему, безчестіе или нѣтъ? вижу я у окна и вижу Надежду Александровну въ комнатѣ вашего жильца. Потомъ вижу, жидецъ обнимаетъ...

— Полно вамъ врать-то!

— Позовите-ко сюда жильца и Надежду Александровну!

Анна Петровна не хотѣла этого сдѣлать, но явилась Надежда и сказала запальчиво:

— Павелъ Игнатьичъ въ тысячу разъ лучше. Мамаша! позвольте мнѣ идти за него...

— Чтó я говорилъ? сказалъ маіоръ и захохоталъ.

Это такъ удивило Анну Петровну, что она не знала, чтó ей сказать. Вдругъ она пошла въ комнату Павла Игнатьича.

— Вы... вы подлець! произнесла она дрожащимъ голосомъ.

— Покорно васъ благодарю.

— Извольте сейчасъ, сію минуту съѣзжать съ квартиры! крикнула она и вышла, хлопнувъ дверью.

Началась сцена, довольно неприятная для всѣхъ и кончившаяся тѣмъ, что маіоръ заплатилъ за побитіе Вѣры двадцать-пять рублей, остался женихомъ Надежды съ тѣмъ условіемъ, что онъ женится непременно, если выѣдетъ Павелъ Игнатьичъ, и если ему будутъ оказывать уваженіе; что онъ будетъ посѣщать невесту разъ въ недѣлю и не будетъ впередъ безобразничать.

Началась опять прежняя жизнь, маіоръ посѣщалъ невесту разъ въ недѣлю, и по прежнему игралъ въ карты. Но Анна Петровна не любила Надежду Александровну, которая все дѣло испортила, можетъ-быть, навсегда. Дочери ненавидѣли маіора, но сидѣли съ нимъ потому, что изъ этой жизни не видѣли выхода. Такъ прошелъ годъ. Опять маіоръ сдѣлался своимъ человекомъ, но теперь уже строились планы будущей семейной жизни. Маіоръ, за двѣ недѣли до найма Пелагеи Прохоровны, говорилъ, что у него теперь лежитъ сердце больше къ Вѣрѣ Александровнѣ и онъ уже ходилъ къ священнику посоветоваться на счетъ свадьбы. Анна Петровна тоже сходила къ священнику—маіоръ точно у него былъ. Онъ сталъ приходить къ кухмистершѣ ежедневно и въ ожиданіи свадьбы, которая была назначена черезъ недѣлю послѣ Петра и Павла, всѣ терпѣливо сносили неувѣжливое обращеніе его. Вѣра Александровна съ трепетомъ ждала дня, когда ее повѣнчаютъ съ тѣмъ, кого она ненавидитъ, и рѣшилась на этотъ бракъ чтобы угодить матери и въ надеждѣ на то, что маіора кондрашка хватить.

И дѣйствительно, вскорѣ послѣ Петра и Павла маіоръ былъ обвѣнчанъ.

Ө. РѢШЕТНИКОВЪ.

РУССКІЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДЪЯТЕЛИ

ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ ПРОШЛАГО ВѢКА

И

ПУГАЧЕВЪ.

—

VIII.

Въ началѣ августа Пугачевъ вступилъ въ предѣлы нынѣшней Саратовской губерніи. Между тѣмъ отдѣльныя шайки его толпы, подъ предводительствомъ особыхъ генералевъ и полковниковъ, съ своею собственною артиллеріею, съ своимъ собственнымъ обозомъ («скошемъ»), съ знаменами и особыми значками, разсыпались по сторонамъ на разстояніи сотенъ и тысячъ верстъ, и каждая такая шайка командировала впередъ эмиссаровъ, какъ для подготовки населенія къ принятію «служителей императора Петра третьяго» съ иконами, колокольнымъ звономъ, хоругвями, хлѣбомъ-солью и колѣнопреклоненіемъ, такъ и для вербовки людей въ «армію его величества», для заготовленія провіанта, фуража и подъемныхъ лошадей.

Первый городъ, черезъ который Пугачевъ долженъ былъ прослѣдовать по дорогѣ изъ Пензы въ Саратовъ, былъ Петровскъ. Городомъ этимъ заправлялъ французскій штатной команды Юматовъ. Воевода и секретарь почему-то «отлучились» изъ города, такъ что Петровскъ остался на рукахъ Юматова. Въ особой монографіи — «Пугачевскій полковникъ Ивановъ» мы уже говорили, какъ готовился Петровскъ къ встрѣчѣ самозванца. Поэтъ Державинъ, который въ это время взялъ на себя защиту Саратовской губерніи и, поэтому, полемизировалъ (впрочемъ, весьма извѣтельно и въ литературномъ отношеніи безукоризненно) съ саратовскимъ комендантомъ Бошнякомъ, вздумалъ-было скакать съ небольшимъ отрядомъ на защиту Петровска, но какъ увидѣлъ опасность лицомъ къ лицу, то и убѣжалъ обратно.

Почти накануне прихода самозванца, Юматовъ писалъ Державину, что въ Петровскѣ осталось всего только *десять* человѣкъ штатной команды, да и тѣ бунтуютъ. Или Юматовъ лгалъ передъ Державиннымъ, или, въ самомъ дѣлѣ, команда почему либо «отлучилась» изъ Петровска, только послѣдующіе факты подтверждаютъ, что Юматовъ или трусилъ или лгалъ. Скорѣе всего, что онъ трусилъ Пугачева, потому что былъ человѣкъ уже очень дряхлый и бевтолковый (*). Но что страхъ не окончательно лишилъ его разсудка, это видно изъ того, что онъ не отказался отъ чести, предложенной ему Пугачевымъ — быть *полковникомъ* арміи Петра III. Пугачевъ, дѣйствительно, поставилъ его полковникомъ и, по выходѣ изъ Петровска, сдалъ ему управление городомъ. За оказанную ему самозванцемъ честь, Юматовъ изъ всей силы усердствовалъ передъ самозванцемъ императоромъ. Когда толпы Пугачева уже вышли изъ Петровска и оставались только казаки-эmissары пугачевскіе, да разная сводочь, Юматовъ навербовалъ для самозванца довольно значительный отрядъ, и все это были солдаты той же штатной команды, которой, по отзыву Юматова Державину, оставалось «не болѣе десяти человѣкъ». Такъ онъ выслалъ въ толпу Пугачева 75 человѣкъ 1-ой роты, 81 второй, 56 третьей, 76 четвертой и 30 человѣкъ «чернасошнихъ крестьянъ», а всего 310. Виснмалъ же онъ ихъ подъ таковымъ страхомъ, что если къ высылкѣ въ тое толпу того жъ дня не соберутся, то хотѣлъ изъ жителей сего горда *да пятидесяти человекъ перащипать* и одного Федиста Красношорова, что не побѣжать въ тое злодѣйскую толпу, *дѣйствительно глаза на плаву и затылок голову отрубить, но, аа, неостыжались есному пата* (палача), *за отлучкою его, Юматова, скрылся*. Такъ усердствовалъ Юматовъ. Посланный Юматовымъ отрядъ догналъ Пугачева уже въ Саратовѣ ниже города «въ кустахъ», какъ говорится въ подлинныхъ документахъ того времени (**).

Неудивительно, что Юматовъ усердствовалъ передъ Пугачевымъ. Передъ нимъ преклонился теперь все, начиная отъ влостей и кончая беднѣйшими бабынками. Настало полное владыче-

* Эта дряхлость Юматова принята была во вниманіе при утвержденіи сенатомъ 10 января 1774 года, «о назначеніи смертнѣе казнь повѣннѣе, бунтовщѣе и самозванца Пугачева и его сообщниковъ, при слезномъ «инвалиднѣе» командѣ прапорщика Ивана Юматова, за *инвалиднѣе на чинѣ офицерскому робастъ*, при разореніи города Петровска, хотя строжайшаго достоинъ онъ назначеніи, но, за *старостію* лѣтъ уменьшал оное, лишать его чиновъ».

** Въ селѣннѣ, «кустѣннѣ» называли «Улѣннѣ», гдѣ стояли толпы Пугачева, до вѣннѣдѣ эти Саратовѣ.

ство Пугачевщины. Это уже не былъ оренбургскій бунтъ, а поголовное возстаніе русскаго народа и поголовное избіеніе дворянъ и чиновникъ людей. За Волгой негдѣ было разгуляться страшному пожару: тамъ населеніе было не такъ случено, какъ по сѣ сторону Волги, и не было тамъ такого множества крестьянъ, какъ здѣсь. Всѣ села и деревни поднялись на ноги: нина вставали, когда приходили къ нимъ пугачевскіе эжиссары; другія поднимались, не дожидаясь приказаній самозванца и его полковниковъ. Являются въ село два-три человека изъ предавшейся Пугачеву толпы и, называя себя служителями императора Петра III, приказываютъ собираться мирской сходкѣ. На сходкѣ оновѣщается воля, истребленіе помѣщикова, дешевая соль и прочія великія милости. Собирается крестьянское ополченіе. Затѣмъ приходитъ «злудѣйская толпа», во главѣ которой полковникъ или эсаулъ: въ селѣ раздается звонъ колоколовъ, попы идутъ въ праздничныхъ ризахъ, съ врестами, съ хоругвями и иконами. Народъ стоитъ на колѣняхъ, а старшины подносятъ хлѣбъ-соль. Начинается приводъ жителей къ присягѣ, а затѣмъ гульня, выбираютъ и ставятся новыя власти, на вербованное земское ополченіе верстается въ казаки и всѣмъ стригутся волосы «въ дружалю». Тутъ же идетъ и расправа съ помѣщиками и прочими властями, если на нихъ принесена жалоба. Ставятся реди, а за спѣшностью, висѣлицу замѣняютъ ворота того дома, гдѣ ируется «злудѣйскій полковникъ».

Такъ было и въ Саратовской губерніи во время прохода по ней скопищъ Пугачева. Вновь на вербованные войны арміи императора тотчасъ отправлялись въ войску — кто къ самому Пугачеву, кто къ его полковникамъ. То и дѣло партій эти, встрѣчая одна другую, обвинявались въ вопросахъ, какъ паролемъ и лозунгомъ:

— Чьи вы?

— Государевы.

— Куда путь держите?

— Въ армію его величества, къ полковнику Обрывалову.

Иногда между партіями завязывались схватки. Полковники драли другъ друга плетьюми, бѣшали и убивали киями и дубьемъ тѣхъ, кто былъ послабѣе. Ни одно село, ни одна деревня не были оставлены этими партіями безъ того, чтобы кто-либо не былъ убитъ, или повѣшенъ. Архиваны дѣла, въ которыхъ имъ рылись, такъ и нестраты именами убитыхъ, застрѣленныхъ, повѣшенныхъ. Пока самъ Пугачевъ двигался изъ Петровска къ Саратову, вотъ что творилось въ окрестностяхъ Петровска, по селамъ и деревнямъ:

Въ селѣ Сердобѣ партією пугачевскою «наглостно застрѣченъ

до смерти плетью» мельникъ, малороссіянинъ Елецкій. «Убить дубьемъ до смерти» пахотный солдатъ Скопницевъ.

Въ селѣ Покровскомъ-Славинѣ той же партией повѣшенъ въ своемъ домѣ, погъ съ женою и сыномъ.

Въ селѣ Рождественскомъ, Козловка тожъ, въ ночное время, прїѣхавшими туда невѣдомыми людьми застрѣленъ изъ ружья на улицѣ пахотный солдатъ Куликовъ.

Въ селѣ Лопатинѣ воровскіе люди, до 30 человекъ, крестьянина Анисимова, шедшаго отъ заутрени, взяли на улицѣ и, не говоря ни слова, повѣсили на кузницѣ.

Въ селѣ Рождественскомъ, Ориино тожъ, дьяконъ Гаврила Лукинъ, въ домѣ своемъ, за недачу денегъ, на воротахъ повѣшенъ.

Въ деревню Мокрое приведены были трое незнакомыхъ людей и ночью на воротахъ повѣшены. Мертвыя тѣла тотчасъ же сняты и гдѣ брошены — неизвѣстно. Деревня разорена.

Деревни Пещанки помѣщикъ Власевъ заколотъ.

Села Никольскаго, Слѣщовка тожъ, помѣщикъ Маматовъ убитъ.

Села Рождественскаго, Иволга тожъ, помѣщица Дурасова заколота копыями.

Села Дмитріевскаго, Лысыя горы тожъ, помѣщикъ Чемадуровъ въ лѣсу повѣшенъ.

Села Белгазы помѣщикъ Агишевъ заколотъ.

Деревни Осиновки помѣщикъ Яковлевъ повѣшенъ.

Села Никольскаго, Киселева тожъ, помѣщики Киселевы крестьянами привезены въ Саратовъ и повѣшены. Два приказчика ихъ дома на воротахъ перевѣшаны.

Села Никольскаго, Лисичино тожъ, помѣщица Безобразова въ своемъ домѣ на воротахъ повѣшена.

Утомительно читать эти страшныя дѣла, въ которыхъ съ такою ужасающею краткостью говорится только: «судавленъ на полѣ», «проколота въ горло и въ животъ коньемъ», «утопленъ въ старомъ колодезѣ и засыпанъ землею», «живой брошенъ въ пылающее пламя», «затравлена злодѣйскими собаками», «отрублена голова и на огородину взоткнута», «наглостно сѣченъ плетью и копытными копытами раздавленъ», «прошиблена вистенемъ голова до мозгу», «будучи преслѣдуемъ злодѣями въ болотѣ захлебнулся», «въ бочку головою посаженъ, гдѣ и умеръ». Но веревка, какъ видно, играла господствующую роль: на сто убійствъ по крайней мѣрѣ приходится девяносто убійствъ чрезъ повѣшеніе. Петровскаго протопопа, бѣжавшаго въ лѣсъ, «притащили изъ лѣсу къ войску, за косу».

Но могло бы быть еще больше этихъ убійствъ и этихъ ужасовъ, еслибы помѣшники и власти не бѣжали заблаговременно куда глаза глядятъ и еслибы разбойники въ комъ либо встрѣчали сопротивленіе. Но этого сопротивленія не было.

Наконецъ, дошла очередь и до Саратова. Тѣ, которые болѣе всѣхъ кричали и язвительно издѣвались надъ Бошнякомъ, какъ-то поэтъ Державинъ и Ладженскій — бѣжали. Остался одинъ осмѣянный Бошнякъ.

«Сначала пронесся слухъ (говорить очевидецъ, старикъ. Калмыковъ *), что Пугачъ идетъ по Симбирской дорогѣ на Саратовъ, по дорогѣ всѣхъ рубить и вѣшать... Держалъ онъ въ осадѣ Оренбургъ, отъ котораго, однако жъ, былъ отраженъ войскомъ генерала Михельсона. Однако жъ, онъ такъ сильно стѣснилъ осадю жителей Оренбурга, что они вынуждены были для утоленія голода собирать съ церковей и домовъ голубинный калъ, который мѣшали съ мукою и тѣмъ себя пропитывали. Когда Пугачъ узналъ, что войско Михельсона уже близко, то, къ величайшей своей досадѣ, вынужденъ былъ снять осаду Оренбурга, не взявши его... Въ Саратовѣ у насъ произошло волненіе: всѣ начали прятать свои сокровища, деньги и вещи зарывали въ землю; дворiane выѣзжали изъ города, а нѣкоторые, однако жъ, остались и изъявили ревность защищать городъ. Нашъ воевода ** отдалъ нанстрожайшій приказъ, чтобы всѣ тѣ, которые въ состояніи были носить оружіе, явились на комендантскій дворъ. Но строгій указъ воеводы мало дѣйствовалъ на народъ, который не зналъ, за что взяться и кого защищать, а многіе изъ города уходили къ Пугачу, слыша, что онъ всѣхъ грабятъ и расхищаетъ, въ надеждѣ поживиться чужою собственностью. Однако жъ, городской голова и старшины города собрали земское войско, которое и представили воеводѣ. Я тоже нигдѣ въ городѣ домъ и семейство, а потому и вынужденъ былъ присоединиться къ этому ополченію. Пришелъ къ воеводѣ, объявилъ свое желаніе быть въ этомъ дѣлѣ сподвижникомъ. У меня было старое заржавленное ружье. Ружье это у меня отобрали, а на мѣсто его дали алебарду ***, записали и поставили съ прочими коньеносцами. Начали насъ потомъ обучать маршировкѣ и только обѣдать и ужинать отпускали домой. Потомъ оставили ученіе и пошли

* Со словъ Калмыкова, умершаго въ 1825 году, саратовскій старожилъ Никитинъ 2-й записалъ разсказъ о взятіи Пугачевскимъ Саратовъ. Рукопись эта («Воспоминанія прошедшаго») находится у насъ.

** Разскащикъ, какъ видно, разумѣетъ не воеводу, а коменданта Бошняка.

*** Безъ сомнѣнія, рѣчь идетъ не объ алебардахъ, а о копьяхъ, которыми стѣзало общество на свой счетъ (см. «Пугачевщина»).

укрѣплять городъ. Укрѣпленіе это состояло изъ землянаго вала, который хотя и былъ, но уже слишкомъ понизился, и мы подняли его нѣсколько повыше. Валъ претягивался отъ Глѣбова оврага, чрезъ свѣжербный базаръ, мимо церкви Михаила Архангела, и кончался у воеводскаго дома. Отсюда начинался непроходимый лѣсъ, въ которомъ всегда укрывались разбойники. Вотъ вся величина города Саратова въ то время!

«На валъ мы поставили нѣсколько чугунныхъ пушекъ на телѣжныхъ передкахъ, которые служили намъ вмѣсто лафетовъ. Войство наше состояло изъ 8,000 человекъ. Сверхъ того былъ одинъ полкъ регулярныхъ солдатъ, которыхъ мы называли *красноперыми*, потому что они носили на киверахъ красныя перья. Солдаты безпрестанно маршировали съ музыкою и барабаннымъ боемъ, дѣлая разводы.

«По укрѣпленіи города, воевода нашъ, соскучившись ждаты Пугача, сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе: для охраненія города отъ оставилъ насъ на валу, въ числѣ 3,000 человекъ, а самъ съ остальнымъ войскомъ двинулся въ лѣсъ, по петровской дорогѣ, и тамъ скрылся. Онъ намѣревался изъ этой засады напасть на Пугача въ распахъ, съ боку и съ тылу, когда Пугачъ пойдетъ къ московской заставѣ. Намъ же строго приказалъ, что если мы услышимъ палубу, днемъ или ночью, то оставили бы свои укрѣпленія и какъ можно скорѣе двинулись къ нему на помощь, или же нанали бы на Пугача съ центра. Видумца хороша, потому что Пугачъ имѣлъ только конницу порядочную, а нѣхота его составляла была изъ деревенскихъ мужиковъ и разной сволочи; напротивъ, нашъ воевода имѣлъ полкъ обученной пѣхоты и нѣсколько полевыхъ орудій, такъ что еслибъ этотъ планъ намъ удался, то Пугачъ могъ бы быть атакованъ и даже разбитъ. Но на дѣлѣ вышло совсѣмъ тому противное, потому что Пугачъ, видне, умѣе нашего воеводы былъ. Онъ узналъ отъ переметчиковъ, гдѣ укрѣпился воевода, и остановился отъ него въ двухъ верстахъ, показывая видъ, что хочетъ напасть. Это было уже вечеромъ. Ночью Пугачъ приказалъ разложить у себя въ лагерѣ множество огня. Воевода нашъ хотѣлъ напасть на него рано утромъ, думая, что нападеніе это будетъ самымъ выгоднымъ. Онъ говорилъ, что Пугачъ въ это время будетъ спать съ своимъ войскомъ. Но на дѣлѣ не то вышло. Пугачъ оставилъ въ своемъ лагерѣ наибольшій отрядъ, а самъ повернулся въѣвъ и вообразилъ на горѣ Каланчу в Соколову, поставилъ тамъ свою артиллерію, въ тылу нашихъ укрѣпленій, и съ утра началъ стрѣлять съ горы Соколовой по городу, а съ Каланчи поперегъ дороги. Этимъ движеніемъ онъ совершенно отрѣзалъ отъ города

нашего воеводу, а между тѣмъ отрядъ Пугача спустился съ горъ, безпрепятственно перешелъ чрезъ Глѣбовъ оврагъ, явился на пѣшемъ базарѣ и, ограбивъ гостинный дворъ, укрѣнился въ немъ. Къ довершенію бѣдствія, другой его отрядъ явился съ Волги. Этотъ отрядъ слѣдовалъ Волгою на плотахъ, баржахъ и рыбацкихъ лодкахъ, и безпрепятственно высадился на берегъ подъ московскимъ взвозомъ. Оттуда никто не ожидалъ Пугача, и эта часть города нигдѣмъ не была охраняема. Между тѣмъ, Пугачъ безпрестанно стрѣлялъ въ городъ, отчего произошелъ пожаръ. Половина города выгорѣла. Погорѣвшія семейства удалились за городъ, въ лѣсъ, на берегъ Волги, къ красному кресту. Эти несчастные по недостатку продовольствія пытались лѣсными яблоками и кое-какими полевыми ягодами. Бѣдствіе было несказанное.

«Между тѣмъ, воевода нашъ, видя дѣло свое совершенно потеряннымъ, за полезное счелъ съ своею свитою предаться бѣгству, а оставленное имъ войско соединилось съ Пугачомъ. Тогда войско Пугача вломилось въ городъ и начало грабить его безъ милосердія».

Этотъ безыскусственный рассказъ совершенно въ иномъ свѣтѣ рисуетъ обстоятельства взятія Саратова Пугачевымъ. У Пушкина все это рассказано совершенно иначе. У Пушкина говорится, что Бошнякъ защищалъ городъ до послѣдней возможности, что онъ отстаивалъ крѣпость въ то время, когда самозванецъ громилъ городъ съ Соколовой горы, но что когда брошенная Бошнякомъ изъ мортиры бомба не полетѣла далеко, а упала подъ крѣпостью, когда, потомъ, его артиллеристы, выхвата изъ-подъ пушечъ клинья и фитили, выбѣжали изъ крѣпости и сдались, храбрый комендантъ бросилъ крѣпость и съ горстью оставшихся вѣрными ему пробивался *цѣлые шесть часовъ* «свзвозъ безчисленныя толпы разбойниковъ».

Вообще, это мѣсто у Пушкина довольно сомнительно. Онъ, замѣтно, былъ нѣсколько пристрастенъ къ Бошняку, котораго вездѣ выставляетъ героемъ. Даже честь защиты Царицына, куда бѣжала Бошнякъ, онъ приписываетъ больше Бошняку, чѣмъ Цинцетеву. Впрочемъ, у Пушкина не мало не только сомнительныхъ мѣстъ, но даже просто ошибочныхъ.

Но послѣднимъ рассказъ Калашникова дальше.

«Между тѣмъ и мы, говоритъ онъ, оставивъ свои укрѣпленія, вынуждены были бѣжать кто куда зналъ. Я, вмѣсто того, чтобъ идти домой, куда пренятствовалъ мнѣ страхъ явиться, пришелъ въ кирпичные сараи, нашелъ тамъ нѣсколько человекъ своихъ сподвижниковъ, и съ ними вмѣстѣ почевалъ въ горновой печи. Поутру я пришелъ домой. Борота были замерты, ошощи закрн-

ты. Я перелѣзъ черезъ заборъ и нашель свое семейство въ погребѣ. Увидѣвъ меня, всѣ несказанно обрадовались, ибо почтали меня убитымъ.

«Потомъ я отправился въ магистратъ (думу), гдѣ уже народу собралось довольно. Городской голова съ гражданами держалъ совѣтъ, и, наконецъ, рѣшились идти къ Пугачеву съ покорностію. Насъ собралось около трехъ тысячъ человекъ и мы пришли къ нему въ лагерь, который находился на Соколовой горѣ. Пугачъ, увидѣвъ насъ, спросилъ своихъ приближенныхъ:

«— Что это за люди и зачѣмъ пришли?»

«— Это обыватели города Саратова съ градскимъ головою,— пришли къ вашему величеству съ покорностію, отвѣчали ему.

«— Приведите ихъ къ присягѣ, сказалъ онъ.

«Позади его шатра уже много было священниковъ, которые, однако жъ, были въ нетрезвомъ видѣ, и безпрестанно приводили народъ къ присягѣ. Потомъ присягнули и мы. Тутъ насъ подвели ближе къ палаткѣ Пугача и онъ сказалъ намъ рѣчь, во время которой я могъ разглядѣть весьма хорошо его черные глаза и черные усы. Палатка была шелковая, бѣлая, съ разными золотыми узорами. Внутри ея было небольшое возвышеніе, обитое алмазъ бархатомъ и золотою бахромою, что все представляло глазамъ весьма пріятный видъ. На этомъ возвышеніи сидѣлъ Пугачъ, во фракѣ, съ кортикомъ, а на головѣ имѣлъ казацкую шапку съ золотымъ крестомъ. Ленту имѣлъ голубую, а на правомъ плечѣ звѣзду. Въ рукахъ у него была зрительная труба, въ которую онъ повременамъ смотрѣлъ на городъ и его окрестности. Свита около него была также съ крестами и медалями, на подобіе генераловъ.

«Онъ сказалъ намъ голосомъ нѣсколько охриплымъ:

«— Я вашъ законный императоръ. Жена моя увлеклась на сторону дворянъ, и я повлился передъ Богомъ истребить ихъ всѣхъ до одинаго. Они склонили ее, чтобы всѣхъ васъ отдать имъ въ рабство, но я этому воспротивился, и они всѣ вознегодовали на меня, подослали убійцъ, но Богъ меня спасъ. Я скрылся въ воронежскихъ лѣсахъ, вышелъ оттуда для освобожденія отечества отъ враговъ и на защиту вольности, драгоценной для всякаго русскаго. Ступайте, живите и наслаждайтесь ею. Помните, что у васъ есть императоръ, которому въ вѣрности вы дали клятву».

«Съ тѣмъ насъ и отпустилъ, и мы, поклонившись ему до земли, разбрелись въ разныя стороны. Я пошелъ, какъ будучи его подданный, ничего не боясь, по его лагерью, протиснутому по горѣ, гдѣ стояли пушки. Казацкая конница рыскала повсюду, а пѣкота его, которая состояла изъ разной сводочи и деревенскихъ му-

живовъ, топились около кипѣвшихъ котловъ съ мясомъ. Всѣ были пьяны, курили трубки. Слышенъ былъ шумъ и ругательства. Немного подалѣе стояло нѣсколько кучекъ ружьевъ, поставленныхъ такъ же, какъ и у настоящихъ солдатъ. Потомъ дошелъ я до оконечности Соколовой горы, гдѣ она пересѣкается рѣкою Волгою. Тутъ представилось мнѣ зрѣлище совсѣмъ въ другомъ родѣ: поставлено было нѣсколько висѣлицъ, и на висѣлицахъ этихъ безпрестанно вѣшали мужчинъ и женщинъ, не взирая на ихъ просьбы, плачь и рыданія. Тѣла убитыхъ обирали и бросали подъ гору, къ рѣкѣ Волгѣ, гдѣ ихъ опять брали и относили въ Волгу. Захвачено было нѣсколько семействъ дворянскихъ, кои, для сокрытія своего званія, одѣты были въ крестьянское платье и намазаны сажею. Но этотъ способъ укрывательства мало имъ помогаль, потому что злодѣи узнавали ихъ изъ разговоровъ, и всѣхъ этихъ несчастныхъ предали смерти. Потомъ пригнали съ Волги человекъ 60 бурлаковъ, которыхъ обвиняли въ томъ, будто они ругали ихъ царя Петра третьяго. Бурлаки плакали и просили:

— Батюшки, за что вы насъ хотите убить? Мы вышли на суднѣ изъ Астрахани, и не только что ругать вашего Петра третьяго, но не знаемъ, кто онъ такой и котораго онъ роду и не видали его...

«— А! вскричали палачи Пугачевы; вотъ они сами сознались, что нашего императора не признають... Вѣшать ихъ!»

«И всѣхъ этихъ несчастныхъ предали смерти и обирали донага.

«Я нивагъ не могъ постигнуть причины, почему этотъ Пугачевъ не вѣзжалъ въ городъ, а оставался на Соколовой горѣ даже до отступленія своего отъ города.

«Наскучило мнѣ смотрѣть на это отвратительное убійство, и я возвратился въ городъ. Тутъ увидѣлъ я другое зрѣлище, не лучше предыдущаго: солдаты, народъ, казаки и всякая сволочь кричали пьяные и толпами бѣгали по улицамъ, всѣхъ грабили, а противящихся убивали. Мертвыхъ тѣлъ, по городу валявшихся, было множество, и ихъ никто не убираль. Одна буйная толпа, которая состояла человекъ изъ пятидесяти, шибко бѣжала невѣдѣно куда, и обратила мое вниманіе тѣмъ, что среди ея былъ мужикъ огромнаго роста, въ поповской золотой ризѣ, а на головѣ у него, вмѣсто шапки, надѣтъ былъ бабій волосникъ... Лавки, церкви, кабаки и всѣ богатые дома были начисто ограблены...»

Разсказываютъ, что когда Пугачевъ громилъ Саратовъ изъ

пушекъ, въ нему вдругъ подбѣгаетъ одинъ изъ его генераловъ и говорить:

— Ваше величество! у насъ бѣда случилась.

— Какая бѣда?

— Ядеръ и картечи не хватаетъ.

— Это бѣда, да не большая: у васъ и не такая была бѣда— государя не было, а теперь есть... Будутъ ядра и картечи.

— Да теперь нѣтъ, ваше величество.

— Возьмите городъ,—тамъ есть ядра и картечи. У русскаго царя много городовъ, много припасовъ—какъ же вы говорите, что ядеръ нѣтъ?

— Саратовъ не повинуется вашему величеству.

— Тамъ вотъ вамъ ядра и картечи, сказалъ самозванецъ, указывая на мѣшки съ мѣдною монетою:— стрѣляйте казеннымъ добромъ—пусть знаютъ мои подданные, что у меня добра много.

И канониры стали заряжать пушки мѣдною монетою и стрѣлять въ городъ. Когда народъ въ Саратовѣ замѣтилъ, что изъ лагеря самозванца летятъ на него деньги, многіе закричали:

— Идемъ къ батюнкѣ-царю съ повинною: онъ деньгами стрѣляетъ, стало-быть, много у него казны царской. Не даромъ говорить, что онъ царь милостивый.

— Это деньги не его, а матушкины-государыни, говорили другіе.

Но первые осилили послѣднихъ, и городъ покорился самозванцу.

Когда начали приводить народъ къ присягѣ, пьяный магистратскій канцеляристъ Судаковъ взобрался на соборную колокольню и, распустивъ конецъ краснаго «сассандрійскаго» холста, въ видѣ знамени, кричалъ къ народу:

— Братцы! православные христіане! кто за батюнку-государя, иди въ церковь къ честному кресту приложиться.

На этотъ крикъ стекался народъ съ базарной площади и съ пристани.

— Сюда, сюда, православный народъ! кричалъ Судаковъ.

Многіе полѣзли на колокольню, а другіе кричали:

— Будетъ ужъ намъ маяться... отслужили мы своимъ гонителямъ.

— Идемъ батюнкѣ-царю поклониться, воили третьи.

— Идемъ добро дворянское дѣлить промешъ себя, кричали четвертые.

Въ это время на площадь нахлынула толпа холодниковъ, которыхъ освободили изъ острога. Они несли въ рукавъ что-то выдалы, что дубье, и бандалами равбивали огна у богатыхъ людей.

Кабани были разбиты и казенное добро распивалось на площади обезумѣвшею толпою *. Въ одномъ питейномъ домѣ, цѣловальникъ котораго хотѣлъ-было не допустить толпы до грабежа напитковъ, пьяные колодники повалили цѣловальника на землю и перекатывали черезъ него огромную бочку съ виномъ, пока несчастный не былъ задавленъ.

Между тѣмъ въ лагерѣ самозванца шла стрижка «въ кружало», по казачьи, всѣхъ приставшихъ къ толпѣ Пугачева и изъявившихъ желаніе записаться въ его армію. Явился и дьячокъ Крестовоздвиженской церкви Меодіевъ, который также захотѣлъ идти въ казаки.

— Кто ты таковъ? спрашивали его старшины.

— Церкви Воздвиженья честнаго креста пономарь Лука Меодіевъ.

— Присягалъ государю Петру Третьему?

— Присягалъ — и желаю въ войско его величества записаннымъ быть.

Его тотчасъ же остригли въ кружало, одѣли въ казачье платье и посадили на лошадь...

IX.

Эта дикая оргія продолжалась въ Саратовѣ около недѣли. Почему самозванецъ такъ долго оставался въ этомъ городѣ, когда онъ не могъ не знать, что по нитамъ его гонятся Мюфель и Михельсонъ — неизвѣстно. Наконецъ онъ покинулъ и этотъ городъ. Часть своего войска онъ посадилъ на суда и лодки, а съ конницею и остальною пѣхотою и со всѣмъ своимъ «кошемъ» двинулся по астраханской дорогѣ.

При взятіи Саратова, войско его, по однимъ источникамъ, составляло болѣе десяти тысячъ, по другимъ — едва достигало

* ...«вооруженные казаки и старшины во всемъ городѣ, какъ обывательскіи, такъ между тѣмъ въ питейныхъ домахъ за проданныя питея денежную казну пограбили и вслѣдствіе казенные напитки безденежно выпили безъ остатку и разныхъ народовъ къ тому допускали, а потомъ — закладенныя кирпичными въ казенныхъ выходахъ двери и окна выломали, и двери отбили, въ которыхъ казеннаго вина имѣлось множественное число, и бочки съ виномъ прорубили, дны вышибали и обручья разсѣвали, также чрезвычайно сами пили и разныхъ людей безденежно позволено допустили и по дворамъ таскали ведрами, кувшинами и всякою посудю августа по 12-е число... *а канцелярскія приходныя и расходныя книги и всѣ происходившія дѣла означеннымъ злодѣемъ брашены въ воду, всѣ безъ остатку*».

8,000 человекъ.*. Впрочемъ, мѣрять каковыми бы то ни было числами толпу Пугачева — невозможно. Это была обрушившаася на Россію снѣжная лавина, которая то разбивалась на части, какъ бы расплывалась въ пространствѣ и повидимому исчезала, то разомъ становилась страшною массою, которую можно было измѣрять не десятками, а сотнями тысячъ. Всѣ бунтовавшіи провинціи всего юго-востока Россіи составляли его армию, которая то скучивалась около самозванца, то разбивалась на партизанскіе отряды, въ нѣсколько сотъ и тысячъ, и въ обоихъ случаяхъ была страшною, неотразимою силою. Даже въ сентябрѣ, когда Суворовъ, по заключеніи мира съ Турціею, скакалъ изъ Москвы, чтобы помѣряться силами и умѣньемъ съ невѣдомымъ ему, но опаснымъ противникомъ, и когда Пугачевъ, уже разбитый Михельсономъ ниже Царицына, метался изъ стороны въ сторону по безлюдной заводской степи, вдали отъ самозванца, между Пензой и Саратовымъ, бродили еще его толпы, которыя, также какъ и бѣжавшія съ нимъ пайки, принадлежали къ его же *великой* *арміи*. Объ этомъ говорить и историкъ Суворова, Антинъ**.

Гроза, такимъ образомъ, двигалась по направленію къ Астрахани или къ Дону, смотря по тому, куда было выгоднѣе или удобнѣе броситься самозванцу.

Но въ то время, когда Пугачевъ уже взялъ Саратовъ, и защитники его Державинъ, Ладженскій и Бошнякъ бѣжали, Кречетниковъ, астраханскій губернаторъ, ничего не зная что дѣлается въ Саратовѣ, вотъ что писалъ Цыплетеву: «сего числа (6-го августа) получилъ я отъ васъ репортъ по извѣстію отъ господина полковника и саратовскаго коменданта Бошняка о происходившихъ варварствахъ отъ злодѣя Пугачева въ разныхъ мѣстахъ; причѣмъ и требуете не повелѣно-ль будетъ господину полковнику князю Дундукову со всѣми военными людьми подкрѣпить Царицынъ съ линіею. Я, видя такоеое разливающееся злодѣйство и всѣмъ намъ вообще крайнее бѣдство, не только изъ вашего, но вѣщѣе изъ репортовъ и отъ саратовскаго комен-

* «Sa force sous Saratow était presque de huit mille hommes, pour la plupart payans mal armés, parmi lesquels il n'y avait que mille hommes d'infanterie réglée, qu'il avait lèvés avec environ douze canons, quatre régimens de cosaques du Don et trois cents cosaques d'Uralak, qui seuls lui étaient restés fidèles sur cinq cents qui s'étaient attachés à lui au commencement.» Fr. Anthing: Les campagnes du comte de Souvoroff-Rymnikski. I v., 157—158.

** «Il (Суворовъ) rencontra souvent aussi des troupes du parti de Pugatschew, mais on ne l'attaqua point, et de son côté comme il avait peu de monde, il ne jugea pas non plus à propos d'attaques». Ibid. 157.

данта, въ сіе жь время полученныхъ, не преминулъ въ сохраненіе ея императорскаго величества высочайшаго интереса, по должности моеѣ, *о предохраненіи предпримать ему, командиру, достаточное наставленіе (должно уже!), и, сверхъ того, сего жь числа, къ нему, подполковнику князю Дундукову послать ордеръ, чтобъ какъ наискорѣе съ камицкимъ войскомъ и казаками къ Царицynu приблизиться и сообщиться съ дербетовыми камицками и поступать по вашему наставленію. Вслѣдствіе чего вашему высокоблагородію и предписую, дабы царицынскому линію тѣми войсками прикрыть и смотрѣть къ Новохоперской крѣпости, и если злодѣи осядутся, то велѣть ему, князю Дундукову, обще съ находящимся въ Царицнѣ легкой полевой команды майоромъ Дяцомъ, на отраженіе злодѣя итти и стараться его въ конецъ истребить, о чемъ и саратовскому командиру ордеромъ моимъ предложено, чтобъ онъ, взвѣдя и развѣдывая на обратности злодѣя, есть ли онъ клониться будетъ къ Дону, *чего сърно ожидать должно*, то бь майора Дяца съ полевой командою въ Саратовъ не брать, а велѣть бы ему итти къ Пензѣ, заграждая Новохоперскую крѣпость, чтобъ тѣмъ Донъ былъ прикрытъ. Чего ради ему, командиру, и знать дано, что князю Дундукову велѣно къ Царицynu приблизиться, и ежели отъ него майоръ Дяцъ будетъ посланъ къ Пензѣ, то бь онъ отъ себя далъ ему изъ Саратова казаковъ достаточное число, *воишь онъ и имѣетъ, а въ городъ въ нихъ нужды не настощитъ.**

«Совсѣмъ тѣмъ (продолжалъ Кречетниковъ) *зота мнѣ отсюда (изъ Астрахани) точно всею предвидѣть не можно*, но весьма я за непремѣнное почитаю, что Дипу *теперь же* быть должно отъ стороны Дмитріевска и Петровска къ Пензѣ, то тѣмъ самымъ Саратовъ и прикроется. Но развѣ злодѣи отъ Сибирска покусатся, въ такомъ случаѣ должно быть майору Дипу *и въ той сторонѣ*, и для того, подавъ ему, саратовскому командиру, наставленіе, то и другое предоставилъ на его распоряженіе, рекомендуя больше совѣтывать съ находящимся въ Саратовѣ начальниками, единодушно сохраняя, какъ предъ Богомъ, такъ и предъ ея императорскимъ величествомъ и отечествомъ, непоколебимую вѣрность и ревность, стараясь изыскивать ко истребленію злодѣйства и защищенію наилучшія средства, къ чему употребить и волжскаго войска атамана Персидкаго, со всѣми казаками, не разсуждая ни о малолѣткахъ, и ниже объ отставныхъ, но къ тому ихъ всѣхъ выкомандировать и крайне поещисью таковой разливающейся ады дагѣе не допустить и всѣми мѣрами распынать ево въ прахъ, въ чемъ я, по извѣстной вашей надежности, несомнѣнно на васъ и полагаюсь,

яко вы, по вѣрноподданнической должности своей и ревности въ службѣ ея императорскаго величества, конечно въ точность исполнить не оставите, за что и можете получить не только похвалу, но и высочайшее отъ ея императорскаго величества награжденіе».

Такъ писалъ Кречетниковъ, дѣйствуя ощупью, потому что онъ ничего, повидимому, не зналъ о послѣднихъ дѣйствіяхъ самозванца. Такимъ же точно образомъ, подобно Кречетникову, поступали и всѣ прочія правительственныя лица въ то горячее время. Въ тотъ моментъ, когда Саратовъ находился уже въ рукахъ Пугачева и когда Державинъ и Вошнякъ бѣжали изъ него, Кречетниковъ узналъ старымъ вѣсти о «разливающемся злодѣйствѣ и всѣмъ намъ — какъ онъ выражается — крайнемъ бѣдствѣ», и когда Саратовъ уже присягнулъ Пугачеву, Кречетниковъ посылаетъ Вошняку «достаточное наставленіе» относительно защиты Саратова, наставленіе, которое могло достигнуть до Саратова не раньше 12-го или 11-го августа, т.-е. когда Пугачевъ уже далеко оставилъ за собою разворенный имъ городъ. Мало того: вѣрнѣе сомнѣваясь въ вѣрности донскаго войска, Кречетниковъ велитъ Диду прикрыть Донъ вмѣстѣ съ калмыцкими войсками; а чтобы прикрыть Донъ, надо было идти къ Пензѣ, куда Дидъ могъ поспѣть изъ Царицына *съ концы августа*, тогда какъ Пугачевъ *съ концы июля* уже прошелъ Пензу! И это еще не все: Кречетниковъ велитъ Вошняку послать съ Дидемъ къ Пензѣ саратовскихъ казаковъ, въ которыхъ, по его мнѣнію, Саратову «*нужды не настоятъ*». Но *въ тѣ часы*, когда Кречетниковъ писалъ это распоряженіе изъ Астрахани, въ Саратовѣ происходило совсѣмъ не то, что предполагалъ Кречетниковъ: *въ эти часы* саратовскіе казаки передавались самозванцу и казацкій пятидесятникъ Уфимцевъ поставленъ Пугачевымъ въ саратовскіе коменданты или, какъ говорится въ тогдашнихъ бумагахъ, «главнымъ командиромъ». Кречетниковъ самъ сознается, что ему «отсюда», т.-е. изъ Астрахани, «точно всего предвидѣть не можно», но при всемъ томъ онъ приказываетъ Диду быть отъ стороны Дмитріевска и Петровска къ Пензѣ, т.-е. въ одинъ и тотъ же моментъ быть на протяженіи *пятисотъ верстъ*. Но Кречетникова смущаетъ и такое предположеніе: а «если злодѣи отъ Сибирска покусятся» — что тогда дѣлать? Въ такомъ случаѣ Диду надо быть и въ той сторонѣ! И все Дидъ, вездѣ Дидъ... Эти распоряженія, какъ извѣстно, стояли жизни бѣдному Диду. Когда онъ, вмѣстѣ съ княземъ Дундуковымъ и калмыцкимъ войскомъ дербетова улуса *, а также съ донскими ка-

* Пушкинъ говоритъ, что въ этомъ сраженіи калмыцкія войска были предводительствуемы князьями Дундуковымъ и Дербетовымъ (Ист. Пуг. бунта I, 154).

заками, встрѣтилъ Пугачева ниже Камышина (а по призыву Кречетникова онъ долженъ былъ встрѣтить его подъ Пензой!) и когда калмыки раземпались при первомъ выстрѣлѣ пугачевскихъ орудій, Дяцъ былъ убитъ...

Въ то же время Кречетниковъ сообщалъ Цыплетеву, что 28-го іюля онъ отправилъ къ нему пакетъ для передачи генералъ-майору князю Багратиону, находившемуся съ войскомъ на Дону, но что, вѣроятно, пакетъ этотъ пропалъ, а потому «по причинѣ упоминаемаго разливающагося зла», требовалъ извѣстія объ этомъ пакетѣ. Князю Багратиону велѣно было съ своимъ detachmentомъ двинуться къ Новохоперской крѣпости, чтобы такимъ образомъ всю линію, донскія жилища и самую крѣпость прикрыть отъ великорусскихъ губерній.

Само собою разумѣется, что эти заглазныя распоряженія только мѣшали Цыплетеву дѣйствовать. Въмѣсто того, чтобы приготовиться къ отпору и стаять къ извѣстнымъ и самымъ опаснымъ пунктамъ всѣ войска, какия могла располагать та мѣстность, Цыплетевъ долженъ былъ на все исправивать разрѣшенія. А между тѣмъ время шло, Пугачевъ былъ уже близко. Нечего было и думать о посылкѣ Дяца къ Пензѣ. Цыплетевъ писалъ Кречетникову, «что положеніе дѣлъ слишкомъ дурно, извѣщаль и о «склонности извѣстнаго злодѣя къ Дону», т.-е. о томъ, что движеніе Пугачева слишкомъ тяготѣетъ къ Дону. Не видя спасенія для Царицынской военной линіи, по которой въ маленькихъ крѣпостцахъ и форпостахъ, сидѣли небольшія команды съ самою жалкою артиллерією, Цыплетевъ просилъ, чтобы ему позволено было эти команды и эту артиллерію забрать въ Царицынъ, чтобы все это не досталось Пугачеву, а между тѣмъ оберегательныя силы Царицына нѣсколько усилятся этими скудными средствами. Хотя поздно, но Кречетниковъ позволилъ это, только позволеніе оказалось уже бесполезнымъ — очистить линію не успѣли... Владѣльцу калмыковъ дербетова улуса, Цендену, и правителямъ калмыцкаго народа велѣно было немедленно подвинуться къ Царицыну съ двухтысячнымъ войскомъ, которое назначалось на Кубань. Равнымъ образомъ велѣно было двинуться къ линіи и князю Дундукову съ своими калмыками. Князь Багратионъ также долженъ былъ поспѣшить къ донскимъ границамъ.

Всѣ эти распоряженія Кречетникова получены были въ Царицынѣ 11-го августа. Въ послѣднемъ ордерѣ къ Цыплетеву Кречетниковъ прибавлялъ: почему я, усмотря приближеніе злодѣевъ

Никакого тамъ князя Дербетова не было, а у Дундукова въ арміи были калмыки «дербетова улуса».

къ здѣшнимъ мѣстамъ, «мы мало ни умножили; на отраженіе ихъ послѣднимъ къ Царицѣ и салт». Эту фразу, т.-е. что «мы мало не умножили послѣднихъ къ Царицѣ и салт» — Кречетниковъ повторялъ слишкомъ часто; но обѣщанія своего, не исполнилъ. Неприятель былъ единственно страшнѣе, чтобъ рисковать столкнуться съ нимъ лицомъ къ лицу. Между тѣмъ донское войско не малое: войсковой грамотой отъ 5-го августа оно поручило войсковому старшинѣ Василію Манкову принять въ свое вѣдѣніе станицы Трехосиоровскую, Голубинскую, Пятинаблскую и Варичаракскую и со всѣми станицъ казаками велѣло идти на истребленіе самозванца и его слодичъ. Но Манковъ былъ въ недоумѣніи, какъ недоумѣвало все въ это ужасное время: гдѣ Пугачевъ? откуда его ждать? гдѣ сосредоточить силы для борьбы съ опасностью? «Но гдѣ бы нынѣ оной злодѣи и намѣнникъ Пугачевъ съ его багровымъ теломъ былъ — ненавѣстно!» (говоритъ Манковъ въ своемъ донесеніи). А Пугачевъ былъ уже недалеко отъ донскихъ предѣловъ. Надо было двигаться все впередъ и впередъ, а иначе опасность должна была застигнуть всѣхъ врасплохъ. Но вотъ у князя Дундукова, командовавшаго калмыцкими войсками, не оказалось ни одного штабъ-офицера, и онъ проситъ ближайшія власти прислать къ нему хоть когонибудь. Встрепенулось и волжское войско: защищаться нечѣмъ, казаковъ нѣтъ, крѣпостей въ войскѣ, кромѣ форпостовъ, также ни одной; главный городъ войска также ничѣмъ не защищенъ; а въ немъ войсковая казна — надо ее спасать... Войско рѣшилось спасать свою казну въ Царицѣнѣ — ее и отправили въ Царицѣнѣ.

Мы уже говорили выше, что правительство боялось донскаго войска. И дѣйствительно, это могъ быть страшный союзникъ для Пугачева. Но доны успокоили опасенія правительства. «Отъ донскихъ атамановъ и казаковъ, отъ войскаго наказнаго атамана Семена Судина и отъ всего войска донскаго» повсюду разосланы были увѣщательныя грамоты, по всѣмъ станицамъ, во всѣмъ походнымъ атаманамъ и старшинамъ. Грамоты эти велѣно было «публиковать на полныхъ станичныхъ сборахъ, всѣмъ до еданаго, со всякимъ вниманіемъ и увѣщеваніемъ надлежащимъ, дабы онѣ (т.-е. казаки) вѣрную свою присягу, ревность и усердіе къ ея императорскому величеству соблюдали навѣки невредимо, а злодѣя Пугачева всѣми образами старались истребить въ прахъ и тѣмъ отъ ея императорскаго величества заслужить вѣчную и несмертельную себѣ и потомкамъ славу». Такимъ образомъ, зашевелилось все, какъ на Дону, такъ и во всей той мѣстности, по которой долженъ былъ проходить самозва-

ночь. 11-го августа, князь Багратионъ, «въ маршѣ при станицѣ Пятицбннской», писалъ Цицхетеву: «*дѣлаю ослѣпій демъ переходъ въ казакъ станицу!*» Отъ войска Донскаго прибылъ на царининскую линію пошедшій атаманъ Перфиловъ съ 562 казаками, каждый казакъ «о дву конь», для перемѣны, въ случаѣ быстрихъ переходовъ, усталыхъ коней свѣжими, и съ нимъ было на линію 6 сотниковъ, 6 сотниковъ, 6 корунжихъ. Перфиловъ не вступалъ въ ярѣности и фертности по линіи, но держалъ разбѣды и жабкодадь, не пожится ли неприятель въ окрестностяхъ. Выѣстъ съ тѣмъ двигался съ своими командами и полковникъ Себрюковъ. Все шло со дня на день встрѣчи съ ужаснымъ неприятелемъ, а между тѣмъ въ командиръ Себрюкова не осласлось ни свинцу, ни вероку * — и онъ просилъ и того и другаго по 25 рудовъ у Цицхетева. Тяжко приходилось Цицхетеву: со всѣхъ сторонъ его забрасывали требованиями, вопросами, просьбами и неуспѣшными распоряженіями. Онъ долженъ былъ удовлетворять всѣхъ, посылать ко всѣмъ, всѣмъ отвѣчать и все предвидѣть. Прислалъ въ Царининъ Бонивиль, спасшійся изъ Саратова съ 35 человѣками — и тамъ требуетъ пороку и свинцу, потому что заряды, которые онъ имѣлъ, сунотреблены въ пашубу, противу государственнаго бунтовщика и аора Пугачева всё безъ остатку».

Принимательство видѣло, что для подавленія мятежа мало кѣхъ войскъ, которыми оно распелгало. Притомъ войска, дѣйстви- тельно противъ Пугачева на дальнемъ сѣверѣ, въ Оренбургской и Маванской губерніи, а равно за Ураломъ, далеко отогла- отъ неутомоннаго бунтовщика. Объ этихъ войскахъ не было ни- какихъ положительныхъ извѣстій, а если и приводили отъ нихъ реляціи, такъ по этимъ реляціямъ видно было, что чинъ не успе- няться за лихихъ партизаномъ и его шайками, а между тѣмъ опасность грозилъ государству уже на югѣ, пожаръ изъ-за Урала и Оренбурга перекинулся въ Воронежскую и Астраханскую гу- берніи. Надо было послать противъ ужаснаго казака вътрѣнниа силы, и вотъ потянулись войска изъ западныхъ губерній, изъ Малороссіи. Начальникомъ этихъ новыхъ воиныхъ силъ князь Долгоруковъ назначалъ графа Мусина-Пушкина, который дол- женъ былъ взять подъ свое начальство князя Багратиона съ его detachementомъ и свѣшить на защиту Воронежа, куда уже про- бравшесъ шайки пугачевскихъ полковниковъ Иванова, Хамен- ского и другихъ. Графъ Мусинъ-Пушкинъ прислалъ князю

* «Необходимо на поблду онаго (государственнаго измѣнника Пугачева) потребенъ казаканъ пороку и свинець», писалъ Себрюковъ Цицхетеву.

Багратиону сказать въ Воронежу съ своимъ штабомъ на почтовыхъ, и въ помощь ему командировать отрядъ пѣхоты. «А я — прибавлялъ онъ въ своемъ ордерѣ къ князю Багратиону — останусь на нѣсколько дней, для некоторыхъ распоряженій, въ Полтавѣ».

Вотъ уже въ какихъ мѣстахъ отдавались раскаты грома!...

Между тѣмъ войсковой старшина Манковъ, командированный противъ Пугачева съ казаками четырехъ станицъ: Трехостровской, Голубинской, Пятиизбянской и Верхнечирской, спѣшилъ форсированнымъ маршемъ къ соединенію съ княземъ Дундуковымъ и калмыцкими войсками. Онъ забралъ съ собою все, что могло носить оружіе. Съ нимъ были служилые и оставшие казаки, «выростки» и казачьи дѣти-малолѣтки, не моложе, впрочемъ, семнадцати лѣтъ. Переправившись черезъ Донъ, Манковъ, для болѣе быстраго хода, бросилъ «тяжелыхъ» казаковъ и весь хлѣбъ, оставивъ себѣ провіанта только на десять дней, и пошелъ на Усть-Малую Ведерейку, потомъ на верхи Березовой рѣчки и на Балнлею къ предѣламъ волжскаго войска. Правительство отряды, такимъ образомъ, все болѣе и болѣе стягивались къ волжско-донскому перешейку, гдѣ въ настоящее время проведена волжско-донская желѣзная дорога. Этого перешейка Пугачевъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ былъ миновать.

А Пугачевъ шелъ все ближе и ближе. Наступали маѣ для него, такъ и для правительства самыя роковые дни. До Астрахани и до Петербурга, почти одновременно, долетѣла печальная вѣсть о взятіи Саратова, «о измѣнѣ донскихъ, волжскихъ и саратовскихъ казаковъ, артиллерійскихъ и батальонныхъ солдатъ, съ ихъ командиромъ, майоромъ Салмановымъ», о бѣгствѣ изъ Саратова Державина и Бошнява, о дальнѣйшемъ движеніи самозванца къ югу, а тамъ, кто поручится за войско Донское? кто поручится за всѣ войска, когда уже измѣнили и донскіе и волжскіе казаки, наковдившіеся въ Саратовъ и Петровскъ, когда измѣнили, наконецъ, артиллерійскіе и батальонные солдаты съ майоромъ Салмановымъ?

Вѣсть о паденіи Саратова и предательствѣ тамшнихъ войскъ, была тяжелымъ ударомъ для правительства. Еще болѣеющимъ ударомъ она была для Бречетникова, который долженъ былъ думать, что не мѣшкать и ему общей, горькой участи, «сія столько мерзая предъ самимъ Богомъ измѣна обер-офицеровъ, артиллерійскихъ и батальонныхъ солдатъ и войскъ ихъ сообщниковъ въ службѣ ея императорскаго величества и въ нарушеніи клятвы и вѣрности ихъ ни малѣйше терпима быть не можетъ (писалъ онъ Цыцметеву), кои тѣмъ и подвергли себя по зако-

камъ тягчайшему наказанію, яко есть воли ея императорскаго величества и всему обществу противныма и упущено не будетъ».

И опять, по поводу этого горькаго извѣстія, Кречетниковъ пишетъ безвѣзочно длинный ордеръ, въ которомъ не скудится на приказанія и загазныя распоряженія; но самъ не снѣжить къ мѣсту опасности. Онъ приказываетъ только, чтобъ Бонина, если онъ уже въ Царицынѣ, принялъ начальство надъ мѣстными войсками, «въ чемъ—прибавляетъ Кречетниковъ—*по извѣстной расторопности его*, въ сей ему довѣренности надежно на него я и полагаюсь». Затѣмъ велитъ донести о волжскихъ казакахъ, всё ли они собрались, чтобъ идти въ поддержаніе войскъ, расположенныхъ около Царицына. Онъ надѣется, что силами, которыми располагалъ Цыплетевъ, весьма легко разбить самозванца. Напрасно! Эти силы были далеко недостаточны для того, чтобы ибратъ съ такимъ противникомъ, какъ Пугачевъ. Надѣясь на помощь Бониана и его команды (а въ этой командѣ осталось только 35 человекъ!), Кречетниковъ пишетъ Цыплетеву, что «и сами вы въ своемъ гарнизонѣ въ двухъ батальонахъ, имѣете на лицо ивхоты до восьми сотъ человекъ, и сверхъ того легкую полевую команду и часть донскихъ казаковъ,—слѣдовательно, изъ разнаго званія войска составляетъ не малой корпусъ, *которымъ того злодея поразишь весьма надежно, ибо по репорту саратовскаго коменданта извѣстно, что онъ малосиленъ*». Но малосиліе это было такого свойства, что противъ него не могли устоять и не такія силы, какъ малій «корпусъ» Цыплетева. При всемъ томъ, Кречетниковъ требуетъ во что бы то ни стало на бунтовщиковъ «наисильнѣйше навалитъ и въ конецъ такихъ вреднѣйшихъ враговъ пораантъ и истребить, и до ухода на Донъ и на Кубань не допустить». Сидя въ безопасной Астрахани, Кречетниковъ не перестаетъ наставлять Цыплетеву: «на поспраніи государственныхъ враговъ и вредителей спокойствія», а между тѣмъ велитъ какъ можно безопаснѣе провести въ Петербургъ, съ нерадостными вѣстями, своего посланнаго, капитана Савожинова—на Тамбовъ ли, или на Воронежъ, куда бы только можно было проѣхать.

Сообщеніе съ Петербургомъ, такимъ образомъ, прекратилось... Отправляемыя съ курьерами и нарочными самоважнѣйшія бумаги пропадаютъ. Пропадаютъ безъ вѣсти и нарочные. Гроза приближалась къ Камышину. Этотъ городъ долженъ былъ неминуемо погибнуть. Власть сами сознавались, что Камышинъ «столь безсиленъ, что и на малое защищеніе воинскихъ людей въ немъ быть не можетъ, къ тому жъ и городъ состоитъ ничѣмъ не укрѣпленный, то и остается совсѣмъ открытымъ на жертву зло-

двѣмъ». Вотъ почему такъ преехалъ изъ него въ Парицкую съ своей командой казацкѣй сотни Рябчиковъ, притравливая свою трусость весьма неловкими доводами... Надо было подумать о Каминскѣ — и вотъ въ подкрѣпленіе ему посылають часть легкой полевой команды, отрядъ карабинеровъ генерала князя Багратиона, нѣсколько орудій и нѣсколько отрядовъ кавказскихъ войскъ. Этими движеніемъ думали приврать и земли волжскаго войска, воложскія станицы и Дубовку.

Но было уже поздно!...

Правительственныя войска вездѣ опаздывали... Не смедивали одинъ только Михельсонъ, но и объ немъ давно уже не было никакихъ слуховъ. За то прошли новыя неблагоприятныя слухи. Ниже Парицка, на Волгѣ, появились «воровскія партіи», которыя, какъ стало извѣстно, влозились въ «зловѣсную пашу». Воровскія партіи — это та знаменитая и безпобойная понизовая волыница, отъ которой страдало все привожье въ продолженіе цѣлаго столѣтія. Понизовая волыница проснувшись хотѣла, что явившійся царь былъ ея царемъ, предводителемъ бурмаковъ, разбойниковъ, каторжниковъ, безпаспортныхъ и всякой голытьбы. Невпріятель, такимъ образомъ, подходилъ съ двухъ сторонъ — съ сѣвера и съ юга, и надо было во что бы то ни стало помѣшать объединенію двухъ однородныхъ разсудительныхъ силъ. Въ довершеніе зла, волненіе okazалось и въ волжскомъ поволжѣ: надо было вездѣ возбуждать, все предупреждать. Надо было вращать мѣрки къ «удержанію смущающихся волжскихъ казаковъ»; надо было ловить и понизовую волыницу, которая ужьла просматривать мимо самыхъ строгихъ и крѣпкихъ карауловъ.

Но вотъ, наконецъ, пѣхнѣ одна противъ другой враждебныя силы столкнулись.

17-го августа, донскою старшиа Манковъ, о которомъ мы говорили выше, между прочимъ, писалъ Цинклетеву: «прошедшей ночи встрѣтившійся со ядомъ на походѣ, по полудни часу въ десятю, два казака полку полковника Бутейникова объявили, что ихъ полкомъ побито злодѣйской толпы до пяти-сотъ, и такъ-де онѣ тамъ были только однѣ, то, по малости ихъ, принуждены были уступить и, оставя Дубовку, прослѣдовать на Пичугу».

И такъ, первое столкновение этихъ силъ было не въ пользу правительственной стороны. Хотя казаки и побѣди 500 пугачевцевъ, но должны были отступить передъ силою, болѣе ихъ могущественною. Эти неблагоприятныя вѣсти должны были заставить Манкова быть осторожнѣе: слѣдуя противъ самозванца, онъ успѣлъ дойти до урочища Визникова, какъ получилъ извѣстіе о стнчѣхъ съ пугачевцами Бутейникова, и потому, оставя лишнюю

тяжесть и взявъ съ собой хлѣба только на три дня, тотчасъ двинулся къ Дубовкѣ, которой всего болѣе угрожала опасность. Онъ взялъ съ собой «лучшихъ людей». Съ нимъ былъ и старшина Поздѣевъ. Другая партія послана на Илоху. Отъ Ницуги до Иловли протянуть бѣгъ, такимъ образомъ, непрерывный кордонъ. Но что могъ сдѣлать казацкій кордонъ противъ всѣхъ силъ самозванца? Хотя Манковъ и писалъ, что «какъ скоро свѣдаю о злодѣѣ, что онъ пробиратца начнеть къ Царцину, куда и я, стремясь на него по тракту, поспѣшу», однако все это разсѣялось, какъ только на эту мѣстность надвинулась вся сила Пугачѣва.

X.

Но вотъ наступилъ рѣшительный день для Царцина, а съ тѣмъ же и для Цыплетева. Это было 21-го августа.

Къ Цыплетеву прискакалъ гонецъ отъ походнаго атаманъ войска Донскаго и отъ полковниковъ, съ бумагой, написанной подъ вліяніемъ непреодолимаго страха. Бумага писана на клочкѣ, вѣроятно на походѣ, гдѣ-нибудь за кустомъ, или на сѣдлѣ, вся измята, какъ бы была она сунута спѣшно въ карманъ, или за пазуху. Письмо безсвязное, почеркъ торопливый, чернила, по-видимому, тутъ же на походѣ, разбавлены водою и дурно сходять съ пера. Почеркъ—самаго Манкова, а подписи, кромѣ его собственной, знаменитыхъ донскихъ начальниковъ: Михайла Денисова, Василя Перфилова, Григорія Поздѣева, Варлаама Денисова и Карпа Денисова. Все это писано торопливо, дрожащими руками.

Вотъ что писали начальники отрядовъ донскихъ казаковъ:

«Сколь нашей усердности вашему высокоблагородію довольно известно, но, къ несчастію общему и къ погашенію славы, нашей всего войска донскаго кровію, изъ находящихся при насъ подкомандныхъ нѣкоторые показали такую трусость, что и прочихъ смѣшавъ мысли нанесли страхъ такой, что мы о истребленіи отъ казаковъ злодѣя надежды не предвидимъ, и хотя изъ оныхъ изъ находящихся при насъ еще большая половина и осталась съ нами, но что послѣдуетъ и отъ нихъ, увѣрить никакъ теперь не можно. А за тѣмъ отъ истиннаго нашего сердца Господа Бога просимъ, чтобъ онъ по своему милосердію подкомандныхъ нашихъ даровалъ прѣжнюю донскимъ истинную по присягѣ храбрость, въ чемъ на его всемогущество мы и не безнадежны».

Это — измѣна донскихъ казаковъ, которые шли защищать

волжско-донской перешеекъ, и отъ успѣха которыхъ, слѣдовательно, зависѣлъ успѣхъ дѣла всей Россіи. Эти отряды поколебались. За ними могъ поколебаться весь Донъ, а тамъ, въ союзѣ съ ними, кубанскіе народы и турки могли разорвать только что заключенный кучукъ-кайнарджійскій миръ и пойти на Россію, и тогда еще неизвѣстно, на чьей сторонѣ былъ бы перевѣсъ.

Что же дѣлалъ въ это время Пугачевъ?

Мы оставили его въ Саратовѣ. Изъ Саратова онъ пошелъ прямо къ Камышину, а флотилія его двигалась по Волгѣ. Мы сказали, что Камышинъ не былъ защищенъ. На прикрытіе его посланъ былъ Дидъ съ своею командою и князь Дундуковъ съ калмыцкими войсками. Но повторяемъ—было уже поздно. Камышинъ былъ взятъ. Комендантъ его, полковникъ Касперъ Меллинъ убитъ. Городъ весь расхищенъ.

— Въ Камышенѣ большаго сопротивленія не было, говорилъ самъ Пугачевъ о взятіи этого города: засѣлъ было въ кремль комендантъ, однакожъ Овчинниковымъ былъ взятъ, который былъ и убитъ, также и прочіе.

Пушкинъ ошибочно говоритъ, что при приближеніи самозванца къ Камышину его встрѣтилъ Дидъ съ пѣхотами гарнизонныхъ солдатъ, тысячею донскихъ казаковъ и пѣхотами калмыковъ, предводительствуемыхъ князьями Дундуковымъ и Дербетевымъ. Во первыхъ, встрѣча эта была уже послѣ взятія Камышина и гораздо ниже этого города, именно у рѣчки Пролейки; вторыхъ, въ этомъ сраженіи участвовали калмыки «дербетева улуса», а отнюдь не князь Дербетевъ: владѣлецъ этихъ калмыковъ былъ Ценденъ.

Такимъ образомъ Камышинъ погибъ по винѣ губернатора Кречетникова, который постоянно запаздывалъ съ своими распоряженіями. Онъ опоздалъ и тутъ. Ордеръ его, адресованный на имя несчастнаго Меллина, съ «пристойными наставленіями», какъ встрѣтить и поразить злодѣя, не засталъ уже въ живыхъ эту невинную жертву канцелярской волокиты астраханскаго губернатора и былъ полученъ Цыплетевымъ!

Наконецъ Пугачевъ встрѣтился съ правительственными войсками, но не съ тѣми, которыя гнались за нимъ и не могли догнать, а съ тѣми, которыя должны были перерѣзать ему дорогу. Войска эти были—легкая полевая команда, подъ предводительствомъ Дидца, калмыцкія войска, подъ предводительствомъ князя Дундукова, и донскіе казаки, подъ начальствомъ полковниковъ Кутейникова и Карпа Денисова. Встрѣча эта была у верховьевъ рѣчки Пролейки. Трусость калмыковъ рѣшила битву не въ пользу правительства. Калмыки, при первомъ пушечномъ

выстрѣлъ, разсыпался. Дрогнули и другія войска. Дядь былъ убитъ; артиллерія, въ числѣ десяти пушекъ, досталась непріятелю. Весь обозъ, канцелярія, бумаги, книги — все осталось въ рукахъ самозванца. Только Кутейниковъ бился отчаянно. Онъ съ тремястами пятьюдесятью казаками... встрѣтя государственнаго злодѣя Пугачева, бивъ на всю ево сволочную тодпу, при которой и самъ злодѣй былъ, по самыя пушки, покололъ въ смерть болѣе ятисотъ злодѣевъ». Но и онъ не выдержалъ общаго натиска и, когда бѣжали всѣ, бѣжалъ и онъ. Храбрый Кутейниковъ не снесся однако: черезъ нѣсколько дней его настигли толпы самозванцевъ, всего изранили, взяли въ плѣнъ, привели къ самозванцу, который и велѣлъ его разстрѣлять. Раненаго повели къ оврагу, чтобы тамъ застрѣлить. Когда въ него выстрѣлили и Кутейниковъ упалъ, то разбойники думали, что онъ убитъ, и бросили его. Несчастный съ трудомъ доползъ оттуда до Качалинской станицы*.

Такимъ образомъ, трусость казачьего войска была причиною

* Приводимъ здѣсь въ подлинникѣ любопытное показаніе самого Кутейникова объ этомъ дѣлѣ. «Сего теченія 20-го числа (говоритъ онъ), по бытности моеи, обще съ господами полковниками, въ городѣ Царицынѣ, откуды въ слѣдованіи нашемъ къ полкамъ, къ рѣчки называемой Мечетной, усмотря на другой сторонѣ оной отъ Дубовки, съ рѣчки Царицынской Пячуги, изъ толпы извѣстнаго Пугачева гонять за командированнымъ передъ тѣмъ, съ двусотимъ числомъ казаками, полковникомъ Карпомъ Денисовымъ, къ которымъ на свирьсѣ и мы того жъ часу посидѣли, куда по прибытіи набѣжалъ на меня лицаго полка полковникъ, который мною исколанъ, а я отъ него и прочихъ трижды дротиками раненъ и взятъ въ плѣнъ, и нѣсколько битъ еще ружейными и дротовищными ударами, а потомъ приведенъ былъ къ нему, злодѣю Пугачеву, который по утру, то-есть 21-го августа приказалъ меня застрѣлить изъ ружья, но, однако, по приведеніи меня къ яру, отъ выстрѣла по мнѣ ружейнаго я не убитъ, а только къ тому еще раненъ и оставленъ былъ почтиаимымъ ими замертво, гдѣ я пробылъ, пока оная, мерская толпа, къ Царицыну проѣхала, а потомъ, вставъ, шель пѣшъ къ Качалинской станицѣ, но, по обдержимымъ меня вышеобъявленнымъ четыремъ не малымъ ранамъ, я въ полтора сутокъ денно и ночью до Саварской почты дойти не могъ, да и дойти былъ въ отчаяніи. Но, однако, вчерашняго, то-есть 22-го числа наѣхавшими на меня, бѣжавшими отъ онаго Пугачева Иловлинской станицы казаками до оной дозвезень, гдѣ и нынѣ нахожусь. Того ради симъ вашему высокоблагородію (Цыплетеву) донеса, всепокорнѣйше прошу, по вышеписанному обстоятельству, да и прежде, по откомандированіи меня при его сіятельствѣ, господнѣ полковникѣ князѣ Дундуковѣ, отъ вашего высокоблагородія, сего жъ мѣсяца 16-го числа, съ дву стусеми казаками, ко искорененію прописаннаго злодѣя Пугачева, котораго и наѣхавъ въ вѣдѣніи Волскаго войска, у Балкеевской станицы, въ урочищѣ на рѣчки Пролейки, гдѣ, да и въ семъ показанномъ случаѣ, я не закрылъ своего лица съ прописаннымъ числомъ команды моеи казаками, прогнавъ его мерское собраніе за ихъ пушки, гдѣ и побито нами по примѣру до пяти сотъ человекъ и т. д.

того, что Пугачевъ еще разъ одержалъ побѣду. Но это была его послѣдняя побѣда. Впрочемъ, трудно рѣшить, могли ли бы устоять противъ натиска полчищъ самозванца Дицъ и князь Дундуковъ, еслибъ даже казаки и не разсипались при первомъ выстрѣлѣ неприятельскихъ орудій. Во всякомъ случаѣ, силы самозванца были гораздо многочисленнѣе тѣхъ, которыми располагали Дицъ, князь Дундуковъ, Кутейниковъ и Денисовъ*.

Въ битвѣ при Пролойкѣ много было побито и много взято въ плѣнъ. Кромѣ легкой полевой команды, самозванецъ захватилъ много донскихъ казаковъ. Отъ плѣнникъ своихъ онъ хотѣлъ выведать, можно ли ему разсчитывать на Донское войско. Въ числѣ донскихъ плѣнниковъ находился старшій казакъ Гололобовъ, который не разъ бывалъ станичнымъ атаманомъ въ Березовской станицѣ. Пугачевъ узналъ, что онъ пользуется уваженіемъ между своими казаками, и велѣлъ его привести къ себѣ. Самозванецъ сидѣлъ на «амбонѣ»**. Около него стояли явдкіе старшины и писарь. Гололобовъ былъ раненъ въ послѣдней битвѣ — нѣкому ему прокололи лѣвую руку, и онъ подпоясалъ ее волосомъ. Пугачевъ спросилъ Гололобова:

— Видно, старичокъ, тебя нѣкою поколони?

— Поколони яздкія, яздкія казакъ, отвѣчалъ Гололобовъ.

— Не хорошо ты говоришь, старичокъ, о моихъ яздкіихъ казакахъ: они не яздкія, а мнѣ, вашему законному государю, слуги верные, возразилъ самозванецъ:—тѣ яздкія, что противъ меня воюють... Послужи и ты мнѣ, старичокъ, и скажи войсгъ донскимъ казакамъ, что подъ скипетромъ моимъ они всѣ мною дозволены будутъ.

Гололобовъ молчалъ.

— Что жъ ты, старичокъ, не говоришь?... Садись у меня и выпей чарку водки.

Гололобовъ отказался отъ водки.

Тогда ввели въ палатку къ самозванцу еще нѣсколько донскихъ казаковъ.

— Слать вы, други мои, противъ меня воевали? спросилъ ихъ самозванецъ.

*Весьма любопытно видѣть, какъ Бручотниковъ извѣщаетъ казакамъ ихъ трудность. «Казаки — говорятъ онъ въ своемъ ордерѣ — по переломѣ изъ пушекъ отъ яздкѣвъ выстрѣлъ, послужившій, рассѣянный: во время на яздкѣ, яко на стѣнѣхъ и сдѣлалъ невозможности людей, и издѣлалъ да и ездкѣ скидать невозможно, которые, по своему, болше дядьму, состоятню и военнаго фронта составить не могутъ».

** Вѣроятно на амбонѣ — на возвышеніи.

— Мы воевали по присягѣ, отвѣчалъ за нихъ Гололобовъ: — кому присягали, за того и воевали.

— Присягните теперь мнѣ, и я васъ оводочу, и съ донскими и яицкими казаками раздѣлю все мое царство.

Никто не отвѣчалъ.

— Не бойтесь, дѣтушки, я государь милостивый... Скажите донскимъ казакамъ, чтобъ всѣ подъ мою руку шли, а жену мою, которая на сторону дворянъ предалась, я сошлю въ Соловки, Богу молиться за грѣхи.

— Таковыя гнусныя рѣчи намъ слушать непристойно, возразилъ Гололобовъ: — вели насъ казнить, а присягу мы не переступимъ.

— Ты, старичокъ, ослѣвленъ, сказалъ Пугачевъ: — по старости твоей я тебѣ всѣ вины твои прощаю.

Затѣмъ, онъ велѣлъ своему царю написать указъ къ Донскому войску, въ которомъ приказывалъ, чтобы войско Донское преклонилось на его сторону, и что самъ онъ на садъ дней прибудетъ въ Черкасскъ.

— Ты, старичокъ, отвезешь мой указъ войсковому атаману... Кто у васъ атаманъ?

— Указа я не возьму, и ни чьихъ указовъ безъ войсковой грамоты не слушаю, отвѣчалъ упрямый старикъ.

Тогда Пугачевъ велѣлъ вывести Гололобова изъ палатки и повѣсить. Казнь тотчасъ же была исполнена. Но казнь висѣльницъ не было готовой, то Гололобова привали въ обозъ, распресли одну телѣгу, оглобли подняли вверхъ, стянули ихъ хомутомъ, и на привязанной къ хомуту веревкѣ повѣсили старика.

Когда надѣвали ему на шею петлю, онъ сказалъ, обращаясь къ стоявшимъ не вдалекѣ донскимъ казакамъ:

— Повлонитесь отъ меня, братцы, донскіе казаки, славному войску Донскому... Скажите на Дону, чтобъ прелестнымъ словамъ измѣнника и самозванца Емельки Пугачева не вѣрили.

Исправлявшій должность палача, яицкій казакъ, зажалъ ему рукою ротъ — и петля была затянута.

Пугачевъ, такимъ образомъ, не могъ не видѣть, что ему не удается преодолѣть на свою сторону войско Донское. Хотя въ Петровскѣ, въ Саратовѣ и по дорогѣ къ нему приставали донскіе казаки, но все это были частные случаи, и на измѣну всего войска онъ не могъ надѣяться. Взявши его сторону, волжское войско не могло принести ему значительной поддержки: оно было слишкомъ малочисленно. Несмотря на пышный приемъ, который самозванецъ встрѣтилъ въ станицахъ этого

войска*, онъ не могъ не догадываться, что такого приѣма не видать ему въ донскихъ станицахъ. Изъ волжскаго войска онъ, однако, отправилъ свои манифесты на Донъ, но манифесты эти попались въ руки лицъ, принадлежавшихъ къ правительственной сторонѣ, и отъ войска Донскаго онъ не получалъ благопріятнаго отвѣта. Ему оставался одинъ выходъ — на Кубань, въ Персію, въ Турцію, и онъ бѣжалъ, опрокидывая все, что ему попадалось на дорогѣ. Попадались люди — онъ ихъ вѣшалъ; попадались строенія, жилища, хутора — онъ ихъ грабилъ, потому что за нимъ валила сволочь, которая искала поживы въ каждой избѣ, въ каждомъ карманѣ. Современникъ-нѣмецъ говоритъ, что самозванецъ бѣжалъ, какъ-бы преслѣдуемый страшнымъ голосомъ, который кричалъ вслѣдъ ему: «мѣра твоей жестокости уже исполнилась!»**

А между тѣмъ, его «грозный гонитель» Михельсонъ уже настигалъ свою жертву. Никто не зналъ, гдѣ Михельсонъ, что онъ дѣлаетъ. Послѣ стычки съ самозванцемъ подъ Казанью, когда разбитый имъ противникъ кинулся черезъ Волгу, и на правомъ берегу бросилъ въ народъ страшное слово — «воля», когда какъ электрическая искра прошла по Россіи вѣсть, что Москва и Петербургъ въ опасности, что Пугачевъ уже двинулся по нижегородско-московской дорогѣ, Михельсонъ, болѣе другихъ понявшій всю опасность этого движенія самозванца къ сердцу Россіи, бросился перерѣзать ему дорогу. Такимъ образомъ, Михельсонъ кинулся къ сѣверу, чтобъ прикрыть Москву, а за нимъ Петербургъ съ императорскимъ трономъ, а Пугачевъ круто поворотилъ на югъ, и эти страшные противники разошлись надолго — болѣе, чѣмъ на мѣсяць. Но Михельсонъ не терялъ изъ виду своего врага: когда оказалось, что самозванецъ не думаетъ идти на Москву, Михельсонъ направилъ своихъ неутомимыхъ конниковъ опять вслѣдъ за тѣмъ, за кѣмъ онъ гонялся и въ оренбургскихъ степяхъ, и въ дикой Башкиріи, и за уральскимъ хребтомъ. Каждый день все приближалъ его къ непобѣдимому дотолѣ противнику.

Но они еще не столкнулись. У Пугачева впереди было еще нѣсколько дней.

Передъ приходомъ самозванца въ Дубовку, въ этомъ городѣ вспыхнуло волненіе между рабочими людьми и арестантами. Во

* Подробности этого см. въ «Пугачевщинѣ» и въ статьѣ «Пугачевскій покровникъ Ивановъ».

** Der elende schnob Rache, weil man ihm seinen schönsten Raub abgejagt hatte, und die gewaltige Stimme der Gerechtigkeit mochte ihm unaufhörlich zu rufen: «Das Maasz deiner greuel ist voll!...»

время работъ, которыя производились войсковымъ атаманомъ для укрѣпленія города, нѣсколько колодниковъ столкнулись съ рабочими, и одинъ изъ арестантовъ закричалъ къ тѣмъ, которые работали неподалеку:

— Братцы, бросайте лопаты — пора встрѣтить батюшку.

— Какъ, батюшку? вступились конвойные казаки.

— Батюшку-государя Петра Федоровича.

— Стой! закричалъ одинъ конвойный: — измѣна...

Онъ бросился за ружьемъ, которое стояло недалеко у плетня. Но рабочіе схватили его и повалили на землю.

— Пустите, и я пойду съ вами, молился притиснутый къ землѣ конвойный.

Товарищъ его, у котораго была только казацкая пика, бросился бѣжать къ войсковому правленію.

— Господа старшины! кричалъ онъ, подбѣгая къ правленію: — у насъ злодѣи проявились.

Тревога распространилась по всей Дубовкѣ. Изъ домовъ выбѣжали казаки, и бросились къ войсковому правленію. Тамъ имъ объявили, что взбунтовались колодники и рабочіе люди. Казаки поспѣшили къ мѣсту бунта, но тамъ уже не было бунтовщиковъ. Они успѣли бѣжать изъ Дубовки, вмѣстѣ съ тѣмъ казакомъ, который конвоировалъ ихъ.

За бѣглецами послана была погоня; но нагнать ихъ не успѣли.

Вскорѣ за тѣмъ, нагрянулъ и самъ Пугачевъ. Войсковой атаманъ, старикъ Персидскій, бѣжалъ изъ Дубовки. Остальное войско покорилося самозванцу, и всѣ казаки, которые были въ силахъ носить оружіе и сидѣть на конѣ, пошли за самозванцемъ. Вмѣстѣ съ прочими пошелъ и извѣстный *депутатъ Горскій* *, сотникъ астраханскаго казачьяго полка. Этотъ Горскій, несмотря на званіе «депутата», принималъ дѣятельное участіе въ подготовленіи въ Дубовкѣ умовъ къ принятію самозванца ** и, когда Пугачевъ вошелъ въ этотъ городъ, вступилъ въ его толпу. Горскій поэтому судился впоследствии, въ числѣ главныхъ сообщниковъ Пугачева и, какъ сказано въ сентенціи суда, «за легкомысленное прилѣпленіе къ толпѣ злодѣйской, лишень депутатскаго достоинства и названія».

Послѣ того, какъ Пугачеву покорилось волжское войско, ему оставалось только взять Царицынъ, чтобъ открыть свободный

* «Депутатами» назывались тѣ, которые участвовали въ знаменитой «Коммиссіи Уложенія».

** ...«онъ, Горской, въ приближеніе злодѣя къ Дубовской станицѣ чинилъ тамо многія въ народѣ смущенія и пріуготовленія къ его пріѣзду».

путь на Кубань или въ Персію, мѣруя земли войска Донскаго. Вотъ почему Царицынъ считается такимъ важнымъ пунктомъ въ стратегическомъ отношеніи, и вотъ почему на него обращено было особенное вниманіе правительства. Но при всемъ томъ, средства Царицына были ничтожны. Цыплетеву надо было выбрать одно изъ двухъ — или сосредоточить всѣ мѣстныя брвенныя силы въ царицынской крѣпости, или ослабить ихъ, раставивъ ничтожный запасъ войскъ по всей военной царицынской линіи, по ея жалкимъ крѣпостямъ и форпостамъ. Цыплетевъ рѣшился на первое средство.

Но тогда оставалась беззащитною и обнаженною вся военная линія отъ Волги до Дона. Надо было рѣшиться на крайность, и Цыплетевъ избралъ крайнее средство. Какъ москвичи, въ 1812 году, поступили съ первопрестольнымъ городомъ, такъ поступилъ Цыплетевъ съ военною линіею и ея укрѣпленіями. Люди и лошади, въ ожиданіи прихода самозванца, до того были загнаны, что не съ кѣмъ, да и не на чемъ было отправлять казенную почту и всякую частную корреспонденцію. Всякія сообщенія въ той мѣстности прекратились. Для перевозки тяжестей не хватало лошадей, которыя были или всѣ въ разгонѣ, или взяты подъ воинскія команды. Курьеры или нарочные ходили пѣшкомъ. Мѣстные жители, въ ожиданіи того же подрома, отравили весь свой скотъ съ нагорной стороны Волги на острова или на луговую сторону. Но и тамъ не спаслись стада скота и табуны лошадей: ихъ угодили киргизы. Само собою разумѣется, что если нечѣмъ было защитить царицынскую военную линію съ ея крѣпостями и форпостами, то не на чемъ было и перевозить изъ этихъ крѣпостей и форпостовъ въ Царицынъ артиллерію и артиллерійскіе припасы.

Вотъ почему Цыплетевъ рѣшился уничтожить крѣпостную и форпостную артиллерію, чтобъ она не досталась Пугачеву. Онъ приказалъ испортить лафеты подъ пушками, пушки заклепать и зарыть въ землю, а всѣ снаряды и припасы *бросить въ воду*. Въ архивныхъ дѣлахъ поэтому сохранились цѣлыя вѣдомости о томъ «сколько число какой артиллеріи, принадлежностей, снарядовъ и припасовъ въ приближеніи злодѣя и варвара Бугачева», по неимѣнію подводъ, въ Царицынъ не привезено и осталось въ тѣхъ мѣстахъ (то-есть на линіи, по форпостамъ) зарытые въ землю, принадлежность переломана, а снарядъ брошенъ въ воду, а что чего именно, явствуетъ подъ симъ». И «подъ симъ» значится, что съ царицынской линіи и съ крѣпостей за-

* Пугачевъ иногда называется *Кугачевымъ*.

рыто въ землю пушекъ чугунныхъ $3\frac{1}{2}$ фунтовыхъ 3, двухфунтовыхъ 1, «съ раковинами къ селятацу годныхъ», $3\frac{1}{2}$ фунтовыхъ 1, $2\frac{1}{2}$ -фунтовыхъ 1, двухфунтовая тоже одна, лафетовъ, состоящихъ подъ пушками, дубовыхъ, окованныхъ, съ крестовыми колки 7, банниковъ съ «прибойники», пушечныхъ, овчинами обитыхъ, 29, ганшиговъ дубовыхъ паръ 29, калиармусовъ 3, клинбевъ дубовыхъ паръ 29, крышекъ пушечныхъ — свинцовыхъ 7, деревянныхъ 29, вирога и мотыгъ 13, картечь пушечныхъ 100, перамидъ для влажи шуфль в банниковъ 6, пороку пушечнаго 21 пудъ, мушкетнаго 2 пуда 30 фунтовъ, ручнаго 10 фунтовъ, пижвниковъ съ трещетки пушечныхъ 9, рогожъ, цыповокъ 55, трубокъ тростяныхъ сборострѣльныхъ 2,500, свѣчь палительныхъ 100, шуфль пушечныхъ жестяныхъ разнаго калибра 7, ядеръ пушечныхъ 1,740, ящиковъ для содержанія картечи и протчаго 6, фитела палительнаго 5 пудовъ 28 фунтовъ, фтулокъ деревянныхъ пушечныхъ 29».

Ниже Царицына находится нѣмецкая колонія Сарепта. Она основана была за нѣсколько лѣтъ передъ Пугачевымъ моравскими братьями или гернгутерами. Такъ-какъ колонія эта подвергалась частымъ нападѣніямъ киргизъ-кайсаковъ и понизовой вольницы, то для отраженія непріятеля она и снабжена была нѣсколькими орудіями. Но этихъ орудій было слишкомъ недостаточно для того, чтобы противостать съ ними всѣмъ силамъ Пугачева, который едва-ли долженъ былъ миновать Сарепту. Ихъ сдѣлало перевезти въ Царицынъ, или, въ противномъ случаѣ, они сдѣлались бы добычею самозванца. Однако, и сарептскую артиллерию перевозить было и не на чемъ и некогда — Пугачевъ былъ уже слишкомъ близко. Тогда Цыплетевъ приказалъ испортить подъ пушвами лафеты, самыя пушки заклепать и зарыть въ землю, а всѣ артиллерійскія принадлежности и припасы, ядра, порохъ и проч. бросить въ воду. Такимъ образомъ, въ Сарептѣ зарыто было въ землю и брошено въ воду 12 чугунныхъ пушекъ съ лафетами, 12-пушечныхъ шуфль, столько же банниковъ, пижвники, ганшиги, втулки, ящики, пирамиды, болѣе 2,000 пушечныхъ ядеръ, множество картечи и проч., и только успѣли перевезти въ царицынскій цейхгаузъ, находившійся въ Сарептѣ, порохъ.

Точно также истреблены были артиллерійскія принадлежности на форпостахъ, расположенныхъ ниже Царицына къ Черному Яру; однако, пушки и заряды успѣли спасти въ Царицынъ.

Наконецъ, Пугачевъ прошелъ и волжское войско. Ему уже остается нѣсколько верстъ до Царицына, а о Михельсонѣ все нѣтъ извѣстій. Не легко было Цыплетеву ожидать съ часу на

часть страшную грозу, особенно когда отъ начальниковъ донскихъ отрядовъ прислакалъ къ нему гонецъ съ письмомъ, о которомъ мы говорили выше. А тутъ со всѣхъ сторонъ поступаютъ требованія объ отпускѣ пороха, свинцу, ядеръ, картечи, и всѣхъ надо было удовлетворить, между тѣмъ, какъ вдали уже видѣлась пыль, поднятая нестройными полчищами самозванца. Впродолженіе одного мѣсяца Цыплетевъ долженъ былъ выдать болѣе 120 пудовъ одного мушкетнаго пороху, болѣе 230 пудовъ свинцу для пуль, не считая пороху пушечнаго, ручнаго и другихъ боевыхъ принадлежностей.

Силы Пугачева, между тѣмъ, не уалялись, а постоянно возрастали. Кромѣ волжскихъ казаковъ, почти подъ самымъ Царицынымъ, къ нему пристали калмыки, которыхъ насчитывалось до 3,000 человекъ. Донскіе казаки также измѣнили, какъ того и боялись ихъ начальники. Шесть донскихъ полковъ увеличили собой армію самозванца, а начальники ихъ бѣжали въ Царицынъ.

Но вотъ и изъ Царицына увидѣли распущенныя знамена и нестройныя толпы народа. Страшное «чудовище» остановилось подъ самой крѣпостью, въ виду донскихъ отрядовъ, которые не знали, что имъ дѣлать, защищать ли крѣпость, или применить къ злодѣйскимъ «толпицамъ», развернувшимъ передъ ними свои знамена и свой безобразный «кошъ», съ безчисленнымъ множествомъ телегъ, колясокъ, палатокъ, съ толпами плѣнныхъ дворянъ и дворянскихъ дѣвицъ. Неудачная, въ первый моментъ, пушечная пальба изъ Царицына рѣшила дѣло не такъ, какъ ожидалъ Цыплетевъ, хотя и былъ предупрежденъ о «сумнительствѣ» донскихъ казаковъ: ядра съ царицынскихъ батарей, случайно, посыпались въ то именно мѣсто, гдѣ стояли донскіе казаки въ нерѣшимости, вступить ли имъ въ борьбу съ невѣдомымъ для нихъ и таинственнымъ человекомъ, или предаться ему — и казаки отдались самозванцу.

— Когда началась изъ Царицына стрѣльба, на то самое мѣсто, гдѣ стояли донскіе казаки, я всѣхъ оныхъ къ себѣ заворотилъ — говорилъ впоследствии Пугачевъ — полковники жъ тѣхъ донскихъ казаковъ всѣ ушли въ городъ.

XI.

Царицынъ, однако, устоялъ противъ Пугачева.

Такъ-какъ подробности осады этого города изложены нами съ достаточною полнотою въ другихъ статьяхъ о данной эпохѣ*, то

* «Пугачевщина» и «Пугачевскій полковникъ Ивановъ».

ни и не будемъ здѣсь вѣсаться этого предмета. Прибавимъ только, что во время канонады города, было выжжено и сломано въ предмѣстьи до 50 домовъ.

Какъ бы то ни было, Царицынъ не достался самозванцу, благодаря распорядительности Цыплетова.

Осада Царицына происходила 21-го августа, а 22-го въ этомъ городѣ былъ уже Михельсонъ. Отряды его были сильно изнурены тою невѣроятною быстротою, съ которою онъ несся за самозванцемъ. Съ начала весны Михельсонъ успѣлъ искрестить десятки тысячъ верстъ, гоняясь за своимъ неувольнимымъ противникомъ. Онъ исходилъ всѣ оренбургскія степи, уральскую возвышенность, Башкирію. Онъ почти каждый день давалъ самозванцу сраженія, или нападалъ на его отдѣльныя толпы. Онъ не зналъ усталости, какъ не уставалъ и его страшный противникъ съ своими удалыми помощниками, которые успѣвали и поражать правительственныя войска, и отбиваться отъ Михельсона, и брать крѣпости, и вербовать новыя полчища, и вѣшать взятыхъ въ плѣнъ дворянъ и чиновниковъ, и вновь переходить сотни и тысячи верстъ, разсылая всюду свои «исполненныя измѣнническимъ ядомъ» письма, грамоты, указы, манифесты.

Но Михельсонъ не останавливался въ Царицынѣ. Бросивъ тамъ негодныя пушки и замѣнивъ ихъ новыми, онъ просилъ Цыплетова приготовить для его отрядовъ фуражъ и провіантъ и отправить его по Волгѣ, а самъ тотчасъ же бросился по дорогѣ, по которой наканунѣ ушелъ самозванецъ.

Разработывая по неизданнымъ документамъ смутное время пугачевщины, мы уже высказали въ одной изъ монографій, что пугачевская смута замѣчательна тѣмъ именно, что отдѣльныя, весьма характеристическія и въ высшей степени драматическія подробности, можно свазать съ увѣренностью, положительно неисчерпаемы. Чего не сохранили письменные документы, уничтоженные въ архивахъ пожарами послѣдующихъ лѣтъ, чего нѣтъ въ архивныхъ дѣлахъ и официальныхъ бумагахъ, такъ-какъ не всѣ факты этой страшной эпохи могли быть записаны, потому что, при общей паникѣ, жившимъ въ то время людямъ было не до того, чтобы записывать подробности пронесшейся надъ ними бури, и весьма немногихъ оставившей въ живыхъ—однимъ словомъ, чего не сохранила печать и письмо, то сохранила народная память. Притомъ, еслибы кто и захотѣлъ въ то время записывать всѣ болѣе или менѣе выдающіяся, а иногда и мелкія, но ярко обрисовывающія эпоху отдѣльныя детали страшной драмы, то все-таки онъ не могъ сдѣлать этого съ достаточной и желательной для историка полнотою: съ одной стороны это было

физически невозможно, да никто и не взялся бы за этот трудъ, который былъ бы не по силамъ одному человѣку, съ другой — отдѣльное лицо могло записать событія, случившіяся исключительно въ одной мѣстности, какъ это и сдѣлалъ академикъ Ричковъ, которому поневолѣ приходилось всидѣть въ Оренбургѣ въ осаду и, подъ громомъ ежедневныхъ канонадъ и перестрѣлокъ, составлять свою «Лѣтопись». И это можно было сдѣлать единственно лишь во время пугачевщины, отъ октября 1773 года до октября 1774, а позже это уже было невозможно: въ самый разгаръ пугачевщины правительство, опасаясь раздраженія черни, которую волновалъ всякій разговоръ и всякій слухъ о самозванцѣ, запретило толковать о Пугачевѣ; за произнесеніе его имени, какъ за «непристойныя рѣчи», сбѣли плетьюми, кнutomъ, сослали въ Сибирь, рѣзали уши, какъ мы уже и говорили объ этомъ въ статьѣ «Пугачевскій полковникъ Ивановъ», по поводу того, что нѣкто Ружейниковъ, въ Царицынѣ, въ магистратѣ, жалуясь на то, что онъ разоренъ во время бунта, выразился такъ: «Батюшкины и меня разорили», и за это, то-есть «за легкомысленность и проговоръ непристойныхъ словъ, въ страхъ другимъ, а ему на осторожность, чтобы отъ всякихъ пустыхъ вракъ удержался, былъ наказанъ плетьюми». Такимъ образомъ, вслѣдствіе полицейскаго запрещенія, народъ боялся говорить о Пугачевѣ, потому что запрещеніе, какъ полицейская мѣра, имѣло силу закона до самого восшествія на престолъ императора Александра I, который разрѣшилъ писать о Пугачевѣ; но и послѣ того народъ неохотно говорилъ объ эпохѣ, о которой онъ, впрочемъ, помнилъ много страшнаго и много любопытнаго. Уже современникъ Пугачева, казанскій архимандритъ Платонъ Лубарскій, слова котораго Пушкинъ поставилъ эпиграфомъ къ «Исторіи Пугачевского бунта», высказалъ мысль о невозможности дать полный историческій очеркъ этого многозначительнаго времени. «Мнѣ кажется — говорить онъ — сего вора всѣхъ замисловъ и похожденій нетолько посредственному, но ниже самому превосходнѣйшему историкъ порядочно описать едва-ли бы удалось, потому что — прибавляетъ онъ — всѣ его затѣи не отъ разума и воинскаго распорядка, но отъ дерзости, случая и удачи зависѣли, почему и самъ Пугачевъ, думаю, подробностей оныхъ нетолько рассказать, но нарочитой части припомнить не въ состояніи, поелику не отъ его одного непосредственно, но отъ многихъ его сообщниковъ полной воли и удалства въ разныхъ вѣдугъ мѣстахъ происходили».

Вотъ почему историкъ не долженъ обходить народныя разсказы, составляющіе весьма богатый и вполне законченный

цвѣтъ смутной эпохи, такъ-какъ рассказы эти, съ одной стороны, рельефнѣе, чѣмъ самые письменные документы, рисуютъ картину этой эпохи, въ частности, въ отдѣльныхъ эпизодахъ, въ драгоцѣнныхъ для историка деталяхъ, и, съ другой стороны, они всецѣло выражаютъ взглядъ народа на самую эпоху и ея дѣятелей, какъ со стороны правительственной, такъ и со стороны противоположной ей. А этихъ рассказовъ и преданій, даже съ характеромъ эпической легендарности, такъ много, эта эпоха до того богата характерными подробностями, что смутное время московскаго государства или эпоха первыхъ самозванцевъ (XVII-го вѣка) передъ этою послѣднею пугачевскою эпохою является совершенно бѣдною фактически. Въ силу этихъ убѣжденій мы и говорили не разъ, что не считаемъ себя вправе умалчивать и о тѣхъ эпизодахъ пугачевщины, которые сохранились единственно лишь въ народныхъ разсказахъ и пополняютъ собою недосказанное уцѣлѣвшими отъ того времени официальными бумагами и свидѣтельствами современниковъ. Мы утверждали даже, что считаемъ прямою обязанностью историка не давать погибнуть этимъ рассказамъ, какъ погибли безслѣдно рассказы о другихъ временахъ нашей исторіи, болѣе отдаленныхъ, что на насъ, близко живущихъ къ событіямъ прошлаго вѣка, лежитъ обязанность, на столько же священная, какъ священно все, что стало памятникомъ прожитыхъ человѣчествомъ вѣковъ страданій, борьбы и поступательнаго хода къ развитію — передать будущимъ вѣкамъ то, что мы слышали отъ нашихъ стариковъ и сверстниковъ и чего наши потомки не могутъ услышать ни отъ кого, если не прочитаютъ въ книгахъ, которыя мы имъ оставимъ. Да и притомъ, развѣ не самую значительную долю всей исторіи человѣчества составляютъ именно народные рассказы о томъ, чего не сохранила ни официальная бумага, ни государственная исторія? И развѣ вся поэтическая и обаятельная сторона исторіи Греціи и Рима не народный рассказъ? Развѣ не народная память и не народная поэзія, имѣя въ основѣ зерно исторической правды, украсили до увлекательности подвиги Леонида, Александра Македонскаго, Сципіона, Цезаря, Муція Сцевола? Бѣдна та эпоха, казенныя реляціи о которой не дополнила, не оживотворила и не украсила жизненными подробностями народная память, и не завидна участь того историка, въ трудъ котораго народное творчество не влило живой струи своего собственнаго пониманія и своей собственной народной оцѣнки событий, передаваемыхъ историкомъ.

Въ войсгѣ Донскомъ сохранился рассказъ о неудачномъ похо-

дѣ Пугачева на Донъ. Хотя изъ историческихъ и неподлежащихъ сомнѣнiю современныхъ документовъ извѣстно, что самозванецъ не проходилъ на Донъ, однако народная память сохранила въ высшей степени характеристическiй рассказъ о движенiи Пугачева въ земли войска Донскаго. Безъ сомнѣнiя, если въ основанiи рассказа лежитъ историческая правда, то иодъ Пугачевымъ мы должны разумѣть одного изъ его полковниковъ, въ родѣ Иванова, Каменскаго и другихъ, которые дѣйствительно заходили въ предѣлы донскихъ земель, но были весьма удачно отбиты донцами. Впрочемъ, во всѣхъ слышанныхъ нами по Дону и по Медвѣдицѣ рассказахъ, пугачевскимъ полковникамъ, которые заводили туда свои шайки, придается общее имя Пугача или Пугачева. Такъ и въ нижеслѣдующемъ рассказѣ, надо полагать, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ не Пугачевъ, а одинъ изъ его мнимыхъ генераловъ или самозванныхъ полковниковъ, потому что самъ Пугачевъ, послѣ неудачнаго приступа къ Царицыну, не повернулъ къ Дону, а пошелъ къ Астрахани.

Рассказъ повѣствуетъ слѣдующее:

Послѣ взятiя Пугачевымъ Царицына, гдѣ самозванецъ разбилъ «русскiя» войска подъ предводительствомъ самого Суворова, онъ отправилъ пословъ къ Платову, популярнѣйшему изъ донскихъ героевъ, который въ то время былъ еще только сотникомъ и командовалъ сотнею отчаяннѣйшихъ донцовъ, которые, на всемъ сваяу, убивали на лету ласточекъ изъ ружья и могли потягаться съ десятитысячнымъ корпусомъ «русскихъ» солдатъ. Пугачевъ требовалъ, чтобы Платовъ присягнулъ ему, какъ своему законному государю. Платовъ велѣлъ обрѣзать уши посламъ и, привязавъ ихъ верхомъ на клячъ, задомъ къ хвостамъ, отправилъ обратно къ самозванцу.

— Скажите вашему Емельѣ Пугачеву, что пока Донъ не побѣжитъ вверхъ и славные донскiе казаки не будутъ ходить въ лаптяхъ, я не покорюсь ему.

Такой отвѣтъ отправилъ Платовъ съ послами самозванца.

Пугачевъ пришелъ въ ярость, услышавъ этотъ отвѣтъ и увидѣвъ, въ какомъ униженiи возвратились къ нему его посланцы. Онъ велѣлъ тотчасъ же готовиться къ походу на Донъ, а между тѣмъ приказалъ устроить особую телегу, на которую поставилъ висѣлицу съ мочальною веревкою. Въ телегу эту запрягли четырехъ клячъ, на которыхъ возвратились отъ Платова его послы. Висѣлица предназначалась для Платова.

Вскорѣ все войско Пугачева было готово. Самъ онъ ѣхалъ на конѣ, впереди всего войска, а около него гарцовала его свита. Для острасти донскихъ казаковъ, Пугачевъ велѣлъ

привязать къ лошадинымъ хвостамъ трупы нѣсколькихъ русскихъ дворянъ, и лошади эти, управляемыя оборванными мужиками, шли по обѣимъ сторонамъ войска. Всѣ пушки были заряжены.

Платовъ поджидать самозванца у самого Дона. Отчаянная сотня его гарцовала на берегу, и едва казаки завидѣли издали войско Пугачева, тотчасъ понеслись къ нему на встрѣчу «съ гикомъ-крикомъ». Стремительный натискъ донскихъ гонцовъ смѣшалъ ряды пугачевского войска, а самъ Платовъ успѣлъ подскákatъ къ Пугачеву, когда тотъ распоряжался стрѣльбой, и со всего размаху далъ ему пощечину, проговоривъ:

— Вотъ тебѣ, с... сынъ, зимовейскій воръ, присяга отъ славнаго казака Платова!...

— Ловите разбойника! закричалъ ошеломленный Пугачевъ: — кто поймаетъ его, тому я дамъ изъ моей царской казны столько золота, сколько вѣситъ Платовъ съ лошадыю и сбруею!

Но Платова не могли поймать. Конь его леталъ быстрѣе вѣтра.

Пугачевъ послалъ въ атаку всю свою конницу; но и конница ничего не могла сдѣлать съ донскими казаками: сначала они, расположившись лавой, выжидали приближеніе пугачевскихъ конниковъ, и когда тѣ подскакали на разстояніе мушкетнаго выстрѣла, дали залпъ изъ винтовокъ. Ни одинъ донской казакъ не промахнулся: сто пугачевскихъ всадниковъ упало съ лошадей; остальная же пугачевская конница, давъ съ своей стороны залпъ, не убила ни одного казака, потому что казаки, опытные наѣздники, успѣли подвернуться подъ брюха лошадей, держась за конскія гривы. Пули пугачевскихъ всадниковъ пролетѣли надъ головами лошадей отчаянной сотни.

Но донцы не долго оставались въ такомъ положеніи. Такъ какъ пугачевская конница продолжала стремиться на нихъ, то они мгновенно слѣпились, и каждый казакъ, ставъ на одно колѣно, и держа на перевѣсь пикъ, тупымъ концомъ упертую въ землю, ждалъ приближенія неприятели. Наскакавшія на нихъ лошади пугачевской конницы напоролись на казацкія пики и такимъ образомъ конница еще болѣе разстроилась.

Тогда Платовъ опять скомандовалъ «на конь», и сотня его вновь начала рубить и колоть пугачевцевъ. Но когда награнули всѣ силы самозванца, сотня не могла выдержать напора и ретировалась къ Дону. Пугачевъ погнался за ними и принудилъ ихъ броситься въ Донъ, который они и перешли вплавь, держась за хвосты своихъ коней и поднимавъ надъ водой свои винтовки и пистолеты.

— Ребята! закричалъ Пугачевъ къ своему войску: — кто первый перейдетъ Донъ, того возьму въ свои адъютанты.

Цѣлая толпа бросилась въ воду. Многіе потонули, не доплывъ и до середины. Другіе же были убиты мѣткими выстрѣлами донцовъ, которые засѣли на противоположномъ берегу Дона и поражали пугачевцевъ.

Пугачевъ велѣлъ немедленно строить плоты и паромы: плоты, для перевозки своего войска, а паромы для артиллеріи. Плоты и паромы были сдѣланы въ нѣсколько часовъ. Артиллерія поставлена была на паромы и стала переправляться черезъ Донъ.

— Атаманы-молодцы! обратилъ Платовъ къ своей сотнѣ: — кто изъ васъ хочетъ быть хорунжимъ?

— Я! я! я! закричала въ одинъ голосъ вся сотня.

— Слушайте, атаманы-молодцы: кто изъ васъ сдумѣетъ потопить пугачевскія пушки?

— Я! я! я! закричала снова въ одинъ голосъ вся сотня.

— Спасибо, атаманы-молодцы!... Какъ же вы это сдѣлаете? — говори старшій!

Тогда вышелъ изъ сотни сѣдой, какъ лунь, казакъ, и сказалъ:

— Возьмемъ мы, батюшка-сотничекъ, по буравчику, поднырнемъ подъ тѣ кораблики, просверлимъ по дырочкѣ — и кораблики потопать стануть, а тѣ пушечки, какъ перушки, поверхъ воды останутся.

— Ладно, сказалъ Платовъ: — не пропасть Россійскому царству, покуль славный тихій Донъ не высохнетъ, а славные донскіе казаки не переведутся до одинаго.

Но такъ-какъ вся сотня хотѣла идти на отчаянный подвигъ, то Платовъ велѣлъ бросить жребій.

— Кого самъ Богъ избересть, тотъ пуцай и сослужить службу славному войску Донскому.

Вся сотня стала молиться Богу, и каждый казакъ просилъ, чтобы Богъ избралъ его для потопленія пугачевской артиллеріи. Жребій палъ на десять донскихъ казаковъ. Они взяли по буравлю, раздѣлись, перекрестились и бросились въ Донъ. Отплывъ отъ берега на небольшое разстояніе, они нырнули въ воду и исчезли. Пугачевъ, стоя на берегу и сажая на плоты свое войско, не могъ догадаться, что это дѣлаютъ казаки, и думалъ, что Платовъ шлетъ къ нему пословъ съ повинною.

Но вскорѣ онъ увидѣлъ свою ошибку. Паромы съ артиллерією опускались въ воду все ниже и ниже, и Пугачевъ увидѣлъ, что пушки его начинаютъ тонуть. Думая, что паромы успѣютъ достигнуть берега, не потонувъ, онъ приказалъ стрѣлять изъ пушекъ, но едва фитили приложены были къ пушечнымъ затравкамъ, какъ пушки и канониры погрузились въ воду.

Такъ погибла вся пугачевская артиллерія.

Пугачевъ увидѣлъ, что съ донскими казаками ему не справиться, и велѣлъ своему войску опять высаживаться на берегъ. Тогда Платовъ вздумалъ еще больше насмѣяться надъ самозванцемъ. Онъ перерядился въ простое казацкое платье и, переплывъ черезъ Донъ, такъ чтобы его не видѣлъ Пугачевъ, явился въ его станъ. Платова привели къ самозванцу.

— Кто ты? спросилъ Пугачевъ.

— Донской казакъ.

— Что тебѣ отъ меня нужно?

— Я хочу сослужить вашему величеству службу вѣрную.

— Какую, говори.

— Я приведу къ вашему величеству храбраго Платова: я у него на вѣстяхъ и, связавъ его соннаго, доставлю къ вамъ въ кошъ.

— Ладно, говоритъ Пугачевъ: — доставь, я тебя золотомъ осмплю.

— Уговоръ лучше денегъ, сказалъ Платовъ: — дайте мнѣ столько золота въ задатокъ, сколько свезетъ мой меринъ.

Пугачевъ согласился. Платовъ былъ «одву-конь», какъ это часто дѣлаютъ казаки, отправляясь въ походъ, для того чтобы всегда имѣть въ запасъ свѣжую лошадь, и потому одну изъ его лошадей навьючили золотомъ. Но, переправившись на другую сторону Дона, онъ подѣхалъ къ берегу противъ того мѣста, гдѣ стоялъ Пугачевъ, и закричалъ, показывая мѣшки съ золотомъ.

— Ахъ, ворона, ты, ворона, зимовейскій виб..... Емелька Пугачевъ! Не поймалъ ты ясна сокола, да сталъ перушки щипать... Прощай и помни: я донской казакъ, по прозванью Платовъ.

Пугачевъ повелъ свою армію прежнею дорогою, не осмѣливаясь уже больше покушаться нападать на Донское войско.

Такъ передаетъ народный рассказъ столкновеніе самозванца съ Дономъ. Рассказъ этотъ слышанъ нами лѣтъ пятнадцать тому назадъ, въ Раздорской станицѣ. Хвастливый тонъ и неменѣе хвастливое содержаніе, которыми, впрочемъ, отличаются всѣ рассказы донцовъ о своихъ подвигахъ, и въ особенности о подвигахъ такихъ любимцевъ и народныхъ героевъ, какъ Платовъ, не лишаетъ этого рассказа той небольшой доли исторической правды, которая положена въ основу рассказа. Правда, Пугачевъ не былъ на Дону, но полковники его, какъ Ивановъ и Каменскій, заводили свои толпы въ юрты верховыхъ Медвѣдичихъ станицъ, о чемъ мы особо говорили въ отдѣльной монографіи о полковникѣ Ивановѣ. Мало того, 18-го августа

происходили двѣ битвы донскихъ казаковъ съ пугачевскими партіями при станицахъ Етеревской и Заполянской, и побѣда осталась на сторонѣ донцовъ, которыми предводительствовали заслужившіе историческую память донскіе полковники и старѣйшины, именно походный атаманъ Абросимъ Луковкинъ, имя котораго такъ часто упоминается при разсказахъ о стнчкахъ донцовъ съ партіями Иванова и Каменскаго, полковники Кульбаковъ, Яновъ и Вуколовъ. Трофеями Луковкина были два знамени, отбитыя у пугачевцевъ, нѣсколько человекъ плѣнныхъ, лошади; немало разбойниковъ было поколото казацкими пиками *. Въ другой битвѣ, за Молодельскою станицею, 13-го августа, Луковкинъ, Яновъ, Вуколовъ и Кульбаковъ разбили пугачевцевъ чуть-ли не на голову, такъ что однихъ труповъ осталось на мѣстѣ сраженія болѣе ста человекъ, несмотря на то, что отряды донцовъ были незначительные и состояли единственно лишь изъ такъ-называемыхъ «поголовныхъ командъ» Медвѣдичихъ станицъ. Послѣ пораженія, пугачевцы разбѣжались по лѣсамъ, и, скучившись въ особую толпу, направились къ Волгѣ, «симвя у себя нетомленныхъ по двѣ и по три заводныхъ лошадей, въ соединеніе къ толпѣ самого злодѣя Пугачева». Чтобы не допустить эту разбитую у Молодельской станицы толпу до соединенія съ главными силами самозванца, Луковкинъ отправилъ за нею двѣ партіи, выбравъ, по возможности, «доброконныхъ казаковъ», такъ-какъ всѣ остальные были слишкомъ утомлены непрестанными битвами при Етеревской и Молодельской станицахъ и не могли угнаться за пугачевцами, изъ которыхъ каждый имѣлъ по двѣ и по три лошади. Партіями этими командовали Мельниковъ и Вуколовъ. Они должны были гнаться за злодѣями по слѣдамъ, «самою», чтобы не потерять изъ виду; но чѣмъ кончилась эта экспедиція, неизвѣстно, тѣмъ болѣе, что самъ Луковкинъ войсковою грамотою былъ командированъ въ соединеніе съ полковникомъ Иловайскимъ и долженъ былъ въ одно и то же время защищать Царицынъ отъ самого Пугачева и отражать нагрянувшія на верховья Медвѣдичія станицы пар-

* Походный атаманъ Абросимъ Луковкинъ рапортуетъ (войсковою канцеляріи), что онъ обще съ полковниками Кульбаковымъ, Яновымъ и Вуколовымъ, надъ вступившею въ Медвѣдичія отъ Береговской станицы злодѣи и тирана Пугачева партіею, при называющемся злодѣйскомъ полковникѣ, 12-го числа, въ Етеревской станицѣ, учиня поискъ, помощію божіею всѣхъ въ прахъ разбилъ, причемъ-де довольное число злодѣевъ поколото въ смерть, а раненыхъ взято нѣсколько человекъ, и отбито двѣ хоругви, и нѣсколько жъ лошадей, и что онъ того жъ числа, получивъ извѣстіе о таковыхъ же злодѣяхъ, показавшихся въ Заполянской станицѣ, для истребленія ихъ тотъ же часъ туда отправился и, какъ изъ рапорта его видно, и ихъ разбилъ».

тѣмъ пугачевскихъ коноводовъ Иванова, Каменскаго и другихъ. Надо было, такимъ образомъ, разорваться на двое и на трое, чтобъ *разомъ* быть въ трехъ и четырехъ мѣстахъ, а иначе, въ то ужасное время, въ одинъ часъ могло быть все потеряно и Донъ перешелъ бы въ руки самозванца.

Хвастливый тонъ, которымъ отличается разсказъ о небываломъ столкновеніи Пугачева съ Платовымъ, замѣчается, впрочемъ, и въ официальныхъ реляціяхъ донскихъ старшинъ о дѣйствіяхъ ихъ противъ мятежниковъ во время пугачевщины. Мы уже видѣли выше результатъ битвы при Пролейгѣ, гдѣ Пугачевъ однимъ выстрѣломъ заставилъ разбѣжаться калмыцкое войско, высланное противъ него, подъ предводительствомъ князя Дундукова: въ этой битвѣ пала вся легкая полевая команда, на которую мѣстныя власти возлагали единственную надежду, палъ начальникъ этой команды, несчастный Дицъ, смерть котораго должна лежать на памяти астраханскаго губернатора Кречетникова, который съ испугу не зналъ что ему дѣлать и послалъ Дица подъ обухъ; въ этой битвѣ, наконецъ, разбиты были и донскіе отряды, которые, совмѣстно съ калмыками и полевой командою, думали пересѣчь дорогу Пугачеву, неудержимо стремившемуся на югъ и отгрызавшемуся, подобно раненому льву. А между тѣмъ, донскіе полковники Кутейниковъ и Грековъ, разбитые при Пролейгѣ вмѣстѣ съ Дицемъ и княземъ Дундуковымъ и едва спасшіеся къ Царицыну (Кутейниковъ, впрочемъ, черезъ нѣсколько дней былъ снова настигнутъ Пугачевымъ, весь исколотъ, избитъ, взятъ въ плѣнъ и приговоренъ къ разстрѣліанію изъ ружья подобно собагѣ, хотя и спасса случайно отъ смерти по безопасности стрѣлявшаго въ него палача, какъ мы и видѣли выше), послали къ войску Донскому вѣсть, будто они, «полковники Кутейниковъ и Грековъ, встрѣтивъ, въ урочищѣ Пролейгѣ государственнаго злодѣя и бунтовщика Пугачева, соединясь съ легкою полевой командою, не убоясь того злодѣя Пугачева, а особливо наблюдая свою присяжную должность, стремительнымъ образомъ сочinia съ нимъ баталію и *разбивъ* (1) толпы его до нѣсколько побили да въ помозъ взяли тожъ... *а хотя онъ злодѣй разбитъ*», однако... и т. д.

Что же касается до того, что битву съ Пугачевымъ и отраженіе его отъ донскихъ предѣловъ народный разсказъ приурочиваетъ къ имени казацкаго баловня Платова, то это имя упоминается и въ другомъ разсказѣ, переданномъ нами въ статьѣ «Пугачевскій полковникъ Ивановъ», гдѣ положительно говорится, будто «генералъ Платовъ поймалъ Амельку (Пугача), когда тотъ подходилъ къ Черкаску».

Какъ бы то, впрочемъ, ни было, Пугачевъ не осмѣлился пойти на Донъ и, отбитый отъ Царицына, двинулся далѣе къ югу.

Достоинно особеннаго замѣчанія, что всѣ распоряженія Кречетникова или, какъ онъ выражался, «достаточныя наставленія» къ оборонѣ Царицына и Камышина пришли въ Царицынъ — первая 22-го августа, когда самозванецъ уже былъ отбитъ отъ того города доблестнымъ Цыплетевымъ и горстью офицеровъ, солдатъ и гражданъ, а послѣдніе — 25-го августа, когда уже давно былъ убитъ несчастный камышинскій комендантъ, Касперъ Меллинъ, на имя котораго писался ордеръ и когда Пугачевъ не только прошелъ Камышинъ, волжское войско, Царицынъ, но и былъ уже, утромъ этого дня, окончательно разбитъ Михельсономъ. Такимъ канцелярскимъ витанзмомъ отличались въ то время дѣйствія всѣхъ высшихъ властей, которыя или не умѣли дѣйствовать или боялись шевельнуться и только строчили промеморіи за промеморіями и ордеръ за ордерами, или медлили до непостижимости, а между тѣмъ приказывали своимъ подчиненнымъ властямъ ждать ихъ «персональных» распоряженій и не смѣть ничего сдѣлать безъ позволенія свыше. Безъ сомнѣнія, и Цыплетева, съ защищаемымъ имъ городомъ, постигла бы участь злополучнаго Меллина, еслибъ онъ ждалъ распоряженія своего непосредственнаго начальника, который только и писалъ изъ Астрахани, что «не уволю выступить и самъ» противъ Пугачева, да спрашивалъ Цыплетева, что дѣлаетъ самозванецъ, гдѣ онъ, что дѣлаютъ другія войска, гдѣ Михельсонъ, Бошнякъ, что дѣлается въ Саратовѣ, куда намѣренъ двинуться Пугачевъ и проч. и проч. Приказы его постоянно запаздывали, наставленія приходили по минованіи въ нихъ надобности, да притомъ были непримѣнны къ дѣлу. На всѣхъ распоряженіяхъ властей лежитъ печать застоившагося канцеляризма: гдѣ нужна быстрота, рѣшительность, тамъ шла такъ-называемая московская канцелярская волокита. Было бы отписано — и дѣлу конецъ.

Въ такомъ печальномъ и неблагоприятномъ свѣтѣ представляются всѣ высшіе правительственныя дѣятели времени Пугачева — фонъ Рейнсдорпъ, фонъ Брантъ, Голицынъ, Декалонгъ, Шетневъ, Каръ, Чернышовъ, Фрейманъ, Кречетниковъ. А между тѣмъ, Кречетниковъ былъ изъ лучшихъ государственныхъ людей второй половины прошлаго вѣка. Знаменитые орлы изъ стаи великой Екатерины были, какъ видно, не настоящіе орлы, а другой породы птицъ. Простой казакъ, въ натурѣ котораго была какаютто непостижимая стремительность, который не зналъ ни утомленія, ни страха, обаялся способіе сподвижниковъ великой императрицы. Даже полковники и генералы этого самозванца

партизана, вышедшіе изъ массы народа, или изъ остроговъ, оказались болѣе даровитыми и болѣе дѣятельными личностями, чѣмъ люди, призванные къ кормилу правленія. Какойнибудь Чича не въ шутку могъ назваться графомъ Чернышовымъ, военнымъ министромъ казака-атамана, когда его стремительныя и постоянно рассчитанныя на успѣхъ дѣйствія парализировали всѣ распоряженія военныхъ совѣтовъ, составившихся изъ заслуженныхъ военачальниковъ.

Неудивительно, что и Кречетниковъ дѣйствовалъ не впопадъ и непростительно медленно, когда гроза висѣла еще слишкомъ далеко отъ его головы, какъ ему казалось, хотя и издали гроза эта представлялась уже страшною и неотвратимою. *

* Приведемъ здѣсь, въ вѣнскѣ, главныя распоряженія Кречетникова, пришедшія на мѣсто дѣйствія, когда уже было поздно, и когда уже самое дѣйствіе кончилось. Первое относится къ защитѣ Камышина. Оно писано къ камишинскому коменданту Касперу Меллину. Такъ-какъ Меллинъ былъ убитъ при взятіи Камышина самозванцемъ (13-го августа), то оно получено уже Цыплетевымъ (25-го августа). Писано же оно 15-го августа опять-таки послѣ смерти Меллина, и писалось, слѣдовательно, къ мертвому. Вотъ оно: «Сего августа 15-го присланнымъ ко мнѣ репортомъ вашимъ представлено, что по притчнѣй приходу навѣстнаго злодѣя Пугачева въ Саратовъ, и городъ Дмитріевскъ (Камышинъ) состоитъ въ опасности. На которое дается вамъ знать, что отъ стороны Царицына, противъ его, злодѣя, господина полковника князь Дондуковъ съ камишинскимъ войскомъ и казаками уже выступилъ, коему и легкую полевую команду, да и волскахъ казаковъ всѣхъ съ ихъ старшинами вѣрно присоединить; отъ стороны же Дона слѣдуютъ еще особо съ деталементамъ господина генералъ-маіора князь Багратионъ, который томъ съ тѣми камишинами совоушится и дѣйствовать будутъ противъ того злодѣя во истребленіи ихъ общими силами, какъ о всемъ томъ царицынскому коменданту, да и ему полковнику Дондукову, также и волскому войсковому старшинѣ Персицкому довольныя наставленія отъ меня предписаны, слѣдовательно, они по сіе время города Дмитріевска и достигнуть могли (нѣтъ, не достигли), который имъ, да и волскія казацкія населенія надежно защититься могутъ (нѣтъ, не могли!). Почему ваше высокоблагородіе и имѣете вспоможенія и обороны себѣ требовать отъ него, полковника. Городъ же стараться привести въ оборонительное состояніе всѣмъ обществомъ, и на сей только случай взять кушцовъ и другихъ вѣдомства ихъ людей отъ ратуши, а бобылей отъ ихъ опекуна, маіора Гололобова, сколько въ тому потребно, а по минованіи опасности (!) оныхъ всѣхъ отъ таковой тягости уволить и никаково принятствія въ ихъ промыслахъ и работахъ не чинить, и въ семъ ко исполненію сей ордеръ мой въ тамошней ратушѣ и ему, маіору, объявить, и что о злодѣяхъ происходить будетъ, объ ономъ по часту ко мнѣ репортовать съ нарочными курьеры (а курьерамъ не на чемъ было ѣздить), выдавая имъ прогонныя деньги на счетъ секретной коммиссіи, о чемъ отъ меня на указаномъ основаніи ордеромъ вамъ и подтверждено; ѳбглецы жъ, навѣстно, судятся по правамъ, о коихъ впредъ, по окончаніи опасности, и революція дана будетъ».

Эта бумага помѣчена уже Цыплетевымъ. Собственно же Цыплетеву Кречетниковъ рекомендовалъ слѣдующія мѣры для встрѣчи Пугачева. Получивъ отъ Цыплетева увѣдомленіе «о измѣнѣ волскаго войска и сумнительности домикихъ

XII.

Отъ Царицына Пугачевъ шелъ по направленію къ Сараятъ. Войско его увеличилось шестью полками донскихъ казаковъ. Обозъ умножился стадами, угнанными его новыми подданными, валмиками, въ окрестностяхъ Царицына.

На дорогѣ онъ встрѣтилъ академика Ловица, который, въ числѣ прочихъ ученыхъ (Палласа, Гмелина, Иноходцева и др.), командированъ былъ отъ академіи наукъ въ экспедицію, снаряженную императрицею Екатериною II для изученія Россіи. Узнавъ отъ Ловица, что онъ наблюдаетъ движенія звѣздъ, Пугачевъ велѣлъ повѣсить его «поближе къ звѣздамъ».

Но тутъ на Пугачева, на эту никогда не устававшую голову, на эти желѣзные мускулы, какъ бы напало какое-то непонятное

казаковъ», а также о вѣтн самозванцевъ Каминина, Бречетниговъ пишутъ: оно немѣннѣе у меня конныхъ легкихъ войскъ, въ подрѣшеніе ихъ вѣсь, ни его, полковника князя Дундузова, снабдить имъ никакъ невозможно, и всего адѣсь (въ Астрахани) собрано съ станицъ конныхъ казаковъ съ полтората человекъ, но и *тѣхъ послать весьма опасно, въ преданности ихъ къ зло дѣламъ*, да и толкое малое число никакого вспоможенія сдѣлать и послѣднѣе туда не могутъ. Каминитъ же хотя собрать и вѣдно, да и дѣйствительно кнѣе собираются, но ихъ, безъ подрѣшенія російскаго войска, въ командировку употребить ни мало не надежно, и пѣхота къ Царицыну тоже не усѣбеть. А какъ, по прѣшнимъ извѣстіямъ и по вашимъ репортамъ видимо, что злодѣйское стремленіе склоняется внизъ по Волгѣ, слѣдовательно къ недоуценію онаго намисльнѣе должно стараться, кванперныхъ у Царицына и по линіи ихъ, злодѣевъ, прѣслѣдовать и искоренить, а восторихъ, и адѣсь на отраженіе его и на защищеніе всего города и котющаго народа взять предохранительныи мѣры, для чего тѣ казаки и камини, да и легкая полевая команда и гарнизонъ на то самое и пріуготовленн. Итакъ, имѣете во укрѣпленіи Царицына поступать по учиненному вами распоряженію, которое мною опробуетца, и тѣхъ злодѣевъ до разоренія себя отнюдь не допустить и князю Дундузову навкрѣчайше велѣть на нихъ, обще съ легкой командою, навадать и истреблять. Сверхъ того, намскорѣе вамъ командировать на способныхъ людяхъ пристойную команду, человекъ сто съ пушками, съ надежными оберъ-офицеромъ, и жадія по Волгѣ рѣкѣ злодѣйскія суда съ провіантомъ и экипажами отбить или, по крайней-мѣрѣ, ихъ смечь, или же затопить, и совсѣмъ истребить, чтобъ они дѣлши отнюдь оставаться не могли. А къ генераль-майору князю Багратиону съ прилагаемымъ при семъ сообщеніемъ моимъ отправить намскорѣе нарочнаго курьера, дабы онъ весьма посильшалъ съ своимъ detachmentомъ къ Царицыну и ихъ, злодѣевъ, въ конецъ искоренить. Буде-жъ бы они, Царицынъ мяновавъ, пойдутъ дагѣ сюда внизъ, то вамъ скорѣе воходъ отправить воинской командѣ человекъ сто или больше съ артиллерією къ Черному Яру, въ подрѣшеніе и защищеніе тамошняго города. А естли они и оной минуютъ, то имъ для сего жъ самого, ни мало не мѣшавъ, спуститься къ Емтасевской крѣпости, и намисльнѣе приказать стараться обои тѣ города и жителей отъ нихъ, злодѣевъ, спасти, и что отъ нихъ происходитъ будетъ,

утомленіе. Страстная, порывистая, но въ то же время безвольная натура — онъ вдругъ зацѣнился, забывъ, что все приобретенное имъ въ теченіе года, можетъ быть потеряно за день гѣни, за нѣскольکو часовъ бездѣйствія. Страстность и огненность его натуры не мѣшали ему, однако, быть слабымъ, мягкимъ, податливымъ. Держа въ рукахъ могучій рычагъ, которымъ онъ приподнималъ и встряхивалъ всю Россію, нося въ себѣ самомъ неизмѣримую силу, которая въ нѣскольکو мѣсяцевъ могла поставить вверхъ дномъ весь существовавшій въ Россіи государственный строй, онъ иногда махалъ рукой на все, что вокругъ него происходило, и когда къ нему приступали его любимцы съ тѣмъ или другимъ предложеніемъ, онъ имъ говорилъ: «Э! мнѣ все равно—дѣлайте что хотите». Эта непонятная апатія вдругъ овладѣла имъ, когда онъ отступилъ отъ Царицына. Онъ забылъ обо всемъ: забылъ, что за нимъ мчатся по патамъ войска; за-

о томъ, по содержанію прежде посланныхъ отъ меня ордеровъ, почасту ко мнѣ репортовать».

Это было писано 12-го августа. Понятно, что изъ Астрахани эта бумага не могла попасть въ Царицынъ раньше Пугачева, который былъ уже въ волжскомъ войскѣ. 20-го же августа Кречетниковъ, получивъ печальную вѣсть о пораженіи правительственныхъ войскъ при Пролеткѣ, о гибели Дяда, о падѣнн всей легкой и колевой команды, о взятіи артиллеріи и всего обоза и о бѣгствѣ калмыцкаго войска, и извѣдая трусость калмыковъ, «яко степенныхъ и совсѣмъ необыкновенныхъ людей», писалъ, между прочимъ, Цицлетеву, что изъ рапорта его не видно, чтобы они (то-есть калмыки), оставя возложенную на нихъ службу, могли обратиться на побѣгъ назадъ... слѣдовательно (прибавляетъ онъ) и могутъ они теперь собравшись въ самыхъ тѣхъ мѣстахъ, при своей командѣ, противъ злодѣя дѣйствовать, и стараться ими спотъ отъ него отогнать, къ чему они и способны есть. А какъ извѣстно мнѣ, что генералъ-майоръ князь Багратионъ съ своимъ detachmentомъ 14-го числа приблизился къ Царицыну и находился въ Патизбанской станицѣ, отстоящей отъ онаго въ шестидесяти верстахъ (это не близко, однако), то уже нынѣ, безъ сомнѣнн, прибылъ къ вамъ (нѣтъ, не прибылъ), и могъ совокупиться съ нимъ, полковникомъ (княземъ Дондуковимъ): въ такомъ случаѣ, имѣете придать имъ въ подкрѣпленіе изъ царицынскаго гарнизона пѣхоты, пристойное число выбранныхъ надежныхъ людей, да и прикнувъ къ нимъ калмыкъ и казаковъ, и силами общественными силами найкрѣпчайшее усердіе свое приложить тѣхъ злодѣевъ атаковать, и стараться всѣхъ въ конецъ разбить, ибо при немъ, генералъ-майорѣ, орудій состоитъ довольно число, конны, при помощи пѣхоты, и поражае ихъ можетъ. Въ чемъ во всемъ и поступить вамъ по общему съ нимъ совѣту, изыскивая всѣми мѣрами ко истребленію ихъ наглутчихъ способовъ и сохраняя по своей должности вѣренной вамъ постъ отъ раззоренія злодѣевъ и т. д.

О своей же «персональной» повѣдѣ въ Царицынъ, чтобы «персонально» пойтаться съ Пугачевымъ, онъ уже и не заикается, хотя за нѣскольکو дней до этого, когда самозванецъ былъ еще далеко, онъ постоянно писалъ, что самъ придетъ... Такъ-то дѣйствовали высокопоставленные лица. За то не такъ дѣйствовалъ Пугачевъ и его сподвижники — невыгодная параллель.

былъ, что впереди у него нѣтъ ни будущаго, ни родины, ни возврата къ прежнему; забылъ, что порывъ обстоятельствъ выталкиваетъ его въ невѣдомыя страны, въ Персію, въ Турцію, онъ забылъ время, забылъ пространство, забылъ даже, что вотъ-вотъ его можегъ настигнуть его грозный гонитель, его палачъ, этотъ ужасный нѣмецъ Михельсонъ. Добравшись до Сарепты, онъ вдругъ, ни съ того, ни съ другаго, закрылся въ своей роскошной палаткѣ и цѣлыя сутки бездѣйствовалъ съ своими наложницами. А для него потерять сутки — это то же, что потерять половину всего добытаго такою упорною борьбою, такими ужасными жестокостями и кровью десятковъ тысячъ жертвъ.

Что же съ нимъ сдѣлалось? Былъ ли это припадокъ раздумья, или порывъ того подавляющаго отчаянія, то безнадежное сознаніе безвыходности положенія, въ которое завела его страстность дикой природы, требующая повременамъ, чтобы человѣкъ утопилъ и себя и неотвязно надобѣдающую ему мысль въ винѣ, въ разгулѣ, въ развратѣ? Всего скорѣе, что Пугачевъ уже начиналъ чувствовать себя нѣсколько надломленнымъ — счастье ему измѣняло. Своимъ сообщникамъ онъ уже начиналъ меньше вѣрить. Донъ, на который онъ рассчитывалъ, какъ бы ускользнулъ у него съвозъ пальцы. Даже тѣ шесть полковъ донскихъ казаковъ, которые пристали къ нему подъ Царицынымъ, въ первую же ночь, тихонько, одинъ по одному, покинули его, «которые — говорить самозванецъ — я порядочно присматривать и не велѣлъ». Онъ видѣлъ, что назадъ, къ Оренбургу, ему воротиться нельзя, да и не зачѣмъ; на Яикъ тоже было бы бесполезно идти — да и зачѣмъ? Онъ прежде загадывалъ дальше Яика, а теперь, всегда помогавшая ему судьба какъ бы выталкивала его изъ Россіи. Передъ нимъ лежала только Астрахань, а тамъ — чужая сторона, невѣдомыя государства. На Донъ ему уже не зачѣмъ было возвращаться, — да и что толку бѣглецу въ родинѣ, которую онъ покинулъ и которая его самого выкинула? Въ центрѣ Россіи, наконецъ въ Башкиріи, ему нечего было задумываться: впереди лежала цѣлая Россія. А тутъ онъ уже добѣжалъ до конца Россіи — дальше было идти некуда да и воротиться въ Россію уже было нельзя. Такія порывистыя, безвольныя натуры, какъ Пугачевъ, не привыкли задумываться: «день мой — вѣкъ мой», — вотъ ихъ девизъ. Г. Щебальскій, кажется намъ, вѣрно понялъ эту личность: «Пугачевъ — говорить онъ — былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые, не имѣя исключительныхъ злыхъ наклонностей, совершенно зависать, въ отношеніи нравственности, отъ обстоятельствъ, и для которыхъ не существуетъ понятія о добрѣ и злѣ. Можно, кажется, вѣрить тому,

что онъ не слишкомъ часто имѣлъ свирѣпыя побужденія; но казаки начинаютъ приставать, чтобъ онъ приказалъ повѣсить такого-то — ну, и пусть его повѣсятъ! Въ началѣ своей службы онъ былъ трезвымъ казакомъ; когда же обстоятельства перемѣнились; и ему стоило протянуть руку, чтобъ внести дно у боченка съ водкою, онъ сдѣлался пьяницей; не зная устал, когда его тѣснилъ Михельсонъ, и проводилъ дни и ночи въ гульбѣ, когда никакая особенная опасность не толкала его, такъ сказать, подъ божье*.

Неудивительно, что при первой неудачѣ и при первомъ серьезномъ раздумьи, Пугачевъ, на этотъ именно разъ, махнулъ на все рукой — пусть будетъ, что будетъ! И онъ засѣлъ въ своей палаткѣ съ своими наложницами...

А между тѣмъ Михельсонъ не дремалъ. Какъ аккуратный нѣмецъ, съ энергіею и настойчивостью, свойственной этой великой расѣ, онъ не тратилъ даромъ ни дней, ни часовъ; а съ бою бралъ каждую пядь земли, гоня, такъ сказать, въ мертвую голову своихъ, привычныхъ и къ голоду, и къ холоду, и къ зною, гусаръ, носившихся съ нимъ и по горамъ Урала, и по Сибири, и по Башкиріи, плававшихъ и по льдинамъ разливающихся съ первою весною рѣкъ, и на лодкахъ, и на доскахъ, ходившихъ съ своими пушками и по дну рѣчному, вадившихся и подъ солнцемъ и подъ огнемъ пожаровъ.

Скоро мы увидимъ этого Михельсона опять лицомъ къ лицу съ его страшнымъ противникомъ...

Выше мы видѣли, какъ дѣйствовали донскіе казаки противъ самозванца: мы видѣли ихъ и подъ Петровскомъ, когда они передавались самозванцу, и при Пролейкѣ, когда храбрый Кутейниковъ и не менѣе храбрый Грековъ, дойдя до самыхъ неприятельскихъ пушекъ, были подавлены превосходною силою враговъ, хотя и извѣщали войско Донское, что разбили злодѣя; мы видѣли казаковъ и подъ Царицынымъ, когда оторопѣвшіе ихъ вожди Василій Манковъ, Михайло Денисовъ, Василій Перфиловъ, Григорій Поздѣвъ, Варламъ Денисовъ и Карпъ Денисовъ извѣщали Цыплетева, что «къ несчастью общему и къ погашенію славы, нажитой всего войска донскаго кровью, изъ находящихся при нихъ подкомандныхъ, нѣкоторые показали такую трусость, что и прочихъ смѣшавъ мысли, нанесли страхъ такой, что они о истребленіи отъ казаковъ злодѣя надежды не предвидятъ»; мы видѣли казаковъ и у стѣнъ самаго Царицына, когда всѣ эти шесть полковъ (Манкова, Перфилова, Поздѣва и трехъ

* Щебальскій, 73.
Т. СLXXX. — Отд. I.

Денисовыхъ), по словамъ самого Пугачева, подъ крѣпостными выстрѣлами «заворотились» къ самозванцу, а доблестные къ вожди остались безъ полковъ; мы видѣли, наконецъ, какъ эти казаки, понявъ свою ошибку и раскаявшись, въ первую же ночь, «человѣкъ по человѣку», какъ говоритъ Пугачевъ, ушли отъ него. Мы видѣли въ это смутное время, и на полѣ битвы, и на сторожевыхъ пунктахъ, предводителей Донскаго войска, завоевавшихъ, такъ сказать, себѣ мѣсто на страницахъ исторіи — и Матвѣя Платова, еще молодаго полковника, и Федора Кутейникова, и Абросима Луковкина, и Василя Перфилова, и Михайлу Денисова, и Василя Манкова, и Карпа Денисова, и Григорья Повдѣва, и Варлама Денисова, и Василя Грекова, и Макара Грекова, и Петра Попова, и Агима Карпова, и Павла Кирсанова, и Агима Уварова, и Ивана Харитоновъ, и Янова, и Кульбакова, и Вуколова, которые на своихъ плечахъ вынесли не мало общей тяжести, вынавшей на долю Россіи въ то несчастное время. Но при всемъ томъ, въ нѣкоторыхъ реліціяхъ ихъ къ войску о дѣйствіяхъ противъ Пугачева проглядываетъ странное противорѣчіе съ дѣйствительными, неопровержимыми фактами, и потому мы поневолѣ должны иногда заподозрить ихъ въ хвастливости, которая не позволяетъ историку принять съ полною вѣрою ихъ показанія.

Такъ, послѣ того, какъ самозванецъ отступилъ отъ Царицына, а за нимъ послѣдовали и шесть донскихъ полковъ, только безъ полковниковъ, и когда — мы это подозреваемъ изъ сопоставленія чиселъ — стало уже извѣстно, что Михельсонъ 25-го августа разбилъ Пугачева, а слѣдовательно, когда бѣжавшіе съ Пугачевымъ донцы успѣли уже, въ ночь на 23-е число, вновь перебѣжать отъ самозванца къ своимъ покинутымъ полковникамъ, войско Донское, 26-го августа, писало къ Цыплетеву слѣдующее: *сейчасъ* полученъ *радостный* репортъ отъ линейскаго походнаго атамана Василя Перфилова и отраженныхъ отъ войска донскаго полковниковъ Михайлы Денисова, Василя Манкова, Карпа Денисова, Григорья Повдѣва, Варлама Денисова и Василя Грекова, которымъ донесено, что, пробывъ притѣсняемы будучи злодѣемъ при Царицынѣ и показавъ всеусердную службу съ истиннымъ раченіемъ, по долгу присяги, *злота со всею толпою отъ Царицына* военною рукою *отратили, поражаа ео пятнадцать отъ Царицына верстъ*, и отбили одну пушку, два знамя и знатное число людей, и дожидались, при семь случаѣ, при Царицынѣ, съ деташементомъ господина подполковника Михельсона, котораго эскадроны того числа и прошли подъ вечеръ Царицынъ, слѣдуя ко истребленію онаго злодѣя, а

и гѣхота не взмедитъ приходомъ. *Завтрашнюю, то-есть 28-го числа, рано будетъ походъ*, въ которомъ и имъ быть велѣно, куда онъ и слѣдуютъ со охотою, и казаки-де при семъ злодѣя пораженіи доказывали храбрость». Сомнительно что-то...

Далѣе. «Оной же злодѣй не далеко отъ Царицына будетъ какъ въ двадцати верстахъ *коротать тую ночь*, изъ чего-де и видно, что онъ, злодѣй, пробравается за Кубань, и опасности-де отъ него доносимъ станицамъ нѣтъ. *Проклятая-жъ-де его волокита танища надъ Волгою*, и слышно, что ево, злодѣя, северной языкъ выговорилъ позволеніе измѣнникамъ, дербетовымъ калмыкамъ, перебыть за Волгу».

Впрочемъ, 25-е августа еще не наступало. Пугачевъ все еще былъ непобѣдимъ — часть его не пробилъ.

Хотя Донское войско и получило отъ своихъ полковниковъ и атамановъ помянутый «радостный» рапортъ о дѣйствіяхъ противъ Пугачева, однако всѣ прошедшіе факты громко говорили, что съ Пугачевымъ дремать нельзя. Онъ могъ кинуться на Донъ, поворотивъ отъ Сарепты. Могъ обмануть Михельсона, какъ обманывалъ всѣхъ неожиданностью и невѣроятною быстротою своихъ поворотовъ. Бѣшеной скачкой по оренбургскимъ степямъ, по Башкиріи и по уральскимъ отрогамъ онъ доказалъ, что для него не существуетъ заранѣе опредѣленныхъ направленій: сегодня онъ мчится по кубанской дорогѣ, а завтра его пушки обратятся жерлами къ Дону, къ Черкаску, а то, пожалуй, и опять на сѣверъ, въ глубь Россіи. Его «проклятая волокита» слишкомъ сильна, его любимцы — казаки слишкомъ вошли во вкусъ человѣческой крови, чтобы не искать побѣдъ и новыхъ казней. Притомъ же, Донъ былъ такъ привлекателенъ для того, кто родился на берегахъ этого Дона, въ Зимовейской станицѣ.

«И хотя — разсуждало войско Донское — напоминаемый злодѣй отъ Царицына отвращенъ, пораженъ (?) и преслѣдуется храбрыми ея императорскаго величества войсками, но однако войско Донское, на всякой непридвидимый случай, а притомъ и отъ набѣговъ измѣнниковъ калмыкъ предосторожности своей не оставляетъ».

Дѣйствительно, къ прежде командированнымъ къ Царицыну полкамъ Василья Перфилова, Михайла Денисова, Василья Манкова, Карна Денисова, Григорія Повдѣва и Варлама Денисова, оно вновь снарядило отряды съ атаманомъ Макаромъ Грековымъ и подполковникомъ Петромъ Поповымъ, Акимомъ Карповымъ, Павломъ Кирсановымъ, Матвѣемъ Платовымъ, Акимомъ Уваровымъ и Иваномъ Харитоновымъ, изъ коихъ одна половина этихъ полковниковъ должна была слѣдовать съ своими отрядами по пра-

вой сторонѣ Дона, а другая половина по лѣвой, вверхъ по теченію этой рѣки, вплоть до Кутморской станицы, а въ случаѣ нужды и до Пятиозбѣ.

Это была живая, подвижная крѣпость, которая должна была оберегать донскіе предѣлы съ востока, тогда какъ съ сѣвера, для обереженія верховныхъ станицъ, медвѣдичиныхъ и бузулукскихъ, растянуты были команды, называвшіяся «поголовными», потому что составлялись поголовнымъ ополченіемъ угрожаемыхъ Пугачевымъ станицъ, и главное начальство надъ этими командами было поручено, какъ мы и видѣли выше, походному атаману Абросиму Луковкину, имѣвшему подъ своимъ началомъ нѣсколько другихъ полковниковъ и походныхъ старшинъ.

Но хотя главныя силы Пугачева тянулись уже ниже Царицына, однако опасность для средняго Поволжья еще не миновала. Пугачевщина — это была живая, дикая сила, которая одарена была способностью самозарожденія. Случалось такъ, что въ извѣстной мѣстности, гдѣ она, повидимому, была уже совершенно подавлена, вытравлена, такъ сказать, и всѣ толпы разсыяны, переловлены — вдругъ снова выростали «толпища», какъ изъ земли, и снова надо было душить ихъ, если только у мѣстныхъ властей хватало на это силы.

Мы видѣли выше, что волжское войско все пошло за Пугачевымъ. Жилища ихъ, хутора, станицы и главный городъ Дубовка, представляли видъ какого-то опустошенія: тамъ оставались только казачки, казачата, еще не доросшіе до сѣдла и дротина, да старики, уже отжившіе и отслужившіе свое время. Пушки вьезы, казна вывезена въ Царицынъ, войсковой атаманъ, старикъ Персидскій, также укрылся въ этомъ городѣ, оставивъ свое войско на произволъ судьбы. Понятно, что для пугачевцевъ такая мѣстность представляла особый разгуль, а пугачевцы, какъ мы сказали, самозарождались вездѣ, не только тамъ, гдѣ уже разъ было брошено сѣмя этой саранчи, но гдѣ оно и не было брошено. Оставшіяся, послѣ атамана Персидскаго, заправлять несуществующимъ волжскимъ войскомъ, депутатъ Василій Венеровскій, по требованію прослѣдовавшаго черезъ земли этого войска Михельсона, послалъ на Донъ казака Цепкова, чтобы казаки донскихъ станицъ были немедленно командированы «въ армію» Михельсона. Цепковъ выѣхалъ изъ Дубовки и вдругъ наткнулся, между Волгою и Дономъ, на рѣкѣ Лазной, на «партію, человекъ до тысячи, пугачевской команды, съ есауломъ Сицкимъ». Это было 23-го августа, когда самъ Пугачевъ и его главныя силы были уже очень далеко отъ этой мѣстности. Помянутая партія пугачевской команды шла, какъ видно, отдѣль-

нимъ отрядомъ, догоняя главнаго предводителя. Эти пугачи видя находящи возможность свирѣпствовать даже въ опустошенныхъ жилищахъ: эти разбойники «донскихъ казаковъ и волскаго войска въ хуторахъ множество побили въ смерть». Между прочимъ они покололи депутата Дьяченкова, прапорщика Мелеховскаго, Петра Зайченка, двухъ Грековыхъ. Другихъ захватили съ собою силою. Это уже была новая пугачевщина и волжскому войску, его опустѣлымъ станицамъ и главному городу грозила новая опасность. Венеровскій просилъ у Цыплетева помощи; но Цыплетевъ самъ ждалъ съ часу на часъ возвращенія только что отраженнаго имъ врага, о которомъ приходили такіа неопредѣленные вѣсти, съ такими грозными признаками.

Въ числѣ донцовъ, дѣйствовавшихъ противъ Пугачева, мы не упомянули имени полковника Алексѣя Иловайскаго. Ему поручено было поспѣшить на защищеніе царицынской линіи; но такъ-какъ въ то несчастное время все запаздывало, то и Иловайскій приблизился съ своимъ отрядомъ къ линіи только тогда, когда Пугачевъ не только прошелъ ее, но уже миновалъ и Сарепту, гдѣ онъ забавлялся цѣлыя сутки съ своими фрейлинами. Но опять-таки повторяемъ: силы Пугачева были не тѣ только, которыя группировались около него собственно, около его знамени, около его шатра. Кромѣ того, что хвостъ его «проклятой волокиты» тянулся за нимъ на сотни верстъ, буйные полковники его рыскали по разнымъ мѣстамъ, вдали отъ своего повелителя, съ своими собственными «волокитами» и «толпищами». На одно такое «толпище» наткнулся Иловайскій, поспѣвая къ Царицѣну. Приближаясь къ Грачевской вѣрности, на царицынской линіи, онъ отрядилъ впередъ, для рекогносцировки, партію казаковъ, которая, встрѣтивъ толпу пугачевцевъ, дала объ этомъ знать Иловайскому. Толпа успѣла уже перебраться за линію. Иловайскій, «устремившись и настижа ее за рѣчкою Мечетною, со всеусердной ревностію, по всеподданнической должности, усилился сдѣлать атаку (въ чему и господинъ походный атаманъ Луковскій и полковникъ Яновъ съ казаками въ подрѣшеніе поспѣшно гнали), оную злодѣйскую партію, безъ всякой изъ команды его потери, разбивъ, не малое число покололъ и сто шесть чловѣкъ взялъ въ плѣнъ». Предводитель толпы, «злодѣйскій полковникъ», ѣхавшій впереди, бѣжалъ съ небольшими силами. Иловайскій устремился за ними и гналъ ихъ до самой Сарепты; но за усталію лошадей, нагнать не могъ, особенно потому, что предводитель шайки, въ обѣ стычки («и въ первомъ и во второмъ ударѣ»), «не защищая свою партію, а ѣхавши впереди, бѣжалъ».

24-го августа, Яновъ послалъ тридцать человекъ казаковъ къ Татьяницкому форпосту для развѣдыванья, не встрѣтятся ли гдѣ «злодѣйское толпище». Обходя форпостъ, казаки увидѣли вдали быстро несущіяся табуны лошадей и за ними толпу всадниковъ съ тремя «хорунгами» (знаменами). Табуны-нагъ знамени не похежи были на знамена правительственныхъ войскъ, то казаки и догадались, что это толпа пугачевцевъ. Они тотчасъ же воротились къ форпосту и засѣли въ немъ. Всадники неслись прямо къ форпосту. Казаки приготовились встрѣтить ихъ «со всеусердїемъ», мушкетными выстрѣлами. На разстояніи ружейнаго выстрѣла, неизвѣстные люди, которыхъ было болѣе ста человекъ, остановились, и отъ партіи отдѣлились три человека.

— Кто въ форпостѣ «жива душа»? закричали они.

Съ форпоста никто не отвѣчалъ.

— Сдайтесь — и вамъ отъ государя худа не будетъ.

Казаки продолжали молчать. Разбойники выстрѣлили изъ мушкетовъ и разбили форпостныя окна. Въ свою очередь послѣдовали выстрѣлы и изъ форпоста. Одинъ разбойникъ былъ раненъ.

Тогда къ форпосту нагрянула вся толпа, и опять начались переговоры.

— Кто смѣетъ бунтъ чинить противъ его императорскаго величества? спрашивали разбойники.

Одинъ изъ засѣвшихъ въ форпостѣ казаковъ, Ларіонъ Тукаловъ, отвѣчалъ :

— Бунтуете вы, злодѣи!

— Покоритесь батюшкѣ-государю! кричали тѣ.

— Мы на вашего батюшку плюемъ, отвѣчалъ безстрашный Тукаловъ.

Тогда со стороны разбойниковъ послѣдовалъ залпъ изъ ружей. Казаки отвѣчали тѣмъ же — и у одной злодѣйской хорунги древко было перебито.

Разбойники взоткнули на пику какую-то бумагу и показывали издали.

— Одумайтесь, господа донскіе казаки! Изъ Петербурха курьеръ прїѣхалъ къ государю Петру Федоровичу съ бумагами отъ великаго князя; пишетъ, что матушечу-де свою, за обиду родителя, царской державы лишивъ, съ войскомъ къ намъ на сибурскъ идетъ.

— Вашимъ прелестнымъ словамъ мы не вѣримъ, отвѣчали съ форпоста, и снова послѣдовалъ ружейный залпъ.

Разбойники пошли на приступъ, но какъ съ ними не было ни одной пушки, то они и не могли выломать форпостныхъ «полевыхъ» воротъ.

Казани продолжали стрѣлять и нѣсколько человѣкъ убили. Но вдругъ со стороны царичинской дороги показалось нѣсколько кенныхъ, которые быстро свалили въ форпосту, и у одного на нихъ надѣта была казацкая шапка. Разбойники прекратили стрѣльбу и побѣжали на встрѣчу вновь прибывшимъ. Поговоривъ о чемъ-то, всѣ они стали торопливо собираться въ дорогу, поправляя сѣдла и подпруги.

Они, дѣйствительно, бѣжали; но проѣзжая мимо форпоста, изъ толпы ихъ раздались крики:

— Завтра мы къ вамъ будемъ! Прощайте!

Казани тотчасъ же вышли изъ форпоста, и «со всякимъ раченіемъ тѣхъ злодѣевъ преслѣдуя не малое число верстъ, однако, за усталю лошадей, достигнуть не могли».

Войску Донскому вообще было не мало работы. Оно все поднялось на ноги. Кромѣ поголовнаго ополченія, поставленнаго всѣми станицами, кромѣ «доброконныхъ» казаковъ, пошли въ поле и «худоконные», и старики, и «смалогѣтки», и «выростки» и «равнометные» и «юртовые» калмыки. Вызваны были полки, воевавшіе съ кубанцами. Все шло за тѣмъ, чтобъ «всѣми силами, до послѣдней капли крови того измѣннига-тирана Пугачева, съ его сволочною толпою на дальнее злодѣйство не допустить, но въ прахъ искоренить и истребить». Старики и дѣти поднялись и сѣли на конь, чтобъ, «сохраня свое отечество, заслужить отъ ея императорскаго величества всемилоствѣйшей государыни войску Донскому вѣчную и несмертельную похвалу на потомственные роды».

24-го августа, Луковкинъ вновь разбилъ то скопище пугачевцевъ, съ которымъ онъ бился у Молодельской станицы. Эта толпа разбита была уже при рѣчкѣ Сагарѣ. Въ числѣ плѣнныхъ находился одинъ сотникъ.

Но обратимся къ самому Пугачеву.

Прогулявъ въ Сарептѣ дѣльня сутки, онъ двинулся далѣе. Но этотъ прогуль времени оказался ошибкой непоправимой. Имѣя онъ впереди дѣльня сутки, онъ могъ бы пройти и все нижнее Поволжье, какъ прошелъ среднее, и Михельсонъ, при всей своей быстротѣ, не могъ бы его настичь до самой Астрахани. Астрахань легко сдѣлалась бы его добычей; а тамъ въ его руки попала бы и артиллерія, и морскія суда, и провіантъ, и матросы.

Но дни страшнаго человѣка были сочтены.

Въ ночь на 25-е августа, гусары Михельсона уже пробирались по окраинамъ поля, на которомъ спала или пировала дикая армія страшнаго человѣка, и живымъ кольцомъ обогнули эту армію.

Утромъ Пугачевъ увидѣлъ своего неутомимаго врага — и не узналъ его!

— Навалъ на меня съади *какой-то начальникъ*, съ великимъ корпусомъ, и на утренней зарѣ было сраженіе, на которомъ я былъ разбитъ, потерялъ почти всѣхъ людей, пушки, двухъ малолѣтнихъ дочерей и весь ограбленный мною во многихъ мѣстахъ багажъ.

Это было послѣднее пораженіе самозванца, послѣ котораго онъ уже не могъ оправиться. Страшная слава его прошла, кровавая звѣзда закатилась *.

XIII.

Но вотъ, когда Михельсонъ и Цыплетевъ сломили дикую силу человѣка, и когда оставалось только поймать этого человѣка, подобно вѣтру носившагося по солончаковымъ степямъ Заволжья, на сцену дѣйствія является Суворовъ, которому предстояло уже слишкомъ не громкое дѣло—изловить Пугачева, всѣми покинутаго. На такое дѣло нечего было бы и тревожить знаменитаго полководца, имя котораго гремѣло по всей Европѣ: дѣло это было бы по плечу любому поволжскому коменданту или мелкому начальнику разъѣздной команды.

Но какъ-то странно все дѣлалось въ то неудачливое время.

Напуганная успѣхами Пугачева, императрица хотѣла сама поспѣшить къ войску, чтобы предводительствовать имъ противъ дикаго казака. Но ей отсовѣтывалъ это удаленный отъ двора сановникъ, графъ П. Панинъ. Онъ самъ вызвался начальствовать войскомъ. Его благодарили, ему довѣрили это великое дѣло, въ самый его разгаръ, и онъ не двигался съ мѣста цѣлый мѣсяцъ! Когда Пугачевъ успѣлъ уже взять Курмышъ, Саранскъ, Пензу, Саратовъ, Камышинъ и уже готовился разбить шедшія къ нему на встрѣчу съ юга правительственныя войска, Панинъ только прибылъ въ свою пензенскую деревню!

Суворовъ, отличавшійся быстротою во всѣхъ своихъ походахъ—и этотъ спалъ. Бросивъ дунайскую армію, чтобы спѣшить для борьбы съ Пугачевымъ, онъ цѣлый мѣсяцъ ѣхалъ отъ Москвы до Царицына, когда самая обыкновенная почта приходитъ изъ Москвы въ Царицынъ въ 7—8 дней.

Прибывъ въ Москву изъ дунайской арміи, Суворовъ явился къ князю Волконскому. Оттуда онъ поѣхалъ къ главнокомандую-

* Подробности этой битвы читателямъ извѣстны изъ Пушкина, Щебальскаго и моихъ монографій.

щему, графу Панину, къ его пензенскую деревню. Панинъ далъ ему полномочіе дѣйствовать въ взволнованныхъ провинціяхъ по своему усмотрѣнію, и отпустилъ его ¹. Даже императрица написала Суворову собственноручное письмо, которымъ свидѣтельствовала ему свое удовольствіе «за его рвеніе и дѣятельность» ², но за какую? Тутъ онъ пока не выказалъ еще никакой дѣятельности, а, напротивъ, показалъ непонятную въ его кипучей натурѣ медленность. Суворовъ поѣхалъ къ мѣсту военныхъ дѣйствій съ небольшимъ отрядомъ, въ 50 человекъ. Онъ ѣхалъ на Пензу и Саратовъ. Въ Саратовѣ, онъ посадилъ свой отрядъ на судно, которое и должно было доставить его въ Царицынъ, а самъ ѣхалъ по берегу Волги, по астраханской дорогѣ. Уже отъ самой Пензы онъ встрѣчалъ по дорогѣ множество небольшихъ отрядовъ, выставленныхъ дворянами. Вотъ когда вздумали дворяне дѣйствовать, — тогда Пугачевъ былъ уже разбитъ...

Суворовъ прибылъ въ Царицынъ 1-го сентября. Тамъ онъ встрѣтилъ Михельсона, возвращавшагося затѣмъ, чтобы изловить свою жертву, которую онъ уже — собственно говоря — добилъ окончательно за недѣлю до этого. Суворову самому захотѣлось поймать Пугачева ³ и онъ взялъ къ себѣ михельсоновскіе отряды, а пѣхоту посажалъ на пугачевскихъ лошадей, которыя были отбиты, при пораженіи самозванца, все тѣмъ же Михельсономъ. Кромѣ того, Суворовъ взялъ съ собою только 2 пушки, двѣ сотни казаковъ и переправился черезъ Волгу у Царицына.

Передъ нимъ лежала степь, гдѣ не было ни жилья, ни воды, ни дорогъ. Въ этой степи могъ затеряться всякій слѣдъ, могла исчезнуть цѣлая армія, какъ исчезали огромныя толпы киргизъ-кайсаковъ, которыя, налетѣвъ саранчою на прибрежныя селенія, безслѣдно разсыпались потомъ по пустынѣ. Пугачевъ могъ броситься къ морю, къ Гурьеву-городку, могъ перерѣзать степь и выйти къ Яику, въ земли яицкихъ казаковъ; могъ, наконецъ, идти берегомъ Волги. Искать его — это значило, по народному выраженію, «искать вѣтра въ полѣ».

Но когда Суворовъ былъ въ Царицынѣ, къ Цыплетеву пришла вѣсть, которая отчасти указывала на слѣдъ, по которому можно было, хотя не легко, добраться до самого Пугачева.

Противъ Камышина, на луговой сторонѣ Волги, стоятъ боль-

¹ «Panin lui donna plein pouvoir: il envoya à tous les commandans des troupes ainsi qu'aux gouverneurs des provinces limitrophes l'ordre d'obéir au comte en toutes choses». Anthing, I, 156.

² ...«pour lui témoigner qu'elle était satisfaite de son zèle et de son activité». Ibid., pag. citat.

³ ...«afin de t'en rendre mattre lui même». Ibid. 159.

шая малороссійская слобода Николаевка, которая, за нѣсколько глѣтъ до Пугачева, основана была украинцами, вызванными изъ Малороссіи для возки соли изъ Елтона. Изъ этой слободы посланъ былъ въ степь съ развѣздною командою камышинскій купецъ Матвѣй Петровъ. 30-го августа, верстахъ въ двадцати ниже Николаевки, около Яблоннаго буерака, на нихъ напали невѣдомые люди, человекъ до 30, безъ сомнѣнія «изъ злодѣйской толпы», которые и разбили развѣздную команду. И въ Царицынѣ писали, что въ той-де злодѣйской толпѣ видѣли бѣлое знамя, «и потому примычаютъ что тутъ онъ Пугачевъ самъ». Тогда же пойманъ былъ изъ этой толпы одинъ «русскій человекъ» Аванасій Дубинкинъ, раненный, который показавъ, что онъ былъ въ толпѣ Пугачева и, по разбитіи ея Михельсономъ ниже Царицына, вмѣстѣ съ прочими бѣжалъ на луговую сторону Волги. Бѣглецы направились вверхъ по теченію этой рѣки. Въ ту же ночь изъ Камышина и Николаевки отправлены были солдаты, казаки и всѣ способные носить оружіе для наблюденія за неизвѣстной партіей, и изъ показаній ихъ дѣйствительно заключили, что «бѣлое знамя» принадлежало Пугачеву ¹.

По этому слѣду и направился Суворовъ. Онъ шелъ берегомъ Волги до самой Николаевки ². Такъ-какъ николаевскіе малороссіане, во время прохода Пугачева черезъ Камышинъ, бунтовали, какъ и всѣ прочіе крестьяне, то Суворовъ, чтобъ наказать ихъ, взялъ въ слободѣ 50 паръ воловъ, подъ тѣмъ будто бы предлогомъ, чтобы перевозить тяжести. Цѣль же его была совсѣмъ другая: такъ-какъ онъ углублялся въ степь, гдѣ, за неимѣніемъ припасовъ, приходилось бы голодать, то взятые имъ воды и должны были продовольствовать его отряды.

Изъ Николаевки Суворовъ, дѣйствительно, направился въ глубь степей ³.

¹ ...«По луговой сторонѣ снизу оказались весьма многочисленны толпы, идущіе конницею вверхъ, и уже въ трехъ верстахъ ниже Дмитріевской Николаевской слободы».

² Антингъ называетъ Николаевку «un grand village de Michelowka en face de Demitrowska». Anthing, p. 160.

³ Историкъ Суворова, Антингъ, такими красками описываетъ этотъ степной походъ: «Ils entrèrent le lendemain dans les landes. Dans ces immenses déserts où il n'y avait ni habitations, ni chemins frayés, ils furent obligés de s'orienter pendant le jour sur le soleil et pendant la nuit sur les étoiles, comme s'ils eussent été en pleine mer. (NB. Этой фразой Пушкинъ въ своей «Исторіи» позаимствовался у Антинга, хотя нигдѣ не говоритъ, что онъ пользовался Антингомъ. Вотъ эта фраза: «днемъ должно было ему, Суворову, направлять путь свой по солнцу, а ночью по звѣздамъ») La chaleur du jour les

Скакавшіе, вслѣдъ за Михельсономъ, съ своими отрядами Меллинъ и Муфель опоздали только нѣсколько часовъ и уже не застали знаменитаго пораженія Пугачева при Соленинковой ватагѣ. Вмѣстѣ съ Михельсономъ, они повертели назадъ къ Царицыну. Когда переправился за Волгу Суворовъ, переправились и они. Въ то время, когда въ Царицынѣ собрались Суворовъ, Меллинъ, Муфель и Михельсонъ, прибылъ туда съ своимъ войскомъ и генералъ Мансуровъ. Онъ, впрочемъ, былъ въ Царицынѣ раньше Суворова. Ему предстояло не мало работы. Имѣя полномочіе отъ главнокомандующаго, онъ занялся казнями тѣхъ изъ захваченныхъ въ толпѣ Пугачева, которые оказывались наиболѣе виновными; однихъ съѣлъ «вещадно плетями» и внудомъ и «въ знакъ мерской измѣны» выбривалъ половину головы и половину бороды; другимъ, особенно помѣщичьимъ крестьянамъ, по наказаніи плетями, урѣзывалъ по одному уху; третьихъ, которые оказывались «придѣпившимися къ главному государственному бунтовщику съ самаго начала его явленія и составляли, по самую ихъ поимку, его сводочъ, будучи всегда первыми начинщиками во всѣхъ злыхъ и пагубныхъ Пугачева дѣлахъ», этихъ «яко сущихъ разбойниковъ, измѣнниковъ и душегубцевъ», приказывалъ, «въ страхъ другимъ публично наказать смертію—повѣсить»*.

Но послѣдуемъ пока за главными дѣйствующими лицами—за Пугачевымъ и Суворовымъ, который смѣнилъ собою Михельсона. О Михельсонѣ, съ прибытіемъ Суворова, уже мало что-то слышно.

fit beaucoup souffrir dans ces terres sablonneuses, où ils ne trouvaient ni arbres, ni buissons; pour se mettre à l'ombre, il fallait faire des marches de nuit. Ils vécutent d'obstinance ne sachant pas pour combien de jours il leur faudrait du pain et de la farine. On fit bien la soupe à l'ordinaire, mais on coupa une bonne partie de la viande en petites tranches qu'on fit griller, et qu'on mangea en guise de pain afin de ménager la petite provision; qu'on en avait pour toute la marche». Ibid. 160—161. Для Аянгага все это казалось очень удивительнымъ и очень страшнымъ, тогда какъ для русскаго солдата степные переходы были не въ диковинку.

* Любопытенъ приказъ Мансурова, отданный по войскамъ, когда онъ былъ въ Царицынѣ. Вотъ что онъ писалъ Дымлетеву: «Со вступленія моего въ лагерь при городѣ Царицынѣ, слышу я наждато дня частые ружейные выстрѣлы. А какъ въ близости сихъ мѣстъ находится непріятель (это писано 31 августа), то отъ такихъ самовольствъ не произошли бѣ пустяка, а иногда и важныя тревоги, къ прекращенію чего ваше высокоблагородіе изволите приказать во всемъ городѣ публиковать, чтобъ отнюдь и никто не отважился никакую производить стрѣльбу, подъ опасеніемъ строгаго взысканія и штрафа, да и всѣмъ вашимъ, какъ пѣхотнымъ, такъ и коннымъ карауламъ подтвердить, чтобъ таковыхъ, гдѣ по близости случится, брать подъ караулъ и представлять ко мнѣ».

Пугачевъ, сообщая, на допросѣ, о своемъ послѣднемъ пораженіи у Солениковой ватаги, говорилъ:

— Я съ яицкими казаки и нѣсколькими крестьянами, съ женою и съ большимъ сыномъ, бѣжалъ къ Волгѣ, и въ торопливости, многіе вплавъ, а я съ женою въ лодкѣ пріѣхали на островъ. А какъ съ онаго еще надобно плыть, то Перфильевъ, не знаю для чего, остался и съ нимъ нѣсколько толпы монахъ людей. Переѣхавъ съ острова на луговую сторону Волги и отѣхавъ нѣсколько верстъ, ночевали. И послалъ я толпы своей Пустобаева съ однимъ казакомъ искать потерянной имъ одежды, а между тѣмъ, думалъ, найду-де и Перфильева. А какъ онъ поѣхалъ, то ко мнѣ уже не былъ, а я съ казаками, конкъ тутъ было 164, поѣхалъ въ степь.

Пугачевъ съ остатками своей толпы, убѣжавъ отъ преслѣдовавшихъ его михельсоновскихъ гусаръ, перешелъ черезъ Волгу при урочищѣ Каменномъ. Островъ, на которомъ онъ дѣлалъ небольшой роздыхъ, называется Сатковскимъ. На этомъ островѣ видѣли его казаки, посланные, въ день пораженія самозванца, черноарскимъ комендантомъ Перепечиннымъ, для преслѣдованія бѣглецовъ; но казаки ничего не могли сдѣлать, и только наблюдали, какъ «плавилась черезъ Волгу рѣку той злодѣйской толпы сволочь». Хотя казаки и достигли потомъ острова, переловили «повидныхъ» злодѣями лошадей, и на этихъ лошадяхъ пустились за Пугачевымъ вслѣдъ, но такъ-какъ лошади были слишкомъ изнурены, то казаки и потеряли самозванца изъ виду при урочищѣ Мухуръ-Зашунъ-Салѣ.

Михельсонъ, съ своей стороны, какъ только подоспѣли къ нему на мѣсто пораженія главныхъ силъ Пугачева, Меллинъ и Муфель, тотчасъ отправилъ перваго на луговую сторону Волги для гонки по слѣдамъ самозванца, а втораго къ Черному-Яру, чтобъ перерѣзать ему дорогу, если тотъ вздумаетъ опять броситься на нагорную сторону.

А, между тѣмъ, мы видѣли, что хитрый бунтовщикъ винулся совсѣмъ не туда, гдѣ его думали перевстрѣтить.

Вскорѣ потомъ, всѣ правительственныя войска перебрались за Волгу: Суворовъ, Меллинъ, Муфель, князь Голицынъ, Мансуровъ; перебрался за Волгу и князь Дундуковъ съ калмыками; отряды донскихъ казаковъ также очутились за Волгой. Отряды потянулись отъ Астрахани, отъ Гурьева, отъ Яицка. Пугачеву оставалось метаться въ безлюдной степи, между солонцами, какъ въ заколдованномъ кругу.

9-го сентабря мы видимъ Суворова въ степи, при рѣчкѣ Еру-

славѣ ¹. Это уже очень далеко отъ того мѣста, гдѣ мы оставили его въ послѣдній разъ, такъ-какъ Ерусланъ впадаетъ въ Волгу почти противъ города Вольска, а истоки его подходятъ къ самому Яицку.

Съ Еруслана Суворовъ писалъ Цыплетеву: «По полученному изъ Саратова извѣстію, увѣдомленъ я, что разбойникъ Пугачевъ частію бѣгъ свой наклоняетъ на рѣчки Узени, куда съ деташементомъ графа Меллина слѣдую. А чтобы онъ Пугачевъ, отъ передовныхъ командъ, преслѣдующихъ его, какого не сдѣлалъ обороту, и потому, ваше высокоблагородіе имѣете изъ Царицына, какъ отъ своей команды, равно и господина генералъ-маіора князя Багратіона, когда приведется, отъ своего деташемента, къ предупрежденію могущихъ произойти отъ злодѣя покушеній, съ содѣйствованіемъ отрядить къ озеру Елтонъ надлежащія команды».

Къ этому Суворовъ приписывалъ своей рукою:

«Хотя бы и не случилось, но весьма повороту Емелькина наблюдать, какъ отъ меня предписано его сіятельству, князю Багратіону, которому о семь ордерѣ дать знать и объявить».

Бросившись отъ Еруслана на перерѣзъ степей, Суворовъ, черезъ нѣсколько дней, писалъ уже изъ Николаевской слободы, что противъ Камышина: «Вступая въ сей день въ Николаевскую слободу, выправляюсь отсель къ рѣкѣ Узень съ деташементомъ господина маіора графа Меллина, куда, по извѣстіямъ, мнѣ дошедшимъ, разбойникъ Емельба ушелъ».

Вмѣстѣ съ Суворовымъ рыскали по степи, кромѣ графа Меллина, полковникъ Иловайскій съ казацкимъ полкомъ и яицкій старшина Мартемьяновъ, одинъ изъ тѣхъ старшинъ, которые остались вѣрны правительству ². Во время своихъ поисковъ за Пугачевымъ, эти отряды часто встрѣчали въ степи шайки крестьянъ изъ толпы Пугачева, и приводили ихъ въ повиновеніе безъ пролитія крови ³, потому что послѣднее пораженіе самозванца отняло у него много популярности и той обаятельности, которая неудержимо влекла къ нему, какъ крестьянъ, такъ и весь буйный, безпокойный, искавшій разгула отстой русскаго общества изъ непривилегированныхъ сословій.

¹ По Антигу — «la petite rivière de Gerslau dont les bords sont un peu baisés»; далѣе Суворовъ отправился «sur les cinq lacs Saitsch» (Заячьи озера).

² ...«le colonel du Don, Illowelski, avec un régiment de cosaques, et Martemianoff chef des cosaques d'Uralsk demeurés fidèles, dont une centaine l'accompagnaient». Ibid. 161.

³ Ces troupes avaient trouvé dans les landes plusieurs bandes de paysans du parti de Pugatschew, on les avaient ramenés à la raison et renvoyés dans leurs pays sans effusion de sang. Ibid., pag. citat.

Наконецъ, Суворовъ достигъ Узеней («qui se jette dans une eau dormante»). Тамешніе обыватели сказали Суворову, что Пугачевъ долженъ быть въ этихъ мѣстностяхъ.

Суворовъ, отрядъ котораго состоялъ изъ тысячи человекъ, при двухъ пушкахъ, хотѣлъ дѣлать поиски именно здѣсь, и раздѣлилъ своихъ людей на многіе мелкіе отряды. Онъ думалъ оцѣпить людьми всю ту мѣстность, и облавой захватить въ свои руки неутомоннаго бунтовщика. Изъ этихъ тенетъ трудно было выскочить обыкновенному бѣглецу, но такому трагическому волеу, какъ Пугачевъ, легко было ускользнуть изъ всякихъ ловушекъ, еслибъ его не предали его собственные любимцы. 14-го сентября, Суворовъ успѣлъ уже напасть на слѣдъ самозванца въ гущѣ одного лѣса.

Но тутъ онъ узналъ отъ раскольничьихъ старцевъ, имѣвшихъ свиты, какъ по Узенямъ, такъ и по Иргизу, что въ это самое утро Пугачевъ былъ уже арестованъ своими приверженцами и отправленъ въ Яицкъ связанный по рукамъ и по ногамъ.

Обаяніе Пугачева, какъ видно, исчезло съ того самаго дня, какъ онъ былъ разбитъ на голову Михельсономъ. Даже яицкіе казаки не могли не видѣть, что дѣло его окончательно потеряно. Чтò ему и имъ оставалось дѣлать?

«Потомъ (то-есть когда, разбитые Михельсономъ, они перешли за Волгу) разсуждали мы, куда ѣхать и, по многимъ разговорамъ, согласились ѣхать на Узень, а тамъ собрать людей побольше, выйти на нижнюю яицкую дистанцію, собрать тамъ казаковъ, взять Гурьевъ, пуститься на судахъ въ море и взять какія ни на есть орды, согласить онны и выйти пакн въ Россію».

Это — признаніе самаго Пугачева. Ему, можетъ быть, и казалось это возможнымъ, но большинство его приверженцевъ уже сослужилось этимъ мычаньемъ по бѣлу свѣту, этой невѣстности будущаго. Цѣлый годъ прошелъ, а Россія все еще не признала ихъ пестуна своимъ государемъ; великій князь не шелъ къ нему на встрѣчу, какъ къ своему, спасенному чудомъ, родителю, съ сильною арміею; напротивъ, армія государыни, которую грозили засадить въ монастырь, побѣждала армію ихъ государя и еще недавно разбила ее «начисто». У государыни все еще крѣпко держались въ рукахъ бразды правленія, а у ихъ непризнаннаго государя, владѣвшаго уже половиною Россіи, разомъ все ускользнуло изъ рукъ, и онъ не зналъ, гдѣ ему голову преклонить въ своемъ обширномъ царствѣ. Мнимый царь потерялъ всѣ свои сокровища, роскошныя налатки, часть своего семейства, свои знамена, пушки, своихъ совѣтниковъ, свои

дорогіе экипажи и минался по степи на конѣ, подобно своему послѣднему подданному. Мнимый царь выбить былъ изъ земли яцкихъ казаковъ, и ему опять лежала одна дорога — протиснуться туда же, чтобы опять и оттуда его выбили, съ пораженіемъ. Даже въ самыя вѣрующіе его приверженцахъ могло зарастись подозрѣніе, если не въ дѣйствительности его царственного происхожденія, то въ успѣхъ его дѣла. А что впереди? Или вѣчное рысканье изъ города въ городъ, даже въ случаѣ удачи, или, въ противномъ случаѣ, цѣли, кнутъ, Омбирь или висѣлица. Казаки видѣли, что пора одуматься. Не думалъ, конечно, этого самъ Пугачевъ, потому что для него уже все было потеряно, для него не существовало даже раскаянья — ему все равно было пропадать; такъ ужъ лучше побиться, долгие тянуть эту смертную борьбу, потому что если въ концѣ борьбы видѣлась неизбежная смерть, такъ лучше пусть возьмутъ силой, чѣмъ самому протянуть шею въ петлю.

Казаки, такимъ образомъ, рѣшились пожертвовать Пугачевымъ, чтобы самимъ выиграть что-нибудь. И они пожертвовали имъ.

Согласившись пробраться въ Гурьевъ, чтобы оттуда на судахъ броситься въ море — въ Персію ли, къ каракалпакамъ, или трухменцамъ, или куда-либо къ другимъ азіатскимъ народамъ, казаки, однако, предложили Пугачеву пробраться въ яцкія поселенія, чтобы взять оттуда своихъ женъ и дѣтей. Между тѣмъ, сами тихонько сговорились воспользоваться этимъ случаемъ, и, связавъ своего мнимаго царя, доставить его въ Яндекъ.

Такъ они и сдѣлали.

Уже въ самомъ началѣ ихъ скитанья по заволжскимъ стенамъ, самозванецъ догадывался, что между его приверженцами творится что-то неладное, но все продолжалъ упорно идти къ цѣли, кроме которой у него уже ничего не оставалось. Даже власть какъ-бы мгновенно вывалилась у него изъ ослабѣвшихъ рукъ. И прежде имъ иногда помывали яцкіе казаки, пользуясь его безхарактерностью, его безвоіемъ. «Дворянъ и офицеровъ — признается онъ самъ — убивалъ я, большею частію, по представленію яцкихъ казаковъ, а самъ я столько жестокъ отнюдь не былъ». Но когда счастье повернулось къ нему спиной, его уже ни въ грошъ не ставили.

— Когда переплылъ Волгу на яцкую степь, то нетолько посылать указы, но и воли уже я не имѣлъ, ибо яцкіе казаки не допускали никого со мною соединиться, и сколько ни желали къ моей толпѣ прилѣпиться, то казаки отнимали лошадей, говоря мнѣ, что допуская умножать толпу, будетъ замедленіе. Да и бумаги и чернилъ со мною вовсе не было.

Наконецъ, 14 сентября, казаки арестовали его, связали; потомъ, когда онъ, упорно думалъ, что дѣло его еще не совсѣмъ выгорѣло, вздумагь уйти отъ нихъ, его забили въ колодку и привезли въ Яицѣ.

Ровно годъ челоуѣкъ этотъ носилъ имя русскаго императора. Ровно годъ рука, не умѣвшая держать перо, рука, три года навадъ, укрившая «сарюю лошадь», ровно годъ эта рука колебала до основанія великое русское царство, эта рука силдилась вырвать скипетръ изъ рукъ Екатерины, и ровно годъ отъ мановенія руки этой зависѣла жизнь и смерть цѣлой половины Россіи.

16-го сентября 1773 года, Пугачевъ послалъ свой первый указъ на Кожихаровъ форпостъ, объявляя, что онъ русскій императоръ и требуя, чтобы форпостные казаки шли къ нему въ службу. Въ этотъ же день онъ въ первый разъ развернулъ свои бѣлыя, съ раскольничьимъ крестомъ, знамена, сшитыя для него казакомъ Кожевниковымъ.

16-го сентября 1774 года, Пугачевъ сдѣлалъ уже въ Яицѣ, въ секретной комиссіи, закованный въ ручные и ножные кандалы, и былъ допрашиваемъ Мавринымъ.

Суворовъ, узнавъ отъ раскольничьихъ старцевъ объ арестѣ самозванца, и вида, что ему ничего не удалось сдѣлать и миссія его кончена, долженъ былъ ѣхать въ Яицѣ, чтобы принять на свои руки дорогаго плѣнника. Ночью онъ имѣлъ стычку съ киргизъ-кайсаками, разбилъ ихъ, но потерялъ своего адъютанта, котораго Пушкинъ называетъ Максимовичемъ, а Антингъ—Маримовичемъ (Marimowitsch).

Такъ кончилась Пугачевщина. Но не кончились ея послѣдствія. Буря утихла, но море еще волновалось, и бывшимъ на морѣ приходилось едва-ли не хуже, чѣмъ въ самую бурю, пока море не улеглось окончательно.

Д. Мордовцевъ.

Саратовъ, 1867.

ДѢВИЧНИКЪ.

ОЧЕРКЪ ФАБРИЧНЫХЪ ПРАВОВЪ.

Настоящимъ городомъ глядитъ село Бубново. Еще гдѣ, версть за семь, въ лѣтнее время, увидишь его высокія колокольни, съ уходящими въ самое небо крестами, и золотыя главы церквей, которыя сіяютъ и блещутъ тысячами огней. «Ну, какое же это село?» спрашиваешь себя невольно, съ изумленіемъ глядя на сверкающую впереди даль. — «А это самое и есть Бубново, — отвѣчаетъ ямщикъ, услышавшій вопросъ сѣдока. — Важное село, — продолжаетъ ямщикъ; — какъ есть городъ! Однѣ главы на церквахъ чего стоятъ — онѣ вѣдь ровно жаръ горятъ! Вотъ что значить купечество-то: это все они усердствуютъ! Благодарители!» Ъдешь дальше. Вотъ, одна за другой, стали показываться высокія трубы, забѣлѣлись церкви и колокольни, выглянули фабрики, заводы и, наконецъ, передъ глазами открылось все село.

На четырехъ-пяти верстахъ залегло село Бубново, состоящее изъ почернѣвшихъ деревянныхъ строеній, съ тесовыми и соломенными крышами; изъ-за нихъ кой-гдѣ выставляются каменные зданія; отдѣльно, въ видѣ маленькихъ городковъ, стоятъ красивыя фабрики, такія высокія и привѣтливыя, а надъ всѣмъ этимъ гордо высятся храмы божіи, всѣ въ золотѣ, серебрянѣ и сіяніи... Глазъ перебѣгаетъ съ одного предмета на другой; чувства, одно другому противоположны, безпрестанно смѣняются, и не заметишь, какъ тройка, подъ сильнымъ вліяніемъ ямщика, мечтающаго о полученіи «на чаекъ», вихремъ внесетъ въ село и ты очутишься среди широкой улицы, по которой движутся человѣческія фигуры и со всѣхъ сторонъ бѣгутъ собаки, съ громкимъ лаемъ навидываясь на лошадей. Тутъ ужъ вполне убѣдишься, что пріѣхалъ въ село Бубново, знаменитое своими мануфактурными издѣліями и обширной торговлей. Видишь большой каменный домъ, принадлежащій фабриканту; рядомъ съ нимъ прилѣпилась крестьянская избенка, вся черная, точно въ сажѣ, и по-

взвучившись на бокъ; тамъ какая-нибудь фабрика; тутъ высовывается кабакъ, надъ гостепріимными дверями котораго смиренная надпись гласитъ: «съ пичали и съ огорченъевъ», а тамъ цѣлый рядъ ветхихъ крестьянскихъ избъ; потомъ опять каменныя палаты и т. д.

Таково знаменитое село Бубново.

Всѣмъ блескомъ, всею славою, Бубново обязано мѣстными купцамъ и фабрикантамъ. Благодаря капиталамъ, бубновское населеніе, простирающееся до семнадцати тысячъ мужскаго и женскаго пола, не включая сюда дѣтей, получаетъ ежедневно пропитаніе и возможность жить... Купцы сознаютъ это и говорятъ: «Мы благодарствуемъ. Чтѣ бы сталъ дѣлать рабочій народъ, если бы не мы? Умеръ бы съ голода! Опять нищихъ сколько: ихъ тоже надо одѣлать!.. Ну, да наша добродѣтель не пропадетъ даромъ: Господь насъ не оставитъ ни въ настоящей, ни въ будущей жизни». И Богъ не оставляетъ купцовъ. Богатство ихъ съ каждымъ годомъ растетъ; сами они не по днямъ, а по часамъ раздаются во всѣ стороны и приобрѣтаютъ великую красоту лица, а о супругахъ ихъ и говорятъ ужъ нечего: онѣ положительно могутъ быть уподоблены тучнымъ коровамъ Фараона...

Нельзя, однако, ничего подобнаго сказать о народѣ, рабочихъ людяхъ. Это все бѣдняки, перебивающіеся изо дня въ день, худые и тощіе, какъ замороженныя лошади; видъ ихъ такъ убогъ и жалокъ, какъ и тѣхъ домишекъ, въ которыхъ они живутъ и переносятъ зиму службу и холодъ. Но при всей гнетущей бѣдности, рабочее населеніе Бубнова увеличивается: каждый годъ то и знай плодятся ребятишки.

Неудивительно послѣ этого, что въ селѣ много молодого народу. А гдѣ есть молодой народъ, тамъ хотя изрѣдка, сквозь суровую пелену дѣйствительности, пробьется наружу и свѣтлый лучъ радости. Нужда могущественна, но и юность также могущественна. Чтѣ устоитъ противъ юности? Бодрая, здоровая, смѣло идетъ она на встрѣчу нуждѣ, завязываетъ съ нею борьбу, выносить всѣ удары и бьется до тѣхъ поръ, пока не добьется у жизни того, чего хочетъ, или, истративъ всѣ силы въ неравной борьбѣ, падеть уничтоженною въ прахъ... Юность вездѣ одинакова, вездѣ похожа на себя; она та же и въ Бубновѣ.

Вотъ почему бубновская молодѣжь, несмотря на бѣдность и всякія неудобства жизненныя, глядитъ прямо въ лице непривѣтливой судьбѣ своей и смѣется, хохочетъ, когда другіе плачутъ и сврежешутъ зубами.

Какъ только пройдетъ недѣля трудовой жизни и наступаетъ праздникъ, молодой народъ спѣшитъ ужъ отдаться своимъ люби-

нимъ удовольствіямъ и забавамъ. Больше всего молодѣжь любитъ дѣвичники. Дѣвичникъ поднимаетъ на ноги все село. Съ вечера и вплоть до заутрени, по селу ходятъ гуляки; раздается говоръ, смѣхъ и пѣсня не смолкаетъ во всю ночь, пока не окончится дѣвичникъ, и не разойдутся всѣ по домамъ или прямо на фабрики.

Воскресенье. Зимній день пролетѣлъ незамѣтно; наступили сумерки. Купчихи, закрывши свои лица дорогими муфтами, начали разѣвжаться съ катанья по домамъ; купеческіе сынки ѣдутъ кто на стуколку, кто выпяты и провести въ свое удовольствіе время, а кто — и самъ не знаетъ куда — лишь бы только не домой, да подальше отъ надвора родительскаго. Со всѣхъ улицъ, которыя за нѣсколько минутъ до сего были оживлены праздничнымъ людомъ, сидѣвшимъ и стоявшимъ за воротами домовъ, всѣ поушли и забились въ тепло; во всемъ селѣ настаетъ какое-то ватишье. Развѣ гдѣ еще только малые ребятенки, позабывши за своими веселыми играми родную печь, вдругъ подадутъ голосъ.

Но вотъ мало по малу зажигаются огни, начиная съ высокихъ, каменныхъ домовъ богачей, и кончая низенькой избенкой мужика. За воротами, на дворѣ, поднимаются говоръ и смѣхъ. Опять вырывается на улицу жизнь. Вотъ ужъ кто-то и пѣсню заводитъ:

На горѣ-то, мой миленькій, калина!
А что жъ кому дѣло, калина!
Ну, какое кому дѣло, калина!

- Обмѣновъ! раздается изъ-за пѣсни сердитый дѣвичій голосъ.
 - Душечка! отвѣчаетъ ласковый, но ужъ не дѣвичій голосъ.
 - Ладно, душечка. Проваливай дальше!...
- Новая пѣсня покрываетъ оба голоса.

Сидѣлъ Ваня на диванѣ,
Стаганъ рому наливалъ;
Не наливши полстагана,
Самъ за Катенькой послалъ...

- Пѣсня еще стоитъ надъ улицей, а тамъ слышны новые голоса.
- Да гдѣ дѣвичникъ-ать?
 - У Анны Максимовой. Говорятъ, больно ужъ много она къ себѣ много дѣвогъ совывала...
 - Именинница, што ли, она, али такъ дѣлаетъ вечеръ?
 - Надо полагать, такъ. Нонче вѣдь выгодно дѣлать эти дѣвичники: холостые помногу дарятъ.
 - Ишь она какая! Поглядимъ, што у ней за дѣвичникъ?

Парни, дѣвки молодыя и пожилыя бабы гурьбами несутся на дѣвичникъ.

Передъ одной избой, окна которой освѣщены ярче сосѣднихъ, толпится народъ; свѣтъ изъ оконъ такъ и бьетъ, такъ и разливается чрезъ всю улицу. Подъ ногами у взрослыхъ, нимраютъ ребятишки, гоняясь другъ за другомъ и мимоходомъ задѣвая большихъ. На подоконникахъ висятъ парни и дѣвки. Слышны голоса и смѣхъ. Изъ калитки выходитъ закутанная женщина.

— Што, собрались, што ли, дѣвки-то? спрашиваетъ у ней другая и тоже закутанная.

— Нѣтъ еще. Не ходи. Погода лучше сходимъ, а теперетва и глядѣть-то не на што, отвѣчаетъ первая.

— Вреть она, тѣтушка! кричитъ подбѣгающій къ нимъ мальчуганъ и хватаетъ одну за конецъ платья. — Поди!...

— Ахъ ты, отѣрва! обижается та. — Великъ ли, отъ брюха съ персть, а туда же за подолъ хватаетъ!

Вслѣдъ за этимъ, отѣрва чувствуетъ здоровый подзатыльникъ.

— Ишь ты, какая! протягиваетъ онъ плаксиво и бѣжитъ прочь, чтобы задать «кисела» одной дѣвкѣ, засмотрѣвшейся въ окно избы.

— Отабель! вскрикиваетъ дѣвка.

Отабель, довольный успѣхомъ, ускользаетъ въ толпу; но при этомъ получаетъ множество пинковъ и легкихъ затрепанъ.

— Глянь-ка, Арина, и Домна косая тутъ сидитъ! говорить одна зрительница у подоконника.

— Гдѣ, гдѣ? спрашиваетъ Арина, торопливо протирая рукавомъ пальто запотѣвшее стекло. — Ахъ, и то, дѣвонька, сидитъ! Ну-тка, ну-тка, узорочье глиняное! усѣлась, да и сидитъ! Вѣдь и не стыдно съ этакой-то рожей на дѣвичникъ ходить?

— Што жъ вы, Арина Савельевна, надсмѣхаетесь надъ Домной Сидоровной, паходить не лишнимъ присоединиться къ разговору молодой фабричной, долго поглядывавшей на подругъ. — Домна Сидоровна, какъ есть барышня настоящая сидитъ. Только, значить, у ней одинъ глазокъ въ Москву глядитъ, а другой въ Арзамасъ; да эфто красы еще ей больше придаетъ.

— Ахъ ты скесовъ сынъ*! вскрикиваетъ одобрительно дѣвица и громко смѣется.

У воротъ избы, куда почти не достигають оконный свѣтъ, жмутся закутанныя фигуры. Между ними идетъ сдержанный разговоръ.

— Увидимъ, кто станетъ проходить.

* Скесъ — дьяволъ, но низшаго чина.

— Она безпремѣнно придетъ: ее звали. Ну, ежели я увижу, што она съ парнями будетъ лобызаться—острамлю, сейчасъ умереть, острамлю...

— Такъ ее, сволочь, и надобно хорошенько!

А съ дороги, вмѣстѣ съ приближающеюся толпою новыхъ гулякъ, неслась и пѣсня:

Наливай вина осмуху;
Набирайся его духу...
Мы ударимъ Саму въ ухо,
Цѣговальника приберемъ,
Домой пьяные пойдомъ...

— Эхъ, гуляй наши во всю ночь!

Къ воротамъ подошла дѣвушка, покрытая платочкомъ и въ легкой тальмѣ на плечахъ. Ее сопровождала женщина въ тулупѣ.

— погоди! сказалъ тулупъ, дернувъ дѣвущку за платье. — Ототкни-ка платье, я одерну!

Дѣвушка остановилась и опустила подобранные концы платья.

— Теперича хорошо, сказалъ черезъ минуту тулупъ:—любко не видать и сидеть ровно. Поднимай щеколду-то!

Дѣвушка взлась-было за кольцо въ калиткѣ, но тулупъ снова ее дернулъ.

— Слушай, Агафья! Ты у меня сиди тихо! по верхамъ глазъ не пяль, и съ парнями цаловаться не мочи!... Слышишь ли, што я тебѣ говорю?

— Ладно, мамонья, тихо отвѣчала дѣвушка.

— Гм! гм! начали откашливаться у воротъ.

Мать и дочь вступили за калитку, но раздавшійся у воротъ кашель заставилъ первую вернуться. Она выглянула и энергично потрясла кулакомъ, послѣ чего калитка быстро захлопнулась и скрыла отъ любопытныхъ взоровъ обѣихъ женщинъ.

Не безъ хлопотъ и не безъ горя было съ дѣвичникомъ Аннѣ Максимовнѣ. Еще дня за два, какъ только задумала, начала она готовиться къ этому празднику. Вынесла изъ передняго угла самолетъ* съ недотканной штукой миткала, чисто-начисто вымыла въ избѣ полъ, тертымъ кирпичемъ вычистила мѣдями ризы на образахъ, повѣсила на окнахъ бѣлыя занавѣсочки съ бахромкою и разъ пять сбѣгала въ лавку купца Самохвалова, гдѣ закупила на два рубля съ половиной чаю, сахару, конфетъ и разныхъ принадлежностей для десерта. Досталось и Гавриликхъ, ея матери,

* Ручной ткацкій станокъ.

съ утра и до вечера бѣгавшей по селу созывать молодцовъ и дѣвницъ.

— Ну, матушка, измучилась ужъ я! насилу перевела духъ Гаврилица, входя въ яву и тяжело опускаясь на лавку.

— А я сейчасъ, мамнѣя, самоварчикъ поставлю, торопливо проговорила дочь, кидаясь за перегородку, гдѣ стоялъ на полу только что вычищенный и ярко свѣтившійся самоваръ.

— Поставь, Аннушка, поставь! И усталось-то мочи нѣтъ, и озяблось-то больно... Ахъ, годн-годн!... Кланяются тебѣ всѣ, общали бытъ!

— Общали?

— Общали...

— Всѣ?

— Всѣ... Только прикащика дочь да писарева сперва полюбоствовали: кто будетъ изъ холостыхъ? говорю: много созывали, всѣ придуть. «А кто же, напримѣръ?» спрашиваетъ прикащикова дочь. Говорю: такой-то, молъ, и таковой-то... Ухъ, да погоди... нивакъ еще не отдохну!... Послѣ все раскажу.

Скоро на столѣ зашумѣлъ самоваръ, полилась вода въ желтый чайникъ и застучали двѣ разнокалиберныя чашки, изъ коихъ одна была въ трехъ мѣстахъ слесена.

— Хорошо теперича, Аннуша, чайку испить, заговорила Гаврилица, осаживаясь около самовара и подвигая къ себѣ налитую чашку.—Господи благослови! Экой чай превкусный! Гдѣ ты это покупала?

— Вѣстимо, у Самохвалова. Говорилъ: чай первый сортъ, только што изъ Москвы десять ящичковъ получилъ. Повѣрила его слову, на два друггривенныхъ купила.

— Много больно; ты бы поменьше... Поди, и такъ вѣдь денегъ ни вѣсть, что извошло на всякую всячину!

— Што дѣлать, мамнѣя, надо: безъ чего нельзя, такъ нельзя... Однако, у меня изъ трехъ цѣлковыхъ, што Мухинъ подѣ закладъ мово салона далъ, полтинникъ еще остался... А кака у этого Мухина душа ненасытная: за три два цѣлковый одного проценту взялъ.

— Захотѣла ты у ростовщика души искать: давно, ноги, нечистый взялъ ее, голубушку, а вмѣсто ея, душеньки-то, самъ тамъ засѣлъ да и сидитъ теперича! Оттого эти ростовщики и грабятъ такъ православныхъ!...

— Должно такъ, правда. Да завтра, Богъ милостивъ! все воротимъ, еще и за хлопоты перепадетъ, што ни то!... Холостые придуть хороше... Такъ што же ты давѣ, мамнѣя, про дочь прикащика засказала? о комъ она спрашивала?

— А вотъ и стану рассказывать. Обѣ онѣ любопытничали: кто изъ кавалеровъ будетъ на дѣвичникѣ — онѣ вѣдь дѣвцы новѣшняго свѣта, образованныя, говорятъ помодному: кавалеры, а не просто: холостые. Говорю имъ: тотъ-то и тотъ-то. — Ну, а кто же, напримѣръ? дочь-то прикащика у меня спрашиваетъ. Говорю: слесарь рылинскій Мокей Иванчъ, рѣзчикъ Зубцова Андрей Тихончъ... «Это, перебиваетъ меня, кавалеры для насъ не антиресные, а опричь ихъ кто будетъ? Прикащикъ братьевъ Рылиныхъ будетъ?» Какъ же, говорю, и его звали, и другой-то, по письменной части, товарищъ его, и того звали, и поповича звали. Всѣ общали. «Въ такомъ случаѣ, говорить, я могу быть у васъ на вечерѣ. Кланяйтесь Аннѣ Максимовнѣ».

— Такъ, она безъ Алексѣя Николаича дышать не можетъ! замѣтила дочь.

— Это и видно, согласилась мать. — А писарева дочь поповича желаетъ...

— Такъ, такъ: это ея предметъ!

— Ужъ и дѣвка она: сперва повыспросала о другихъ парняхъ, а подъ конецъ, какъ словно невзначай, и про него спросила: не приглашали ли вы, говорить, и поповича? — только она назвала его не такъ, не поповичемъ, а по другому какъ-то...

— Студентомъ?

— Похожо нештѣ, не помню хорошо. — Поповича? спрашиваю. Какъ же, говорю, звали и его, и рылинскаго прикащика, и того, што по письменной... И договорить не дала. «Надѣюсь, говорить, што мамаша освободить меня. Кланяйтесь Аннѣ Максимовнѣ, безпремѣнно постараюсь быть на вашемъ вечерѣ». Экъ, подумаешь, какія обѣ онѣ полированные!

— Еще бы! сказала дочь. — Кому же и полированными-то быть, какъ не имъ, да купеческимъ дочерямъ? Въ одномъ питьѣ да сладкой ѣдѣ весь Божій день проходить, а работы, опричь што въ пальцахъ пошьютъ, никакой не знаютъ. Сиди да книжки читай!

— Што и говорить: райская ихъ жизнь! позавидовала Гаврилика. — Не зажечь ли, Анюша, свѣчку, темно ужъ стало?

— Зажги, мамышка! А прикащики ничего не спрашивали?

— Какъ же! а тѣ про дѣвокъ разспрашивали. Говорю: все красавицъ позвала. — Ну, говорить, это ты хорошо сдѣлала, што красавицъ позвала, а то мы дурныхъ-то не очень жалуетъ. Особенно этотъ рылинской-то, Алексѣя Николаичъ, больно вратъ здоровъ, въ такіе разговоры пустаяся, што инды меня стыдъ взялъ. «Ахъ ты, говорить, старушка божій даръ! Надо бы — говорить — намъ тебѣ женишка хорошаго смыскать, а то

Власычъ — то твой, по кабакамъ сидючи, никуда негоденъ сталь...» да и пошелъ вратъ, и пошелъ! Говорю: прощайте. А онъ: «погоди, Гавриликъ, погоди, еще не то будетъ!» Другой его товарищъ, што по письменной части, сидитъ да только усики поворачиваетъ — видно тоже и ему совѣстно; а тотъ знай вретъ... «Вѣдь ты — говоритъ — Гавриликъ, поди хлѣбъ ѣшь, такъ...» Ну, говорю, тебѣ, завралъ просто, со стыда чуть не сгорѣла.

Дочь засмѣялась.

— Веселаго характера человекъ, похвалила она прикащика. — Любить пошутить! За то и сохнутъ по немъ какъ всѣ!

Дверь скрипнула и быстро отворилась, причемъ въ избу волной хлынула струя холоднаго воздуха, и на порогъ показалась высокая мужская фигура въ коротенькомъ тулупчикѣ и валенкахъ. Это былъ самъ хозяинъ дома, набойщикъ Максимъ Власычъ.

— Затвори, затвори скорѣе! крикнула ему жена: — ишь, какую стужу на всю избу напустилъ!

— На дворѣ холодно, сказалъ мужъ, плотно притворяя за собою дверь. Онъ сбросилъ тулупишко, стащилъ съ ногъ валенки и вмѣстѣ съ портянками забросилъ все на печь, гдѣ сохли пустые горшки.

— А ты бы на палати тулупъ-ать, а то на печи ему жарко будетъ, предостерегала Гавриликъ: — пожалуй, какъ разъ и сволочеть.

— Не бойсь, не такіе у насъ тулупы, штобы отъ печи имъ вредъ какой приключался, успокоилъ жену Максимъ Власычъ, босикомъ переступая къ столу: — хошь всю жисть онъ тамъ пролежи, ни за што не сволочеть.

Максимъ Власычъ сѣлъ на лавку и принялся разглядывать убранство избы. Мать и дочь продолжали распивать чай.

— Какъ прибрались къ дѣвичнику, ровно къ свѣтлому дню, заговорилъ погоди Максимъ Власычъ. — Чай, ради такого праздника, поднесутъ и мнѣ водочки?

— Извѣстно, холостые тебя завтра угостятъ, отвѣчала дочь.

— Не хочешь ли ты, татенька, съ нами чашку чаю выпить?

— Признаться сказать, до чаю я небольшой охотникъ — пользы отъ него себѣ не вижу; а вотъ еслибы ты, дочка, отцу малость какую водочки теперича купила — спасибо бы тебѣ большое сказалъ! Купишь, Авнушка?

— Нельзя ли до завтра, татенька, водку-то эту оставить?

— Ни, ни! сегодня не впримѣръ лучше! воскликнулъ родитель; но, тотчасъ же опомнившись, продолжалъ слабымъ и бо-

гѣвненнымъ голосомъ: — я, сказать по правдѣ, маленько не поостерегся давеча; какъ теплый вышелъ съ завода, такъ почти-тай до самой нашей улицы и шелъ не запахнувшись; ну и продрогъ, теперича въ ознобъ кидаетъ...

— Такъ напейся поскорѣе теплаго, и пройдетъ, совѣтовала жена. — Я тоже не мало сегодня зябла, ходючи весь день, да какъ напилась чаю, все разошъ и прошло.

Мужъ не то съ укоромъ, не то съ презрѣніемъ посмотрѣлъ на жену и сказалъ:

— Прирозила ты себя! Нешто мужикъ одно съ бабой? Эхъ ты!... Извѣстно, баба... да што съ тобой говорить: слова только понапрасну терять!... Аннушка! обратился онъ съ дѣжностью къ дочери: — ты, може, думаешь, што Федюшка еще не бывалъ, а я въ знобу-то эвтомъ, такъ сходить будетъ не кому? Ты не сумнѣвайся, я накинну тулупишко и живой рукой самъ оберну... Дай, милая!... Я и просить не сталъ бы, да чувствую, знобъ-ать все больше въ меня вступаетъ, такъ по всему тѣлу и расходится.

Анна Максимовна хорошо знала о болѣзни отца. Всякій разъ, какъ Максимъ Власичъ чувствовалъ неотразимую потребность выпить, а это случалось съ нимъ довольно часто, онъ выдумывалъ какую-нибудь болѣзнь и просилъ у дочери гривенничекъ или пятакъ, говоря, что водка ему помогаетъ лучше всякаго лекарства. Сперва дочь вѣрила родительскимъ недугамъ и отдавала послѣдніе заработанные ею гроши; потомъ скоро увидѣла, что никакой особенной болѣзни у отца нѣтъ, что болѣзнь у него одна — безпрестанное хожденіе въ кабакъ, и пробовала не давать денегъ. Тогда родитель, послѣ долгихъ просьбъ и моленій, отъ кротости и смиренія переходилъ къ лютости дикаго звѣря и производилъ великій шумъ, кончавшійся всегда избіеніемъ младшихъ членовъ семейства и похищеніемъ какой-нибудь вещи изъ домашняго хозяйства. Дочь и теперь понимала, какая болѣзнь у отца, и знала къ чему бы повелъ отказъ съ ея стороны; къ этому присоединилась мысль о завтрашнемъ дѣвичникѣ, которому родитель, въ случаѣ нерасположенія, могъ сильно напагостить. Вынула она изъ кармана платокъ и развязала узелокъ, въ которомъ хранилась оставшаяся отъ покупокъ мелочь.

— Только, пожалуйста, не напейся, татенька, сказала Анна Максимовна, подавая отцу гривенникъ. — Ты одно помни: вѣдь завтра у меня дѣвичникъ!

— Не безпокойся, въ лучшемъ видѣ будемъ! обнадеживалъ Максимъ Власичъ. — Эвто ты што дала: гривенничекъ? Ну,

што бы тебѣ, милая, двугривенничекъ хворому дать? Заслужу завтра!

— А ты имѣй хоть сколько-нибудь въ сердцѣ жалости, Власичъ! сказала жена: — вѣдь она тебѣ дочь! Какіе у ней достатки, чтобы тебѣ давать на пропой двугривенные? Безчувственный!

— Ну, Богъ съ вами! сказалъ Максимъ Власичъ и направился къ печи. Онъ не настаивалъ много на прибавкѣ, потому что еще раньше, когда раздѣвался, запримѣтилъ на голбцѣ дочеринны башмаки, которыми и положилъ непременно воспользоваться, какъ только представится удобный случай уйти со двора. Надѣвъ валенки, онъ стащилъ тулупишко и по дорогѣ ловко захватилъ башмаки; затѣмъ напялилъ на голову шапку и проворно вышелъ.

— Господи, когда онъ нить перестанетъ! со вздохомъ проговорила дочь.

Мать сомнительно покачала головой.

— Перестанетъ! Гдѣ ужъ ему перестать, коли, вотъ двадцать пять годовъ, какъ я за нимъ живу, недѣли одной не проходило, чтобы онъ не напивался? Видно, съ тѣмъ и въ гробъ сойдетъ.

Черезъ часъ пришелъ Федюшка, мальчикъ лѣтъ одиннадцати, и сказалъ, что былъ въ кабакѣ, куда бѣгалъ за водкой для своего набойщика, и видѣлъ тамъ отца, который велѣлъ сказать, чтобы его къ ужину не ждали.

На другой день, въ воскресенье, мать и дочь хлопотали на счетъ сладкаго пирога. Пирогъ былъ круглый и величины непомѣрной, такъ что одной начинки требовалось по крайней мѣрѣ фунтовъ пять.

— А вѣдь не станетъ изюму-то, говорила Анна Максимовна, размазывая деревянной ложкой по всему пирогу сладкую начинку: — надо бы побѣдѣ купить.

— Ну, добро, и не больно густо съѣдятъ! сказала мать.

Между тѣмъ, какъ за перегородкой возились съ пирогомъ, Максимъ Власичъ сидѣлъ у окна и не зналъ, на какія ему хитрости подняться, чтобы выманить у Аннушки на похмѣлье. Долго онъ думалъ, но временамъ даже вздыхалъ и охалъ; но голова его, послѣ вчерашней питьвы, до того была тяжела и неизобрѣтательна, что въ продолженіе цѣлаго часа онъ ничего не могъ выдумать.

— Штожь вы тамъ ворочаетесь, заговорилъ онъ сердито, обращая рѣчь къ перегородкѣ: — пора бы, чай, вспомнить и про отца? Походи мнѣ давно выпить хочется!

Но за перегородкой притворились, что не слышать, и говорили о другомъ.

— Ты, мамнышка, самай пирогъ безъ меня, а сама я схожу къ Александрѣ Васильевнѣ попросить на уже столка да под-свѣчничка...

— Поди, поди. Я и одна управлюсь.

— Вамъ я говорю, али нѣтъ? возгласилъ снова родитель.

Дочь покрывалась платкомъ и отыскивала башмаки.

— Мамнышка, не видалъ ли ты гдѣ моихъ башмаковъ?

— Не видала, Анюша.

— Што за чудеса: вчера поставила на голбець, а сегодня ихъ и нѣтъ, говорила Анна Максимовна, съ беспокойствомъ осматривая всѣ мѣста, куда могла бы засунуть башмаки. — Оедюшка, а Оедюшка! начала она расталкивать спящаго на палатахъ братишу: — нѣтъ ли гдѣ около тебя башмаковъ?

Оедюшка всклопнулъ только глазами и отворотился къ стѣнѣ.

— Дьяволь, што ты дрихнешь!

— Не тронь... смерть спать хочется, сквозъ сонъ проговорилъ мальчуганъ и не шелохнулся.

Гаврилка вышла изъ-за перегородки и поглядѣла на мужа.

— По рождъ вижу, это твое дѣло! не сдерживая злобы закричала она на мужа. — Скажывай, варваръ, куда дѣлъ башмаки?

— Пропилъ, коротко отвѣтилъ мужъ, вскидывая на жену уничтожающій взглядъ.

Дочь всплеснула руками и вскрикнула.

— Господи! што же это будетъ?

— Пропилъ и прощю все, продолжалъ Максимъ Власичъ и поднялся съ мѣста. — Кто мнѣ указъ?... Анютка, живо штобы двугривенный былъ! Не то... знаешь?

— Варваръ! да што же это ты съ нами дѣлаешь! возопила жена.

— Такъ еще разговаривать!..

— Не бей ее, не бей! закричала дочь, видаясь между отцомъ и матерью. — На, возьми, возьми мой двугривенный! Богъ милостивъ, обопнешься когда-нибудь: встануть тебѣ поперегъ горла мои трудовыя денежки!

— Облопаешься, скоро облопаешься! сулила жена, поправляя на головѣ платокъ, сбитый рукою мужа. — Крѣвошійца!

— Вотъ теперича я и выпью, безъ всякаго сердца и съ добродушной улыбкой сказалъ Максимъ Власичъ и пошелъ въ кабакъ.

Свѣтло на улицѣ передъ избю Максима Власыча, но еще свѣтлѣе въ самой избѣ. На серединѣ стола, покрытаго красной скатертью и уставленнаго десертомъ, возвышается, на подобіе пожарной каланчи, массивный высеребранный подсвѣчникъ съ пятью большими свѣчами. Подсвѣчникъ глядитъ такъ гордо и съ такимъ достоинствомъ, что только не говорить: я вѣдь тутъ— ради дѣвичника, и на самое короткое время, а то опять уйду въ гостиную именитой купчихи Александры Васильевны: нешто мнѣ прилично у такихъ голышей служить? И всѣ какъ гости, такъ и зрители отлично понимаютъ, что не на своемъ здѣсь мѣстѣ такой богатый подсвѣчникъ. Особенно всѣ достоинства и превосходства вунуческаго свѣтильника тонко чувствовали скромныя хозяйскія тарелки, которыя, отъ сосѣдства съ нимъ, до того казались смущенными, что стыдливо прятались отъ любопытныхъ взоровъ, и требовалось много времени и вниманія, чтобы глаза замѣтили на столѣ ихъ присутствіе. Но за то свѣтильникъ хорошо показывалъ дѣвицъ и ихъ недорогіе, но пестрѣвшіе разными цвѣтами наряды; а бронзовые браслеты на бѣлыхъ рукахъ, перстни и брошки съ стеклышками такъ блестяли и отливали, что можно было принять за настоящее золото и неподдѣльные бриллианты, еслибы только зрители не были заранѣе глубоко убѣждены въ томъ, что на дѣвичникѣ у Анны Максимовны не мѣсто, хотя бы и на весьма короткое время, такимъ драгоценностямъ.

У отворенной настежь двери, надъ полатами и около печи тѣснятся съ закрытыми лицами зрители. Они такъ напирать впередъ, что скамейка, поставленная поперекъ избы и отдѣляющая гостей отъ зрителей, то и дѣло подвигается къ столу и грозитъ повалить его. Максимъ Власычъ, совершенно уже трезвый, стоитъ у грядки и убѣдительно проситъ гулякъ не напирать, иначе-де все поломается и убытковъ ему придется понести ужасно много. Сама Анна Максимовна, одѣтая въ широкій кринолинъ и шерстяное съ полосками платье, съ веселымъ лицомъ подходитъ то къ той, то къ другой дѣвицѣ и что-то говорить въ полголоса. Гаврилиха сидитъ за перегородкою, гдѣ на ея рукахъ хранится верхнее платье дѣвицъ.

— Пропустите, пропустите! слышится въ сторонѣ зрителей.

Сквозь толпу пробирается новая гостья и ея матушка въ тулупѣ. Анна Максимовна встала на встрѣчу подругѣ. Дѣвицы поднялись на мѣстѣ. Новая гостья скинула тальму и передала матери; потомъ начала молиться на иконы и здороваться съ хозяйкою.

— Здравствуйте, Анна Максимовна, сказала она тихимъ голоскомъ, цалуясь съ хозяйкою.—Покорно васъ благодаримъ на почтеніи.

— А васъ покорно благодарю, што пожаловали, говорила Анна Максимовна, кланяясь гостѣмъ.—Марѳа Ивановна, обратила она къ тулупу:—покорно васъ благодарю, што освободили свою дочку, не погнушались нами.

— Што ты говоришь, дѣвка, какъ можно гнушаться честию— не хорошо! Тебѣ спасибо! Агафьюшка! пальтичку-то мнѣ съ собой взять, али оставить, уже тебя проводить кто?

— Не безпокойтесь, Марѳа Ивановна, вмѣшалась хозяйка:— мы сами проводимъ Агафью Васильевну. Пожалуйте мнѣ тальмочку-то!.. Мамонья!

Гаврилика вышла изъ-за перегородки. ●

— А! Нутка какъ закуталась, и не узнаешь тебя, сказала она, заглянувъ въ лицо Агашиной матери и принимая отъ дочери тальму.—Все ли ты здорова?

— Тихонько, а то спознають всѣ! перебилъ тулупъ и изъ-за воротника сверкнулъ смѣющійся глазъ.

— Ну, мы съ тобой не дѣвицы красныя: пускай узнають!..

Пока мать говорила съ Гавриликой, Агаша успѣла перецаловаться со всѣми дѣвицами и сѣла въ уголокъ, между простѣнкомъ и перегородкою. Она была очень молода, и ея простенькій нарядъ, состоящій изъ бѣлаго кисейнаго платья безъ всякихъ почти украшеній, придавалъ лицу, дышавшему свѣжестью ранней юности, необыкновенную прелесть. Подруги изподтишка посматривали на Агашу, а Домна Сидоровна, дѣвица совсѣмъ некрасивая и въ добавокъ кривая, выстрѣлила въ нее однимъ своимъ глазомъ и, поверотивъ лицо къ сидящей съ нею рядомъ сосѣдкѣ, шепнула:

— Нисколько она не хороша, только што одно разѣ—молода!

— Ну, и не дурна, отвѣтила также въ полголоса сосѣдка, пристально взглянувъ на Домну Сидоровну.

Домна Сидоровна надулась.

Показалась еще гостья, за ней другая и наконецъ явились обѣ полпированныя дѣвицы: дочь прикащика и дочь писаря. Анна Максимовна принимала всѣхъ радушно, всѣхъ благодарила, а полпированныхъ дѣвицъ приняла съ особеннымъ почетомъ и сама усадила на переднюю лавку.

— Вы напрасно безпокойтесь, говорила дочь прикащика, Настасья Андреевна:—для меня все равно, гдѣ бы я ни сѣла.

— Точно также и для меня! вторила дочь писаря, Софья Петровна.

— Нѣтъ, какъ можно, гдѣ-нибудь! въ свою очередь говорила любезная хозяйка, усаживая подругъ рядомъ и на самыя почетныя мѣста.

И тотчас Анна Максимовна взяла со стола двѣ тарелки съ конфетками и грецкими орѣхами, и стала обносить всю компанію, начавъ съ двухъ образованныхъ дѣвицъ.

— Да возьмите хоть конфетку! подчивала хозяйка пригашающую дочь.

— Благодарю васъ, я не бушаю конфетъ. Позвольте только билетикъ!

Дочь писаря тоже взяла одинъ конфетный билетикъ и нагнулась прочесть.

— Что у тебя, Соня? спросила у ней подруга.

— Ахъ, какія глупости! воскликнула та.—Вообрази, что мнѣ вышло! — и она, обернувшись въ сторону подруги, прочтала вслухъ:

Сердца любовниковъ смыкается
Не цѣль, а тонкій волосокъ!

— Скажите! Ну, мнѣ лучше вышло. Посмотри сюда!

Софья Петровна нагнулась къ билету подруги и вмѣстѣ съ нею прочтала.

— Ахъ, это очень великолѣпно тебѣ вышло! восхитилась она, съ восторженной улыбкой глядя въ лицо подруги.

— Полагаю, что не дурно.

Подъ полатями слышенъ сдержанный говоръ:

— Чьи это такія?

— Да одна пригашаикова дочь, а другая писаря.

— То-то онѣ и смѣли ужъ больно!

Прочія дѣвицы сидѣли молча или говорили на ушко, а потомъ разговоръ вслухъ, происходившій между двумя образованными дѣвицами, обратилъ на нихъ вниманіе зрителей.

— Поотдайтесь, поотдайтесь! говорилъ Власичъ, видя что зрители опять стали напирать.—Видите, чай, што на столѣ-то стоитъ? Это, вы думаете, ничего не стоитъ уронить?

— Какъ ты думаешь, которая дѣвка здѣсь всѣхъ лучше? спрашивалъ около двери густой бась.

— По мнѣ, всѣхъ красивѣе Домна Сидоровна, отвѣтилъ другой бась, точно изъ трубы.

Раздается громкій смѣхъ; а Домна Сидоровна, о которой такъ лестно отозвалась труба, вся вспыхнула и съ выраженіемъ великой злобы устремила единственный глазъ въ толпу, стараясь насвободу прострѣлить наглеца.

— Экой глазокъ золотой! похвалилъ снова трубный голосъ.

— Гдѣ только такая красавица уродилась! подхватилъ другой.

Анна Максимовна почла долгомъ вступить за свою гостью.

— Што вы это, охальники, безчинничаєте! начала она. — Чѣмъ васъ дѣвушка трогаетъ, што вы такъ конфузите ее? Прямыя фабричныя черти, никакой великатности въ васъ нѣтъ!

— Ну, и въ тебѣ тоже немного великатности-то загуляло, даромъ што ты въ колоколѣ, отстаивали себя у двери. — Видали мы тоже и почище тебя!...

— А видали ли вы, какъ вашего брата за безчинства-то эвти по рокамъ бьютъ? спросилъ Максимъ Власычъ.

— Ты сперва за башмаками-то сходи, што вчера въ кабагѣ пропилъ, а тамъ ужъ, и показывай, отвѣчала труба.

— Не видали, значить! продолжалъ храбро Власычъ, задѣтый башмаками. — Такъ я вамъ, пожалуй, други милые, сейчасъ все эвто, какъ слѣдуетъ, въ лицахъ покажу... У меня за эвтимъ дѣло не станеть!

Образованныя дѣвицы приняли въ нѣкоторое безпокойство.

— Неужели драга будетъ? спрашивала одна.

— Здѣсь этого только и можно ожидать! сказала другая.

Однако, никакой драги не случилось, потому что пришли холостые.

— Тятенька, холостые пришли! извѣстилъ изъ сѣней о приходѣ гостей Федюшка.

Максимъ Власычъ оставилъ своихъ враговъ и послѣшилъ къ гостямъ.

Въ сѣняхъ, освѣщенныхъ сальной свѣчкою, раздѣвались молодые люди, пришедшіе на дѣвичникъ. Федюшка принималъ отъ нихъ тулупы, пальто и влалъ въ чуланъ.

— Здорово, холостые! привѣтствовалъ гостей хозяинъ.

— Здравствуй, Максимъ Власычъ, здравствуй!...

— Што, собрались барышни, Максимъ Власычъ? спрашивалъ одинъ изъ пришедшихъ, слесарь, съ жестоко-напомаженной головой и сильнымъ запахомъ дешеваго амбре.

— Хватился ты! отвѣтилъ хозяинъ. — Входите, прибавилъ онъ: — чай ужъ замѣдальсь дѣвки-то!

— Погоди, дай немножечко припаратиться, отвѣчаютъ холостые.

— Ну, не больно фарсисто, замѣчаетъ Власычъ: — не взнущуть!

— Нельзя же, надо немного...

— Власычъ, говорить набойщикъ: — скомандуй-ка ты намъ на счетъ монаха въ зеленомъ сарафанѣ!...

— Што тутъ монаха, перебиваетъ другой набойщикъ съ необыкновенно-лохматой головой: — разѣ на долго намъ монаха? Сложитесь ужъ лучше на чугунку!

— И чудесное дѣло будетъ: это въ самую препорцію, одобрилъ Максимъ Власъичъ.

Черезъ минуту онъ ужъ наказывалъ своему сынишкѣ:

— Ты, Федюшка, бѣги што ни есть мочи! слышишь?

— Вона! Чай мнѣ не въ первый разъ! Одна нога здѣсь, другая тамъ!

— Молодецъ Федюшка! хвалить мальчугана холостые.

— Теперь войдемъ! говорить слесарь.

Молодѣжь направилась къ отворенной двери, изъ которой дѣлнымъ облакомъ валилъ парь.

— Да не пройдешь!

— Ваньша! ты маленечко бы попричесался, совѣтуетъ одинъ парень набойщику съ лохматой головой.

— Вотъ еще, отвѣчаетъ тотъ: — и такъ сойдесть!

— Погляди, Андрей Климычъ, хорошо ли у меня галстукъ завязанъ? просить одинъ юноша рѣзчика.

— Ничего, бантъ важный у тебя!

— Пойдемте, братцы, пойдемте! торопить холостыхъ слесарь.

— Эва народищу-то сколько набилось! говорить хозяинъ: — вы, холостые, не разомъ всѣ, а по одному пролѣзайте, предлагаетъ онъ молодѣжи.

Не малаго труда стоитъ молодымъ людямъ пробраться до середины избы, но кое-какъ, при помощи локтей и колѣнокъ, они благополучно достигаютъ дѣла.

При появленіи холостыхъ, дѣвицы поднялись; не встали только образованныя дѣвицы.

— Миръ честной компаніи, красныя дѣвушки! говорить слесарь, а за нимъ другіе молодцы.

Дѣвицы молча повлонились.

— Просимъ милости, холостые! встрѣчаетъ ласково сама Анна Максимовна. Холостые здороваются съ нею и начинаютъ усаживаться на скамейкѣ.

Воцаряется длинное молчаніе.

— Кто въ этотъ часъ родится, тотъ будетъ теленкомъ, раздается голосъ со стороны печи.

— Ладно, какъ дѣвка, а какъ парень, такъ бѣда! подхватываетъ другой ужъ съ печи: — жена за виски станетъ таскать!

Зрители смѣются, дѣвицы улыбаются въ платки, а холостые оборачиваютъ головы по направленію, откуда слышны голоса.

Зрители не унимаются.

— Да коли холостые все молчкомъ будутъ сидѣть, такъ и дѣвожь на сонъ наведутъ!

— Ужъ и напали, и напали! вступается Максимъ Власъичъ,

опять занявшій свое мѣсто у грядки. — Чай, вѣдь сначала-то еще не смѣло, а вотъ какъ пооглядятся, да выдуть прохолодиться, ну, и стануть, какъ слѣдуетъ... Да вы не напирайте, братцы, поотдайтесь немножко назадъ! Ишь, вѣдь, холостыхъ-то приперли почитай къ самому столу... Поотдайтесь, пожалуйста! Видите, чай, што на столѣ-то?

Холостымъ, на самомъ дѣлѣ, приходилось плохо: ихъ спины подвергались страшному напору и не мало требовалось силы и мужества съ ихъ стороны, чтобъ не полетѣть на полъ.

— Честью прошу, отодвиньтесь немножечко! вздыхаетъ снова Власычъ. — Вы только то возьмите въ голову, ежели столъ опрокинется, ваиныхъ мнѣ тогда убытковъ все будетъ стоять. Будьте же истинными христианами!

— Тятенька! слышится звонкій голосъ Федюшки.

Лицо Максима Власыча оваряется самой лучезарной улыбкой, и онъ говоритъ:

— Што же, холостые! прохолодиться, я думаю, теперича самое будетъ время?

Холостые перемигнулись и встали. Свამейба летить къ столу.

— Да хоть побойтесь Бога! чуть не вопить хозяинъ, обращаясь къ зрителямъ. — Ну, хорошее ли дѣло, поломаете все?...

— Пораздвиньтесь, дайте пройти холостымъ!

Но зрители стѣной стоятъ, и не даютъ прохода.

— Видно честью-то съ вами ничего не подѣлаешь, выходитъ изъ себя Максимъ Власычъ и пускаетъ въ ходъ кулаки.

Въ толпѣ раздались протесты.

— Ты што же дерешься-то?

— Да што же съ вами дѣлать-то, коли васъ честь не беретъ!

— Ну, ты не больно, Власычъ! Нонче, знаешь, за эвто и къ мировому угодишь?

— Ладно: ступай жалуйся мировому!

Благодаря кулакамъ Власыча, молодые люди выбираютъ въ стѣни.

— Принесли, што ли? почти въ одинъ голосъ спросили всѣ.

— Принесъ, отвѣчаетъ Федюшка, показывая на бутылъ.

Къ водкѣ пристають и гуляки, знакомые гостямъ. Начинается разговоръ.

— Теперича посмѣлѣе, ребята, вамъ будетъ заняться съ дѣвушками, говоритъ одинъ гуляка и выпиваетъ стаканъ.

— Конечно, съ перваго раза какъ-то неловко, особливо не хватимши ничего, говоритъ рѣзчикъ. — Ну, а какъ ты думаешь, хороши у насъ подобраны дѣвушки?

— Што говорить — дѣвки на подборъ!.. Только вотъ Домна одна немножечко подгадила компанію!

— Эвто вѣрно... И чудеса, братцы, за коимъ только она чертомъ по дѣвичивамъ таскается! Гдѣ бы ни случился дѣвичникъ, — непременно и Домна тамъ съ своимъ глазомъ сидитъ!

— Вѣрно прельстить кого мечтаетъ!

— Ну-ка, Максимъ Власичъ, мнѣ еще стаканчикъ! просить набойщикъ съ лохматой головой.

— Изволь, милый, изволь! съ большой охотой удовлетворяетъ просьбѣ Власичъ, наливая изъ бутылки въ стаканъ. — Мы вмѣстѣ съ тобой, Иванъ Елистратычъ, вмѣстѣ... Будь здоровъ!

Иванъ Елистратовичъ и глазомъ не успѣлъ мигнуть, какъ Власичъ хлопнулъ весь стаканъ.

— Што за водка, похвалилъ онъ: — такъ сама и идетъ по всему горлышку!

— Да ты, што же эвто, Власичъ, не мнѣ сперва?.. Такъ нельзя... Наливай!..

— Будеть, будетъ, Ваньша! останавливаетъ лохматого набойщика другой: — тебѣ дай волю, ты и радъ, а послѣ безчинничать станешь!

— Ты за меня не опасайся, дружище! говорить Иванъ Елистратовичъ: — мы себя лицомъ въ грязь не ударимъ! Ты дай только намъ срокъ, увидишь какъ Иванъ Елистратовъ отличится!

Зрители даютъ совѣты:

— Смотрите же, холостые, въ игрѣ назначайте больше цаловаться!

— Безъ васъ знаемъ, не учите!

Въ избѣ говорить:

— Неужели, Соня, такъ весь вечеръ и пройдетъ?

— Право, Настя, не знаю, чтò тебѣ на этотъ вопросъ и сказать, отвѣчаетъ другая. — Очень можетъ быть, что при такихъ кавалерахъ такъ безъ всякаго удовольствія время и пройдетъ.

— Какъ это грустно!

Анна Максимовна съ подобострастіемъ обратилась къ недовольнымъ дѣвицамъ:

— Штò вы это, милыя, говорите! Какъ можно, чтобъ вечеръ безъ удовольствія прошелъ? Вы сами знаете, што еще рано, холостые не смѣютъ... Опять и то, — не всѣ пришли...

Съ улицы въ окна глядятъ какія-то закрытыя лица. Слышны говоръ, звука гармоника и топотъ трепака подъ бубень. Издали доносится припѣвъ одной пѣсни:

Ахъ житье, ахъ житье!
Горе горькое мое!

— Начинай! говорить рѣзчикъ, толкая локтемъ слесаря.

Слесарь вынулъ изъ кармана двѣ колоды картъ. Одну положилъ на столъ, а съ другой пошелъ къ дѣвцамъ.

— Въ какую же вы игру хотите играть? спрашиваетъ одна изъ образованныхъ дѣвицъ.

— Въ «кто что любитъ», отвѣчаетъ слесарь, молодецки встряхивая волосами.

Другія дѣвицы въ полголоса говорятъ:

— Мы не умѣемъ.

— Ничего не значить, отвѣчаетъ слесарь:—будемъ играть и научитесь. Эта игра не мудреная!

Слесарь переходитъ поочередно отъ одной дѣвицы къ другой, и каждой даетъ по картѣ или по двѣ. Когда онъ подошелъ къ Домнѣ Сидоровнѣ и предложилъ ей карту, она не приняла и сказала:

— Можеи Иванычъ, мы не можемъ играть, намъ не сдавайте!

— Нельзя-съ, Домна Сидоровна! Какъ же это канпаію портить? Нельзя-съ!

— Какъ вамъ угодно, а мы не можемъ въ эту игру заниматься.

Слесарь охотно бы оставилъ въ покоѣ несговорчивую дѣвиду, но этимъ онъ подалъ бы поводъ и другимъ дѣвицамъ отказываться отъ игры; а потому онъ твердо настаивалъ.

— Примите одну карточку, Домна Сидоровна!

— Здѣсь много барышень, кромѣ насъ: просите другихъ!

— Другія всѣ принимаютъ, одна вы отказываетесь. Сдѣлайте милость, примите-съ!

— Просите другихъ, а насъ оставьте! упорствовала дѣвица.

Къ слесарю присоединили голоса и другіе холостые.

— Не портите игры, Домна Сидоровна!

— Возьмите карточку—и всѣ прочія барышни берутъ! начала просить и сама Аена Максимовна.

Домна Сидоровна еще больше уперлась.

— Сказала што не могу, и не могу!

Вступились, наконецъ, зрители.

— Какіе новче фокусы Домна-то строятъ! Вотъ ты и знай ее!

— Только, кажись бы, это ей не совсѣмъ къ лицу! Съ однимъ-то зракомъ не слѣдъ канпанью гадить!

— А, можетъ, это она и не передъ добромъ: скоро у ней и другое око померкнетъ!.. Нешто она вольна въ себѣ!

Такия замѣчанія и громкіи смѣхъ, которымъ они сопровождались въ толпѣ зрителей, скорѣе всякихъ упрашиваній уломали Домну Сидоровну: она взяла карту.

Окончивъ раздачу картъ, слесарь подошелъ къ столу и взялъ карту изъ другой колоды.

— Кто любить красныхъ дѣвушекъ? сказалъ онъ и открылъ карту.

Вынутая карта оказалась у набойщика Ивана Елистратыча.

— Ничего, я дѣвками не брезгую, сказалъ онъ. — А ну-ка вотъ теперича я задачу-то задамъ, прибавилъ онъ, протягивая руку къ володѣ:—у кого такая карточка осяжется, тотъ долженъ всю нашу компанію обойти по одному разу, а меня еще особо поцаловать двѣ дюжины!

— Вотъ такъ молодецъ! Ай-да Ваньша! дѣйствуй! раздались похвалы и одобренія со стороны зрителей.

Ваньша открылъ карту, самодовольно улыбнулся и сѣлъ на свое мѣсто.

— Каково мы дѣйствуемъ! шепнулъ онъ своему товарищу, уговаривавшему его не пить водку. — А надо бы еще прохолодиться.

Между тѣмъ скрытой карты нѣ у кого не оказывается. Холостные догадались, что карта у дѣвицы. Слесарь первый заговорилъ.

— Што жъ вы, дѣвушки, карточку-то скрываете? Али ужъ она очень вамъ понравилась? Нельзя-съ, назначенное надобно исполнить.

— Въ игрѣ не слѣдуетъ отказываться, урезонивалъ рѣзчикъ.

— Да не задерживайте игры, дѣвицы красныя! опять говорить слесарь.—Эдакъ только время станемъ тануть понапрасву, а пріятности себѣ никакой не получимъ.

Набойщикъ Ваньша также нашелъ нужнымъ присовокупить свой голосъ.

— Што жъ вы эвто ломаетесь? сказалъ онъ.—Коли вы ужъ въ капризъ пошли, такъ мы и игру бросимъ! Наплевать!..

Хозяйка, видя что молодежь въ задоръ пошла, встала и подошла къ слесарю.

— Мокей Иванычъ! сказала она въ полголоса:—ну, што вы пристали къ дѣвушкамъ? Видите, чай, сколько гуляковъ! Дѣло дѣвичье, поди совѣстятся при всѣхъ цаловаться-то!

Доводъ былъ убѣдительнъ.

— Первая вина прощается, обратился слесарь къ дѣвицамъ:—назначенное переменить...

— Мокей! прервалъ набойщикъ Ваньша:—эвто, братъ, ты не въ резонтѣ!

— Кто любить по грибу ходить? предложилъ слесарь, не обращая вниманія на замѣчаніе набойщика.

Карта нашлась у той дѣвушки, съ которой мы встрѣтились въ началѣ разсказа. Агаша положила карту на столъ и взяла другую.

— Кто любить по саду гулять?

— А кто любить вашу масляную? вырывается голосъ изъ-подъ полатей.

— Да любить самъ дуракъ, што назначаетъ, отвѣчаетъ слесарь.

— Дуракъ?! Самъ ты во сто разъ дурашнѣе меня, даромъ што ты слесарь!

— Онъ ли не онъ ли, што въ бѣлой манишкѣ, да при жилетѣ съ часами, такъ ужъ и важничаетъ! кричитъ другой съ печи.

— Ну, пошли, пошли, загорманили! вступился Максимъ Власьичъ. — Помолчите, пожалуйста, братцы! вѣдь эдакъ вы всю компанію сомнитѣ!.. Ну, хорошо ли это дѣло?

Набойщикъ Ваньша дернулъ за сюртукъ слесаря.

— Што жъ, чай, пора намъ прохолодиться-то?

— И то, соглашается тотъ:—видемте отъ сраму!

Изъ толпы зрителей выступила впередъ закутанная женщина и пицить:

— Марья Ивановна какъ хороша!

— А Оегла Климовна еще лучше! пицить другая.

— Што жъ, Марья Ивановна, гостинична-то позвольте! просить первая и выставляетъ рукавъ шубы.

Та, въ которой относилась эта просьба, скромно отвѣчаетъ:

— Намъ не позволено.

— Какъ не позволено? Гостямъ всегда позволяется.

— Позволяется, да временемъ.

— Всегда позволяется. Такъ дай же, красавица, ребенку въ соску!

Марья Ивановна нерѣшительно встала, нерѣшительно подошла къ столу, взяла нѣсколько пряничковъ, орѣшковъ и опустила въ протянутый рукавъ зрительницы.

— Дай Богъ тебѣ за это жениха хорошаго! благодарить по-прошайка и пятится назадъ.

Зрители не даютъ ей прохода.

— Свеси! пропусти!

— Прижми ее, прижми хорошенько! Ишь она какая: набрала гостинцевъ, да и домой.

— Ай, обменки, брюхо выдавили!

— Ничего, другое выростетъ!

Образованныя дѣвочки начинаютъ зѣвать.

— Ахъ, какая скува! говоритъ Настасья Андреевна.

— Неужели же наши знакомые кавалеры не придутъ? спрашиваетъ Софья Петровна. — Это просто ужасно будетъ, если они не придутъ!

— Конечно!

Мало-по-малу и другія дѣвицы осмѣливаются говорить.

— Ты на кого въ новѣшную зиму, Алена, ткешь? обращается съ вопросомъ къ сосѣдѣ дѣвица могучаго тѣлосложенія въ розовомъ кисейномъ платьѣ.

— Да сперва на братьевъ Горевыхъ ткала, а теперича тву на Посадова, отвѣчала худенькая дѣвушка, съ плоской грудью и блѣднымъ цвѣтомъ лица.

— Штѣ же на однихъ не ткала?

— Бумагу больно плоху стали давать, да провѣсы все: ну, выгоды-то и нѣтъ никакой, проработала бы всю зиму на хозяевъ... Ну и перемѣнила. Ужъ очень строгости у нихъ большія пошли.

Рядомъ идетъ другой разговоръ:

— Гдѣ ты, Паша, на платье-то себѣ покупала?

— На ярмаркѣ, нонче объ Здвиженѣ.

— У кого?

— Не знаю, Груша: мамынька вѣдь покупала.

— И я себѣ, какъ выработаю што за зиму, непременно точно такой же матеріи куплю.

— Куш. Очень прочна.

Возвращаются холостые.

— Слушайте, холостые! говоритъ слесарь: — я полагаю, што теперича не мѣшаеть и въ фанты начать?

— Сперва надо окончить первую игру, а тамъ и за другую примемся, подаеть свое мнѣніе рѣзчикъ.

Иванъ Елистратычъ не соглашается съ мнѣніемъ рѣзчика.

— Штѣ карты — наплевать! Валяй, Мокей, въ фанты!

— Не рано ли, братцы, въ фанты? замѣчаетъ другой набойщикъ. — Може лучше повременить, гуляковъ еще очень много!

Иванъ Елистратычъ хочетъ уничтожить основательность и этого замѣчанія.

— Штѣ намъ гулякѣй — наплевать! Мокей! погляди на часы, который часъ?

Слесарь взялся за жилетный карманъ.

— Не заведены, сказалъ онъ въ отвѣтъ Ивану Елистратычу.

Зрители стали подсмѣиваться.

— Позабылъ, должно, Мокей Иванычъ, часы-то у сея дома? Смотри, не украли бы ихъ у тебя тамъ лихіе люди!

— Ну, ты много не сумлѣвайся! Видно, у него одна дѣпочка, што на жилеткѣ, а часовъ-то и не загуляло!

Смѣхъ.

— Мокей! зачинай игру, повелительно говоритъ Иванъ Елистратычъ.

Слесарь и самъ радъ былъ начать игру, чтобы положить конецъ насмѣшкамъ; онъ вступилъ ужъ и въ переговоры съ рѣзчикомъ, какъ вдругъ дѣвицы, одна за другой, поднялись съ мѣстъ и вереницей потянулись въ сѣни, чтобы «поосвѣжиться».

— Теперича и на нашей улицѣ праздникъ, съ торжествомъ проговорилъ слесарь, когда дѣвицы вышли. — Засаживайте мѣста, холостые!

— Мокей Иванычъ, обратился къ слесарю юноша, очевидно, въ первый или второй разъ попавшій на дѣвичникъ: — по скольку же мнѣ запрашивать?

— Дожину, Вася, а стануть противиться, довольствуйся и полдожиною — дѣлать нечего!

— Слушай, Васютка, што говоритъ Мокей, поддерживалъ авторитетъ слесаря Иванъ Елистратычъ: — онъ парень ловкій, знаетъ, какъ умаслить дѣвогъ... Слушайся!... Не пропадешь, Васютка!

Юноша сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, сѣлъ на мѣсто Агаши и весь повраснѣлъ.

— Не робѣй, главное — не робѣй! ободрялъ юнца Иванъ Елистратычъ, усаживаясь на чье-то мѣсто: — для него рѣшительно было все равно, на чье бы мѣсто ни сѣсть. — Не мѣшало бы тебѣ выпить, духу-то вольнаго у тебя поприбавилось бы ма-ленько, да младъ ты, Васютка, а потому и не будетъ тебѣ отъ меня благословенія на худыя дѣла... Помилуй Богъ, ежели я да увижу, што ты за это вино примешься! Бойся меня, Васютка!...

Другой набойщикъ хотѣлъ-было остановить своего пріятеля, что, дескать, при народѣ не слѣдъ учить Васютку, хотя онъ и молодецъ; но Иванъ Елистратычъ такъ мало обращалъ вниманія на публику и притомъ такъ глубоко былъ убѣжденъ въ необходимости руководителя для юнаго Васи, что не только не остановился въ своихъ наставленіяхъ, но даже и пріятелю своему счелъ нужнымъ сдѣлать приличное внушеніе.

— Молчи, Трофимъ! Ты еще разумомъ не дошелъ до меня... Значитъ, ты сиди и только молчи, а Иванъ Елистратовъ будетъ говорить: Иванъ Елистратовъ завсегда можетъ говорить. А твое дѣло молчать и слушать, што говорить Иванъ Елистратовъ!.. Какъ же ты можешь мнѣ говорить, штобы я оставилъ Васютку,

коли онъ безъ отца на свѣтѣ живеть, граверному дѣлу обучается?..

— Перестань, ради Христа, перестань! умолялъ Трофимъ: — здѣсь, вѣдь, не у себя дома, народъ...

— Не перестану, не могу! кричитъ Иванъ Елистратичъ: — Нѣшто возможно мнѣ сироту безъ призора оставить? Кому онъ дорогъ? Для всѣхъ онъ, сиротка Божій, чужой!.. Понялъ ты эвто, али нѣтъ?.. Ты вѣдь другъ мнѣ, а тебя за мѣсто роднаго брата почитаю, а я тебѣ прямо въ глаза скажу: дуракъ ты, Трофимъ! Поцѣлуй!..

— Сдѣлай милость, соврати ты себя! просить другъ, уклоняясь отъ подалуя: — ты на всѣхъ насъ безчестье великое кладешь! Говорилъ давеча тебѣ: не пей, Ваньша! Не послушался, вотъ и учалъ безчинничать...

— Наплевать! Кого мы боимся? Вѣдь мы на свое пьемъ! Разѣ мы за свое добро не вольны веселиться?.. Троша, другъ ты мой сердечный, не огорчай ты меня!.. Ахъ, да гдѣ же эвто у насъ Власичъ? Власичъ, Максимъ Власичъ! — закричалъ Иванъ Елистратичъ на всю избу.

А Максимъ Власичъ, подьзуюсь тѣмъ, что холостые засѣла мѣста, возъмѣлъ потребность еще немного пропустить и непримѣтно ускользнулъ въ сѣни.

— Власичъ! да гдѣ же ты? — взывалъ Иванъ Елистратичъ.

Максимъ Власичъ не замедлилъ явиться на голось Ивана Елистратича.

— Удивленье, што эвто за безстыжій народъ, сильно негодовалъ, возвращаясь изъ сѣней, Максимъ Власичъ, проталкиваясь впередъ. — Ну, можно бы, чай, и не дѣзть къ столу? Кто станеть отвѣчать, ежели столъ какъ пошатнется?.. Свиныи, право свиныи!

— Власичъ!

— Я здѣсь, Иванъ Елистратичъ, никакъ вотъ совладать съ ними не могу... Экой, Господи Боже мой, народъ у насъ подлый и пребезсовѣстный...

— Подойди ко мнѣ, Власичъ, продолжалъ Иванъ Елистратичъ. — Теперича наклонись, мнѣ надо по секрету на ушко тебѣ сказать: нельзя ли вино туда вонъ, за перегородку поставить? Мы оба сейчасъ же съ тобой по ставанчику!

— Ахъ, милый! съ печалью отвѣтилъ Власичъ: — вѣдь оно ужъ при окончаніи, почитай все до капли вышло!

— Што ты говоришь! ужаснулся вслухъ Иванъ Елистратичъ. — Гони, коли такъ, ты свою Оедюшку опять въ вабакъ, по-

тому безъ вина мы, што насъ здѣсь ни есть въ канпань, пропали всѣ до еднаго! Мокей!

— Иванъ Елистратичъ, мнѣ надо переговорить съ тобой, сказалъ слесарь и пошелъ за перегородку. — Ну, какъ тебѣ не стыдно! началъ онъ урезонивать набойщика: — што о насъ подумаютъ гуляги? скажутъ, што мы и пьяницы и озорники! Ты если не себя, такъ хоть насъ пожалѣй немножко... Знаешь, выпили мы сегодня, а завтра ужъ до тонкости все и хозывамъ будетъ извѣстно! Какъ же ты объ эвтомъ не подумаешь?

— Резонть! люблю умныя слова слушать, уступилъ Иванъ Елистратичъ. — Я умныхъ словъ всегда послушаюсь... Такъ ты говоришь, Мокей, полведра надо взять? Я согласенъ...

— А денегъ у тебя много? спросилъ Трофимъ.

— Што деньги! У меня пальто на ватѣ...

— Ахъ, што за милый человекъ этотъ Иванъ Елистратичъ! воскитился Максимъ Власичъ: — онъ на все готовъ, ему ничего не жалъ... Экая душа! Гладѣть, на рѣдкость нонче можно такихъ людей встрѣтить!..

Только что за перегородкою успѣли поладить на счетъ вина, какъ въ избу стали возвращаться дѣвицы. Замѣтивъ, что мѣста ихъ заняты, онѣ немного постояли, перемолвились между собою и потомъ, не торопясь, начали разсаживаться на скамейку и буда ни пошло.

— Барышни, говорить слесарь: — што же это вы на чужихъ мѣста садитесь? Кажется, вамъ это не совсѣмъ прилично!

— А вы нашто наши мѣста заняли, отвѣчаютъ дѣвицы.

— Занять хоша мы и заняли, но вы завсегда вольны ихъ выкупить.

Дѣвицы перемигиваются, выдаютъ изподлобья взгляды на холостыхъ и въ сторону хихикають.

— Выкупайте же, барышни, свои мѣстечки, настаиваетъ слесарь.

Но дѣвицы продолжаютъ хихикать и сидѣть на чужихъ мѣстахъ.

Иванъ Елистратичъ не можетъ вытерпѣть.

— Вы што же опять ломаться? говорить онъ. — Коли такъ, такъ мы и уйдемъ, наплевать на васъ!..

— Ваньша, ради Христа, уймись! разѣ можно такъ въ канпань отвѣчать! останавливаютъ набойщика товарищи.

— Я ничего... Эка важности! Наплевать!

— Эхъ, барышни, урезониваетъ слесарь: — какъ вамъ не стыдно къ печкѣ-то жаться? Конфузь!

— Дѣлать нечего, дѣвушки, надо выкупать свои мѣстечки! помогаетъ холостымъ сама Анна Максимовна.

Наконецъ, послѣ долгихъ колебаній и увѣщеваній со стороны холостыхъ, дѣвнцы рѣшаются выкупать мѣста.

— Пустите на мое мѣстечко, просить одна дѣвушка, подойдя къ рѣзчику.

— Съ большимъ удовольствіемъ. Только пожалуйте выкупъ!

— Какой же вамъ выкупъ? спрашиваетъ дѣвица, притворяясь непонимающею въ чемъ дѣло: — пряничекъ или орѣшичекъ?

— Дюжину поцалуевъ, поясняетъ рѣзчикъ.

— Оа! штой-то больно много! вскрикнула дѣвица.

— Меньше взять никакъ нельзя-съ!

— Одинъ разъ, предлагаетъ дѣвица.

Начинають торговаться. Дѣло слаживается на полдюжинѣ.

Дочь писаря стояла передъ слесаремъ.

— Если вы образованный кавалеръ, внушала она ему: — то должны понять, что съ вашей стороны довольно невѣжливо заставлять передъ собою стоять барышню.

— Невѣжества съ нашей стороны, кажется, тутъ никакого нѣтъ, Софья Петровна, отвѣчалъ слесарь: — вы сами причиной всему! Цѣну я съ васъ прошу самую аккуратную.

— Однако, какое упрямство съ вашей стороны! Неужели вамъ и не стыдно?

— Ежели бы я себя чувствовалъ виноватымъ, то очень бы мнѣ стыдно было.

— Это наконецъ ужасно! съ отчаяніемъ произнесла барышня.

— Ну? прибавила она и подставила щеку.

— Несносный мужчина! слышалось въ то же время съ другой стороны.

— Ай-да холостые, молодцы! хвалить зрители.

Оставалось два невыкупленныхъ мѣста: Ваньши и Васютки.

— Ты, Иванъ Елистратычъ, обратился къ набойщику рѣзчикъ: — смотри, братъ, не остаешься тутъ зимовать!

Иванъ Елистратычъ хладновротно отвѣчалъ:

— Ничего... Коли захотятъ, такъ выкупать, а то мнѣ и наплевать!... Вотъ отрокъ, прибавилъ онъ, вскидывая глаза на юношу: — отрокъ погибаетъ... Жаль Васютку!

Но къ отроку подошла Агаша и, послѣ двухъ словъ, поцаловала его шесть разъ, да еще сверхъ условія прибавила три самыхъ ерѣвнхъ поцалуя.

Отрокъ, весь въ огнѣ и пошатываясь, возвратился на свое мѣсто.

Съ улицы въ стекла попрежнему глядѣли заутанная фигуры.

Какъ только Агаша, поцаловавъ юношу, сѣла на мѣсто, вдругъ снаружи раздался ударъ и одно стекло изъ рамы съ дребезгомъ полетѣло на полъ. Дѣвицы вздрогнули. Агаша побѣлѣла.

— Ай! што это за безчинства! воскликнула Анна Максимова: — стекла ужъ стали бить! Тятенька!

— Караулъ, разбой! закричалъ Максимъ Власычъ и кинулся изъ избы.

— Какой скандалъ! съ негодованіемъ говорила дочь прикащика.

— Мы просто можемъ здѣсь жизни навсегда лишиться! отчаявалась дочь писаря.

— Ничего-съ, не безпокойтесь, Софья Петровна, старался успокоить дѣвицъ слесарь: — у насъ здѣсь такое обыкновеніе, рѣдкій дѣвичникъ проходитъ, шtbody гдѣ стекло не поблп, аиъ чего другаго не сдѣлали. Все это пустяки-съ!

Дѣвицы перешоптывались, косились на Агашу, качали головами и загадочно улыбались. Агаша, все такая же бѣлая, сидѣла съ опущенной головою и не смѣла ни на кого глазъ поднять.

— Дѣвки! заговорилъ Иванъ Елистратычъ, сидѣвшій у прошибеннаго окна: — заткните чѣмъ-нибудь дыру, а то мнѣ въ спину песеть! Простужусь!

— Да ты што же тутъ сидишь? бойко спросила его дѣвица съ могучимъ тѣлосложеніемъ, которой принадлежало занятое Ивановъ Елистратычемъ мѣсто.

— Сижу, мѣсто насиживаю... Выкупай, коли хошь, пока горячо, а то остынетъ.

— Ахъ ты, выворотневъ сынъ! оврестила дѣвица: — сидѣлъ бы дома, а то еще на дѣвичникъ прилѣзь. Ну, вставай, што ли?

Изъ сѣней слышалась рѣчь Максима Власыча.

— Убѣжали... Экіе разбойники! Сюда, Оедюшка, поставь! Надо холостыхъ позвать.

— Али принесла? грянулъ вдругъ Иванъ Елистратычъ и поднялся. — Прохолодиться хочу, прибавилъ онъ, увидя что товарищи опять съ укоромъ на него смотрять.

— Прохолодимтесь и мы, сказалъ рѣзчикъ.

Черезъ нѣсколько минутъ молодежь хлопотала ужъ на счетъ фантовъ.

— Прежде надо кувню разыграть, говорилъ слесарь. — Я пойду съ одной стороны, Андрей Климоничъ, а ты съ другой.

— Ладно.

Стали разыгрывать кувню.

— Какъ васъ зовуть, Акулина Ивановна? спросилъ рѣзчикъ, подойдя къ дѣвицѣ съ могучимъ тѣлосложеніемъ.

— Скворода!

- Такъ вы скворода, Агулина Ивановна?
 — Скворода.
 — А што у васъ на пальцѣхъ?
 — Перстень... скворода, спохватилась дѣвица, но было уже поздно.
 — Проговорились! засмѣялся рѣзчикъ: — пожалуйста фантикъ!
 Дѣвица скинула кольцо и подала рѣзчику.
 — Какія вамъ больше фрунты вдравятся, Аграфена Кондратьевна? спрашивалъ слесарь другую дѣвицу.
 — Голикъ, отвѣчала Аграфена Кондратьевна.
 — Што, вы нонѣшней зимой ходили въ лѣсъ за ягодами?
 Дѣвицы разсмѣялись.
 — Пожалуйста фантикъ!

Зрителей становилось меньше, но за то тѣ, которые были въ избѣ, казалось, хотѣли остаться надолго. Одни изъ нихъ стояли, прислонясь къ стѣнѣ, другіе сидѣли на печкѣ, а нѣкоторые лежали на полатахъ и только однѣ ихъ головы были видны. Ближе къ зрителямъ, впереди, стояли мужчины въ шубахъ и пальто съ бобровыми воротниками. Анна Максимовна нѣсколько разъ всматривалась въ стоящихъ, стараясь узнать кто такіе; но зрители упорно скрывали лица и не хотѣли открыть себя. Наконецъ, хозяйка не вытерпѣла, подошла къ одному и быстрымъ движеніемъ руки открыла воротникъ.

— Ахъ, вотъ они! вскричала она, узнавъ въ зрителѣ рылннскаго приващикъ. — Што же вы такъ долго?

— Извините, Анна Максимовна, отвѣчалъ приващикъ, высокой молодой человѣкъ, снимая шапку и раскланиваясь: — некогда было...

- А насъ узнали? спросилъ семинаристъ Розоновъ.
 — Куда намъ шубы положить? говоритъ конторщикъ Голубевъ.
 — Ахъ, сейчасъ, сейчасъ... Тятенька!... тятенька!
 Издалека, словно изъ самой глуби двора, послышался голосъ.
 — Ну, што тебѣ?
 — Подите, гости пришли!
 — Ну, а мнѣ какое дѣло?
 — Да говорятъ вамъ: видите! Алексѣй Николаичъ пришли, Никандра Васильичъ, да Павелъ Николаичъ...

Моментально предсталъ самъ хозяинъ.

— Ахъ, милые! говорилъ онъ, кланяясь и улыбаясь: — все ли вы здоровы? пожалуйста, пожалуйста-сь! Просимъ милости! Одежку-то сюда пожалуйста, сюда... Я приберу-сь...

— Смотри, Власъичъ, чтобы шубы наши не ушли гулять, замѣтилъ приващикъ.

— Ахъ, што вы, душенька! Нешто кто у меня посмѣеть это сдѣлать? Помилуйте-сь!

— Какъ ваше здоровье, Анна Максимовна? обратился прикащикъ къ хозяйкѣ, подавая ей руку.

— Покорно васъ благодарю, Алексѣй Николаичъ.

— Настасья Андревна, Софья Петровна! говорилъ прикащикъ, раскланиваясь съ образованными дѣвицами, и пожимая имъ ручки.

— Мое почтеніе!

— Какъ вы долго! Ну, развѣ это не безчеловѣчно съ вашей стороны! упрекала Настасья Андревна.

Но къ холостымъ новыя гости отнеслись чрезвычайно пренебрежительно, слегка только кивнувъ головою на почтительныя поклонныя, которыми тѣ ихъ встрѣтили. Разыгрываніе «кухни» пріостановилось. Но за то сіяли лица дѣвиць.

— Чтò же, господа, продолжайте! сказала конторщикъ, закуривая папирску и pokrучивая черныя усики.

— Сейчасъ, отвѣчалъ слесарь и опять пошелъ обирать фанты.

Настасья Андревна жаловалась своему кавалеру.

— Ахъ, что только за канпанія собралась! Мнѣ, Алексѣй Николаичъ, съ Соней ужъ хотѣли домой уйти.

— Что вы говорите, Настасья Андревна! возразилъ собесѣдникъ: — канпанія здѣсь отличная, кавалеры самыя интересныя...

— Ахъ, какой вы насмѣшникъ, Алексѣй Николаичъ!

Семинаристъ Розоновъ говорить съ другою образованною дѣвицей.

— Такъ вы скучаете, Софья Петровна?

— Да развѣ можно здѣсь было не скучать, Павелъ Николаичъ? Кромѣ грубостей и мужицкихъ словъ — другихъ удовольствій здѣсь нѣтъ.

— Конечно, для васъ мало въ такомъ обществѣ развлеченія. Это такъ-сь...

Слесарь подходитъ къ первой парѣ.

— Пожалуйте, ваши фантики! говоритъ онъ, обращаясь къ нимъ съ почтительной улыбкой.

— Съ чѣмъ вы хотите назначить? спросилъ конторщикъ Голубевъ.

— Извѣстно съ чѣмъ: теперь чай и сухари нужно разносить.

— Какъ же вы сами назначаете? Я думаю, это надѣе предоставить барышнямъ: первый фантъ съ чѣмъ вы назначите, барышни? отнесся конторщикъ къ дѣвицамъ.

— Съ розаномъ! отвѣчало нѣсколько голосовъ.

— Съ кораблемъ! говорили другіе.

— Нѣтъ, лучше съ розаномъ!

Слесарь потрясъ платокъ, а х'ззяйка опустила руку и вынула перстень.

— Чей супиръ?

— Мой! сказала одна дѣвица и встала.

Слесарь подаль ей перстень.

— Еслибы я была розаномъ, гдѣ бы вы меня пришилили? обратилась она къ конторщику.

— Къ сердцу! отвѣтил тотъ и приложилъ руку къ груди.

— Поворно васъ благодарю.

Дѣвица шла дальше. Кто говорилъ: «къ пламенной груди», кто—«на манишку», кто «въ голову» и т. д. Дошла очередь и до Ивана Елистратича, который ужъ находился въ состояніи легкаго забытья.

— Пришилили?... Кого пришилили?—спросилъ онъ вдругъ, придя въ сознаніе.

— Еслибы я была розанъ, гдѣ бы вы меня пришилили? — повторила вопросъ дѣвица.

— Поцалуй, такъ скажу.

— Съ чего ты это взялъ? Чай, въ этой игрѣ не цалуются!

— Ну, такъ проваливай мимо!

Одна изъ образованныхъ дѣвицъ презрительно замѣтила:

— Какое вѣжливое обращеніе!

— Необразование! сказалъ семинаристъ Розоновъ. — Софья Петровна, чѣмъ вы занимаетесь въ часы свободы и отдохновенія? спросилъ онъ у сосѣдки.

— Читаю книжки, Павелъ Николаичъ!

— Прекрасное занятіе! Какія же вы книжки читаете: историческія или романческія?

— Всякія... Я больше люблю романы, ну и хорошенькіе стихи... Вотъ я недавно читала романъ «Черный гробъ или кровавая звѣзда». Сочинитель въ этомъ романѣ говоритъ объ атаманѣ разбойниковъ, который влюбленъ въ одну барышню... Да вы, можетъ быть, и сами читали эту книжку?

— Нѣтъ-съ, не читалъ.

— Ахъ, прочитайте! Я вамъ скажу, такъ хороша, что просто чудо! Особенно тамъ подземелье какое-то представлено, и въ это подземелье атаманъ желѣзная рука влечетъ обворожительную Авсинью... Даже я безъ слезъ читать не могла!

— Какое у васъ нѣжное сердце! сказалъ Розоновъ. — Если бы вы такъ же сочувствовали и другимъ, которые по васъ страдаютъ! прабавилъ семинаристъ съ легкимъ вздохомъ, сопровождаемымъ пламеннымъ взглядомъ.

— Вы, кажется, говорите мнѣ канплименты... Ахъ, я могу сконфузиться! не говорите, мнѣ очень стыдно!..

Приващикъ Алексѣй Николаичъ, бесѣдуя съ Настасьей Андреевною, также разговоръ перенесъ на тему о сердцѣ, съ тою только разницею, что тема Розонова имѣла характеръ болѣе идеальный, тогда какъ тема приващика имѣла чисто реальное содержаніе. Онъ, затагиваясь дымомъ папироски, говорилъ:

— Вы увѣрили меня, что она къ нему не равнодушна, а я вамъ скажу, что этому вѣрить нельзя. На словахъ барышни обѣщаютъ много, а на дѣлѣ ничего!

— Но вы войдите только въ ея положеніе, тихо, но въ то же время чрезвычайно выразительно говорила Настасья Андреевна:— она къ нему неравнодушна, сердце ея не знаетъ себя никакого покоя, но что же она можетъ сдѣлать, когда есть люди, которые за нею смотрятъ? Поймите же вы, наконецъ, это!

Пара говорила лично о себѣ, но чтобы вести разговоръ съ большей свободою, тотъ и другой о себѣ упоминали въ третьемъ лицѣ.

— Нѣтъ-съ, Настасья Андреевна, я не могу вамъ повѣрить— извините меня!— до тѣхъ поръ, пока она ему не назначитъ свиданія наединѣ...

— Вы ищите ея погубель!

— Одного только доказательства!

— Однако, какъ это жестоко съ вашей стороны!

Въ разговорахъ и игрѣ въ фанты незамѣтно летѣло время. Было уже два часа за полночь. Зрители почти всѣ разошлись, въ избѣ осталось нѣсколько человѣкъ, и то больше сляпихъ гдѣ-нибудь на поляхъ или печи. Изъ-за перегородки Гаврилиха вынесла подносъ, уставленный чайными чашками, которыя также на этотъ случай, какъ и подносъ, были выпрошены у купчихи Александры Васильевны. Дѣвицы принялись за чай, а холостые, исключая приващика съ конторщикомъ и семинариста, выжидали, когда освободятся чашки.

— А скажите мнѣ, Павелъ Николаичъ, что значитъ слово «ода»? спрашивала любознательная Софья Петровна у семинариста.

— Ода?—семинаристъ задумался немного. — Ода есть лирическое изображеніе извѣстнаго чувствованія, продолжалъ онъ вдохновившись: — въ которомъ восторженный цитъ, забывая все земное, переносится въ міръ безконечный...

— Какъ это мудрено! замѣтила сосѣдка.

Иванъ Елистратичъ, услышавшій восторженное опредѣленіе оды, вскинулъ голову и уставилъ глаза на питомца семинаріи.

— Закомуристой! пробормоталъ онъ и снова погрузился въ сладкую дремоту.

Фанты шли своимъ чередомъ. Назначили «монаха». Конторщикъ Голубевъ подошелъ къ столу и стучить.

— Кто стучить? спрашиваютъ дѣвщицы.

— Монахъ.

— Зачѣмъ пришолъ?

— За монашеною.

— За которой?

Конторщикъ окинулъ пристальнымъ взглядомъ дѣвщицъ и остановился на Агашѣ.

— Пожалуйте вы!

Агаша поднялась, подошла къ конторщику и поцаловала его.

— Благодарю васъ, сказалъ конторщикъ и сѣлъ на мѣсто.

Агаша почему-то выбрала себѣ въ монахи Ивана Елистратыча.

— Иванъ Елистратычъ!

— А?

— Вставай, тебя въ монахи желаютъ!

Иванъ Елистратычъ всталъ, поглядѣлъ на всѣхъ и неровнымъ шагомъ направился къ двери, остановился, постоялъ немного и опять вернулся на мѣсто.

Въ публикѣ смѣхъ.

— Што же ты, монахъ, не идешь къ монашенѣ? спрашиваютъ его.

— Наплевать... все выпили...

Конторщикъ подлетѣлъ къ Агашѣ и сказалъ:

— Возьмите меня въ монахи!—и, не давъ ей отвѣтить, быстро поцаловалъ.

Юноша Вася поблѣднѣлъ, а Настасья Андреевна сдѣлала гримаску.

— Какая это дѣвчонка гадкая! проговорила она въ полголоса, обращаясь къ прикащику.—Напрасно Никандра Васильичъ съ ней занимается.

— Что такое? спросилъ прикащикъ.

— Здѣсь стекла выбили изъ-за нея!

— Вотъ какъ! А какая скромная... Такъ я васъ провожаю сегодня?

— Ужь вы!

Гавриликъ обносилъ чаемъ холостыхъ. Иванъ Елистратычъ отказался-было, но потомъ принялъ и сталъ пить. Выпивъ чашку, онъ пожелалъ другую, а затѣмъ и третью.

— Вотъ поди ты, какаа оказія, рассуждалъ вслухъ Иванъ Елистратычъ:—думалъ, што я усну, а выпилъ чай, и прошло!

Надо эвте мнѣ запомнить. И голова свѣла... Ахъ, да я теперича опять могу выпить сколько угодно, ей-богу!

Во время игры, дѣвцы оказывали большую любезность моднымъ кавалерамъ, какъ они называли првканина, конторщика и семинариста, и больше цаловались и говорили съ ними, чѣмъ съ другими холостыми, что послѣднимъ крайне не нравилось. Особенно разобидѣлся слесарь, когда Софья Петровна «тонула въ холодцѣ», и онъ изъявилъ желаніе вытанцить ее, а она сказала, что напрасно онъ беспокоится, что найдутся, и кромѣ его, другіе, которые спасутъ ее.

— Выденте, братцы, прохолодиться! сказалъ оскорбленный слесарь.

Въ сѣняхъ почти стемнѣло. Нагорѣвшая свѣча слабо освѣщала только одинъ уголокъ, гдѣ стояли.

— Гдѣ же Власычъ? спрашивали холостые.

— Никого нѣтъ, и Федюшка пропалъ...

— Загляни-ка кто нибудь въ чуланъ!

— Снимите, братцы, со свѣчки, а то не видать ничего.

Власыча отыскали спящимъ въ шубахъ.

— Вставай, надо выпить!

Максимъ Власычъ вскочилъ какъ встрепанный.

— Неужто вы еще здѣсь?... Ахъ, милне! Сичасъ, съ удовольствіемъ, водка тутъ... Эхъ, какъ пережилось! Вотъ когда выпить-то хорошо!

— Наливай, наливай проворнѣе!

— Слушайте, братцы, говорилъ слесарь, урѣзывая одинъ за другимъ два стакана:—теперича, я полагаю, намъ ничего кромѣ не остается дѣлать, какъ только пить...

— Што вѣрно, такъ вѣрно! согласился Иванъ Елистратичъ.

— Все хорошо шло, а какъ пришли эти страулисты, и дрянъ дѣло стало, продолжалъ слесарь:—дѣвки теперича и вниманія на насъ не обращаютъ... Неужели мы хуже ихъ, а?

Максимъ Власычъ, со стаканомъ въ рукѣ, стоялъ передъ Иваномъ Елистратичемъ и кланялся улыбаясь.

— Будь здоровъ!

— Пей!...

— Нѣтъ, мы имъ покажемъ себя, кто мы есть! говорилъ рязчикъ.—Што же мы будемъ послѣ этого... Передай стаканъ!

— Нѣтъ, ты скажи мнѣ, не унимался слесарь:—што я хуже поповича? Я первый мастеръ на заводѣ считаюсь, а она какую штуку со мной сыграла! Вѣдь это обидно!...

Набойщикъ Трофимъ предложилъ успокоиться.

— Будетъ; будетъ вамъ, братцы!... Ей-богу, некоршо...

Т. СLXXX. — Отд. I.

12

— Трофимъ! ты опять? сказалъ Иванъ Елистратичъ.—Молчи! Юный граверъ отозвалъ въ сторону Власыча.

— Максимъ Власычъ, дай ты мнѣ стаканчикъ! Хочу я попробовать, што это за вино такое, што всё шмыть и веселы отъ него бывають.

Максимъ Власычъ даже возрадовался такой просьбѣ.

— Ай, паренегъ, за разумъ взялся! Давно бы ты мнѣ сказалъ, а то во весь цѣльный вечеръ ни одного стаканчика не пропустилъ. Ахъ, милый, милый!.. На-ка... Погоди, депрешъ я самъ... Будь здоровъ!

Когда Власычъ поднесъ Васѣ, тотъ съ такой молодцоватостью хлопнулъ весь стаканъ, что можно было подуматъ, что онъ давно подвизается на этомъ пути.

— Еще хочу! крикнулъ Вася, подставляя стаканъ.

Иванъ Елистратичъ медленно повернулъ голову.

— Кто это кричитъ?... Ватюшки! отрогъ Васька!... Стой, а не то расшибу! ревъль Иванъ Елистратичъ, кидаясь къ днюшѣ.

— Давай, Власычъ, я пить хочу! кричалъ Вася, отпихивая отъ себя набойщика.

— Васька! што это?... Понимаешь ли ты, подлець, што на погибель свою идешь?... Не пей!... Вася, сирота ты божій, не пей!... Вспомни, у тебя родительница есть!

— Теперь мнѣ ни до кого нѣтъ дѣла!.. Она... безчестная! а я жениться на ней хотѣлъ!...

А въ избѣ всё были такъ веселы и довольны, что даже никто и не вспомнилъ объ отсутствіи холостыхъ. Приглашивъ разеазывалъ такіе смѣшныя анекдоты, отъ которыхъ дѣвчцы хохотали до слезъ. Домна Сидоровна, дѣвица далеко невеселаго нрава, и та повременамъ фыркала и говорила сосѣдкѣ:

— Какой этотъ парень смѣшныи! Вотъ я люблю тавихъ-то!...

Гаврилица тоже выгодно отзывалась о приглащикѣ.

— Вотъ врать-то умѣть — не приведи Владико милостивый! Ну, такой-то люблю дѣвцу обидеть!

Одна Агаша не глядѣла веселою и ни разу не усмѣхнулась. Сидѣла она убитою, съ опущенными глазами и съ горькою мыслью о своемъ недавнемъ безчестьѣ. Она готова была уйти съ дѣвчница, бѣжать куда-нибудь, лишь бы только не встрѣчать и не видѣть насмѣшливыхъ людскихъ глазъ, которые на частіи терзали ея молодое сердце; но она не смѣла уйти, ей некуда было идти... «Что я имъ сдѣлала, за что они осрамили меня?» не выходило у ней изъ головы и ни на минуту не давало ей покоя. «И Вася тутъ былъ, что онъ обо мнѣ подумаетъ?... Что завтра скажетъ его мать, когда узнаетъ... Ахъ я несчастная!»

— Скажите мнѣ, о комъ вы мечтаете? спрашивалъ у Агаши конторщикъ, желая вызвать ее на разговоръ. — Повѣдайте мнѣ тайну вашего сердца!

Кругомъ смѣялись.

— Не спѣть ли намъ пѣсенку, господа? предлагалъ товарищамъ Розоновъ.

— Ахъ, это будетъ очень великодушно! находила Софья Петровна.

— Только съ однимъ уговоромъ, сказалъ прикащикъ: — вы, барышни, не бѣгите, когда мы запоемъ!

— Какой смѣшникъ!

Молодые люди вагѣли «романсъ», только что начинавшій входить въ большую моду въ селѣ Бубновѣ.

Въ одной знакомой улицѣ
Я помню старый домъ,
Съ кисовой темной лѣстницей,
Съ зашпаннымъ окномъ.

Дѣвцы слушали съ великимъ удовольствіемъ пѣніе, а Настасья Андреевна и Софья Петровна не спускали глазъ съ пѣвцовъ.

Какая чудо дѣвица,
Въ заѣтный часъ ночной,
Меня встрѣчаетъ блѣдная
Съ распушенной косой.

— Какъ поютъ!

— Очаровательно!

Холостные давно вернулись и сидѣли на скамейкѣ. Имъ, видимо, хотѣлось помѣшкать пѣвцамъ, но они не знали, какъ это сдѣлать, и потому всѣ разомъ начали кашлять.

— Простудились, господа? сказалъ прикащикъ, оборачивая къ нимъ голову.

— Нѣтъ, мы не простудились, заговорилъ слесарь. — Вы здоровы ли? а мы ничего... Дѣвушки, што же вы фантныи-то оставили?

— Разыграли всѣ, отвѣтилъ прикащикъ: — вы долго ужъ очень прохолождались...

— Не ваше дѣло, вамъ учить насъ не приходится.

Гавриликъ шепнула дочери:

— Што глядишь, подавай скорѣе пирога, а то вишь холостные-то какъ наливались!

Анна Максимовна взяла блюдо, на которомъ лежалъ нарѣзанный по числу гостей на равныя доли пирогъ, и стала обносить гостей. Образованныя дѣвцы отказались отъ пирога, но поло-

жили на блюдо по полтиннику; кавалери бросили по рублевой бумажкѣ. Слесарь, не желая уступить страдулистамъ, тоже купилъ рублевый билетъ, а Иванъ Елистратичъ вывалилъ всю мѣду, которая оставалась у него въ карманѣ, и захватилъ съ блюда двѣ доли пирога.

— Отрокъ! на, съѣшь пирога!

Анна Максимовна собрала на пирогъ около восьми рублей.

— Што же, дѣвушки, займитесь еще въ фантики! приставалъ слесарь.

— Домой пора! сказалъ прикащикъ.

— Васъ не держать, поди съ богомъ!

— Напрасно вы думаете, што мы васъ держимъ, вмѣшался и рѣзчикъ: — мы желаемъ заняться съ дѣвушками, а не съ вами...

Но дѣвицы переговорили, что де холостые напились и того гляди, что дебошъ какой учинять, а потому лучше по домамъ расходиться. Притомъ образованныя дѣвицы стали ужъ прощаться съ хозяйкой.

— Прощайте, Анна Максимовна!

— Прощайте, милны! Просимъ милости не взмекать на насъ! Чего не хватаетъ, собой просимъ скрасить! говорила Анна Максимовна, цалуясь съ дѣвицами.

Холостые сидѣли и злобно на всѣхъ поглядывали.

— Можно, чай, сдѣлать для насъ удовольствіе, говорилъ слесарь: — останьтесь не на долго!

Но ихъ никто не слушалъ.

Звѣзды еще ярко блестя надъ селомъ Бубновымъ, но въ холодномъ воздухѣ уже чувствовалось, что утро приближается и недалеко. Скоро раздались свистки, сигналы къ трудовой жизни, и поднали на ноги все снѣщее царство труда. Въ улицахъ началось движеніе; замелькали люди и послышались голоса.

— Экой холодище-то сегодня — страсть!

— Да, морозъ ничего! Хорошо, у кого теперяча теплая шуба есть!

— Побѣжимъ скорѣе, такъ до завода лучше всякой шуби согрѣмса!

— И то дѣло...

Этимъ временемъ расходились и съ дѣвичника Анны Максимовны. Прикащикъ и семинаристъ пошли провожать образованныхъ дѣвицъ, а конторщикъ навязался въ провожатые къ Агашѣ.

— Что вы молчите все? говорилъ конторщикъ. — Развѣ вамъ не пріятно со мной идти?

— Нѣтъ, ничего...

— Отчего же вы со мной не говорите?.. Послушай, Ага-

на! продолжать конторщикъ, обнявъ вдругъ дѣвушку:—полюби меня!...

Агаша впрвчалась.

— Што вы это? Какъ вамъ не стыдно! сказала она голо-
сомъ, въ которомъ слышались слезы.

— Полно, не размыгривай изъ себя невинности, вѣдь я
знаю все...

Дѣвушка кинулась отъ конторщика въ переулокъ, въ кото-
ромъ находилась ея изба. Молодой человекъ хотѣлъ броситься
за нею, но подумалъ и не пошелъ.

— Ну, не уйдешь еще, будетъ наша! сказалъ онъ и напра-
вился дальше по улицѣ...

Агаша добѣжала до своей избы и остановилась у воротъ. Она
оглянулась и увидѣла, что кто-то идетъ, но только не контор-
щикъ; она стала всматриваться.

— Вася, это ты? слабо окликнула дѣвушка поднеденнаго не
совсѣмъ твердымъ шагомъ къ ней юнаго гравера.

Вася какъ подошелъ къ ней, остановился, такъ и стоялъ не-
подвижно и безъ словъ, только уставилъ на нее глаза.

— Васенька, што съ тобою? заговорила она, прижимаясь къ
ствѣнѣ избы.

Вася вздохнулъ и сказалъ:

— Ничего... я пьянъ только... Обманула ты меня, Агаша!

— Господи, и онъ на меня! Да развѣ моя вина, што Андрюш-
ка пристаесть ко мнѣ, а я не поддаюсъ ему?...

— Нѣтъ, еслибы у тебя ничего съ нимъ не было, онъ не
сталъ бы стекла бить... Нѣтъ, ты съ нимъ...

— Васенька, не мучь хоть ты меня, молила дѣвушка, кидаясь
на шею къ юношѣ:—и такъ я много отъ напраслины людской
терплю! Господи!..

Вдали слышна пѣсня:

Стуль, брякъ во колетво,
Выйди, панна, на крылечко,
Дай коню води!

Это пѣли семинаристъ и прикащикъ, возвращаясь съ прово-
довъ домой.

— Погляди, кто-то лежитъ? сказалъ прикащикъ, завидя на
снѣгу человѣческую фигуру.

— Подойдемъ.

Фигура силсилась приподняться и что-то бормотала.

— Ва, да это съ дѣвичника молодець-то!

— Ничего... я встану... Я такъ отдохнуть прилежъ, бормо-
талъ молодець.—Пособите, братцы!..

— Дѣлать нечего, Николаичъ, надо его поднять! сказалъ семинаристъ.

Стали поднимать.

— Да это кто?... А, Мокей... спасибо!... Эхъ, Иванъ Елистратовъ! ослабъ, братъ, ты, ослабъ... говоришь набойщину, становись на ноги. — Ну, теперича я и одинъ... Дойду... Спасибо...

Часовъ около двѣнадцати дня, Максимъ Власичъ во весь духъ несся въ кабакъ, держа подъ мышкою шерстяное дочернино платье.

— Держите, держите! кричала бѣгушая вслѣдъ за нимъ Гаврилка.

— Разбойникъ! душегубъ!...

— Обижаютъ, обижаютъ! кричалъ въ свою очередь и Власичъ.—Одинъ гривенникъ за весь двѣдичникъ дали всѣмъ... Обижаютъ, православные!

Вотъ какіе двѣдичники биваются въ селѣ Вубновѣ и какъ весело отъ нихъ приходится добрымъ людямъ.

Филиппъ Неждовъ.

ОБЛАКА.

(Поэв. Г. А. Ларошу.)

Я лежалъ на травѣ и глядѣлъ
Какъ по небу плывуть облака;
Вѣтеръ листьями клена шумѣлъ,
Ихъ ко мнѣ нагибая слегка.

И неслись облака надо мной,
Исчезая и тая вдали...
Они солнце ревниво собой
Заслоняли порой отъ земли.

Будто солнцу хотѣли сказать:
«Не дари ты ей теплыхъ лучей!
Перестань, перестань согрѣвать
Эту землю любовью своей!

Гдѣ сгустилась вечерняя мгла,
Гдѣ твой пламенный лучъ догорѣлъ,
Сколько тамъ совершается зла,
Сколько темныхъ, неправедныхъ дѣлъ.

Развѣ ласкъ она стоитъ твоихъ?
Развѣ, грѣшная, любить тебя?
Намъ однимъ ты сияй! Намъ однихъ,
Непорочныхъ и чистыхъ любя.»

И неслись по степямъ голубымъ
Облака, въ безконечную даль, —

Исчезая одно за другимъ;
Но, казалось, ихъ солнцу не жаль.

Не хотѣло оно чистоты
Ихъ холодной на землю мѣнять,
И горячимъ лучемъ съ высоты
Стало грѣшную землю лобзать...

А. Плещинъ.

Царицыно. Июл 14.

КРЕСТНИЦА МИНИСТРА.

(MADAME FRANEK, par Robert Halt).

I.

Господинъ Сандріэ праздновалъ свадьбу единственной своей дочери Жюльетты, и давалъ по этому случаю балъ. При блестящій тисачи огней, при громѣ музыки, среди шума отъ разговоровъ множества раздраженныхъ гостей, Сандріэ буквально плавалъ въ океанѣ блаженства. Да и было отчего радоваться: дочь его дѣлала блестящую партію. Зять Сандріэ, человекъ лѣтъ тридцати-пяти, при изящной внѣшности, обладалъ капиталомъ, приносящимъ двѣсти тысячъ ливровъ годоваго дохода. Фамиліа его была Френе, онъ былъ вдовъ и имѣлъ отъ первой жены сына, мальчика лѣтъ десяти, хоти и казался несравненно моложе своихъ лѣтъ. Но Сандріэ былъ обвороженъ своимъ зятемъ не потому, что послѣдній обладалъ красивою и благородною наружностью, не потому, что общій голодъ признавалъ за нимъ обширный умъ и блестящія способности, не потому даже, что Френе былъ очень богатъ и велъ открытую и роскошную жизнь. Все это, конечно, по взгляду Сандріэ, было дѣломъ не лишнимъ, но главное достоинство Френе заключалось не въ томъ. Деньги были и у Сандріэ: оставивъ не задолго до того торговлю полотнянымъ товаромъ, Сандріэ и самъ имѣлъ кругленькій капиталецъ, дававшій ему ежегодную ренту въ пятьдесятъ тысячъ ливровъ, а при такомъ капиталѣ, понятно, что и онъ пользовался полнымъ уваженіемъ всѣхъ своихъ друзей и знакомыхъ. Для полнаго счастья Сандріэ, ему неоставало другого. Женившись, лѣтъ двадцать-пять назадъ, на молоденькой дѣвушкѣ Эрнестинѣ Лавонъ, онъ былъ свидѣтелемъ, какъ одинъ изъ ея двоюродныхъ братьевъ, въ теченіе этого времени, успѣлъ изъ скромныхъ клерковъ адвоката, достигнуть званія министра и жениться на кровной аристократкѣ, которая, впрочемъ, умерла уже года за два до начала нашего разсказа. Этого-то родственника-министра

портить всю кровь Сандриэ, величіе его совершенно подавляло нашего буржуа и мѣшало ему жить. Хотя Лавонь и относился къ Сандриэ благосклонно, но принималъ его въ свой отель не болѣе двухъ или трехъ разъ въ годъ, а покойная его жена чуть не презирала своихъ ничтожныхъ родственниковъ. Исключеніе было только для Жюльеты, которой Лавонь былъ крестнымъ отцемъ. Онъ очень любилъ ее — и она часто, вмѣстѣ съ своею матерью, проводила дѣльные часы въ кабинетѣ министра. Бракъ Жюльеты съ Френэ нѣсколько подымалъ фонды Сандриэ: зять его происходилъ изъ хорошей фамиліи, и въ числѣ его прабабушекъ, считалась нѣкая дѣвица Монтморъ, славившаяся при своей жизни необычайною набожностью и благосклонностью Людовика XV, такъ что имя ея до сихъ поръ съ благоговѣніемъ вспоминается во всемъ сень-жерменскомъ предмѣстьѣ. Это-то и наполняло радостью сердце Сандриэ. Кроме того, Френэ былъ школьнымъ товарищемъ Лавоня, хотя они и не любили другъ друга, и министръ уже не однажды имѣлъ случай высказывать къ первому свою неприязнь. Бракъ Френэ съ Жюльетой былъ для него неожиданностью; до того онъ нерѣдко выражалъ мысль, что онъ самъ позаботится о судьбѣ своей крестницы и найдетъ ей мужа. Такимъ образомъ, Сандриэ, выдавая дочь свою за Френэ, протѣялъ желанія Лавоня, какъ бы чванлился своимъ авторитетомъ отца, и посмѣиваясь, рассказывалъ своимъ знакомымъ, что онъ устроилъ богатый бракъ своей дочери наперекоръ *протестальствоу* (такъ онъ называлъ своего родственника-министра).

Бракъ дочери въ то же время радовалъ Сандриэ еще и потому, что освобождалъ его отъ нѣкоторыхъ неприятностей, неизбежныхъ въ семейномъ быту. Жюльета, дѣвушка съ энергической волей, въ молодости своей, весьма не рѣдко бѣсила его своею неноворностью, а Сандриэ принадлежалъ въ числу людей, требовавшихъ отъ всѣхъ лицъ, находившихся отъ него хотя въ какой-либо зависимости, безусловнаго повиновенія. Безъ этого онъ не умѣлъ жить, а хотѣлъ не только жить, но даже и наслаждаться. Тучный, кѣштуцій, розовый, подвижный, онъ казался гораздо моложе своего возраста. Онъ говорилъ всегда громко и рѣзко, заливался звучнымъ смѣхомъ и не любилъ никого стѣсняться въ своихъ грубыхъ манерахъ и выраженіяхъ; однимъ словомъ, онъ представлялъ собою олицетворенный эгоизмъ и безцеремонность, и при избыткѣ здоровья—сознаніе своей физической силы. За женщинами онъ не признавалъ никакихъ ни правъ, ни достоинствъ, и относился къ нимъ, какъ къ безвольнымъ и жалкимъ созданіямъ, и былъ въ семейномъ быту въ полномъ смыслѣ деспотомъ. Взгляды его еще болѣе урѣзнялись

въ немъ со времени брака; судьба послала ему въ Эрмистинѣ Лавонь безотвѣтное существо, проткое и слабое, до замужества уже совершенно загубленное всевозможнымъ гнетомъ своего дѣтства и воспитаніемъ: съ перваго же дня брака, она обратила свою жену въ совершенное ничтожество. Виѣшность госпожи Сандрисъ— даже при большой обстановкѣ, — представляла совершенный контрастъ виѣшности ея мужа, и возбуждала невольное состраданіе: женщина сорока лѣтъ, слабая и миниатюрная, она казалась въ одно и те же время и старухой и ребѣнкомъ. Блѣдая, худая, съ сѣдыми волосами, она казалась какъ бы погребенною въ большомъ гробѣ, въ которомъ она сидѣла, вдрагивая всякій разъ при голосѣ своего мужа, и только нѣжность чертъ ея лица нѣсколько украшала эту живую развалину.

Балъ представлялъ картину чрезвычайно оживленную. Новобрачная была очень хороша собою, и блѣный нарядъ невѣсты чрезвычайно шелъ къ ея красивому, благородному и оживленному лицу. Но она была такъ блѣдна и задумчива, что невольно обращала вниманіе на себя окружающихъ. Это особенно поразило одну изъ ея подругъ, Элизу Леквилли, молодую женщину, которая была всего-на-все полутора годами старше Жюльетты, хотя уже семь лѣтъ была замужемъ и имѣла двоихъ дѣтей. Она пріѣхала на балъ, за полтора года верстъ, изъ Терръ-Бланша, гдѣ мужъ ея имѣлъ фабрику. Замѣтя расстройство Жюльетты, она подошла къ ней между двумя вадриллини, взяла ее подъ руку, и отвела въ одну изъ внутреннихъ комнатъ, гдѣ, усѣвшись съ нею на диванъ, спросила ее:

— Что съ тобой? на тебѣ лица нѣтъ! Ты такая хорошенькая, и совсѣмъ не похожа на счастливую невѣсту.

— И ты спрашиваешь?... я оставляю свою мать, зная, какая участь ее ожидаетъ.

— Не развѣ твое пребываніе здѣсь сколько-нибудь улучшало ея положеніе? Я думаю напротивъ, отецъ твой станеть къ ней теперь, вѣроятно, снисходительнѣе... но ты неоткровенна. Не можетъ быть, чтобъ одно это составляло причину твоей задумчивости... Я спрошу прямо: любишь ли тебя твой мужъ?

— Не знаю.

— Любишь ли ты его, по крайней-мѣрѣ?

— Право, ничего не могу сказать... Чувство, испытываемое мной, какое-то смѣшанное... Я чего-то боюсь; не то, чтобы я боялась лично его, она, напротивъ, кажется мнѣ человекомъ весьма деликатнымъ и даже... симпатичнымъ; но съ самаго моего обрученія, я чувствую какой-то страхъ, который я скривала въ себѣ, боясь огорчить этимъ мать... Я боюсь, не всё ли

мужчины обращаются съ своими женами такъ, какъ дѣлаетъ это отецъ мой?...

— Ахъ, какъ досадно, что я живу далеко отъ Париза, и мы увидимся не раньше двухъ мѣсяцевъ, когда ты возвратишься уже въ поѣздѣ въ Италию, въ замокъ твоего мужа... я бы тебѣ все рассказала... Все зависитъ отъ насъ самихъ — и въ эти-то два мѣсяца ты и должна устроить все такъ, чтобы быть не рабою своего мужа, а его госпожей... Все дѣло въ томъ, чтобы сразу сдѣлать забрать власть въ свои руки... и молодая женщина, взгляды за этими словами начала развивать извѣстную теорію, какъ женщина, помощью кокетства, капризовъ, притворной холодности и т. д., можетъ постепенно завладѣвать корнемъ семейнаго управленія. Но Жюльета остановила ея безсердечное краснорѣчіе простыми и исполненными чувства словами:

— Нѣтъ, Элиза, я вижу, что ты говоришь шутя, а мнѣ совсѣмъ не до шутокъ... Я не раздѣляю твоихъ взглядовъ, и не того хочу отъ жизни: я хочу жить, и жать исполнѣ и умомъ и сердцемъ. Я совершенно неопытна, я ничего не знаю: ни жизни, ни свѣта, ни даже характера того человѣка, съ которымъ я навсегда связана, но я знаю одно: нѣтъ преступленія страшнѣе убійства другаго человѣка, еслибы это было даже и убійство безкровное, каковъ я видѣла дома... Мужъ мой не долженъ быть деспотомъ... Всѣ удивляются его уму; а развѣ, дѣйствительно свѣтлый умъ возможенъ безъ доброты? Говорять, онъ безъ памяти любитъ своего сына.

— Не знаю, не слыхала; ты знаешь, что я только-что пріѣхала изъ деревни... однако, я обѣщала танцовать этотъ кадрили, пойдемъ въ залу.

Подруги встали и пошли въ залу; на порогѣ Жюльета показала глазами своей подругѣ на Френу, который разговаривалъ въ это время съ какой-то старухой важнаго вида. Вся осанка его дышала сознаниемъ собственнаго достоинства и необходимою граціею. Онъ говорилъ слегка наклонившись, развязно и оживленно.

— Какъ ты его находишь? спросила Жюльета.

— Онъ очень изященъ и исполненъ благородства; должно быть, онъ хорошо говоритъ...

— Онъ мыслитель! сказала Жюльета съ просвѣтлѣвшимъ лицомъ: — а я такъ часто мечтала быть женою умнаго человѣка.

Въ это время Френъ раскланялся съ своею собесѣдницей, отошелъ къ амбразурѣ окна, и казалось, дѣлалъ какой-то выговоръ своему сыну. Сынъ почтительно его выслушалъ и подаловалъ его руку...

— Вот это уж немножко сильно, зашептала Элиза: — давать целовать свою руку при гостях. Смотри, чтобъ онъ и тебя не сталъ приучать въ такой церемоніи...

Френэ замѣтилъ свою жену и подошелъ къ ней.

— О чемъ это вы такъ весело говорите? спросилъ онъ у Элизы.

Френэ казался человѣкомъ большого свѣта, случайно попавшимъ въ буржуазное общество. Когда онъ приближался къ женѣ, въ его легкой, хотя и медленной походкѣ, выражалось какъ бы сознаніе своего величія. Лицо его было серьезно, и выраженіе его сосредоточенное. Сѣрые глаза его свѣтились какъ бы улыбкою, и это выраженіе глазъ одно только оживляло его фигуру; во всемъ остальномъ, нѣсколько нахмуренномъ лбѣ, въ сжатыхъ губахъ, въ его сдержанной жесткости и манерѣ разговора, было что-то таинственное. Онъ былъ похожъ на глубокаго мыслителя, рѣшающаго какую-нибудь запутанную задачу, общающуюся человѣчеству неисчерпаемое благополучіе, но столько же напоминалъ и хорошаго актера, играющаго трудную роль, или человѣка до жюга костей пропитаннаго тисцеславіемъ. При среднемъ ростѣ, онъ отличался замѣчительно маленькими, аристократическими руками, и ногами такихъ же размѣровъ.

— Развѣ любопытствовать о чемъ говорить между собою двѣ женщины, достойно вниманія серьезнаго человѣка? отвѣчала на слова его Элиза.

— Я хотѣлъ порисоваться передъ вами своей проникательностью. Держу пари, что вы сейчасъ давали женѣ моей самыя милая совѣты относительно новаго рода ея жизни, замѣтилъ онъ съ улыбкой.

— Вы отгадали, отвѣтила за подругу Жюльета: — и чтобы доказать, что совѣты эти были, дѣйствительно, самыя добрыя, я хочу ими воспользоваться и побыть подольше съ вами. Дайте мнѣ вашу руку, и проводите меня къ шаман; я хочу видѣть, не слишкомъ ли она утомилась.

И Жюльета, съ трогательнымъ довѣріемъ, облокотилась на руку, поданную ей Френэ. Когда они подошли къ креслу, на которомъ сидѣла госпожа Сандрію, она имъ ласково улыбнулась, хотя и была замѣтно утомлена. Сандрію-отецъ, стоявшій подлѣ нея, выходилъ изъ себя, громко горячился, и каждый звукъ его голоса повидимому болѣзненно отдавался въ ея сердцѣ. Поводомъ къ гнѣву Сандрію было отсутствіе на балѣ министра.

— Неужели же онъ не пріѣдетъ? кричалъ онъ во весь голосъ. — Право, всѣ эти государственные люди — люди безъ всякаго сердца. Такой день, крестница выходитъ замужъ, а ему, видите, не-

пристойно прѣхать во время. Ей-Богу, всё тѣ, кто не имѣеть въ семьѣ знати, гораздо счастливѣе насъ, а чортъ-ли въ министрѣ-родственниковѣ, когда даже въ такой день его нельзя назвать своимъ знакомымъ. Какой же протъ въ немъ?

— Пара, крото замѣтила Жюльета: — вы общали мнѣ сдерживаться въ своемъ обращеніи съ матерью. Вашъ голосъ дѣйствуетъ на ея нервы.

— Вотъ еще глупости. Напротивъ, я давно, чуть не двадцать лѣтъ не видалъ твоей матери въ болѣе спокойномъ и цѣлѣтущемъ состояніи. Не правда ли, Эрнестина? Видь ты совершенно здорова и весела?

Бѣдная женщина кивнула головою въ знакъ своего согласія съ мнѣніемъ мужа. Каждая его правда была для нея правдою обязательной, хотя бы онъ задумалъ утверждать, что сутки состоятъ не изъ 24-хъ, а изъ 72-хъ часовъ, — положеніе, въ родѣ которыхъ ему не однажды случалось проповѣдывать.

Въ это время входная портьера приподнялась и вошедшій лакей доложилъ о прѣздѣ министра. Сандрію однихъ прыжкомъ бросился въ оркестру, приказавъ играть тушь, другимъ очутился въ передней, и черезъ двѣ минуты вошелъ снова, сопровождая долгожданнаго гостя. Вся толпа гостей — обратилась въ слухъ и вниманіе.

Лавонъ былъ еще довольно нестарый человѣкъ, замѣтно тучный и невысокаго роста. Черты лица его были чрезвычайно тонки, выраженіе лица дышало добродушіемъ, вошедшимъ въ систему.

Онъ извинился передъ хозяйкой за свой поздній прѣздъ, и притомъ на самое короткое время. Онъ долженъ былъ ѣхать въ этотъ день на придворный балъ, что и показывала его полная парадная форма. Двѣ брилліантовны звѣзды украшали его грудь и на бѣломъ жакетѣ яркою діагональю видѣлась лента ордена Почетнаго Легіона. Онъ нѣжно поцаловалъ и поздравилъ Жюльету, подаль руку Сандрію и протянулъ ее съ вышнимъ радушіемъ Френѣ, на что тотъ отвѣчалъ съ граціозною любезностію, хотя въ глазахъ обоихъ засвѣтилась тонкая иронія. Лавонъ опустился въ кресла подлѣ госпожи Сандрію, и вдругъ нихъ быстро образовался цѣлый кружокъ. Министръ сталъ говорить, не обращаясь ни къ кому лично, о причинѣ бала, на который онъ отправлялся, двумя, тремя бойкими штрихами обрисовалъ полетическое положеніе Франціи, и въ то самое время, когда его словами было возбуждено общее вниманіе, сумѣлъ незамѣтно перейти на ординарные размышленія атмосферическаго и климатическаго свойства, то-есть заговорилъ попросту

о погодѣ. Кружокъ при такой диверсiи началъ бистре рѣдѣть. Оркестръ загремѣлъ вальсъ. Сандрiо-отецъ началъ танецъ съ новобрачной; большинство послѣдовало его примѣру. Эрнестина, оставшись съ глазу на глазъ съ своимъ кузеномъ и пользуясь шумомъ музыки, сказала ему дрожащимъ голосомъ:

— Дорогой кузень, именемъ моей дочери, которую вы такъ любите... я хочу просить васъ не отказать въ вашемъ участiи и покровительствѣ тому человѣку, который сдѣлался ея мужемъ...

— Но развѣ онъ нуждается въ поддержкѣ?.. Онъ на хорошей дорогѣ и съ хорошими способностями... самый выборъ его въ жены моей крестницы, dokonчилъ онъ, тонко улыбась: — ручается за послѣднее.

— Все это такъ. Но вы такъ могущественны и великодушны...

— Не на столько, однакоже, чтобы сдѣлать его королемъ, если онъ станетъ этого добиваться, продолжалъ въ томъ же тонѣ Лавонъ.

Эрнестина стала говорить еще тише, какъ бы лихорадочно, безпрестанно прикладывая къ покраснѣвшимъ главамъ своимъ платокъ и безпокойно оглядываясь по сторонамъ.

— Вы на меня сердиты... иначе бы вы не шутили... но какъ совершился этотъ бракъ — я и сама не знаю. Все это устроилось въ нѣсколько дней... я на колѣняхъ умоляла мужа не отдавать ему Жюльетты... онъ не хотѣлъ и слушать... запрета мнѣ не только говорить, но и думать о немъ дурно... я сама недоувѣряю своимъ предчувствiямъ, но этотъ человѣкъ мнѣ не по сердцу. Инстинктъ матери и долги страданiя подсказываютъ мнѣ это... Но мнѣ было жалъ говорить это Жюльеттѣ... Она, кажется, имъ заинтересовалась... требовать отъ нея самоотверженiя я не смѣю... она уже отказала стoлькимъ женихамъ... Сандрiо такъ сердился на нее за это, а Френэ совершенно обворожилъ его своими талантами и капиталомъ въ четыре милiона.

— Посоветовали ли вы однако Жюльеттѣ полное подчиненiе такому мужу? продолжалъ министръ съ легкой иронiей.

— Она воспитана мною въ этихъ правилахъ, отвѣчала Эрнестина, не замѣчая иронiи:—она знаетъ, что молчать, страдать, покоряться — таково назначенiе женщины...

— Вы поддѣрживали всѣ эти взгляды личнымъ примѣромъ вашей судьбы...

— Да, я всегда была несчастна... но дѣло не въ этомъ... мнѣ не долго осталось жить... но я боюсь за нее... у нее такой живой характеръ, я боюсь, что она станетъ возмущаться, и тогда жизнь ея сдѣлается адомъ... Добрый другъ мой... будьте

великодушны къ Френэ... Правда, онъ виновать передъ вами, но забудьте это... Если онъ дѣйствительно женился на Жюльетѣ, чтобъ помириться съ вами... не отталкивайте его... забудьте все. Ваше покровительство принесетъ спокойствіе въ ихъ семейный бытъ... и я буду счастлива, и буду всегда благословлять ваше имя.

Госпожа Сандріэ говорила съ одушевленіемъ, потушавшіе глаза ея наполнились слезами...

— Успокойтесь, кузина, вашъ зятъ смотритъ въ эту сторону, проговорилъ съ кроткою мягкостью министр... — вы знаете, что я всей душой люблю Жюльету.

Вальсъ окончился, и нѣсколько минутъ спустя министр раскланялся съ ховянами и при звукахъ музыки удалился съ бала.

По отъѣздѣ министра, Сандріэ заявилъ своей женѣ полное свое удовольствіе Лавонемъ, прибавляя, что въ его носѣщеніи онъ видитъ доброе предзнаменованіе того, что дочь его будетъ счастлива. Подъ конецъ вечера онъ представилъ женѣ волосальнаго полковника Ламба, устроившаго всю эту свадьбу.

— Сударыня, пробарабанилъ полковникъ: — я съискалъ вашей дочери мужа, человѣка сильнаго и необычайнаго! Положитесь на меня въ томъ, что дочь ваша будетъ необыкновенно счастлива.

Баль окончился. Къ утру молодые отправились въ Италію... Френэ оставилъ сына своего, Камилла, на попеченіи тестя. Сандріэ, удаливши плачущую Жюльету отъ объятій ея матери, сказалъ ей внушительно при прощаньи: «Смотри же, будь почтительнѣе къ своему мужу, чѣмъ была ты къ отцу. Вся твоя обязанность — не мѣшать его господству надъ домомъ и семьей».

II.

Послѣ двухмѣсячнаго путешествія по Италіи, Френэ привезъ жену свою прямо въ свой замокъ Рѣдонъ, построенный въ одной изъ лучшихъ мѣстностей Франціи, — недалеко отъ Парижа. Жюльета была какъ бы очарована, все казалось ей восхитительнымъ сномъ: она страстно привязалась къ своему мужу. Передъ ней открылась неожиданная и роскошная жизнь. Всѣ ея опасенія и сомнѣнія исчезли безслѣдно. Она сама удивлялась, какъ она могла не отдаться прямо и всецѣло такому человѣку, какъ Френэ, на основаніи такого нелѣпаго предположенія, что всѣ мужины люди безъ сердца и похожи на ея отца. Френэ — въ ея глазахъ представлялъ олицетворенный образъ того могучаго героя, на созданіе которыхъ способны одни поэты. Какую силу увидѣла она въ кроткой серьезности обожаемаго человѣка, ка-

кое сладкое ощущеніе нашла въ томъ довѣріи, съ какииъ ему отдалась. Онъ для нея отражался во всемъ: красота природы — напоминала ей его красоту, идеи добра и чести — находили въ немъ свое выраженіе, роскошь ея обстановки, казалось ей, была только отблескомъ тѣхъ душевныхъ богатствъ, которыя лежали въ его умѣ и сердцѣ.

Вель себя Френэ, какъ сказочные принцы. Онъ спускалъ кругомъ себя золото, казалось не придавая этому никакого значенія, безъ расчета и просто. Эта роскошь нравилась Жюльетѣ и льстила всѣмъ инстинктамъ ея развитаго вкуса. Онъ бросалъ деньги такъ же, какъ говорилъ, какъ молчалъ, какъ улыбался, какъ любилъ — съ такимъ тактомъ, которому могъ бы позавидовать самый утонченный джентльменъ. По сравненію съ тѣми людьми, какиихъ Жюльета встрѣчала въ родительскомъ домѣ, Френэ казался чѣмъ-то высшимъ. Самая любовь его выражалась въ такиихъ деликатно застѣнчивыхъ формахъ, что она ничего подобнаго не замѣчала въ мужьяхъ и женахъ своего круга. Онъ, казалось, предоставлялъ ей полную свободу, и не навязывалъ ей постоянно своей опеки, какъ это бываетъ въ мѣщанскихъ семьяхъ, и она глубоко цѣнила этотъ знакъ къ себѣ уваженія отъ таково необыкновеннаго человѣка. Необыкновеннаго... она была въ этомъ убѣждена, она считала его гениальнымъ. Чтѣ онъ дѣлалъ, какъ дѣйствовалъ, чтобы получить на это право, она не знала и даже и не старалась узнавать, но она догадывалась, что это было такъ, по его манерамъ, сдержанной важности, постояннымъ кабинетнымъ занятіямъ и по его краснорѣчивому и частому молчанію, прерывать которое она считала чуть ли не святотатствомъ. Кромѣ того, если ей порою случалось предлагать ему какой-нибудь серьезный вопросъ, онъ тонко улыбался и отшучивался любезно и игриво. Говорилъ онъ ясно, сдержанно и изящно, и умѣлъ быстро и ловко опровергать ея возраженія, если они были наивны или непослѣдовательны. Всякій разъ, когда онъ ловко ее побивалъ — душа ея исполнялась восторгомъ — это служило ей доказательствомъ его надъ ней превосходства, и она считала грѣхомъ мѣшать его продолжительнымъ размышленіямъ. Она довольствовалась чуть не крохами, падавшими на ея долю съ роскошной трапезы его мысли; ей было довольно изрѣдка его видѣть, уловлять его улыбку, намекъ, полуслово и восхищаться имъ, когда онъ порою опускалъ на руку свою голову, какъ бы утомленную отъ избытка мыслей, въ то время, когда ея внутренняя работа отражалась на его челѣ.

Подобные спектакли обыкновенно онъ задавалъ ей раза по два въ сутки, за утреннимъ и вечернимъ кофе. Однажды онъ

даже снисходил до объясненія, почему онъ особенно дорожить такими минутами и какимъ образомъ кофе, возбуждая въ немъ искусственную теплоту, способствуетъ быстрѣйшему притоку мыслей къ его оживленному мозгу.

Недѣли черезъ двѣ, Френэ къ мысли присоединилъ и дѣйствія, а въ дѣйствіяхъ своихъ—не позабылъ и жену. Онъ свозилъ ее въ Пюи, находившееся отъ Редона льѣ въ семѣ, и познакомилъ ее съ мѣстными свѣтскими и духовными властями. Приѣмъ всѣхъ этихъ лицъ, разсидѣвшихся передъ нею въ любезностяхъ, просто удивилъ Жюльету; она наивно передала свое удивленіе мужу.

— Держитесь такъ, какъ должна держаться крестница и родственница министра. Вы нужны этимъ людямъ, а не они вамъ. Вы увидите это сами, по той готовности, съ какою они станутъ исполнять каждое ваше желаніе, съ какимъ вы къ нимъ ни обратитесь.

И дѣйствительно, когда черезъ нѣсколько дней онъ далъ ей памятный листокъ, о чемъ и за него попросить ей у каждаго изъ этихъ лицъ, всѣ ея просьбы были исполнены, какъ приказанія, немедленно, безпрекословно. Какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, Жюльета, въ нѣсколько дней, получила для жителей своей мѣстности нѣсколько назначеній, отставокъ и прибавокъ жалованья, по ея требованію учреждались новыя мѣста и должности; она опредѣляла на службу, и смѣщала съ должностей, получала новыя просьбы и изъявленія благодарности. Жалобы, если онѣ и были, не доходили до ея ушей. Префектъ Пюи и еще другое лицо получили въ это время: первый — офицерскій крестъ, а второй—орденъ Почетнаго Легіона. Хотя оба эти ордена были уже назначены прежде, чѣмъ Жюльета подѣлила товку своего мужа написала объ этомъ своему крестному, но полученіе этихъ наградъ было объяснено однимъ ея вѣщательствомъ, и оба эти лица ей, прежде всѣхъ, выразили свою административную признательность.

Эта роль и сознаніе своего вліянія приводили сначала Жюльету въ восторгъ: во всѣхъ обществахъ, гдѣ она появлялась, и даже на улицахъ города, ее окружала всеобщая почтительность и вниманіе. Одинъ Френэ не прерывалъ своего олимпійскаго молчанія и только вскользь замѣтилъ ей, что своими дѣйствіями она очищаетъ дорогу для одной великой идеи: съ нея довольно было и этого.

Въ это время умеръ одинъ членъ генеральнаго департаментскаго совѣта. Френэ, ободренный попыткой перваго письма къ Лавонию (онъ тоже приписывалъ этому письму ордена, полученные двумя лицами), обратился черезъ жену къ нему снова—про-

ся себѣ правительственной кандидатурѣ на это мѣсто, но Лавонь, желая повидимому придать вѣсь своимъ милостямъ и сдержать нѣсколько пылъ своего новаго родственника, отвѣтилъ вѣжливымъ отказомъ. Такой отказъ могъ бы тяжело отразиться на семейномъ бытѣ молодыхъ; но Жюльета, не говоря даже мужу, написала Лавоню другое письмо, исполненное мольбы и нѣжности, и официальная кандидатура была предоставлена Френэ, впрочемъ при короткомъ и сухомъ письмѣ, въ которомъ свозило недовольство. Это нѣсколько раздражило Жюльету противъ ея крестнаго отца, и Френэ поддерживалъ въ ней это раздраженіе, объяснивъ, что министръ завистливъ и что его система: не давать хода никому, кто только съумѣетъ встать выше обыкновенной посредственности... «Зависть несовмѣстна съ высокимъ умомъ» думала Жюльета, и мужъ ея еще выше поднялся въ ея мнѣніи.

Только однажды за все это время, легкое облако нѣсколько затуманило золотой сонъ Жюльеты. Она, сознавая какаа пропасть отдѣляетъ ея незнаніе отъ величія ея мужа, задумала пополнить пробѣлы своего образованія, чтобы хотя отчасти понимать его мысль. «Мнѣ слѣдуетъ учиться» думала она: «ему нѣкогда просвѣщать меня, а сама должна объ этомъ позаботиться, тѣмъ болѣе, что у меня могутъ быть дѣти, которыхъ я обязана сдѣлать достойными ихъ отца», и вслѣдствіе такого размышленія, она запаслась нѣкоторыми серьезными книгами, которыя нашла въ старой библіотекѣ замка. Однажды Френэ засталъ ее во время чтенія. Онъ слегка нахмурилъ свои брови; тонкая улыбка, выражавшая вмѣстѣ и удивленіе и презрѣніе, пробѣжала у него па устахъ. Онъ граціозно высвободилъ изъ рукъ ея книгу:

— Будьте существомъ своего пола и своего возраста, сказалъ онъ ей, и сталъ играть ея прическою. — Цвѣты созданы не для того, чтобы имъ вануть между страницами книгъ.

Еслибы въ манерахъ Френэ было хотя сколько нибудь грубости, она конечно оскорбилась бы и самолюбіе ея было бы уязвлено, но Френэ сдѣлалъ все это такъ, что она едва могла выразить основанія, по которымъ она думала взяться за дѣло. Слова ея путались и краска выступила на лицо. Френэ слушалъ разсѣянно и невнимательно ея оправданіе и посовѣтовалъ взять лучше для легкаго чтенія какіе нибудь романы. Отъ избытка деликатности, хотя нѣсколько и съ стѣсненнымъ сердцемъ, Жюльета послѣшила поставить взятые ею книги на ту полку, гдѣ онѣ до того стояли.

Однако она не могла, чтобы не подѣлиться своимъ горемъ съ

Элизой, фабрика мужа которой находилась всего въ двухъ лѣтъ отъ Рёдона, и которая навѣщала ее каждую недѣлю. Элиза стала надъ ней смѣяться, удивлялась какъ это ей пришла фантазія сдѣлаться синимъ чулкомъ, но съ другой стороны она обвиняла ее за слабость и неумѣнье все-таки поставить на своемъ въ исполненіи своего каприза при первомъ препятствіи. «Впрочемъ», замѣтила она, «ты все-таки хорошо сдѣлала: избавилась отъ чтенія скучныхъ книгъ и не огорчила своего достойнаго мужа». Надо замѣтить, что Элиза была столько же очарована Френэ, какъ и сама Жюльета. На первую, впрочемъ, больше всего дѣйствовала роскошь его обстановки, брилліанты и тѣ ряды, которые онъ дѣлалъ женѣ. «Онъ какой-то полубогъ», говорила она восторженно. Впрочемъ, Элиза сама не могла пожаловаться на судьбу — она была полновластной хозяйкой въ своемъ домѣ, и мужъ ея, котораго она незадолго до того представила госпожѣ Френэ, исполнялъ всякія ея прихоти и капризы. Это былъ человѣкъ невысокаго роста и худощавый, съ застѣнчивыми манерами провинціала. Голова его была очень сильно развита и выраженіе лица кроткое и мыслящее. Въ способѣ его обращенія и разговора сквозила нѣкоторая нерѣшительность, выражавшая выѣстъ и сдержанную скромность и затаенное страданіе. Казалось, что его собственная слабость, съ которою онъ подчинялся игу своей жены, заставляла его страдать. Онъ понималъ ея легкомысліе, но смотрѣлъ на нее, какъ на избалованнаго ребѣнка, который съ лѣтами измѣнится. Онъ обожалъ ее — это была его гордость, его первая любовь, такъ-какъ до 28 лѣтъ, времени, когда онъ женился, онъ былъ какъ бы дикаремъ, убѣжденнымъ, что ни одна женщина не обратитъ на него вниманія. Элиза не отвергла его исканій, но ей нравились въ немъ только кроткій характеръ и доброта, и она сразу поняла, что съ такимъ мужемъ можно дѣлать все, что вздумается. Жюльета съ самаго начала знакомства сошлась очень близко съ нимъ: она разгадала тонкую развитость его ума и деликатность сердца. Ее возмущало до слезъ обращеніе съ нимъ Элизы, напоминавшее ей обращеніе ея отца съ матерью, но она не дѣлала еще даже и попытокъ высказывать это своей подругѣ. Ей было нѣкогда: ея мысль принадлежала еще всецѣло — Френэ...

Въ воскресенье, слѣдовавшее за эпизодомъ съ книгами, Френэ, по обыкновенію, въ сопровожденіи жены и сына, поѣхали въ церковь. Въ ихъ приходѣ за недѣлю до того умеръ священникъ, и при входѣ въ церковь Френэ замѣтилъ массивную фигуру новаго священника, который оказался аббатомъ Вальтазаромъ, служившимъ прежде въ Праделлѣ, мѣстѣ, гдѣ Френэ со-

ставилъ себѣ состояніе разработкой угольныхъ копей. По окончаніи службы, Френэ сталъ разговаривать съ нѣкоторыми мѣстными аристократами о своемъ новомъ назначеніи, церковь замѣтно пустѣла, Жюльета продолжала молиться въ уединеніи, но во время ея молитвы до слуха ея коснулись звуки тихаго разговора, который отецъ Бальтазаръ велъ въ алтарѣ съ кѣмъ-то изъ своихъ причетниковъ. Какъ ни понижалъ своего голоса священникъ, густой басъ его не покорался и нѣкоторыя фразы его бесѣды цѣликомъ доносились до Жюльеты.

— Чудное дѣло, говорили онъ:— явный знакъ божьяго милосердія! Господинъ Френэ во храмѣ, съ молитвенникомъ въ рукахъ... Бывалъ и прежде? говоришь ты, да я-то только третьяго дня пріѣхалъ, такъ почему могъ знать. Эте... я говорю о прежнемъ... онъ никогда въ церковь не ходилъ... отъ меня просто отворачивался... а какъ умирала жена его, и набожная-то какая она была! такъ отказалъ ей даже въ духовникѣ... Такъ богатъ?... будто трюфели каждый день?... Не выдалъ, развѣ я обращаю вниманіе на женщинъ во время священнодѣйствія?...

Когда аббатъ разоблачился и вышелъ изъ алтаря, онъ съ виднымъ замѣшательствомъ подошелъ къ группѣ, которую составляли Френэ и другія лица, но Френэ, замѣтивъ его, любезно протянулъ ему два пальца своей руки, облитой перчаткою, которые аббатъ съ довольной миной сжалъ въ своей широкой ладони. Фигура Бальтазара выказывала силу здоровья и дѣтское простодушіе; ему было за сорокъ лѣтъ. Во время двухъ-трехъ любезностей, которыя высказали ему Френэ и другіе прихожане, онъ улыбался широкою улыбкою, но глазами очевидно искалъ увидѣть Жюльету, которая уже вышла изъ церкви съ пасынкомъ и ждала въ экипажѣ мужа. Когда стали расходиться, Френэ взялъ аббата подъ руку и отвелъ его нѣсколько въ сторону.

— Скажите, вы, какъ здѣшній священникъ, знаете конечно, что Маршалъ, который работалъ на коняхъ въ Праделлѣ, здѣсь учителемъ? Въ ладахъ ли вы съ нимъ живете?...

— Я только два дня, какъ сюда пріѣхалъ, почему и не могъ даже имѣть чести явиться въ вашъ замокъ, но я точно уже успѣлъ узнать, что Маршалъ здѣсь... это первое испытаніе, посланное мнѣ здѣсь Богомъ. Я вчера же поѣхалъ въ его школу и, о ужасъ! его ученики насвободу проникнуты не только еретическими ученіями, но и философскими взглядами. Я сталъ ему выговаривать—куда, ничего не слушаетъ... Я, говорить, не судья въ супернатурализмѣ, это, изволите видѣть, онъ такъ нашу религію называетъ... И тонъ его эдакій рѣзкій, сана моего для него какъ будто не существуетъ... Въ церковь даже и

не заглядываешь... все слоняется съ учениками въ какия-то ботаническія экскурсіи... вотъ даже и теперь онъ тамъ идетъ... а потомъ и понесешь, понимаєте: кто, говорить, изъ квадрата можетъ устроить кругъ или быть одновременно въ разныхъ мѣстахъ?

— Отчего же вы не подадите обо всемъ этомъ записку въ префектуру?... Я поддержу васъ...

Аббатъ при этихъ, неожиданныхъ для него словахъ, совершенно растерялся, и измѣнилъ тонъ :

— Ахъ, онъ только что потерялъ жену... у него остался ребѣнокъ... а вѣдь это значить оставить его безъ хлѣба... Я лучше попытаюсь его обратить... съ милосердіемъ Божиимъ — я не боюсь цѣлаго десятка философовъ.

— Маршалъ неисправимъ, сухо замѣтилъ Френэ.

— Это-то точно... языкъ-то его длиненъ, онъ и объ васъ-то поди, что болтаетъ... но все-таки лишитъ мѣста бѣднаго человѣка...

— Гораздо лучше, чѣмъ допустить, чтобы онъ заразилъ своимъ вольномысліемъ цѣлый приходъ.

— Пожалуй, что и такъ... тамъ погибель вѣчная и многихъ, здѣсь временная и одного.

— Такъ составьте же сегодня записку; я предупрежу въ префектурѣ, ее будутъ ждать.

Онъ простился съ аббатомъ почти у коляски. Когда Бальтазаръ взглянулъ на Жюльету, то ея красота привела его въ видимое замѣшательство; онъ усиленно замигалъ глазами, и щеки его, въ то время, когда онъ склонился въ почтительный и молчаливый поклонъ, судорожно передернуло.

— Каковъ? шутливо обратился Френэ къ Жюльетѣ, показывая глазами на Бальтазара и разваливаясь въ коляскѣ. Она въ отвѣтъ добродушно улыбнулась.

— Онъ вотъ вамъ поразкажетъ когда нибудь, какимъ я былъ лѣтнимъ посѣтителемъ церкви въ Праделлѣ, то-есть...

— Вы просто ее совсѣмъ не посѣщали...

— Былъ тотъ грѣхъ. Впрочемъ, я тогда заблуждался... мы заѣдемъ завтракать въ Пюи... кстати, мнѣ надобно сдѣлать въ городѣ кой-какіе визиты.

Онъ былъ необыкновенно веселъ и шутливъ, ласкался къ женѣ и даже пробормоталъ какіе-то старыя стихи въ честь природы и женской красоты. Потомъ, въ качествѣ серьезнаго человѣка, онъ какъ бы вспомнилъ, что долго играть съ ребѣнкомъ неприлично, сдѣлался сдержаннѣе и замолчалъ. Лицо его приняло обычно серьезное выраженіе, онъ отворотился въ сторону, какъ бы въ сильной задумчивости и кажется... задремалъ...

Въ это время коляска проѣзжала по дикой мѣстности и Жюльета съ своей стороны задумалась... Странное открытіе, слова «не пустишь духовника къ умирающей женѣ» звучали въ ея ухахъ и болѣзненно отзывались въ сердцѣ... Отчего онъ мнѣ этого не расскажетъ? думала она. Ему конечно скрывать нечего, онъ человѣкъ чистый, но боже мой, когда же я на столько разовьюсь, что заслужу отъ него хотя сколько нибудь довѣрія... Или всѣ люди высоваго ума — таковы... неужели я никогда не узнаю всѣхъ мельчайшихъ подробностей его жизни, всѣхъ основаній, руководящихъ его поступками?... а онъ меня любитъ. Неужели же люди всегда любятъ такъ неоткровенно?..

Френэ вышелъ изъ своей задумчивости почти при вѣздѣ въ городъ...

— Кстати, обратился онъ къ женѣ:— послѣ завтрака мнѣ надо кое-куда заѣхать. Камилла я возьму съ собою, а вы подождите меня пока хоть у жены префекта — госпожи Ленаръ. Передайте ей, во первыхъ, отъ меня этотъ пятисотфранковый билетъ на ея пріютъ; а вовторыхъ, у меня есть небольшое дѣльце. Вы меня несказанно обяжете, если выберете минуту передать госпожѣ Ленаръ то, что я вамъ расскажу.

И онъ по своему передалъ ей слова Балътазара о Маршалѣ.

— Такъ вы объ этомъ-то и говорили съ аббатомъ?

— Ну, да, конечно...

— Отрѣшеніе отъ мѣста... порученіе ваше не весело. Вы только и знаете объ этомъ человѣкѣ то, что говорилъ разсерженный аббатъ?

— Къ несчастію — не только! Маршалъ — жалкое исчадіе того развращающаго воспитанія, которое въ наше время дается народу. Изъ этихъ отступниковъ образуются обыкновенно изверги, поддонки общества, люди безъ чести и совѣсти...

— Все это можете быть и такъ, но это будетъ уже седьмымъ отрѣшеніемъ, о которыхъ мнѣ приходится хлопотать. Я бы лучше хотѣла дѣлать людей счастливыми...

— И дѣлайте, замѣщайте добрыми злыхъ...

— Но вы сами... развѣ вы не можете рассказать все это сами?

— Нѣтъ.

— Почему же?

— А вотъ почему: главная и самая святая обязанность жены и долгъ женщины — содѣйствовать своему мужу и быть ему полезной въ сферѣ его занятій. Кромѣ того я хочу, чтобы среди моего труда я почерпалъ бодрость въ сознаніи, что мнѣ помогаютъ, и изъ-за меня трудятся вотъ эти самцы, нѣжныя и бѣдныя ручки.

И говоря это, онъ граціозно сталъ цловать эти ручки. Нотонъ его голоса, при всей мягкости, выражалъ твердую увѣренность, что онъ не встрѣтитъ противорѣчія.

Жюльета исполнила въ точности возложенное на нее порученіе.

III.

Имя госпожи Френэ мало-по-малу стало гремѣть по всему департаменту Верхней Лоары. Самъ Френэ совершенно затушевывался за ней. На первомъ планѣ была вѣстница министра, поражавшая, между прочимъ, всѣхъ и роскошью своихъ пріемовъ и блескомъ своихъ нарядовъ. Въ замѣкъ обѣды слѣдовали за обѣдами, и все, что только было замѣчательнаго въ окрестностяхъ, появлялось на этихъ обѣдахъ. Френэ училъ жену искусству принимать гостей, оживлять общество занимательностью бесѣды и относиться къ каждому изъ приглашенныхъ такъ, какъ онъ этого заслуживалъ по своему общественному положенію, вліанію и т. д. Казалось, онъ былъ доволенъ успѣхами, которыхъ достигала Жюльета въ этомъ отношеніи. Первые сомнѣнія, которыя она высказывала при этой дрессировкѣ, ему даже нравились, онъ показывалъ въ ней наивность и чувствительность, качества по его мнѣнію необходимыя въ женщинѣ, если сумѣть ихъ направить. Но когда, послѣ отрѣшенія Маршала, она нѣсколько дней была задумчива, онъ, на всѣ ея вопросы объ этомъ предметѣ, коротко и сухо отвѣчалъ ей полусловами и совѣтовалъ ей стараться пріобрѣтать опытность и большую послѣдовательность въ ея благотворительности, какъ отличное средство прогнать скуку — источникъ пустыхъ волненій. «Главное, дѣйствуйте, дѣйствуйте больше; бездѣйствіе, а особенно въ деревнѣ, это страшный врагъ, съ которымъ надо постоянно бороться». Онъ далъ ей значительную сумму денегъ собственно для того, чтобы помогать бѣднымъ въ мѣстностяхъ, лежавшихъ къ сѣверу отъ Редона. Тамъ — говорилъ онъ — было очень много неблагопріятныхъ условий для крестьянскаго хозяйства, но тамъ же, какъ зналъ онъ, находился и избирательный округъ, долженствовавшій скоро выбирать своего кандидата. Именно въ это же время представился случай, доставившій Жюльетѣ новое занятіе, а Френэ случай значительно и выгодно отличиться. Въ госпиталѣ Пуи открылась сильная тифозная горячка. Когда Френэ объ этомъ узналъ, то жалуясь женѣ на свое нездоровье, просилъ ее замѣнить его — и посѣтить страдающихъ больныхъ. Она безпрекословно отправилась въ больницу, гдѣ роздала много пособій, и

принесла много утѣшеній, — среди благодарнаго шопота больныхъ и ихъ родственниковъ. Черезъ нѣсколько дней и онъ, подобно женѣ, явился въ госпиталь и пожертвовалъ 12-ть тысячъ франковъ въ пользу семействъ умершихъ отъ эпидеміи, чѣмъ произвелъ полнѣйшій фуроръ. Мѣстная консервативная газета разразилась цѣлымъ потокомъ риторическихъ слововизвѣтій по поводу возвышенности его чувствъ и героическаго самоотверженія. Жюльета была также вознесена до небесъ. «Въ великодушной подругѣ добродѣтельнаго гражданина, — такъ заканчивалась одна изъ газетныхъ статей — свазалась благородная кровь Лавоней». Когда онъ возвратился изъ госпиталя, рассказавъ женѣ сюрпризомъ, гдѣ онъ былъ и что сдѣлалъ, Жюльета бросилась къ нему на грудь, рыдая отъ избытка чувствъ и удивленія къ его благородству. Но дней черезъ восемь, сюрпризъ другаго рода вывелъ ее изъ ея восторженнаго состоянія, чтобы на нѣкоторое время снова подвергнуть ея мысль колебаніямъ и сомнѣніямъ. Та же эпидемія, хотя въ слабѣйшей степени, появилась и въ Парижѣ, и Сандріэ-отецъ писалъ, что ея мать нѣсколько нездорова. Жюльета хотѣла немедленно ѣхать къ ней. Френэ, нѣсколько удивленный, сталъ говорить о безполезности и опасностяхъ подобной поѣздки. На опроверженіе Жюльеты, что вѣдь она уже была между зараженными, мужъ отвѣчалъ ей нетерпѣливо:

— Какъ же вы не видите разницы между этимъ посѣщеніемъ и отъѣздомъ въ Парижъ? Пригласите лучше вашу мать пріѣхать сюда, гдѣ въ насъ нуждается столько бѣдныхъ, больныхъ и наконецъ я...

Она не поняла всего смысла этихъ словъ, а объяснила ихъ тѣмъ, что Френэ самъ хотѣлъ бы видѣть ея мать, и тотчасъ же написала матери настоящее приглашеніе. Ей самой хотѣлось скорѣе увидѣть госпожу Сандріэ, письма которой, съ увеличеніемъ благополучія Жюльеты, становились все болѣе и болѣе загадочными, въ нихъ все ярче и ярче виднѣлись какія-то опасенія и недовѣріе къ тѣмъ восторженнымъ фразамъ, въ какихъ Жюльета описывала свою жизнь, свое счастье и любовь къ себѣ мужа. «Такъ ли это? вполнѣ ли ты со мной откровенна?» Въ отношеніи Френэ все дѣло въ этихъ письмахъ ограничивалось сухими комплиментами приличія. Наконецъ въ послѣднемъ письмѣ заключалась, между прочимъ, такая фраза: «Я видѣла Лавона: онъ удивленъ политической вашею дѣятельностью, и кажется, былъ бы доволенъ, если бы все это дѣлалось посдержаннѣе».

Жюльета не показывала этого письма мужу. Онъ съ своей стороны написалъ къ Савдріэ письмо, спрашивая о состояніи

здоровья тещи, и Сандриэ тотчас же отвѣчалъ, что ей гораздо лучше. Кромѣ того Френэ просилъ Элизу посѣщать почаще свою жену, и Элиза, не заставляя себя долго упрашивать, стала являться въ Рѣдонъ чуть не ежедневно. Она утѣшала и развлекала Жюльету сколько могла: «мать твоя всегда была больна; есть люди, которые по сту лѣтъ сряду хворають, все это пройдетъ, и не думай объ этомъ. Лучше думай больше о своемъ мужѣ. Каковъ герой? — онъ просто пренебрегаетъ смертью». Во время своихъ посѣщеній Рѣдона, Элиза успѣла пересмотрѣть, передаловать и примѣрить всѣ бриллыянты, перлы, драгоценности, блонды и кружева Жюльеты; мало того, она призналась, что у ней есть нѣсколько секретныхъ отъ мужа долговъ ювелиру и модисткамъ, и заняла у госпожи Френэ на самое короткое время двѣ тысячи франковъ. Жюльета за это время ясно увидѣла, что ей не для чего открывать своей подругѣ своихъ сомнѣній, она ихъ просто не могла бы понять, но за то она пользовалась всякимъ случаемъ, чтобы ей высказывать, что Леквилли заслуживаетъ къ себѣ нѣсколько болѣе привязанности. «Но я его право люблю!» обыкновенно отвѣчала на это Элиза, выставляя на видъ свою къ нему вѣрность и то, что однажды она (въ сущности, въ минуту раскаянія за свои чрезмѣрные капризы) просидѣла цѣлую ночь подлѣ него, когда онъ былъ боленъ, «а если я иногда и капризничаю, говорила она, то обойтись безъ такихъ бурь въ шесть лѣтъ супружества, право, невозможно; все мое приданое двѣсти тысячъ франковъ, а мужья не всегда охотно платятъ наши маленькіе долги на наряды. Я же, понятно, не могу одѣваться хуже другихъ. Одно соперничество съ тобой — просто разоренье!» Элиза и по своему характеру и по самой внѣшности, была совершенно дитя современнаго Парижа. При изящной фигурѣ, она отличалась быстрыми и умными глазами, розовыми, свѣжими губками и тоненькимъ вздернутымъ носомъ. Прибавьте самоувѣренную и нѣсколько дерзкую рѣчь, твердую походку съ легкимъ приотпываніемъ каблуковъ, и ея образъ легко нарисуетса въ вашемъ воображеніи. Въ день брака она была товарищемъ своего мужа, на другой—его властелиномъ. Она никогда ничего не просила у Леквилли и прежде исполняла своихъ прихоти, а потомъ ужъ предлагала мужу платить за нихъ. На мелкіе свои расходы она ассигновала ежегодно десять тысячъ франковъ изъ своего приданого, «пять процентовъ» какъ она выражалась. Послѣ бурныхъ сценъ она позволила мужу цаловать себя въ щеку, и миръ быстро заключалса. Кромѣ нарядовъ, она болѣе всего въ жизни любила праздность и ничего не дѣлала, ничего не читала изъ боязни потерять

блескъ своихъ глазъ и бѣлизну рукъ. Кромѣ того, она была ревностная католичка, хотя нѣкоторыхъ догматовъ рѣшительно не хотѣла признавать по ихъ непонятности, усердно посѣщала церковь, сама учила старшаго своего сына катихизису, и если онъ не зналъ урока, оставляла его безъ обѣда. Мужу она не позволяла въ разговорахъ съ ней касаться религіозныхъ предметовъ: «думайте какъ хотите, но меня не старайтесь переубѣдить. Ваше нечестіе меня только раздражаетъ». Она не была лишена ни ума, ни воображенія и получила такое образованіе, какое обыкновенно до сихъ поръ получали во Франціи дѣвушки съ приданымъ въ двѣсти тысячъ франковъ, и которое въ мѣщанской средѣ считается блистательнымъ. Она знала нѣсколько чиселъ изъ священной исторіи и исторіи Франціи, въ литературѣ знала наизусть извѣстный «сонъ Аталіи», въ нравственныхъ наукахъ, катихизисъ въ вопросахъ и отвѣтахъ, и во всему этому даже сносно играла на фортепьяно.

Въ тотъ день, когда ей удался заемъ у Жюльеты, она была чрезвычайно весела и своими дурачествами за обѣдомъ веселила все общество. Особенно доставалось Камиллу за его щепетильную надменность и серьезность. Холодность этого мальчика къ своей мачихѣ особенно поражала Элизу; она до того уже сообщала объ этомъ Жюльетѣ, но Жюльета и сама по опыту знала это уже очень хорошо, и всѣ ея опыты ласкъ и нѣжности не выводили его изъ границъ обыкновенной сухой вѣжливости въ отношеніи къ ней. Въ одиннадцать лѣтъ этотъ ребенокъ былъ уже утонченно, безукоризненно вѣжливъ и въ душѣ глубоко презиралъ свою мачиху. Онъ зналъ уже хорошо, что у него четыре милліона, что онъ благородной крови Монтморевъ, что мачиха мѣщанскаго происхожденія и принесла самое ничтожное приданое. Въ отсутствіе отца онъ умѣлъ свою вѣжливость къ мачихѣ доводить до язвительности. Милое это дитя уже успѣло прилить горечи въ жизнь Жюльеты. «Тебя вознаграждать за него — будущій его братъ», говорила иногда Элиза Жюльетѣ, но Жюльета не смѣла вѣрить возможности такого счастья.

Однажды, дни черезъ три послѣ обѣда, о которомъ мы упомянули, обѣ подруги гуляли въ паркѣ. Жюльета была особенно грустна. Ей вспомнилось отрѣшеніе Маршала, слова Бальтазара, отказъ Френэ—пустить еѣ къ матери, какъ вдругъ слезы брызнули изъ ея глазъ.

— Чтò съ тобою? спросила Элиза.

Но Жюльетѣ было не до отвѣта. Она почувствовала въ себѣ то движеніе, какимъ другое существо заявляетъ впервые будущимъ матерямъ о своей возникающей жизни. Крикъ радости

вырвался изъ устъ госпожи Френэ, всѣ ея сомнѣнія исчезли безслѣдно, и она въ попыткахъ, чуть не бѣгомъ возвратилась въ замокъ и побѣжала къ мужу.

IV.

Утромъ на слѣдующій день, Жюльета, вся трепещущая отъ радости, проснулась чуть не съ зарей. Френэ тоже улыбался отъ удовольствія, и былъ въ самомъ лучшемъ расположеніи духа отъ увѣренности имѣть въ самомъ скоромъ времени второго наслѣдника своего имени. Рѣшено было воспользоваться хорошей погодой, и идти тотчасъ же послѣ завтрака пѣшкомъ на продолжительную прогулку по окрестностямъ. Во время этой прогулки Жюльета была весела и рѣзвилась, какъ ребенокъ, рвала полевые цвѣты и украшалась ими, пѣла, пила росу съ цвѣточныхъ листьевъ, чѣмъ не мало скандализовала Камилла, смотрѣвшаго на свою мачиху, какъ на помѣшанную.

Когда они отошли довольно далеко отъ замка, то съ одного изъ пригорковъ передъ ними открылась вся очаровательная мѣстность страны, и Жюльета остановилась въ невольномъ восхищеніи... Она обвила обѣими руками Френэ, котораго она считала тоже увлекшимся красотами природы. Онъ точно въ это время также задумался, но задумался, измѣряя мысленно границы избирательнаго округа, которыя были видны съ пригорка. Когда первыя минуты ея созерцательной настроенности прошли, она захотѣла узнать названія всѣхъ городковъ и деревень, которые были видны. Камиллъ сталъ ей называть ихъ и выказалъ немалое знаніе географіи страны. Онъ показалъ ей, между прочимъ, Терръ-Бланшъ, мѣсто, гдѣ находилась фабрика Леквилли. Подлѣ этой фабрики возвышался старый готическій замокъ. Замокъ этотъ оказался дѣтней резиденціей нѣкоей маркизы Уденардъ, одной изъ звѣздъ первой величины Сень-Жерменскаго предмѣстья. Когда Камиллъ произнесъ это имя, Френэ тоже вмѣшался въ разговоръ и разсказалъ женѣ различныя подробности о славѣ этого имени, и о трудности быть допущеннымъ въ ея салонъ маркизы. «Когда я жилъ въ Праделлѣ, добавилъ онъ, она держала себя въ отношеніи меня свысока, и даже сочла дерзостью, когда узнала, что я хотѣлъ ей представиться. Разумѣется, на гордость я отвѣчалъ гордостью, и даже не считалъ нужнымъ довести до ея свѣдѣнія, что я происхожу отъ Монтморевъ...

— По женской линіи, перебилъ быстро Камиллъ. — Одна изъ сестеръ нашей прабабушки пользовалась расположеніемъ Людо-

вика XV. Намъ возвратятъ это имя. Я буду Камиллою де-Монтморъ...

— Но я тогда былъ бѣденъ еще, а потому и протестовалъ несправедливо. Теперь, на основаніи болѣе глубокаго пониманія, я совершенно одобряю поведеніе маркизы. Высшіе классы обязаны поддерживать свое величіе, какъ протестъ противъ разрушительныхъ ученій нашего несчастнаго времени, стремящагося ниспровергнуть всѣ самые священные авторитеты...

— Вы признаете авторитетъ аристократіи? спросила Жюльета.

— Я признаю ихъ всѣ, подчиняя однако самому главному— авторитету геніальности и призванія нѣкоторыхъ избранныхъ, управлять судьбами міра.

И не ожидая отвѣта, онъ ушелъ на нѣсколько шаговъ впередъ. Когда Жюльета его догнала, онъ скавалъ, что хочетъ воспользоваться случаемъ, посмотрѣть одинъ изъ своихъ лѣсовъ, который былъ въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда. «Ты же, сказала онъ женѣ, подожди меня хоть внизу налѣво». Камилла Френэ взяла съ собой. Жюльета направилась въ сказанномъ направленіи, но едва она сдѣлала нѣсколько шаговъ, какъ подлѣ дороги увидѣла двухъ незнакомыхъ людей. Одинъ изъ нихъ былъ мальчикъ, лѣтъ двѣнадцати, и спалъ въ такомъ положеніи, что ногами нѣсколько загороживалъ дорогу; другой, сидѣвшій подлѣ, былъ молодой человекъ лѣтъ двадцати—двухъ, одѣтый какъ простой крестьянинъ, но съ внѣшностью образованнаго человека. Чтобы дать дорогу Жюльетѣ, онъ сталъ будить мальчика, и когда тотъ, зѣвая и потягиваясь, сталъ просыпаться, онъ съ отцовскою ласкою смотрѣлъ на него.

— Ахъ, не будите его, сказала Жюльета: — ужъ не боленъ ли онъ?

— Нѣтъ, сударыня, но только глубоко несчастливъ... Это сирота, полтора года тому онъ потерялъ мать, а третьяго дня отца... я гулялъ съ нимъ, чтобы онъ хотя сколько-нибудь разсѣлся...

— Бѣдное дитя! а вы его родственникъ?

— Нѣтъ, у него нѣтъ родственниковъ... я его призрѣлъ.

— Позвольте мнѣ несромный вопросъ: есть ли у него средства къ жизни?

Молодой человекъ слегка покраснѣлъ, и отвѣчалъ:

— Ровно никакихъ сударыня.

— Ахъ, боже мой, вспомнила Жюльета: — не сынъ ли это того рабочаго, который такъ долго былъ боленъ тифомъ?

— Нѣтъ, его отецъ умеръ съ тоски по женѣ своей и отъ

суровой борьбы съ жизнью... недавно случившаяся съ нимъ вопиющая несправедливость его доканала.

Въ это время ребенокъ проснулся, и всталъ на ноги; увидя постороннее лицо, онъ взглянулъ на Жюльету изумленными глазами; но когда она, растроганная рассказомъ, сдѣлала къ нему нѣсколько шаговъ и протянула руку, онъ бросился къ ней и зарыдалъ.

— Вы здороваетесь со мной, значить вы знали моего отца, проговорила дитя: — вѣдь она знала его, Клодъ? обратился онъ къ молодому человѣку.

— Нѣтъ, Андре, но эта дама сожалѣетъ объ немъ.

— О! благодарствуйте, я васъ за это ужъ люблю, наивно проговорилъ ребенокъ.

— И я полюбила васъ. Мы еще увидимся. Имя его отца? обратилась она къ Клоду.

— Отца его звали Маршалемъ; онъ былъ здѣсь учителемъ.

Въ это время съ высоты холма раздался звукъ голоса Френэ:

— Куда же дѣвалась госпожа Френэ? пора уже возвращаться домой.

— Госпожа Френэ? проговорилъ Клодъ въ полголоса, и взявъ Андре за руку быстро повелъ въ другую сторону.

Въ это время показался самъ Френэ съ Камилломъ. Онъ взялъ жену подъ руку, и они стали сходить внизъ.

Жюльета шла молча и задумчиво. На половинѣ дороги мужъ спросилъ ее:

— Чтò съ вами? не устали ли вы? не хотите ли отдохнуть?

— Да, я утомлена, и мнѣ тяжело. Я узнала сейчасъ отъ проходившихъ людей, что тотъ учитель... котораго вы... котораго я обвиняла въ префектурѣ... умеръ на дняхъ.

— Умеръ?.. онъ всегда былъ дурнаго здоровья: это только случайное совпаденіе обстоятельствъ.

— Умеръ! снова повторила Жюльета такимъ тономъ, который удивилъ Френэ... а я, я хлопотала о нѣсколькихъ отрѣшеніяхъ... и у него былъ сынъ...

Она коротенько рассказала мужу свою встрѣчу.

— Теперь сынъ его—сирота и бѣднякъ... мы обязаны озаботиться объ немъ, сказала она.

— На столько же, какъ и о всякихъ другихъ нуждающихся. Выбросьте, пожалуйста, изъ головы фантастическую мысль, что онъ умеръ оттого, что потерялъ мѣсто.

— Такъ, по крайней мѣрѣ, говорилъ мнѣ молодой человѣкъ, котораго я встрѣтила.

— Это такой же гусь, какъ и покойный учитель.

— Однако, онъ призрѣлъ ребенка...

— Что вы понимаете въ тѣхъ мотивахъ, которые такъ или иначе заставляютъ людей дѣйствовать.

— Но, если мы окажемъ помощь этому сиротѣ, это будетъ все-таки хоть какое-нибудь вознагражденіе за... за... можетъ-быть, за ошибку. Послушайте, Френэ, возьмемъ къ себѣ этого мальчика.

— Нѣтъ, милая Жюльета, сказалъ Френэ съ твердостью: — имѣйте всегда въ виду, что каждое мое дѣйствіе обусловливается сознательными принципами... и въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ остальныхъ, я дѣйствовалъ на ихъ основаніи... То, что вы желаете, противно этимъ принципамъ...

— Что же это за принципы?

— Я объясню вамъ ихъ когда-нибудь, и подумаю о мальчикѣ, но ни одно дѣйствительно разумно-доброе дѣло не слѣдуетъ дѣлать съ горяча... Предоставите ли вы мнѣ, наконецъ, другъ мой, свободу дѣйствій, произнесъ онъ вдругъ шутливо и съ нѣжностью:— я хочу теперь же у своей хорошенькой жены выторговать съ этихъ поръ и навсегда, при всѣхъ обстоятельствахъ, величайшее благо, которое она мнѣ можетъ доставить.

Она молча смотрѣла на него вопросительными глазами.

— Это благо—вѣра въ меня... полнѣйшее ко мнѣ довѣріе, произнесъ онъ, не спуская съ нея глазъ, торжественнымъ тономъ.

— О, да, да! сказала она, подчиняясь экзальтаціи и бросааясь къ нему на шею.

Въ это время къ нимъ подошелъ Камилль, нѣсколько отставшій отъ нихъ, и они всѣ трое вскорѣ возвратились въ замокъ.

Въ замкѣ ждала ихъ новость. Госпожа Сандріэ пріѣхала къ нимъ гостить. Письмо, въ которомъ было объ этомъ извѣщеніе, пришло только въ то утро, когда они уже вышли изъ дому. Сандріэ, вида, что жена его не поправляется, послѣдилъ ее отправить къ дочери. Онъ, по собственнымъ его словамъ, обладалъ такою тонкою чувствительностью, какой другіе люди не въ состояніи даже и понимать. Онъ не могъ выносить ничьихъ жалобъ и видѣть серьезно-больныхъ и умирающихъ. При всякой бѣдѣ этого рода, онъ сейчасъ выскивалъ какой-нибудь предлогъ, чтобы уѣхать куда-нибудь изъ дома. «Только люди безъ сердца, говаривалъ онъ, могутъ просиживать ночи у изголовья больныхъ. Жена мучается родами, мужъ подлѣ, точно онъ можетъ облегчить боли, или спасти ее отъ смерти. Благо, нервы у такихъ чудаковъ выносливы». На этотъ разъ, вида, что женѣ худо, онъ измѣнилъ нѣсколько тактику: самъ остался дома, жену отправилъ. Предварительно онъ посоветовался съ врачами, и когда узналъ,

что ей нѣтъ спасенія, и что поѣздка не принесетъ ни вреда, ни пользы, онъ рѣшился предохранить свою чувствительность отъ печальнаго зрѣлища ея агоніи и смерти и торжественно въ тотъ же вечеръ посадилъ собственноручно свою больную супругу въ вагонъ желѣзной дороги. Приѣхала госпожа Сандріэ, измученная дорогой, полумертвецомъ, а черезъ десять дней, два мѣстныхъ врача объявили Френэ, что нѣтъ никакой надежды. Вѣдная женщина умирала, какъ жила, съ кроткой и робкой покорностью судьбѣ. Похудѣла она еще больше и лежала въ постели, какъ ребенокъ. Она вся сосредоточивалась на одной мысли: ей хотѣлось во что бы то ни стало узнать и убѣдиться, дѣйствительно ли счастлива Жюльета, сомнѣнія въ чемъ усилились въ ней до горячечнаго напряженія послѣ послѣдняго ея свиданія съ министромъ.

Лавонъ слѣдилъ съ сильнымъ недовольствомъ за всѣми продѣлками, совершавшимися въ департаментѣ Верхней Лоары. Онъ зналъ все до мельчайшихъ подробностей: участіе Жюльеты въ дѣйствіяхъ ея мужа, новыя назначенія, отрѣшенія отъ должностей, роскошныя милостыни, посѣщенія госпиталя и т. д. Онъ былъ весьма не прочь положить нѣкоторый предѣлъ всей этой комедіи, но какъ человекъ мягкій, изъ любви къ Жюльетѣ и изъ состраданія къ несчастной госпожѣ Сандріэ, согласился даже доставить правительственное покровительство кандидатурѣ Френэ. «Какъ думаете вы, спрашивала его госпожа Сандріэ, долго ли продолжится счастье Жюльеты?»—«До тѣхъ поръ, отвѣчалъ онъ, пока она будетъ слѣпымъ орудіемъ въ его рукахъ и будетъ способствовать исполненію его плановъ». Приѣхавъ въ Рѣдонъ, больная, страдающая госпожа Сандріэ была вся наблюденіе. Она смотрѣла, слушала, но боялась даже о чемъ-либо и спрашивать—такъ она была увѣрена, что услышитъ страшную истину. Жюльета ей ничего не говорила, она по прежнему старалась себя утѣшить достоинствами своего мужа, но въ душѣ ея былъ уже разладъ.

Къ больной Сандріэ явился аббатъ Вальтазаръ. Онъ сталъ ее увѣщевать переносить спокойно болѣзнь, какъ наказаніе Божіе, за прошедшую ея тщеславную и гордую жизнь (вначе онъ не представлялъ себѣ жизни богатой женщины въ Парижѣ), за сладострастіе и всѣ смертныя грѣхи, которые онъ навязалъ бѣдной женщинѣ. «Помните, гремѣлъ онъ, что каждая минута суетнаго наслажденія на землѣ оплачивается вѣками мученій на томъ свѣтѣ». Госпожу Сандріэ онъ просто утомилъ, и она заснула. Въ это время вошла въ комнату матери Жюльета. Увидѣвъ ее, аббатъ поспѣшилъ сказать ей:

— Въ христіанскомъ бракѣ, мужъ и жена одно и то же, поэтому, такъ-какъ мужа вашего нѣтъ дома, то позвольте передать вамъ результаты порученія, которое онъ мнѣ сдѣлалъ. Онъ просилъ меня предложить отъ его имени Клоду Ортану, что онъ беретъ помѣстить Андре на ферму до совершеннолѣтія, съ тѣмъ, что предоставляетъ себѣ озаботиться тогда о дальнѣйшей его судьбѣ... Гордецъ отказалъ въ своемъ согласіи на это... онъ хочетъ сдѣлать изъ Андре скульптора, такъ-какъ у мальчика страсть къ этому... она просто погубить его, ибо всѣ скульпторы, артисты, художники — люди погибшіе, въ религіозномъ и нравственномъ смыслѣ...

— Скажите, имѣеть ли Клодъ Ортанъ средства въ жизни?..

— Почти ничего, какія-нибудь полторы тысячи или даже тысячу двѣсти франковъ годоваго дохода.

— Какъ вы думаете, была ли потеря мѣста причиною смерти Маршала?

— Къ сожалѣнію, это едва-ли не такъ... и умеръ-то онъ безъ покаянія, а между тѣмъ это былъ не злой человѣкъ... только вольнодумство вскружило ему голову. Когда онъ работалъ въ Праделлѣ на копахъ вашего мужа...

— Такъ мужъ мой зналъ его и прежде?..

— Еще бы, какъ человѣка не очень-то покорнаго властямъ. Вашъ супругъ меня очень просилъ, чтобы я подалъ противъ него въ префектуру... записку, о которой вы такъ хлопотали... Мнѣ его жалъ... я уже отслужилъ за него обѣдню... даромъ...

Едва Жюльета услышала все это, то не обращая вниманія на удивившаго аббата, тотчасъ же пошла къ мужу, который сидѣлъ въ это время въ комнатѣ, находившейся рядомъ.

— Я все узнала о Маршалѣ, начала она горячо:—онъ умеръ дѣйствительно съ горя о потерѣ мѣста...

— Другъ мой, замѣтилъ удивленно Френэ:—вы, вѣжета, обѣщали мнѣ не вмѣшиваться болѣе въ это дѣло...

— Да, но отдавать мальчика на ферму, въ кругъ грубыхъ людей, приготовить изъ него прислужника...

— А довѣріе, которое мнѣ тоже обѣщано? Я уже объяснялъ вамъ, что я дѣйствую на основаніи принциповъ...

— Да, но вы хотѣли мнѣ ихъ объяснить.

— И сдѣлаю это, когда вы будете поспокойнѣе. Замѣчу только, что, какъ я узналъ, Андре выказываетъ уже съ этихъ лѣтъ признаки, по которымъ можно навѣрное заключить, что изъ него выработается такой же опасный мечтатель, какимъ былъ его отецъ. Давать такимъ людямъ образованіе—значитъ губить ихъ и готовить опасность для государства... Вы разсуждаете

однимъ сердцемъ, а сердце—слѣпо... Дѣйствительно порядочная женщина, любящая своего мужа, не поддастся ложной сантиментальности и не увлекается фантазіями... Я вѣрю въ васъ, Жюльета, но ваши сегодняшнія слова не только меня изумляютъ... но даже оскорбляютъ меня.

Послѣднюю фразу онъ произнесъ строго и холодно. Жюльета заплакала и стала просить извиненія. Онъ смягчился, взялъ ее подъ руку и прошелся нѣсколько разъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Во время этой ходьбы Жюльетѣ показалось, изъ полуоткрытой двери въ комнату, гдѣ лежала г-жа Сандриэ, что больная сидѣла на корточкахъ на кровати, вытнула впередъ голову и слушала... но когда Жюльета снова дошла до двери, то увидала, что она лежитъ снова неподвижно въ прежнемъ положеніи.

— Я думаю, сказалъ Френэ, что Андре можно устроить иначе...

— Ахъ, какъ вы добры! но не останавливайтесь на полъ-дорогѣ... примемъ его къ себѣ—у него страсть къ скульптурѣ... мы дадимъ ему артистическое воспитаніе...

— Вы меня не такъ поняли, нетерпѣливо возразилъ онъ: — успокойтесь ли вы, наконецъ? и позвольте ли мнѣ самому столько нибудь дѣйствовать?

— Нѣтъ, какъ хотите, а я не могу не сказать всего... Я узнала, что вы знали Маршала... конечно, я увѣрена, что онъ былъ очень, очень виноватъ передъ вами, если ужъ вы разсердились... я въ васъ вѣрю, но, кажется, мнѣ необходимо слышать все это отъ васъ самихъ... я люблю васъ, для васъ я пожертвую своею жизнью, своею славой, но... не томите меня незнаніемъ... Я хочу знать, все, все знать: ваше прошедшее, ваши принципы, ваши дѣйствія... развѣ я, какъ жена ваша, не имѣю на это права?..

— Права?.. Права?... произнесъ онъ дрожащимъ голосомъ и позвонилъ. Вошелъ слуга. — Что же, развѣ лошади незапряжены еще? спросилъ онъ, и когда слуга выбѣжалъ исполнять это приказаніе, котораго Френэ прежде не отдавалъ, продолжалъ:— вы упомянули, Жюльета, слово: право?..

— О, Боже мой, поймите меня, наконецъ...

— Право! снова продолжалъ онъ такимъ тономъ, какъ будто это слово было символомъ чего-то чудовищнаго. — Я поѣду на нѣсколько дней по избирательному округу и поѣду... огорченный. Когда я возвращусь, мы возобновимъ этотъ разговоръ, но постарайтесь къ тому времени придти въ себя и быть разсудительнѣе,

Послѣ этихъ словъ онъ подошелъ къ двери въ комнату больной, и заглянулъ въ нее, какъ бы для того, чтобы убѣдиться,

не разбудилъ ли ее шумный разговоръ, и распрощался съ Жюльетою съ важностью и не безъ торжественности.

Жюльета вошла въ комнату матери, та лежала съ закрытыми глазами. Жюльета заплакала; при звукѣ ея рыданій, больная съ усиленіемъ приподнялась и съ трудомъ прошептала:

— Онъ не кричитъ, какъ твой отецъ, но... я все поняла; дочь моя, прости меня при твоихъ будущихъ страданіяхъ, что я согласилась... выдать тебя за него...

Произнеся эти слова, она совершенно изнемогла и впала въ безпамятство, во время котораго Жюльета не отходила отъ ея постели; на сердцѣ молодой женщины было тяжело, ее томило сомнѣніе. «Бредила она только, или дѣйствительно говорила объ немъ» думала она.

На третью сутки, больная скончалась. Сидѣлка настаивала передъ смертью, чтобы ее приобщить, умирающая въ это время сдѣлала какой-то жестъ, который сидѣлка сочла за сопротивленіе, и совѣтовала ей подчиниться обряду. При словѣ подчиниться, больная какъ бы ожила, открыла глаза и устремила ихъ на Жюльету и произнесла:

— Я слѣшкомъ поворалась и подчинилась, я сгубилъ себя своею покорностью!

Черезъ нѣсколько минутъ ее не стало.

V.

Господинъ Сандріэ пріѣхалъ въ Рѣдонъ дня три спустя послѣ того, какъ жену его похоронили. При первомъ извѣстіи, что больной очень худо, онъ уѣхалъ въ Бельгю, гдѣ, какъ говорилъ онъ, почта не доставила ему ни того письма, гдѣ говорилось о смерти его жены, ни похороннаго билета. Онъ удивился, когда увидалъ Жюльету: она была блѣдна и была въ какомъ-то упадкѣ силъ, такъ что со дня смерти матери цѣлыхъ пять дней не выходила изъ своей комнаты... «Удивительныя существа эти женщины, сказалъ господинъ Сандріэ: — это какіе-то ходячіе нервы и обмороки... имъ вѣчно нужна поддержка мужчины... Еслибы моя Эрнестина не нашла во мнѣ такой поддержки, то умерла бы не теперь, а уже лѣтъ десять тому назадъ!» Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы онъ не сожалѣлъ своей жены: онъ къ ней привыкъ и за ужиномъ вспоминая объ ней, даже заплакалъ. Френэ посовѣтовалъ ему развлечься и предложилъ проѣхать въ Левилли, на земляхъ котораго охотился Ламбъ, взявшій на лѣто отпускъ. «Дня черезъ три я заѣду за вами и

привезу васъ назадъ, да и Жюли въ тому времени понравится». Сандріэ охотно на это согласился.

Жюльета, между тѣмъ, глубоко страдала; смерть матери воскресила въ ней всю прежнюю къ ней любовь; она обвиняла себя, что выйдя замужъ, ни разу ее не посѣтила; ей казалось, что она мало высказывала ей свою любовь... вся мученическая жизнь ея матери проносилась передъ ея глазами... послѣднія ея слова казались ей горькимъ самообвиненіемъ покойницы за свою слабость, дошедшую чуть не до преступленія. Съ другой стороны, рѣзкій приговоръ матери о Френэ тоже не выходилъ изъ ея головы... она невольно анализировала всѣ его дѣйствія съ той минуты, какъ онъ высказалъ свое отвращеніе отъ книгъ, и сердце ея трепетало отъ боязни понять истину... Френэ заходилъ къ ней поутрамъ и ласково утѣшалъ ее, но въ теченіе пяти дней, она отвѣчала на всѣ его ласки одними глухими полусловами и междуметіями.

Отправивъ Сандріэ на охоту, онъ зашелъ къ ней. Онъ обрадовался, замѣтивъ, что она встала съ постели, была одѣта и менѣе блѣдна.

— Старичокъ нашъ поѣхалъ поохотиться, сказалъ онъ.

— Какъ? онъ такъ скоро сталъ уже развлекаться!...

— Чтò дѣлать! я тоже по дѣламъ долженъ уѣхать дня на два. Все это время, передъ выборами, приходится безпрестанно быть въ разъѣздахъ.

Вдругъ она неожиданно спросила:

— Какія же ваши новыя намѣренія относительно судьбы Андре?

Онъ, казалось, былъ изумленъ. Послѣ извѣстнаго читателямъ объясненія, онъ уже не ждалъ больше подобнаго вопроса.

— Никакихъ! рѣзво сказалъ онъ. — Бросьте весь этотъ вадоръ, а лучше думайте о своемъ здоровьи.

И поцаловавъ ее холодно въ лобъ, онъ быстро выскользнулъ изъ комнаты.

Черезъ два дня, рано утромъ, Френэ вернулся вмѣстѣ съ Сандріэ, Ламбомъ, Левилли и другими охотниками, которыхъ онъ, заѣхавъ за тестемъ, пригласилъ къ себѣ завтракать. Самъ онъ послѣ завтрака думалъ снова уѣхать въ округъ, въ другую сторону. Жюльета вышла на встрѣчу къ отцу, который обрадовался, увидѣвъ ее на ногахъ, и утверждалъ, что онъ менѣе грустнымъ уѣдетъ вечеромъ въ Парижъ, куда ему необходимо ѣхать... развлекаться онъ не договорилъ, но за то онъ изъявилъ свое согласіе на предложеніе дочери сходить на могилу г-жи Сандріэ. Френэ остался дома для зачатій; Жюльета, Сандріэ и Ламбъ отправились въ деревню, гдѣ была скоронена покойница, по

желанію Жюльетты, пѣшкомъ. По дорогѣ, Сандріэ разсыпался въ похвалахъ уму и характеру своей дочери: «кто бы думалъ, что она сумѣетъ такъ войти въ интересы мужа, такъ подвинуть его карьеру; благодаря ей, онъ скоро сдѣлается депутатомъ».

— Право, женитесь, полковникъ, обратился онъ къ Ламбу: — добрая жена стоитъ хорошей лошади. Конечно, Жюли—крестница министра, и не женись на ней Френэ, гдѣ бы ему такъ быстро обработать свои дѣла.

— Я не стану уменьшать заслугъ госпожи Френэ, отвѣтилъ Ламбъ: — но Френэ и самъ, если и не въ такое короткое время, достигъ бы того же самаго... онъ человѣкъ умный, да и ловокъ-таки; я видѣлъ своими глазами, какъ онъ сумѣлъ въ теченіе пяти минутъ такъ умаслить трехъ избирателей, шедшихъ противъ него, что они же сами, голубчики, доставили ему еще сорокъ голосовъ.

— Вы назвали его ловкимъ? Какъ это понимать? спросилъ Сандріэ.

— А то, что онъ политиканъ, отвѣтилъ полковникъ.

— Да ужъ не такая голова, какъ у нашего родственника, даромъ что онъ министр, прибавилъ Сандріэ.

— Чтѣ за причина ихъ ссоры? спросилъ Ламбъ у Сандріэ.

— И разница въ характерахъ, и соперничество, да и любовная исторіяка. Они были вмѣстѣ въ училищѣ и вмѣстѣ же занимались у адвоката. Адвокатъ былъ богатъ и имѣлъ дочь. Они оба были бѣдны и поспорили за лакомный кусокъ. Лавонъ, однако, правился и дѣвухѣ и ея отцу... Все было на мазу къ свадьбѣ, и вдругъ все перемѣнилось... Чтѣ произошло перемѣну въ обращеніи и отца и дочери съ Лавонемъ—неизвѣстно, но онъ объяснилъ это дѣло какими-нибудь подпольными продѣлками Френэ. Но и Френэ, однако, не удалось сдѣлаться мужемъ дѣвухи; а Лавонъ просто даже все выигралъ отъ такой неудачи... онъ женился потомъ на аристократкѣ со ста тысячь франковъ дохода; она его и въ министры вытянула, а онъ все-таки сердится на Френэ и вредитъ ему на каждомъ шагѣ... два раза онъ мѣшалъ его официальной кандидатурѣ въ различныхъ мѣстностяхъ... да кромѣ того, отказалъ въ его просьбѣ прибавить къ его фамиліи *де-Монтморъ*, подъ предлогомъ, что въ представленныхъ документахъ нашлись какія-то пустыя неясности.

— И Френэ отблагодарилъ его, сдѣлавшись его роднею, сказалъ заливаясь звонкимъ смѣхомъ Ламбъ.

— Благодаря вамъ, и тому, что вы его мнѣ представили, сказалъ Сандріэ, пожимая руку полковника: — однако, моя покойница все капризничала, да не хотѣла этого брака... Ну, да

Богъ съ ней; а съ зятѣмъ мы квиты: если у него четыре милійона, то и я въ своей дочери далъ ему въ руки довольно-таки удобное орудіе для достиженія различныхъ его политическихъ цѣлей.

Жюльета, которая передъ тѣмъ нѣсколько разъ останавливалась, чтобы нарвать цвѣтовъ на могилу матери, просила передъ тѣмъ отца и полковника идти впередъ, и не обращать на нее вниманія; но съ начала этого разговора, заинтересовавшаго ее, она шла тотчасъ за ними, и все слышала. При послѣднихъ словахъ, она едва не упала въ обморокъ, и слегка вскрикнула; оба ея спутника оглянулись, но она превозмогла себя и пришла на кладбище вмѣстѣ съ ними. Придя туда, Жюльета опустилась на колѣни, Сандріэ и Ламбъ сняли шляпы, Сандріэ приложилъ къ глазамъ даже платокъ, но тотчасъ же сказалъ своему собесѣднику:

— Я такъ чувствителенъ, что зрѣлище ея могилы раздираетъ мнѣ душу. Я не могу его вынести. Пойдемте-ка.

Жюльета слышала эти слова, и просила отца не стѣсняться: «я же, сказала она, пробуду здѣсь долго, и зайду въ церковь, а потому не ждите меня къ завтраку».

Они заявили, что не хотятъ оставлять ее одной, но на дальнѣйшія ея требованія весьма скоро сдались и ушли.

Проходя деревней, они увидали домъ аббата Бальтазара, и услышали въ его дворѣ сильный стукъ. Заинтересовавшись этимъ стукомъ, они зашли къ нему. Почтенный аббатъ занимался собственноручно набиваніемъ обручей на бочки для вина своихъ виноградниковъ; онъ зналъ Ламба, и догадался, что другое лицо — тестъ Френэ, почему и посѣвшиль ему рекомендоваться.

— Благодарю, забасиль онъ: — несказанно благодарю васъ за честь посѣщенія. А мы вотъ тутъ, ради моціона, поколачиваемъ. Это я по совѣту доктора, съ собственной кровью своею войну веду... повозишьса, она и угомонится... а то, тоже, бурлить порю.

Сандріэ пригласилъ его завтракать въ замокъ, Френэ ему до сихъ поръ еще этой чести не оказывалъ. Аббатъ на такое приглашеніе мысленно облизывался, и чтобы выразить избытокъ своей благодарности, нашель своевременнымъ пособлѣзновать о покойницѣ.

— А супруга-то ваша?... Меня пригласили такъ поздно, что и послѣдняго долга совершить не удалось... Безъ покаанія!... только на милосердіе божіе и надежда...

— А поминовенія-то? замѣтилъ Ламбъ.

— Это все я устрою въ Парижѣ, холодно сказалъ Сандріэ.

— Дорого тамъ это все, батинька, замѣтилъ Ламбъ: — почему бы не здѣсь?

— Я къ вашимъ услугамъ. Запишите ее въ церкви, какъ вамъ будетъ угодно: на годъ, на десять лѣтъ, или, что еще лучше, на вѣчныя времена...

— Ну, послѣднее-то долгойко, сказалъ Сандріэ.

— Не шутите такими вещами, пробасилъ Бальтазаръ. — Предоставимъ сіе Вольтеру...

— А сами идите завтракать, докончилъ Сандріэ. — Все это не мое дѣло, дочь моя лучше меня этимъ распорядится.

Жюльета, оставшись одна на кладбищѣ, предавалась самымъ печальнымъ размышленіямъ: «Что же, наконецъ, это за человѣкъ, котораго она приняла чуть не за полубога?»

При грубомъ разсказѣ ея отца и Ламба, ея смутныя сомнѣнія приняли опредѣленный образъ. Чистые сердцемъ, однажды на сторожѣ, инстинктивно угадываютъ многое. И вотъ Френэ пронесся передъ ея потрясеннымъ воображеніемъ въ образѣ сухого, низкаго, чарстваго эгоиста, способнаго даже на жестокости. Полубогъ обратился въ демона.

Эта минута отозвалась въ ея сердцѣ невыносимой болью; казалось, чья-то желѣзная рука раздавливала ея тѣло, ея мысль, все ея прошлое. Какъ? она не была, какъ ей до тѣхъ поръ казалось, любимой подругой этого человѣка, избранной между тысячами, несмотря на ея незначительное приданое, а только дѣловымъ поспорьемъ, слѣпымъ орудіемъ интриги, средствомъ къ приобрѣтенію вліянія, за которое заплачено четыре милліона!

— Какъ, неужели все погибло?... Неужели счастье всегда такъ непродолжительно? Неужели въ этомъ привлекательномъ образѣ не было и тѣни правды? и все это было сонъ... И мать моя умерла, потому что отгадала это, и мучилась своимъ отертиемъ? Нѣтъ, не можетъ быть! Это было бы слишкомъ страшно!... Но моя любовь? Гдѣ она! она погибла... это-то я уже знаю навѣрно.

Она встала, и въ какомъ-то горячечномъ состояніи направилась къ замку... но силы ее оставили у воротъ парка; она упала въ обморокъ... Когда она пришла въ себя, то увидала себя на полдорогѣ къ замку, среди той самой мѣстности, гдѣ она такъ часто гуляла въ счастливыя минуты своей жизни, гдѣ, порою, она останавливалась вѣстѣ съ Френэ; гдѣ, наконецъ, впервые почувствовала у себя подъ грудью движеніе младенца... Она заплакала навзрыдъ; слезы ее облегчили, и мысль нѣсколько успокоилась.

— Но я и теперь также заблуждаюсь и увлекаюсь! Я обвиняю

няю его, не выслушавъ даже оправданій, тогда какъ нѣтъ даже и преступленій, которыя нельзя бы было объяснить и извинить. Что я знаю объ его дѣйствіяхъ, взглядахъ, убѣжденіяхъ? Но онъ мнѣ самъ обѣщалъ разсказать все... Я умолю его разсказать мнѣ это... Я пойму и оцѣню все, и я еще вѣрю, что я увижу въ его дѣйствіяхъ честность, правду и безкорыстіе.

Подкрѣпившись такою мыслію, она бѣдро возвратилась въ замокъ и вошла въ свою комнату, нигѣмъ незамѣченная: вся прислуга была занята. Френэ заигравалъ съ гостями. Ее не ждали, такъ-какъ Сандріэ ручался своимъ честнымъ словомъ, что она твердо рѣшилась посвятить все утро молитвѣ. Окна столовой были открыты, и отрывочныя фразы разговора цѣлкомъ долетали до спальни. Завтракъ приходилъ къ концу и бесѣда шла весьма оживленная. Кромѣ Френэ, Сандріэ, Ламба, Камилла и Элизы съ мужемъ — завтракало еще двѣнадцать человѣкъ — все общество, вмѣстѣ охотившееся. Сначала шли за здоровье Френэ и его жены, потомъ за мысль видѣть его скорѣе депутатомъ. Элиза сидѣла подлѣ Бальтазара и наслаждалась его смущеніемъ и тѣмъ наивнымъ ужасомъ, съ какимъ онъ смотрѣлъ на ея выходки и шалости. Потомъ зашелъ общій разговоръ о правительствѣ, о печати, о вредныхъ ученіяхъ и перешелъ къ женскому вопросу. Одинъ изъ числа гостей-охотниковъ, чистокровный виконтъ, допускаясь даже въ салонъ маркизы Уденардъ, выразилъ мысль, что, по его мнѣнію, всѣ демократическіе журналы, толкующіе безъ конца о правахъ женщинъ, о равенствѣ ихъ съ мужчинами, о необходимости измѣненій въ ихъ участи — должно быть просто смѣются надъ своими читателями. Бѣдная часть собесѣдниковъ присоединилась къ его мнѣнію, и даже Камилла сдѣлала такую мину, что не спрашивая его можно было быть увѣреннымъ, что онъ думаетъ то же самое. Элиза замѣтила, что мужа такъ долго тиранили бѣдныхъ женщинъ, что пора имъ переимѣниться ролями съ женами, и что въ этомъ смыслѣ женскій вопросъ не такъ смѣшонъ, какъ это кажется. Левилли хотѣлъ высказать возраженія, но по своей робости, и вида, что его не слушаютъ, замолчалъ. Вслѣдъ за нимъ высказался сосѣдъ виконта въ томъ смыслѣ, что виною всѣхъ этихъ дѣтскихъ глупостей американскіе штаты, предоставившіе женщинамъ политическія права, и Англія, гдѣ недавно нашлось семьдесятъ-три осла, требовавшихъ того же для своихъ леди, но что онъ надѣется, что здравый, національный смыслъ французовъ не допуститъ подобной извѣдъ распространиться и во Франціи.

Френэ и двое или трое изъ приглашенныхъ, пользовавшихся

нѣкоторую репутацію умныхъ людей, молча посмѣивались надъ филиппикой оратора, тогда какъ предметъ, по поводу котораго она произносилась, по ихъ мнѣнію, былъ болѣе достоинъ презрѣнія, чѣмъ негодованія.

Господинъ Сандріэ энергически настаивалъ на необходимости со стороны женщины подчиненія. Читатели наши уже видѣли, какъ блистательно его теорія оправдалась за нѣсколько дней назадъ на практикѣ.

— Я человекъ военный, сказалъ Ламбъ:—говорить много не умѣю, но пусть мнѣ покажутъ хоть нѣсколько барынь, которыя были бы въ состояніи носить ружья въ шестнадцать фунтовъ и выпивать, какъ отецъ Бальтазаръ, по три бутылки вина за завтракомъ, не хмѣлѣя.

— Ахъ! встать! пророщетала Элиза:—мы не слышали еще его мнѣнія объ насъ.

Многіе присоединились въ просьбѣ Элизы, и Бальтазаръ, откашлявшись, началъ:

— Ничего не скажу хорошаго, что было бы въ пользу женщины. Многіе отцы церкви и духовные писатели справедливо считали женщину — первой причиной вѣчной гибели множества людей. Что же касается до новыхъ правъ этихъ, то это только одна гордость, обувшая умомъ. Женщина неравна мужчинѣ, создана она послѣ его и ex costa ejus — изъ ребра его... и сейчасъ же по своемъ созданіи, она его искусила, избравъ для сего простой и невинный плодъ... Да кромѣ того и еще есть загвоздка...

Эту загвоздку онъ сообщалъ уже полупотомомъ близъ сидѣвшихъ подлѣ него мужчинамъ.

— Блудодѣвіе то отъ кого же, какъ не отъ женщины вверне происходитъ!..

И аббатъ запилъ сію апогею полнымъ стаканомъ вина. Вопросъ перешелъ въ реформамъ женскаго образованія. Почти всѣ осмѣивали стремленія нѣкоторыхъ женщинъ учиться.

— Пусть бы читали больше катехизисъ, замѣтилъ Бальтазаръ:— а не вольнодумничали о какихъ-то своихъ правахъ...

— Не лучше ли евангеліе? замѣтилъ Леквилли: — въ немъ онѣ почерпнули бы основаніе для прониженія своими обязанностями и чувство собственнаго достоинства...

— Эвъ вы! равнуетъ аббатъ:—вѣдь эдакъ онѣ сдѣлаются протестантками...

Сосѣдъ Леквилли тихо замѣтилъ ему:

— Не удивляйтесь грубости этого аббата; онъ сельскій священникъ, а потому и особаго взыску съ него нѣтъ; но согласитесь, что въ наше время отрадно видѣть, что высшее духо-

венство, въ лицѣ монсеньора Дюпанлу, само заявляетъ о необходимости «болѣе полнаго, сильнаго и серьезнаго образованія» для женщинъ...

Леквилли улыбнулся на его слова и объяснилъ ему, что въ сущности орлеанскій новаторъ не далеко ушелъ отъ аббата Бальтазара. Онъ говорилъ съ знаніемъ дѣла, логично и увлекательно.

— Гдѣ? покажите мнѣ, гремѣлъ на другомъ концѣ стола голосъ оратора, заявлявшаго передъ тѣмъ свое неудовольствіе Соединеннымъ Штатамъ и Америкѣ:—тѣ женщины, которыя когда-нибудь проявлялись своею гениальностью? Ихъ такъ мало, что просто срамъ. А кто имъ мѣшалъ проявляться, напримѣръ хоть въ живописи? А наше-то время! Кажется, мы то-ужь не жалѣли денегъ на образованіе нашихъ дочерей. Развѣ Франція не усѣяна тысячами монастырей, гдѣ ихъ учатъ и наукамъ, и искусствамъ, и языкамъ, не говоря уже о законѣ Божиемъ и руководствіяхъ! Забудьте-ка, какія у нихъ тамъ программы...

— Вы забываете еще литературу... Мои дочери знаютъ наизусть цѣлыя страницы изъ Корнелия и Расина...

— Я тоже ихъ знала, когда выходила замужъ, вмѣшалась Элиза... я и теперь еще могу наизусть продекламировать сонъ Аталій.

— Все это, глубокомысленно замѣтилъ Сандріэ:—можно выразить однимъ словомъ: женщина въ умственномъ отношеніи несравненно нѣже мужчины...

— Какъ проповѣдывалъ это и святой Юстинъ, сказалъ Бальтазаръ, смѣявшійся надъ язычниками за то, что они Минерву-женщину сдѣлали эмблемой премудрости.

Френэ не удостоивалъ этого разговора своимъ внимательствомъ. Для него все это были вещи давно рѣшенныя; но когда разговоръ затянулся надолго, онъ, отъ нечего дѣлать, высказалъ въ полголоса одному изъ своихъ сосѣдей слѣдующія свои соображенія:

— Женщина — это чувствующая машина. Фатализмъ ея полового устройства обуславливаетъ это: *in utero mulier*. Она не отвѣтственна ни за свою добродѣтель, ни за преступленія, хотя и не должна объ этомъ знать. Если ее приходится наказывать, то дѣлать это надо безъ злобы, какъ мы наказываемъ бессмысленныхъ животныхъ, мягче или жестче, смотря по выносливости ея кожи. Ее также, подобно домашнимъ животнымъ, слѣдуетъ держать въ постоянномъ страхѣ и уваженіи къ своему авторитету. Законъ Ману, что жена должна видѣть въ своемъ мужѣ бога, хотя бы онъ былъ самый презрѣнный изъ людей — въ

болѣ утонченной формѣ лежитъ справедливо въ основаніи тѣхъ ученій, которыми и въ наши дни обусловливаются семейныя отношенія. Женщина прежде всего — средство для наслажденія и честолюбія, и за это, конечно, кто можетъ, долженъ щедро расплачиваться вѣжливостью въ отношеніи къ ней, нарядами и брилльянтами.

Потомъ, обращаясь для заключенія спора ко всѣмъ присутствовавшимъ, произнесъ:

— Вмѣсто того, чтобы толковать о какихъ-то своихъ правахъ, женщина въ наши дни обязана позаботиться объ узнаніи своихъ обязанностей; изъ обязанностей же этихъ главнѣйшая: повиновеніе. Въ немъ въ наше смутное время самый надежный оплотъ общества и семьи отъ наплыва разрушительныхъ и анархическихъ идей.

Послѣ такого спича, гости выпили еще по бокалу шампанскаго и перешли въ салонъ пить кофе; Жюльета была тамъ. Оскорбленная шумомъ, раздававшимся изъ той самой комнаты, гдѣ за нѣсколько дней стояла покойница, разстроенная тѣми отрывками разговора, которые до нея доносились, она была такъ блѣдна и лицо ея выражало такую сосредоточенность и суровость, что Френэ испугался. Гости тоже это замѣтили, но приписали ея утомленію и долгой молитвѣ. Тысячи комплиментовъ сыпались ей со всѣхъ сторонъ, но она на нихъ даже не отвѣчала и взоръ ея останавливался съ симпатіей только на одномъ Леввили, золотое сердце котораго и непредубѣжденный умъ она уже имѣла передъ тѣмъ время близко узнать.

Вскорѣ послѣ кофе всѣ гости разъѣхались. Сандріэ отправился въ Парижъ. Лошади были уже готовы, чтобы проводить отца Жюльеты, и Френэ вышелъ на крыльцо. Но г. Сандріэ не успѣлъ еще сѣсть въ коляску, какъ комиссіонеръ подалъ Жюльетѣ толстый пакетъ; она его распечатала и нашла другой пакетъ, тоже запечатанный, адресованный на ея имя *въ собственныя руки*; подлѣ лежала небольшая записка. Она стала ее читать и прочла слѣдующее: «Сударыня! въ качествѣ душеприказчика г. Маршала, имѣю честь препроводить при этомъ пакетъ. Я опоздалъ раньше исполнить волю завѣщателя, такъ-какъ вынужденъ былъ на нѣкоторое время увезти Андре изъ дома и мѣста, гдѣ умеръ его отецъ, что произошло на слѣдующій же день, послѣ того, какъ я имѣлъ честь васъ встрѣтить. Примите и проч.» Подписано: Клодъ Органъ.

Въ то время, когда Жюльета читала письмо, Френэ сзади жены пробѣжалъ его глазами. Жюльета, прочитавъ письмо, поблѣднѣла.

— Будьте такъ любезны, позвольте мнѣ взглянуть на пакетъ, находящійся у васъ въ рукахъ, сказалъ ей Френэ.

— Но... письмо это адресовано на мое имя и притомъ, взгляните, въ собственныя руки.

— Я это очень хорошо вижу, поэтому-то и прошу васъ.

— Будьте увѣрены, я, какъ только прочту, покажу его вамъ...

— Напротивъ, я хочу предохранить васъ отъ его прочтенія... Я увѣренъ, что тамъ какія-нибудь клеветы, которыя вамъ неприлично читать...

— Если это такъ, то довѣрьтесь тому, что я произведу имъ заслуженную оцѣнку.

— Неужели вы откажете въ моей просьбѣ? настаивалъ онъ. Она молчала.

Онъ подошелъ къ ней, взявъ ея руку, поднесъ ее къ губамъ своимъ и... ловко высвободилъ въ то же время пакетъ изъ этой руки.

Сандріэ въ это время успѣлъ уже сѣсть въ коляску. Френэ, овладѣвъ пакетомъ, вскочилъ въ нее тоже, сказавъ въ полголоса своему тестю: «у меня есть до васъ дѣло». Жюльета заносила уже ногу на подножку коляски, но Сандріэ остановилъ ее:

— Прощай, прощай, Жюли, съ нами садиться нельзя; намъ съ твоимъ мужемъ надо серьезно поговорить. Ложись-ка лучше отдохнуть, ты вся въ лихорадкѣ.

— Я сейчасъ вернусь, сказалъ Френэ, тронувъ возжами. Лошади помчались.

Жюльета отступила какъ ужаленная; она вся вспыхнула. Камилль, тоже находившійся на крыльцѣ, взглянулъ на нее и язвительно улыбнулся. Исполненная негодованія, она съ трудомъ дошла до своей комнаты.

VI.

Войдя къ себѣ и оставшись одна, Жюльета собрала всѣ свои силы. Совершенный упадокъ духа, въ которомъ она передъ тѣмъ находилась, показался ей недостойною слабостью. Въ продолженіе одного дня она получила столько разнообразныхъ оскорбленій: у нее вырвали письмо, какъ у ребенка; ее прогнали, какъ служанку, потому что хотѣли говорить о серьезномъ дѣлѣ; она поняла, что если она не будетъ готова къ борьбѣ, то ей можетъ предстать такая же участь, каковая свела въ могилу ея мать. Женщина — ничтожество, такъ рассуждало большинство лицъ, бывшихъ на завтрагѣ, и мужу ея, человѣку ловкому, какъ опредѣ-

диль Френэ Ламбъ, ничего не будетъ стоять согнуть ее, какъ тростинку. «Надо бороться!» эта мысль, впервые въ ней родившаяся, ободрила ее и она вдругъ почувствовала въ себѣ силу помѣряться во весь ростъ съ тѣмъ человѣкомъ, котораго еще такъ давно ея воображеніе возносило такъ высоко. Она съ холоднымъ безстрастіемъ припомнила все свое прошлое, и открыла всѣ свои раны, изъ которыхъ еще струилась кровь, и во время этого внутреннего разбора только изрѣдка по ея тѣлу пробѣгала холодная, нервная дрожь...

Погруженная въ размышленія, она не замѣтила, какъ скрипнула дверь и вошелъ Френэ, возвратившійся съ проводовъ тестя. Онъ слегка кашлянулъ...

Она подняла голову, увидала его, приподнялась съ кресла, нервно опершись на его ручки, и вѣя себя, твердою поступью сдѣлала нѣсколько шаговъ къ нему на встрѣчу...

— Я оскорблена и унижена вами... ваше презрительное отношеніе ко мнѣ — я не могу и не хочу выносить!... ваши дѣянія сдѣлали меня участницей въ страшномъ преступленіи: смерти невиннаго человѣка... изъ-за вашей прихоти я лишила хлѣба нѣсколько семействъ... Послѣ всего этого вы должны снять вашу маску и прервать молчаніе... Объясните мнѣ, что вы такое? И что такое наконецъ я сама здѣсь, жена ли я ваша, орудіе ли вашихъ интригъ, или слѣпая сообщница вашего разврата?...

Она дрожала отъ негодованія, произнося эти вызывающія слова... Френэ старался безстрастно слушать, но внезапная блѣдность отчасти измѣнила ему. Однако онъ выдержалъ суровый взоръ Жюльеты, и ушелъ не отвѣчая, холодный и молчаливый.

Неожиданность, впрочемъ, такъ его изумила, что едва-ли онъ и былъ въ состояніи найти какой-нибудь отвѣтъ; вся его забота при этой сценѣ сосредоточивалась на томъ, чтобы поддержать хотя сколько-нибудь прилично свою внѣшность. Когда онъ сходилъ съ лѣстницы, у него задрожали ноги. Конечно, онъ ждалъ вопросовъ, напримѣръ, хотъ о письмѣ, которое онъ принесъ съ собой, чтобы прочесть женѣ изъ него отрывки съ необходимыми объясненіями, — но онъ не ожидалъ отъ нея протеста въ такой рѣзкой формѣ. Онъ успѣлъ на всякій случай предупредить и Сандріэ о странностяхъ, обнаружившихся въ характерѣ его дочери, объ исторіи Маршала и Андре, и произвелъ на чувствительнаго отца такое полное впечатлѣніе, что тотъ, подъ вліяніемъ благороднаго негодованія и избытка выпитаго за завтракомъ вина, пришелъ въ такую необъятную ярость,

что предлагалъ зятю, что онъ тотчасъ вернется; чтобы прочитъ недостойную и привести въ должное повиновеніе: «она и мнѣ, еще ребѣнкомъ осмѣливалась противорѣчить! слишкомъ много воли вы ей дали, вотъ она и зазналась. Но, что бы ни случилось, рассчитывайте на мою поддержку». Когда Френэ совсѣмъ уже сошелъ съ лѣстницы, въ глазахъ его вдругъ показался какой-то зловѣщій блескъ. Покорный какой-то мысли, появившейся въ его головѣ, онъ уже сдѣлалъ нѣсколько ступеней наверхъ, но привычка сдерживать свои порывы остановила его, и онъ сошелъ съ лѣстницы.

Въ этотъ день его ждали въ Пюи, гдѣ надобно было дать послѣдній толчокъ дѣлу его окончательнаго избранія въ члены департаментскаго совѣта. Выборы назначены были на послѣзавтра. Онъ отправился, и, чтобы избѣгнуть случайностей, взялъ Камилла съ собою, а всю мужскую прислугу разогналъ по различнымъ порученіямъ. Камиллу, укачиваемый тряскою экипажа, скоро заснулъ, и онъ могъ удобно предаться своимъ размышленіямъ: «это полнѣйшая революція, бунтъ, вспыхнувшій во всей своей яркости. Но съ чего бы это могло произойти, въ минуту полнѣйшей любви и согласія и безо всякихъ антецедентовъ? Конечно, ни сожалѣніе о ребѣнкѣ, ни исторія этого письма, не могли произвести такого сильнаго взрыва». Онъ ломалъ себѣ голову надъ отыскиваніемъ причины, породившей это загадочное для него явленіе. Не сошла ли она съ ума? думалъ онъ, не любовь ли къ покойницѣ матери извратила ея чувства? Не читала ли она за это время этихъ проклятыхъ романовъ?... спрашивалъ онъ себя. Нечего и говорить, что онъ проглядѣлъ всѣ нравственныя проявленія, характеризовавшія за послѣднее время душевный бытъ его жены. Смутно понимая слово личность, онъ даже и не предполагалъ, чтобы она могла быть у Жюльеты, и смотрѣлъ на нее просто и какъ на красивую представительницу своего пола, наивную и невѣжественную. Тестъ съ своей стороны никогда не высказывалъ зятю, что его дочь «съ душкомъ». Опытный торговецъ, отдавая свою дочь, онъ только выхвалялъ ея качества, о порокахъ же ея благоразумно умалчивалъ, какъ умалчивалъ прежде передъ покупателями о недостаткахъ своего полотна. Френэ видѣлъ только, что Жюльета добра, кротка, что она можетъ отлично вести домъ и исполнять всѣ его желанія, клонившіяся къ осуществленію его честолюбивыхъ цѣлей: больше ему ничего и не было надо, а за все это, онъ, по своимъ взглядамъ, вознаграждалъ ее роскошью и нарядами — съ царскою щедростью. Теперь другое дѣло. Самолюбіе его страдало; онъ былъ оскорбленъ. Въ его лицѣ наносилась обида лучшимъ,

по его мнѣнію, мужьямъ. Только женская неблагодарность и несправедливость могли совершить нѣчто подобное. Во время пути онъ обдумалъ дальнѣйшій свой образъ дѣйствій. Теперь жена его сдѣлалась уже недостойной какихъ бы то ни было объясненій съ его стороны. Она болѣе не заслуживала, чтобы онъ открылъ передъ нею свои политическіе принципы. Полнѣйшее молчаніе и суровая холодность въ отношеніи къ Жюльетѣ — вотъ на чемъ онъ остановился. «Время все поправить, подумалъ онъ, она робка и любить меня». На этомъ онъ успокоился и остановился у одного изъ отелей, отпустилъ Камилла въ театръ, а самъ, войдя въ комнаты, прежде нежели отправиться на вечеръ для избирателей, который префектура давала въ его честь, вздумалъ снова прочитать бумаги, находившіяся въ пакетѣ. Ихъ было двѣ: письмо Маршала и обширная записка.

Вотъ что писалъ Маршалъ къ Жюльетѣ слабымъ и лихорадочнымъ почеркомъ: «Милостивая государыня! Я умираю — черезъ васъ, оставляя боготворимаго мною сына — сиротой. Я какъ-то васъ встрѣтилъ случайно — и ваше лицо заставило меня предположить, что вы женщина съ душой. По всей вѣроятности, вы только слѣпое орудіе моихъ несчастій. Настоящимъ виновникомъ — вашъ властелинъ. Я его хорошо знаю, и считаю долгомъ и васъ познакомить съ нимъ въ настоящемъ свѣтѣ. Средство это жестоко, но оно предохранитъ и васъ и другихъ отъ большаго зла. Когда я былъ однимъ изъ служащихъ у Френэ, я имѣлъ счастье пользоваться дружбой одного почтеннаго старика, господина Б., игравшаго такую честную роль въ событіяхъ 1848 года. Вашъ мужъ тоже его зналъ, былъ многимъ ему обязанъ и пользовался его кредитомъ, пока считалъ выгоднымъ для себя притворяться демократомъ. Потомъ онъ отказался отъ этого старика. Эго Б. такъ часто разсказывалъ мнѣ о Френэ, что все, что онъ мнѣ говорилъ, рѣзко запечатлѣлось въ моей памяти; я записывалъ это для себя, и думалъ воспользоваться, какъ матеріаломъ для задуманнаго мною сочиненія о нравственномъ упадкѣ современной Франціи. Френэ, — какъ и многія лица — дитя и выраженіе нашей современности во время второй имперіи. Прочтите это описаніе безъ злости — въ немъ одна сушая правда, повѣрьте слову умирающаго, и вы, по крайней-мѣрѣ, если вы дѣйствительно хорошая женщина, предохраните себя отъ слѣпоты, съ какой вамъ, увы! пришлось уже сдѣлать не мало зла. За зло, причиненное вами мнѣ лично, я прощаю вашему невѣдѣнію. Антуанъ Маршалъ».

Въ запискѣ, біографія Френэ была описана шагъ за шагомъ, съ малѣйшими подробностями. Кромѣ того, что уже знаютъ чи-

татели, въ ней было нѣчто иное. Вотъ существенныя черты изъ этой біографіи.

Френэ былъ сыномъ небогатныхъ родителей. Отецъ его жилъ на четыре тысячи франковъ въ годъ, которые онъ зарабатывалъ въ одной конторѣ, но мать происходила косвеннымъ образомъ отъ старинной фамиліи Монтморовъ, чѣмъ она такъ чванилась, что даже тарелки супа во всю свою жизнь не умѣла съѣсть просто, безъ торжественности. Мужъ ея, полудидіотъ и иллюминатъ, заразился отъ нее, какъ оспой, этимъ чванствомъ, и молодому Огюсту чуть не съ пеленокъ протрубили всѣ уши объ его происхожденіи, такъ что онъ съ малолѣтства привыкъ смотрѣть на міръ, какъ на свою собственность, принадлежащую ему по праву его происхожденія. При поступленіи въ коллежъ Генриха IV, Огюстъ смѣшилъ всѣхъ товарищей своею надутостью и чопорными манерами. Насмѣшкамъ на его счетъ не было числа. Но онъ самъ внезапно перемѣнился: онъ достигъ, что въ жизни необходимо умѣть притворяться, онъ затаилъ свое тщеславіе и старался сдѣлаться первымъ ученикомъ, чтобы превзойти товарищей. При скудныхъ способностяхъ ему это было не легко, но онъ достигъ послѣ долгаго труда полу-успѣха, такъ-какъ сдѣлался однимъ изъ первыхъ. Первымъ сдѣлался Лавонъ, обладавшій живыми, быстрыми способностями. Огюстъ почувствовалъ къ нему зависть и возненавидѣлъ его. Выйда изъ коллежа, Френэ сталъ продолжать курсъ въ школѣ правовѣдѣнія, куда отецъ вносилъ за него послѣдніе гроши, скопленные десятками лѣтъ горькой экономіи. Къ выходу изъ школы, родители его умерли и сдумѣли еще оставить ему изъ этой экономіи 12 тысячъ франковъ. Оставшись одинъ, съ этими деньгами, Огюстъ просто изнывалъ отъ своего ничтожества. Чтобы выбиться изъ него, онъ употреблялъ всевозможныя усилія: искалъ, ползалъ, шатался по переднимъ вліятельныхъ людей, пробовалъ писать въ газетахъ, пресмыкался, продолжая работать за троихъ—ничего не удавалось. Онъ могъ только еле-еле поддерживать свое существованіе. Б. въ это время далъ ему небольшое мѣсто и снабдилъ незначительной суммой денегъ, но не могъ доставить ему мѣста префекта, котораго тогда Френэ добивался, и Френэ, возненавидѣлъ также и его. Въ это время Френэ былъ яримъ демократомъ и громилъ весь міръ, не понимавшій его величія. Въ то же время онъ, подобно своему отцу, бросился въ мистицизмъ и получилъ полнѣйшую увѣренность въ свое предназначеніе управлять судьбами человѣчества... Случая къ этому однакожь все-таки не представлялось. Напрасно онъ увивался около десяти богатыхъ невѣстъ—ни одна изъ нихъ ему не досталась. Тогда онъ

по ступилъ влркомъ къ одному адвокату, у котораго занимался и Лавонь. Въ сѣти, расставленныя имъ дочери этого адвоката, тоже ничего не поймалось, хотя ему и удалось разстроить предположенный бракъ этой дѣвушки съ Лавонемъ. Однажды на балѣ у этого адвоката ему пришлось танцовать съ одною очень богатою дѣвушкою. Мысль завладѣть ея капиталомъ, не давала ему покоя. Но, чтобы обезпечить себѣ болѣе вѣрный успѣхъ въ этомъ предпріятіи, онъ затѣялъ дѣйствовать на молодую дѣвушку, черезъ ея гувернантку, дѣвушку не старую, но очень безобразную. Для этого онъ сталъ за нею ухаживать. Гувернантка, на которую до тѣхъ поръ никто изъ мужчинъ не обращалъ никакого вниманія, была польщена его вниманіемъ. Между ними образовалась интимность, и однажды Френэ, въ минуту разгоряченія крови, воспользовался ея неопытною, полагая, что это ему сойдетъ съ рукъ... но у гувернантки оказался отецъ, старый морякъ и бреттеръ, который силою повелъ соблазнителя къ меру... Это была первая госпожа Френэ, принесшая съ собою въ приданое тысячу франковъ и беременность Камилломъ. Лавонь женился въ это же время на пожилой вдовѣ съ огромными деньгами и вліаніемъ, и для него сразу началась блистательная служебная карьера. Года два послѣ брака, Френэ все-таки испытывалъ неудачи, наконецъ фортуна ему улыбнулась. Въ Праделлѣ только что открыли существованіе каменнаго угля. Френэ сталъ подбивать разныя капиталистовъ на его разработку, и сдѣлавъ удачный заемъ, сталъ скупать за безцѣнокъ земли у собственниковъ, незнавшихъ, какое въ ихъ земляхъ заключалось сокровище. Когда нѣсколько капиталистовъ рѣшились дать денегъ на это предпріятіе, Френэ сталъ вести это дѣло, въ качествѣ пайщика. Но угля находили мало цѣлыя два года, и капиталисты смотрѣли на это дѣло, какъ на потерянное. Френэ всѣми силами распространялъ слухи о томъ, что ждать отъ этихъ копей въ будущемъ ничего нельзя, и по баснословно-дешевой цѣнѣ, при помощи новаго займа, скупилъ участки своихъ пайщиковъ. Онъ, близко ознакомясь съ дѣломъ, зналъ, что къ концу этого же года можно будетъ получать несмѣтное количество угля. До тѣхъ поръ онъ велъ бѣдную и трудовую жизнь, жена была его вѣрною помощницей, помогала ему въ расчетахъ, вела книги, и все это безъ всякой корыстной цѣли, а только для того, чтобы чѣмъ-нибудь привязать къ себѣ мужа, который на ней вымещалъ свою ошибку, обращаясь съ ней сурово и жестко (тогда манеры его были еще грубы), былъ совершеннымъ деспотомъ, безпрестанно упрекалъ ее ея безобразіемъ, смѣялся надъ ея религіозностью, не пускалъ въ церковь и даже въ минуту ея смерти, отъ невы-

носимого семейнаго гнета, не позволилъ ей позвать духовника. Она, также какъ и отецъ ея, весьма скоро умерла и Френэ почти въ одно и то же время сдѣлался свободнымъ и миллионеромъ. Тогда онъ рѣшилъ, что настала часъ и для удовлетворенія главной его страсти — честолюбія. Для этого онъ переѣхалъ въ Парижъ, сталъ давать великолѣпные праздники, изъ демократа сдѣлался ультра-консерваторомъ, самъ смѣялся надъ прежними своими взглядами и совершенно перемѣнилъ образъ жизни: сталъ каждое воскресенье посѣщать церковь, куда приводилъ и Камилла, которому сталъ давать строго-религиозное образование. Рядомъ съ этимъ, онъ, благодаря слухамъ о своемъ богатствѣ, былъ допущенъ въ одно дипломатическое общество и въ два салона Сень-Жерменскаго предмѣстья, правда, изъ самыхъ подозрительныхъ. Но для начала было хорошо и это. Его происхождение отъ Монтморозъ и благонамѣренный образъ мыслей упрочили его положеніе въ этихъ салонахъ. Здѣсь-то была его школа хорошихъ манеръ; онъ многое перенялъ, но до многого додумался самъ и выработалъ себѣ спокойно-гордую представительность. Сверхъ того, ему удалось свести нѣсколько интрижекъ съ посѣтительницами этихъ салоновъ и изучить при этомъ ту нѣжную мягкость въ обращеніи съ женщинами, которая такъ очаровывала первое время Жюльету. Около этого же времени установилось и мнѣніе о его высокомъ умѣ, чему онъ былъ обязанъ своему умѣнью молчать и устроить серьезное лицо, никогда не говорить не приготовившись предварительно, а въ важныхъ случаяхъ, не сформулировать даже предварительно самыя щегольскія изъ своихъ фразъ, на бумагѣ.

Во время чтенія этой записки Френэ то блѣднѣлъ, то краснѣлъ... Сознаніе подсказывало ему, что портретъ его вѣренъ. Окончивъ чтеніе, онъ проговорилъ сквозь зубы: «какъ это я позабылъ объ этомъ недовольномъ? Впрочемъ, все это письмо не что иное, какъ афѣра на сентиментальность моей супруги. Что за сказки, чтобы люди умирали отъ потери мѣста?»

Онъ сжегъ записку, повязалъ бѣлый галстухъ и отправился на вечеръ въ префектуру.

Между тѣмъ Жюльета весь вечеръ сидѣла не выходя изъ своей комнаты. Вспышка энергіи перешла у нея въ новое нервное ослабленіе. Неопытная и любящая натура, она мысленно уже почти простила мужа, но въ ней родилось другое безпокойство, на которое наводила ее мысль о той пропасти, которая, по случаю ея вспышки, открылась между ней и Френэ. Послѣднія основныя его любви къ ней, если онъ только любилъ ее, порвались. Она отгадывала ту глубину неприязни, какую долженъ былъ питать

къ ней Френэ, такъ сильно оскорбленный. Она видѣла безвыходность своего положенія. Если она покорится, — ей угрожала участь ея матери; если она станетъ поддерживать начатую борьбу, — ее могли ждать еще большія несчастія. И что могло предстоить ея будущему ребѣнку, если разрывъ между отцомъ и матерью будетъ окончательнымъ!

Утромъ Френэ возвратился домой членомъ генеральнаго совѣта, избраннымъ почти единодушно. Триумфу его способствовала префектура, пріатели—охотники, духовенство и аббатъ Вальгаръ, который съ развѣвающимися въ рукахъ значкомъ привелъ къ избирательной урнѣ чуть не всѣхъ своихъ прихожанъ. Только нѣсколько мѣстныхъ аристократовъ и ультра-аристократическіе представители семьи маркизы Уденардъ подали голоса противъ его избранія.

Проходя быстро черезъ комнату, въ которой находилась Жюльета, Френэ остановился въ двухъ шагахъ отъ нея, сухо спросилъ ее о здоровьи и прошелъ мимо, не дожидаясь отвѣта. Встрѣтились они только вечеромъ за обѣдомъ. При ея входѣ Френэ прогонялъ изъ дому человѣка, который не явился немедленно на его зовъ и осмѣлился передъ нимъ оправдываться (что было строго запрещено всѣмъ людямъ); изгнаніе это производилось торжественно, вся прислуга была выстроена въ рядъ. Заявляя ей о своей волѣ, Френэ, видя жену входящую, произнесъ необыкновенно рѣзко и отчетливо: «Я его прогоняю за неповиновеніе. Въ моемъ домѣ я не намѣренъ ни отъ кого его терпѣть. Примите всѣ это къ свѣдѣнію!»

За обѣдомъ Френэ ѣлъ съ аппетитомъ, предлагая женѣ каждое блюдо, среди общаго молчанія. Жюльета не могла ни до чего дотронуться: ей было не до ѣды. За жаргамъ Камилль обратился къ мачихѣ:

— Папу сегодня избрали... единогласно.

Жюльета произнесла какое-то несвязное поздравленіе. Камилль сдѣлалъ какое-то язвительное замѣчаніе мачихѣ, но Френэ такъ взглянулъ на него, что тотъ задрожалъ.

На слѣдующій день жена и мужъ встрѣтились на крыльцѣ. Жюльета подошла къ Френэ и произнесла:

— Я хотѣла...

— Пожалуйста, перебилъ Френэ: — не трудитесь объясниться. Я не желаю ничего слушать.

И онъ хотѣлъ удалиться; Жюльета остановила его за руку и взглянула ему въ лицо. На нее было жаль смотрѣть.

— Вашъ расудокъ нѣсколько разстроены, Жюльета, сказалъ онъ довольно ласково, замѣтивъ страдальческое выраженіе ея

лица.—Постарайтесь придти въ себя. Не желаете ли видѣть священника, я вамъ привезу его... Что же касается известнаго письма, продолжалъ онъ, замѣтивъ въ ея глазахъ вопросъ: — то предчувствія мои оправдались. Тамъ была клевета, направленная столько же противъ васъ, какъ и противъ меня... Я его бросилъ въ каминъ.

Въ это время ему доложили, что аббатъ Бальтазаръ, къ которому онъ самъ собирался идти, просить позволенія его видѣть чтобы поздравить. Онъ раскланялся съ женою, и вошелъ въ другую комнату, гдѣ ждалъ его аббатъ.

Френэ принялъ его очень любезно, приказалъ подать вина и завелъ разговоръ на тему необходимости въ мирѣ послушанія...

— Вы говорите, какъ духовный ораторъ, сказалъ аббатъ: — я замѣчаю въ васъ необыкновенное просвѣтленіе свыше...

— Это источникъ всякаго добраго слова, отвѣтилъ Френэ: — точно такъ же, какъ и источникъ всякаго авторитета. Нѣтъ власти, которая не давалась бы избраннымъ самимъ небомъ, все равно, будетъ ли это власть мужа или духовнаго пастыря...

— Да, въ этомъ отношеніи мы равны, горячо произнесъ аббатъ: — *vos dii estis, disit Dominus...* но духовная власть отчасти и выше...

— На дняхъ, я думаю, что жена моя, ваша прихожанка, будетъ имѣть въ васъ духовную нужду... она только-что мнѣ объ этомъ говорила.

Аббатъ низко поклонился, въ знакъ своей готовности къ услугамъ Френэ и его супруги. Онъ хотѣлъ высказать по этому поводу нѣчто, вѣроятно весьма мудрое и глубокое, но Френэ быстро съ нимъ раскланялся и исчезъ.

VII.

Еще двое сутокъ Жюльета провела въ совершенномъ уединеніи; Френэ съ ранняго утра отправлялся на охоту и обѣдалъ въ сосѣднихъ замкахъ. Ласковный тонъ послѣднихъ словъ мужа подѣйствовалъ на Жюльету успокоительно; мысль отерять свою душу духовнику, казалась ей весьма соотвѣтственною ея настроенію. Она ничего не имѣла противъ Бальтазара; его простота и грубоватый тонъ, приобретенный имъ отъ жизни съ народомъ, напротивъ, располагали ее въ его пользу. Но она разсудила лучше взять своимъ духовникомъ старика-священника изъ Терръ-Бланша, который славился въ своей мѣстности своею набожностью и скромностью жизни. Идти къ нему — представляло случай пріятной прогулки по горамъ, да сверхъ того,

предлогъ къ посѣщенію Леквиллей. Поэтому, она на третій день рано утромъ отправилась въ Терръ-Бланшъ. У Леквиллей она застала семейную сцену; Элиза была раздражена и капризничала; она настаивала, чтобы мужъ ея продалъ свой заводъ и переселился въ Парижъ; напрасно Эмиль Леквилль приводилъ всевозможные доводы, что существованіе завода обезпечивало будущность ихъ дѣтей, что оно составляло дѣло прибыльное, и вполне соответствовавшее его наклонностямъ и т. д. — Элиза твердо стояла на своемъ, упрекала мужа недостаткомъ сердца и честолюбія, указывала ему, какъ на примѣръ, на многостороннюю дѣятельность Френэ. Мужъ сопротивлялся какъ могъ, но дѣло, очевидно, склонилось къ тому, что желаніе Элизы въ скоромъ времени исполнится. Въ жару спора, супруги даже не обратили вниманія на печаль и разстроенный видъ Жюльеты, и только тогда, когда она уже поднялась, чтобы идти въ церковь, Элиза сообщила ей, что старій священникъ куда-то уѣхалъ на нѣсколько дней. Нечего было дѣлать, и Жюльета рѣшилась отправиться къ Бальтазару. Она застала его въ пустой церкви, выколачивающимъ для моціона коври. Бальтазаръ, предваренный Френэ, ждалъ ея появленія трое сутокъ; онъ хорошо понималъ изъ словъ Френэ, что отъ него ждутъ строгой проповѣди послушанія, но боялся нѣсколько близости свѣтской женщины и соблазна быть съ ней наединѣ. Онъ простодушно былъ увѣренъ въ томъ, что дьяволъ всего чаще принимаетъ обольстительныя формы хорошенькой женщины, и опасался власть въ искушеніе. Поэтому, при ея приближеніи онъ нѣсколько оробѣлъ, тѣмъ болѣе, что отъ наряда Жюльеты пахло на него самымъ тонкимъ запахомъ духовъ.

Въ обыкновенное время, онъ весьма затруднился бы также и присваніемъ соответствующихъ выраженій, въ какихъ ему приходилось наставлять молодую женщину въ послушаніи; но къ счастью его, дня за два до того, въ его приходъ было получено епископское посланіе именно на эту тему. Цѣлыя двѣ страницы этого увѣщанія Бальтазаръ вызубрилъ наизусть...

Приступая къ исповѣди, Жюльета нѣсколько задумалась... Ей приходилось, открывая свою душу, обвинять и себя и мужа; послѣднее ей вдругъ показалось не деликатнымъ, и она стала говорить только о себѣ, обвиняя себя въ сомнѣніяхъ и недовѣріи къ своимъ ближнимъ... Бальтазару только этого и было нужно; увѣщанія епископа приходились какъ разъ кстати. Поэтому, не давъ молодой женщинѣ даже окончить исповѣди, онъ громовымъ голосомъ началъ свою тираду.

— Всякое возмущеніе и бунтъ, произнесъ онъ: — почерпаетъ

свое начало или въ гордости, или въ растленіи сладострастіемъ. Ваше поведеніе достойно самаго строжайшаго осужденія. Богъ и законъ обязываютъ всякую женщину къ смиренію и послушанію; жены-христіанки съ покорностью и любовью подчиняются такому своему назначенію. Только зловеридныя ученія новѣйшаго времени стремятся водворить анархическое равенство жены и мужа, противное установленіямъ католической церкви. Жена да покоряется мужу... Нѣсть власти, аще... любезныя братья... то есть, я не то хотѣлъ сказать, власть мужа имѣть начало божественное... почему и приказанія мужа носятъ характеръ святости. Не повиноваться имъ, если только они не направлены къ гибели нашей души или къ ущербу католичества—преступно, но даже и въ послѣднемъ случаѣ, жена обязывается молчать и молиться за своего заблуждающагося мужа. Все, что скажетъ старшій — хорошо сказано, ибо говорить онъ не отъ себя... и мы должны безпрекословнымъ повиновеніемъ, такъ же, какъ и умерщвленіемъ своей гордости и плоти, уготовить себѣ путь къ прощенію грѣховъ нашихъ, и блаженству вѣчной жизни...

И долго и краснорѣчиво говорилъ Бальтазаръ на эту тему, порою нѣсколько сбиваясь, порою приплетая къ своей рѣчи снова *любезныхъ братьевъ*, къ которымъ обращалось заученное имъ епископское посланіе, порою подерѣвляя рѣчь аргументами собственной фабрикаціи... потомъ онъ нѣсколько утомился, а можетъ-быть, даже почувствовалъ въ себѣ искушеніе, котораго онъ такъ боялся, и круто оборвавъ свое наставленіе, отпустилъ Жюльету блѣдною и разстроенною.

Впрочемъ, на нее поученіе Бальтазара подѣйствовало не совсемъ такъ, какъ ожидалъ этого проповѣдникъ. Теорія послушанія, слышанная ею и прежде отъ родителей и воспитателей, возведенная въ систему Бальтазаромъ, освѣтила ей съ разу различныя недоумѣнія и сомнѣнія, занимавшія ея умъ. Ей прямо сдѣлалось понятнымъ, чего хотять отъ нея и насколько ея воля могла соотвѣтствовать такимъ желаніямъ. Вспомнилась ей и ея бѣдная мать и ея предсмертное расканіе за излишнюю покорность судьбѣ, и возвращаясь въ замокъ, Жюльета невольно произнесла, шевелившуюся въ годовѣ ея мысль: «нѣтъ, я хочу жить, и жить, во что бы то ни стало!»

По возвращеніи домой, она снова не застала Френэ. Онъ охотился на земляхъ виконта, который любезно предложилъ ему свести его, какъ бы нечаянно, съ аристократической партіей, бывшей противъ него, и съ блистательнымъ маркизомъ Уденардомъ. Уединеніе въ этотъ день не прошло для Жюльеты даромъ. Мысли ея пришли въ порядокъ, ей стало яснѣе многое въ жизни, чего

она не могла прежде замѣтить. Безъ метафизическихъ тонкостей, безъ абстрактныхъ теорій, она поняла въ этотъ день, что она существо свободное, что права ея на эту свободу имѣютъ самую невыблемую основу въ ея мысли и человѣческомъ достоинствѣ. Какъ дорогой цвѣтокъ, въ этотъ день въ душѣ ея распустилось чувство справедливости. Она вдохнула въ первый разъ въ теченіе столькаго времени, легко и привольно. Она поняла и одѣнила собственное достоинство, и ея сознаніе сдѣлалось для нея съ этой минуты на столько же священнымъ и неприкосновеннымъ, какъ нѣкогда ея дѣвическое цѣломудріе.

Она поняла въ этотъ день, что свобода—необходимое и священное условіе всей ея жизни.

Идея добра и справедливости освѣтила ея пониманіе, ей стало ясно, что всѣ разумныя существа равноправны, и что человѣкъ обязанъ своимъ достоинствомъ жить въ самомъ себѣ и въ другихъ, что не мѣшать долженъ онъ жизни другихъ, а облегчать и украшать ее... Всѣ ея мысли объ обязанностяхъ человѣка сгруппировались, естественно, въ несложныя формулы. Первая изъ этихъ формулъ, истекавшая изъ мысли, что лучшимъ мѣриломъ добра и зла должно принять уваженіе или оскорбленіе права человѣческой личности, состояла въ томъ, что необходимо уважать эту личность въ другихъ и заставить ее уважать въ себѣ; вторая заключалась въ томъ, чтобы быть полезной своимъ ближнимъ, въ самомъ широкомъ смыслѣ справедливости...

Успокоенная этимъ уясненіемъ мысли, Жюльета заснула поздно ночью самымъ спокойнымъ и тихимъ сномъ. Проснувшись съ зарей, она одѣлась и тотчасъ же пошла къ одной старушкѣ, Бригиттѣ, которую она знала прежде и уважала за ея необычайную честность. Она просила эту Бригитту сказать ей прямо и безъ утайки все, что она знала объ участи тѣхъ лицъ, которые потеряли свои мѣста по ея ходатайству. Оказалось, что всѣ эти лица, кромѣ двоихъ, незаслуживавшихъ особеннаго участія, были людьми хорошими; нѣкоторые изъ нихъ уже получили мѣста, но двое: Арманъ и Мартель находились съ своими семействами въ страшной бѣдности, вся же вина ихъ заключалась только въ томъ, что они прежде работали въ Праделлѣ и, конечно, не подали бы своего голоса за Френэ (вакансіи ихъ были замѣщены людьми ему преданными). Убѣдившись въ справедливости словъ Бригитты, Жюльета пригласила ее проводить себя въ Пью. Ей хотѣлось увидѣть лично Андре и Клода; положительный отказъ Френэ принять участіе въ первомъ—дѣлалъ для нее этотъ смѣлый шагъ какъ бы обязательнымъ. Для этого, взявъ съ собой Бригитту, Жюльета въ это же

утро отправилась въ Пюи, въ гостинницу Фазана, гдѣ, пока Бригитта пошла за Андре и Ортаномъ, Жюльета осталась дожидаться въ общемъ залѣ. Было еще очень рано, и въ этомъ залѣ никого, кромѣ прислуги, не было. Когда Ортанъ вошелъ, ведя за руку Андре, то Жюльету поразило привлекательное выраженіе лица молодого человѣка, въ глазахъ котораго сквозилъ умъ и прямота. Андре, увидя Жюльету, сталъ упираться и не хотѣлъ подойти къ ней, и когда она, замѣтивъ это движеніе, встала, подошла къ нему и спросила грустно-разстроеннымъ голосомъ: отчего вы не хотите подойти ко мнѣ и подать мнѣ вашей руки? ребенокъ, взглянувъ на нее своими большими, живыми глазами, отвѣчалъ:

— Скажите, за что вы не любите моего отца, и даже не зная его, донесли на него?

Жюльета не нашлась, что отвѣчать, пока Клодъ не успокоилъ мальчика обѣщаніемъ рассказать ему впоследствии, что не она въ этомъ виновата и не сказала ему, что она, напротивъ, очень много плакала о смерти его отца. Тогда ребенокъ довѣрчиво подалъ ей руку.

Жюльета объяснила Клоду, что она считаетъ своею святышею обязанностью дать возможно широкое образованіе Андре, просила его не отстраняться отъ ея въ этомъ участіи, и узнавъ, что Андре выказываетъ всѣ признаки призванія къ скульптурѣ и даже наивно уже и теперь называетъ себя скульпторомъ, предложила Клоду перевезти мальчика въ Парижъ и начать тамъ серьезно учить его этому искусству. Клодъ отвѣчалъ, что онъ не имѣетъ ничего противъ такого плана, такъ-какъ самъ лично совершенно независимъ и можетъ поселиться гдѣ угодно. На вопросъ Жюльеты, зналъ ли Клодъ лично Маршала, онъ отвѣчалъ, что хотя судьба свела ихъ незадолго до смерти послѣдняго, но онъ успѣлъ въ это время оцѣнить и высокій умъ и золотое сердце этого человѣка. Онъ рассказалъ въ общихъ чертахъ всю жизнь Маршала, сына пастуха, бывшаго въ своей молодости тоже подпаскомъ. Вся эта жизнь была тяжелой борьбой честнаго сознанія и сильной воли съ неблагоприятными внѣшними обстоятельствами, кончившеюся гибелью бойца, благодаря невѣжеству и несправедливости человѣческой. Прослушавъ все это, Жюльета, едва сдерживая свое волненіе, спросила его прерывавшимся голосомъ:

— Читали ли вы... то письмо Маршала, которое вы доставили мнѣ... вмѣстѣ съ вашимъ?

— Нѣтъ, не читалъ, отвѣтилъ прямо и просто Ортанъ.

Въ это время вернулся Андре, выходявшій изъ комнаты для

того, чтобы показать Жюльетѣ свои работы: выточенные ножомъ изъ дерева цвѣты, листья и т. д. Работы эти показывали въ мальчижѣ умѣнье и вкусъ. Замѣтя, съ какимъ участіемъ Жюльета ихъ разсматривала, Андре сказалъ ей:

— Хотите, я вамъ подарю все это?

— Я принимаю этотъ подарокъ съ благодарностью, отвѣчала она: — такъ вы, Андре, хотите быть непремѣнно скульпторомъ?

— Да... и такимъ же свободнымъ человѣкомъ, какъ мой отецъ и Клодъ, отвѣчалъ серьезнымъ тономъ Андре.

— Думайте всегда такъ, сказала она: — и считайте меня въ числѣ вашихъ лучшихъ друзей... я начинаю любить васъ почти такъ, какъ любилъ васъ отецъ вашъ. Г. Ортанъ отвезетъ васъ въ Парижъ, найдетъ вамъ хорошихъ учителей, а вы будете писать ко мнѣ о вашихъ успѣхахъ или въ Рёдонъ, или въ Парижъ же, гдѣ я скоро буду, въ улицу Пресбургъ, 22 №.

Она поцаловала Андре на прощанье и протянула руку Клоду, который, взявъ ее, нѣсколько поблѣднѣлъ и почтительно ей поклонился.

Изъ гостиницы, въ сопровожденіи Бригитты, Жюльета размыслила жилища Мартеля и Армана. Обѣ семьи застала она въ страшной бѣдности, въ тѣсныхъ и сырыхъ квартирахъ, но ея посѣщеніе измѣнило тотчасъ печаль ихъ на радость. Бѣдные люди такъ легко отдаются чувству благодарной радости, а Жюльета оставила въ обѣихъ семьяхъ по тысячѣ франковъ и написала порекомендательному письму къ Леквилли, прося его безотлагательно дать этимъ лицамъ занятія на его фабрикѣ.

VIII.

Френэ возвратился въ Рёдонъ въ этотъ день часомъ позже жены. Увида изъ окна своего кабинета Жюльету, прогуливавшуюся въ саду, онъ тотчасъ замѣтилъ спокойствіе ея походки и радостное выраженіе лица. Приписывая эту благоприятную переизмѣну искусной политикѣ своихъ къ ней отношеній, онъ самодовольно улыбнулся, откинулся на спинку кресла, и послѣ нѣкотораго размышленія, послалъ человѣка пригласить Жюльету къ себѣ. При входѣ ея, онъ взглянулъ на нее съ снисходительною вѣжностью, какъ врачъ смотритъ на выздоравливающаго больного, и пригласилъ ее сѣсть подлѣ себя. Въ этотъ день онъ былъ въ особенно хорошемъ настроеніи духа. Въ аристократическомъ обществѣ, откуда онъ вернулся, онъ произвелъ самое выгодное для себя впечатлѣніе строгою благонамѣренностью своихъ религіозныхъ и политическихъ убѣжденій. Самъ маркизъ

Уденардъ, предки котораго были возведены въ это званіе чуть ли не при Филиппѣ-Августѣ, и олицетворявшій въ себѣ самополнѣйшее ничтожество, свѣтившее заимствованнымъ блескомъ своей жены, съ трудомъ сдерживалъ свое благосклонное удивленіе къ уму и краснорѣчію Френэ. При первомъ словѣ Френэ о своей покойной родственницѣ Монтморъ, онъ тотчасъ же удостоилъ припомнить, что его дѣдушка, состоявшій при особѣ Людовика XV, рассказывалъ, что онъ былъ пораженъ красотой этого «нѣжнаго цвѣтка королевской опочивальни, отличавшагося высокою религіозностью». Мало того, Уденардъ въ разговорѣ раза два самъ обращался къ Френэ, и даже при выходѣ изъ комнаты пропустилъ въ дверяхъ его впередъ себя. «Весь департаментъ безъ исключенія за меня», подумалъ Френэ во время возвращенія съ этой охоты.

Сказавъ нѣсколько любезностей Жюльетѣ, Френэ предложилъ ей листъ бумаги и перо.

— Я попрошу васъ написать нѣсколько словъ подѣ мою диктовку къ Лавоню, произнесъ онъ, и когда замѣтилъ, что Жюльета обратила на него вопросительный взоръ, прибавилъ: — это ничего больше, какъ напоминаніе о моемъ правѣ прибавленія къ моей фамиліи — *де-Монтморъ*; дѣло, о которомъ вашъ крестный, кажется, совершенно забылъ, такъ-какъ я все жду и не дождусь диплома...

Она сказала ему на это въ отвѣтъ съ легкимъ волненіемъ:

— Я сама хотѣла васъ увидать, еслибы вы даже и не пригласили меня... такъ-какъ и для вашего и для моего достоинства... моя печальная вспышка...

— Я, кажется, не вспоминалъ объ ней... строго сказалъ онъ.

— Но я должна переговорить съ вами объ этомъ...

— Нѣтъ никакой надобности.

— Есть, и весьма настоятельная.

Онъ взглянулъ на нее сурово; она смѣло выдержала его взглядъ. Онъ всталъ съ мѣста.

— Вамъ, кажется, угодно, сударыня, повторить снова вашу безумную выходку?

— Нѣтъ, я очень страдаю... но могу говорить хладнокровно. Выслушайте меня.

Она думала открыть передъ нимъ все свое новое душевное состояніе, но при ея первыхъ словахъ о правѣ и сознаниіи, онъ бѣшено сверкнулъ глазами и сухо остановилъ ее.

— Все это однѣ фразы. Бросьте всѣ эти романческія затѣи. Угодно ли вамъ будетъ писать или нѣтъ?

— Выслушайте меня сначала...

Онъ подошелъ къ окну и забарабанилъ пальцами по стеклу.

— Я только что вернулась изъ города... и такъ-какъ моя обязанность ничего не скрывать отъ васъ, то я и расскажу вамъ обо всемъ, что я тамъ дѣлала.

И она рассказывала все, что происходило утромъ.

— Вы грезите, отвѣчалъ онъ, едва сдерживая страшное волненіе: — ничего такого не могло происходить въ дѣйствительности... Женщина вашего общественнаго положенія не можетъ забыться до такой непопозволительной степени, чтобы компрометировать мужа и идти одной въ гостиницу, чтобы имѣть тамъ свиданіе съ молодымъ человѣкомъ... пожалуй, онъ еще передавалъ вамъ тѣ клеветы на меня, которыми было переполнено письмо Маршала...

— Нѣтъ, я спрашивала его, читалъ ли онъ это письмо, и онъ отвѣчалъ, что нѣтъ.

— Этого еще только недоставало! Придите въ себя... кончите эту недостойную мистификацію... признайтесь, что все это вы говорите нарочно...

— Нѣтъ, я дѣйствовала сознательно, на основаніи вашего отказа озаботиться о судьбѣ Андре.

— Но вѣдь вы помѣшанная женщина... вы предаете своего мужа... прежняя ваша выходка происходила, по крайней-мѣрѣ, въ четырехъ стѣнахъ... здѣсь же вы просто безпутствуете открыто, на глазахъ цѣлаго города...

— Пусть смотритъ весь городъ, какъ онъ хочетъ... я считаю своимъ долгомъ заглядить свои необдуманные поступки, погубившіе другихъ...

— Другихъ!... другихъ! но вы забываете обо мнѣ... Знаете ли же вы, наконецъ, что такое я? продолжалъ онъ глухимъ голосомъ, скрестивъ на груди руки. — Понимаете ли вы, что каждое мое слово и дѣйствіе обдуманно, необходимо и вполне независимо? Понимаете ли вы, что я управляю судьбами толпы... и что жена обязана быть солидарною съ мужемъ?

— Вы не хотите понять моихъ словъ... Умоляю васъ, убедитесь, что я дѣйствую такъ, а не иначе, именно во имя человѣческаго достоинства своего, которое въ то же время и достоинство вашей жены.

— Все ваше достоинство должно заключаться въ одной и той же рѣчи въ меня.

— О! Богъ свидѣтель, почти вскричала она: — что я отдаю бы все въ жизни, чтобы имѣть къ вамъ снова такое довѣріе, какое я испытывала еще недавно... но вы сами вырвали это

чувство съ корнемъ изъ моей мысли... отдайте мнѣ снова эту вѣру, объяснитесь...

И она горько заплакала. Въ слезахъ ея слышалось и отчаяніе и жажда любви. Френэ глядѣлъ на нее съ изумленіемъ и не могъ не смягчиться при видѣ искренности ея рыданій.

— Я готовъ, пожалуй, забыть все прошлое... и даже сегодняшнюю вашу выходку... но и вы обязываетесь никогда болѣе не говорить ни объ чемъ этомъ... только на этомъ условіи я могу извинить васъ и то, что вы своимъ безуміемъ разрушаете все: мое и ваше спокойствіе, нашу взаимную любовь, мои планы и соображенія...

— Я не боюсь ни того, что я сойду съ ума, ни того, что потеряю свое спокойствіе... но я еще не перестала любить... вы мнѣ все-таки еще очень дороги... я готова и хочу любить васъ всѣми силами своей души... но отнынѣ любовь наша должна управляться...

— Чѣмъ бы это?...

— Закономъ справедливости.

Онъ пожалъ плечами и произнесъ рѣзко и протяжно:

— Я не поступлюсь своимъ авторитетомъ ни для чего и ни при какихъ обстоятельствахъ.

Она съ жаромъ убѣжденія продолжала говорить о равноправности мужа и жены, о необходимости въ супружествѣ помогать другъ другу для совѣстной дѣятельности во имя добра и чести... она думала его убѣдить, но съ каждымъ изъ ея словъ, онъ становился все мрачнѣе и мрачнѣе, и наконецъ лицо его приняло такое жесткое и надменное выраженіе, что Жюльета остановилась испуганная.

— Довольно! произнесъ онъ съ суровою торжественностью. — Я слушалъ въ послѣдній разъ ваши разглагольствованія — на эту тему. Съ настоящей минуты, имѣю честь васъ объ этомъ увѣдомить, вы уже не выйдете болѣе изъ того положенія, какое вамъ назначено провидѣніемъ и закономъ — въ моемъ домѣ! Вы женщина — и ничего больше. Я имѣю надъ вами права, и вы будете ихъ уважать.

— Я знаю также и свои права — вы ихъ тоже станете уважать! Съ этими словами она вышла изъ комнаты, съ гордымъ и непреклоннымъ выраженіемъ лица.

Когда Френэ остался одинъ въ комнатѣ, всѣ черты лица его исказились бѣшенствомъ, онъ сталъ ходить быстро взадъ и впередъ по комнатѣ... шумъ его шаговъ, отдававшійся звонко по паркету, заставилъ его опомниться... онъ овладѣлъ собою.

— «Но что же говорилъ ей этотъ аббатисша?» промелькнуло

у него въ головѣ. Объ ея посѣщеніи церкви въ Терръ-Бланшѣ и исповѣди у Бальтазара — ему уже было передано прислужгой.

Онъ сѣлъ, и послѣ продолжительнаго раздумья вынулъ часы: стрѣлка показывала 12 часовъ. Два поѣзда желѣзной дороги шли въ этотъ день въ Парижъ: одинъ въ пять, а другой въ 10 часовъ вечера. Онъ тотчасъ же написалъ спокойное и почти веселое письмо къ Левилли, въ которомъ извѣщалъ его, что хозяйственныя хлопоты заставляютъ его уѣхать на нѣсколько времени въ Парижъ вмѣстѣ съ женою, и другое письмо къ Сандрію.

Окончивъ письма, онъ самъ отвезъ ихъ на станцію. Возвращаясь оттуда, онъ встрѣтилъ Бальтазара, который все время послѣ исповѣди находился въ смущеніи и опасеніяхъ, исполнилъ ли онъ какъ слѣдуетъ свою обязанность, не слишкомъ ли круто обошелся съ такою важною особою какъ Жюльета, и не замѣтила ли она въ немъ порыва внезапно вспыхнувшей въ немъ къ ней страсти, того дьявольскаго навожденія, котораго самъ онъ такъ боялся. Кромѣ того, его заботили нѣсколько и мірскія соображенія. Если Френэ былъ бы имъ недоволенъ, то онъ могъ потерять свое мѣсто и быть сосланнымъ въ какой-нибудь бѣдный приходъ. Понятно, что встрѣтись съ Френэ и замѣтивъ необычайно-суровое выраженіе его лица, Бальтазаръ совершенно растерялся и обдумывалъ, какъ бы ему шмыгнуть въ какой-нибудь переулокъ деревни; но было уже поздно; Френэ его тоже уже успѣлъ замѣтить и подошелъ къ нему:

— Жена моя была вчера на исповѣди у васъ? спросилъ онъ.

Аббатъ поклонился и произнесъ машинально: была...

— Что такое вы тамъ ей говорили?... я замѣтилъ въ ея словахъ нѣкоторую странность...

— Право... я... я ничего...

— Дѣло это весьма серьезное — съ этимъ сопряжены весьма важные интересы, продолжалъ Френэ, не слыхавъ отвѣта Бальтазара.— Наши принципы, любезный аббатъ, одни и тѣ же; я займусь вашей судьбой, но попрошу и отъ васъ за это нѣкоторой услуги... вы мнѣ передадите въ общихъ выраженіяхъ то впечатлѣніе, которое она на васъ произвела...

Только послѣ этихъ словъ Бальтазаръ догадался, что Френэ ничего не знаетъ. Это его ободрило и онъ отвѣчалъ съ твердостью:

— Я тороплюсь къ больному, и какъ вы знаете сами, не имѣю права разглашать тайны исповѣди... Произнеса это, онъ быстро удалился.

Возвратясь въ замокъ, Френэ увѣдомилъ жену, чтобы она собиралась ѣхать съ нимъ въ 10 часовъ въ Парижъ.

— А если я не располагаю ѣхать? спросила она.

— Жена обязана всюду ѣхать за мужемъ...

— Что же ее обязываетъ на это?

— Положительное законодательство.

Жюльетѣ не оставалось ничего болѣе, какъ покориться. Она проплакала все остальное время дня, но во все это время нѣсколько разъ думала про себя: «нѣтъ, имъ не удастся сломить меня, какъ сломили мою бѣдную мать!» Френэ оставилъ въ Рэдонѣ Камилла и всѣхъ людей и вызвалъ изъ Пюи учителя, котораго просилъ присмотрѣть за мальчикомъ во время его отсутствія, но, чтобы избѣгнуть всякихъ разговоровъ съ женою съ глазу на глазъ, онъ взялъ Камилла къ себѣ въ карету, которая должна была довести его съ Жюльетой до станціи желѣзной дороги. Въ вагонѣ же нашлись два лица, съ которыми онъ тотчасъ же и завязалъ разговоръ, не обращая ни разу къ Жюльетѣ, которая не понимала ни дѣли, ни смысла поѣздки, пока съ дебаркадера желѣзной дороги въ Парижъ они не пересѣли въ карету, которая быстро помчалась въ улицу Сент-Оноре, къ дому, гдѣ жилъ Сандріэ.

IX.

Сандріэ былъ уже предупрежденъ утреннимъ письмомъ Френэ объ имѣющемъ произойти событіи. Онъ успѣлъ уже приготовиться къ своей роли, но ему конечно и въ голову не приходило, съ какимъ блескомъ Френэ, при своихъ средствахъ, выполнитъ свое амплуа.

Зять вошелъ въ его квартиру поступью торжественною и величественною. Указывая глазами на Жюльету, вошедшую въ комнату одновременно съ нимъ, онъ произнесъ важнымъ тономъ ошарашенному рантье слѣдующую тираду:

— Бѣдный отецъ, я имѣю несчастье возвращать вамъ вашу заблуждающуюся дочь. Между мною и ея — пропасть; никакія соглашенія не поведутъ ни къ чему. Возьмите ее назадъ, между нами все и навсегда кончено...

Сандріэ просто растерялся; такого эффекта онъ не умѣлъ даже и ожидать, онъ хотѣлъ что-то выразить Френэ, но тотъ, вѣжливо поклонившись, уже исчезъ...

— Такъ вотъ ты что! такъ вотъ ты какъ! задыхающимся голосомъ едва выговорилъ Френэ. — Негодница! объясни сей-

часть же, безъ всякой утайки, чѣмъ ты съумѣла возбудить къ себѣ гнѣвъ такого превосходнаго человѣка, какъ твой мужъ?...

Жюльета опусталась печально и гордо на стулъ. Она просто не понимала, что вокругъ нее происходитъ. Отвѣчать на формальный вопросъ отцу, который казался ей еще ниже Френэ — ей просто казалось немислимымъ. Она молчала, и только спустя четверть часа, когда Сандріэ успѣлъ въ волю набѣсноваться и накричать, она проговорила какъ бы про себя :

— Я не могу его уважать!

— Не можешь? этого превосходнаго человѣка? Это бунтъ сумасшедшей дѣвчонки... видно, мало я тебя наказывалъ въ дѣтствѣ... ты даже не понимаешь, какую судьбу я тебѣ составилъ... Слава Богу, что мать твоя умерла, ты бы ее убила сегодня!

Жюльета была просто удивлена такою грубостью, сквозь которую проглядывала такая невѣжественная наивность. Она молчала, онъ продолжалъ :

— А я-то еще тебя расхваливалъ за помощь, которую ты начала-было оказывать мужу! Старый дуракъ, я не понималъ, что эти бездушныя твари, которыхъ называютъ женщинами, дѣлаютъ все только по капризу... Одна моя Эрестина была исключеніемъ, за то я и устроилъ ей счастье, такое, какое рѣдко выпадаетъ на долю женамъ... Ужъ ей не пришлось бы на мысль навязывать мужу заботу обо всякихъ нищихъ и проходимцахъ...

— Развѣ Френэ говорилъ вамъ объ Андре?

— Еще бы. Объ этомъ у насъ былъ серьезный разговоръ, когда мы тебя не пустили въ коляску... У него были самые почтенные планы о судьбѣ этого мальчишки, который не стоитъ никакихъ заботъ уже по одному тому, что отецъ его былъ проклятымъ революціонеромъ... Только такая тварь, какъ Лавонъ, несмотря на то, что онъ министръ, можетъ радоваться твоему поведенію...

Далѣе онъ объяснилъ Жюльетѣ, что единственный способъ какъ нибудь кончить это скандальное дѣло — состоитъ въ томъ, чтобы она тотчасъ же вернулась къ мужу и вымолила себѣ прощеніе.

Когда Жюльета выразила свой положительный на это отказъ, гнѣву Сандріэ не было предѣловъ. Онъ поклялся, что тотчасъ же запретъ свою квартиру и уйдетъ въ Бельгію... Онъ бы уѣхалъ туда дѣйствительно, еслибы ему не пришлось на мысль уйти къ ватю, въ улицу Пресбургъ, и тамъ нѣсколько отдохнуть. Уходя, онъ поручилъ Жюльету слуганкѣ, нарочно для этого

нанитой на нѣсколько дней, такъ-какъ Френэ хотѣлъ скрыть сто всѣхъ о своемъ разрывѣ съ женою.

Жюльета, оставшись одна, ушла въ ту комнату, въ которой она жила дѣвужиной. Чего-чего не передумала она при видѣ этой комнаты, изъ которой она вышла чистого и довѣрчивого, и куда возвратилась чуть не полумертвою и въ конецъ разбитою жизнью...

Бесѣда Френэ нѣсколько умиротворила Сандріэ. Онъ возвратился спокойнѣе, и хотя въ теченіе цѣлыхъ трехъ дней обращался съ Жюльетой холодно, но повидимому старался не оскорблять ее болѣе грубыми своими словами. На четвертый день онъ вбѣжалъ въ ея комнату, разстроенный и блѣдный.

— Вотъ до чего довела ты... онъ, можетъ быть, уже не существуетъ! сегодня по крайней-мѣрѣ я съ полчаса стучалъ къ нему, и не получалъ никакого отвѣта... а онъ еще вчера говорилъ, что онъ готовъ чуть не застрѣлиться съ отчаянія... онъ—эдакая сила, плакалъ вчера какъ ребенокъ слезами съ куриное яйцо...

И онъ самъ сталъ рыдать, задыхаясь и кашляя...

Это было выше силъ Жюльеты. Она бросилась въ его объятія.

— Ведите меня къ нему сейчасъ же, сію же минуту...

Сандріэ только того было и надобно.

Френэ принималъ жену и тестя съ подобающимъ достоинствомъ: онъ зналъ заранѣе, что такъ должно быть. Поэтому онъ не выказалъ ни радости, ни холодности, ни торопливости, ни удивленія. Онъ выказалъ громадный тактъ, что, впрочемъ, для него не было и трудно, такъ-какъ все заранѣе было имъ обдуманно, и онъ на всю эту продѣлку мысленно ассигновалъ не болѣе пяти дней. «Это будетъ для нея хорошимъ урокомъ», думалъ онъ, и самодовольно улыбнулся, при ея входѣ въ комнату. О тѣхъ средствахъ, которыя пустилъ въ дѣло находчивый Сандріэ, онъ даже и не догадывался, не считая своего тестя способнымъ рѣшительно ни на что. Мысль объ окончательномъ разрывѣ съ женою не могла придти Френэ даже и въ голову. Жена была ему необходима—его обязанности, положеніе въ обществѣ и домъ, содержимый на широкую ногу—требовали этого, и для него этого было довольно. Кромѣ того, онъ боялся всякаго скандала, и скорѣе вынесъ бы хладнокровно, еслибы жена его завела открыто четырехъ любовниковъ, нежели позволилъ бы себѣ разойтись съ ней и дать этимъ пищу сплетнямъ и празднымъ пересудамъ. Сдѣлаться смѣшнымъ, быть сказкой города—для него было бы хуже смерти. Въ этомъ-то и заключалась вся его сила.

Между супругами, во время этого свиданія, не было произнесено даже ни одного слова объ ихъ недавней размолвкѣ. Все

время прошло въ постороннихъ разговорахъ, при которыхъ съ обѣихъ сторонъ высказывалась самая предупредительная любезность. Обѣдъ, за которымъ прислуживала новая прислуга, прошелъ благополучно, но послѣ обѣда Сандріэ, опасаясь какой-нибудь новой катастрофы, поспѣшилъ уѣхать по желѣзной дорогѣ вонъ изъ Парижа.

Жюльета, больная и усталая послѣ всѣхъ перенесенныхъ ею впечатлѣній, захотѣла скорѣ послѣ обѣда уснуть. Френэ проводилъ ее до приготовленнаго ей будуара и, пожелавъ спокойной ночи, откланялся. Роскошь этой комнаты, которую до того Жюльета видѣла только мелькомъ въ день своей свадьбы, поразила ее. Вкусъ спорилъ въ ней съ богатствомъ. Каждая вещь, каждая бездѣлица была въ своемъ родѣ художественнымъ произведеніемъ. Вдобавокъ во всему, все было надушено тѣми самыми духами, которыя до страсти любила Жюльета. Такая заботливость объ ея удобствахъ и вкусахъ со стороны Френэ, тронула молодую женщину и она заснула сповойно.

Дня черезъ два изъ Рёдона пріѣхалъ Камилль и вся прислуга зѣвка. Никто не могъ даже и догадаться, какая драма происходила недавно въ семействѣ Френэ.

Френэ былъ очень доволенъ собою и велъ себя съ этого времени съ большимъ самообладаніемъ, несмотря на глухую ненависть, которую онъ почувствовалъ къ женѣ. Его глубоко оскорбляла смѣлость Жюльеты и ея непризнаніе его гениальности, но онъ не терялъ еще надежды, что разбудивъ въ душѣ жены своей честолюбіе, страсть къ роскоши, онъ снова доведетъ ее до удивленія передъ своимъ могуществомъ и талантами. Онъ попробовалъ, и не безъ успѣха, снова принять тѣ манеры въ обращеніи съ женой, которыя такъ очаровывали Жюльету въ первое время ихъ брака. Онъ не позволялъ себѣ переступать порога ея будуара, но все ждалъ, что его туда пригласятъ, и занимался усиленно своимъ туалетомъ, но Жюльета, страдавшая отъ приходившей въ концу беременности и вся углубленная въ свой внутренній міръ, даже и не замѣчала этихъ его маневровъ.

Когда онъ въ первый разъ задумалъ отправиться въ Рёдонъ, то спросилъ у Жюльеты шкатулку, въ которую имѣлъ обыкновеніе вкладывать за третъ года деньги на карманныя издержки жены. Отперевъ этотъ ящикъ, онъ сдѣлалъ удивленное лицо: шкатулка еще въ первый разъ была совершенно пуста. Замѣти его удивленіе, Жюльета напомнила, что она дала двѣ тысячи франковъ Арману и Мартелю.

— Я вовсе не спрашиваю у васъ отчета въ вашихъ издержкахъ, замѣтилъ онъ съ кроткою мягкостью, и наполнилъ до

краевъ шкатулку золотомъ. Однажды онъ засталъ жену за чтеніемъ серьезной книги — и показалъ видъ, что онъ этого даже не замѣтилъ.

— Зачѣмъ ей мѣшать? подумалъ онъ, конечно, потому, что не могъ бы себѣ даже и отвѣтить на вопросъ: *какъ* ей помѣшать? Онъ только смутно понималъ, что ему противъ воли пришлось сдѣлать нѣкоторыя уступки неприятелю.

Но иногда онъ себѣ измѣнялъ. Приглашенія въ будуаръ онъ все еще не получалъ, и въ одну изъ ночей, раздраженный и взволнованный этимъ обстоятельствомъ, онъ чуть не вышелъ изъ себя. Онъ понялъ, что онъ какъ бы осужденъ охранять и уважать свободу и жизнь своей жены, и даже выносить ея странности. Но какъ допустить свободную волю въ женщинѣ, этой «ощущающей машинѣ»? Ему показалось, что вся его система дѣйствій несостоятельна и что она ни къ чему не приведетъ. Тогда онъ рѣшилъ всю ее совершенно измѣнить: «надо ей показать міръ», думалъ онъ: «во всей его отвратительной наготѣ, показать, что руководящими мотивами дѣйствій всѣхъ людей, честолюбіе и эгоизмъ, что всѣ люди лжецы, интриганы, лицемеры и хитрецы — и тогда ея мысль, не развитая хорошимъ образованіемъ, выйдетъ на широкую и настоящую дорогу житейской практичности». Пособіе и содѣйствіе жены ему было особенно необходимо въ это время, и его такъ или иначе, слѣдовало какъ можно скорѣе завоевать. Онъ обдумывалъ въ это время грандіозные финансовыя проекты и ждалъ отъ родства Жюльеты съ министромъ не только блестящей политической карьеры, но и увеличенія своего богатства. При его родѣ жизни, его обыкновенныхъ доходовъ оказывалось недостаточно; кромѣ того, если онъ и достигъ удивленія жителей Верхней Лоары къ своему роскошному роду жизни, то его это не удовлетворяло. Что такое провинція? ему хотѣлось удивлять не ее, а Парижъ, и пожалуй цѣлый міръ... а ему приходилось даже ждать еще какъ милости того времени, когда къ его имени позволить ему прибавить де-Монтморъ! Было очевидно, что планы его, вслѣдствіе которыхъ онъ женился на Жюльетѣ, если еще не совсѣмъ погибли, то значительно замедлились въ своемъ осуществленіи. Надо было, какъ можно скорѣе, сдѣлать изъ Жюльеты снова свою помощницу и посредницу между нимъ и министромъ.

Въ эту же ночь онъ рѣшилъ, что слѣдуетъ посондировать и самого Лавона, и утромъ на слѣдующій же день былъ у него въ приемной, подъ предлогомъ изъявленія благодарности за предоставленіе ему правительственной кандидатуры, а въ сущности, чтобы пронинуть хотя сколько-нибудь въ его мысли на счетъ себя.

Лавонь принялъ его очень любезно, наговорилъ ему комплиментовъ, изъ которыхъ ровно ни о чемъ нельзя было догадаться; кромѣ того въ комплиментахъ министра слышался слегка насмѣшливый тонъ.

На Лавоня, дѣйствительно, приходъ Френэ произвелъ самое комическое впечатлѣніе; Жюльета была у него только наканунѣ, и онъ, думая, что она пришла просить чего-нибудь для мужа, принялъ ее сначала очень сухо (злопамятность была однимъ изъ дурныхъ качествъ этого лица); но едва Жюльета рассказала ему отчасти свои страданія, не говоря впрочемъ ничего о Френэ, онъ смягчился и, не переходя границъ деликатности, выразилъ ей въ приличныхъ, но ясныхъ выраженіяхъ причину своей антипатіи къ Френэ. Все было такъ, какъ говорилъ Сандріэ на дорогѣ къ кладбищу. Кромѣ того Лавонь вскользь упомянулъ о предметѣ своего разговора съ госпожей Сандріэ во время свадебнаго бала. Чистота и возвышенность сердца Жюльеты поразили министра.

— Вы не любите Френэ, сказала Жюльета: — но все-таки вы вѣроятно не откажете ему въ высокомъ умѣ?

— Да... онъ весьма способный человекъ, отвѣчалъ Лавонь.

Когда тебѣ молчаніемъ суровымъ
За ласки я платилъ, мое дитя,
Иль оскорблялъ тебя ревнивымъ словомъ,
Стихала ты, поникнувъ и грустя.
Въ глазахъ твоихъ напрасно я старался
Подмѣтить гнѣвъ; — лишь скорбь я видѣть могъ,
И никогда въ тотъ мигъ не вырывался
Изъ устъ твоихъ язвительный упрекъ.

Когда жъ потомъ, съ рыданьемъ и мольбою
Къ ногамъ твоимъ припавъ, я говорилъ:
«Судьба вѣдитъ разстаться намъ съ тобою,
Тебѣ одно лишь горе я дарилъ!
Оставь меня! Моя душа больная
Былыхъ невзгодъ съ себя не сброситъ гнѣтъ!
Ты рвешься жить — и сила молодая
Въ тебѣ ключомъ неудержимымъ бьетъ!

Оставь меня! Усѣянный цвѣтами
Быть можетъ, ждетъ тебя веселый путь.
И страсть еще горячими лучами
(Иная страсть)! Твою согрѣетъ грудь!»
Твой взоръ тогда огнемъ негодованья
Сверзалъ; уста шептали мнѣ упрекъ,
И вѣрилъ я легко, что разставанья
Тяжелый часъ, отъ насъ еще далекъ!

А. Плещевъ.

РАЗСКАЗЫ

ИЗЪ ИСТОРИИ ПОСЛѢДНЯГО ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЯ (1816—1866).

ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ

1830—1848.

7. ФРАНЦІЯ ВЪ КОНЕЦЪ ЮЛЯ 1830.

Людвигъ-Филиппъ, герцогъ Орлеанскій. Его скитанія по свѣту и его отношенія къ королевскому двору. Популярность Луи-Филиппа. Министерскій докладъ и королевскія повелѣнія появляются въ Мониторъ 26 іюля. Впечатлѣніе, произведенное новыми распоряженіями правительства на публику. Либеральныя публицисты составляютъ протестъ. Начало безпорядковъ утромъ 27 іюля. Приготовленія къ серьёзному бою вечеромъ 27 и утромъ 28 іюля. Народъ овладѣваетъ (утромъ 28 іюля) ратушей. Парижъ объявленъ въ осадномъ положеніи. Неудача маршала Мармона. Переговоры депутатовъ съ маршаломъ. Карлъ отвергаетъ благоразумный совѣтъ Мармона. Прокламація главнокомандующаго къ парижанамъ (29 іюля). Два полка измѣняютъ королевскому знамени. Окончательная побѣда инсургентовъ. Характеръ возстанія. Сходка депутатовъ въ домъ Лафитта. Учрежденіе временнаго правительства. Карлъ дѣлаетъ запоздалыя уступки оппозиціи. «Республика или монархія?» Переговоры депутатовъ съ Людвигомъ-Филиппомъ. Луи-Филиппъ провозглашенъ въ ратушѣ намѣстникомъ королевства. Удаленіе Карла изъ Франціи. Новый король.

Конституціонная партія возлагала надежды свои на герцога Орлеанскаго. Этотъ принцъ, родившійся въ 1773 году, былъ сынъ знаменитаго Филиппа Эгалитѣ, окончившаго порочную жизнь свою на гильотинѣ въ 1793 г. Родъ Луи-Филиппа происходилъ отъ пфальцской принцессы Елизаветы-Шарлотты, имѣвшей несчастье быть женою брата Людовика XIV, безнравственнаго Филиппа Орлеанскаго. Подобно Карлу X, Людовикъ былъ Бурбонъ, но Орлеанская вѣтвь Бурбонскаго дома, въ лицѣ многихъ своихъ членовъ, составляла почти постоянную оппозицію царствующему дому, а потому народъ принималъ ее за совершенно чуждую Бурбонамъ фамилію.

Съ самыхъ раннихъ лѣтъ, Людовикъ-Филиппъ Орлеанскій выказывалъ многія гражданскія добродѣтели, здравый смыслъ и замѣчательную память. Съ юношескимъ увлеченіемъ отдался онъ движенію 1789 года, присутствовалъ при разрушеніи Бастильи, вступилъ въ Якобинскій клубъ и при Жемаппѣ отличился въ чинѣ офицера республиканской арміи. Но, послѣ казни короля Людовика, герцогъ, вмѣстѣ съ генераломъ Дюмурье, удалился въ австрійскій лагерь, а оттуда въ Швейцарію, гдѣ долго не могъ найти убѣжища: власти швейцарскихъ кантоновъ боялись принять изгнанника. Цѣлыхъ четыре мѣсяца Людовикъ, вмѣстѣ съ вѣрнымъ слугою своимъ, скрывался въ горахъ, пока наконецъ эмигрировавшій генералъ Монтескью не доставилъ ему учительскаго мѣста въ одной школѣ, въ Рейхенау, близъ Хура. На этомъ, полученномъ по экзамену, мѣстѣ * герцогъ оставался восемь мѣсяцевъ, и въ короткое время успѣлъ снискать искреннее расположеніе какъ учениковъ, такъ и гражданъ. Узнавъ о казни отца своего, онъ оставилъ Рейхенау, и рѣшился удалиться въ Америку, но, отложивъ за немѣнѣемъ средствъ это путешествіе, онъ нѣкоторое время пробылъ въ Скандинавіи и Даніи. Въ октябрѣ 1796 герцогъ былъ уже въ Америкѣ, гдѣ прожилъ три года. По возвращеніи въ Европу, онъ хотѣлъ примириться съ старшею вѣтвью Бурбонской фамиліи, но безуспѣшно: ему не вѣрили. Старанія герцога гдѣ выбудъ сразиться съ Наполеономъ, напримѣръ въ Испаніи, не увѣнчались успѣхомъ и это послужило ему въ пользу: во время іюльской революціи друзья герцога съ особенною силой напирала и на то обстоятельство, что онъ никогда не сражался противъ Франціи. Въ 1809 году герцогъ вступилъ въ счастливое супружество съ итальянскою принцессою Маріей-Амаліей. По возвращеніи своемъ во Францію, онъ удивлялъ всѣхъ своимъ тонкимъ умомъ и обширными свѣдѣніями: при немъ еще блѣднѣе, еще ничтожнѣе казались старшіе Вурбоны.

Въ частной жизни своей герцогъ отличался простотою и бережливостію; дѣти его, вмѣстѣ съ дѣтьми простыхъ гражданъ, учились въ Collège de France, и это обстоятельство необыкновенно усиливало его популярность. Одинъ недостатокъ замѣчали въ герцогѣ: чрезмѣрную заботливость о приумноженіи состоянія, но богатства свои онъ иногда употреблялъ съ пользою: поощрялъ художниковъ и ремесленниковъ, помогая бѣднымъ.

Всѣ эти добродѣтели, соединенныя съ природнымъ даромъ слова, съ задѣшевностію въ обращеніи съ людьми всякаго зва-

* Преподавателя географіи и математики.

нія и развитія, доставляли Людовику популярность, особенно въ средѣ буржуазіи. По своему характеру, по своему жизненному поприщу, онъ болѣе чѣмъ кто либо годился быть королемъ буржуазіи, и уже давно, въ 1814 году, онъ готовъ былъ принять корону, еслибъ ее ему предложили. Ненавидимый въ кружкахъ роялистовъ, герцогъ Орлеанскій тѣмъ милѣе былъ либераламъ: въ Пале-Роялѣ, въ увеселительномъ замкѣ Нёльи, его постоянно посѣщали недовольные правительствомъ, особенно адвокатъ Дюпенъ и банкиръ Лафиттъ, принадлежавшіе къ самымъ преданнымъ его друзьямъ.

Неудивительно поэтому, что при дворѣ Бурбоновъ Людовика-Филиппа не любили. Людовикъ XVIII и герцогиня Ангулемская не скрывали своего отвращенія къ нему; король даже отказывалъ ему въ титулѣ: «ваше высочество». По убіеніи герцога Беррійскаго, когда Филиппъ Орлеанскій сдѣлался ближайшимъ послѣ дофина наслѣдникомъ престола, отношенія между нимъ и старшими Бурбонами сдѣлались еще болѣе натянутыми. Когда же, вскорѣ потомъ, вдова герцога Беррійскаго произвела на свѣтъ «чудесное дитя Европы», отнимавшее у герцога Орлеанскаго надежду на престолъ, и въ англійскихъ газетахъ появилась статья, доказывавшая, что герцогиня вовсе не была беременна, то Людовикъ, заподозрѣнный въ сочиненіи статьи, едва избѣжалъ вторичнаго изгнанія. Даже король Карлъ X, не меньше, чѣмъ старшій братъ его, ненавидѣвшій герцога, но лучше умѣвшій скрывать свою неприязнь, долженъ былъ употребить много усилій, чтобы сколько нибудь любезно проводить однажды гостей своихъ, неаполитанскихъ короля и королеву на балъ къ герцогу Орлеанскому. Это случилось въ 1830 году, во время сильныхъ политическихъ волненій, незадолго до роковыхъ выборовъ. На балѣ Сальванди подошелъ къ хозяину и шепнулъ ему: «Вотъ ужъ подлинно неаполитанскій праздникъ: пляшутъ на вулканѣ». Герцогъ понялъ намекъ и отвѣтилъ: «мнѣ тоже вѣжется; но я уываю рука; съ своей стороны я старался открыть королю глаза; не знаю, что будетъ чрезъ шесть мѣсяцевъ, но, навѣрное, я не отдѣлю своего дѣла отъ дѣла Франціи: таково мое неизмѣнное рѣшеніе». Не прошло и двухъ недѣль, какъ обстоятельства дали герцогу возможность нѣсколько яснѣе высказаться о своихъ намѣреніяхъ.

Въ понедѣльникъ 26 іюля на столбахъ Монитѣра появились роковыя королевскія повелѣнія, вмѣстѣ съ докладомъ министерства королю, служившимъ для нихъ предисловіемъ. Этотъ докладъ былъ прежде всего рѣзкимъ обвиненіемъ противъ свободы печати, разрушительное вліяніе которой изображено было самы-

ми яркими красками; свобода печати, по мысли его составителей, «не только подкапывает государственныя учреждения, но разрушает также нравственность и характеръ націи».

«Мы не должны обманываться, продолжалъ докладъ: обыкновенныя условія конституціи не существуютъ болѣе; основы такой конституціи не могли сохраниться неиспорченными. Безпокойная демократія, вліяніе которой простерлось даже на законодательство, стремится стать на мѣсто законной государственной власти. Она господствуетъ надъ выборами посредствомъ газетъ и далеко развѣтвляющихся обществъ; сколько было для нея возможно, она парализировала правильное дѣйствіе самаго существеннаго права короны, права распускать палату депутатовъ. Конституція потрясена этимъ, и ваше величество одни владѣете нужною властію, чтобы укрѣпить ее снова. Ни одно правительство въ свѣтъ не могло бы удержаться, еслибы оно не имѣло права принимать мѣры для обезпеченія безопасности. Это право старѣе всѣхъ законовъ, ибо оно лежитъ въ природѣ вещей. Повелительная необходимость требуетъ, чтобы это право теперь было выполнено, и пришла минута, когда должно приступить къ мѣрамъ, которыя конечно соотвѣтствуютъ духу хартии, но выходить за предѣлы законнаго порядка, всѣ вспомогательныя средства котораго истощены безъ успѣха».

Сущность пяти указовъ (ordonnances), которые старался оправдать докладъ, намъ уже извѣстна: 1) ограниченіе свободы печати, 2) распушеніе палаты депутатовъ, 3) коренное измѣненіе избирательнаго закона въ пользу крупныхъ землевладѣльцевъ и лишеніе палаты права законодательной инициативы, 4) созваніе новой палаты въ сентябрѣ и 5) назначеніе многихъ ревностныхъ ультра-роялистовъ и людей клерикальной партіи членами государственнаго совѣта. Первое и третье повелѣнія были подписаны всѣми министрами, которые принимали такимъ образомъ на себя общую отвѣтственность за ихъ противоконституціонное содержаніе.

Французская «оффиціальная истина» имѣла такъ мало подписчиковъ, а между ними такъ мало читателей, что только послѣ полудня, Парижъ хорошенько узналъ про королевскіе указы. Образованная публика была изумлена, опечалена ими; народная же масса долго не могла взять въ толкъ всей сущности дѣла. Тамъ и сямъ составлялись сходки избирателей и журналистовъ. Толковали, что слѣдуетъ протестовать; наиболѣе энергичные люди доказывали, что необходимо дѣйствовать. Редакторы и сотрудники оппозиціонныхъ газетъ собрались въ бюро «Насьоналя» и съ общаго согласія положили высказаться противъ государ-

ственного переворота. Тьеръ взялся составить протестъ, въ которомъ его ловкое перо умѣло соединить осторожность и твердость, энергію и умѣренность.*

«Въ теченіе шести мѣсяцевъ — такъ начинался протестъ — часто была рѣчь о томъ, что предстоитъ нарушеніе законовъ, государственный переворотъ. Здравый смыслъ народа не хотѣлъ вѣрить этому; министерство отвергало всякій слухъ объ этомъ, какъ клевету. И однако же Мониторъ приноситъ теперь замѣчательныя повелѣнія, которыя составляютъ самое волюющее нарушеніе законовъ. И такъ, господство законовъ прекратилось, началось господство силы. Въ томъ положеніи, въ какомъ мы находимся, повиновеніе перестаетъ быть обязанностію. Граждане, которые прежде всего призываются повелѣніями къ повиновенію, суть писатели, дѣйствующіе въ газетахъ, и потому они прежде всего должны дать примѣръ сопротивленія незаконной силѣ». Протестъ привелъ затѣмъ нѣсколько доказательствъ противъ законности повелѣній и продолжалъ:

«Такъ-какъ правительство нарушаетъ законъ, то мы становимся свободны отъ повиновенія его приказаніямъ. Мы попробуемъ издавать наши газеты, не добываясь разрѣшенія, котораго заставляютъ насъ испрашивать».

За тѣмъ протестъ старался доказать, что и распущеніе палаты, прежде чѣмъ она успѣла собраться, противно конституціи и недействительно, и что поэтому депутаты имѣютъ право и обязанность составить изъ себя палату въ тотъ день, на который они созваны, т.-е. третьяго августа. «Правительство — заключалъ протестъ — потеряло теперь тотъ законный характеръ, который обязываетъ къ повиновенію. Мы, сколько отъ насъ зависитъ, противимся ему; но дѣло Франціи — согласно рѣшить то, какъ далеко должно идти ея собственное сопротивленіе».

Протестъ былъ прочитанъ, одобренъ и подписанъ сорока-тремя журналистами отъ имени одиннадцати газетъ, которыя, по сдѣланному ими взаимному соглашенію, должны были одновременно на слѣдующее утро напечатать на своихъ столбахъ этотъ протестъ противъ государственнаго переворота. Но въ то же время нѣкоторые изъ нелиберальныхъ журналистовъ подчинились требованіямъ правительства и обратились къ нему за дозволеніемъ продолжать свои изданія.

Во весь день, 26-го іюля, не произошло никакихъ сильныхъ волненій. Вечеромъ въ палероальскомъ саду собралась многочислен-

* Рохау. I, 256 — 7.

ная публіка, но весь протестъ ея ограничился громегласнымъ чтеніемъ роковыхъ королевскихъ указовъ, живыми разговорами, насмѣшливыми выходками и остроумиями. Типографскіе работники расхаживали сомкнутыми рядами по улицамъ и кричали: «долой министровъ!» Увидѣвъ Полиньяна, возвращавшагося въ свой дворецъ, они поспѣшили встрѣтить его грубыми криками. Овна его бхро были выбиты. Король, воротившійся поздно вечеромъ съ охоты, услышалъ отъ маршала Мармона неприятную новость, что фонды на биржѣ упали, но не смутился этимъ... «Ничего—отвѣчалъ онъ Мармону—они опять поднимутся».

На слѣдующій день, во вторникъ 27-го іюля, положеніе дѣлъ было гораздо затруднительнѣе. Полицейскій префектъ приказалъ арестовать всѣхъ журналистовъ, подписавшихъ протестъ, и закрыть типографіи газетъ «National» и «Temps». Первое изъ этихъ повелѣній не могло быть исполнено, при начавшейся сумятицѣ; второе же хотя и исполнено было, но не привнесло ожидаемой пользы. Типографскіе станки либеральныхъ газетъ легко были восстановлены; протестъ же читался наперерывъ во всѣхъ мастерскихъ и кофейняхъ. На улицахъ бродили взвядъ и впередь подозрительныя толпы народа. Отставные типографскіе подмастерья, многіе фабричные работники и лавочные сидѣльцы толпами сходились у Палерояла, бросали камнями въ жандармовъ, воздвигали баррикады. Около трехъ часовъ пополудни раздалась первая ружейная выстрѣлы. Народное движеніе, предоставленное самому себѣ, становилось все массивнѣе и все дальше распространялось въ болѣе отдаленныя части города. Къ отлученнымъ работникамъ присоединялись студенты и прежніе наполеоновскіе солдаты; броженіе скоро охватило и неподвижную буржуазію, мирныя привычки которой были наконецъ побѣждены долго сдерживавшимся гнѣвомъ противъ правительства. Вечеромъ, когда маршалъ Мармонъ далъ нѣкоторымъ отрядамъ находившагося въ его распоряженіи войска приказаніе двинуться на народныя толпы и разогнать ихъ, раздраженіе массъ усилилось. Всѣ уличныя фонари были погашены и такимъ образомъ затруднены были сношенія между базарями и всѣми военными постами. вмѣсто того, чтобы призвать изъ Венсенна артиллерію и всѣ войска, какія тамъ были, неповоротливый Мармонъ отвелъ бывшія при немъ войска въ базарны и не сдѣлалъ никакихъ приготовленій къ слѣдующему дню, несмотря на то, что, по всѣмъ признакамъ, нужно было ждать на слѣдующій день боя. Народъ уже разграбилъ оружейныя лавки, а какъ нерасположены были войска стрѣлять по народу, маршалъ имѣлъ уже случай замѣтить. Только королевскія гвардія и швейцарцы были надежны.

Въ среду, 28-го іюля, съ самаго ранняго утра улицы были необыкновенно оживлены. Всюду толпились вооруженные люди, даже національные гвардейцы въ мундирахъ; мостовая почти всюду была взрыта; устроены были баррикады; дома наполнились метательными матеріалами; въ военныхъ магазинахъ взято оружіе, изъ лавокъ взято много свинцу и пороха; королевскіе гербы съ изображеніемъ лилій, были сорваны, вивѣски придворныхъ поставщиковъ сняты, и на улицахъ раздавались крики: «долой Бурбоновъ!», а уже не прежніе возгласы: «долой министровъ!» Быстрымъ натискомъ народныя толпы захватили въ свои руки ратушу (Hotel de Ville) и надъ этимъ здавіемъ, точно такъ же, какъ и надъ соборомъ Богоматери (Notre-Dame) водрузили трехдѣльное революціонное знамя. Только тогда король, посовѣтовавшись съ Полиньякомъ, рѣшился объявить Парижъ въ осажденномъ положеніи; это давало маршалу высшую правительственную власть и отстраняло дѣятельность министерства противъ возстанія. Но была ли какая нибудь возможность привести эту рѣшительную мѣру въ исполненіе? Полицейскій префектъ и его подчиненные ссырились, и Мармонъ съ немногими вѣрными, но упавшими духомъ приверженцами короля, долженъ былъ начать борьбу съ дѣльнымъ городомъ, въ которомъ все, что могло дѣйствовать оружіемъ или хоть кулаками (даже женщины и малолѣтніе), рѣшилось на отчаянное сопротивленіе.

Мармонъ собралъ солдатъ своихъ братьевъ Тюльери и четыре отряда отправилъ на площади и другія важныя въ военномъ отношеніи мѣстности города. Всюду эти, отправленные Мармономъ, войска нашли безконечные ряды баррикадъ; у оконъ и на кровляхъ толпились массы инсургентовъ. Правда, генералу Талону, послѣ упорной борьбы, громомъ картечи удалось отгнать народную толпу изъ ратуши и взять это здавіе, но здѣсь онъ самъ подвергся осадѣ и былъ очень радъ, когда успѣлъ возвратиться въ Тюльери подобру-поздорову. Остальные отряды также ничего не могли сдѣлать, а такъ-какъ о съѣстныхъ припасахъ для арміи никто не позаботился и солдаты въ жаркій іюльскій день не могли ничѣмъ освѣжиться, то положеніе бойцовъ за короля было весьма плачевно. Противники ихъ, защитники баррикадъ, поддерживаемые отчасти политехниками, были со всѣхъ сторонъ снабжаемы съѣстными припасами. Мармону ничего болѣе не оставалось, какъ вывести всѣ королевскія войска изъ города и дать имъ приказаніе занять прежнюю позицію. У нихъ, правда, вышло изъ строя всего 400 человекъ, но ни мужества, ни энергіи уже не было. Даже офицеры королевской гвардіи отказались биться съ народомъ и взяли отставку. Мармонъ видѣлъ, что все

потеряно и не хотѣлъ, чтобы Парижъ сталъ второю Сарагоссою. Ему оставалось сознаться въ своемъ пораженіи.

Послѣ полудня того же 28-го іюля, многіе депутаты собрались у Казимира Перье; въ числѣ ихъ были Лафайетъ и Лафиттъ. На этой сходкѣ было рѣшено отправить къ Мармону пятерыхъ депутатовъ съ предложеніемъ прекратить военныя дѣйствія. Другъ главнокомандующаго, Араго не задолго передъ тѣмъ былъ у него и совѣтовалъ ему отказаться отъ начальства надъ войскомъ. Но «военная честь» не дозволяла ему послѣдовать этому совѣту, «ибо, говорилъ маршалъ—сложить съ себя команду въ такую минуту значитъ быть измѣнникомъ». Требованіе же или предложеніе депутатовъ могло быть исполнено лишь въ томъ случаѣ, когда самъ народъ рѣшился бы положить оружіе. Впрочемъ, Мармонъ общалъ депутатамъ войти въ соглашеніе съ правительствомъ и отправилъ въ Сенъ-Клу письмо, въ которомъ совѣтовалъ королю взять назадъ обнародованныя 26-го мая повелѣнія и распустить министерство. Но Карлъ во всемъ движеніи видѣлъ не революцію, а комплотъ, затѣянный герцогомъ Орлеанскимъ, съ которымъ справиться было вовсе не трудно. На самомъ же дѣлѣ, положеніе правительства становилось все болѣе и болѣе затруднительнымъ. Тотчасъ же по отступленіи войскъ, ночью, на всѣхъ улицахъ воздвигнуты были баррикады, и такимъ образомъ городъ превратился въ рядъ укрѣпленій, среди которыхъ конница и артиллерія дѣйствовать было почти невозможно.

Въ четвергъ, 29-го іюля, маршалъ собралъ около себя только 7,000 человекъ. Онъ попытался завести съ инсургентами переговоры и обратился къ парижанамъ съ слѣдующимъ воззваніемъ: «Вчера пролито много слезъ и много крови. Изъ человеколюбія я готовъ остановить враждебныя дѣйствія, въ надеждѣ, что добрые граждане возвратятся въ свои дома и къ своимъ занятіямъ. Я залинаю ихъ сдѣлать это». Воззваніе не могло быть напечатано, и маршалъ старался распространить его въ рукописныхъ копіяхъ; но оно не имѣло ни малѣйшаго дѣйствія, какъ это легко было и предвидѣть по его малю общавшему содержанію. Между тѣмъ два линейныхъ полка, стоявшіе подъ ружьемъ на Вандомской площади, будучи окружены безоружными толпами народа, подъ вліаніемъ патріотическихъ воззваній и ласковыхъ словъ, рѣшившійся оставить дѣло правительства, съ условіемъ только, чтобы ихъ не принуждали сражаться противъ прежнихъ товарищей и не обезоруживали.

Скоро потомъ наступила развязка. Лувръ былъ взятъ приступомъ; въ Тюильри ворвались толпы народа, нѣкоторые же инсургенты ворвались во дворецъ архіепископа, разграбили его

и потому срыли до основанія. Возстаніе одержало уже верхъ на всѣхъ пунктахъ города, но не чувствовало себя достаточно сильнымъ для того, чтобы продолжать свое наступательное движеніе за городомъ, гдѣ стояло еще подъ ружьемъ, для защиты короля, войско въ 10—12,000 человекъ.

Замѣчательно, что уличная битва съ обѣихъ сторонъ велась съ умѣренностію и великодушіемъ, ясно свидѣтельствовавшими, что французскій національный духъ сохранилъ свои права и свою силу даже среди гражданской войны. Войско и борцы баррикадъ помнили, что противъ нихъ стояли соотечественники и сограждане; обѣ стороны боялись и избѣгали бесполезнаго кровопролитія; обѣ стороны поступали съ плѣнными и особенно съ ранеными не только снисходительно, но даже дружелюбно и сердечно. Только у парижскихъ уличныхъ «Gamins» обнаружилось иной разъ крайнее безразсудство въ соединеніи съ жестокостію: нѣсколько покрытыхъ шрамами офицеровъ королевской гвардіи были измѣннически застрѣлены рукою двѣнадцати мальчишекъ въ такое время, когда битвы вовсе не было. Число убитыхъ со стороны народа простиралось до 760 человекъ, убитыхъ въ войскѣ было 163. Число раненыхъ съ обѣихъ сторонъ 5,078.

Еще меньше, чѣмъ въ умышленномъ кровопролитіи можно было упрекнуть возстаніе въ грабежѣ или злостныхъ разрушеніяхъ. Королевскіе дворцы, банкъ, помѣшенія разныхъ управленій, попадавшія иногда въ руки народа съ значительными частями *), остались неприкосновенны со всѣми цѣнными предметами. Картинная галерея и другія художественныя коллекціи Лувра, взятая народомъ съ боя, не испытали ни потерь, ни поврежденій, ибо первой заботой блузниковъ, отъ которыхъ швейцарцы бѣжали изъ Лувра, было поставить караулы для охраненія музеевъ. Отдѣльные случаи воровства народъ наказывалъ самъ своимъ судомъ, который во время революціи обыкновенно замѣняетъ собою дѣлающійся безсильнымъ законъ. Единственнымъ серьезнымъ нарушеніемъ права было опустошеніе архіепископскаго дворца. Распространившійся въ народѣ слухъ, будто архіепископъ Келанъ (Quelet) стрѣлялъ въ народъ изъ оконъ своихъ палатъ, далъ поводъ или предлогъ къ нападенію на домъ этого прелата, который своею клерикальною и политическою ролью давно навлекъ на себя общественное неудовольствіе и, наконецъ, самъ какъ-будто вызвалъ народную ненависть

* Въ полицейской префектурѣ сохранены цѣлыя милліоны; въ ратушѣ остались нетронути 10—12 милліоновъ франковъ (Gervinus. VIII. 439).

своею рѣчью къ королю по поводу завоеванія Алжира, рѣчью, которою этотъ архіепископъ поощрялъ короля къ насильственнымъ мѣрамъ противъ конституціи и закона *.

До самаго четверга возстаніе не имѣло ни высшаго руководства, ни какаго-либо признаннаго авторитета; какъ происхожденіе его, такъ его ходъ и успѣхъ были однимъ изъ тѣхъ историческихъ естественныхъ событій, которыя развиваются изъ данныхъ обстоятельствъ по закону необходимости. Здѣсь совершенно не было ни плана, ни разчета, ни искусства и ничего подобнаго; мало того: народныя массы, совершавшія революціи, не совсѣмъ ясно сознавали цѣль, къ которой стремились.

Утромъ, 29-го іюля, въ домѣ Лафитта собралось нѣсколько либеральныхъ депутатовъ. Пока успѣхъ возстанія былъ еще не вѣренъ, они не могли предпринять никакихъ рѣшительныхъ мѣръ; но когда пришла вѣсть о томъ, что два полка, стоявшіе на Вандомской площади, отказали въ повиновеніи Мармону, присутствовавшіе на сходкѣ оживились и, подъ председательствомъ Лафитта, открыли правильное совѣщаніе. Вслѣдъ за тѣмъ, въ домъ Лафитта вошелъ Лафайетъ и объявилъ, что его съ разныхъ сторонъ вызываютъ стать во главѣ національной гвардіи и что онъ считаетъ себя обязаннымъ послѣдовать этому вызову; его рѣшеніе было одобрено собраніемъ. Предсѣдатель составилъ объ этомъ слѣдующій протоколъ: «Генераль Лафайетъ принимаетъ начальство надъ національной гвардіей, переданное ему собраніемъ именитыхъ гражданъ въ интересахъ защиты столицы». Другимъ постановленіемъ того же собранія начальство надъ войсками поручено было генералу Жерару. Немедленно изъ этой сходки депутатовъ организовалось временное правительство подъ скромнымъ именемъ «муниципальнаго комитета» изъ шести членовъ: Лафитта, Перье, Лобо, Одри-де-Пюйраво, Могена и Одалона-Барро. Эта муниципальная коммиссія открыла тотчасъ же свои засѣданія въ Hôtel de Ville.

Въ то же время въ Сень-Клу прискакалъ маршалъ Мармонъ, весь въ поту и въ пыли, окруженный своими адъютантами, которыхъ утомленный и жалкій видъ исполнялъ ужасомъ изящныхъ придворныхъ. Король хладнокровно выслушалъ неутѣшительный отчетъ маршала и старался успокоить его ласковыми словами. Только теперь Карлъ рѣшился взять назадъ свои повелѣнія, распустить министерство, снова пригласить на 3-е августа ненавистную палату, возстановить національную гвардію

* Рохау, стр. 248 и 276.

и составить новое министерство подъ предсѣдательствомъ герцога Мортемара. Съ этою радостной вѣстью, которая 27-го іюля могла еще спасти монархію, три парламентаря поспѣшили въ Парижъ, но муниципальная коммиссія отвергла этихъ пословъ, какъ не имѣвшихъ письменнаго полномочія отъ короля. Народъ же кричалъ имъ вслѣдъ: «Слишкомъ поздно! не нужно вовсе Бурбоновъ!» Такъ же мало успѣлъ и герцогъ Мортемаръ, когда на слѣдующее утро явился въ Парижъ съ цѣлью составить министерство.

Пора была уже рѣшить вопросъ относительно формы правленія во Франціи. Вопросъ этотъ поставленъ былъ такъ: республика или монархія? Тѣ люди, благодаря энергіи которыхъ возстаніе одержало побѣду, работники, студенты, вся молодежь были на сторонѣ республики и толковали о верховной власти народа, который можетъ установить у себя любую форму правленія. Общество «Друзей Народа» издало прокламацію въ этомъ смыслѣ.

Тѣмъ быстрѣе и рѣшительнѣе должны были дѣйствовать тѣ люди, кои желали оставить монархію, но замѣнить Карла другимъ, достойнѣйшимъ правителемъ. Къ этой партіи принадлежала бѣльшая часть депутатовъ, буржуазія, національная гвардія.

Одинъ человѣкъ имѣлъ въ это время достаточно силы, чтобы рѣшить за Францію такой трудный вопросъ. Еслибы Лафайетъ, пользовавшійся безграничнымъ довѣріемъ народа, произнесъ слово: «республика», то въ одинъ моментъ тысячи людей провозгласили бы ее, и республика была бы совершившимся фактомъ. Но въ пятницу, 30-го іюля, онъ не произнесъ этого слова, и Лафиттъ съ друзьями своими употребилъ всѣ усилія, чтобы выдать Лафайета за «своего» человѣка, за приверженца конституціонной монархіи.

Уже 28-го іюля Лафиттъ, извѣстный членъ оппозиціи во второй палатѣ, богатый банкиръ, пользовавшійся хорошей репутаціей, намекалъ политическимъ друзьямъ своимъ на герцога Орлеанскаго; 29-го онъ отправилъ въ Нёльи посла, съ порученіемъ побудить Луи-Филиппа пріѣхать въ Парижъ: «Завтра — увѣрялъ его Лафиттъ — провозглашена будетъ республика или королемъ провозглашенъ будетъ герцогъ Рейхштадтскій *); слѣдовательно ему, Луи-Филиппу, нужно выбирать между короной и изгнаніемъ». Но герцогъ Орлеанскій былъ очень остороженъ;

* Сынъ Наполеона I отъ Маріи-Луизы; герцогъ въ это время находился въ австрійской военной службѣ.

онъ ожидать совершенной побѣды возстанія, чтобы нечего уже было опасаться изъ Сенъ-Клу. Чтобы друзья не вынудили какъ-нибудь у него опаснаго рѣшенія, герцогъ оставилъ домъ свой въ Нёльи и помѣстился въ такомъ убѣжищѣ, гдѣ его трудно было найти. Въ пятницу, 30-го іюля, Тьеръ, уже издавшій въ пользу герцога Орлеанскаго прокламацію къ народу, отправился въ Нёльи, но не засталъ герцога дома. Супругу его Амалію онъ нашелъ очень сдержанною, но зато сестра герцога Орлеанскаго, Аделаида высказала желаніе и твердую рѣшимость уговорить своего брата принять предлагаемую корону. По возвращеніи въ Парижъ, Тьеръ присутствовалъ въ собраніи пятидесяти депутатовъ въ Пале-Бурбонъ, которое уже прежде, подъ председательствомъ Лафитта и по его инициативѣ, рѣшило избрать Луи-Филиппа намѣстникомъ королевства (*lieutenant général*) и пригласить его въ Парижъ. Двѣнадцать членовъ этого собранія отправились въ Пале-Рояль и, не найдя тамъ герцога, послали къ нему письмо въ Нёльи.

Только теперь Луи-Филиппъ оставилъ свое убѣжище и ночью, въ шляпѣ, украшенной трехцвѣтною лентой, отправился въ Парижъ; въ полночь онъ достигъ Пале-Рояля. Призвавъ къ себѣ Мортемара, герцогъ сказалъ ему: «Передайте королю, что меня привлекли сюда силой, но что я скорѣе дозволю разорубить себя на части, чѣмъ возложу на мою голову корону». Вскорѣ послѣ этого къ Луи-Филиппу явились двѣнадцать посланныхъ отъ собранія депутатовъ, и послѣ долгихъ увѣщаній убѣдили его, что онъ не имѣетъ понятія о положеніи дѣлъ, если воображаетъ, что можетъ еще быть рѣчь о королѣ Карлѣ. Въ отвѣтъ на это герцогъ Орлеанскій вручилъ посланнымъ тутъ же составленное имъ слѣдующее воззваніе къ парижанамъ: «Депутаты, находящіеся въ Парижѣ, выразили мнѣ желаніе, чтобы я прибылъ въ ихъ среду для того, чтобы раздѣлить ваши опасности, стать въ средѣ этого геройскаго населенія и сдѣлать всѣ усилія для предохраненія васъ отъ гражданской войны и безначалія. Вступая въ Парижъ, я съ гордостью несъ славные цвѣта, снова вами принятыя и которые уже долго носилъ прежде. Палаты соберутся скоро; онѣ обсудятъ всѣ средства, которыя необходимы для обезпеченія господства закона и для сохраненія правъ націи. Хартія отнынѣ будетъ истинной».

Эта прокламація принята была депутатами съ живѣйшимъ одобреніемъ, но въ народѣ вызвала разныя противорѣчія. Данныя въ ней обѣщанія многіе находили неопредѣленными; недостаточными.

Муниципальная коммиссія съ своей стороны издала проклама-

цію о томъ, что Карлъ X. пересталъ господствовать надъ Франціей, а депутаты, въ числѣ 91 человѣка, подписались подъ воззваніемъ къ націи, возвышающимъ, что «среди трудныхъ обстоятельствъ они призываютъ герцога Орлеанскаго къ должности намістника, чтобы ускорить восстановленіе общественнаго мира».

Послѣ изданія этой послѣдней прокламаціи, депутаты, вмѣстѣ съ герцогомъ Орлеанскимъ, отправились изъ Палероя въ ратушу (Hôtel de Ville) для того, чтобы тамъ торжественно утвердить Луи-Филиппа въ санѣ намістника. Вмѣсто военнаго блеска, который обыкновенно производятъ на народъ впечатлѣніе въ подобныхъ случаяхъ, шествіе отличалось почти бѣдною простотой. Процессію открывалъ одинъ только барабанщикъ, а нѣсколько адъютантовъ герцога Орлеанскаго составляли всю его свиту. Даже стеченіе любопытныхъ было немногочисленно.

Чѣмъ ближе шествіе подвигалось къ ратушѣ, тѣмъ гуще становилась толпа народа, чрезъ которую приходилось депутатамъ протѣснаться, и тѣмъ холоднѣе, тѣмъ враждебнѣе даже становился наружный видъ массы. Виваты герцогу Орлеанскому часто были заглушаемы криками: «да здравствуетъ свобода! прочь Бурбонов!»

Приблизившись къ ратушѣ и сойдя съ лошади, герцогъ съ трудомъ могъ пробраться по лѣстницамъ и площадкамъ, наполненнымъ вооруженною толпой, въ залъ, въ которой засѣдало временное правительство. У дверей этой залы встрѣтили его члены муниципальнаго комитета, съ Лафайетомъ во главѣ. Была прочтена прокламація депутатовъ, въ которой, какъ для обезпеченія общественнаго мира и свободы узаконены были слѣдующія средства: восстановленіе національной гвардіи, участіе гражданъ въ мѣстномъ и департаментскомъ управленіи, введеніе суда присяжныхъ по дѣламъ печати, установленіе отвѣтственности министровъ и другихъ должностныхъ административныхъ лицъ, обезпеченіе положенія лицъ, находящихся въ военной службѣ, и законъ, принуждающій подвергаться новымъ выборамъ всякаго депутата, получающаго мѣсто въ государственной службѣ. Герцогъ Орлеанскій выразилъ свое согласіе на всѣ эти требованія. Твердый тонъ герцога, находчивость, съ какою онъ отвѣтилъ на грубоватую выходку какого-то Дюбура, расположили толпу до такой степени въ его пользу, что когда Луи-Филиппъ показался въ открытомъ окнѣ ратуши подъ руку съ Лафайетомъ, и съ трехквѣтнымъ знаменемъ въ рукѣ, народная толпа, собравшаяся на площади и еще такъ недавно выказывавшая столь опасное для герцога настроеніе, предалась безграничной радости. Революція признала его, и онъ воротился въ Палерояль уже какъ утвержденный намістникъ.

Общество «Друзей народа» не очень доверливо было этимъ концомъ великой надежды; оно представило на слѣдующій день Лафайету, такъ называемую, «программу» изъ Habel de Vallen, и поручило ему потребовать, чтобы герцогъ Орлеанскій гарантировалъ народныя права, ея слагающія. Вслѣдствіи, на эту программу часто ссылались, хотя никто не умѣлъ въ точности указать ея содержанія. Съ этою программой въ карманѣ, Лафайетъ отправился къ герцогу Орлеанскому въ Палермалъ и здѣсь сказалъ ему, между прочимъ: «Вы знаете, что я республиканецъ и считаю американское государственное устройство совершеннѣйшимъ». — «Совершенно согласенъ съ вами: нельзя прежить въ Америкѣ два года и не раздѣлять этого убѣжденія. Но развѣ вы думаете, что при современномъ положеніи Франціи американская конституція у насъ возможна?» — «Нѣтъ, былъ отвѣтъ Лафайета: для Франціи нуженъ популярный тронъ, окруженный республиканскими, вполне республиканскими учреждениями». «Таково и мое твердое убѣжденіе», отвѣтилъ герцогъ. Очарованный такими благородными чувствами намѣстника, доверчивый генералъ сталъ влищнымъ показывать ему программу и поручился предъ республиканцами за герцога, какъ за патріота 1789 г. Вскорѣ послѣ этого Людовикъ-Филиппъ составилъ новое министерство, въ которомъ республиканцу Дюпою-де-Лёру поручена была юстиція, Жерару — военное вѣдомство, доктрину Гизо — министерство внутреннихъ дѣлъ. Преданнѣйшіе друзья герцога: Лафиттъ, Дюваля, Перье и Бродья назначены министрами безъ портфелей.

Между тѣмъ дворъ Карла X удалился изъ Сентъ-Клу. Король отналъ у маршала Мармона команду надъ войскомъ и передалъ ее неспособному дофину. Дезертерство оставило все болѣе и болѣе пробѣловъ въ рядахъ арміи; въ Версали провозглашена побѣда революціи; ходилъ даже слухъ, что полторы тысячи вооруженныхъ людей уже въ дорогѣ, чтобы захватить въ свои руки замокъ, въ которомъ находился король. Тотчасъ же (ночью на 31 іюля), королевская семья поспѣшила въ Трианонъ, и получила здѣсь отъ Лафайета заявленіе, что никакое примиреніе Карла съ народомъ уже невозможно, направилась въ Рамбуль. На пути свѣта ея замѣтно уменьшилась, значительная часть придворныхъ и даже прислуги втихомолку исчезла. Чтобы имѣть средство къ существованію, королевская фамилія должна была продать серебряную посуду, какая еще оставалась. Войска терпѣли недостатокъ въ самомъ необходимомъ. Къ этому присоединились печальныя вѣстія изъ большей части провинціи, въ которой революція была принята съ радостію.

Министерство Карла X поспѣшало обратиться въ бѣгство и

троннѣ министрамъ удалось достигнуть границы; но Полиньякъ и еще трое его товарищей по министерству были настигнуты и заключены въ Венсеннскій замокъ. Дворъ все болѣе и болѣе падалъ дукомъ.

Изъ Рамбулье король Карлъ прислалъ герцогу Орлеанскому запоздалое утвержденіе его намѣстническаго достоинства, но получилъ отвѣтъ, что этотъ постъ занять герцогомъ не по милости короля, а въ силу народнаго избранія. Послѣ этого (2-го августа) Карлъ объявилъ свое отреченіе отъ престола въ пользу десятилѣтняго герцога Бордосскаго. 3 августа Луи-Филиппъ сообщилъ палатѣ депутатовъ объ отреченіи короля, и объ отказѣ принца Ангулемскаго отъ престолонаслѣдія, но не сказалъ ни слова о герцогѣ Бордосскомъ.

Еще прежде, чѣмъ актъ отреченія достигъ Парижа, герцогъ Орлеанскій послалъ въ Рамбулье комиссію, состоящую изъ маршала Мезона, Одилона Барро и Шонена, съ порученіемъ уговорить короля удалиться, въ интересъ собственной безопасности, изъ такой близкой къ Парижу мѣстности. Карлъ отказался принять этихъ пословъ, къ величайшему неудовольствію парижанъ. Разнесся слухъ, что король хочетъ съ своею гвардіей двинуться къ столицѣ, призвать на помощь Вандею и провозвести новое кровопролитіе.

Герцогъ Орлеанскій рѣшился употребить всѣ усилія, чтобы удалить короля изъ Рамбулье. Утромъ 3 августа барабаны національной гвардіи привлекли на Елисейскія поля большое число вооруженныхъ парижанъ. Отсюда должна была національная гвардія, въ числѣ 6,000 человекъ, выступить въ Рамбулье. Собралось гораздо болѣе 6,000; это была пестрая толпа, которая ожидала отъ предпріятія не столько военныхъ и политическихъ результатовъ, сколько развлеченія. Шествіе двинулось подъ предводительствомъ генерала Пажоля безъ всякаго признака солдатскаго вида и порядка: кто шелъ пѣшкомъ, кто ѣхалъ въ телегѣ, въ коляскѣ или какомъ либо другомъ экипажѣ. Приблизившись къ окрестностямъ Рамбулье, это оригинальное войско, въ числѣ 20,000 человекъ, расположилось на поляхъ по обѣ стороны дороги, чтобы отдохнуть въ теченіе ночи отъ услій пути.

Тѣмъ временемъ опередившіе эту толпу комиссары снова просили доложить о себѣ королю, который на этотъ разъ далъ имъ желанную аудіенцію. Согласно своему порученію, они просили Карла X отступить вѣдь приближающемуся парижскому войску, которое, по ихъ словамъ, доходитъ до 60,000 человекъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ предложили ему охранительный конвой. У Карла было

еще 8,000 человекъ, и генераль Вилсонъ (Vincent) готовъ былъ разсѣять приближавшiеся тому пушечными выстрѣлами; но король не теряя еще надежды передать престолъ сыну, рѣшился покинуть Рамбулье и 4 августа отправился въ Шербуръ. На всѣмъ пути, народъ встрѣчалъ его съ видными неудовольствіемъ. 16 августа король достигъ Шербурга и оттуда со всею семьей отплылъ на американскомъ кораблѣ въ Англію, гдѣ правительство приняло его не какъ короля, а какъ частнаго человѣка. Изъ Англіи къ 1832 году Карлъ перѣхалъ въ Австрію, въ Герцъ, гдѣ и умеръ 6 ноября 1836. Тамъ же въ 1844 скончался и сынъ его, герцогъ Ангулемскій. Супруга же герцога, Марія-Терезія умерла 19 октября 1851 въ Фросдорфѣ, мѣстопробываніи герцога Бордосскаго.

Карлъ X потому такъ медленно подвигался изъ Рамбулье къ Шербургу, что рассчитывалъ на возстаніе легитимистовъ въ южной и западной Франціи. Но нигдѣ не было ни малѣйшаго признака подобнаго возстанія. Департаменты, отправившіе въ палату 272 оппозиціонныхъ депутата, были согласны съ послѣдними ея рѣшеніями. Всюду перемѣна правительства совершилась очень просто: переходомъ войска на сторону гражданъ. Только Лионъ не ждалъ изъ Парижа рѣшенія своей участи: узнавъ 29 іюля о королевскихъ повелѣніяхъ, лионское населеніе воздвигло баррикады, учредило временное правительство, и такъ-какъ войска обнаружили нейтралитетъ, то возстаніе въ Лионѣ торжествовало побѣду безъ всякаго кровопролитія. Въ Алжирѣ войска и флотъ подняли трехцвѣтное знамя, и маршалъ Бурмонъ долженъ былъ обратиться въ бѣгство. Такъ сбылось предсказаніе о Бурбонахъ: возстановленіе ихъ трона оказалось политическою ошибкой.

3 августа герцогомъ Орлеанскимъ открыта была палата депутатовъ, объявлено отреченіе короля и дофина. Вопросъ о томъ: слѣдуетъ ли измѣнить хартію, возбудилъ горячій споръ между либералами и радикалами. Довѣріе къ Людовику-Филиппу было такъ велико, что палата удовольствовалась весьма немногими измѣненіями хартіи. Тронъ былъ объявленъ вакантнымъ, и вслѣдъ затѣмъ Людовикъ-Филиппъ наименованъ королемъ Франціи. Представители націи совершили 7 августа торжественный входъ въ Палермаль и сообщили герцогу о своемъ рѣшеніи. Ночью явилась къ нему депутація отъ палаты перовъ, чтобы завѣсть ему согласіе этой палаты на рѣшеніе уполномоченныхъ націи. 8 августа Людовикъ-Филиппъ явился въ Пале-Вурбонъ, дать предъ собравшимися здѣсь обѣими палатами присягу на вѣрность хартіи и провозглашенъ королемъ.

8. Вліяніе нидерландской революціи на судьбу Бельгіи, Англии и Германіи.

Отношенія Бельгіи къ Голландіи. Причины несогласій между двумя народностями. Союзъ между нидерландами и либералами въ Бельгіи. Королевское посланіе къ генералъ-депутатамъ, 11 декабря 1829, усиливаетъ возбужденіе умовъ. Слухи объ июльскихъ событіяхъ въ Парижѣ. Восстаніе народа въ Брюсселѣ (25 авг. 1830). Попытка принца Оранскаго успокоить умъ (1 сент.). Король уклоняется отъ переговоровъ: Принцъ Фридрихъ старается овладѣть Брюсселемъ, но безуспѣшно (28—26 сент.); Оранская династія окончательно падаетъ въ обществѣнномъ мнѣніи Бельгіи. Король даетъ бельгіянамъ уступки, но сдѣланъ поводъ. Походъ бельгійскихъ колонцовъ къ Антверпену (26 окт.). Бельгія — самостоятельное конституціонное государство. Избраніе короля (4 июня 1831). Голландская армія вторгается въ Бельгію (2 авг. 1831). Французское войско овладѣваетъ Антверпенскою китаделью. Леопольдъ оказывается образцовымъ конституціоннымъ государемъ. Вступленіе Вильгельма IV. на англійскій престолъ (26 июня 1830). Веллингтонъ уступаетъ свое министерское мѣсто графу Грейу, приверженцу парламентской реформы (16 ноября). Народъ въ сѣверной Германіи заявляетъ потребность въ измѣненіи государственнаго устройства. Брауншвейгскій герцогъ Карлъ изгнанъ изъ Германіи (7 сент. 1830). Ему наследуетъ братъ его Вильгельмъ. Съ согласія германскаго вольнаго сейма, герцогъ Вильгельмъ даетъ брауншвейцамъ конституцію. Введеніе конституціи въ Гессенѣ (1831), Саксоніи (1831) и Ганноверѣ (1833).

Прежде всего переворотъ, совершенный во Франціи, отразился въ сосѣдней Бельгіи. Уже много лѣтъ копилась здѣсь горючіе матеріалы, давно готовилось восстаніе. Одной изъ главнѣйшихъ причинъ безпокойнаго состоянія умовъ въ Бельгіи было насильственное присоединеніе этой страны къ Голландіи — ошибка, которая должна лежать на совѣсти государей, вліявшихъ на рѣшенія вѣнскаго конгресса. Для того, чтобы воспрепятствовать завоевательнымъ стремленіямъ Франціи и стѣснить ее на сѣверѣ, конгрессъ постановилъ, чтобы Бельгія, влюченная въ Голландію, была владѣніемъ Оранскаго дома. Вмѣстѣ съ тѣмъ, признана была гегемонія Голландіи, несмотря на то, что въ соединенномъ королевствѣ бельгійцы составляли ограниченное большинство (двѣ трети населенія).

Болѣе двухъ столѣтій, именно съ 1579 года, эти двѣ страны развивались при совершенно-несходныхъ обстоятельствахъ: Бельгія оставалась подъ испанскимъ, впоследствии подъ австрійскимъ владѣтельствомъ; Голландія выработала у себя республиканскія учрежденія, достигла влеченія первоклассной морской державы и приобрѣла обширнѣйшія колоніи. Въ области тащъ-названныхъ германстическихъ знаній и живоннов, Голландія соперничала съ Германіей и Италіей.

Къ этому различію историческихъ судебъ присоединилась тау-бокая равнина въ религіи и въ языкѣ: Бельгія — страна католи-

ческая; образованное общество въ ней говоритъ французскимъ языкомъ; въ Голландіи весьма рано утвердился нидерландскій языкъ; языкъ же ея принадлежитъ къ германскимъ діалектамъ. Изъ ненависти ко всему французскому, король Вильгельмъ старался все болѣе и болѣе оправдывать употребленіе французскаго языка въ судопроизводствѣ, въ администраціи, чѣмъ весьма недоволенъ былъ бельгійскій народъ. Духовенство, неохотно подчинившееся протестантскому правительству, почувствовало, что католичеству грозитъ опасность, особенно когда увидало, что король намѣренъ подчинить надзору государства народное образованіе, находившееся съ незапамятныхъ временъ въ полной зависимости отъ духовной іерархіи. Уровень образованія въ бельгійскихъ народныхъ школахъ, въ гимназіяхъ и университетахъ былъ, благодаря усиліямъ голландскаго правительства, значительно поднятъ, и въ 1825 году въ Лёвенѣ учреждена философская школа, предварительное двухлѣтнее посѣщеніе которой объявлено обязательнымъ для всѣхъ, желающихъ вступить въ епископскую семинарію. Это совершенно сообразное съ духомъ времени, учебное заведеніе, должно было положить предѣлъ распространенію ультрамонтанства. Какъ ни сильно было въ Бельгіи вліяніе клерикаловъ на народъ, правительство могло не бояться этого вліянія, пока имѣло за себя либеральныя элементы общества. Но и либераловъ правительство отдалило отъ себя отъиномъ суда присяжныхъ, стѣснительными мѣрами противъ оппозиціонныхъ судебныхъ сановниковъ, ограниченіемъ свободы печати и рѣшительнымъ нежеланіемъ предлагать парламенту (генеральнымъ штатамъ) законъ объ отвѣтственности министровъ. Такъ-какъ ни клерикалы, ни либералы не могли дождаться отъ правительства желанныхъ уступокъ, то эти двѣ партіи заключили между собою союзъ. Клерикальная партія стала помогать агитациі въ пользу свободы печати; либеральная же—стремленіемъ духовенства къ свободѣ преподаванія, при которой клерикалы надѣялись захватить все народное образованіе въ свои руки.

Всѣ недостатки государственнаго и общественнаго устройства, которыми недовольна была Бельгія, могли быть устранены генеральными штатами. Но бельгійцы въ этомъ собраніи законодательнаго соединеннаго королевства не имѣли достаточного знанія, ибо составляли меньшинство и притомъ дѣйствовали далеко не съ тѣмъ единодушіемъ, какимъ отличалась замкнутая олігархія голландскихъ депутатовъ.

Король Вильгельмъ I-й очень много заботился о матеріальномъ благосостояніи Бельгіи: поощрялъ торговлю, промышленность, особенно разработку каменнаго угля; усовершенствовалъ пути сообщенія, но именно изъ-за матеріальныхъ интересовъ

возникло въ бельгійскомъ народѣ всего болѣе жалобъ на голландское правительство, а не безъ причины. Бельгія должна была принять участіе въ уплатѣ по громаднымъ голландскимъ государственнымъ долгамъ, цифра которыхъ въ 1815 году простиралась до 1,622 милліоновъ флориновъ, и, погашая ихъ, вести у себя ненавистный налогъ на хлѣбъ и мясо ¹. Это послѣднее обстоятельство возбуждало противъ правительства особенно бѣднѣйшіе классы народа, при сдѣйствіи которыхъ оппозиціи удалось приобрести такое сильное вліяніе на выборы, что въ 1829 году въ парламентъ посланы были отъ Бельгіи уполномоченными почти одни либералы. Незадолго до открытія генеральныхъ штатовъ, Вильгельмъ предпринялъ путешествіе по Бельгіи, и радужный пріемъ, оказанный королю во многихъ городахъ, внушилъ ему увѣренность, что масса бельгійскаго народа питаетъ къ правительству самыя нѣжныя чувства. Принимая въ Люттихѣ городскихъ сановниковъ, король сказалъ: «я знаю теперь, какъ слѣдуетъ смотрѣть на минныя жалобы бельгійскаго народа; во всѣхъ этихъ разсказахъ вижу только замыслы людей, заботящихся о своихъ особенныхъ интересахъ. Дѣйствія этихъ людей безчестны (infam)». Вскорѣ послѣ произнесенія этихъ словъ, во Фладрин, главномъ гнѣздѣ клерикаловъ, образовалось общество, члены котораго выбили себѣ и стали носить медаль съ надписью: «*fidèles jusqu'à l'infamie*» ²—намекъ на знаменитый лозунгъ бордосъ за независимость Нидерландовъ (1566): «*en tout fidèles au roy jusqu'à porter la besace*» ³.

Возбужденіе умовъ усилилось вслѣдствіе королевскаго посланія къ генеральнымъ штатамъ (отъ 11 декабря 1829), въ которомъ говорится, между прочимъ, слѣдующее: ⁴ «среди мира и народнаго благоденствія, небольшое число монахъ подданныхъ поставило себѣ въ опасное и постыдное прегнворѣчіе съ законами и монми отеческими намѣреніями; руководители прессы обнаруживаютъ духъ вѣромы, порицанія и мятежа. Чтобы не дать развиться всему этому, я рѣшился издать новый законъ о печати и теперь пользуюсь случаемъ высказать свое личное мнѣніе о всей моей правительственной системѣ». Послѣ этого вступленія король переходитъ въ отдѣльнымъ прошеніямъ бельгійцевъ и заявленіямъ нужды. «Что касается католической религіи, то она, со времени

¹ Налогъ этотъ вимался въ видѣ повинны съ помола и повинны съ убитаго скота.

² Вѣри до беззаканія.

³ Во всемъ вѣри корави до ящеченой суми.

⁴ Передаемъ въ сокращеніи, по Гервинусу, т. VII, 594—5.

конкордата *, помыслится въ Бельгii бѣднѣею свободою, чѣмъ когда либо; но король считаетъ необходимымъ сохранить свѣтскую власть во всей ея неприкосновенности и защитить государство отъ посягательствъ духовенства на его права. Что касается народнаго просвѣщенiя, то законодательными мѣрн; приведенными въ исполненiе въ теперешнее царствованiе, заслуживаютъ полнѣйшей благодарности образованныхъ людей. Относительно французскаго языка король готовъ на всѣ уступки, если только употребленiе этого языка можетъ быть распространено безъ особенныхъ неудобствъ. Принципъ несмѣшиваемости судей освещенъ законами, и послѣ введенiя новаго, реторваннаго въ 1827 году, судоустройства, вмѣшательство короля въ эту отрасль дѣятельности государства не необходимо. Что касается до отвѣтственности министровъ, то другой отвѣтственности, кромѣ той, которая основана на законахъ, конституцiя не требуетъ. Что до расширенiя правъ провинциальныхъ собранiй, то такое расширенiе можетъ подать поводъ къ вредному разногласiю въ законодательствѣ; этимъ собранiямъ не подобаетъ имѣть законодательной власти. Желанiе бельгийцевъ, чтобъ правительство отменило налогъ на помолъ зерна, а равно и просьба устранить злоупотребленiя коммисii погашенiя государственныхъ долговъ, будучь, по возможности, исполнены.

Весьма немногихъ могли удовлетворить такіа рѣши короля, а равно и циркуляры министра юстицiи Маанена, который требовалъ отъ своихъ подчиненныхъ полнѣйшаго согласiя съ принципами, заявленными королемъ. Голландцы радовались удару, нанесенному бельгийцамъ; но эти послѣдніе въ своихъ журналахъ и газетахъ называли посланiе короля манифестомъ деспотизма противъ свободы, проектъ же закона о печати — легальную организацiей тирании. Маанена общественное мнѣніе воставило на одну доску съ Полицьякомъ. Начались толки о самостоятельномъ существованiи Бельгii и о бельгийской конституцiи. Законодателя уступки, которыя правительство сдѣлало общественному мнѣнію; расширивъ права печати и закрывъ лѣвенскую философскую школу, не могли удовлетворить недовольныхъ. Правительство уже высказало свои задуманные намѣренiя и возбуждало противъ себя народъ удаленіемъ отъ службъ многихъ чинов-

* По этому конкордату, или договору съ папою (18 іюня 1827), правительство должно было основать въ Бельгii три новыхъ епископства и отнѣнить обязательное посѣщенiе философскаго училища для лицъ, готовящихся къ священству. Но за то король получалъ, по конкордату, право, при новыхъ выборахъ на епископскiя катедры выбирать изъ числа кандидатовъ имена лицъ, для него неприятныхъ.

нію и наказаніемъ и въ торжѣхъ нестала. Между этими послѣдними были и Де-Поттеръ, написавшій имъ королю замѣчательное письмо, въ которомъ проводилъ мысль о неприкосновенности конституціи, о преимуществѣ правъ въ предѣлахъ власти короля, и предлагавшій недовольнымъ составить союзъ, членами котораго предохраняли бы другъ друга отъ всевозможныхъ притѣсненій власти. Де-Поттеръ былъ арестованъ и въ апрѣлѣ 1830 изгнанъ на восемь лѣтъ изъ страны. На пути въ Лосанну, онъ услышалъ о случившемся въ концѣ іюля въ Парижѣ, немедленно поспѣшилъ въ столицу Франціи и отсюда сталъ поддерживать самыя оживленныя сношенія съ своими брассельскими политическими друзьями.

Весьма понятно, что парижскія происшествія укрѣпили въ недовольныхъ бельгійцахъ надежду освободиться отъ антинаціональнаго правительства. Бельгійцамъ могли рассчитывать на содѣйствіе Луи-Филиппа и на воодушевленіе французскаго народа. Самый преданный другъ Де-Поттера Жандебьенъ (Gendebien), знаменитый адвокатъ и публицистъ, отправился въ Парижъ съ цѣлью хлопотать тамъ о союзѣ Франціи съ Бельгіей и предложить Франціи бельгійское вспомогательное войско для расширенія предѣловъ ея до Рейна на счетъ Германіи. Но Людовикъ-Филиппъ вовсе не имѣлъ желанія рисковать престоломъ, на котораго только что вступилъ, а потому отклонилъ предложеніе. Тогда Жандебьенъ и друзья его стали хлопотать о возбужденіи народнаго движенія: они думали, что если Пруссія, въ случаѣ бельгійской революціи, станетъ поддерживать голландцевъ, Франція неминуемо должна будетъ занять Бельгію. Недовольные не скрывали своихъ намѣреній; толпы рабочихъ собирались толковать о приготовленіяхъ къ восстанію, которое должно было возникнуть 24 августа, въ день рожденія короля. Программа была коротка: «въ понедѣльникъ фейерверкъ, во вторникъ иллюминація, въ среду революція».

Что же дѣлало въ это время правительство для успокоенія умовъ? 24 августа королевскіе чиновники отмѣнили назначенную, по случаю дня рожденія короля, иллюминацію, но за то на другой день, съ ихъ позволенія, давалась на брассельскомъ театрѣ опера: «Нѣмая изъ Португи», въ которой прославляется восстаніе неаполитанцевъ, подъ предводительствомъ Маанилло, противъ испанскаго владычества. Каждый намекъ на современное положеніе дѣлъ былъ принятъ публикою театра съ одушевленіемъ, а многочисленныя толпы народа, собравшіяся около театра, кричали: «да здравствуетъ Де-Поттеръ! Проще Маанилло!» По окончаніи оперы, народъ бросился на домъ Либри, редактора

министерствъ газеты, и на домъ министра-министра Маанена. Первый былъ совершенно разрушенъ, второй сожженъ. Начавъ были разграблены всѣ оружейныя лавки. Сжогли разрушеніи продолжалось и на другой день (26 авг.); надъ ратушей вооружено было брабантовое тридцатитрое знамя; королевскіе гербы были уничтожены. Чтобы предотвратить дальнѣйшіе безпорядки, буржуазія организовала національную гвардію, созвала именитыхъ мужей (28 авг.) и отправила къ королю депутацію съ просьбой объ измѣненіи его прешней правительственной системы, объ отставкѣ министровъ и немедленномъ созваніи генеральныхъ штатовъ. Восстаніе быстро распространилось по всей Бельгіи.

Король не хотѣлъ и слышать о какихъ либо уступкахъ, прежде чѣмъ Бельгія будетъ совершенно усмирена, и отправилъ старшаго сына своего, принца Оранскаго, въ Брюссель, чтобы развѣдать объ истинномъ положеніи дѣлъ, а втораго сына, Фридриха — въ Антверпенъ, чтобы собрать войска. Въ то же время Вильгельмъ назначилъ чрезвычайное собраніе генеральныхъ штатовъ въ Гагъ (на 13-е сентября), депутація же бельгийцевъ объявляла, что право выбирать министровъ принадлежитъ королю, и что согласиться на отставку Маанена, когда приставтъ къ нему такъ далеко, онъ не можетъ.

31-го августа принцы прибыли въ Вильвоорденъ, находящійся въ двухъ часахъ пути отъ Брюсселя, и приказали начальнику національной гвардіи явиться въ ихъ главную квартиру. Гоогворетъ, начальникъ брюссельской національной гвардіи, соглашался принцу Оранскому посѣтить столицу, но не вводитъ съ собою солдатъ; принцъ же хотѣлъ вступить въ городъ непременно въ сопровожденіи войска и требовалъ, чтобы немедленно возстановлены были королевскіе гербы и знамена. Когда Гоогворетъ принесъ своимъ согражданамъ отвѣтъ принца, произошло необыкновенное смутеніе: народъ сталъ готовиться къ серьезной оборонѣ; женщины и дѣти усердно помогали мужчинамъ; немедленно изготовлены были и ружья боевыя патроны; въ дома нанесено множество мостовыхъ орудій и на улицахъ воздвигнуто болѣе пятидесяти баррикадъ. Въ то же время наследнику престола сообщено было, что условія его не могутъ быть приняты. Принцъ уступилъ, и 1-го сентября, въ сопровожденіи лишь нѣсколькихъ офицеровъ, прибылъ въ Брюссель. Пробираясь по взруженнымъ толпами народа улицамъ, онъ не слышалъ ни одного радостнаго привѣтствія, не видалъ ни одной оранской лавры: видѣлъ только угрюмца, серьезныя лица и воно могъ разслышать принца: «да здравствуетъ свобода! давай Маанена!»

Принцъ составлялъ комитетъ, который долженъ былъ облудить

средства въ достиженіи добраго согласія между правительствомъ и гражданами. Комитетъ обнаружилъ, что единственною средствомъ достигнуть этого согласія было бы административное сдѣланіе Велліи отъ Голландіи, учрежденіе національнаго бельгійскаго министерства, слезовъ, соединеніе двухъ совершенно самостоятельныхъ государствъ подъ вѣнкою одной королевской династїи*. Приказъ объявилъ сообщитъ отцу своему о желаніяхъ бельгійцевъ, сказать имъ съ своей стороны самое усердное содѣйствіе, и удался въ Гагу. Вслѣдъ за нимъ вышелъ изъ города брессельскій гарнизонъ, чтобы присоединиться къ войскамъ принца Фридриха. Но король, находясь въ принужденіи заблужденіи, что государи великихъ державъ не дадутъ погибнуть своему созданію — реальному союзу между Велліей и Голландіей — и что въ особенноти Англія не откажется помочь голландцамъ, — не согласился на увѣщанія своего старшаго сына и министровъ. Правда, онъ оставилъ Маасена, но дальнѣйшее удовлетвореніе требованіямъ недовольныхъ представлялъ собранію генеральныхъ штатовъ. Въ своей прокламаціи онъ еще разъ настаивалъ на сохраненіи реального соединенія между Голландіей и Велліей и на соблюденіи существующихъ законовъ.

Положеніе дѣлъ ухудшилось вслѣдствіе неблагоговумія голландцевъ. Они оказались еще болѣе ревностными приверженцами королевской власти, чѣмъ самъ король, и дѣла дѣло до борьбы между двумя національностями. Голландскіе журналы проповѣдывали, что не слѣдуетъ падать бельгійцевъ, ибо кровь матекинговъ не кровь братьевъ, что время переговоровъ прошло: нужно воевать съ бунтовщиками и злодѣями. Та же національная нетерпимость обнаружилась и въ генеральныхъ штатахъ, гдѣ бельгійскіе уполномоченные подвергались публичнымъ оскорбленіямъ, гдѣ третья рѣчь еще рѣзче обнаружила непреклонность короля, и гдѣ голландцы ужъли подать королю только одинъ советъ: «прибѣгнуть къ военной силѣ».

Въ Брюсселѣ, еще прежде чѣмъ открыты были генеральные штаты, буржуазія успѣла (11 сентабря) образовать комитетъ безопасности для сохраненія общественнаго спокойствія и поддержанія оранской династїи; теперь же, по получаніи вѣстїей изъ Гаги, власть перешла въ другія руки. Изъ всѣхъ городовъ Велліи и изъ Парма стеклось въ Брюссель великое множество революціонеровъ и голодныхъ рабочихъ, рѣшившихся вступить въ борьбу съ правительствомъ на улицахъ бельгійской столицы. Они овладѣли (20 сентабря) ратушей, обезоружили національную

* Такое династическое соединеніе существуетъ между Швеціей и Норвегіей.

гвардію и передалъ власть, только что захваченную буржуазіей, народу. Даже сами бельгійскіе депутаты просили у короля вооруженной помощи противъ этихъ блуэкиновъ. Принцъ Фридрихъ получилъ приказъ двинуться изъ Вильвоорденъ къ Брюсселю. Но прежде, чѣмъ исполнить это повелѣніе короля, принцъ обнародовалъ воззваніе къ бельгійцамъ, въ которомъ обѣщалъ инсурректамъ амнистію; но въ то же время грозилъ строго наказать *любыхъ замышляющихъ смилкомъ преступныхъ дѣяній.*

Еслибы принцъ обнаружилъ намереніе только восстановить порядокъ и спокойствіе, рѣшеніе же политическихъ вопросовъ предоставилъ генеральнымъ штатамъ, то онъ сохранилъ бы, можетъ быть, французскому дому владичество надъ Бельгіей. Но вмѣсто того, чтобы явиться миротворцемъ и защитникомъ, онъ предсталъ народу, какъ судья и истязатель, и тѣмъ погубилъ дѣло короля Вильгельма I. Своимъ прокламаціей 21 сентября, съими угрозами онъ вооружилъ противъ французскаго дома всѣ партіи, даже самыхъ умѣренныхъ людей.

Съ 10,000 войскомъ и 26 орудіями принцъ остановился 23-го сентября предъ Брюсселемъ. Сначала онъ имѣлъ некоторый успѣхъ, проникъ въ городъ, но за баррикадами и въ домахъ жителей нашелъ столько мужественныхъ противниковъ, и въ уличной борьбѣ потерпѣлъ столько неудачъ, что 23-го сентября долженъ былъ отступить къ загородному парку, а въ ночь съ 26-го на 27-е сентября отвести утомленнымъ и лишеннымъ сна въставшимъ привасовъ войска въ Вильвоорденъ, оставивъ въ паркѣ груды труновъ, едва прикрытныя вѣсомъ, поломанныя деревья и разбитыя статуи, а въ городѣ часть королевскаго дворца и нѣсколько другихъ зданій обращенными въ развалины. Утромъ 27-го сентября толпа народа собралась въ покинутаго войсками паркѣ, и долго въ этотъ день радостные крики лежащей толпы смѣнивались съ печальными гимнами похоронныхъ процессій.

Сами голландцы дивились мужеству своихъ противниковъ, и оборону Брюсселя называли чудесною. Особенно отличились въ эти дни храбрый подпоручикъ Илетингъ и испанецъ Хуанъ-де Галенъ.

Кровопролитная четырехдневная борьба рѣшила участь революціи: бельгійская національность отстояла свои права. Теперь бельгійцы не желали никакого, даже династическаго соединенія съ Голландіей, теперь невозможно была въ ней французская династія: только совершенное отдѣленіе могло удовлетворить высшіе и низшіе классы народа. Въ этомъ смыслѣ дѣйствовало временное правительство, въ числѣ членовъ котораго находился, возвратившійся на родину, де-Петтеръ. Вмѣстѣ съ извѣстіемъ о

побѣдѣ восстанія въ Брюссель, распространилась по всей Бельгій и сама побѣда: голландскій сардинскій отрядъ былъ изгнанъ; бельгійскія войска, разрѣшенныя временнымъ правительствомъ отъ припаги, перешли на сторону народа; только города Лихсембургъ, Венлоо, Маастрихтъ и Антверпенъ находились въ рукахъ голландцевъ.

Только теперь нидерландское правительство согласилось отдавать бельгійцамъ важныя уступки. Генеральныя штаты объявили себя за самостоятельность и независимость Бельгій; король далъ на это свое согласіе и отправилъ принца Оранскаго въ Антверпенъ. Принцъ провозгласилъ административное отдѣленіе Бельгій, свободу преподаванія, безусловную амнистію. Онъ хотѣлъ даже, ставъ во главѣ движенія, безусловно признать рѣшенія бельгійскаго конгресса, которому предполагалъ собраться въ началѣ ноября. Но такъ-какъ отецъ его не одобрялъ такого рѣшительнаго шага, и вмѣстѣ того желалъ возмечь въ Бельгій междоусобную войну, то народъ не могъ довериться и принцу. Предложенія намѣстника престола были отвергнуты, послѣ чего онъ отправился въ Англію, гдѣ уже собрался послы великихъ державъ, для совѣщаній о нидерландскомъ вопросѣ.

Принцъ Оранскій оставилъ Антверпенъ 26-го октября, а на слѣдующій день 8,000 бельгійскихъ волонтеровъ, подъ предводительствомъ генерала Меллине, двинулись къ Антверпену. Помощниками Меллине были два офицера, отличившіеся въ сентябрьскіе дни при оборонѣ Брюсселя: Ньеллонъ, бывшій директоръ дѣтскаго театра, и Кессельсъ, занимавшійся виноловниимъ промысломъ. Счастье улыбнулось имъ и на новомъ поприщѣ. Голландскія войска были вытѣснены изъ Антверпена, и генералъ Шассе долженъ былъ укрыться въ антверпенской цитадели. Когда бельгійцы подступили къ цитадели, чтобы завладѣть ею, Шассе открылъ по городу страшный огонь: въ продолженіе семи часовъ, онъ обстрѣливалъ городъ изъ семисотъ пушекъ, разрушилъ въ немъ около 200 домовъ и сжегъ на нѣсколько милліоновъ франковъ разнаго товара. Весь убытокъ, причиненный этою канонадою частнымъ лицамъ, опредѣляютъ въ четыре милліона гульденовъ, не считая двухъ, обращенныхъ въ развалины, общественныхъ зданій: арсенала и запаснаго магазина.

Несмотря на несовершенно удачную экспедицію волонтеровъ къ Антверпену, независимость Бельгій была уже совершившимся фактомъ. Лондонская конференція предложила воюющимъ сторонамъ заключить перемиріе и установить между Голландіей и Бельгіей пограничную линію, существовавшую прежде соединенія этихъ двухъ странъ Наполеономъ. Бельгійцы приняли эти

предложенія, и, собравшись 10-го ноября, національный конгрессъ проводимаясь отдѣльно Вельгін отъ владыки Франсваго дома на вѣчныя времена.

Политическія свидѣдія были благоприятны бельгійцамъ: Россія занята была въ это время польскимъ вопросомъ, Австрія — итальянскимъ; западныя державы также мало интересовались Бельгіей: въ Англіи послѣ паденія министерства Веллингтона, господствовала болѣе либеральная политика, Лордонкъ же Флиминъ знавалъ, что онъ не потеритъ чего бы то ни было вмешательства въ бельгійскія дѣла, и самъ не будетъ препятствовать самостоятельному развитію этого государства.

Такимъ-то образомъ, бельгійцы достигли желанной независимости. При обсужденіи вопроса о формѣ правленія, Де-Поттеръ, приверженецъ республиканской идеи, отдѣлился отъ большинства конгресса и оставилъ политическую дѣятельность. Только 13 голосовъ высказалось за республику, между тѣмъ, какъ за монархію — 174 голоса.

7-го февраля 1831 г. конституція, въ основу которой положена верховная власть народа, была единогласно принята конгрессомъ. Этою конституціей утверждены слѣдующія права націи: равенство всѣхъ бельгійцевъ передъ закономъ и отмена всякаго сословнаго различія; право сходки и ассоціацій; свобода устного и печатнаго слова; безусловная свобода преподаванія, вѣроисповѣданія и богослуженія. Парламентъ, по этому новому основному закону, состоитъ изъ двухъ палатъ: въ нижней палатѣ заседаютъ 98 депутатовъ, избранныхъ на четыре года. Ценъъ избирателей — 20-30 флориновъ податей въ селеніяхъ, 20-80 флор. — въ городахъ. Верхняя палата или сенатъ состоитъ изъ 48 членовъ и избивляетъ половину своего состава чрезъ каждые четыре года. Членъ этой верхней палаты долженъ имѣть не менѣе 40 лѣтъ и платить не менѣе 1,000 флориновъ примыкъ податей. Бюджетъ, а также численность арміи вѣтруется обѣими палатами ежегодно. Судопроизводство публично и гласно; политическія и уголовныя преступленія судятся судомъ присяжныхъ. Въ Бельгін учреждаются одна кассационная судъ для формальной провѣрки рѣшеній обличенныхъ трибуналовъ и для суда надъ провинившимися министрами, и нѣсколько апелляционныхъ судовъ.

Труднѣе былъ вопросъ о границахъ новаго государства. Лондонская конференція рѣшила его еще 20-го января не въ пользу Вельгін, оставивъ за Голландіей герцогство Ламсбургское, полученное королевъ Вильгельмомъ въ вознагражденіе за утрату родовыхъ владѣній. Бельгійцы протестовали противъ этого рѣшенія, подъ тѣмъ предлогомъ, что обитатели Ламс-

бурга; составивъ вѣдѣть съ нѣмъ протѣтъ корою, желали соединенія съ Бельгіей, а не съ Голландіей. Окончательное установленіе границъ новаго государства зависѣло отъ выбора короля.

Прежде всего, корона предложена была сыну Людовика-Филиппа, герцогу Немурскому. Когда же французскій король, справедливо опасаясь, чтобы остальныя великія державы не воспротивились такому усиленію французскаго вліянія въ Европѣ, отклонилъ это предложеніе, то вниманіе многихъ было обращено на герцога Лейхтенбергскаго, сына бывшаго итальянскаго вице-короля Евгения Богарне. Но Людовикъ-Филиппъ употребилъ всѣ усилія, чтобы не допустить такого несприятнаго соедѣнѣнѣ. Чтобы выиграть время, французскій кабинетъ допустилъ формальное избраніе герцога Немурскаго; но Людовикъ-Филиппъ, уже успѣвшій отъѣхать герцога Лейхтенбергскаго, и вполне увѣренный, что лондонская конференція не согласится признать состоявшееся рѣшеніе конгресса, еще разъ отказался за своего сына отъ бельгійской короны. Назначено было новое избраніе, которое и завершилось весьма удачно: 4-го іюня королемъ Бельгіи избранъ былъ Леопольдъ, принцъ Саксен-Кобургскій, прославившійся во время народной германской войны за освобожденіе, и въ 1816 г. вступившій въ супружество съ дочерью англійскаго принца-регента. Уже въ слѣдующемъ году онъ овдовѣлъ, и съ тѣхъ поръ оставался въ Англіи. Владѣствіе бракосочетанія сестры своей съ герцогомъ Кентскимъ, Леопольдъ приходился дадею принцессѣ Викторіи, которой предостояло вступить на англійскій престолъ. Въ 1830 г. принцъ отказался отъ греческой короны, но бельгійскую принялъ, послѣ того, какъ конгрессъ, согласившись съ лондонскою конференціей, заявилъ, что Люсембургъ временно остается за Бельгіей, а что окончательное рѣшеніе вопроса о границахъ предоставляется будущему. 21-го іюля, Леопольдъ торжественно вступилъ въ Брюссель, даде, подъ открытымъ небомъ, при многочисленномъ стеченіи народа, присягу на кравленіе конститудіи, и тутъ же провозглашенъ былъ бельгійскимъ королемъ.

Въ то время, когда Леопольдъ совершалъ первое свое путешествіе по Бельгіи, голландскія воиска, въ числѣ 70,000 человекъ, двинулись въ эту страну и, обративъ бельгійскую армію въ бѣгство при Гасселтѣ и Лѣвенѣ, грозили уже самому Брюсселю. Леопольдъ обратился за помощію къ Франціи и Англіи, и просьба его была услышана. Французское воиско двинулось въ Бельгію, англійскій флотъ расположился у береговъ Голландіи. Голландцы должны были воротиться во свояси; но при содѣйствіи восточныхъ великихъ державъ, уже успѣвшихъ справиться съ

полями, король Вильгельмъ добился извѣщенія лондонскаго протопела. Въ силу этого извѣщенія, только часть Люксембурга и Лимбурга осталась за Бельгiей; притомъ, новое королевство должно было взять на себя уплату части голландскаго долга, именно 8.400,000 гульденовъ. Когда Вильгельмъ выразилъ недовольство и этою уступкой, англо-французскiй флотъ блокировалъ берега Голландiи, а французская армiя, вождь предводительствомъ Жерара, перешла бельгiйскую границу, съ цѣлю завладѣть Антверпеномъ: тамъ оставался еще голландскiй гарнизонъ подъ начальствомъ генерала Шассе. Болѣе мѣсяца сопротивлялась антверпенская цитадель французскимъ войскамъ, наконецъ (23-го декабря) сдалась, и бельгiйцы вошли въ нее. Шассе съ своимъ гарнизономъ былъ отведенъ во Францiю, въ качествѣ военнопленнаго, и только тогда получилъ свободу, когда голландскiй король согласился на перемирие. Несчастная распря прекратилась только въ 1838 году, когда Вильгельмъ согласился наконецъ на раздѣленiе Люксембурга и Лимбурга между Бельгiей и Голландiей* и предоставилъ бельгiйцамъ свободу плаванiя по Шельдѣ.

Въ царствованiе Леопольда I, Бельгiя могла преуспѣвать въ матеріальномъ и духовномъ отношенiяхъ. Союзъ клерикаловъ съ либералами, конечно, скоро распался: послѣ того, какъ обѣ эти партiи достигли своихъ цѣлей, каждая изъ нихъ стала добиваться преобладанiя въ палатѣ депутатовъ. Леопольдъ, какъ образцовый конституціонный король, предоставилъ имъ обѣимъ полнѣйшую свободу политической дѣятельности и пропаганды. Для Леопольда не на словахъ (какъ для его тестя**, а на дѣлѣ *гартія была истиной*). Въ самыя трудныя времена, даже послѣ февральской революціи, даже въ годы царствованiя во Францiи Наполеона III, стремящагося окружать французскiя границы, Леопольдъ умѣлъ сохранить нравственное влiянiе на бельгiйскiй народъ. Когда же умеръ онъ (10-го декабря 1865 г.), свободная нація добровольно одѣлась въ трауръ и выразила непритворную печаль по своему добромъ государѣ.

Къ сожалѣнiю, нельзя того же сказать о чувствахъ, обнаруженныхъ англійскимъ народомъ по случаю смерти короля Геор-

* Бельгiи уступлена была часть Лимбурга — 43 квадр. миль съ 170,000 жителей, съ тѣмъ, чтобы бельгiйцы не строили здѣсь крѣпостей. Люксембургъ также раздѣленъ былъ почти поровну между Голландiей и Бельгiей. Крѣпость Люксембургъ отошла къ Голландiи, оставаясь въ то же время крѣпостью Германскаго Союза.

** Въ 1832 году Леопольдъ вступилъ въ бракъ съ старшею дочерью Луизы Филиппы, принцессою Луизою Орлеанскою.

га IV, скончавшагося 26-го іюня 1830. Англичане равнодушно разстались съ стариннымъ врагомъ всякихъ государственныхъ преобразованій и возлагали большія надежды на брата его, герцога Кларенскаго, вступившаго на престолъ подъ именемъ Вильгельма IV. Скоро по вступленіи на престолъ новаго государя, составленъ былъ, по обычаю, новый парламентъ. Старая палата общинъ была распущена 25-го іюля, въ тотъ несчастный день, когда Карлъ X подписалъ свои ордонансы. Новыя выборы совпали такимъ образомъ съ тѣмъ временемъ, когда изъ-за канала повѣло на Англію свѣжимъ, болѣе свободнымъ духомъ.

Побѣда французскаго народа надъ Карломъ X была привѣтствуема въ Англіи, какъ торжество свободы надъ тираніей, благодарственное для всей Европы. Національное самолюбіе британцевъ не могло допустить, чтобы Англія уступила Франціи въ дѣлѣ улучшенія конституціи, чтобы Веллингтонъ оставался первымъ министромъ, въ то время, какъ дитя его сердца, Полиньякъ, уже заключенъ былъ въ Венсеннѣ. Съ душевнымъ прискорбіемъ, но все же долженъ былъ Веллингтонъ признать королемъ Франціи Людовика-Филиппа.

Когда обнаружались результаты парламентскихъ выборовъ, Веллингтонъ замѣтилъ, что число голосовъ, которыми могло министерство располагать, уменьшилось на 50. Но это не смутило премьера: въ составленной имъ тронной рѣчи, произнесенной 2-го ноября 1830, реакціонныя стремленія правительства обнаружались рѣзче, чѣмъ прежде. О парламентской реформѣ въ ней не было и помину, объ Ирландіи правительство обѣщало позаботиться, на сколько это необходимо для сохраненія порядка, какъ будто этого было достаточно для устраненія социальныхъ неправдъ, отъ которыхъ страдала Ирландія; напротивъ, Голландіи высказана была похвала и сочувствіе; бельгійская революція подвергнута порицанію, какъ неимѣющая основаній; наконецъ, высказана надежда, что Донъ-Мигуэль будетъ возвращенъ португальскому трону. Такихъ рѣчей не могли выдержать даже нервы англичанъ. Въ Лондонѣ и другихъ мѣстностяхъ рѣзко обнаружилось народное негодованіе; на митингахъ народъ громко требовалъ перемѣны кабинета. Отказъ короля и министровъ участвовать на пиру у лорда-мера, изъ боязни предпологавшагося покушенія на жизнь Веллингтона, не измѣнилъ настроенія общественнаго мнѣнія. И несмотря на все это, Веллингтонъ съ солдатскимъ упрямствомъ оставался на своей должности. Когда въ палатѣ лордовъ графъ Грей высказалъ, что парламентская реформа есть единственное средство предохранить Англію отъ революціи, Веллингтонъ насмѣшливо отвѣтилъ, что суще-

Т. СLXXX. — Отд. I. 18

ствующая система можетъ быть названа образцовою, ибо она предоставляет политическое преобладаніе землевладѣльцамъ, и что онъ, съ своей стороны, будетъ противиться предложенію какой бы то ни было парламентской реформы. Такое упрямство окончательно возмутило и парламентъ и общественное мнѣніе: крайніе торы соединились съ вигами для того, чтобы низвергнуть Велингтона, и ждали только удобнаго случая. Во время преній о жалованьи королю и его двору, оппозиція высказалась такъ рѣзко противъ правительственной системы, что министры должны были подать въ отставку. Графу Грею поручено было (16-го ноября) составить новое министерство. Этотъ энергичный старецъ, еще въ 1789 году проводившій въ парламентѣ мысль о необходимости усовершенствовать избирательную систему сообразно духу и желаніямъ народа, окружилъ себя приверженцами парламентской реформы. Въ новомъ министерствѣ засѣдали, вмѣстѣ съ Пальмерстономъ и другими любимцами Каннинга, люди, доказавшіе свою преданность народу, каковы Бругамъ и Грагамъ. Немедленно Грей заявилъ свою правительственную программу, высказавшись за принципъ невмѣшательства во вѣдѣній и за парламентскую реформу во внутренней политикѣ страны.

Какъ бываетъ со всѣми великими историческими задачами, такъ случилось и съ этой: само правительство принялось за исполненіе дѣла, которое прежде имъ преслѣдовалось и жестоко порицалось.

Даже *Германія*, несмотря на свое, вошедшее въ пословицу, терпѣніе, не могла не испытать на себѣ вліянія революціи. Но и въ эту пору замѣтна была разница между сѣверомъ и югомъ Германіи. На югѣ уже болѣе десяти лѣтъ существовало конституціонное устройство съ представительствомъ всего народа, а не нѣкоторыхъ только сословій. Въ сѣверной же Германіи если и были гдѣ законодательныя собранія, то они состояли изъ представителей однихъ высшихъ сословій, то-есть высшаго дворянства и прелатовъ, вслѣдствіе чего подати и налоги распредѣлялись въ высшей степени неравномѣрно, дворянскія привилегіи умножались въ ущербъ не дворянскому населенію. Благодаря этому обстоятельству, въ сѣверогерманской низменности образовалась та ѣдкая политическая атмосфера, которая такъ непріятна была для аристократическихъ натуръ: всюду мы видимъ проявленія ненависти народа къ высшимъ классамъ общества, тамъ и самъ встрѣчаемъ столкновенія нисшихъ классовъ народа съ полиціей, въ нѣкоторыхъ же городахъ — нѣчто большее.

Въ Брауншвейгѣ, подобно тому, какъ во Франціи и Бельгіи, народъ возсталъ противъ своего правительства и замѣнилъ его другимъ. Мужественный герцогъ брауншвейгскій, Фридрихъ-Вильгельмъ, извѣстный своимъ походомъ къ Нѣмецкому морю въ 1809 году и своею геройскою смертію при Катрбра въ 1816, оставилъ двоихъ малолѣтнихъ сыновей, Карла и Вильгельма. Опекун надъ ними была предоставлена англійскому королю Георгу IV, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и королемъ ганноверскимъ. Ганноверскій министръ, графъ Мюнстеръ учредилъ для Брауншвейга тайный совѣтъ (Geheimraths Kollegium), ввелъ порядокъ въ финансахъ и въ судопроизводствѣ, но въ палаты сословныхъ представителей не допускалъ никого кромѣ дворянъ, прелатовъ и городскихъ бургомистровъ; власть правительства при этомъ парламентъ была почти неограниченна. Такое положеніе дѣлъ продолжалось до 1823 года, когда на брауншвейгскій престолъ вступилъ герцогъ Карлъ. Этотъ принцъ получилъ воспитаніе при различныхъ европейскіихъ дворахъ; въ Вѣнѣ же, подъ руководствомъ покровителя своего Меттерниха, онъ изучилъ теорію безграницной, безотвѣтственной власти государей. Вступивъ на престолъ, Карлъ года четыре терпѣлъ при себѣ коллегію тайнаго совѣта, но въ 1827 году распустилъ ее. Это обстоятельство было поводомъ къ скандальному процессу между герцогомъ брауншвейгскимъ съ одной стороны и графомъ Мюнстеромъ съ другой. Карлъ дошелъ до такого ожесточенія, что повѣсилъ въ саду своемъ портретъ Мюнстера и разстрѣлялъ этотъ портретъ. Затѣмъ онъ вызвалъ самого Мюнстера на дуэль и обвинилъ опекуна своего, Георга IV, въ томъ, что онъ нарочно воспяталъ его въ невѣжествѣ и моральномъ разслабленіи.

Конституція, установленная въ Брауншвейгѣ во время несовершеннолѣтія Карла (1820), казалась ему слишкомъ несовершенною, ибо она имѣла аристократическій характеръ; но герцогъ не хотѣлъ замѣнить ее конституціею въ народномъ духѣ. Къ тому же, Карлъ велъ жизнь въ высшей степени безпутную; чиновники его были, болѣею частію, неспособные, деморализированные люди, спокойно взиравшіе на то, какъ герцогъ вмѣшивался въ судопроизводство и финансовое управленіе, какъ продавалъ онъ государственныя имущества и выручкою отъ этой продажи наполнялъ свою собственную казну. Неголько народъ, но и аристократію возмущилъ онъ противъ себя въ высшей степени.

Во время іюльской революціи герцогъ Карлъ находился въ Парижѣ. Испуганный переворотомъ, онъ поспѣшилъ на родину съ твердою рѣшимостью поступить, въ случаѣ возстанія, съ

матешниками не такъ, какъ поступилъ съ французскими революціонерами Карлъ X. Вскорѣ по возвращеніи Карла въ Брауншвейгъ, къ нему явилась депутація отъ горожанъ и изобразила ему настроеніе общественнаго мнѣнія; она требовала устраненія злоупотребленій администраціи и созванія государственныхъ чиновъ. Въ отвѣтъ на эти требованія, Карлъ приказалъ удвоить караулы и поставить предъ казармой 16 пушекъ. Народъ не выдержалъ, возсталъ (7-го сентября 1830). Въ то время, какъ герцогъ находился съ своими войсками на дворцовой площади, толпа народа сдѣлала нападеніе на дворецъ съ незащищенной его стороны; недовольные герцогомъ офицеры не оказали сопротивленія, и Карлъ долженъ былъ бѣжать. Дворецъ немедленно былъ сожженъ толпою народной.

Образовавшіеся тутъ же словесные комитеты созвали собраніе земскихъ чиновъ (Landstände) и пригласили принца Вильгельма, уже спѣшившаго въ Брауншвейгъ изъ Берлина (гдѣ онъ находился въ прусской военной службѣ), стать во главѣ правительства. Карлъ, изъ Лондона, куда прежде всего поспѣшилъ удалиться, воротился на континентъ, прибылъ во Франкфуртъ и отсюда обратился къ брауншвейгцамъ съ воззваніемъ, обещающимъ самую завидную долю. Но никто не повѣрилъ его обѣщаніямъ. Когда же, въ ноябрѣ 1830, съ восьмидесятью наемниками (изъ Гарца), онъ вступилъ въ брауншвейгскія владѣнія, то былъ прогнанъ. Потерпѣвъ неудачу, герцогъ удалился въ Парижъ. Неоднократныя попытки его возвратить себѣ престолъ остались тщетными: герцогъ Карлъ уже не возвращался въ Германію.

Странно, что несчастіе лишиться трона выпало на долю любимцу Меттерниха и что, послушное орудіе австрійскаго канцлера, германскій союзный сеймъ долженъ былъ признать законнымъ совершившійся фактъ. Конечно, перемѣны въ Брауншвейгѣ и въ другихъ сѣверно-нѣмецкихъ государствахъ не соответствовали желаніямъ союзнаго сейма, тѣмъ не менѣе почтенное собраніе не рѣшалось дѣйствовать противъ мятежныхъ брауншвейгцевъ штыками, во вкусъ предшествовавшаго десятилѣтія: при тогдашнемъ положеніи дѣлъ, крутыя мѣры могли только раздуть, а не потушить пожаръ. Тотъ самый германскій союзный сеймъ, который во всѣхъ спорахъ по поводу конституціи принималъ сторону брауншвейгскаго государя и одобрялъ самыя несправедливыя его дѣянія, на этотъ разъ принялъ сторону подданныхъ его; призналъ рѣшительную неспособность Карла управлять государствомъ и утвердилъ на герцогскомъ престолѣ брата его Вильгельма (апрѣль 1831). Дворянство, бывшее душою воз-

станія, перемѣнивъ правителя, не желало дальнѣйшихъ перемѣнъ въ государствѣ; но народъ требовалъ реформъ и достигъ желаемого. Новая конституція провозглашена была 12-го октября 1832 г., и признава основнымъ закономъ страны: въ силу этой конституціи, политическія права различныхъ классовъ общества были, до нѣкоторой степени, уравнины; не только буржуазія, но даже народъ, освободившійся окончательно отъ феодальныхъ повинностей, приобрѣлъ нѣкоторыя политическія права *. Скоро обнаружился благодѣтельный слѣдствіе всѣхъ этихъ преобразованій: благосостояніе низшихъ классовъ народа возвысилось, земледѣліе и промышленность развились очень быстро, вся страна приняла новый, лучшій видъ.

Въ курфиршество Гессенскомъ, по смерти Вильгельма I, вступилъ въ 1821 г. на престолъ Вильгельмъ II. Правда, новый государь отмѣнилъ нѣкоторые, реставрированныя отцомъ его, обычаи, но все же не заслужилъ любви народной. Народъ не уважалъ его за суровый нравъ, за явное пренебреженіе къ жемъ (сестрѣ прусскаго короля), за явно-предосудительныя отношенія къ любимицѣ своей, награжденной титуломъ графини Рейхенбахъ, а всего болѣе за произвольное увеличеніе налоговъ, большая часть которыхъ шла не въ государственную казну, а въ кошелекъ курфирста и графини Рейхенбахъ. Чтобы оградить себя отъ своего же народа, Вильгельмъ, послѣ слабого сопротивленія оппозиціонной партіи на сеймѣ, совершенно предался меттерниховой системѣ и сталъ позволять себѣ самыя необдуманныя и несправедливыя дѣйствія. Безъ всякой необходимости, онъ увеличилъ войско до цифры, весьма тягостной для страны; ввѣрилъ тайной полиціи, размножилъ шпионовъ и доносчиковъ, которые имѣли самое дурное вліяніе на его подозрительный (отъ нечистой совѣсти) и раздражительный характеръ.

Парижскія и брюссельскія событія возбудили и въ кур-гессенцахъ, съ отвращеніемъ взиравшихъ на свое правительство, радужныя надежды. 16-го сентября ихъ недовольство правительствомъ перешло въ открытый бунтъ. Народъ, страдая отъ дороговизны хлѣба, заповодорилъ курфирста въ стачкѣ съ хлѣбниками и булочниками и въ произвольномъ возвышеніи цѣны. Восстаніе скоро приняло политическій характеръ; кассельскіе горожане взяли за оружіе, сельское населеніе послѣдовало ихъ примѣру.

* По конституціи 1832 г. брауншвейгскій государственный сеймъ состоитъ изъ одной палаты, въ которой засѣдаютъ 46 депутатовъ: 10 отъ городскихъ обществъ, 12 отъ сельскихъ общинъ, 21 отъ платящихъ наибольшее количество податей, 3 отъ лютеранской церкви. Депутаты избираются на 6 лѣтъ; сеймъ долженъ собираться, по крайней-мѣрѣ, чрезъ 3 года.

На войско курфирсть не могъ разсчитывать, и вотъ, 15-го октября онъ рѣшился дать народу обѣщаніе созвать сеймъ (чего прежде ни разу не дѣлалъ). Собранныя государственные чины окончили къ январю 1831 г. составленіе конституціи, которая и была (5-го января 1831 г.) подписана кородемъ. Сейму предоставлено было, по этой конституціи, участіе въ законодательствѣ, право соглашаться или несоглашаться на подати и налоги, а также и право надзора за финансовымъ управленіемъ. Судебная часть отдѣлена отъ администраціи. Свобода печати принята въ принципѣ, но на практикѣ допущена съ ограниченіями.

Съ неохотою подчинился курфирсть требованіямъ конституціи; но всего печальнѣе для него было то обстоятельство, что нельзя было воротить въ Кассель изгнанную, по требованію народа, графиню Рейхенбахъ. Попытка курфирста вызвать ее изъ-за границы едва не возбудила всеароднаго возстанія. Чтобы не жить въ разлукѣ съ графиней, Вильгельмъ удалился во Франкфуртъ-на-Майнѣ; а такъ-какъ особою статьею конституціи курфирсту запрещалось править государствомъ изъ-за границы, то онъ назначилъ соправителемъ себѣ сына своего Фридриха (1831). Съ этихъ поръ Фридрихъ, очень похожій характеромъ на отца, сталъ управлять курфиршествомъ.

Въ сосѣднемъ Верхнемъ Гессенѣ также происходили народныя волненія. Въ сентябрѣ 1830 г. здѣсь вспыхнула крестьянская война, нѣсколько напоминавшая войну 1524—1525 годовъ. До 8,000 крестьянъ, недовольныхъ тягостными налогами, вооружившись косами и вилами, составили околчненіе и требовали отмены тягостныхъ налоговъ; но въ теченіе нѣсколькихъ дней были разсѣяны принцемъ Эмилиемъ Гессенскимъ.

Въ королевствѣ Саксоніи возстаніе вызвано было не придворнымъ скандаломъ (частная жизнь королевской фамиліи была безупречна), но устарѣлою правительственною системою. Саксонцы, для которыхъ не прошло безслѣдно умственное движеніе, охватившее большую часть Европы въ концѣ XVIII вѣка, находили, что судебная процедура у нихъ крайне медленная и запутанная, что произволъ полиціи, особенно надъ низшими классами народа, достигъ крайнихъ предѣловъ, что городская администрація дѣйствуетъ слишкомъ произвольно и не даетъ никакого отчета въ городскихъ суммахъ, что дворяне имѣютъ слишкомъ много привилегій въ сравненіи съ остальными классами общества и что эти привилегіи ставать въ зависимость отъ нихъ сельское населеніе. Недоволенъ былъ народъ и высокими налогами, которые были тѣмъ обременительнѣе, что распредѣлялись весьма неравномѣрно: больше всего платили средніе и низшіе

классы населенія. Наконецъ строгая цензура, стѣснявшая не только періодическія изданія, но и всю литературу, была весьма непопулярна въ Саксоніи, тѣмъ болѣе, что книжная торговля составляетъ здѣсь одну изъ весьма важныхъ отраслей народнаго труда.

Саксонскій король Антонъ былъ очень добродушный старецъ, совершенно довѣрившійся своимъ министрамъ и воображавшій, что они пользуются любовью народной: сентябрьскія событія въ Лейпцигѣ и Дрезденѣ разочаровали его. Въ Лейпцигѣ движеніе началось, 2-го сентября (1830), по слѣдующему поводу. Въ одномъ домѣ дѣлались приготовленія къ свадьбѣ. Вечеромъ, наканунѣ совершенія обряда, собралось — посмотрѣть на дѣвчонки — большое общество; по старинному обычаю, уличная молодежь много шумѣла и произвела нѣкоторые безпорядки; полиція не сумѣла захватить виноватыхъ и оскорбила невинныхъ людей; одинъ подмастерье кузнеца былъ даже раненъ полицейскимъ солдатомъ. Товарищи этого ремесленника бросались на полицейскихъ и обратили ихъ въ бѣгство; толпы народа принимали участіе въ обиженномъ и воспользовались случаемъ, чтобы выразить свое недовольство администраціей. Дома многихъ особенно ненавистныхъ чиновниковъ были опустошены. Впрочемъ, 5-го сентября спокойствіе было восстановлено, благодаря вооруженному вмѣшательству буржуазіи, которая рѣшилась заявить правительству свои нужды законнымъ путемъ и съ этою цѣлю отправила депутацію въ Дрезденъ. Премьянникъ короля, принцъ Фридрихъ, хотѣлъ уже ѣхать въ Лейпцигъ, чтобы на мѣстѣ обсудить все дѣло, какъ возстаніе всыкнуло въ самомъ Дрезденѣ. Здѣсь оно имѣло больше единства и силъ, но и здѣсь вся ненависть народа направлена была не на короля, а на людей, злоупотреблявшихъ его довѣріемъ. Такъ-какъ въ этомъ отношеніи образованные классы общества раздѣляли народныя чувства, то они и не препятствовали толпѣ взять приступомъ ратушу, опустошить внутренность этого зданія, сжечь книги, документы, реестры и повторить тѣ же сцены опустошенія и въ зданіи полицейскаго управленія. Чтобы не допустить народъ до крайнихъ несправедливостей, буржуазія учредила національную гвардію, но въ то же время успѣшила заявить королю о своихъ нуждахъ и желаніяхъ. Изъ многихъ мѣстностей Саксоніи король получилъ такіе же адреса и прошенія, въ которыхъ народъ умолялъ его отставить министровъ, ввести представительное правленіе, преобразовать общинное устройство, отмѣнить цензуру и удалить іезуитовъ. Въ прошеніи, поданномъ королю отъ 120 мейссенскихъ селеній, говорилось, между прочимъ, что

800,000 крестьянъ въ Саксоніи вовсе не имѣютъ представителей, но желаютъ имѣть ихъ. Съ особенною силой говорилось въ нѣкоторыхъ адресахъ о владычествѣ католиковъ и обскурантовъ, о вредномъ вліяніи іезуитовъ: страна, бывшая колыбелью реформациі, глубоко возмущалась, вида, какъ іезуитизмъ, этотъ исконный и непримиримый врагъ протестантства, пользуясь слабостію нѣкоторыхъ членовъ католической королевской семьи, приутился въ Саксоніи.

Король готовъ былъ уступить требованіямъ народа. Назначивъ своимъ соправителемъ принца Фридриха, пользовавшагося особеннымъ довѣріемъ народа, король подписалъ въ сентябрѣ 1831 года конституцію, составленную собраніемъ государственныхъ чиновъ. Сеймъ, по этой конституціи, долженъ былъ состоять изъ двухъ палатъ и пользоваться важнѣйшими парламентскими правами, какъ-то: участіемъ въ законодательствѣ и правомъ вотивовать налоги. Всѣ христіанскія вѣроисповѣданія получили равныя права; обязанность военной службы признана за каждымъ саксонцемъ.

Преобразованія въ королевствѣ Саксоніи не остались безъ вліянія и на герцогства того же имени; и на нихъ повѣяло новымъ духомъ, и въ нихъ народу даны были нѣкоторыя конституціонныя права.

Вслѣдствіе тѣхъ же обстоятельствъ, которыми вызваны были коренныя преобразованія въ Саксоніи, измѣнено было государственное устройство и въ Ганноверѣ, гдѣ дворянство преобладало надъ прочими сословіями едва-ли не болѣе, чѣмъ во всей остальной Германіи. Здѣсь, правда, съ 1819 г. существовала конституція, но, повидимому, лишь для того, чтобы охранять привилегіи дворянства. Крестьяне, по распаденіи Вестфальскаго королевства, подчинились прежней феодальной власти землевладельцевъ. Налоги и всевозможные поборы съ простаго народа безпрестанно увеличивались, города бѣднѣли, и народъ такъ мало разсчитывалъ на помощь палатъ, что вовсе не интересовался выборомъ представителей. Во главѣ ганноверскаго правительства стоялъ извѣстный уже намъ графъ Мюнстеръ, любимецъ Георга IV, приверженецъ феодальныхъ учрежденій и деспотизма.

Недовольство правительствомъ имѣло въ Ганноверѣ столько же основаній, какъ въ Гессенѣ и Саксоніи, но здѣсь оно не было до такой степени распространено: оно раздѣлялось лишь средними классами общества, по преимуществу образованными людьми: крестьянствъ былъ еще слишкомъ мало развитъ и находился подъ слишкомъ сильнымъ вліяніемъ помѣщика, чтобы

принимать участіе въ политическихъ дѣлахъ. Но за то уже въ сентябрѣ 1830 г. во многихъ городахъ поднялась противъ правительства буржуазія, недовольная высокими налогами. Восстаніе это скоро было усмирено, и зачинщики его арестованы.

Между тѣмъ недовольство не утихло, и 8-го января 1831 г. послѣдовалъ новый, уже болѣе сильный взрывъ этого недовольства въ Гёттингенѣ. Нѣсколько приват-доцентовъ тамошняго университета, нѣсколько адвокатовъ подъ руководствомъ доктора Раушенплатта и адвоката Зейденштигера, вооружили гёттингенскихъ гражданъ, недовольныхъ общиннымъ управленіемъ, побудили ихъ смѣнить начальника полиціи и подписать адресъ, въ которомъ зачинщики движенія заявляли народныя нужды и требовали болѣе либеральной конституціи. Съ этимъ адресомъ отправлена была депутація къ герцогу Кембриджу, брату короля Англіи Вильгельма IV, ганноверскому генералъ-губернатору. Герцогъ Кембриджъ отправилъ въ Гёттингенъ войска, которыя и подавили восстаніе, но вслѣдъ затѣмъ самъ явился въ Гёттингенъ, выслушалъ жалобы на разныя притѣсненія правительственныхъ лицъ, обѣщалъ болѣе сообразное духу времени государственное устройство и народное представительство. Благодаря его посредничеству, англо-ганноверскій король Вильгельмъ рѣшился разстаться съ министромъ Мюнстеромъ, какъ *представителемъ всего, что ненавистно народу*. Герцога Кембриджа Вильгельмъ назначилъ вице-королемъ Ганновера. Отчасти вновь избранные, представители страны обсудили проектъ конституціи, выработанный особою комиссіей, въ числѣ членовъ которой находился знаменитый историкъ Дальманъ. Несмотря на сильное сопротивленіе дворянской партіи, новая конституція была введена въ 1833 году. Правда, въ ней, какъ во всѣхъ нѣмецкихъ конституціяхъ, недоставало нѣкоторыхъ существенныхъ элементовъ свободной народной жизни, какъ напримѣръ, суда присяжныхъ; правда и то, что противъ превышенія власти со стороны чиновниковъ не было установлено достаточно твердыхъ гарантій, тѣмъ не менѣе народъ былъ огражденъ по крайней-мѣрѣ отъ самыхъ грубыхъ проявленій произвола администраціи и помѣщиковъ. Низшіе классы получили понятіе о своихъ человѣческихъ и гражданскихъ правахъ, котораго прежде не имѣли; крестьяне получили право участвовать въ государственной жизни страны. О томъ, какая судьба постигла эту конституцію, будетъ рѣчь впереди.

Итакъ, къ южно-германскимъ конституціоннымъ государствамъ присоединились еще четыре сѣверныхъ. Усилія германскаго союзнаго сейма удержать за конституціями сѣверныхъ государствъ

сословный характеръ не увѣнчались успѣхомъ. Даже государи этихъ четырехъ странъ не имѣли желанія призывать себя на помощь ни союзный сеймъ, ни государей великихъ державъ: произвола этихъ послѣднихъ они боялись гораздо болѣе, чѣмъ притязаній своихъ собственныхъ подданныхъ. Вопросъ состоялъ теперь лишь въ томъ: долго ли продержатся представительныя учрежденія въ сѣверно-нѣмецкихъ государствахъ.

Июльская революція не осталась безъ вліянія и на Южную Германію: и въ ней обнаружилось сильное, до тѣхъ поръ сдерживаемое стремленіе къ расширенію конституціонныхъ правъ, но не произошло ни малѣйшаго нарушенія установившагося политическаго строя. Только въ Рейнской Баваріи произошло демократическое движеніе, которое впрочемъ не повело къ вооруженному возстанію. Объ этомъ движеніи въ Рейнской Баваріи мы будемъ еще имѣть случай сказать нѣсколько словъ.

ЛЕГКОВѢСНЫЕ.

КАРИНЫ ВЪ НАТУРАЛЬНУЮ ВЕЛИЧИНУ.

Чѣмъ больше ветшаетъ міръ, тѣмъ бѣльшая накопается въ немъ сумма опытности. Отношенія упрощаются; сомнѣнія уступаютъ мѣсто увѣренности; истины, до познанія которыхъ человѣкъ въ былое время доходилъ путемъ не легкой борьбы, становятся простыми аксіомами, никакой борьбы не требующими. Простодушный славянинъ, который нѣкогда училъ нашихъ предковъ почаще повторять изрѣченіе «да будетъ намъ стыдно», конечно, первый устыдился бы своей наивности, еслибъ всталъ изъ гроба и взглянулъ на успѣхи своихъ потомковъ. Онъ убѣдился бы, что стыдливость безъ труда замѣняется развязностью, что на развалинахъ сомнѣній, тревогъ и темныхъ предвидѣній постепенно водворяется счастливая увѣренность, и что мечтанія становятся безплодными и даже опасными съ той минуты, когда для всѣхъ уяснилось понятіе о довѣрчивой благонамѣренности.

Во всемъ мы успѣли, во всемъ отрезвились. Чѣмъ дальне мы идемъ, тѣмъ болѣе и болѣе убѣжденія наши теряютъ свою прозрачность, и, взамѣнъ того, приобретаютъ драгоценныя качества осязательности и плотности. Громъ гремитъ, собака лаетъ, мѣдныя лбы пробиваются и торжествуютъ — вотъ тѣ простыя истины, до которыхъ мы додумались, и на которыхъ зиждется наше будущее благополучіе. Мы признаемъ за истину только ту истину, которая бьетъ насъ по лбу и механически поражаетъ наши чувственные органы; мы заносимъ въ наши лѣтописи только тотъ фактъ, который имѣетъ за собой привилегію факта совершившагося. Все прочее приурочивается нами къ области мечтаній, а такъ-какъ мечтанія безплодны (аксіома), то мы и относимся къ этому «прочему» ежели не съ ненавистью, то съ ироническимъ сожалѣніемъ. Откуда пришли къ намъ наши непреложныя истины, что производитъ громъ, почему лаетъ собака, почему

торжествуютъ лбы мѣднѣе, а не простѣе — мы надъ этимъ не задумываемся, и не желаемъ себѣ объяснить; мы просто принимаемъ это, какъ фактъ глухой и неотразимый. Заслышавъ громъ, мы говоримъ: вотъ громъ; слышавъ лающую собаку, мы говоримъ: вотъ лающая собака.

Цѣль всѣхъ нашихъ стремленій и заботъ заключается въ томъ, чтобы навсегда освободиться отъ какихъ бы то ни было сомнѣній и создать для себя то положеніе счастливой увѣренности, въ которомъ можно было бы жить, не задумываясь и не размышляя. Каждый изъ насъ облюбовываетъ себѣ извѣстныя рамки, прилагивается къ нимъ, и затѣмъ уже заботится только о томъ, какъ бы не переступить границы, и не очутиться невзначай въ области неизвѣстнаго. Впереди — мотается кусокъ, на который устремлены всѣ взоры, и который служить путеводною звѣздой въ нашемъ странствіи...

Нельзя, однакожь, сказать, чтобы эти прилагиванія доставались намъ безъ усилій — совсѣмъ напротивъ! Нѣтъ ничего болѣе хрупкаго, какъ тѣ рамки, къ которымъ мы такъ старательно прилагиваемся, и нѣтъ ничего болѣе цѣпкаго, какъ то *неизотъ-стное*, отъ котораго мы такъ упорно отворачиваемся. Поэтому, чтобы удержаться въ рамкахъ и защитить ихъ отъ напыва неизвѣстнаго, отъ насъ требуется довольно подвиговъ и даже не мало насилій... Но положимъ, что мы не стоимъ за подвигами; положимъ, что наши понятія о нравственномъ содержаніи поступковъ, о чести и правдѣ настолько упростились, чтобы не допустить насъ сплотнуться въ нашемъ рыаномъ стремленіи въ куску — какой же собственно получится результатъ этихъ подвиговъ и насилій? — А вотъ какой: въ ту минуту, когда мы уже достигаемъ куска, когда мы осязаемъ руками цѣль нашихъ вожделеній — оказывается, что питательность его болѣе, нежели сомнительна, что онъ и самъ уже подвергся нѣкоторымъ органическимъ измѣненіямъ, вслѣдствіе напора того же «неизвѣстнаго», съ которымъ мы вели такую неутомимую борьбу!

Такимъ образомъ, преслѣдуя мечтателей, мы сами оказываемся мечтателями сугубыми, и къ тому же мечтателями недалеконидными, грубыми и нелѣпыми!

Спрашивается: для чего мы трудились, подвижничили и насильствовали?

Было время, когда въ нашемъ обществѣ большую роль играли, такъ называемые, каплуны мысли. Эти люди, разъ ухватившись за идею, усаживались на ней вплотную, переворачивали на всѣ

стороны, жевали, разговывали и пережевывали, дѣлались рьяными защитниками ея вѣшной и внутренней неприкосновенности, и, обезпечивши ее разъ навсегда отъ всякаго дальнѣйшаго развитія, тихо и мелодично курлыкали. Я до сихъ поръ не могу забыть тѣхъ томныхъ, расслабляющихъ звуковъ, которыми ознаменовалась эпоха нашего возрожденія. Были въ то время такіе сладкіе катышки, которые, какъ только попадутъ въ ротъ — такъ съ ними и не разстанешься. Каплуны же народъ добродушный, къ їдѣ ласковый и къ утучненію своихъ тѣлъ весьма склонный. Они нетолько съ жадностью ловили тѣ катышки, которые бросались имъ чьею-то щедрою рукою, но даже охотно разрывали вольный навозъ и отыскивали въ немъ катышки совершенно мнимые. И поднималось у нихъ тутъ то равномерное, самодовольное курлыканье, которое многихъ даже проникательныхъ людей ввело въ обманъ, и дало поводъ думать, что, навѣрно, въ Россіи наступилъ золотой вѣкъ, коль скоро въ ней такъ изобильно развелась птица-каплуна, и притомъ такая гладкая и такъ самодовольно курлыкающая.

Но само собою разумѣется, что птица, обладающей такимъ важнымъ изъяномъ, не суждено быть ни законодательницей міра, ни властительницей думъ. Оказалось, что одни изъ катышковъ, которые такъ жадно проглатывались глупою птицею, заключали въ себѣ отраву, другіе же не могли быть переварены, по неумѣлости и глупости. Сверхъ того, однообразное и приторное курлыканье каплуновъ до того опротивѣло, до того раздражило всѣмъ нервы, что птицу, наконецъ, перестали кормить. Однимъ словомъ, птица задумалась, и черезъ короткое время вся безъ остатка подохла.

Гдѣ вы, воспитаніе нѣкогда мною литераторы-обыватели! Гдѣ вы, непреклонные обличители исправниковой неосновательности и городническаго заблужденія? Гдѣ раздается ваше томное курлыканье, и раздается ли оно? Или, быть можетъ, оно облеклось въ инныя, болѣе соответствующія требованіямъ времени формы, и изрывается, по безчисленнымъ закоулкамъ любезнаго нашего отечества, въ видѣ истерическаго ругательства, съ пѣною у рта, съ устремленіемъ дланей и судорогою въ искаженныхъ чертахъ лица?

Какъ бы то ни было, но курлыканье безвозвратно смолкло, я, взамѣнъ его, общественная наша арена огласилась ржаніемъ рѣввающихся жеребятъ.

Нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ это веселое ржаніе, особливо въ полѣ и въ лѣтнее время на зарѣ. Въ общемъ говорѣ просыпающейся природы оно выдѣляется какою-то особенно свѣжею ме-

лодіей. Да и сама по себѣ картина рѣзвѣщающаго жеребенка дѣйствуетъ на душу освѣжительно. Стрѣлою несется молодой сосунокъ по необозримоу полю — и вдругъ онъ остановился, какъ вкопанный, потомъ разъ, два, три взягнувъ задними ногами и опять заржалъ, и опять понесся. Эти лансады и курбеты, этотъ внезапный рѣзвѣный бѣгъ куда-то впередъ, это словно струей пронизывающее воздухъ ржаніе — все это, вмѣстѣ взятое, представляетъ такое прелестное зрѣлище невинной необдуманности, что сердце самое огорченное невольно заражается безотчетной веселостію, и человѣкъ самый суровый, самый преисполненный гражданскихъ доблестей, нѣтъ нѣтъ, да вдругъ и вскинетъ ногами въ воздухѣ.

Почему намъ нравится такая картина? Не потому ли, что она воскрешаетъ передъ нами идиллическій и всегда любезный намъ образъ невинности? Чтò хочетъ выразить жеребенокъ своими скачками и курбетами, своимъ несущимся по вѣтру хвостомъ, своимъ мелодическимъ ржаніемъ? Очевидно, онъ хочетъ только сказать: «посмотрите, какъ мои прыжки безотчетны, какъ я воленъ скакать и прямо, и вкось, и на гору и въ оврагъ — всюду, куда несутъ меня мои быстрыя ноги!» И вотъ, наше сердце невольно влечется къ этому маленькому красивому созданию; насъ трогаетъ и его молодая, безпечная удаля, и ничѣмъ необъяснимая внезапность движеній, и даже самая безпомощность и непредусмотрительность въ различеніи опасностей. Сравнивая эту картину безотчетно рѣзвѣющейся невинности съ картиною мрачнаго коварства людей, мы невольно восклицаемъ: «Ахъ! еслибы и люди могли такъ носиться по полямъ любезнаго отечества, не злоумышляя, и не коварствуя, но наполняя воздухъ веселіемъ и мелодическимъ ржаніемъ!» Затѣмъ слѣдуетъ пауза и сладкій, глубокий вздохъ. «Рѣзвись, милое дитя! обращаемся мы къ жеребенку: — рѣзвись, пока не запрягутъ и тебя въ соху, подобно тому, какъ запрагается твой вротная и послушная кнузу мать!»

Представьте же себѣ, что вамъ мимолетное мечтаніе внезапно осуществляется; представьте себѣ, что идиллія, которою вы только что насладились, происходитъ не въ необозримости полей, а на тѣсномъ прѣстравствѣ Невскаго проспекта, Кузнецкаго моста, либо какой-нибудь Московской или Дворянской улицы губернскаго города. Представьте себѣ цѣлне табуны молодыхъ жеребятъ, оторванныхъ отъ родныхъ степей, и рѣзвѣющихся въ окрестностяхъ Казанскаго моста или Тверскаго бульвара! Какъ сладко должно встрепенуться ваше сердце при звукахъ веселаго ржанія; какимъ умильнымъ огнемъ должны загорѣться ваши глаза при видѣ безпримѣрныхъ по своей бойкости прыжковъ!

Еще такъ недавно вы видѣли на этомъ самомъ мѣстѣ нелѣпо переваливавшихся съ боку на бокъ каплуновъ, которые топтали какія-то идеи, подобно тому, какъ топчетъ безсмысленный пидюкъ бросаему ему рукавицу, которые приводили васъ въ ужасъ своимъ однообразно-томительнымъ курлыканьемъ — и вдругъ какая счастливая переимѣна! Идеи нити никакихъ не топчетъ, но за то какое движеніе! Какіе бойкіе, освѣжающіе душу звуки!

— Да, намъ теперь всего нужнѣе энергія! самодовольно говорите вы, потирая руки и любясь смѣлыми оборотами этихъ небольшихъ, но красивыхъ животныхъ: — намъ именно нуженъ этотъ *entrain*, это движеніе, эта бодрость и дерзость бѣга, которая одна можетъ оживить ту кашу, которою намѣсили противные каплуны!

Вѣднхе, ожирѣвшіе каплуны! вы ли не старались? вы ли, съ несмысленнымъ трудолюбіемъ, не копались на всѣхъ заднихъ дворахъ нашего отечества, отмысывая всевозможныя нечистоты и полегоньку заглаживая и засыпая ихъ песочкомъ? И что жъ! вы забыты! вы презрѣны! Вы отданы на поруганіе какимъ-то красивымъ, но легкимъ звѣрьгамъ, которые плѣняютъ одною безотчетностью прыжковъ и мелодичностью ржанія! Гдѣ справедливость? Гдѣ же хваленая и искони приводимая всѣми христоматіями въ примѣръ признательность соотечественниковъ?

Нѣтъ каплуновъ! нѣтъ этой образцовой, солидной, невольной нравственной птицы! замолкло ея резонное, убѣдительно курлыканье, не раздается изъ края въ край ея отчетливое чавканье! Все смолкло! все безслѣдно исчезло! Даже природа какъ будто притихла и притаилась. Только и слышно, какъ весело ржутъ и роютъ копытами расшалившіеся не въ мѣру молоденькіе жеребчичи.

Нѣтъ спора: маленькій жеребчикъ — прелестное, превеселое и преграціозное животное; но представьте же себѣ (въ скотскомъ быту это вѣдь очень возможно), что этотъ милый, рѣзвый жеребчикъ вдругъ забѣсился! Что можетъ тогда произойти? Какими горькими и неисчислимыми послѣдствіями можетъ отозваться это несчастіе на тѣхъ, которые слишкомъ довѣрчиво любовались его рѣзвыми движеніями? Я былъ однажды свидѣтелемъ рѣдкаго и потрясающаго зрѣлища: я видѣлъ забѣсившагося клопа. Въ ряду воюющихъ насѣкомыхъ, клопъ почему-то пользуется у насъ репутаціей испытанной и нигѣмъ не оспариваемой благонамѣренности. Оттого ли, что нравы этого слѣпорожденнаго

паразита недостаточно изслѣдованы, и, вслѣдствіе того, онъ живеть окруженный ореоломъ таинственности, мѣшающей подступиться къ нему, или отъ того, что мы видимъ въ немъ нѣчто въ родѣ олицетворенія судьбы, обрешей русскаго человѣка на погусыванье,—какъ бы то ни было, но клопъ взбѣсился, и никто изъ обывателей не только не обратилъ должнаго вниманія на это обстоятельство, но, напротивъ того, всякій продолжалъ считать клопа другомъ дома. Можете себѣ представить, какую тьму народа перенортилъ этотъ негодный паразитъ, какъ широко онъ воспользовался тѣмъ ореоломъ благонамѣренности, которымъ мы окружили его! Одѣвшись личиною смиренія, онъ заползываетъ въ тѣщи и перины безвѣчно спящихъ людей, и нерѣдко, въ теченіе одной ночи, поражалъ своимъ ядомъ цѣлыя семейства. Десятки и сотни людей пропадали безслѣдно, а клопъ все не унимался, все жалитъ и жалитъ. Онъ и о-сю пору продолжаетъ бы жалить, еслибъ, съ одной стороны, не истощилъ запасъ тѣлъ, а съ другой стороны не обмануло его пораженное бѣшенствомъ, собственное обоняніе, наткнувшее его на рожонъ. Но онъ и теперь еще живъ въ своей стѣнной скважинѣ, онъ и теперь повременамъ набѣгаетъ на беспечныхъ, когда благопріятствуетъ темнота ночи...

Повидимому, стоитъ только протянуть руку, чтобъ сдѣлать клопа навсегда безвреднымъ, но оказывается, что это совсѣмъ не такъ легко, какъ можно предположить съ перваго взгляда. Есть какая-то темная сила обстоятельствъ, которая бдитъ надъ клопомъ и препятствуетъ протянуть руку именно въ ту самую минуту, когда онъ наиболѣе вреденъ. И вотъ, вонючій, слѣпорожденный паразитъ становится дѣйствующимъ лицомъ, и никто противъ этого не протестуетъ! Мало того: онъ впадаетъ въ неистовство, онъ безъ разбору впивается во всякое тѣло, лежащее поперекъ его тѣсной дороги — и ему рукоплещутъ! Находятся, конечно, люди, которые взвращаютъ на это съ прискорбіемъ, но фактъ уже совершился, клопъ забралъ силу, и только случайность, такая же бѣшенная случайность, какъ и та, которая породила самое бѣшенство, можетъ положить предѣлъ его слѣпому неистовству.

Немного нужно сообразительности, чтобы оцѣнить положеніе, которое поставлено въ зависимость отъ необузданности дряннаго клопа!

Но отъ клоповной необузданности нѣтъ надобности дѣлать salto mortale, чтобы дойти до необузданности жеребчатой. Покуда жеребята рѣзвятся, носятся по полямъ и играютъ—они забавны; но когда глаза ихъ наливаются кровью, когда они на-

чиняють безъ разсуда брыкаться, когда ржаніе ихъ принимаетъ злобѣщій тонъ — тогда берегитесь ихъ! Нѣтъ злобы болѣе неотразимой, какъ злоба жеребчья, ибо она встаетъ передъ вами неожиданно-негаданно и всегда изъ-за пустяковъ; нѣтъ злобы болѣе неутомимой, ибо она рветъ и грызетъ, не различая предметовъ и не сознавая сама, что попадаетъ ей на зубы.

Я знаю, размышленія мои могутъ показаться читателю навѣянными минутнымъ мизантропическимъ настроеніемъ, и слѣдовательно односторонними и исключительными. Но попытайтесь же поискать ту грануцу, гдѣ оканчиваются мизантропическія и могутъ начаться довѣрчивыя отношенія, и, вы, конечно, не найдете ея. Бываютъ минуты въ жизни обществъ, когда всякая возможность подобной границы устраняется сама собою; бывають положенія, въ которыхъ нельзя отнестись, по призыву, такъ или иначе, но въ виду которыхъ дѣлается обязательнымъ именно то, а не иное отношеніе. Горечь недовѣрія отнюдь не принадлежитъ къ тѣмъ праздничнымъ и наряднымъ одеждамъ, радиться въ которыя составляетъ удовольствіе; напротивъ того, это костюмъ очень стѣснительный и даже невыгодный. Но что же вы будете дѣлать, если, въ данную минуту, это единственная одежда, которая приходится въ пору?

Въ самомъ дѣлѣ, взгляните на предметъ кладнокровно и найдите хотя малѣйшее разумное основаніе, которое объяснило бы это странное присутствіе жеребятъ на аренѣ человѣческихъ дѣйствій. Допустите шансы самыя выгодныя; предположите, что жеребята эти заранѣе застрахованы отъ припадковъ бѣшенства и навсегда останутся тѣми рѣзвыми, веселыми жеребятами, какими они представляются вашимъ предубѣжденнымъ взорамъ. Но вѣдь все-таки это не люди, все-таки это не болѣе, какъ звѣрвы!

Да и нужна ли намъ рѣзвость? необходимо ли топтать отечественныя поля? Право, это еще вопросъ, и притомъ вопросъ очень серьезный и очень сомнительный. Рѣзвость, употребляемая на то, чтобы, распутивъ по вѣтру гриву, безотчетно носиться по полямъ и оврагамъ, на то, чтобы безцѣльно рыть копытами землю и оглашать природу ржаніемъ — ужели можно изобрѣсти такую гнетущую необходимость, при помощи которой представлялась бы возможность осмыслить подобную безпутную картину? Нѣтъ; такой необходимости даже изобрѣсти нельзя; ея нѣтъ, а вмѣсто нея существуетъ простая случайность, которая и бодрствуетъ надъ этимъ носящимся, бушующимъ и рѣзвющимся легковѣснымъ стадомъ...

Да, легковѣсные люди — вотъ дѣйствительно, несомнѣнные герои современнаго общества. Чѣмъ легковѣснѣе человекъ, тѣмъ болѣе онъ можетъ претендовать на успѣха, тѣмъ болѣе можетъ держать, а ежели онъ вѣсомъ менѣе золотника, то это та-кой завидный удѣлъ, при которомъ никакихъ пределовъ въ жизни для человека существовать не можетъ. Онъ безпрятственно проникаетъ во всѣ танцклассы; онъ имѣетъ безграничный кредитъ во всѣхъ кондитерскихъ и ресторанахъ; онъ зажигаетъ неугасаемые огни въ сердцахъ дамъ, и, въ довершеніе всего, пользуется репутацией общественаго столпа. Законы физики торжествуютъ; легкія тѣла поднимаются вверхъ, тѣла плотныя и вѣскія остаются въ неизменностяхъ. Золотники едутъ триумфаторами по всей линіи и во всѣхъ профессіяхъ; они цѣпляются другъ за друга, подталкиваютъ и выводятъ другъ друга, и въ концѣ концовъ образуютъ такую плотную свлочноую массу, сквозь которую нельзя пробиться даже при помощи осадныхъ орудій.

Еще очень недавно вы видѣли этихъ безконечно-малыхъ, еще недавно вы думали, что они не больше какъ жужжаніе комары, которые потому только и обращали на себя ваше вниманіе, что отъ нихъ нужно было отмахиваться... Увы! теперь это не просто комары, а цѣлая масса комаровъ, претендующая затмить собой солнечный свѣтъ. Ихъ жужжаніе — не просто жужжанье, а совокупность миллионовъ жужжаній, имѣющая всѣ признаки трубнаго гласа. И — ужась! — за этими золотниками уже видѣются десятки и сотни доли золотниковъ, которые тоже цѣпляются въ гору, и, конечно, не заставляютъ себя долго ждать, дабы своимъ безконечнѣйшимъ ничтожествомъ побѣдить безконечное ничтожество золотниковъ.

Трудно наблюдать за этою компактною движущеюся массою, трудно сослѣдить нравы ея дѣятелей. Вы видите, что тутъ нѣчто кишитъ, и какъ будто слегка навзанируетъ; вы слышите, что оттуда издается какое-то утробное гудѣнье, въ которомъ не выдѣляется ни одного человѣческаго звука; вы замѣчаете суматоху и торопливую, беспорядочную бѣготню — но этимъ и ограничиваются всѣ данныя для наблюденія. Не подходите близко, не пытайтесь разрыть кучу, потому что, вслѣдъ за этимъ, вы почувствуете въ тѣлѣ непріятный зудъ.

Вотъ отдѣлилось отъ кучи маленькое, чуть примѣтное насѣкомое; всмотритесь въ него, и вы увидите, что оно снабжено острымъ, колющимся хоботомъ, цѣпкими ножками, и что тѣло его покрыто какъ бы броней; дотроньтесь до него — и вы убѣдитесь, что оно испускаетъ ядовитую жидкость, которая также

представляетъ для него одно изъ средствъ защиты: Все оно, это мелкое насѣкомое, такъ соображено, чтобы постеренія, нескромная любознательность не прикасалась къ нему слишкомъ близко и не подвергала пристальному анализу его беспорядочной торопливости.

Было время, когда властителемъ моихъ думъ былъ знаменитый витія и философъ Оединька Кротиковъ. Назойливый болтуна, бездонный носитель либеральной галиматии — онъ, по-видимому, соединялъ въ себѣ всѣ данности, чтобы сдѣлаться героемъ и львомъ своего времени. Прижаюсь, я думаю, что нельзя изобрѣсти героя болѣе легковѣснаго; я даже упрекала себя въ преувеличенія. И что же? — ни чуть не бывало! Оединька оказался слишкомъ увѣсистъ, слишкомъ глубокомысленъ и дальновиденъ. Онъ подавилъ золотниковъ основательностью, бойкостью и прозорливостью своихъ сужденій; онъ возбудилъ въ нихъ опасенія шириною и солидностью своихъ взглядовъ — и вотъ, безконечно-малые скучились, составили комплоть, сговорились, и свергнули-таки Оединьку съ нѣдѣстала!

Оединька приунылъ и поникъ головою. Попрженому, въ немъ безпрепятственно совершается процессъ болтанія, но онъ уже сознаетъ, что болтовня не въ мѣсту, когда все въ природѣ вѣщаетъ о подтагиваніяхъ, подбираниахъ и энергическихъ поступаніяхъ; попрженому, онъ смотритъ фофаномъ, но увы! фофаномъ не торжествующимъ, а грустнымъ, не смѣлымъ и словно приниженнымъ.

— Ты видишь! сказалъ мнѣ этотъ проинтрафившійся гигантъ, встрѣтившійся на днѣхъ со мною на улицѣ, и указывая на рядъ безконечно-малыкъ, суетившихся тутъ же, у нашихъ ногъ: — ты видишь дѣ малыкъ ситъ? но подожди! то ли еще будетъ! Эти неизмѣримо-малые — великаны въ сравненіи съ тѣми неизмѣримо-малѣйшими, которые придутъ на ихъ мѣсто!

Затѣмъ, Оединька съ головой окунулся въ бездну умѣреннаго либерализма и болѣе уже не вылезалъ оттуда. Онъ разназывалъ мнѣ о своихъ подвигахъ на вопринцѣ постепеннаго преусѣбанія, о томъ, сколько требовалось осторожности, осмотрительности, и даже самоотверженія, чтобы не погубить молодые, нѣжные всходы общественной самодѣтельности и проч. и проч. Внимая рѣчамъ его, я очень мадо поняла, но, въ то же время, въ первый разъ въ жизни, удивилась ихъ мудрости. Меня какъ-то непривично поразили звуки человѣческаго голоса. Я сравнивала эту ровную, гладкую, словно канитель тянущуюся рѣчь съ утробнымъ стenanіемъ золотниковъ, и вздыхала... почти плакала! И еслибъ у меня нашелся подъ руками лавровый вѣнокъ,

то я непременно возложилъ бы его на чело этого пустопорожняго мудреца!

Все проходить, все измѣняется. Были идеи — онѣ переродились въ слова; были слова — они смѣшались безсвязнымъ, любострастнымъ стенаніемъ. Увы! намъ ужъ не до идей! Теперь, мы съ сожалѣніемъ вспоминаемъ даже о словахъ, даже о тѣхъ скудно надѣленныхъ внутреннимъ содержаніемъ рѣчахъ, которыми отягощали нашъ слухъ пустопорожніе мудрецы! Мы жальдемъ объ нихъ, потому что въ нихъ все-таки слышались знакомые человѣческіе звуки. Представители бездоннаго краснорѣчія становятся въ нашихъ глазахъ любезными, даже великими, ибо, если они не обладали идеями въ дѣйствительномъ значеніи этого слова, то несомнѣнно, что у нихъ существовали нѣкоторые обрывки идей. Цѣпляясь за эти обрывки, можно было докопаться до исходнаго пункта, можно было хотя на время установить бродячую мысль оратора. Это одно уже было неопѣненно, потому что давало возможность предъявлять требованія, ставить вопросы, возстановлять колеблющуюся нить сужденія, и, мало-по-малу, съ помощью ангельскаго терпѣнія, приводить оратора къ заключеніямъ болѣе или менѣе человѣческимъ.

Увы! драгоценныя обрывки мысли исчезаютъ безслѣдно, исчезаютъ въ виду всѣхъ! Безсвязный гулъ, который издаетъ толпа «легковѣсныхъ», не только не имѣетъ ничего общаго съ мыслью, но даже находится въ явно враждебныхъ къ ней отношеніяхъ. Коли хотите, анализируя этотъ гулъ пристальнѣе, вы, конечно, рискуете отыскать въ немъ нѣчто похожее на внутреннее содержаніе, но это внутреннее содержаніе тѣмъ только и отличается отъ наглой безмыслицы, что въ основѣ его лежитъ доходящая до остервенѣнія ненависть къ мысли. И тутъ уже нечего ждать ни суда, ни разбирательства: всякая мысль, каково бы ни было ея содержаніе, одинаково противна золотнику уже потому одному, что она мысль, а не похоть, не вождѣніе. Убѣжденія самыя разнообразныя, самыя противорѣчивыя уравниваются передъ безграничною злобой похотливой легковѣсности; всѣ они подлежатъ преслѣдованію и казни, потому только, что называются убѣжденіями и напоминаютъ о существованіи ненавистной мысли.

Въ противность указаніямъ теоріи постепеннаго совершенствованія родовъ и видовъ, «легковѣсный» побѣдоносно доказываетъ, что существуетъ на свѣтѣ такой видъ чловѣка, который не только чуждъ закону совершенствованія, но даже способенъ возвратиться къ положенію первоначальной борьбы за существованіе. Трудно себѣ представить чловѣка, который былъ бы

воплѣтъ свободенъ отъ мысли, который могъ бы только чувствовать голодь, сгараать отъ любострастныхъ желаній и ощущать физическую боль; однако, такой человекъ существуетъ. Это «легковъсный», это герой современности. Онъ изгнать мысль изъ домашняго своего употребленія, онъ свергнулъ съ себя ея тягостное иго, и на этой побѣдѣ надъ мыслью основалъ свое величіе. Посмотрите, какъ онъ волнуется; какъ онъ ловко, по временамъ, скользитъ и лавируетъ, а по временамъ перескакиваетъ черезъ препятствія; какъ онъ подставляетъ ногу другимъ, подобно ему безконечно-малымъ, какъ онъ стремится, изгибается, дѣлится... Не думайте, однако, чтобы мозговое его вещество было на сколько-нибудь причастно этому эквилибристическому, кропотливому движенію, чтобы суетливость его выражала что-нибудь, кромѣ самаго простаго физическаго упражненія; взгляните впередъ, и вы, навѣрное, убѣдитесь, что тамъ, гдѣ-то, вдали, мотается кусокъ... Вотъ единственный поводъ, который заставилъ вспыхнуть пожаромъ вождѣніе въ этомъ легковъсномъ ничтожествѣ, вотъ единственная приманка, которая могла пробудить инстинкты его безконечно малаго существа! Не подходите къ нему въ это время: онъ въ охотѣ, онъ жируетъ и можетъ укусить.

Я встрѣтился недавно съ однимъ товарищемъ по школѣ. Ребенкомъ онъ былъ такъ-себѣ: не слишкомъ фискализъ, подсказывалъ довольно удовлетворительно, и даже по временамъ курилъ въ печку, хотя никогда не попадался. Иди разными дорогами, мы давно потеряли другъ друга изъ виду, какъ вдругъ я узрѣлъ его во всеоружіи! Оказалось, что онъ уже имѣетъ прочное общественное положеніе, что онъ заказываетъ платье у лучшихъ портныхъ, что камелин, въ его присутствіи, пламенѣють, и что въ будущемъ его, несомнѣнно, ожидаетъ блестящая перспектива. Взглядъ у моего друга дѣтства былъ смѣлый, свѣтлый, почти ничего не выражающій, кромѣ пронзительности; тонъ голоса твердый и увѣренный. Видно было, что онъ не любитъ тратить слова по пустому, и если считаетъ нужнымъ останавливаться на портныхъ и камелияхъ, то потому только, что они, дѣйствительно, составляютъ существенныя орудія его будущей карьеры.

— Какія же, однако, твои дѣли, мой другъ? спросилъ я его.

— А ближайшая моя дѣль — съѣсть вотъ этотъ кусокъ ростбифа (дѣло было въ ресторани), сказалъ онъ мнѣ, и отъ предположенія тотчасъ же перешелъ въ исполненію.

— Но потомъ?

Онъ выгнувъ на меня, какъ будто изумился моему любопытству; одважно отвѣтилъ:

— А потокомъ — ни выпьемъ, если хочешь, но стакану добраго лафита!

— Да... но не вся же жизнь тутъ... Вѣроятно, есть цѣли, есть убѣжденія...

Онъ опять выгнувъ на меня, но на этотъ разъ уже не съ изумленіемъ, а съ строгостью.

— Убѣденія, любезный другъ? сказалъ онъ мнѣ: — ты говоришь объ убѣжденіяхъ? Такъ я отвѣчу тебѣ на это, что убѣжденія могутъ имѣть только люди безпоясые и недовольные. Мы — люди сподойные и довольные, мы не страдаемъ такъ называемыми убѣжденіями, а видимъ и признаемъ только долгъ... ты понимаешь — долгъ! Мы стремимся и достигаемъ!

Сказавши эти слова, онъ величественно всталъ съ дивана, кивнулъ головой буфетчику, и вышелъ изъ ресторана, не доѣвши даже своего завтрака. Я устремился ему во слѣдъ, чтобы спросить, что же, наконецъ, гнуснаго заключается въ словѣ «убѣжденіе», и какъ поступить, если эта гнусность ни подъ какимъ видомъ не хочетъ вытравиться изъ сердца? — но онъ былъ уже далеко. Я могъ любоваться только, какъ сверкала вдали его круглая, гладкая шляпа, и мелькали по тротуару проворныя его ноги.

Я увѣренъ, что, съ той достопамятной минуты, онъ цѣлуетъ ко мнѣ влобу непримиримую, и что представляя удобный случай, онъ позабудетъ всѣ связи прошлаго, и отомститъ — такъ мнѣ за свой неудавшійся завтракъ.

Но воспоминанія увлекаютъ меня. Былъ у меня и другой товарищъ, но фамилія Шваквопфъ, по ремеслу баронъ. Специальность его состояла въ томъ, что онъ ни на одномъ языкѣ не имѣлъ таланта выразиться почеловѣчески, а всѣмъ и каждому жаловался, что у него нѣтъ въ головѣ никакой «сизль» (мысль). Встрѣчаю на дняхъ и его — тоже чуть не сломомъ изукрашенъ алмазами общественнаго довѣрія; тоже — взглядъ свѣтлый, смѣлый, ничего не выражающій, кромѣ провинительности; тоже — голосъ властный, увѣренный, способный выразить твердость и непреклонность.

— Ну, что, какъ наша «сизль»? спрашиваю я его, по старой, закоренѣлой привычкѣ.

— Мой «сизль» — нѣтъ «сизль»! отвѣтилъ онъ мнѣ съ такимъ уморительнымъ глубокомысліемъ, что я не вытерпѣлъ и бросился его цаловать.

Передо мной воскресло далекое прошлое. Мнѣ вспомнилось,

какъ этотъ добродушный Швакшопфъ натуживался и потѣлъ въ поискахъ за мыслью, какъ ии, его неразумно товарищи, надѣвались надъ энциклопедии, и, напереривъ другъ передъ другомъ, предлагали къ его услугамъ самыя изумительныя, самыя безпримѣрныя мысли. Стало бить, однако, этотъ человекъ чувствовалъ когда-то потребность мысли! стало бить, онъ сознавалъ, что безъ мысли не жить ему на свѣтѣ! — И вдругъ, какой страшный переворотъ! «Моя мысль — жить, мысли!» Словомъ какое горнило сугубыхъ глупостей должно было пройти этотъ простодушный субъектъ, чтобы прийти къ такому отчаянному афоризму!

Безстыдство, какъ замѣна руководящей мысли; сноровка и ловкость, какъ замѣна убѣжденія; услѣхъ, какъ оправданіе пошлости и ничтожества отреченій — вотъ такова вѣна сего, вотъ девизъ современнаго триумфатора! «Прочь мысль! прочь убѣжденія!» на всѣ лады вопиеть побѣдоносное комариное воинство, и горе тому профану, который врѣжется въ этотъ сплошной рей, съ своими, такъ-называемыми, *idées de l'autre monde*! Его зазывать, заужжать, засосуть, и ежели не покончатъ навсегда, то, навѣрное, на долго оставить въ тѣлѣ ощущение отвратительнаго зуда!

Таковы современные властители нашихъ думъ.

«Легковѣсннѣ» встрѣчается всюду, во всѣхъ кружкахъ такъ-называемаго общества. Вы его можете узнать по наглости взгляда, по искусственной развязности поступи, по плотоядному выраженію улыбки, по растлѣнной беззащитности рѣчей. Жаргонъ этой современной *jeunesse dorée* не просто ничтоженъ, но посярмительнъ для человѣческаго слуха. Это какой-то каскадъ нескладныхъ словъ, не соединенныхъ между собою никакою внутреннею связью, и возбуждающихъ въ собесѣдниковъ не отвѣтную работу мысли, а попользованія нехоти.

«Легковѣсннѣ» лѣзливъ, несмотря на свою юркость; неспособенъ, несмотря на то, что за все беретъ; невѣжественъ, несмотря на то, что никогда не краснѣеть. И за всѣмъ тѣмъ, онъ успѣваетъ, онъ стремится и достигаетъ, потому что наглъ и угодливъ въ одно и то же время, и своєю открытой врандой къ мысли зарекомендовываетъ себя съ наилучшей стороны. Съ этимъ скуднымъ запасомъ, онъ забирается все вверхъ и вверхъ, ничего не видя, ничего не понимая, не имѣя даже никакихъ цѣлей, кромѣ самаго процесса забиранія вверхъ. «Ты взялся за дѣло, говорите вы ему, но вѣдь ты понятія объ немъ не имѣешь,

ты даже въ первый разъ услышалъ объ немъ въ ту минуту, какъ взялся за него!» Но онъ не удостоишь васъ даже отвѣтомъ на такую рѣчь; онъ престо посмотритъ на васъ съ своимъ просодушнымъ безотидствомъ, какъ бы говоря: «чудакъ! да развѣ нужно понимать дѣло, чтобы взялся за него!»

Единственное ремесло, по части котораго «легковѣсный», дѣйствительно, искусенъ — это ремесло подтягиванья, подборанія возжей и изготовленія ежовыхъ рукавиць. Это ремесло простое, не требующее особенной расточительности умственныхъ богатствъ, но потому-то именно оно и оказывается по плечу «легковѣсному». «Подтягивай!» «подавай!» «держи на готовѣ рукавицы!» словно волнами несется изъ легковѣснаго лагеря, и дѣлается вчуждъ страшно за эту безграничную пустыню, которая такъ легко передаетъ изъ края въ край всякіе бессмысленные звуки!

— Mon cher! говорилъ мнѣ на дняхъ одинъ изъ самыхъ рѣшительныхъ подтягивателей: — mon cher! все это такъ распоязалось, распустилось, что подтянуть слѣдуетъ непремѣнно.

Въ этой рѣчи нѣтъ ни одного слова, которое было бы не праздно, которое имѣло бы опредѣленный смыслъ, а между тѣмъ, вы слышите ее чуть не на каждомъ шагу. Она говоритса одними, подхватывается другими совершенно безсознательно — и вотъ, въ воздухѣ образуется густой столбъ подтягивательнаго сирада, смысла котораго вы не можете объяснить, но который потому-то и страшенъ, что къ нему нельзя подойти ни съ какой стороны. Чтò такое это «это», которое предстоить подтянуть? чтò такое самое «подтягиваніе»? Желая проникнуть въ таинственный смыслъ этихъ выраженій, вы не успѣете опомниться, какъ на васъ пахнѣтъ міромъ звончиковъ, міромъ подвругъ, возжей и лошадиного бала. «Ужели Россія — это и есть та самая скотина, которую слѣдуетъ подтянуть?» съ изумленіемъ спрашиваете вы себя. И для чего подтянуть? Не для того ли, чтобъ она не спотыкалась? но гдѣ же примѣры, гдѣ доказательства этого спотыканія?

Я могъ бы, конечно, нарисовать здѣсь прекраснѣйшую картину русской неспотыливости, но признаю за лучшее воздержаться отъ этого, благодаря общезвѣстности предмета. Я ссылаюсь въ этомъ случаѣ на самихъ подтягивателей, и положительно убѣжденъ, что даже они не въ состояніи будутъ объяснить ни внутреннего смысла ихъ иносказательныхъ угрозъ, ни самой ихъ формы.

Но это-то именно и несносно въ «легковѣсныхъ». Очень ужъ они невразумительны. Говорить все какія-то заштатныя, упраздненныя слова, а объясниться по поводу ихъ не могутъ. Не

столько обидно самое предполагаемое подтягиванье, сколько неопредѣленность угрозъ и посуловъ. Неизвѣстно оружіе, неизвѣстно требованіе, неизвѣстно ни время, ни мѣсто — все это опутываетъ васъ какимъ-то мракомъ, все поселаетъ въ васъ безотчетное опасеніе. Пронесетъ или не пронесетъ? Помилуетъ ли Богъ или не помилуетъ?—вотъ трудные вопросы, надъ которыми мы ломаемъ многострадальныя наши головы, и въ зависимость отъ которыхъ становится человѣческое спокойствіе, человѣческая жизнь!

Само собой разумѣется, что подобное положеніе не можетъ быть названо ни особенно блестящимъ, ни особенно твердымъ, ни особенно радостнымъ. Трудно себѣ представить что-нибудь болѣе уродливое, нежели жизнь, составленную отъ однихъ подтягиваній! трудно выдумать нигилизма болѣе глупаго и безсодержательнаго, нежели этотъ диковинный подтягивательный нигилизмъ! Неужто не все уже достаточно подтянуто? Ужели подтягивательная практика не завершила своего цѣля? Хорошо: будемъ подтягивать, подавать, ежеворукавичничать — но до какихъ поръ и надъ чѣмъ, наконецъ, мы станемъ производить наши опыты? и когда же наступитъ для насъ эпоха сѣянія, развитія и жатвы?

Тщетно вы будете предлагать эти вопросы «легковѣснымъ» — они примутъ ихъ съ нетерпѣніемъ и увидятъ въ нихъ выраженіе безпокойнаго утопизма. «Легковѣсный» — отъ рожденія виртуозъ подтягиванія, и потому въ цѣломъ мірѣ не можетъ поджѣвть ничего иного, кромѣ того же подтягиванія. Онъ принялъ орудіе за цѣль, онъ позабылъ мудрую русскую пословицу: «на вnutѣ не далеко уѣдешь» — и помахииваетъ да помахииваетъ себѣ вnutикомъ...

Нѣтъ зрѣлища болѣе уморительнаго, и въ то же время болѣе жалкаго, какъ зрѣлище «легковѣсныхъ», когда они примутся разсуждать о принципахъ. Да, и у нихъ есть принципы, и даже «великіе принципы» — excusez du peu! Чтѣ это за «принципы»? — это принципы! чтѣ за «великіе принципы»? — это великіе принципы! — Вотъ все толкованіе, котораго вы добьетесь въ отвѣтъ на ваши запросы! Это просто закодированный кругъ, въ которомъ подлежащее такъ же легко ставится на мѣсто сказуемаго, какъ и сказуемое на мѣсто подлежащаго! Это заштатныя, упрямые слова!

— Господа! принципы — прежде всего! вопіетъ одинъ «легковѣсный».

— Господа! надо спасти принципы! вторитъ ему другой «легковѣсный».

— Господа! надо ясно поставить принципы! приглашает третій.

«Принципъ, принципа, въ принципѣ, о принципѣ» — такъ и сыплется со всѣхъ сторонъ и изъ всѣхъ устъ. О, тайна россійскаго празднословія! Кто разгадаетъ тебя? о, бездна словесная! кто и когда наполнить тебя?

Намъ не въ первый разъ встрѣчаться въ жизни съ упрямѣнными словами, не въ первый разъ томиться подъ игомъ ихъ. Не мало такихъ словъ произнесли въ свое время каплуны мысли, не мало произносятся ихъ въ настоящую минуту, не мало предвидится этого добра и въ будущемъ. Но странно, что слова эти часъ отъ часу становятся глупѣе, неожиданнѣе и даже односложнѣе. Каплуны размазывали фразисто и угнетали съ помощью многоэтажныхъ периодовъ; теперь, мы слышимъ легковѣсно-отрывистыя восклицанія: «поддавай! натягивай! подбирай!» и проч. Ужели въ будущемъ мы осуждены на односложные звуки?

Одна изъ самыхъ замѣчательнѣйшихъ способностей «легковѣснаго» — это способность проникновенія. Онъ не изобрѣтатель, не глубокомысленъ, не обладаетъ познаніями, и при всемъ томъ, нѣтъ профессіи, въ которую не забрался бы этотъ духовный недоросль, и въ которой не оставилъ бы онъ легкой погоди. Готовность и развязность замѣняетъ ему всевозможныя качества; онъ ни надъ чѣмъ не задумывается, ни передъ чѣмъ не останавливается, и неуклонною стопой шествуетъ въ храмъ славы съ единственною цѣлью сневѣжничать въ немъ. Существуютъ легковѣсные публицисты, легковѣсные романисты, легковѣсные администраторы, легковѣсные экономисты, моралисты, финансисты и т. д. Сколь разнообразны вольныя искусства въ Россійской Имперіи, столь же разнообразны и профессіи легковѣсныхъ.

Призовите «легковѣснаго» и велите ему написать романъ на тему: «Она приподняла подолъ», онъ настроитъ двадцать печатныхъ листовъ, и ни разу, на всемъ пространствѣ этой трудной, многострадальной путины, не сойдетъ съ этой темы. Онъ не засмотрится въ сторону, не увлечется ни умомъ, ни добродѣтелями своихъ героевъ; онъ исполнить заказъ въ точности, и когда принесетъ свое произведеніе, то вы, не читавъ его, уже почувствуете, что отъ него пахнетъ подоломъ.

Призовите «легковѣснаго» и велите ему написать курсъ астрономіи на тему: «Пускай астрономы доказываютъ» — онъ и это исполнить въ точности. Онъ докажетъ, что существуетъ на свѣтѣ даже астрономія легковѣсная, въ силу которой солнце восходитъ

и заходить по усмотрѣнію окологородныхъ надзирателей, и когда принесетъ свое сочиненіе, то вы, не читавъ его, почувствуете, что отъ него пахнетъ будкою.

Онъ докажетъ, что можно быть администраторомъ на тему: «По улицѣ мостовой», финансистомъ — на тему: «Нѣтъ денегъ — передъ деньгами», экономистомъ — на тему: «Бѣдность не порокъ», моралистомъ — на тему: «Избраннѣйшія мѣста изъ сочиненій Баркова». Нѣтъ для него недоступнаго, нѣтъ той трудной задачи, которую бы онъ не растлилъ легковѣсностью.

Это качество считается у насъ драгоцѣннымъ; на него указываютъ, какъ на вѣрнѣйшій залогъ того, что русская земля во вѣкъ не осудѣтъ дѣлателями. Безъ свѣдѣній, безъ приготовленія, безъ средствъ, съ одною развязностью, мы бросаемся въ пучину дѣятельности, тутъ тапнемъ, тамъ ляпнемъ... И вотъ, при помощи этого бездѣннаго свойства, въ цѣлой природѣ нѣтъ мѣста, котораго бы не ознаменовали мы погадкою, въ которомъ бы мы чего-нибудь не натапали!

Полюбуйтесь, какъ играетъ на солидѣ эта разноцвѣтная мошкара. Ни на мгновеніе она не остается спокойною, но все кружится, все жужжитъ. Если вы думаете, что это мошкара празднующая и бездѣльничествующая, то ошибаетесь; нѣтъ, это мошкара подвижничествующая и занятая, это мошкара безъ усталости безлепствующая на тему: «По улицѣ мостовой» и неуклонно морализирующая на тему: «Она приподняла немного подола». Поймите, сколько должно быть у нея труда и заботы! И какія потребны нечеловѣческія усилія, какой нуженъ кропотливый надзоръ за собою, чтобы ни разу впродолженіе цѣлой жизни не обмолвиться ни однимъ живымъ дѣломъ и не отступить ни на волосъ отъ завазной темы!

И послѣ этого выискиваются огорченные субъекты, которые позволяютъ себѣ увѣрять, что у насъ недостатокъ въ дѣлателяхъ! Помилуйте! да у насъ ихъ такое обиліе, что если всѣхъ спустить съ цѣпи, то они въ одну минуту готовы загадить все наше будущее!

Пойдите во всякое время на Невскій проспектъ — какъ они шаркаютъ и гремятъ, какъ пронзительно испытуютъ пространство, какъ гордо несутъ свои головы! Кто это «они»? Это они, это строители нашего будущаго!

Загляните въ Михайловскій театръ во время представленія «La Belle Héloïse» — какъ они стонутъ, какъ плещутъ руками, какъ визжать при малѣйшемъ неосторожномъ движеніи, обнажающемъ корпусъ г-жи Деверіа! Кто эти «они»? Это они, это строители нашего будущаго!

Прислушайтесь къ жужжанью нашихъ литературныхъ закусочныхъ — какъ они клеветаютъ, какъ развязно формулируютъ всевозможныя обвиненія! Кто эти «они»? это они, это строители нашего будущаго!

Вездѣ, гдѣ пахнетъ разложеніемъ, гдѣ слышится растлѣнное слово, — вездѣ «легковѣсный» является непримѣримымъ трудолюбомъ и неутомимымъ строителемъ будущаго.

Ужели и сего недовольно? Ужели мы имѣемъ поводъ опасаться, что Русь когда-нибудь оскудѣетъ дѣвателями?

Нѣтъ, этого не будетъ. Родникъ, который источаетъ намъ «легковѣсныхъ», такъ богатъ ключами и бьетъ такой сильной струей, что нѣтъ ни малѣйшаго повода ожидать, чтобъ онъ когда-нибудь истощился. Это правда, что «легковѣсные» — плотояды и въ этомъ качествѣ охотно побѣждаютъ другъ друга, но, съ другой стороны, ихъ наготовлено такъ много и сами они такъ легко зараждаются, что возлагать какія-либо упованія даже на ихъ несомнѣнную плотоядность было бы величайшей опрометчивостью.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что одинъ порядочный морозъ можетъ разомъ погубить безчисленное множество комаровъ; но это все-таки не даетъ права надѣяться, что бы комариний родъ изгнѣлъ отъ того на вѣки вѣковъ. Увы! достаточно одного пасмурнаго, влажнаго дня, чтобъ это вонство возстановилось во всемъ своемъ составѣ, и даже болѣе полною и сильнымъ, нежели когда-либо. Что нужно, что, можетъ быть, это будутъ иныя, новыя комары — все-таки это будутъ не орлы, а комары, и интересоваться тѣмъ, какъ называются они по имени и отчеству, можетъ только праздное любопытство.

Такъ точно и «легковѣсные»: они могутъ временно пропасть, но изгнѣнуть не могутъ. Въ ту самую минуту, когда вы считаете воздухъ навсегда очищеннымъ отъ нихъ, они уже гдѣ-то зараждаются, гдѣ-то выжили, гдѣ-то роятся. Еще мгновеніе — и они уже носятся по полямъ и оврагамъ, они брыкаются и кусаютъ, и побѣдоносно гремятъ неизмѣнную пѣсню о подтягиваньи, которую повторяетъ за ними тысячутое эхо...

Н. Щедринъ.

РУССКІЕ БОГАТЫРИ.

Предметъ нашей статьи — объясненіе характера русскихъ богатырей, съ которыми знакомятъ насъ наши *былины*. Подобно тому, какъ у древнихъ грековъ ходили въ народѣ сказанія о Троянской осады, въ средніе вѣка — о подвигахъ рыцарей, и у насъ есть свои преданія о событіяхъ, оставившихъ болѣе глубокій слѣдъ въ нашей исторіи. *Былина*, или *былевая пѣсня*, и называется такъ потому, что изображаетъ былое. Однако, своей сказочной формою она отличается отъ исторической пѣсни, которая всегда рисуетъ намъ опредѣленный фактъ, опредѣленную историческую личность: таковы нѣкоторыя пѣсни о татарахъ, пѣсни объ Іоаннѣ Грозномъ, и проч. Въ былинѣ же дѣйствуютъ вымышленныя лица и представлена жизнь народа вообще, въ продолженіе многихъ вѣковъ. Былина создавалась такимъ образомъ, что старинный рассказъ, получившій начало въ темныя времена языческихъ вѣрованій, съ теченіемъ времени дополняли подробностями изъ обстоятельствъ позднѣйшей эпохи, и въ устахъ сказочниковъ, пѣвцовъ онъ измѣнялся нѣсколько разъ, вмѣстѣ съ перемѣнами, какія происходили въ народной жизни: то, что прежде говорилось о какомъ-нибудь языческомъ божествѣ, впоследствии придавали христіанскимъ личностямъ; одного и того же любимаго героя дѣлали участникомъ событій на промежуткѣ 200, 300 и болѣе лѣтъ. Поэтому въ былинѣ надо различать наслоенія разныхъ эпохъ: преданія первоначальныя, мифическія (то-есть сказанія о богахъ), преданія о герояхъ, которыя относятся къ началу исторической жизни народа, и позднѣйшія, болѣе опредѣленныя историческія преданія. Перехода изъ рода въ родъ, по старой памяти, какъ по грамотѣ, народный рассказъ такъ дошелъ и до нашего времени. Въ настоящее время мы имѣемъ собранія былинъ Рыбникова и Кирѣевскаго, гдѣ онѣ напечатаны въ томъ видѣ, какъ были записаны со словъ народныхъ рассказчиковъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи,

особенно въ Олонекской и Архангельской губерніи. Самый способъ, какимъ составлялись былинны, какъ будто даетъ поводъ сомнѣваться, дѣйствительно ли сохранились въ нихъ черты нашей старинной жизни. Многое, конечно, въ нихъ стерлось подъ вліяніемъ новыхъ историческихъ обстоятельствъ; о многомъ мы должны судить только по темнымъ намекамъ. Но зная, какъ упорно народъ хранитъ старинныя преданія, мы не будемъ удивлены, если тутъ мѣстами въ яркихъ чертахъ выступитъ жизнь нашихъ предковъ, жакю она была дѣтъ за 500, 600 тому назадъ. Для примѣра довольно упомянуть, что ни въ одной изъ старинныхъ былинъ не говорится объ огнестрѣльномъ оружїи; а дѣло все идетъ о палицахъ, о клюкахъ, налитыхъ свинцомъ, о лукахъ и стрѣлахъ.

Вопросъ о русскомъ богатырскомъ эпосѣ у насъ далеко еще не разъясненный. Исслѣдованія, предпринятая до сихъ поръ, касались преимущественно мѣологической стороны былинъ: героическія стороны въ преданїяхъ и ихъ историческая основа очень мало занимали нашихъ исслѣдователей. Не имѣя въ виду представлять ученаго труда, мы желали бы по крайней-мѣрѣ свести въ одно цѣлое выдающіяся черты народнаго идеала, какии онъ высказывается въ нашихъ былинахъ. Мы надѣемся тутъ представить хоть нѣкоторыя указанія для разъясненія народнаго характера въ его историческомъ развитїи. Наши былинны охватываютъ общую жизнь народа въ продолженіе многихъ вѣковъ, изображаютъ общїй смыслъ историческихъ явленїи. Онѣ, во первыхъ, опредѣленно отмѣчаютъ первую эпоху пробужденія народныхъ силъ при выходѣ изъ той рабской зависимости, какую налагаетъ на человѣка природа. Послѣ быта звѣролововъ, быта пастушьаго или кочеваго является бытъ земледѣльческій, осѣдлый. Народъ сознаетъ свою земскую силу, пытается создать свою земскую общину: звѣроловъ и чародѣй Волхъ или Вольга должны уступить первенство въ богатырской силѣ Микулушкѣ Селяниновичу; чудовищный Святогоръ напрасно пытается поднать *тягу земную*. Съ этой тягой онъ по колѣно угрызъ въ землю, а по лицу не потъ, кровь потекла. Другимъ молодымъ богатырямъ, радѣтелямъ земли, очищено поле дѣятельности. Но старыя вѣрованія звѣролововъ, старыя обычаи кочевниковъ еще не утратили своего значенія. Грубая, физическая сила еще все должна первенствовать при бѣдныхъ началахъ знанія и искусства; народъ борется съ природой подъ гнетомъ тѣхъ же языческихъ суевѣрій. Любопытно сибирское преданіе о борьбѣ нашихъ богатырей съ нездѣвней силой. Вызвали Алеша Поповичъ младъ, и степенный Добрыня Никитичъ, и могучій Илья

Муромецъ и съ плеча рубили нездѣшную силу; но разрубить одного, выйдетъ двое, разрубить двухъ, выйдетъ четверо. Задавила ихъ нездѣшная сила, бѣжали они въ каменные горы, въ подземныя пещеры: который ни побѣжитъ, такъ и окаменѣетъ. Подобное преданіе всего естественнѣе могло сложиться въ Сибири: оно явно изображаетъ безсиліе человѣка передъ природою. Тутъ и молодымъ богатырямъ не помогла ихъ широкая удаля: они терялись въ громадной, дикой пустынѣ, какая передъ ними раскрылась. И такъ этой земскою силою порою удавалось заявить себя въ томъ или другомъ удаломъ дѣлѣ, порою она каменѣла среди неблагоприятныхъ условій, ее окружавшихъ. Оковы, наложенныя природою, оставили свои слѣды и на общественномъ строѣ. Недостатокъ сосредоточенности, разрозненности, разсѣянности населенія среди обширныхъ равнинъ, гдѣ, при рѣдкомъ сближеніи между людьми, человѣкъ невольно дичалъ, отдаваясь всѣмъ грубымъ животнымъ инстинктамъ, казалось, препятствовало всякому устройству общества. Народъ полусознательно понималъ необходимость какого-нибудь хотя бы внѣшняго единства и таялъ на сѣверѣ къ Новгороду, на югѣ — къ Киеву. Былины подробнѣе рисуютъ намъ кievскую жизнь; богатыри сходятся около ласковаго князя Владиміра. Послѣ походовъ варяжскихъ князей, направленныхъ болѣе къ исканію добычи для себя и для своей дружины, Кіевъ при Владимірѣ замѣтнѣе становится земскимъ городомъ: болѣе мирныя заботы о христіанскомъ образованіи народа, о водвореніи внутренняго порядка берутъ перевѣсъ надъ воинскою удалею, которая уже направлена болѣе къ тому, чтобы обезопасить землю отъ нападенія враговъ внѣшнихъ, очистить отъ разбойничьихъ шаекъ. Дружелюбный характеръ Владиміра, который любилъ пиры, говоря: «русскимъ есть веселіе пити», обильно кормилъ дружину и народъ, приказывая даже развозить пищу по улицамъ, живо остался въ памяти народа. Его имя, повторенное въ имени Владиміра Мономаха, уже чисто земскаго князя, избранника народа, и перешло въ былины; но, какъ увидимъ, подъ Владиміромъ былины надо болѣе разумѣть общій типъ князя удѣльно-вѣчеваго періода. И такъ земская сила сосредоточилась въ Кіевѣ. Ея дѣломъ теперь стало бороться съ безчисленными врагами, большею частью кочевниками, приходившими изъ Азіи отнимать плоды мирнаго труда у сельскаго жителя. Въ то же время въ ней самой происходило смутное броженіе. Пренія севѣрія умножились новыми, занесенными изъ Византіи, вмѣстѣ съ христіанскою религіею: змѣи Горынычи, волки-оборотни, темныя силы стихій рядомъ съ бѣсовскимъ наводненіемъ чародѣй-

ства пугали воображеніе. Какъ наслѣдіе варяжскаго періода, еще сохранялась страсть къ походамъ, въ которыхъ выражались безразсчетная удача или одно грубое исканіе добычи; самое единство слагалось съ трудомъ, въ борьбѣ личныхъ интересовъ, безъ общей широкой идеи, болѣе въ союзѣ отдѣльныхъ братствъ, отдѣльныхъ дружинъ, чѣмъ въ правильныхъ, юридическихъ отношеніяхъ всѣхъ членовъ земства другъ къ другу. Но народъ все-таки сохранилъ добрую память объ удѣльно-вѣчевомъ періодѣ, когда, хотъ и въ неясныхъ попыткахъ къ самостоятельности, слагалась земская община. Черты этого вѣка преимущественно и выступаютъ въ былинахъ, которыя ничего не знаютъ о Москвѣ, приписывая даже побѣду надъ татарами богатырямъ князя Владиміра. Главный герой былинъ, Илья Муромецъ въ позднѣйшихъ преданіяхъ является въ братскомъ союзѣ съ Ермакомъ и даже со Стенькою Разиннымъ. Въ казацкомъ быту дѣйствительно и сохранялся до позднѣйшаго времени общественный строй домосковскаго періода. По всему этому любопытно просматривать характеристическія свойства нашихъ богатырей, которыхъ идеаль болѣе или менѣе рисуетъ намъ русскую народную личность. Извѣстно, что въ нашихъ преданіяхъ мѣстическое или чудесное (то-есть остатки темной языческой старины, старинныя религіозныя вѣрованія), смѣшано съ героическимъ и историческимъ. Мы, какъ уже сказали, остановимся на героическихъ и историческихъ чертахъ въ былинахъ; но сначала вкратцѣ объяснимъ, въ чемъ состоитъ переходъ отъ чисто-сказочныхъ преданій мѣстическаго вѣка къ героическимъ, и какая разница между тѣми и другими. Героическій вѣкъ опредѣляется слѣдующими признаками.

1) Память о первыхъ языческихъ богахъ на половину исчезаетъ; одновременные имъ богатыри-великаны, какъ выраженіе грубой силы, вымираютъ, какъ видно изъ одного разсказа о Святогорѣ и Ильѣ Муромцѣ. Сначала Илья является меньшимъ названнымъ братомъ Святогора, изображающаго собою грубую стихійную силу. То великанъ выше лѣсу стоячаго; мать-земля колеблется, рѣки выливаются изъ береговъ, какъ онъ ѣдетъ; ему грузно отъ этой силы. Илья Муромецъ учится у него всѣмъ хваткамъ и поѣздамъ богатырскимъ. Вотъ, увидѣли они на пути большой гробъ. Святогоръ легъ въ гробъ и закрылся крышкой, да хочетъ поднять ее и не можетъ: значить, ему суждено умереть. Онъ передаетъ Ильѣ часть своего богатырскаго духа, дунувъ на него въ щелочку, и проситъ его наклониться, чтобы передать всю силушку великую. Но Илья отвѣчаетъ: «будетъ съ меня силы, земля не вынесетъ». — «Хорошо, что ты не по-

слушалъ, говоритъ Святогоръ, я дохнулъ бы на тебя мертвымъ духомъ». Благоразуміе Ильи составляетъ уже новую черту: ему не нужна вся сила Святогора, потому что онъ обладаетъ еще другими, нравственными качествами. Здѣсь образно выражено, какъ старый богатырь уступаетъ свое мѣсто молодому.

2) Переходъ въ героическій вѣкъ выражается еще иначе. Старинныя мифическія существа становятся людьми съ богатырскими свойствами, т.-е. вмѣсто прежнихъ таинственныхъ силъ природы въ нихъ дѣйствуютъ людскія страсти; они совершаютъ людскіе подвиги, хотя ихъ храбрость, удаля, крѣпость и представлены въ преувеличенномъ видѣ. Это мы замѣчаемъ въ Дунаѣ, въ Потокѣ, также въ Добрынѣ и Ильѣ Муромцѣ, которые тѣсно связаны съ міромъ языческихъ преданій. Ихъ героическими дѣлами служатъ: борьба съ древними чудовищами и исполинами, вѣбогда, по народному повѣрью, населявшими землю, борьба съ иноплеменными пришельцами, соперничество другъ съ другомъ въ удаліи, въ богатствѣ и проч.

3) Мы замѣтили, что въ героическій вѣкъ память о старинныхъ богахъ на половину исчезаетъ. Они или обращаются въ обыкновенныхъ богатырей, которые борются съ исполинами, или, оставаясь богами, совсѣмъ измѣняютъ свой характеръ. Болѣе древніе боги, властвуя на землѣ въ одно время съ великанами, были грозны, неумолимы, враждебны человѣку, какъ самыя стихіи; измѣнивъ свой старій нравъ, они становятся добродушны и милостивы, они покровительствуютъ мирному труду и всякому искусству. Такъ народъ создаетъ себѣ религію, согласно съ разными перемѣнами въ своей жизни, чему примѣръ мы находимъ у древнихъ грековъ и у скандинавовъ. Слѣды подобныхъ измѣненій, конечно, можно бы отыскать и у насъ: Перунъ, грозный богъ молніи, является покровителемъ сельскаго труда. Но вообще, подъ вліяніемъ христіанской религіи, языческія преданія у насъ совершенно преобразовались. Древнія стихійныя божества у насъ превратились въ злыхъ духовъ, въ вѣдьмъ, въ лѣшихъ и проч.; нѣкоторыя изъ новыхъ, особенно изъ тѣхъ, которыя покровительствовали сельскому труду и домашнимъ работамъ, чтутся донынѣ вмѣстѣ съ христіанскими святыми. Такъ свойства Перуна приданы народомъ Ильѣ пророку; обряды, совершаемые въ день св. Власія, напоминаютъ поклоненіе богу Волосу; въ народныхъ толкахъ о св. Пятницѣ Параскевѣ мы находимъ память объ одной изъ вѣщихъ женъ, богинь, покровительницъ пряжи (сходной со скандинавскою богиней Фреею, откуда и нѣмецкое названіе пятницы, Freitag). Въ былинахъ мы съ одной стороны встрѣчаемъ злыхъ чародѣйства, змѣй и чудовищъ, съ

Т. СLXXX. — Отд. I. 20

которыми борятся наши богатыри; съ другой вѣщихъ животныхъ, которыя имъ помогаютъ. По нѣкоторымъ преданіямъ, вмѣсто таинственныхъ валикъ, давшихъ Ильѣ силу, являются Христосъ съ апостолами. Такъ возникло въ нашей народной поэзіи то, что называютъ *двоестриемъ*.

Главною изъ героическихъ чертъ въ нашихъ богатыряхъ служить широкая удаля, которую они выказываютъ во всѣхъ своихъ подвигахъ. Въ нихъ мы видимъ то свойство русскаго народа, которое выработалось въ немъ сначала подъ вліяніемъ природы, а потомъ поддерживалось разными историческими обстоятельствами: вліяніемъ Варяговъ, удѣльными распрями, нашествіемъ восточныхъ народовъ, и проч.; мы разумѣемъ его разгуль, неусидчивость, постоянное скитальчество. Богатыри, то и дѣло, странствуютъ съ мѣста на мѣсто. Добрыня Никитичъ рано просится у матушки поѣздить по чисту полю, порасправить могучія плечи, испытать свои силушки: «тебѣ меня дома не внучить», говоритъ онъ. Иногда одинъ, иногда вдвоемъ, вмѣстѣ съ товарищемъ, братцемъ названнымъ, богатырь пускается въ даль искать себѣ поединщика. Конь у него крѣпкій, быстрый, бѣжить, какъ соколъ летитъ, хвостомъ поля устилаетъ; оружіемъ служатъ боевая палица въ тридцать, въ деваносто пудовъ, и лукъ—иногда сабля. Гонясь за удалою палицей, Добрыня разбиваетъ палицею сырой дубъ толщиной въ двѣнадцать сажень; Хотинъ скачетъ на конѣ, подбрасываетъ такую палицу подъ облака, да ловить одною рукою, — какъ лебединымъ перышкомъ поигрываетъ. Рядомъ съ этимъ первобытнымъ оружіемъ важное мѣсто занимаютъ лукъ и стрѣлы. Ихъ описаніе иногда очень затѣйливо: въ тугой лукъ Добрыни введены были гусельшки, которые чудно играли всякій разъ, какъ онъ его натагивалъ; лукъ Дюка отличался особенной роскошью: полосы его серебрянныя, рога краснаго золота, тетивочка шелковая, въ ушахъ стрѣлокъ вставлено по дорогому камню самоцѣтному, и проч. Добрыня побиваетъ изъ своего лука несмѣтную силу Бутеяна, Илья Муромецъ стрѣляетъ въ сирь кряковастый дубъ и разшибаетъ дубъ въ ножовня черенья. Искусство стрѣльбы состоитъ въ томъ, чтобы попасть стрѣлкою въ острее ножа и расцѣчь ее на двѣ половинки или пропустить стрѣлку сквозь колечко, такъ чтобъ не сронить его. Самая стрѣльба описывается очень образно: «спѣла тетивка у туга лука, взвыла да пошла калена стрѣла». Богатыри въ единоборствѣ дерутся сначала палицами, потомъ саблями, а наконецъ просто въ рукопашную; Илья употребляетъ и палицу, и лукъ, и саблю, а не то схватитъ за ноги татарина, да помахиваетъ имъ въ разныя стороны, расчищая посреди не-

пріятелей улицы и частыя площади: Дукай, добывая Владиміру невѣсту, побилъ свамейкою противниковъ, разломалъ двери желѣзныя, кривыя булатныя, расшаталъ палаты и вывелъ изъ золотоверхаго терема Апраксию. У богатырей-валикъ оружіемъ служить ялюка, которою они расправляются такъ же, какъ другіе богатыри палицею. Такова была старинная удаля русскаго народа, доказывающая въ немъ громадное развитіе физической силы. Преувеличенныя описанія этой силы и свидѣлствуютъ намъ, какъ много она цѣнилась въ народѣ. Другую, болѣе или менѣе общую черту, составляетъ хитрость. Богатыри, какъ, напримѣръ, Алеша Поповичъ, Илья Муромецъ, иногда одѣваются простыми валиками, чтобы вѣрнѣе одолѣть противника; жена Ставра является къ Владиміру въ мужской одеждѣ, выдавая себя за царевича, Василя Микульевича, и освобождаетъ изъ темницы своего мужа. Но хитрость, какъ орудіе человѣка малосильнаго или живущаго въ рабствѣ, мало цѣнилась въ старой Руси, и богатыри болѣею частію дѣйствуютъ прямо, подобно Святославу Игоревичу, который, выступая противъ враговъ, извѣщалъ: «Иду на васъ». Хитрость въ старину болѣе уважали въ женщинѣ, какъ видно изъ народнаго преданія объ Ольгѣ. Народная удаля въ былинахъ выражается еще хвастовствомъ, которое свойственно всѣмъ богатырямъ безъ исключенія. Собираясь на пиру у Владиміра, они выпиваютъ единымъ духомъ турій рогъ меду сладкаго въ полтретья ведра и, по словамъ былинны, хвастаютъ: кто чистымъ серебромъ и краснымъ золотомъ, кто силушкой великою, своей ухавакою, или добрымъ конемъ, кто своею молодой женой. Болѣе всего, конечно, хвастались силою и искусствомъ въ стрѣльбѣ изъ лука. Добрыя молодцы, сѣзжаясь въ полѣ, имѣли обычай, прежде чѣмъ познакомиться, вступать въ единоборство, что видно изъ предложенія Ильи Муромца Дюку. Василій Буслаевъ испытываетъ своихъ удалцевъ, ударяя cadaго по головѣ червленымъ вазомъ. Дунай хвалится, что онъ самый искусный стрѣлокъ въ Кіевѣ, и когда его жена, могучая Настасья, присвоиваетъ себѣ это искусство, то онъ вступаетъ съ нею въ состязаніе и убиваетъ ее стрѣлою. Иногда богатырю приходится терпѣть за свою хвастливость, какъ это видно изъ исторіи Ставра и Дюга: но онъ не дозволить, чтобы кто нибудь усомнился въ его удали, и за столомъ у Владиміра было обычнымъ правиломъ: «добрый молодецъ самъ найдетъ себѣ мѣсто». Когда Владиміръ не вѣритъ, чтобы Илья Муромецъ могъ захватить Соловья-разбойника, богатырь въ досадѣ говорить: «Ай же ты, дурень, вназъ столько-Кіевскій! да у меня Соловей-разбойникъ на дворѣ при конѣ». Безразсчетная удаля веда въ древней Руси въ частную

раздорахъ, въ разъединенію въ народѣ; но съ нею соединились и нѣкоторыя другія черты нравовъ: посреди постоянныхъ, опасныхъ похожденій, удалцы привыкли давать другъ другу рубу помощи, заключать между собою товарищескіе союзы. Богатырь, испытанный въ трудахъ, учить того, кто помоложе, всѣмъ хваткамъ молодецкимъ и защищаетъ его въ случаѣ обиды: таковы отношенія Ильи Муромца къ Дюку. Дружеская связь выражалась поборничествомъ, и братъ названный былъ пуще брата роднаго. Мы видимъ, что почти всѣ богатыри братаются съ Добрынею и Ильею Муромцемъ: оба между собою также названы братья. Такой союзъ считался самымъ священнымъ: когда противъ Даниила Денисьевича, по приказанію Владиміра, выходитъ его названный братъ, Добрыня, то Данила не хочетъ и защищаться, а прямо пронзаетъ себя копьемъ. Илья Муромецъ, однажды, разгнѣвался на Владиміра, грозился умертвить князя, и Владиміръ ничѣмъ другимъ не можетъ умирить его, какъ только послать къ нему брата названнаго, Добрыню. Илья Муромецъ, сидя вновь за столомъ княжескимъ, говоритъ: «Ай же ты, Владиміръ стольно-Кіевскій, зналъ — кого послать меня позвать: кабы не братецъ крестовый названный, никого бы я не послушалъ!» Наконецъ въ этотъ же богатырскій вѣкъ развилось народное понятіе о чести. Слава удалыхъ подвиговъ возбуждала народъ къ постоянной, неутомимой дѣятельности; кіевляне грозно поднимались на вѣщъ, когда князь бѣжалъ съ поля битвы. Удалцы любили пѣсни и рассказы: «Какъ десять соколовъ пускаютъ на стадо лебедей, Боякъ вскладалъ свои вѣщіе пальцы на живыя струны, и онѣ сами князьямъ ронотали славу». Заваніе гусляра было одно изъ самыхъ почетныхъ, и многіе изъ богатырей представлены въ былинахъ отличными гуслярами: таковы Ставръ, Добрыня, Соловей и проч.

Что касается характера каждаго изъ богатырей въ отдѣльности, то его опредѣляютъ намъ сами былинны: «Нѣтъ молодца сильнѣе Ильи Муромца, а тишиною, уговоромъ, смиренницей никто не сравнится съ Добрыней Никитичемъ; всѣхъ смѣлѣе Алеша Поповичъ, всѣхъ богаче Дюкъ Степановичъ; красотою, пригожествомъ надо всѣми Михайло Потокъ Ивановичъ, а походкой, щегольствомъ Чурило Пленковичъ». Подъ Добрынею былинъ нельзя никакъ разумѣть извѣстнаго изъ лѣтописей дядю Владиміра I, который сначала ставилъ кумира въ Новгородѣ, а потомъ силою, вмѣстѣ съ Путятой, вводилъ тамъ христіанство. Въ былинѣ на это только темные намеки въ томъ, что Добрыня въ постоянныхъ посылкахъ у сказочнаго Владиміра и порою борется съ созданными языческой фантазіи (какъ, напримѣръ, Змѣй Горынычъ),

порою ведетъ борьбу съ дикими иноземными народами. Нѣкоторая роскошь въ его вооруженіи какъ будто напоминаетъ его боярское происхожденіе: у него на конѣ шелковый потничекъ, сѣдлышко черкасское, обсаженное дорогимъ камнемъ, подируженьки шелковыя, пряжки краснаго золота. Его смиренность, его сравнительно съ другими мягкая, славянская натура выражается въ жалобахъ на то, что онъ вѣчно долженъ ѣздить въ полѣ, убивать неповинныхъ душъ: «Родила бы ты меня — говоритъ онъ матери — бѣленькимъ, горячимъ камешкомъ, завернула бы въ тонкій, льняной рукавичкѣ и бросила бы въ синее море... я бы вѣкъ на днѣ лежалъ, не ѣздилъ бы по чистому полю». Добрыня, какъ отлично обученный богатырь, вромѣ своей силы и ухватки, обладаетъ многими искусствами: онъ мѣтко стрѣляетъ изъ лука, искусно играетъ въ шаши-шахматы, играетъ на гусяхъ такъ, что всѣ игроки, своморохи заслушиваются. О Добрынѣ разсказано, что во время его долгаго отсутствія, жена его рѣшается выдти замужъ за другаго богатыря, и онъ возвращается къ самой свадьбѣ. Этотъ разсказъ, можетъ быть, основанъ на дѣйствительномъ случаѣ, бывшемъ съ однимъ изъ близкихъ народу лицъ: онъ касается такого обыкновеннаго событія, какое, вѣроятно, не разъ повторялось въ домашней жизни странствующихъ богатырей. Алеша Поповичъ, въ противоположность вѣжливому Добрынѣ Никитичу, который знаетъ грамотѣ, бывалъ въ послахъ и говоритъ гораздъ, представленъ удалымъ гулякомъ, буйнымъ, дерзкимъ на словахъ, скорымъ на всякое дѣло. Онъ сынъ попа ростовскаго, и по позднѣйшимъ преданіямъ, въ немъ осмѣяны сословные недостатки: «глаза завидушіе, руки загребущія». Добрыня дозволяетъ женѣ, послѣ своей смерти, выдти за кого угодно, только не за Алешу Поповича, *бабью пересмѣшника*. Онъ не прочь отъ плутней и обмана, хвастается тѣмъ, что соблазняетъ чужихъ женъ, и часто ссорится съ прочими богатырями. Переодѣваясь то бродячимъ калыкой, то Тугариномъ Змѣвичемъ, онъ не разъ и поплатится за свое шутство: народная удалъ выразилась въ немъ въ болѣе грубомъ образѣ. Михайло Потокъ Ивановичъ изображаетъ собою типъ богатыря-красавца. Его любятъ женщины, и онъ геройски преданъ своей женѣ, лхой чародѣйкѣ. Избавивъ ее отъ сарока царей и царевичей, онъ пускается ее отыскивать, когда царь Вахрамей ее похитилъ. Тутъ приходится ему терпѣть много бѣдъ отъ коварства жены; но дочь Вахрамея полюбила богатыря, избавила его отъ напасти и помогла ему добыть царство ея отца. Такъ судьба Потока болѣе всего зависитъ отъ женщины. По другимъ преданіямъ, онъ является атаманомъ ваинъ персид-

жихъ. Калики болѣе другихъ богатырей напоминаютъ прежнюю бродячую жизнь русскаго народа. Подъ вліаніемъ христіанства, они обратились въ странниковъ, посѣщавшихъ святія мѣста; но и въ этомъ новомъ видѣ они сохраняютъ свой буйный, полужыческій характеръ. То ватага удалцевъ, которые занимаются болѣе грабежемъ, чѣмъ собираніемъ милостыни. Они кричатъ: «Мы беремъ не рублями, не полтинами, а дѣлами тысячами», и отъ ихъ покрововъ богатырскихъ «околенни въ теремахъ поразсыпались, маковки покривились». Какъ пришли они въ литовскому королю, онъ сказалъ: «Не калики вы переходіе, вы русскіе могучіе богатыри». Калика такъ описывается въ былинахъ: лапотки на немъ семи шелковъ, проплетены чистымъ серебромъ, передокъ унизанъ краснымъ золотомъ, подсумокъ ртыга бархата, шляпа земли греческой, въ тридцать пудовъ шелуга подорожная, налитая свинцомъ». Эта роскошь одежды относится уже къ византійскому вліанію, между тѣмъ, какъ ихъ сила и грубая удалъ напоминаютъ болѣе древнюю эпоху. Какъ люди, вѣчно странствующіе, они передаютъ богатырямъ вѣсти. Михайло Потокъ Ивановичъ, принадлежа къ числу самыхъ древнихъ богатырей, находится въ болѣе близкой связи съ ними, но и Илья Муромецъ, и Добрыня, и молодой Алеша Поповичъ нерѣдко странствуютъ въ одеждѣ каликъ, изображая тѣмъ неспокойную, бродячую жизнь народа. Другой красавецъ-богатырь, Чурило Пленковичъ, является намъ щеголемъ стараго вѣка. Какъ идетъ Чурило по Кіеву, дѣвицы въ окошко по поясъ бросаются. Онъ живетъ независимо со своею дружиною, у которой кафтанчики скурлатъ-суина, саложки зеленъ сафьянъ, востроносые. У самаго Чурилы шея будто бѣлый снѣгъ, личико—маковъ цвѣтъ, очи какъ у яснаго сокола, брови какъ у чернаго соболя; сапожки на немъ—вокругъ паты хоть яйцомъ прокати, подъ пату воробей проскочи. Онъ лихо съ коня на коня перескакиваетъ, у своихъ молодцовъ шапочки подхватываетъ. Его удалъ таковъ, что добрые люди съ разбитыми головами сотнями приходятъ на него жаловаться Владиміру. Былина о Чурилѣ уже ближе переноситъ насъ во внутреннюю жизнь Кіева. Въ былинахъ о Дунаѣ, о Ставрѣ, о Данилѣ Денисьевичѣ для насъ болѣе любопытны характеры женщинъ героическаго вѣка. Являясь въ мифическихъ преданіяхъ вѣщею дѣвою-чародѣйкой, иногда въ чудовищномъ образѣ бабы Горынычи, русская женщина и въ героическій вѣкъ, сохраняетъ необычайную тѣлесную силу и отличается удалью не менѣе другихъ богатырей. Греческій лѣтописецъ сообщаетъ, что въ войскѣ Святослава, воевавшего Болгарію, многія жены дрались наравнѣ съ мужьями. Такъ и въ былинахъ жены Дуная, Ставра, и

другихъ богатырей являются удалыми паленицами и особенно обладаютъ искусствомъ стрѣлять изъ лука. Но вмѣстѣ съ этою богатырскою удалю въ нихъ мы находимъ и другія свойства. Хитрость, обычай хвастать своими подвигами принадлежитъ имъ, какъ и удалцамъ-мужчинамъ; но былина порою изображаетъ въ нихъ также трогательныя черты женской любви, преданности и вѣрности. Настасья Королевична, полюбивъ Дуная, является къ нему на помощь по первому зову и избавляетъ его отъ палачей. Василиса Мибулишна сѣдлаетъ богатырскаго коня, одѣваетъ латы, и вооруженная мечемъ, копьемъ и лукомъ, ѣдетъ въ городъ Кіевъ освободить своего мужа Ставра, котораго Владиміръ за похвальбу заперъ въ холодныя погреба. Другая Василиса, жена Данилы, умираетъ, когда князь Владиміръ, плѣнивъ ея красотю, велѣлъ известить ея мужа. Одѣвала она платье подвѣчное, да взяла съ собою булатный ножъ, пришла туда, гдѣ дѣлали Данилъ гробницу, и молвила: «Ой! вы, плотники мастера! Дѣлайте гробницу просторную; чтобы костямъ его было гдѣ повернуться: его кости богатырскія». Повклонилась она Данилѣ и молвила бывшимъ съ нею богатырямъ: «Вы подите, скажите Владиміру, чтобы не далъ намъ валяться по чисту полю съ милымъ дружкоймъ». Тутъ она распоролла булатнымъ ножемъ бѣлыя груди, и закрылись ея ясныя очи. Въ противоположность всѣмъ этимъ чисто народнымъ типамъ, въ былинѣ о Дунаѣ мы находимъ и женщину терема, воспитанную подъ вліаніемъ византійскимъ. Такова Апраксія, жена Владиміра, столь дружелюбная къ калікамъ и ко всѣмъ богатырямъ красавцамъ. Она сестра Настасьи Королевичны, но сидитъ за тридевятью замками, за тридевятью ключами, чтобы вѣтеръ на нее не завѣялъ и солнце не запекло, чтобы и добрыя молодцы не завидѣли. Такъ описана она дѣвицею; но выросшая въ теремѣ, она, какъ жена Владиміра, далеко не отличается подобною недоступностью. Когда валики пришли къ Кіеву, она плѣвилась ихъ атаманомъ, Потокомъ; но Потокъ, подобно непорочному Іосифу, не поддакъ на соблазнъ, и разгнѣванная Апраксія подсунула ему въ сумку чашу золотую, княженецкую, чтобы потомъ обвинить его въ воровствѣ. Народъ какъ будто выставилъ въ ней видѣнные имъ въ самой жизни плоды повдвѣйшаго замнутаго воспитанія женщины. Напротивъ Завава, племянница Владиміра, представляетъ болѣе привлекательный образъ. Въ ея саду дано мѣсто заѣзжему гостю, Соловью, и въ одну ночь со своею дружиною онъ строить тамъ богатый теремъ. Завава, гуляя утромъ, заслушалась пѣсенъ Соловья, его чудной игры на гусяхъ, и не утерпѣла, вошла къ нему: «Здравствуешь, младъ Соловей, сынъ Бу-

диміровичъ!» Но какъ увидѣла она красоту терема, обомлѣла, подкосились ея ноженьки. «Чего ты, Запава, испужалась? говорить Соловей: мы, де, оба на возрастѣ.»—«А и я, де, дѣвица на выданѣ; пришла, де, сама за тебя свататься». Тутъ они и помолвились. Таковы простыя отношенія между женщиной и женщиной, болѣе понятныя народу. Впрочемъ, что касается семейнаго быта, то наши былинны столь же часто рисуютъ женскую измѣну, коварство, какъ и трогательную преданность.

Мы еще ничего не сказали о наиболѣе любимомъ изъ народныхъ богатырей, Ильѣ Муромцѣ, какъ о представителѣ героическаго вѣка. Онъ сынъ простаго крестьянина и, когда на пиру у Владиміра хотять дать ему мѣсто по имени и отчеству, постоянно самъ называетъ себя Илейкой, Ильюшкой, какъ бы выражая тѣмъ, что онъ служить земству, изображаетъ собою земскую силу. Находясь, какъ молодой богатырь, въ союзѣ съ каликами, со Святогоромъ и другими силами болѣе древней эпохи, онъ подъ копейцъ является старымъ казакомъ съ сѣдой бородою, и такимъ образомъ олицетворяетъ собою народную жизнь продолженіе многихъ вѣковъ. Добрый конь, смурый кафтанъ, шапка, рукавицы—вотъ его богатство. Онъ не женатъ, не знаетъ семьи, потому что ему суждено вѣчно жить въ полѣ, да испытывать свою богатырскую силу. А силой-удачей молодецкою превосходить онъ всѣхъ богатырей: онъ одинъ подъ Черниговымъ побиваетъ войско въ сорокъ тысячъ. Въ этомъ преувеличеніи мы встречаемся съ грубыми понятіями полудикакихъ временъ; но Ильѣ обладает многими качествами, которыя указываютъ и добрую сторону въ первоначальномъ развитіи нашего народа. Служа землѣ, онъ не отказывается ни отъ какого труднаго подвига. Нужно ли одолѣть страшнаго врага, предпринять опасный путь, спасти Кіевъ отъ неминуемой бѣды, запрашиваютъ идти не Гришку боярскаго (боярскіе роды хвастливы, на бою захвастается, погибнетъ по напрасному), а все того же Илью Муромца. По одному преданію, князь Владиміръ бьетъ ему челомъ до сырой земли, умоляя защитить землю отъ Батыя, и богатырь соглашается не для князя, не для княгини Апраксія, не для церквей и монастырей, а *для бѣдныхъ вдовъ и малыхъ дѣтей*. Но онъ и самъ, безъ просьбы, вездѣ является на подвигъ, гдѣ нужно помочь христіанскому люду: такъ непрощеный, спасаетъ онъ Черниговъ отъ лютыхъ враговъ, очищаетъ прямоѣзжую дорогу въ Кіевъ, разоривъ гнѣздо Соловья-разбойника, и проч. Между тѣмъ, выѣзжая въ поле, онъ владеть заповѣдь не кровавить своихъ рукъ, и безъ нужды никого не убиваетъ. Побѣдивъ Збута, онъ бросилъ его выше дерева стоячаго, да потомъ приналъ

на руи богатырскія и безвредно положили на землю, Встрѣтавъ разбойниковъ, онъ стрѣляетъ въ сирѣ-красоватый дубъ, чтобы только испугать ихъ. Иной разъ отпускаетъ онъ плѣнныхъ враговъ, чтобы они разносили славу о святой Руси. Илья не зарится на золото и серебро, не принимаетъ и награды или платы за подвигъ, въ немъ есть богатырская гордость и свое понятіе о чести. Пришелъ онъ однажды въ Кіевъ, и Владиміръ не призналъ его, не далъ ему за столомъ почетнаго мѣста. Тогда побилъ онъ всѣхъ богатырей; князь, котораго Добрыня извѣстилъ, что могучій гость былъ Илья Муромецъ, предлагаетъ ему любое мѣсто по выбору. Но Илья уходитъ, говоря: «не умѣлъ ты гостя на приѣздѣ учествовать, на отъѣздѣ гостя не учествуешь». Въ ссорѣ съ Владиміромъ двѣнадцать лѣтъ не бывалъ онъ въ Кіевѣ; но едва наступила стольному городу опасность, какъ является на выручку. Личность Илья все-таки представляетъ намъ двѣ стороны. По однимъ преданіямъ, мы находимъ въ немъ степенность, умѣренность; онъ ѣстъ только по калачику, пьетъ по стаканчику, отклоняетъ и другихъ отъ буйнаго разгула, вездѣ помогаетъ своимъ собратьямъ въ бѣдѣ, бодро идетъ на битву, но безъ нужды не любитъ проливать крови. Въ немъ выразились вполне прямота и добродушіе народнаго характера. Другія преданія представляютъ Илью въ числѣ буйныхъ удалцевъ, которыхъ типомъ служатъ Василій-нѣяница: онъ неудержимъ въ гнѣвѣ, свирѣпствуетъ и гуляетъ вмѣстѣ съ кабакою голю. Въ преданіи о томъ, какъ Илья сидѣлъ сиднемъ тридцать лѣтъ, въ описаніи его богатырскаго сна, который продолжается двѣнадцать дней и двое сутокъ, также можно бы видѣть одну черту характера: народную безнечность и флегму, съ которою человекъ только по внѣшнему возбужденію принимается за дѣло: въ былинахъ, и другіе богатыри обыкновенно держатъ опочивъ, пока ихъ не вызоветъ на подвигъ кабая-нибудь бусурманская сила. Но въ героическую эпоху народъ такъ сильно возбужденъ былъ къ самодѣятельности, что подобная флегма не могла быть преобладающею чертою.

Какое же общее заключеніе можно вывести изъ сдѣланнаго нами обзора богатырскихъ свойствъ народа? Мы видимъ, что эти свойства прямо указываютъ на тяжелую, трудовую жизнь, какую приходилось вести ему въ борьбѣ со множествомъ физическихъ препятствій и съ кочевными ордами. Въ такой борьбѣ, при крайнемъ недостаткѣ положительныхъ знаній (которыхъ не могла дать намъ и Византія, единственная образованная страна, бывшая съ Россією въ наиболѣе тѣсныхъ сношеніяхъ), естественно прежде всего имѣли цѣну физическая сила и отвага:

искусство заключалось почти въ одной воинской удали и сноровкѣ. Дружина Соловья въ одну ночь строитъ богатый теремъ, но былина не останавливается на описаніи самой работы: теремъ былъ такъ хорошъ, что въ немъ, какъ на небѣ, красовались солнце, мѣсяцъ и звѣзды—вотъ и все его незатѣливое изображеніе. Не то мы находимъ, напримѣръ, въ старыхъ греческихъ преданіяхъ. Греческая поэма, Илиада, также рисуетъ намъ воинскія схватки; но художественное чувство грека столько же занято человѣчными отношеніями олимпийскихъ боговъ къ людямъ, внутреннею борьбою въ характерахъ, могучею личностью Ахиллеса съ его жаркою любовью къ другу Патроклу, неукротимой жаждою славы и гордымъ презрѣніемъ къ Агамемнону: нравы и обычаи мирной жизни, народныя сходки, обряды похоронъ съ ихъ разнообразными играми выставлены съ неменьшею яркостью. Въ Одиссеѣ еще болѣе, чѣмъ воинская удаля, обрисовано первобытное искусство грековъ: ихъ плотничье мастерство, строительныя, твацкія, металлическія работы, ихъ домохозяйство и домоустройство. Греческіе пѣвцы величали искусный, ремесленный трудъ, какъ и самый громкій воинскій подвигъ. Семейная жизнь, въ ея патриархальныхъ формахъ, также выступаетъ на первый планъ: Одиссей борется и страдаетъ за семью, отказываясь отъ блаженной жизни съ нимфою Калипсо. Въ нашихъ былинахъ мы не найдемъ ничего этого въ подобныхъ размѣрахъ отчасти и потому, что русскій человѣкъ, чуждый живой воспримчивости и впечатлительности южнаго жителя, не любитъ высказываться много. Но тутъ есть и другія причины. Искусства и мирныя промыслы не могли слишкомъ процвѣтать тамъ, гдѣ, по словамъ пѣсни Игоревой, «срѣдо слышался голосъ пахаря, а часто каркали вороны, дѣля между собою трупы». Воинская удаля рождала особую воинскую похвалу: тотъ былъ и герой, что не ставилъ ни во что и свой домъ, и любовь жены, и всѣ блага мирной жизни для славы богатырскихъ подвиговъ. «Или умремъ, или напьемся шлемомъ изъ Дону» — другой цѣли не существовало у ратниковъ Игоря, когда они пускались въ опасныя, половецкія степи. Новгородцы съ древнихъ временъ болѣе другихъ русскихъ отличались своимъ промышленнымъ духомъ, и вотъ, киевляне обращаютъ въ насмѣшку ихъ искусство, когда они пришли съ княземъ Ярославомъ противъ Святополя: «Что вы, *плотники*, пришли съ вашимъ хромымъ княземъ? Мы заставимъ васъ строить намъ хоромы!» Семья, на которой всегда отражается то или другое состояніе общества, при этихъ условіяхъ, также теряла свое значеніе. Въ частномъ быту хвастовство богатствомъ, ще-

гольствомъ, какъ мы это видимъ въ Дюкѣ, въ Чурилѣ, служило выраженіемъ той же удали: семейныя заботы, устройство дома не занимаютъ виднаго мѣста въ описаніяхъ нашихъ былинъ. Русскій богатырь вообще недовѣрчиво смотрѣлъ на женщину, представляя ее легкомысленной или коварной. Добрыня, попавъ, при возвращеніи въ Кіевъ, на свадьбу своей жены съ Алешею Поповичемъ, говорить съ насмѣшкою:

Не дивую я разуму-то женскому,
 Что волосъ дологъ, да умъ коротокъ:
 Ихъ куда ведутъ, онѣ туда идутъ...

Но мы знаемъ, что и русская народная жизнь выработала нѣкоторыя своеобразныя черты въ характерахъ. Безкорыстное служеніе міру отличаетъ нашихъ богатырей рядомъ съ ихъ безразсечною удалю. Миръ, земская сила, въ лицѣ Ильи Муромца, гордо заявляетъ свое право на почетное мѣсто передъ кіевскою дружиною. Отъ него зависитъ все спасеніе стольнаго города. Мирской богатырь ставитъ правиломъ чести быть снисходительнымъ къ слабому, защищать бѣдныхъ и угнетенныхъ, и владеть великою заповѣдью: не проливать крови. Въ этомъ случаѣ, Илья Муромецъ живо напоминаетъ Владиміра Мономаха, говорившаго: «Не убивайте ни правого, ни виноватаго, чтобы не проливать крови христіанской». Но полному развитію этихъ мягкихъ, добрыхъ чертъ славянской природы препятствовали многія неблагоприятныя обстоятельства; самая земская община легко распадалась отъ произвола личности, столь естественнаго при господствѣ матеріальной силы.

Перейдемъ теперь къ изложенію исторической стороны въ нашихъ былинахъ. Мы замѣтили, что въ нихъ, въ одномъ и томъ же преданіи, смѣшиваются черты миѳическія и героическія съ историческими. Это очень естественно. Первый періодъ нашей исторіи, отъ походовъ варяжскихъ князей до борьбы съ татарами, былъ истинно богатырскимъ временемъ, — временемъ перваго свободнаго развитія народныхъ силъ, посреди неутомимой дѣятельности. Но богатырскій вѣкъ начался еще прежде, въ темный періодъ первыхъ славянскихъ переселеній, когда во всей силѣ господствовало поклоненіе природѣ. Языческія вѣрованія захватываютъ начало нашей исторіи, и не теряютъ силы и послѣ съ водвореніемъ христіанства. Въ общемъ смыслѣ «историческимъ» можно назвать все, что въ народныхъ общахъ и вѣрованіяхъ указываетъ намъ ту и другую степень народнаго развитія; въ тѣсномъ смыслѣ «историческими» называются преданія, въ которыхъ собственныя имена мѣсть и лицъ и разныя

подробности разсказа вводятъ насъ въ міръ дѣйствительныхъ событій. Такими именами въ быльняхъ служатъ Новгородъ, Кіевъ, Владиміръ, Литва, татары, и проч. Въ историческомъ отношеніи былины можно раздѣлить на сѣверныя, новгородскія, и южныя, кіевскія. Изъ новгородскихъ намъ извѣстны только былины о Садко и о Василии Буслаевѣ. Въ нихъ мы знакомимся съ жизнію Новгорода. Разсказъ о Садко живо изображаетъ намъ богатство и торговую дѣятельность Новгорода. Садко покровительствуютъ два мѣстныхъ божества: богъ озера Ильменя и богиня - матушка Волга. На Ильменѣ новгородцы занимались выгоднымъ рыбнымъ промысломъ; на Волгѣ они вели обширную торговлю, и легко наживались. Былина представляетъ, будто Садко угодилъ богу Ильмену своею игрою на гусяхъ, и богъ велѣлъ ему побиться объ закладъ съ новгородскими купцами, что, закинувъ неводъ, онъ поймаетъ золотую рыбку. Завадомъ послужили три лавки краснаго товару. Садко ихъ выигралъ, и началъ богатѣть. Потомъ двѣнадцать лѣтъ промышлялъ онъ на Волгѣ и, возвращаясь въ Новгородъ, бросилъ въ рѣку хлѣбъ-соль, какъ жертву: матушка Волга велѣла ему передать поклонъ братцу Ильмену, а этотъ еще болѣе сталъ покровительствовать Садко. Наловленная рыба обращалась у него въ серебряныя и золотыя монеты. Онъ задаетъ пиръ всему Новгороду и, по обычаю богатырей-купцовъ, хвастаетъ, что выкупить всѣ товары новгородскіе. По однимъ преданіямъ онъ такъ и сдѣлалъ, скупилъ даже черепки — гнилыя горшки; но другимъ ему пришлось сознаться, что богаче его великій Новгородъ. Потомъ ѣздилъ онъ за море, пострадалъ было отъ морскаго бога, Водяника, которому не плачивалъ дани; но благополучно вернулся въ Новгородъ. Здѣсь, подъ свазочной, мѣической оболочкой, мы ясно узнаемъ историческую дѣйствительность, узнаемъ торговую жизнь Новгорода, хотя ея представитель, Садко, и является въ преувеличенномъ богатырскомъ образѣ. Новгородской былины о Садкѣ соотвѣтствуютъ кіевскія былины о Соловѣ Будимировичѣ и Дожѣ Степановичѣ. Оба заѣзжіе богатыря и свидѣлствуютъ намъ о торговлѣ Кіева и о его сношеніяхъ съ далекими землями. Соловей, какъ и Садко, ведетъ заморскую торговлю и имѣетъ свою удалую дружину. Въ описаніи его корабля, мы видимъ и предметы торговли, все болѣе дорогіе мѣха: черныя соболи, горностаи, лисцы бурнастыя, бѣлыя медвѣди, да золото и серебро, да дорогіе камни и жемчугъ, да камки и шелковыя матеріи. Здѣсь смѣшаны товары, которые кіевляне получали частію съ Востока отъ арабовъ, черезъ Черное и Азовское море (серебро, дорогіе камни, шелкъ), частію отъ грековъ (золото, ткани) и

которые сами отправляли на Востокъ и въ Грецію (мѣха); но добываніе мѣховъ составляло главный промыселъ новгородцевъ, и они также могли доставлять этотъ товаръ въ Кіевъ. Намъ нечего догадываться, изъ какой земли пріѣхалъ Соловей: мы только видимъ, что въ сравненіи съ Новгородомъ, Кіевъ не можетъ похвалиться большою самостоятельностью въ торговлѣ. Торговые люди въ немъ пріѣзжіе, товары — заморскіе. Разница съ былиною о Садко также въ томъ, что Соловей имѣетъ дѣло не съ кіевскими купцами, угощаетъ не мужиковъ кіевскихъ, а дѣлаетъ подарки княгинѣ Апраксинѣ, и въ угоду ей, Владиміръ даетъ забѣжному гостю мѣсто для торговли въ Забавиномъ саду. Забава, племянница Владиміра, плѣняется игрою Соловья на гуслихъ, и выходитъ за него замужъ. Соловей, какъ и Садко, является гусларомъ. Былина о Дюкѣ также доказываетъ, что Кіевъ, по выгодному своему положенію, привлекалъ многихъ богатыхъ купцовъ, и они въ немъ поселялись для торговли. Дюкъ, пріѣхавъ къ Владиміру, хвастаетъ богатствомъ своей страны, бьется объ закладъ съ кіевскимъ щеголемъ, Чурилою, что въ продолженіе трехъ лѣтъ будетъ ѣздить по городу всякій день въ новой одеждѣ. Князь Владиміръ, сначала было-позарился на его богатство, но потомъ далъ ему право торговать безпошлинно въ Кіевѣ. Уже изъ этихъ преданій мы видимъ, что въ Кіевѣ власть князя болѣе значила, чѣмъ въ Новгородѣ. Но типъ новгородскаго богатыря, Василія Буслаева, совершенно переноситъ насъ въ общественную жизнь Новгорода. Въ Василіѣ выразилась молодецкая удаль въ такихъ же широкихъ размѣрахъ, какъ и въ другихъ богатыряхъ; но здѣсь эта удаль является въ примѣненіи къ новгородскому быту. Отецъ Василія, Буслай, принадлежалъ къ боярскому сословію. Новгородскіе бояре вышли большею частью изъ богатыхъ купцовъ. Буслай научилъ своего сына грамотѣ и четью-пѣтью церковному (древніе новгородцы между всѣми русскими отличались грамотностью) и умеръ, оставивъ ему богатое наслѣдство. Молодой Василій живетъ подъ надзоромъ матери, и скучаетъ въ дому. Ему хочется потѣшить свою удаль, сводитъ онъ знакомство съ гуляками, и начинаетъ безчинствовать на улицахъ: кому руку вывернетъ, кому ногу сломить. Новгородскій людъ жалуется его матушкѣ, и та смиряетъ сына. Тогда Василій, чтобы отомстить простому народу, собираетъ около себя удалую дружину, въ палочномъ бою испытываетъ силы каждаго, и съ каждымъ заключаетъ неразрывный союзъ побратимства, послѣ чего щедро угощаетъ своихъ удалцевъ. Съ ними, незванный, идетъ онъ на пиръ въ братчину Никольщину. Въ старшину, вольные люди, изъ одного прихода

или изъ одной улицы соединялись вмѣстѣ, жертвовали съѣстные припасы, солодъ, ячмень, медъ для напитковъ, избирали себѣ старосту, и такимъ образомъ, устроивали братчинный пиръ. Братчины въ Новгородѣ имѣли свои постоянныя собранія и права: въ своихъ дѣлахъ они распоряжались независимо отъ посадника и отъ вѣча. Василій съ дружиною приходитъ въ братчину, хвастаясь своимъ богатствомъ, платитъ большія деньги за себя и за своихъ удалцовъ, и потомъ расталиваетъ членовъ братчины, садится на первое мѣсто. Занять себѣ силою видное мѣсто было въ обычаѣ у кievскихъ богатырей; но члены братчины, какъ равные, косаты на пришельца и тотчасъ предполагаютъ въ немъ злой умыселъ. Послѣ пиру начался кулачный бой, а вслѣдъ за нимъ и великая драка. Видя недоброхотство Василія, народъ предлагаетъ ему драться на Волховскомъ мосту всею улицею, и такимъ образомъ, начать дѣло передъ лицомъ всего Новагорода. Составили формальную запись, по которой Василій долженъ былъ пробиться съвозъ три заставы: побѣжденный, онъ подвергался казни; какъ побѣдитель, онъ выигрывалъ закладъ въ три тысячи. Ни посадникъ, ни князь не мѣшались въ это дѣло: драка затѣяна полюбовно, и въ записи обѣ стороны приложили руки, какъ къ законному договору. Дружина Василія одолеваетъ противниковъ; народъ приносить подарки его матушкѣ, прося, чтобъ она удержала сына, вызываетъ изъ монастыря и старчище-пилигримище, въ которомъ наглядно изображена духовная власть, принимавшая въ Новгородѣ участіе въ примиреніи распрей. Василій слушается матери; но когда его дружину стали совѣмъ тѣснить на Волховскомъ мосту, онъ вновь урвался изъ дому на битву; не попалась ему палица желѣзная, попалась ось желѣзная, и ею побиваетъ онъ новгородцевъ, не щадя и старчище. Тогда мужики поклонились Василію и заплатили ему закладъ. Подъ старость богатырь замышляетъ новое удалое дѣло. Съ благословенія матушки, онъ со своею дружиною отправляется въ городъ Іерусалимъ, затѣмъ, что

«Съ молоду было много бито, граблено,
Подъ старость надо душу спасти».

На пути встрѣчаетъ онъ дурныя предзнаменованія, мертвую голову и камень съ надписью: «Кто перескочитъ вдоль, тому положить буйну голову». Но Василій, по своей молодецкой удали, *не впритъ ни въ сонъ, ни въ чохъ*: возвращаясь изъ Іерусалима, онъ прыгаетъ черезъ камень и погибаетъ. Здѣсь очень характеристично выраженіе удали: богатырь ничего не боится; смѣется надъ всѣми суевѣрными страхами, и между тѣмъ надъ нимъ тя-

готѣтъ неодолима судьба, его презрѣніе къ безмысленной угрозѣ обращается ему же въ погибель. Понятно, что жизнь, гдѣ человекомъ руководила не разумно сознавшая цѣль, а одна буйная отвага, должна была зависѣть отъ тысячи случайностей. Въ былинѣ о Василіѣ Буслаевѣ все-таки живо представляется общественная жизнь древняго Новгорода, зависящая отъ вѣчеваго устройства. Здѣсь историческими обстоятельствами служатъ: походженіа удалцевъ, собиравшихъ около себя дружину (таковы были новгородскіе ушкуйники), самостоятельность братчинъ, независимое положеніе отдѣльныхъ лицъ и обществъ, которая при новгородскомъ устройствѣ пользовались чуть не безграничною свободою. Какъ на позднѣйшее явленіе, былина еще указываетъ на историческую борьбу между богатыми людьми, боярами, и простымъ народомъ. Хотя Буслаевъ и побѣждаетъ новгородцевъ, но противники грозятъ ему, что ему плохо придется, если на него подымется весь Новгородъ. Тогда «сякваситъ тебѣ рѣку Волховъ», говорятъ они: то-есть, быть брошену съ Волховскаго моста. Но дѣло въ томъ, что лица, подобныя Буслаеву, всегда могли составить себѣ огромную партію и такимъ образомъ раздѣлить новгородскія силы. Былина о Буслаевѣ показываетъ, хотя и въ грубомъ видѣ, какое широкое развитіе имѣла личность въ древней Руси. Личность, конечно, чаще всего заявляла себя физическою силою; но чѣмъ бы она себя ни заявила, люди рѣдко соединялись, чтобы ограничить ея произволь, или установить мѣру въ ея поступкахъ: они безъ разбора признавали ея права, было ли то право какого нибудь странствующаго калики на мірское подаваніе, или удалца изъ народа, собиравшаго шайлу для звѣриной ловли и другихъ промысловъ, или богатаго боярина, ѣздившаго со своими отрогами потѣшаться грабежемъ и добывать славу. Однако, при этомъ господствѣ разнородныхъ силъ, отдѣльной личности не было и возможности достигнуть полнаго преобладанія надъ другими. Удалецъ, въ какому бы онъ соеловію ни принадлежалъ, поддерживалъ себя только своею дружиною, вольными людьми, которыхъ набиралъ отовсюду и которые, не признавая надъ собою никакой власти, шли служить къ тому, кто лучше ихъ кормилъ и одѣвалъ. Буслаевъ оттого и одолѣлъ новгородскую братчину, что былъ щедръ къ дружинѣ:

«У млада Василя Буслаевича,
 Не убито, не уѣдено,
 Враснѣ хорошо не ужоено
 И цвѣтнаго платья не ужоено,
 А увѣче на вѣкъ залѣжено.»

Слѣдовательно, тутъ существовали не столько условія подчиненности (исключая отношеній купленныхъ рабовъ къ своему господину), сколько условія взаимнаго договора—побратимства. При этомъ, хотя не было твердаго обычая и закона, который оберегалъ бы права каждаго, но равновѣсіе силъ въ древней Руси поддерживалось ихъ взаимной борьбою: Вуслаеву все-таки не удалось бы захватить власть надъ всѣмъ Новымъ-городомъ; толпа новыхъ удалцевъ изъ народа собралась бы на вѣчѣ, разграбила бы его дворъ, и самого его бросила бы въ Волховъ. Конечно, это равновѣсіе могло существовать, пока всѣ стороны, участвовавшія въ борьбѣ, были болѣе или менѣе равносильны: при крайнемъ ослабленіи одной, другая уже не стѣснялась нарушеніемъ права: все дѣлалось въ силу пословицы: «кто сильнѣе, тотъ и правѣе». Мы знаемъ, что нигдѣ на Руси не выработалась въ такихъ широкихъ размѣрахъ земская община, какъ въ древнемъ Новгородѣ: ея живучее начало высказывалось еще при Іоаннѣ Грозномъ въ стремленіи Двинскихъ и Важскихъ волостей къ самосуду. Но и въ этой громадной общинѣ, охватывавшей весь сѣверъ Россіи, мы находимъ слабыя попытки къ правильной организаціи: право боролось съ насиліемъ, и исторія закончила эту борьбу прежде, чѣмъ общество успѣло сложиться.

Перехода къ киевскимъ былинамъ, мы должны остановиться на удали Хотина, Чурилы, Ильи Муромца. Хотинъ захватываетъ въ плѣнъ сыновей одной купеческой вдовы, которая оскорбила его мать на пиру у Владимира. Князь, склонившись на подарки вдовы, высылаетъ противъ богатыря свою дружину; но Хотинъ уговариваетъ княжескихъ удалцевъ принять его сторону, и Владимиръ, чтобы смягчить его, сватаетъ за него дочь вдовы, Афимьюшку, которая приглянулась богатырю, и даетъ въ приданое золота-серебра въ высоту копыя, да села съ приселками. Другой богатырь, Чурило, живетъ отдѣльно со своею дружиною, охотится въ княжескихъ лѣсахъ, побиваетъ сокольниковъ, кречетниковъ Владиміровыхъ, и князь самъ ѣдетъ къ нему со своими богатырями. Дѣло кончилось мировою, послѣ которой Чурило соглашается жить въ Киевѣ, при дворѣ Владимира. У боярина Ставра мы тоже находимъ свой дворъ; когда Владимиръ заперъ его было въ погребъ, то жена его одолеваетъ киевскихъ борцовъ, обманываетъ князя и освобождаетъ мужа. Илья Муромецъ, поссорившись съ Владиміромъ, собираетъ кабацкую голь, бѣдняковъ, пьетъ, безчинствуетъ съ ними, грозитъ убить самого Владимира, и князь только съ помощью Добрыни уговариваетъ его снова придти на пиръ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы видимъ удаля, подобную Вуслаевой, но разница въ томъ, что богатыри, частію вышедшіе изъ народа, частію изъ бояръ, враждуютъ съ княжескою дружиною; однако, Владиміру удается преклонять ихъ на свою сторону богатимъ угощеніемъ и дарами. Слѣдовательно, здѣсь всѣ богатыри сходятся около князя Владимира. Владиміръ былинъ отчасти напоминаетъ Владимира I съ его религиознымъ

характеромъ, который сначала выразился въ усердіи къ языческимъ обрядамъ, а потомъ въ ревности къ христіанству, съ его осьмидевицми пирами на весь міръ и ласкою къ дружинѣ, для которой онъ велитъ сковать серебрянныя ложки; отчасти тутъ мы могли бы воображать Владиміра Мономаха, который, по извѣстію старинны, ласково ходилъ около пировавшихъ гостей, улыбаясь ихъ пьянымъ крикамъ и буйному смѣху. Но это сходство касается лишь одного имени и немногихъ историческихъ обстоятельствъ; въ былинѣ необходимо видѣть только самый общій типъ князя удѣльновѣчеваго періода. По его названію «Красное солнышко», находятъ въ немъ связь съ стариннымъ представленіемъ о Дажь-богѣ, солнцѣ; но главныя черты его характера относятся къ болѣе близкому, историческому времени. Народъ вовсе не представляетъ во Владимірѣ былинѣ какого-нибудь героя; при каждой опасности, онъ теряетъ духъ, прячется подъ свою кунью шубку; по одному преданію, Василиса Микулишна, явившись въ Кіевъ въ образѣ грознаго посла, требуетъ дани выхода за двѣнадцать лѣтъ, и Владиміръ готовъ отдать себя головой и съ женою; онъ часто бываетъ несправедливъ, отнимаетъ жену у живаго мужа, за правду сажаетъ Илью Муромца въ погребъ, и проч. Но для народа во Владимірѣ не важны его личныя свойства, а важно только то, что онъ князь *стольно-киевскій* и отовсюду привлекаетъ къ себѣ удалцевъ щедрымъ угощеніемъ и богатыми дарами. Эту общественную черту князя болѣе всего и выставляютъ былины; въ нихъ говорится: «Солнышко Владиміръ столько-киевскій на пріѣздѣ для удалыхъ добрыхъ молодцевъ заводитъ столованье, почетной столъ, на поѣздѣ много жалуетъ бесчисленной золотомъ казной». Такимъ образомъ въ Кіевѣ съѣзжаются богатыри изъ ближнихъ и изъ дальнихъ мѣстъ: изъ Волынца Галичья, изъ Рязани, изъ Муромца, изъ Суздаля, но не изъ Новгорода, не съ сѣвера Россіи, гдѣ развивалась своя особая жизнь. Въ Кіевѣ народъ видитъ средоточіе древней Руси на югѣ: стоять за Кіевъ значитъ то же, что стоять за сѣверо-русскую землю; оттого каждый изъ богатырей стремится въ Кіевъ, чтобы хоть временно вмѣстѣ съ другими поработать для стольнаго города. Личная служба Владиміру тутъ занимаетъ очень мало мѣста: по былинамъ, богатыри добываютъ ему невѣсту, или выходятъ на охоту для стола княжечваго, гдѣ и сами постоянно угощаются. Главныя свои подвиги они совершаютъ добровольно, большею частью безъ вѣдома князя: такъ Илья Муромецъ очищаетъ дорогу прямоѣзжую въ Кіевъ; Добрыня, посланный съ данью къ Бутеяну, его самого заставляетъ платить дань Владиміру и проч. Обмысленно, уже прославившись силою-удачею, богатырь пріѣзжаетъ въ Кіевъ, входитъ въ княжескую гриницу «бездокладно и безобсѣчно» и, если ему не дадутъ за столомъ почетнаго мѣста, то, подобно Василию Буслаеву, расталкиваетъ гостей. Въ случаѣ опасности, Владиміръ упрашиваетъ, даже умоляетъ богатырей стоять за Кіевъ.

«Билъ челоуъ Владиміръ до сарой земли:
 Ужь ты здравствуй, старъ казакъ Илья Муромецъ!
 Постарайся за вѣру христіанскую,
 Не для меня князя Владиміра,
 Не для — ради княгини Апраксін,
 Не для церквей и монастырей,
 А для бѣдныхъ вдовъ и малыхъ дѣтей».

Подобной просьбы удалецъ не отвергаетъ; но не понравилась ему служба у князя Владиміра, онъ уходитъ изъ Кіева, говоря: «Не умѣлъ меня Солнышко миловать, не умѣлъ жаловать, а теперь не видать меня въ ясны очи». Вообще отношенія кіевскихъ богатырей къ Владиміру напоминаютъ отношенія старинной вольной дружины и народнаго вѣча ко князьямъ удѣльнаго, до-татарскаго періода. Въ кіевской дружинѣ, окружающей Владиміра, мы находимъ удалцовъ изъ всѣхъ сословій; ее нельзя назвать въ тѣсномъ смыслѣ княжескою дружиною, которая отличалась отъ земской силы. Мы знаемъ изъ исторіи, что земская, народная сила иногда враждовала съ княжескою, иногда дѣйствовала съ нею за одно: такъ было въ Новгородѣ съ варягами Ярослава; въ ссорѣ Изяслава съ кіевлянами, дружина держитъ сторону князя, а народъ освобождаетъ Всеслава и принуждаетъ Изяслава бѣжать въ Польшу. Но слишкомъ рѣзкихъ сословныхъ раздѣленій между народомъ и дружинниками князя, конечно, не было. Существовали люди, болѣе приближенные къ князю, постепенно составившіе отдѣльное, боярское сословіе, но мы видимъ, что еще древніе князья при каждомъ предпріятіи вновь набираютъ себѣ дружину изъ народа, и сюда идутъ охочіе люди, удалцы всякаго рода, привлеченные щедрымъ жалованьемъ или надеждой на богатую добычу. Дружина князя не была какимъ нибудь замкнутымъ кружкомъ людей; она постоянно обновлялась новыми пришельцами. Одни приходили служить, другіе уходили. Кромѣ того, и въ обычаяхъ и въ нравахъ все было общее. Такъ еще Святославъ I собиралъ многихъ храбрыхъ людей, спалъ на войлокѣ, ѣлъ звѣриное мясо, какъ и всѣ его удалцы, и обращался ко всему своему войску безъ различія: «Братія и дружина». Позднѣе Владиміръ Мономахъ, еще сохранившій на себѣ типъ первыхъ славянскихъ князей, велъ образъ жизни, одинаковый съ народомъ, и дѣлалъ все то, что могли бы дѣлать его отроки и слуги. Поэтому народная былина не различаетъ княжеской дружины въ тѣсномъ смыслѣ слова, т.-е. ближайшихъ слугъ и совѣтниковъ князя, его бояръ и тѣлохранителей, отъ остальнаго ополченія: съ чистонародной точки зрѣнія, въ ней дѣйствуетъ не князь (Владиміръ въ былинахъ, какъ мы видѣли, только собираетъ богатырей, да иногда обращается къ нимъ съ просьбами и порученіями), не княжескіе слуги, въ смыслѣ отдѣльнаго сословія, а весь народъ въ самомъ обширномъ значеніи слова. Тутъ является и бояринъ, въ лицѣ Добрыни, и удалецъ поповскаго происхожденія, въ лицѣ Алеши Поповича, и крестьянскій сынъ, Илья

Муромецъ. Но Добрыня, Алеша Поповичъ, Илья Муромецъ такъ же, какъ и другіе богатыри, соединены между собою тѣсными узами побратимства, вмѣстѣ вѣдять въ поле и пользуются почетомъ передъ другими только за свою удачу. Этотъ народный характеръ былинъ еще болѣе выражается тѣмъ, что самые князья, наиболѣе прославившіеся своею удачею, представлены въ видѣ богатырей. Нѣтъ сомнѣнія, что въ изображеніи Добрыни, Ильи, Соловья Будиміровича, и проч. вошли многія черты, напоминающія старинныхъ князей: Олега, который ходилъ на Царьградъ и возвращался оттуда съ парчевыми парусами на судахъ, который умеръ, по предсказанію волхва, отъ змѣя, — Игоря съ его вѣчнымъ исканіемъ добычи; Святослава, предпочитаващаго оружіе всякимъ драгоценнымъ дарамъ и говорившаго своей дружинѣ: «Ляжемъ костью, не посрамятъ земли русской»; Мстислава, который поборолъ великана Редю, удалаго Всеслава, и проч. Въ былинахъ Добрыня и Илья Муромецъ съ прочими богатырями также ходятъ подъ Царьградъ, а преданіе о Волхѣ Всеславовичѣ, обращенномъ въ Волгу (Олега) Святославича, прямо рисуетъ намъ то Олега, то Всеслава, какими они являются народному воображенію. О Владимірѣ Мономахѣ есть извѣстіе лѣтописи, что онъ заключилъ въ темницу новгородскаго боярина Ставра: изъ всѣхъ дѣлъ Мономаха только это и приписано сказочному Владиміру въ былинѣ о Ставрѣ. Но настоящаго его характера надо искать въ разсказахъ о подвигахъ богатырей, окружавшихъ Владиміра. Въ своемъ завѣщаніи, онъ описываетъ себя совершенно какъ какогонибудь Илью Муромца: «Изъ Чернигова въ Кіевъ поспѣвалъ я къ отцу до вечерни; всѣхъ моихъ походовъ было 83 большихъ, а другихъ меньшихъ и не припомню... пустилъ я изъ оковъ болѣе 100 лучшихъ половецкихъ князей, да избилъ около 200... по 10 дикихъ коней вазалъ я своими руками, и проч.» Такимъ образомъ былина соединяетъ всѣ состоянія въ одинъ русскій народъ: если въ ней встрѣчаются насмѣшки надъ боярскимъ или поповскимъ сословіемъ (боярскіе роды хвастливые, поповскіе глаза завидушіе), то это болѣе относится уже къ позднѣйшему времени, когда одно сословіе отъ другаго рѣзче отдѣлились. Въ былинахъ перемѣшаны названія самыхъ разнородныхъ земель и народовъ, съ которыми русскіе были въ какихъ-либо сношеніяхъ. Тутъ являются безъ разбору ляховинская, латинская, греческая, жидовская, индійская земли—дальнія, немирныя орды, между прочимъ Половецкая и Золотая; изъ народовъ мы находимъ чудь, чукчей, козарь, черкесовъ, но чаще всего латву и татарь. Народъ изображаетъ всю свою историческую борьбу съ разными азіатскими пришельцами, представляя ихъ также въ видѣ великановъ, чудовищъ, поганого идолища. Борьбу съ великанами не разъ описываетъ и Несторъ въ своей лѣтописи. Говоря о томъ, какъ Обры насилывали славянъ дуглѣбовъ, запрягая ихъ въ телеги, онъ прибавляетъ: «были обры велики тѣломъ и горды умомъ; но всѣ до одного вымерли, такъ что донинѣ осталась посло-

вида на Руси: погибли какъ обры!» Память о единоборствѣ Усмошвеца (швецъ кожи) съ печенѣжскимъ великаномъ при Владимірѣ I, ясно сохранилась въ сказкѣ о Нивитѣ Кожемякѣ: онъ также разрываетъ руками кожи, но борется со змѣемъ, чтобы спасти отъ него царевну. Въ былинахъ, Добрыня побѣждаетъ змѣя, запорошивъ ему глаза землею; Илья Муромецъ и другіе богатыри одолеваютъ чудовищныхъ поединщиковъ, родственныхъ съ змѣемъ. Тугаринъ Змѣевичъ, напоминающій половцаго хана, Тугар-хана, служить еще олицетвореніемъ татарской силы; въ глѣтописи есть извѣстіе, что въ битвѣ при Калиѣ погибъ Александръ Поповичъ съ семью-десятью богатырями. Такъ захватывая народную жизнь многихъ вѣковъ, былина представляетъ богатырей кievскихъ въ борьбѣ съ древними великанами, съ половцами и наконецъ съ татарами. Въ былинахъ является Батый то подъ именемъ Калины царя, то подъ своимъ настоящимъ названіемъ; но здѣсь, какъ разнорѣчія, мы находимъ и Мамай и Куликово поле. Владиміръ сначала выступаетъ данникомъ татаръ; но потомъ богатыри освобождаютъ его отъ этой позорной дани. Не сохраняя нигдѣ исторической точности, былина смѣшиваетъ татаръ съ литвою, съ половцами и другими народами, съ которыми русскіе ознакомились въ самой глубокой древности; но татары были понятнѣе народу: ихъ уже легко узнать изъ описанія былинъ. Батый такъ грозитъ Владиміру, подошедши подъ городъ Кіевъ:

«Сильныхъ богатырей подъ мечъ склоню,
Князя со княгинею въ полонъ возьму,
Божья церкя на дымъ спущу,
Чудны иконы по плавь рѣки,
Добрыхъ молодцовъ положу станицами
Красныхъ дѣвушекъ плѣнницами,
Добрыхъ коней табунами.»

Изъ всего нами сказаннаго можно сдѣлать общій выводъ, что былина, не смотря на многія, еще не довольно разъясненныя въ ней стороны, очень ясно высказываетъ идею о единой русской землѣ, о единой земской силѣ, которой представителемъ былъ весь народъ безъ различія сословій. Эта идея была такъ сильна, что княжескій лѣвецъ XII вѣка, поставившій себѣ цѣлю воспѣвать князя Игоря и его дружину, забываетъ о предметѣ своей пѣсни, обращается мыслию ко всей русской землѣ, скорбитъ о ея бѣдствіяхъ, упрекаетъ князей, затѣвавшихъ крамолу, взываетъ съ соединенію всѣхъ силъ: «О стонать русской землѣ, вспоминая прежнихъ князей и прежнее время! того стараго Владиміра (Мономаха) нельзя было пригвоздить къ горамъ кievскимъ!»

В. В—въ.

ВЕСЕЛЫЕ НИЩЕ *.

КАНТАТА.

(Изъ Роберта Борнса).

Речитативъ.

Ужъ листья желтые съ вѣтвей
Летятъ на землю, и Борей
Деревья голы качаетъ;
Луга одѣлъ покровъ сѣдой
И ужъ морозецъ молодой
Порядочно кусаетъ.
Вотъ въ эту пору, вечеркомъ,
Кружокъ веселой братьи нищей
Собрался къ Пузи Нанси въ домъ
Попировать за скудной пищей
И весело пропить свое
Послѣднее тряпье.

* Поводомъ къ сочиненію этой кантаты — одного изъ самыхъ характеристическихъ произведеній Борнса, послужило слѣдующее обстоятельство: однажды ночью (въ 1785 г.) Борнсъ съ нѣсколькими товарищами зашелъ въ харчевню, которую содержала мистриссъ Гибсонъ, слышавъ у своихъ посѣтителей подъ прозвищемъ *Пузи Нанси*. Тутъ они застали толпу нищихъ, обменовенно кутившихъ въ этой харчевнѣ. Знаменитый поэтъ долго и съ истиннымъ удовольствіемъ слѣдилъ за подробностями кутежа; особенно занялъ его одинъ старій, изувѣченный солдатъ. Черезъ нѣсколько дней появилась предлагаемая здѣсь въ русскомъ переводѣ кантата, но появилась только въ рукописи; напечатана же она была уже по смерти автора, въ 1801 г. Кутежи нищей братьи въ тавернѣ Пузи Нанси, были извѣстны чуть ли не всей Шотландіи, и извѣстный критикъ Чемберсъ описалъ ихъ подробно въ одной изъ своихъ статей. Такимъ образомъ, кантата Роберта Борнса, такъ сказать, списана съ натуры.

П. В.

Хохочуть они и горланять,
И пѣсни поютъ, и свистать,
И такъ по столамъ барабанять,
Что стѣны харчевни дрожать.

У печи, въ лохмотьяхъ багроваго цвѣта
Солдаты помѣстился; на немъ
Котомба, набитая хлѣбомъ, надѣта...
Сидитъ онъ, обнявшись, вдвоемъ
Съ своею любезной красоткой.
Согрѣтая платьемъ и водкой,
Съ воетеля глазъ не спускаетъ она.
И, жадно оскаливши зубы,
Безъ усталы грязныя губы
Дружку подставляеть, какъ чарку вина.
И въ щѣви, и въ губы дружокъ
Безъ усталы барышню — чмокъ!
И звучны, какъ хлопанье плети,
Веселыя чмоканья эти.

И вотъ они милуются,
Горланять и цѣлуются,
И пѣсню, наконецъ,
Орѣтъ нашъ молодець:

Пѣсня.

Марсъ меня на свѣтъ родилъ, я въ сраженьяхъ многихъ былъ;
Вотъ, смотрите, шрамъ большой, вотъ царапина и рана!
Шрамъ врубила баба мнѣ, рану добылъ въ той рѣзнѣ,
Гдѣ солдаты французскихъ я встрѣтилъ звукомъ барабана:

Трамъ-трамъ-трамъ,
Трамъ-трамъ-трамъ,
Тарарарамъ!

Въ первый разъ я подъ ружьемъ былъ въ кровавомъ дѣлѣ томъ,
Гдѣ упалъ мой генералъ у Абрамскаго кургана *;
Кончилъ службу я свою, въ томъ чудеснѣйшемъ бою,
Гдѣ Моро ** снесли совсѣмъ мы при звукахъ барабана:

Трамъ-трамъ-трамъ и пр.

* Абрамскій курганъ, подлѣ Квебена — мѣсто, гдѣ палъ въ сраженіи въ 1759 г. генералъ Вольфъ.

** Моро—крѣпость, взятая штурмомъ въ 1762 г.

Былъ я съ Куртисомъ, ей-ей, у пловучихъ батарей,
 Безъ руки и безъ ноги вышелъ я изъ вражья стана;
 Но опять страна зоветъ — и повелъ насъ Эллиотъ,
 И опять заковывалъ я подъ звуки барабана:

Трамъ-трамъ-трамъ и пр.

Ниче шляюсь по землѣ, безъ руки, на костылѣ,
 Весь въ лохмотьяхъ и грязи; но съ пустыи своимъ карманомъ,
 Съ чаркой, съ дѣвочкой моею, также счастливъ я, ей-ей,
 Какъ въ тѣ дни, когда ходилъ, весь въ шитьѣ, за барабаномъ.

Трамъ-трамъ-трамъ и пр.

Хоть мятель и вѣтеръ злой хлещутъ бѣлый волосъ мой,
 Хоть пріютъ мой часто — лѣсъ или широкая поляна,
 Но когда, продавъ тряпья, выпью добрый штофикъ я, —
 Не боюсь, хоть цѣлый адъ встанъ при звукахъ барабана!

Трамъ-трамъ-трамъ,
 Трамъ-трамъ-трамъ,
 Тарарарарамъ!

Речитативъ.

Онъ кончилъ, — и стѣны трясутся; —
 Такъ воетъ неистово хоръ, —
 И прячутся крысы въ испугѣ
 Въ углы потаенные норъ.

«Epsoge!» изъ угла восклицаетъ
 Скрипачъ-молодчина, — и вотъ
 Подруга вонтеля живо
 Вскочила, и пѣсню поетъ:

Пѣсня.

Я была когда-то дѣвой, а когда — ужъ и сама
 Позабыла; отъ красавцевъ и теперь схожу съ ума.
 Родилась я въ батальонѣ, былъ драгуномъ мой отецъ, —
 Что жъ за диво, если дорогъ мнѣ солдатикъ-молодецъ?

Тра-ла-ла, тра-ла-ла,
 Охъ, солдатикъ-молодецъ!

Первый мой дружокъ сердечный весельчакъ-мужчина былъ,
 Онъ тогда въ полку драгунскомъ барабанщикомъ служилъ;

Щеки красныя такія, ножа стройная... Въ конецъ
Свелъ меня съ ума мой милый, мой солдатикъ-молодецъ.
(Хоръ). Тра-ла-ла, тра-ла-ла и пр.

Но смѣнилъ солдата скоро добрый пасторъ-старичекъ,
И на рясу промѣнила я военный тесачегъ;
Тѣломъ я рискнула, душу въ ходъ пустилъ святой отецъ —
И обманутымъ остался мой солдатикъ-молодецъ.
(Хоръ). Тра-ла-ла, тра-ла-ла, и пр.

Долго, впрочемъ, быть со мною не пришлось и старику;
Надоѣлъ онъ — и пошла я въ жены къ цѣлому полку.
Барабанщикъ-ли, трубачъ-ли, старый воинъ или птенецъ, —
Всѣмъ служила — лишь бы только былъ солдатикъ-молодецъ!
(Хоръ). Тра-ла-ла, тра-ла-ла, и пр.

Но война смѣнилась миромъ, — тутъ я по міру пошла
И на рынокъ, собираясь, парня этого нашла.
Въ полковыхъ своихъ лохмотьяхъ красовался удалецъ...
Ахъ, какъ по сердцу пришелся мнѣ солдатикъ-молодецъ!
(Хоръ). Тра-ла-ла, тра-ла-ла, и пр.

Пожила я — много-ль, мало-ль, и сама не знаю я;
Для меня отрада — пѣсня или чарочка моя,
И пока держать ту чарку силу мнѣ даетъ Творецъ,
Пью изъ ней твое здоровье, мой солдатикъ-молодецъ!
(Хоръ). Тра-ла-ла, тра-ла-ла,
Охъ, солдатикъ-молодецъ!

Речитативъ.

Съ дѣвчонкой шутъ Андрю сидѣлъ
Въ углу; ихъ мало занимало
Все то, что хоръ пѣвцовъ ревѣлъ;
У нихъ и своего не мало.
Но, наконецъ, онъ пить усталъ,
Усталъ точить съ красотой ласы;
И вотъ онъ съ мѣста быстро всталъ
И, скорчивъ двѣ смѣшныя гримасы,
Дѣвчонку чмокнулъ, подтолкнувъ
И съ важной рожей затанулъ:

Пѣсня.

Мудрость въ пьяномъ видѣ — дура,
Плутъ — дуракъ передъ судомъ,
А меня сама натура
Сотворила дуракомъ.

Баба мнѣ купила книжку;
Но ученіе никакъ
Не могло развить мальчишку:
По природѣ я дуракъ.

За вино рискну я шей,
Съ бабой жизнь моя легка...
Да чего и ждать умнѣ
Отъ такого дурака?

За кутежъ, какъ поросенокъ,
Я однажды связанъ былъ.
А священникъ за дѣвчонокъ
Покаянье наложилъ.

Надо мной не смѣйтесь строго:
Ради шутки я таковъ;
А у насъ въ палатѣ много
И серьезныхъ дураковъ.

А пасторъ нашъ? поучаетъ
Съ важной рожею такой;
Насъ, шутовъ, корить, ругаетъ —
Все изъ зависти одной.

Ну, чтобъ кончить все прилично —
Выпить хочется скорѣй,
Глупый для себя лишь лично,
Вдѣ сто разъ меня глупѣй.

Речитативъ.

Вслѣдъ за шутомъ старуха встала.
Она отлично понимала,
Какъ очищаютъ кошельки;
Узнала въ дѣлѣ всѣ приемы

И были ей въ лѣсахъ знакомы
 Дорожки всѣ и уголки.
 Ея дружокъ былъ горецъ бравый.
 Но онъ нашель конецъ кровавый:
 Палачъ, увн! казнилъ его!...
 И вотъ, въ слезахъ, вздыхая глухо,
 Запѣла пѣсенку старуха
 Про Джона, горца своего:

Пѣсня.

Мой милый былъ горецъ и горцемъ рожденъ;
 Смотрѣлъ на законы съ презрѣнiемъ онъ,
 Но клану родному былъ преданъ душой,
 Мой Джонъ ненаглядный, мой горецъ лихой!
 (Хоръ). Пойте про храбраго Джона!
 Пойте про храбраго Джона!
 Нѣтъ на землѣ человѣка
 Доблестнѣй храбраго Джона!

Въ тартановомъ пледѣ, съ стальнымъ кушакомъ,
 Всегда опоясанный добрымъ мечомъ,
 Всѣхъ женщинъ на свѣтѣ плѣнялъ онъ собой,
 Мой Джонъ ненаглядный, мой горецъ лихой!
 (Хоръ). Пойте про храбраго Джона и пр.

Мы жили, кочуя отъ Твида до Спей,
 Какъ лордамъ и леди не жить веселѣй;
 Съ врагами боязни не зналъ никакой
 Мой Джонъ ненаглядный, мой горецъ лихой!
 (Хоръ). Пойте про храбраго Джона и пр.

Изгнали его изъ родимой земли!
 Но прежде, чѣмъ снова цвѣты зацвѣли,
 Я плакала сладко: былъ снова со мной
 Мой Джонъ ненаглядный, мой горецъ лихой!
 (Хоръ). Пойте про храбраго Джона и пр.

Но, горе! недолго гулялось ему:
 Связали его, посадили въ тюрьму...
 Будь прокляты, чьею повѣшенъ рукой
 Мой Джонъ ненаглядный, мой горецъ лихой!
 (Хоръ). Пойте про храбраго Джона и пр.

Теперь я вдовою должна горевать,
 Что радостей прежних ужь мнѣ не видать,
 И грусть разгоняю я чаркой одной...

Мой Джонъ ненаглядный, мой горецъ лихой!

(Хоръ). Пойте про храбраго Джона,
 Пойте про храбраго Джона!
 Нѣтъ на землѣ чловѣка
 Доблестнѣй храбраго Джона!

Речитативъ.

За ней встаетъ скрипачъ-мозглякъ —
 Утѣха пьяницъ и гулякъ.

Высокій ростъ подруги Джона —
 (Онъ ей чуть-чуть не до колѣнъ)

И толщина забрали въ плѣчъ
 Сердчишко варлн-Аполлона.

Ужь очень кровью былъ горячъ
 Скрипачъ.

Схвативши скрипку молодцомъ
 И браво оглядась кругомъ,
 Сначала взялъ аккордъ бравурный,
 Продернулъ ловко гамму онъ
 И, перейдя въ минорный тонъ,
 Нашъ Аполлонъ миниатюрный

Запѣлъ со скрипочкой въ кадансъ
 Романсъ.

Пѣсня.

Позволь мнѣ слезы всѣ стереть съ твоихъ очей,
 Пойди за мной во слѣдъ, будь милою моею;

Тогда не будешь знать ни страха, ни скорбей,

И, плюй-себѣ на все!

(Хоръ). Скрипачъ — профессія моя;

Играю много пѣсень я,

И всѣхъ пріятнѣй для бабья

Романсъ: «Плевать на все!»

По свадьбамъ будемъ мы ходить съ тобой вдвоемъ,

И ухъ! какъ весело, какъ славно проживемъ!

Забота—мачиха стучись, пожалуй, въ домъ,

Намъ наплевать на все!

(Хоръ). Скрипачъ—профессія моя, и пр.

Безъ горя, безъ нужды, довольные судьбой,

Все будемъ грѣться мы на солнышкѣ съ тобой;

Съ пустымъ карманомъ ли, съ набитою ль сумой —

Намъ наплевать на все!

(Хоръ). Скрипачъ—профессія моя и проч.

Ты только красотой небесною своей

Меня благослови—и тысячи чертей,

И голодь, и морозъ, не страшны мнѣ, ей-ей,—

Наплюю я на все!

(Хоръ). Скрипачъ—профессія моя,

Играю много пѣсень я,

И всѣхъ пріятнѣй для бабья

Романсъ: «плевать на все!»

Речитативъ.

Онъ окончилъ, но старухи красотой

Вдругъ кузнецъ плѣнился дужій и лихой;

Налетѣлъ съ своей рапирой сгоряча

И за бброду схватилъ онъ скрипача.

И ругается, и клятвы онъ даетъ,

Что рапирою насквозь его проткнетъ,

Если онъ отъ ней, оставя всякій споръ,

Не откажется навѣки съ этихъ поръ.

Помертвѣлъ совсѣмъ отъ страха Аполлонъ

И трасется весь, какъ въ лихорадкѣ онъ,

И пощады просить съ жалобнымъ лицомъ...

Такъ вся ссора ихъ и кончилась на томъ.

Но, хотя въ сердчишкѣ виртуозъ страдалъ,

Глядя, какъ кузнецъ красоту обнималъ,—

Сдѣлалъ видъ, однако, что повеселѣлъ,

Слушая, какъ пѣсню ей кузнецъ запѣлъ:

Пѣсня.

Красавица моя, кую желѣзо я,

По ремеслу — кузнецъ;

И въ этомъ ремеслѣ прошелъ по всей землѣ
 Я изъ конца въ конецъ.
 Я часто деньги бралъ и въ полкъ за нихъ вступаю;
 Но черезъ два, три дня,
 Какъ деньги получу, сейчасъ же укачу,
 Ищи потомъ меня!
 (Хоръ). Я часто деньги бралъ, и пр.

О, дѣва-красота! брось этого шута
 Съ кривляньями его!
 Желѣзо кто куетъ, пусть другомъ станетъ тотъ
 Для сердца твоего!
 Вотъ этой кружкой я вланусь, душа моя, —
 Коли хоть разъ со мной
 Ты будешь голодна, иль водки лишена, —
 Языкъ изсохни мой!
 (Хоръ повторяетъ послѣдніе четыре стиха).

Речитативъ.

Кузнецъ побѣдилъ—и упала
 Въ объятія старуха-красотка;
 Отчасти любовь въ ней играла,
 Отчасти распарила водка.
 Скрипачъ, подмигнувъ остроумно,
 Согласья и мира желаетъ
 Обнявшейся парѣ, и шумно
 Онъ кружку свою осушаетъ
 Во здравье ихъ на ночь!

Тутъ крошка-Амуръ разыгрался:
 Метнулъ онъ стрѣлою своею, —
 Къ замужней скрипачъ подобрался
 И началъ амурничать съ нею.
 Супругъ, собесѣдникъ Гомера,
 Замѣтилъ—и грозною данью
 Жену и ея кавалера
 Развелъ онъ и крупною бранью
 Ихъ выругалъ на ночь!

Онъ—парень изъ самыхъ веселыхъ,
 Какіе встрѣчались едва-ли

И Вакху; въ несчастяхъ тяжелыхъ
 Не зналъ онъ малѣйшей печали.
 Желалъ одного — веселиться,
 Томился—лишь жаждою вѣчной,
 Одно ненавидѣлъ — крушиться.
 И вотъ, вдохновенный, безопасно
 Запѣлъ онъ здѣсь на ночь:

Пѣсня.

Пѣвецъ не хитрый я, и пѣсенка моя
 Въ презрѣнны у вельможъ и прочаго такого;
 Но пчелы вслѣдъ за мной вездѣ летать толпой,
 Какъ мчались по слѣдамъ Гомера дорогого.

(Хоръ). Изъ-за этого, того,
 Ну, и прочаго всего,
 Потерялъ одну я;
 Двухъ успѣлъ я сохранить,
 Недостатка, стало-быть,

Въ бабахъ не найду я
 Для того и для сего
 И для прочаго всего.

Не зналъ я нивогда, что значитъ Музъ вода,
 Кастальскіе ключи и прочее такое;
 Но мой источникъ весь, кипитъ, струится здѣсь,
 Парнаса моего здѣсь мѣсто дорогое.

(Хоръ) Изъ-за этого, того, и пр.

Къ красавицамъ я слабъ; какъ неизмѣнный рабъ,
 Я чту ихъ прелести и прочее такое.
 Но долъ священникъ мой — и Богу быть слугой;
 Ослушаться Его — и грѣхъ, и зло большое.

(Хоръ). Изъ-за этого, того, и пр.

Свиданья сладкій часъ! какъ ты чаруешь насъ
 Восторгами любви и прочаго такого!
 Но сколько дней любовь взаимно грѣетъ кровь —
 Рѣшаютъ склонности того или другого.

(Хоръ). Изъ-за этого, того, и пр.

Ахъ, часто, часто какъ вводили насъ въ просакъ
 Ихъ штуки ловкія и прочее такое!

Но дайте лишь вина — и баба поймана!
Люблю я ихъ — за то, за сѣ и за другое!

(Хоръ). Изъ-за этого, того,
Ну, и прочаго всего,
Потерялъ одну я,
Двухъ успѣлъ я сохранить,
Недостатка, стало быть,
Въ бабахъ не найду я
Для того, и для сего,
И для прочаго всего!

Речитативъ.

Такъ пѣлъ пѣвецъ — и стѣны дома
Траслись отъ бѣшеннаго грома
Аплодисментовъ сотни ружь;
Неистово имъ вторять глотки —
И, чтобъ добыть побольше водки,
Одинъ снимаетъ свой сюртукъ,
Тотъ очищаетъ всѣ карманы,
Другой раздѣлся до чиста...
Сквозить повсюду нагота,
Но всѣ за то мертвецки пьяны.
И вотъ они къ пѣвцу опять
Всѣ стали шумно приставать,
Чтобъ угостилъ онъ ихъ скорѣй.
Отборной пѣсенкой своей.
Онъ сталъ межъ двухъ своихъ Деборъ,
Обвелъ кругомъ веселый взоръ,
Кудрами весело тряхнулъ
И затянулъ:

Пѣсня.

Кипятъ, шумятъ предъ нами чаши,
У нищей братьи пиръ горой;
Раскройте-жъ дружно глотки ваши
И пойте весело за мной:
Прочь всѣ, кому законъ по вкусу!
Свобода — свѣтлый праздникъ намъ!

Суды пріятны только трусу,
 Монастыри — однимъ ханжамъ!
 (Хоръ повторяетъ эти четыре стиха).

Богатство, почести, титулы —
 Для насъ все это пустяки,
 Намъ лишь-бы дружныя загулы —
 И все забудутъ голяки!
 (Хоръ). Прочъ всѣ, кому законъ по вкусу, и пр.

Весь день мы по свѣту шныряемъ,
 И надуваемъ, и хитримъ.
 А ночь, на сѣнѣ, подъ сараемъ
 Иль въ стойлахъ съ милыми лежимъ.
 (Хоръ). Прочъ всѣ, кому законъ по вкусу, и пр.

Конями быстрыми вельможѣ
 Въ каретѣ насъ не обогнать;
 На благоправномъ брачномъ ложѣ
 Восторговъ намъ не занимать!
 (Хоръ). Прочъ всѣ, кому законъ по вкусу и пр.

Пусть жизнь бѣжитъ водоворотомъ —
 Мы чужды этой суеты;
 Пусть тотъ стремится за почетомъ,
 Кто можетъ рухнуть съ высоты.
 (Хоръ). Прочъ всѣ, кому законъ по вкусу, и пр.

Кричите-жъ всѣ, поднявши кружки:
 Вивать — котомки, кошельки,
 Тряпье, лохмотья, наши души
 И мы, бродяги-голяки!
 (Хоръ). Прочъ всѣ, кому законъ по вкусу!
 Свобода — свѣтлый праздникъ намъ!
 Суды пріятны только трусу,
 Монастыри — однимъ ханжамъ!

П. Вейнбергъ.

Франценсбадъ,
 9/16 іюля 1868 г.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

КРИТИКА.

РУССКОЕ НЕДОМЫСЛІЕ.

«Отцы и дѣти» И. Тургенева 1862 г. «Взвѣдамученной морю» А. Писемскаго 1863 г. «Марья» В. Ключникова 1864 г. «Нвгуда» М. Стебническаго 1865 г. «Бродящія сны» В. Авераріуса 1867 г.

I.

Романъ за романомъ,—въ пять лѣтъ составила дѣлая школа произведеній, однородныхъ по взглядамъ и тенденціямъ, симпатіямъ и антипатіямъ писателей, принадлежащихъ къ ней.

Но не довольно ли уже распространяться обо всѣхъ этихъ произведеніяхъ, спросить меня читатель: развѣ мало было писано о каждомъ изъ нихъ? Развѣ не установился въ публикѣ взглядъ на всѣ эти произведенія? Чтò же еще новаго можно связать по поводу этихъ романовъ? Выводить ихъ снова на сцену и подымать по поводу ихъ разныя старыя дразги — не значить ли это придавать имъ слишкомъ большое значеніе, котораго они, конечно, не заслуживаютъ. Не лучше ли предать ихъ вѣчному забвенію и сдать ихъ въ убогій архивъ нашей беллетристики на руки потомству, которое, конечно, останется очень довольно наслѣдствомъ, завѣщаннымъ ему нашимъ просвѣщеннымъ временемъ?

Конечно, сказать что-нибудь особенно новаго по поводу всѣхъ этихъ романовъ послѣ всего, чтò было писано о нихъ — нечего. Но тѣмъ не менѣе, прежде, чѣмъ сдавать ихъ въ архивъ, не мѣшаетъ бросить на нихъ общій взглядъ и подвести подъ ними итогъ. Какъ бы ни было много писано о каждомъ изъ нихъ, во всякомъ случаѣ иная точка зрѣнія представляется при разборѣ отдѣльнаго романа, иная при разборѣ дѣлаго рода однородныхъ произведеній. Многое, чтò рисовалось на первомъ планѣ передъ критикомъ вновь вышедшаго романа, уходитъ на задній планъ, когда передъ глазами отрывается дѣлая перспектива романовъ одного рода, и наоборотъ: многое, чтò могло оставаться неза-

мѣченнѣмъ при разборѣ одного романа, выступаетъ на первое мѣсто по сличенію его съ другими сродными ему произведеніями. Но что всего важнѣе, личности писателей съ индивидуальными особенностями и побужденіями уходятъ на задній планъ при такомъ общемъ разборѣ, ступениваются, перестаютъ казаться главными виновниками своихъ произведеній. Передъ вами цѣлая литературная школа, рядъ однородныхъ явленій, сливающихся въ общій историческій фактъ, и у васъ невольно является побужденіе причину этого факта искать въ общихъ условіяхъ жизни общества, которыя произвели его, тѣмъ болѣе, что фактъ этотъ исходить не изъ одного какого-либо маленькаго кружка, не изъ частнаго заблужденія двухъ-трехъ умовъ. Прислушайтесь къ этому хору, и за нимъ вы услышите тысячи голосовъ, подтагивающихъ ему и въ литературѣ, и въ обществѣ, и въ столицѣ, и въ провинціяхъ — во всѣхъ сферахъ нашей жизни. Если никому читателю романы эти покажутся плодами жалкаго невѣжества, то пусть онъ не забываетъ, что это невѣжество не есть личное качество только г. Писемскаго, или г. Стебницкаго, или г. Авенаріуса: романы эти служатъ выраженіемъ невѣжества большинства нашего общества. Авторы ихъ тѣмъ только виноваты, что они ничѣмъ не возвышаются надъ толпою, а служатъ пассивнымъ отголоскомъ ея темныхъ предрассудковъ, раздѣляютъ съ нею ея скудомысліе, ея жалкую слѣпоту; пошлость ихъ есть пошлость нашей жизни и заблужденіе ихъ есть заблужденіе нашего времени. Когда настанетъ судъ, такъ-называемаго, безпристрастнаго потомства, то оно будетъ судить объ общемъ уровнѣ образованности нашего времени не столько по рѣдкимъ проблескамъ здоровой и свѣжей мысли, которая служитъ залогомъ болѣе отраднаго будущаго, сколько по этимъ памятникамъ, вполне достойнымъ своего времени. При такихъ условіяхъ общій обзоръ всѣхъ этихъ произведеній можетъ быть въ то же время общимъ обзоромъ уровня образованности и развитія мысли нашего общества въ послѣднее десятилѣтіе. Хотя судъ безпристрастнаго потомства далеко еще не наступилъ и явленія, которыя приходится разбирать намъ, очень близки къ намъ, тѣмъ не менѣе многие факты, которыхъ касаются вышеозначенныя произведенія, перестаютъ уже быть вопросами дня, сходятъ мало-по-малу со сцены и дѣлаются продуктомъ исторіи. Въ настоящее время возможенъ сдѣлался взглядъ на то, что мы прожили, болѣе спокойный и безпристрастный, чѣмъ прежде, когда мы только что проживали.

II.

Что прежде всего должно поразить насъ въ мышленіи нашихъ соотечественниковъ, это крайне извращенный взглядъ, съ какимъ обыкновенно смотрятъ у насъ на умственное движеніе послѣдняго десятилѣтія. Въ немъ видятъ господство, такъ-называемаго, *отрицательнаго направленія, нигилизма*, которымъ будто бы

увлеклась молодёжь и довела его до крайних предѣловъ, предавши отрицанію все, что только возможно было отвергнуть — любовь, бракъ, семью, авторитеты, науки, искусства и пр. Принимая въ расчётъ, что взглядъ подобнаго рода вышелъ изъ среды поколѣнія 40-хъ годовъ, мы можемъ назвать его субъективнымъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ называется такимъ всякій взглядъ таковаго рода, когда люди приписываютъ чему-либо свои собственныя свойства и качества. Въ самомъ дѣлѣ: если было когда-либо на Руси отрицательное направленіе, если существовало когда-либо нигилизмъ самаго мрачнаго, безнадежнаго и отчаяннаго свойства, то это было именно въ эпоху 30-хъ, 40-хъ и 50-хъ годовъ, и послѣднее десятилѣтіе въ сущности своей представляетъ не развитіе нигилизма, какъ думаютъ многіе, а напротивъ того, выходъ изъ него, и если въ молодомъ поколѣніи нашего времени есть какое-либо отрицаніе, то это отрицаніе того самаго нигилизма, который достался намъ въ наслѣдіе отъ нашихъ отцовъ и дѣдовъ.

На первый взглядъ подобная мысль можетъ показаться отчаяннымъ парадоксомъ, если взять въ расчётъ, какъ глубоко вкоренилось у насъ убѣжденіе, что новое направленіе мысли нашего общества есть преимущественно отрицательное. Но если мы удасть представить характеристику двухъ эпохъ со стороны развитія мысли и міросозерцанія общества во все это время, то, можетъ быть, въ томъ, что съ перваго взгляда могло показаться читателю парадоксомъ, онъ увидитъ самую простую, азбучную истину.

У насъ принято въ литературѣ называть нашихъ отцовъ и дѣдовъ идеалистами и романтиками, но надо признаться, что хотя большинство общества нашего до сихъ поръ коснѣетъ въ идеализмѣ, объ этомъ предметѣ ходятъ у насъ самыя смутныя, неопредѣленныя понятія. Въ этомъ кажемся противорѣчіи ничего нѣтъ неестественнаго: подобно тому, какъ о фетишизмѣ или политеизмѣ возможно образованіе точнаго, опредѣленнаго и полнаго понятія тогда только, когда человѣкъ или общество пережили эти міросозерцанія и вышли изъ нихъ, такъ же точно и относительно идеализма.

Идеалистомъ называютъ у насъ таковаго человѣка, который, не довольствуясь мірскими заботами о тепленькихъ мѣстечкахъ или вкусныхъ кусочкахъ, имѣетъ такъ-называемыя высшія стремленія, строятъ въ головѣ разные идеалы и утопіи и осуществленіе ихъ ставитъ первою необходимостью въ жизни. Исходя изъ этого взгляда на идеализмъ, въ реализмъ, какъ противоположномъ ему, видятъ непременно отрицаніе всякихъ идеаловъ, всего возвышающаго человѣка надъ прочими животными, и низведеніе его въ міръ однихъ чувственныхъ побужденій.

Но стремленіе къ идеаламъ и утопіямъ нельзя считать условною формою одного какаго-либо міросозерцанія. Оно такъ же присуще человѣку во всѣ времена и при какиихъ угодно міровоззрѣ-

ніяхъ, какъ чувство голода или жажды. Подобно тому, какъ голодному всегда будутъ сниться роскошныя обѣды, такъ люди, чувствующіе различныя неудобства въ своей жизни, постоянно будутъ создавать картины жизни, избавленной отъ этихъ неудобствъ, люди, увѣченныя физически или нравственно, постоянно будутъ мечтать о физическихъ и нравственныхъ совершенствахъ. Сущность идеализма заключается не въ стремленія къ тѣмъ или другимъ идеаламъ, а въ томъ пути, который избирають люди для достиженія своихъ стремленій.

При этомъ я считаю нужнымъ оговориться, что я буду вести здѣсь рѣчь не о томъ идеализмѣ, подъ которымъ извѣстны въ Европѣ различныя германскія философскія системы, возникшія въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія. При всемъ шумѣ, которымъ прошумѣли въ свое время эти системы, онѣ произвели свое вліяніе на незначительное меньшинство людей. Личностей, изучавшихъ эти системы, и въ Европѣ было не особенно много, у насъ же еще меньше. Много ли можно насчитать у насъ людей, которые знали бы германскихъ философовъ не по однимъ только именамъ. Идеализмъ, которымъ пробавляются массы народа отъ Камчатки до западныхъ штатовъ Америки, имѣетъ болѣе древнее происхожденіе, чѣмъ новѣйшій германскій. Возросшій на почвѣ древнихъ философскихъ школъ, онъ послужилъ основою образованія для европейскихъ обществъ. Впродолженіе 2,000 лѣтъ Европа всасывала этотъ идеализмъ и онъ проникъ до мозга костей ея. Вліяніе его замѣтно иногда тамъ даже, гдѣ, казалось бы, не могло бы быть и тѣни его.

Идеализмъ этого рода, отдѣляя непроходимую пропасть духовную природу человѣка отъ физической и считая первую совершенно независимою отъ послѣдней, говоритъ человѣку: силою твоей свободной воли ты можешь дѣлать надъ собой что тебѣ угодно, можешь возвышаться духомъ надъ твоимъ бреннымъ тѣломъ или же допустить, чтобы тѣло твое, возвышаясь надъ духомъ, угнетало его. Исходя изъ этой идеи, идеализмъ главнымъ условіемъ достиженія различныхъ идеаловъ, или, что то же самое, главнымъ условіемъ прогресса, безусловнымъ рычагомъ всего историческаго движенія, всѣхъ успѣховъ и неудачъ цивилизаціи считаетъ отдѣльную личность человѣка съ его добромъ или зломъ волею, сильною или слабою. Человѣкъ считается полнымъ хозяиномъ въ каждомъ своемъ шагѣ, безграничнымъ распорядителемъ всей своей жизни. При этомъ нисколько не принимаются въ расчетъ и совершенно игнорируются условія жизни, которыя могутъ вліять неотразимо на личность. На что же дана и воля человѣку — говорить идеализмъ — какъ не для того, чтобы бороться противъ всякихъ вредныхъ условій? Это прекрасно: но идеализмъ подъ этою борьбою подразумѣваетъ не стремленіе устранять вредныя условія, а выдерживать ихъ напоръ и не допускать себя до подчиненія ихъ вліянію. Такимъ образомъ идеализмъ направляетъ волю человѣка не на внѣшнюю дѣятель-

ность, а на внутреннее самовоздержаніе. Онъ требуетъ не того, чтобы человекъ путемъ борьбы съ внѣшними препятствіями, *стремился* къ осуществленію различныхъ идеаловъ, а чтобы онъ посредствомъ усилій своей воли надѣ самимъ собою, *былъ* идеальнымъ человекомъ въ каждый моментъ своей жизни.

Идеализмъ такого рода впервые возникъ тогда, когда древнія общества избавились отъ политеизма. Известно, что политеизмъ подавляетъ и уничтожаетъ человѣческую личность; онъ ставитъ ее въ зависимость отъ цѣлаго ряда сверхъестественныхъ олицетворяющихъ силы природы существъ, которыя по своему произволу помпикартъ эту личность. — Идеализмъ явился естественною реакціею противъ подобнаго подавленія личности; онъ былъ крайностію противъ крайности: въ противоположность прежнему подавленію личности, онъ выставилъ ее на первый планъ и сдѣлалъ человека безусловнымъ распорядителемъ своей личности. Идеализмъ есть такимъ образомъ первая побѣда разума человека надъ суевѣріемъ, первый восторгъ человека, сознавшаго силу своего личнаго я, силу своей мысли и своей воли — и нѣтъ ничего удивительнаго, что въ этомъ восторгѣ человекъ преувеличилъ значеніе своей личности и началъ все выводить изъ нея и приводить къ ней.

И каждый разъ, когда отдѣльный человекъ или цѣлое общество выходятъ изъ политеистическаго міросозерцанія, они непременно переживаютъ идеализмъ такого рода, и тѣмъ болѣе неминуемъ онъ въ жизни европейскихъ обществъ, что у нихъ онъ является въ готовомъ уже видѣ, завѣщанный древнею цивилизаціею. Какъ только пробуждается мысль темнаго человека, какъ только начнетъ онъ цѣнить въ себѣ человѣческое достоинство, то естественно онъ бросается на ту систему міросозерцанія, которая у него подъ рукою, различныя формулы которой онъ съ самого дѣтства слышалъ вокругъ себя на каждомъ шагѣ. — Необходимо обширное количество положительныхъ знаній и глубокую переработку ихъ, чтобы понять и уяснить себѣ хоть сколько нибудь сложную и запутанную цѣпь обоюднаго вліянія воли человека на обстоятельства и наоборотъ обстоятельствъ на волю. — Для человека, хотя и избавившагося отъ грубыхъ суевѣрій, но мало образованнаго гораздо проще и очевиднѣе та система міросозерцанія, которая каждое дѣйствіе человека непосредственно производитъ отъ его воли: человекъ сдѣлался пьяницей; почему? «Очевидно, что захотѣлъ и сдѣлался. Вѣдь вотъ я теперь: захочу — выпью рюмку водки, захочу — не выпью. Это совершенно въ моей волѣ». Такъ разсуждаетъ человекъ малообразованный, и для него это очевиднѣе, чѣмъ $2+2=4$ —, также, какъ очевидно для ребенка, что берега движутся, когда онъ плыветъ въ лодкѣ.

Но несмотря на всю ясность и простоту, которая находитъ младенческой, едва пробудившейся умъ въ тѣхъ отвѣтахъ, которые готовъ бываетъ дать идеализмъ на всевозможные вопросы, въ идеализмѣ заключается довольно опасный магическій кругъ,

въ которомъ легко можетъ запутаться и потеряться младенческій умъ.—Начиная съ эманципации человѣческой личности, идеализмъ приводитъ человѣка къ тому-же, изъ чего самъ вышелъ, т.-е. къ признанію полнѣйшей несостоятельности этой же самой человѣческой личности, изъ чего, какъ мы увидимъ и ниже, выходитъ самое безнадежное отрицаніе. Къ этому исходу идеализмъ приводитъ слѣдующимъ путемъ: поставивши передъ человѣкомъ рядъ высокихъ идеаловъ и блестящихъ картинъ его благоденствія, идеализмъ въ то же время не знаетъ и не обращаетъ вниманія, что достиженіе этихъ идеаловъ, прогрессъ,—есть сложный процессъ жизни, совмѣщающій въ себѣ взаимодействие многихъ силъ природы. Опираясь единственно на личность человѣка, на его волю и энергію, идеализмъ говоритъ: если хотите достигнуть такихъ-то и такихъ идеаловъ, то будьте такими-то—т.-е. храбрыми, гуманными, дѣлательными и пр. Онъ забываетъ при этомъ, что всѣ эти качества, которыми онъ совѣтуетъ запастись людямъ для перехода черезъ пропасть, отдѣляющую дѣйствительность отъ утопіи, могутъ находиться на другой сторонѣ пропасти, слѣдовательно составлять не средство, а цѣль достиженія. Смѣшная такимъ образомъ цѣль со средствами, онъ говоритъ: видите, вонъ тамъ за ручьемъ доска; хотите воспользоваться ею, положите ее черезъ ручей, перейдите по ней и потомъ возьмите ее. Это смѣшеніе цѣли со средствами и приводитъ идеализмъ къ отрицанію. Такъ-какъ первымъ условіемъ прогресса идеализмъ считаетъ существованіе въ людяхъ различныхъ доблестей, а доблестей-то этихъ онъ и не находитъ, то отсюда прямо слѣдуетъ разочарованіе въ людяхъ и отчаянье въ какомъ-либо прогрессѣ. Возьмите вы идеализмъ во всѣхъ его видахъ и формахъ, въ какихъ только являлся онъ въ исторіи отъ школы стоиковъ, отъ средневѣковаго аскетизма, до романтизма XVIII вѣка въ Германіи, англійскаго байронизма и россійскаго самонизгрызенія временъ Бѣлинскаго,—и повсюду вы увидите одну и ту же картину: при отрицаніи пошлой и гнетущей дѣйствительности, тщетное исканье идеальныхъ личностей, тщетное обличеніе пороковъ и слабостей людей и воззванія къ людямъ, чтобы они старались быть героями,—а затѣмъ горькое разочарованіе, отчаянное отреченіе отъ жизни, или же потеря вѣры въ какіе либо идеалы и примиреніе съ самою пошлою, обыденною дѣйствительностью.

До реформы Петра Великаго наши предки, хотя и исповѣдовали христіанскую религію, но по степени своего міросозерцанія, они нисколько не возвышались надъ самымъ грубымъ политеизмомъ. Пожары, моры, голода, каждую свою удачу и неудачу, каждый шагъ они объясняли произвольнымъ, непосредственнымъ вмѣшательствомъ въ ихъ жизнь сверхъестественныхъ существъ, стоящихъ нерѣдко совершенно внѣ господствующей религіи. Только съ XVIII вѣка, и то въ концѣ уже его, выдѣлялось изъ массы суевѣрныхъ людей хоть сколько-нибудь образованное общество, стоящее выше политеизма. Господствующею формою

мышления этого образованного общества естественно долженъ былъ сдѣлаться идеализмъ; знанія были слишкомъ мало еще распространены въ массахъ, чтобъ онѣ могли усвоить какую-нибудь форму мышления, болѣе высокую. Хотя при дворѣ нѣкоторые вельможи и зачитывались французскихъ философовъ того времени, но идеи этихъ философовъ были вовсе не по силамъ русскимъ читателямъ, не соответствовали широтѣ ихъ знаній и поэтому не могли ни на чемъ укорениться въ головѣ ихъ, а проскальзывали, оставляя мѣсто все тому же идеализму, къ которому приходили наши мыслители послѣ увлеченія своего французскими философами. Мистический идеализмъ во время Екатерины былъ господствующимъ міросозерцаніемъ образованного общества. Онъ увлекъ въ свои нѣдра лучшихъ людей своего времени. Идеализмъ этотъ выразился въ заимствованной съ Запада формѣ масонства, но тѣмъ не менѣе онъ совершенно соответствовалъ степени образованія и развитія нашего общества, такъ что можно сказать, что заимствована была съ Запада только форма; за содержаніемъ же не нужно было ходить на Западъ.

Идеализмъ Новикова и кружка его — былъ молодой, свѣжій, едва народившійся идеализмъ; онъ былъ далекъ еще тогда отъ своего выхода въ разочарованіе и отрицаніе. Онъ былъ полонъ вѣры и надежды. Масоны вѣрили, что безъ всякихъ реформъ общественной жизни, посредствомъ одного самоуглубленія и самовоспитанія можно будетъ достигъ того, что всѣ люди будутъ ангелы и на землѣ будетъ миръ, тишина и благоденствіе. Въ самомъ дѣлѣ: повидимому, стояло только, чтобы каждый человѣкъ въ силу воли производилъ самъ надъ собою нравственное воспитаніе, и не нужно тогда никакихъ внѣшнихъ преобразований: господинъ былъ бы гуманнѣйшимъ и нѣжнѣйшимъ отцомъ своихъ рабовъ, рабъ послушнѣйшимъ сыномъ, нѣжно любящимъ своего отца-господина и готовымъ для него на всякое самоотверженіе и проч.

Но уже въ романтизмѣ Жуковского, при всемъ его стремленіи къ идеально-слезявому примиренію, слышится какое-то недовольство, что-то надломленное и грустное. Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе и болѣе разрастается тоска, разочарованіе, скептицизмъ, и наконецъ въ сороковые годы идеализмъ окончательно вступилъ въ свою послѣднюю фазу. Ужасно и безвыходно казалось положеніе образованного человѣка въ сороковые годы. Вы представьте только себѣ, въ какомъ положеніи должна была находиться умственная лабораторія его. Съ одной стороны въ головѣ былъ страшный, безсвязный хаосъ, всевозможныхъ историческихъ, географическихъ, математическихъ фактовъ, вывубренныхъ по тощамъ учебникамъ на школьныхъ скамейкахъ: тутъ былъ и Киръ царь персидскій, и биномъ Ньютона, и самоѣды свавали на оленяхъ, и Атилла — и все это перепутывалось въ головѣ безъ всякой связи, системы, забывалось, опять выплывало въ памяти, Богъ вѣсть для чего, опять забывалось. Рядомъ

съ этимъ слѣдоваль радъ блестящихъ картинъ и образовъ, вычитанныхъ образованнымъ человѣкомъ изъ произведеній русской поэзіи: Кавказъ вставалъ передъ образованнымъ человѣкомъ со своими горами, ревущимъ Терекомъ и аулами, черепенка надала въ воду, Печоринъ стрѣлялъ на краю обрыва въ Грушицкаго, Онѣгинъ зѣвалъ среди бала, и Петръ Великій величественно стоялъ передъ войсками на полтавской битвѣ; всѣ эти образы бесплодно валялись, какъ запыленные картины на аукціонѣ, въ воображеніи образованнаго человѣка, и опять-таки Богъ вѣсть для чего нырли они въ этомъ воображеніи я вновь выплывали наружу и снова нырли. Читаль образованный человѣкъ Гоголя и вмѣстѣ съ нимъ смѣялся надъ пошлюю дѣйствительностію съ ея станціонными зрителями, будочниками и клопами, но какая же иная должна быть и можетъ быть дѣйствительность? задавалъ себѣ вопросъ образованный человѣкъ. Развертывалъ онъ въ новомъ номерѣ журнала передовую статью—тамъ толковалось образованному человѣку о гуманности, о честности, о правдѣ. Вдохновенный этими рѣчами, образованный человѣкъ бросался съ жаромъ въ жизнь, мечтая осуществить на дѣлѣ всѣ эти пламенные рѣчи; но въ жизни онъ встрѣчался снова со станціонными зрителями, клопами и будочниками и не было исходу изъ всего этого, не было силъ повернуть это все какъ нибудь иначе. Въ отчаяніи образованный человѣкъ бросался иногда въ науку, надѣясь въ ней найти утѣшеніе и отвѣты на всѣ свои мучительные вопросы. Но неподготовленный предварительнымъ образованіемъ и не заботясь о пополненіи этого образованія, образованный человѣкъ со своими скудными знаніями, внесенными изъ училища, бросался сразу въ какую-нибудь вѣмецкую философію и запутывался въ разныхъ абсолютныхъ, субъективностяхъ, объективностяхъ; онъ находилъ въ этой философіи туманныя формулы, опредѣляющія, что такое время, пространство, художественное творчество, религія, государство, какое отношеніе имѣетъ общество къ личности и личность къ обществу, на какихъ началахъ основаны наказанія за уголовныя преступленія; но не находилъ онъ во всемъ этомъ трансцендентальномъ сумбурѣ одного: что ему дѣлать со станціонными зрителями, клопами, будочниками по отношенію къ своимъ высокимъ идеаламъ, откуда набраться ему энергіи и силъ для борьбы со всѣмъ этимъ... Брался образованный человѣкъ за исторію и разомъ пускался читать Нибура, Грота, а еще лучше какую-нибудь средневѣковую латинскую хронику. Узнавалъ образованный человѣкъ изъ своего изученія, насколько достовѣренъ Титъ Ливій, гдѣ проходили, гдѣ останавливались дикіе германцы въ началѣ среднихъ вѣковъ; вычитывалъ онъ, что въ шесть тысячъ такомъ-то году бысть гладъ велиій въ Новѣ-городѣ и моръ на лошадей и бѣ на небѣ звѣзда съ хвостомъ—и все-таки не звалъ онъ, что дѣлать ему со своими станціонными зрителями, клопами и будочниками. Энергіи, энергіи, откуда хотите, да-

вайте мнѣ энергія! вопилъ образованный человѣкъ сороковыхъ годовъ, но энергія не сваливалась къ нему съ неба, а онъ не зналъ, что энергія вырабатывается только извѣстными условіями жизни, что безъ этихъ условій не выжмешь ее изъ себя никакими тисками. Чтѣ оставалось дѣлать образованному человѣку? Въ отчаяніи махнуть рукою на всѣ идеалы, отвергнуть ихъ, какъ несбыточные химеры, и углубиться въ созерцаніе какихъ-нибудь юсовъ или красотъ природы, искать забвенія въ этрусскихъ древностяхъ, или же окунуться въ омутъ обиденной, пошленькой дѣйствительности и начать заботиться о снисканіи разныхъ житейскихъ выгодъ и объ устройствѣ теплаго семейнаго угла.

Если вы хотите нагляднѣе удостовѣриться во всемъ этомъ, то вдумайтесь въ повѣсти и романѣ, которые писались въ то время, въ произведенія гг. Тургенева, Гончарова и Писемскаго, вы увидите какимъ горькимъ, безнадежнымъ отрицаніемъ проникнуто каждое произведеніе этихъ писателей. Только развѣ одинъ г. Гончаровъ хоть сколько-нибудь утѣшаетъ читателя, рекомендуя ему противъ взбѣлочнаго романтизма Александра Адуева бюрократическій реализмъ его дядюшки, а противъ барской распушенности Обломова — филистерскую дѣятельность Штольца. Но до чего не дошелъ въ своемъ отрицаніи г. Гончаровъ, до того дошелъ г. Писемскій: въ своемъ романѣ «Тысяча душъ», онъ представилъ намъ въ лицѣ Калиновича во всемъ истинномъ свѣтѣ ихъ и бюрократическій реализмъ, и филистерскую дѣятельность. Въ лицѣ Калиновича заключается отрицаніе той единственной дороги, которая представлялась въ то время людямъ жаждущимъ какого-нибудь дѣла, и это отрицаніе совершенно безусловное, за нимъ не предполагается какой-нибудь другой дороги и другой дѣятельности, а слѣдуетъ разочарованіе Калиновича, поселившагося послѣ своей шумной дѣятельности въ Москвѣ и предавшагося тамъ томленію праздної апатіи. За отрицаніемъ дѣятельности Калиновича слѣдуетъ отрицаніе ученой и художественной дѣятельности въ лицѣ Берсеньева и Шубина въ повѣсти г. Тургенева «Наканунѣ». Жалкими представилъ г. Тургеневъ эти двѣ личности рядомъ съ героическимъ типомъ Инсарова, но г. Тургеневъ въ этой повѣсти выставляетъ не одно только ничтожество Берсеньева и Шубина: онъ отрицаетъ все современное ему поколѣніе, говоря, что Инсаровыхъ у насъ нѣтъ, а есть только крикуны, да палки барабанныя, да переливатели изъ пустаго въ порожнее.

И такъ дѣятельность Калиновича отвергнута, дѣятельность Инсарова объявлена недоступною для такихъ ничтожностей, какъ мы, дѣятельность Берсеньева и Шубина представлена какимъ-то стремленіемъ забыться отъ гнетущей тоски, отъ мучительнаго сознанія собственнаго ничтожества. Чтѣ же оставлено на долю нашу? Семейная жизнь, счастье мужа и отца? Въ этой жизни писатели видѣли единственное прибѣжище и утѣшеніе послѣ отрица-

нія всего прочаго. Но нельзя сказать, чтобы и на этой почвѣ они особенно утѣшали читателя: во многихъ романахъ и повѣстахъ, они показали намъ всю непрочность этого единственнаго, послѣдняго утѣшенія. Уже не говоря о томъ, что вы должны быть Инсаровымъ, если хотите, чтобы васъ полюбила такая женщина, какъ Елена (а Инсаровыхъ у насъ нѣтъ, а есть только далки барабанья),—если полюбятъ васъ обывоченная женщина, и въ такомъ случаѣ развѣ не должны вы ждать ежедневно, что съ вами послѣдуетъ исторія въ родѣ той, какая описана въ «Фаустѣ» г. Тургенева, въ «Прятели», въ «Дворянскомъ гнѣзгѣ»; или вы сами разочаруетесь въ вашей женѣ, или она увлечется другимъ и придется вамъ проститься съ послѣднимъ вашимъ утѣшеніемъ. Такимъ образомъ предано было отрицанію все. Оставалось предать отрицанію послѣднее, что во всѣ времена было дорого человѣку: его жизнь, его личное существованіе на землѣ. Писатели 40-хъ годовъ не остановились и передъ этимъ. Можно привести бездну лирическихъ произведеній, въ которыхъ слышится господствующій мотивъ того времени, выраженный еще Пушкинымъ въ стихотвореніи:

«Даръ напрасный, даръ случайный,
Жизнь зачѣмъ ты мнѣ дана?
И зачѣмъ судьбою тайной
Мнѣ на казнь обречена?»

Но достаточно будетъ вспомнить то поразительное мѣсто въ романѣ «Наканунѣ», гдѣ г. Тургеневъ категорически ставитъ вопросъ: имѣемъ ли мы право на жизнь? Не есть ли преступленіе уже то, что мы живемъ, преступленіе, за которое мы должны нести наказаніе въ нашей жизни?

Можно ли было еще что-нибудь отрицать послѣ этого? Не были ли это послѣдніе, геркулесовы столбы отрицанія, до которыхъ только когда-либо доходилъ идеализмъ? Что оставалось послѣ этого, какъ не садиться, подобно стогамъ, въ теплыя ванны, чтобы сразу избавлять совѣсть свою отъ угрызения за преступленіе, которое, по мнѣнію г. Тургенева, называется жизнью? Такимъ образомъ все, что дорого и мило человѣку, не исключая самой жизни, было предано отрицанію тѣми самыми людьми, которые болѣе всего обвиняли и теперь обвиняютъ молодежь въ отрицаніи всего этого. Теоретически въ видѣ прекрасныхъ идеаловъ, все это признавалось; въ практическомъ же примѣненіи отрицалось во имя несостоятельности нашей пользоваться всѣмъ этимъ.

Послѣдніе десять лѣтъ представляются годами не однѣхъ только общественныхъ реформъ и рѣшенія вопросовъ практической жизни. Напротивъ того, если мы возьмемъ всѣ тѣ вопросы, которые были подняты въ это время: вопросъ о народномъ самоуправленіи, о лучшихъ способахъ накопленія и распредѣленія народныхъ богатствъ, о народномъ образованіи, воспитаніи, са-

неостоятельности женщинъ, разумномъ устройствѣ семейнаго быта,—всѣ эти вопросы были только подняты и едва сдѣланы кое-какія первыя попытки къ рѣшенію ихъ; и было бы смѣшно ожидать, чтобы въ 10 лѣтъ окончательно были приведены къ рѣшенію вопросы, для которыхъ требуются цѣлыя столѣтія народной жизни. Достаточно того, что въ эти 10 лѣтъ былъ открытъ и начертанъ тотъ вѣрный и несомнѣнный путь, который одинъ только можетъ повести къ рѣшенію всѣхъ этихъ вопросовъ. Этому открытію вѣрнаго пути мы обязаны тому новому міросозерцанію, которое было внесено въ наше общество, и распространенію котораго составляетъ главную сущность нашей жизни въ послѣднее время. Эпоху, которую мы переживаемъ, можно сравнить съ эпохою *renaissance*, съ первою половиною XVIII вѣка во Франціи, съ эпохою *Sturm und Drang* въ Германіи. Въ подобныя эпохи подвергаются перизслѣдованію всѣ элементы человѣческой природы и общественной жизни, но перизслѣдованіе это совершается не видѣ одного безусловнаго отрицанія; отрицается только старое, отжившее, что и безъ того уже подвергло само себя отрицанію смерти; рядомъ же съ этимъ отрицаніемъ возникаетъ цѣлый рядъ новыхъ идей, новыхъ надеждъ и новыхъ требованій отъ жизни. Самое названіе новаго міросозерцанія,—не та пошлая кличка невѣжественной толпы, подъ которою это міросозерцаніе извѣстно у насъ, а названіе, подъ которымъ извѣстно оно на Западѣ, названіе *реальной и положительной философіи*, показываетъ, что сущность его заключается вовсе не въ отрицаніи, а въ утвержденіи положительныхъ взглядовъ на природу и на жизнь. Новое міросозерцаніе получило такое названіе потому, что оно основывается на выводахъ положительныхъ наукъ; но еще справедливѣе было бы назвать его положительнымъ, въ противоположность идеалистическому міросозерцанію, которое по отношенію къ нему является поистинѣ отрицательнымъ.

Положительное міросозерцаніе, отвергая всякія дуалистическія теоріи, владеть въ основаніе свое нераздѣльное единство, какъ природы вообще, такъ и человѣческой природы въ отдѣльности. Съ этой точки зрѣнія прогрессъ основывается не на личномъ стремленіи каждаго человѣка къ недостижимымъ идеаламъ, вложеннымъ въ голову человѣка прежде его рожденія, а на взаимодѣйствіи многихъ силъ природы, совокупное дѣйствіе которыхъ производитъ тотъ безконечный процессъ жизни, который и звѣстень подъ названіемъ прогресса. Это положеніе новаго міросозерцанія и составляетъ исходную точку изъ того безплоднаго отрицанія, до котораго додумался идеализмъ. Въ самомъ дѣлѣ: разъ мы удостовѣрились, что прогрессъ, т.-е. усовершенствованіе рода человѣческаго, моральное и физическое, зависитъ отъ тѣхъ или другихъ условій жизни, а не отъ идеальнаго стремленія къ недостижимымъ идеаламъ, мы нашли переправу черезъ пронасть, отдѣляющую дѣйствительность отъ утопій, и вмѣсто

того, чтобы вечно стонать о ничтожности силъ человѣка для совершенія гигантскаго скачка, намъ остается поискать досокъ и бревенъ для постройки прочнаго моста. Объяснимъ это нагляднымъ примѣромъ: что можетъ быть ужаснѣе того положенія идеализма, когда онъ, вѣчно стремясь къ прекрасному, находилъ постоянно, что прекрасное въ жизни человѣческой большаго рѣдкости, является въ видѣ исключенія, и утѣшался только тѣмъ, что отрѣшаясь отъ реальной дѣйствительности, уносился въ область искусства, гдѣ созерцалъ прекрасное въ его идеальномъ видѣ. Положительное міросозерцаніе находитъ, что прекрасное есть созданіе тѣхъ или другихъ благопріятныхъ условій жизни.

Такъ, напримѣръ, итальянцы или греки прекрасны въ болшинствѣ своемъ не столько вслѣдствіе какого-либо врожденнаго стремленія къ прекрасному, сколько подъ вліяніемъ благопріятныхъ условій климата и мѣстности, въ которыхъ они обитаютъ; сѣверныя страны Европы не заключаютъ въ себѣ столько естественныхъ условій для произведенія прекрасныхъ типовъ, какъ южныя, но тѣмъ не менѣе и въ сѣверной Европѣ мы видимъ, что прекрасные типы являются чаще и совершеннѣе тамъ, гдѣ условія жизни благопріятствуютъ тому: въ обезпеченныхъ классахъ вы чаще встрѣтите красивыхъ людей, чѣмъ въ массахъ рабочаго класса. Изъ этого слѣдуетъ прямой выводъ, что вмѣсто того, чтобы плакать о скудости прекраснаго въ нашей жизни и ѣздить въ Италію, чтобы тамъ въ созерцаніи прекраснаго забиваться отъ безобразія нашей дѣйствительности, не естественнѣе-ли и не умнѣе-ли подумать о созданіи такихъ условій жизни, при которыхъ прекрасное явилось бы на каждомъ шагѣ само собою безъ всякихъ идеальныхъ стремленій къ нему. Спрашивается теперь, въ какомъ міросозерцаніи вы видите отрицаніе прекраснаго: въ томъ ли, которое признаетъ прекрасное только въ идеалѣ и отвергаетъ возможность полнаго осуществленія его въ дѣйствительности, или наоборотъ въ міросозерцаніи, которое говоритъ, что воображеніе человѣка безсильно создать такіе полные и совершенные типы прекраснаго, которые на каждомъ шагѣ могутъ проявляться въ жизни, если люди позаботятся о пріисканіи благопріятныхъ условій для развитія этихъ типовъ? Какъ отнеслась положительная философія къ прекрасному, такъ точно отнеслась она ко всѣмъ прочимъ элементамъ чело-вѣческой природы—къ нравственности общественной, семейной и личной, къ наукѣ и искусствамъ. Во всемъ она поставила на первый планъ заботу о развитіи общаго благосостоянія,—видя, что отъ него прежде всего и болѣе всего зависятъ всѣ тѣ нравственныя и физическія совершенства, о которыхъ такъ долго и такъ бесплодно сѣтовали идеалисты. Но полагать вѣрный и положительный путь къ достиженію различныхъ идеаловъ значить-ли отрывать самые идеалы? Положительная философія говоритъ людямъ: вы хотите быть счастливыми и совершенными; позаботь-

тесъ же прежде всего, чтобы среди васъ не было нищихъ и голодныхъ; тогда истина, правда, любовь и поэзія потекутъ обильною струею въ вашей жизни. Неужели въ этихъ словахъ заключается отрицаніе истины, правды, любви и поэзіи? Но темный, полуневѣжественный идеализмъ въ этомъ-то именно и увидѣлъ бѣдну отрицанія. Ему показалось обиднымъ, что новое міросозерцаніе на первый планъ ставитъ матеріальное благосостояніе, а не тѣ радужныя мечты, которыми утѣшалъ себя идеализмъ и осуществленіе которыхъ въ реальной дѣйствительности онъ самъ такъ упорно всегда отрицалъ и до сихъ поръ продолжаетъ отрицать. Въ признаніи зависимости моральныхъ качествъ человѣка отъ его матеріальнаго благосостоянія идеализмъ увидѣлъ отрицаніе всякихъ духовныхъ стремленій и низведеніе человѣка въ міръ бессловесныхъ животныхъ, заботащихся только объ удовлетвореніи потребностей низкой чувственности.

III.

Послѣ перваго увлеченія новыми вопросами и новыми реформами, общаго восторга и ликованія, въ которомъ безразлично смѣшивались люди всѣхъ направленій, всѣхъ партій и всѣ наперерывъ либеральничали другъ передъ другомъ, отрекаясь отъ всего стараго, послѣ того шумнаго и разгульнаго времени, когда каждая напыщенная риторика на кафедрѣ университета или на торжественномъ обѣдѣ вызывала громы рукоплесканій, когда на литературныхъ вечерахъ стоило поэту прокричать что-нибудь въ родѣ: «Впередъ, — назадъ мы не пойдемъ» или «Настало время пробужденія», — чтобы прослыть поэтомъ гражданскихъ чувствъ, когда громить взяточниковъ и обличать станovýchъ значило спасать Россію, послѣ этого момента всеобщаго плясанья и кувирванья, ликующіе внезапно оглянулись вокругъ себя, и вдругъ свѣчи пира начали меркнуть, музыка заиграла подъ сурдинкой и многіе изъ бѣсновавшихся съ смущеніемъ начали удаляться съ арены, прятаться по угламъ и, сердобольно вздыхая, шептать: «что это мы такое дѣлали? Съ кѣмъ это мы плясали!.. Съ какими-то мальчишками, гимназистами! Прилично ли это нашему званію, нашимъ лѣтамъ, нашей солидности!» Это смущенное отшествіе въ углы многихъ изъ дѣятелей того времени, въ томъ числѣ и большинства нашихъ беллетристовъ — совпадаетъ съ началомъ реакціи въ общемъ теченіи дѣлъ и характеризуетъ собою начало 60-хъ годовъ. Явленіе это весьма естественно: въ первыя минуты общаго восторга и ликованія идеалисты добраго стараго времени нисколько не подозрѣвали, что новое время, которое они привѣтствуютъ, есть время зарожденія новаго міросозерцанія, діаметрально противоположнаго ихъ старымъ міровоззрѣніямъ. Они ликовали, думая, что сидятъ на своемъ собственномъ пиру, что мѣняются два, три старыя учрежденія, а нисколько не ихъ старыя теоріи и взгляды, и что нѣсть конца

ихъ царствію! Но когда новое міросозерпаніе выяснилось и опредѣлилось, когда оно начало подвергать своему безошадному анализу всѣ обожаемые кумиры идеалистовъ, они опомнились, увидѣли, что праздникъ былъ вовсе не на ихъ улицѣ, и тогда начался всеобщій воллъ и протестъ противъ новыхъ идей, о которыхъ протестующіе, какъ мы сейчасъ увидимъ, не имѣли ни малѣйшаго понятія.

Въ области беллетристики первымъ протестомъ противъ новыхъ идей былъ романъ г. Тургенева «Отцы и дѣти».

Романъ этотъ отличается отъ другихъ того же рода произведеній тѣмъ, что онъ преимущественно философскій. Онъ мало касается какихъ-либо общественныхъ вопросовъ своего времени. Главная цѣль его—поставить рядомъ другъ передъ другомъ философію отцовъ и философію дѣтей и показать, что философія дѣтей противна человѣческой природѣ и потому не можетъ быть примѣнима въ жизни.

Задача романа, какъ вы видите, очень серьезная: для выполненія ея автору слѣдовало бы научить добросовѣстно и безпристрастно объ системы міросозерпанія и тогда только приступить къ какимъ-либо выводамъ. Но на первыхъ же страницахъ вы видите, что авторъ лишень всякой умственной подготовки къ выполненію цѣли своего романа; онъ не только не имѣетъ никакого понятія о системѣ новой положительной философіи, но и о старыхъ, идеалистическихъ системахъ имѣетъ понятія самыя поверхностныя, ребяческія. Для доказательства этого достаточно выписать изъ романа слѣдующее мѣсто:

«— Что такое Вазаровъ? Аркадій усмѣхнулся.

— Хотите, дядюшка, я вамъ скажу, что онъ собственно такое.

— Сдѣлай одолженіе, племянничекъ.

— Онъ нигилистъ».

(Мы ужъ не будемъ говорить о той поэтической наивности, съ которою г. Тургеневъ, ту кличку для молодого поколѣнія, которая, какъ извѣстно, никогда не употреблялась въ этомъ смыслѣ до появленія романа, вложилъ въ уста человѣка молодого же поколѣнія. Это очень напоминаетъ намъ одну изъ раскольничьихъ пѣсней, въ которой царь Алексѣй Михайловичъ, послыавъ войско на раскольниковъ, говоритъ: «ступайте бить вѣру правую, защищайте мою вѣру ованную». Но будемъ продолжать далѣе):

«— Какъ? спросилъ Николай Петровичъ, а Павелъ Петровичъ поднялъ на воздухъ ножъ съ кускомъ масла на концѣ лезвья, и остался неподвиженъ.

— Онъ нигилистъ, повторилъ Аркадій.

— Нигилистъ, повторилъ Николай Петровичъ. Это отъ латинскаго nihil, ничего, сколько я могу судить, стало быть это слово означаетъ человѣка, который... который ничего не признаетъ?

— Скажи: который ничего не уважаетъ, подхватилъ Павелъ Петровичъ, и снова принялся за масло.

— Который ко всему относится съ критической точки зрѣнія, замѣтилъ Аркадій.

— А это не все равно? спросилъ Павелъ Петровичъ.

— Нѣтъ, не все равно. Нигилистъ, это человѣкъ, который не склоняется ни передъ какими авторитетами, который не принимаетъ ни одного принципа на вѣру, какимъ бы уваженіемъ ни былъ окруженъ этотъ принципъ.

— И что-жь, это хорошо? перебилъ его Павелъ Петровичъ.

— Смотри какъ кому, дядюшка. Иному отъ этого хорошо, а иному очень дурно.

— Вотъ какъ. Ну, это, я вижу, не по нашей части. Мы, люди стараго вѣка, полагаемъ, что безъ принциповъ (Павелъ Петровичъ выговаривалъ это слово мягко, на французскій манеръ; Аркадій, напротивъ того, произносилъ «принципъ», налегая на первый слогъ), безъ принциповъ, принятыхъ, какъ ты говоришь, на вѣру, шагу ступить, дохнуть нельзя. Vous avez changé tout cela, дай вамъ Богъ здоровья и генеральскій чинъ, а мы только любоваться вами будемъ, господа... какъ бишь?

— Нигилисты, отчетливо проговорилъ Аркадій.

— Да. Прежде были гегелисты, а теперь нигилисты. Посмотримъ, какъ вы будете существовать въ пустотѣ, въ безвоздушномъ пространствѣ...»

И такъ, вотъ что такое, по мнѣнію героевъ романа, нигилисты: это люди, которые ко всему относятся съ критической точки зрѣнія, не принимаютъ ничего на вѣру и потому они должны существовать въ безвоздушномъ пространствѣ и производить свое названіе отъ латинскаго слова nihil, что значитъ ничего... Ну, подумайте, пожалуйста, есть ли хоть одна капля, не скажу философскаго, просто здраваго смысла въ этомъ сумбурѣ. Одно только, что видно здѣсь, это крайнее, дѣтское невѣжество, которому совершенно невѣстенъ ходъ развитія европейской мысли. Это невѣжество не знаетъ, что отношеніе ко всему съ критической точки зрѣнія вовсе не составляетъ какой-либо новости, которую можно было бы назвать сущностью новаго міросозерцанія. Эта новость существуетъ уже со временъ Бекона и Декарта, и съ ихъ времени никто уже и не спорить о томъ, что каждый мало-мальски мыслящій человѣкъ долженъ относиться ко всему критически. Споры европейскіхъ идеалистовъ съ реалистами заключаются вовсе не въ томъ, слѣдуетъ ли относиться ко всему критически или нѣтъ; споръ идетъ объ основаніяхъ критическаго отношенія къ вещамъ: идеалисты говорятъ, что такое отношеніе можетъ быть основано на апріорическихъ началахъ чистаго разума, а реалисты строятъ его не иначе, какъ на началахъ индуктивныхъ изслѣдованій; но обѣ школы нисколько не сомнѣваются въ томъ, что на то и данъ человѣку разумъ, чтобы относиться ко всему критически. Такимъ образомъ съ точки зрѣнія героевъ романа, нигилистами слѣдуетъ назвать не однихъ только послѣдователей положительной философіи, а и гегелистовъ, и

шелленгистовъ, и кантистовъ, и спинозистовъ, однимъ словомъ всѣхъ европейскихъ мыслителей включая Векона и Декарта. Курьезнѣе всего здѣсь, между прочимъ, то, что Павелъ Петровичъ противопоставляетъ критическое отношеніе къ вещамъ и принципамъ, полагая, что принципы суть непремѣнно нѣчто принятое на вѣру, безъ всякой провѣрки критикой. Но почему же тотъ же самый принципъ не можетъ быть принятъ на критическихъ основаніяхъ? Да и при какихъ условіяхъ человѣкъ будетъ стоять на болѣе твердой почвѣ: тогда ли, когда онъ будетъ слѣдовать въ жизни какому-либо принципу, слѣпо принятому на вѣру, или когда онъ этотъ самый принципъ провѣритъ на основаніи какихъ-либо критическихъ данныхъ. Я, напримѣръ, слѣдую принципу: не дѣлать вреда ближнему; неужели же меня можно назвать нигилистомъ и я буду обитать въ безвоздушномъ пространствѣ, если я буду *знать* на основаніи такихъ-то и такихъ-то данныхъ, что не слѣдуетъ вредить ближнему? Напротивъ того, я скорѣе буду стоять гдѣ-то въ облакахъ, если я не буду дѣлать вреда ближнему, не отдавая себѣ отчета въ этомъ, потому только, что другіе уважаемые мною люди посовѣтовали мнѣ поступать такимъ образомъ. И въ послѣднемъ случаѣ меня скорѣе можно будетъ назвать нигилистомъ, чѣмъ въ первомъ. Вообще, производя нигилизмъ отъ латинскаго слова nihil, т.-е. ничего, гораздо было бы правильнѣе называть нигилистами людей, у которыхъ ничего нѣтъ въ головѣ, ни одной мысли, провѣренной собственной критикой, кромѣ принятыхъ на вѣру кирсановскихъ принциповъ.

Вы могли бы смѣяться надъ одними героями романа, читая ихъ сумбурныя разсужденія о молодомъ поколѣніи, еслибы весь строй романа, какъ мы увидимъ ниже, не былъ основанъ на этихъ же самыхъ разсужденіяхъ. Это показываетъ, что г. Тургеневъ въ рѣчахъ Павла и Николая Петровичей представляетъ не одни только ихъ взгляды, а и свои собственные. Но намъ станетъ не до смѣху уже, какъ подумаемъ, что цѣлое общество повѣрило г. Тургеневу, что относится ко всему критически — это нѣчто совершенно новое въ Европѣ, появившееся недавно послѣ уже гегелизма, и что это новое — очень опасное и ужасное, потому что относится ко всему критически — значитъ отвергать всякіе принципы, обитать въ безвоздушномъ пространствѣ и быть нигилистомъ. Слово «нигилизмъ» сдѣлалось вездѣсущимъ, и какъ всякое произвольное, неопредѣленное названіе, совершенно нехарактеризующее предмета, къ которому относится, въ устахъ невѣжественной толпы оно сдѣлалось еще произвольнѣе и неопредѣленнѣе. Подъ конецъ подъ словомъ «нигилизмъ» начали подразумѣвать нѣчто фантастическое и невозможное, какое-то нравственное и физическое квазимодо, существующее только въ разстроенномъ воображеніи, въ родѣ тѣхъ центавровъ и крылатыхъ звѣрей, которыми наполнены миры младенческихъ народовъ. Такова же была судьба со сло-

вомъ «фармазонъ» въ прошломъ столѣтїи: первоначально оно начало члена масонскаго общества, а впоследствии чуть не крестились отъ ужаса при упоминанїи этого слова.

Такое явленіе есть прямое слѣдствіе той скудости образованности, которую вынесло наше общество изъ своего прошлаго и въ которомъ оно до сихъ поръ коснѣеть. Предположимъ, что новое міросозерцаніе основано на совершенно ложныхъ началахъ и дѣйствительно не можетъ повести ни къ чему хорошему, — во всякомъ случаѣ, чтобы отнестись критически къ какой-нибудь философской системѣ и отвергнуть ее, надо знать ее во всѣхъ ея положенїяхъ. Въ представленїи же этой философіи въ видѣ школы древнихъ скептиковъ, въ приписанїи ей какихъ-то безусловныхъ отрицанїй и въ обозванїи ея нигилизмомъ замѣчается совершенное незнаніе ея.

Задавшись мыслью, что молодежь по своему новому міросозерцанію должна непременно все отрицать, г. Тургеневъ не только отцовъ заставляетъ разсуждать объ отрицанїи дѣтей, но и въ уста дѣтей вкладываетъ фразы въ родѣ слѣдующихъ:

«— Мы дѣйствуемъ въ силу того, что мы признаемъ полезнымъ, промолвилъ Базаровъ. — *Въ теперешнее время полезнее всего отрицаніе, — мы отрицаемъ.*

— Все?

— *Все.*

— Какъ? не только искусство, поэзію... но и... страшно вымолвить.

— *Все, съ невыразимымъ спокойствіемъ, повторилъ Базаровъ.*

Въ другомъ мѣстѣ вы читаете курьезъ еще лучше этого:

— Полно, Евгенийъ... послушать тебя сегодня, поневолѣ согласишься съ тѣми, которые упрекаютъ насъ въ отсутствїи принциповъ.

— Ты говоришь, какъ твой дядя. *Принциповъ вообще нѣтъ, ты объ этомъ не догадался до сихъ поръ! — а есть ощущенїя. Все отъ нихъ зависитъ.*

— Какъ такъ?

— Да такъ-же. Напримѣръ я; я *придерживаюсь отрицательнаго направленїя — въ силу ощущенїй.* Мнѣ прїятно отрицать, мой мозгъ такъ устроенъ — и basta! Отчего мнѣ нравится химїя? Отчего ты любишь яблоки? тоже въ силу ощущенїя. Это все едино. Глубже этого люди никогда не проникнуть. Не всякій тебѣ это скажетъ, да и я въ другой разъ тебѣ этого не скажу.

— Что-жь, и честность ощущенїе?

— Еще бы!

— Евгенийъ... началъ печальнымъ голосомъ Аркадія.

— А? что? Не по вкусу? перебилъ Базаровъ.

— Нѣтъ, братъ! *Рышлася все косить — валдай и себя по нозамъ!...*

Г. Тургеневъ слышалъ гдѣ-то стороною, что новое міросозерцаніе ставить въ основаніе всѣхъ психологическихъ явленїй
Т. СLXXX. — Отд. II.

ощущенія, и вывелъ изъ этого какимъ-то образомъ, что выводить все изъ ощущеній, это значить все отрицать, косить и валять себя по ногамъ. Г. Тургеневъ никакъ не могъ сообразить, что отвергая честность какъ врожденную идею, вложенную въ человека до его рожденія, и признавая ее, какъ ощущеніе, положительная философія нисколько не отрицаетъ этимъ честности, равно какъ и другихъ принциповъ. Все дѣло касается здѣсь не самой честности, а ея происхожденія, и Базаровъ, какъ человекъ новаго міросозерцанія, не имѣлъ никакого повода, приступая къ этому философскому вопросу, воображать, что онъ этимъ валяется себя по ногамъ и отрицаетъ принципы. Здѣсь г. Тургеневъ субъективенъ такъ же, какъ и въ рѣчахъ Кирсановыхъ: въ уста молодого поколѣнія онъ влагаетъ такіа понятія о новомъ міросозерцаніи, которыя сложились въ его собственной художественной головѣ, лишенной всякаго философскаго развитія. Если бы г. Тургеневъ снизошелъ съ своего Парнаса и взглянулъ поближе на молодое поколѣніе, то въ жизни, въ дѣйствительности, онъ увидѣлъ бы, что молодежь не только не отрицаетъ честности, а напротивъ того шагу не можетъ ступить безъ того, чтобы разъ двадцать не повторить этого слова, при всякомъ удобномъ случаѣ.

Но не только различныя разсужденія и споры героевъ, весь романъ построенъ не на основаніяхъ наблюденій надъ живою дѣйствительностью, а на чисто апіоричныхъ началахъ. Задавшись тою идеею, что молодежь все отрицаетъ, г. Тургеневъ вознамѣрился показать на Базаровѣ, что подобное безусловное отрицаніе противно человѣческой природѣ и что природа дѣйствуетъ своимъ путемъ, развивая въ человѣкѣ побужденія, чувства и страсти совершенно въ противорѣчіе теоріи его, отрицающей всѣ эти явленія. Базаровъ ничего не видѣлъ въ любви кромѣ минутнаго удовлетворенія чувственности, и смѣялся надъ проявленіями любви болѣе серьезными, называя такіа проявленія отжившимъ романтизмомъ, а самъ любилъ не на шутку Одинцову и не могъ никакъ сладить съ собой. Базаровъ отвергалъ дуэли и смѣялся надъ ними, какъ надъ рыцарскими затѣями, а какъ дѣло дошло до встрѣчи съ ненавистнымъ человекомъ и отсутствія своей чести, онъ согласился драться съ Павломъ Петровичемъ безъ всякихъ колебаній.

Мы не будемъ распространяться объ исторіи дуэли, такъ-какъ это не болѣе, какъ вставной эпизодъ въ романѣ, и эпизодъ развитый очень слабо: г. Тургеневу не удалось произвести ни малѣйшей иллюзіи въ читателѣ, такъ, чтобы вы видѣли передъ собою людей, которымъ, дѣйствительно, только и оставалось, что уничтожить другъ друга; съ самаго начала до конца этой исторіи вамъ кажется, что это люди больше ничего, какъ на досугѣ тѣшатся, играя пистолетными, какъ дѣти. Мы займемся лучше исторіей базаровской любви, составляющей главное содержаніе романа.

Базаровъ, какъ и слѣдовало по мнѣнiю г. Тургенева, всеотрицающему нигилисту, не видящему въ любви ничего, кромѣ чувственности, похвалилъ въ Одинцовой первоначально одни плечи, и выразился о ней, что она третiй валачь; но потомъ онъ и самъ ее замѣтилъ, какъ разгорѣлось въ немъ болѣе серьезное чувство, котораго онъ никакъ не ожидалъ и не желалъ:

«Настоящею причиною всей этой «новизны» было чувство, внушенное Базарову Одинцовой, чувство, которое его мучило и бѣсило, и отъ котораго онъ тотчасъ отказался бы съ презрительнымъ хохотомъ и циническою бравью, еслибы кто-нибудь, хотя отдаленно, намекнулъ ему на возможность того, что въ немъ происходило. Базаровъ былъ великiй охотникъ до женщинъ и до женской красоты, но любовь въ смыслѣ идеальномъ или, какъ онъ выразился, романтическомъ, называлъ белибердой, непростительною дурью, считалъ рыцарствiя чувства чѣмъ-то въ родѣ уродства или болѣзни, и не однажды выражалъ свое удивленiе, почему не посадили въ Желтый домъ Тоггенбурга со всѣми миннезенгерами и трубадурами? «Нравится тебѣ женщина», говаривалъ онъ, «старайся добиться толку; а нельзя — ну, не надо, отвернись — земля не клиномъ сошлась». Одинцова ему нравилась; распространенные слухи о ней, свобода и независимость ея мысли, ея несомнѣнное расположенiе къ нему — все, казалось, говорило въ ея пользу; но онъ скоро понялъ, что съ ней не добьешься толку, а отвернуться отъ нея, онъ, къ изумленiю своему, не имѣлъ силъ. Кровь его загоралась, какъ только онъ вспоминалъ о ней; онъ легко сладилъ бы со своею кровью, но что-то другое въ него вселилось, чего онъ никакъ не допускалъ, надъ чѣмъ всегда трунилъ, что возмущало всю его гордость. Въ разговорахъ съ Анной Сергѣевной онъ еще больше прежняго высказывалъ свое равнодушное презрѣнiе ко всему романтическому; а оставшись наединѣ, онъ съ негодованiемъ сознавалъ романтика въ самомъ себѣ. Тогда онъ отправлялся въ лѣсъ и ходилъ по немъ большими шагами, ломая попадавшiяся вѣтви, и браня въ полголоса и ее, и себя; или забирался на сѣноваль, въ сарай, и упрямо закрывалъ глаза, заставлялъ себя спать, что ему, разумѣется, не всегда удавалось. Вдругъ ему представится, что эти цѣломудренныя руки когда-нибудь обовьются вокругъ его шеи, что эти гордыя губы отвѣтятъ на его поцалуй, что эти умные глаза съ нѣжностью — да, съ нѣжностью — остановятся на его глазахъ, и голова его закружится, и онъ забудется на мигъ, пова опять не вспыхнетъ въ немъ негодованiе. Онъ ловилъ самого себя на всякаго рода «постыдныхъ» мысляхъ, точно бѣсъ его дразнилъ. Ему казалось иногда, что и въ Одинцовой происходитъ перемѣна, что въ выраженiи ея лица проявлялось что-то особенное, что, можетъ быть... Но тутъ онъ, обыкновенно, топалъ ногою или скрежеталъ зубами и грозилъ себѣ кулакомъ».

Въ этой борьбѣ Базарова съ самимъ собою, въ борьбѣ тео-

ринъ съ природою — заключается вся, такъ-сказать, пропія романа, которую г. Тургеневъ проводитъ до конца, заставляя Базарова потѣшаться надъ своею любовью даже на смертномъ одрѣ:

«Ну, что жь мнѣ вамъ сказать... Что я любилъ васъ? *это и прежде не имѣло никакого смысла, а теперь, подавно. Любовь — форма, а моя собственная форма уже разлагается.* Скажу я лучше, что какая вы славная! И теперь вотъ вы стоите, такая красивая...»

Вся эта пропія была бы совершенно умѣстна, еслибы г. Тургеневъ имѣлъ цѣлю изобразить аскета, борющагося со своею природою, или разочарованнаго идеалиста въ родѣ Онѣгина, который, какъ извѣстно, по полученіи письма Татьяны, подавилъ въ себѣ возникшее-было увлеченіе, чтобы выдержать до конца свое скептическое отношеніе къ жизни. Средневѣковой аскетъ и разочарованный Онѣгинъ — это два вида одного и того же идеализма, и какъ мы видимъ, отрицаніе любви свойственно вполнѣ тому старому міросозерцанію, за которое ратуетъ Тургеневъ, и которое, хотя и признавало любовь въ высокому идеалѣ, но приводило постоянно человѣка къ отрицанію ея въ жизни. Приписывать же новому міросозерцанію отрицаніе любви, какъ это дѣлаетъ г. Тургеневъ — чистая нелѣпость. Правда, новое міросозерцаніе не признаетъ любви, какъ особенной субстанции, существующей внѣ человѣка и влагающейя въ человѣка при его зачатіи или рожденіи. Новое міросозерцаніе выводитъ любовь, какъ и всѣ психическія явленія — изъ ощущеній. Но выводитъ любовь изъ ощущеній, вовсе не значитъ отрицать любовь или же низводитъ ее на степень минутныхъ чувственныхъ наслажденій. Еслибы г. Тургеневъ опять-таки потрудились снизить со своего Парнасса и посмотреть, что дѣлается въ жизни, онъ встрѣтилъ бы въ дѣйствительности не мало людей, воспринявшихъ новое міросозерцаніе, которые испытываютъ сильныя и глубокія привязанности, и не видятъ въ этомъ ни капли противорѣчія со своими идеями. Правда, они не считаютъ любви высшею своею цѣлю жизни, неизрѣченнымъ и необъяснимымъ таинствомъ, фатумомъ, заравѣе предѣствующимъ влеченіе двухъ сердець. Они смѣются надъ всѣми этими романтическими бреднями; но смѣяться надъ взглядами романтиковъ на любовь, это вовсе не значитъ смѣяться надъ самою любовью. Если Базаровъ, дѣйствительно, человѣкъ поваго міросозерцанія, то въ немъ рѣшительно немислима борьба съ самимъ собою изъ-за любви. Если же г. Тургеневъ заставилъ Базарова бороться, то въ этомъ отношеніи авторъ поступилъ совершенно апріорично, выведя эту борьбу изъ своей ложной идеи о міросозерцаніи молодого поколѣнія. Базаровъ могъ бороться со своею страстью, но не вслѣдствіе какихъ-либо отвлеченныхъ теорій, отрицающихъ любовь, а изъ причинъ чисто-реальныхъ, которыя, въ дѣйствительности, не рѣдко заставляютъ людей бороться со своими чувствами. Очень часто случается, что какая-либо страсть,

слѣпо повинувась своимъ естественнымъ зяконамъ, загарается въ челоуѣкѣ помимо всѣхъ доводовъ разсудка. Базаровъ могъ влюбиться въ Одинцову, и въ то же время сознавать, что эта барыня, избѣженная комфортомъ, цѣнящая выше всего спокойствіе, и ради сохраненія этого спокойствія, не рѣшающаяся пошевелить пальчикомъ, совершенно не годится быть ни его женою, ни любовницею; онъ могъ вслѣдствіе этого смотрѣть на свою страсть, какъ на слѣпую, глупую, лишенную всякихъ разумныхъ основаній и потому унижающую его; но борьба противъ такой страсти не была бы борьбою во имя какой-либо отвлеченной теоріи: это была бы чисто-жизненная борьба, достойная Базарова и достойная вѣсти талантливаго художника; но г. Тургеневъ ни въ одномъ мѣстѣ своего романа [и тѣни намека не сдѣлалъ на подобнаго рода борьбу, а повсюду на первомъ планѣ вы видите Базарова, борющагося со своею любовью только потому, что онъ считаетъ любовь белибердою и романтизмомъ.

Но читатель можетъ сдѣлать мнѣ вотъ какое возраженіе относительно Базарова: я обвиняю идеалистовъ въ томъ, что они не поняли новаго міросозерцанія, увидѣвши въ немъ сплошной рядъ безусловныхъ отрицаній, и объясняю это непониманіе плохимъ образованіемъ нашего общества, скудостью знаній и логическаго развитія мысли — выносимому нами изъ нашего воспитанія. Но вѣдь подобная причина приложима не къ однимъ идеалистамъ, а вообще ко всей массѣ нашего общества. Вѣдь не въ особенныхъ же школахъ учились идеалисты, не понавѣвшие новаго міросозерцанія. Молодѣжь училась въ тѣхъ же училищахъ и по такимъ же жиденькимъ учебникамъ. Многіе молодые люди могли точно также не понять новаго міросозерцанія, какъ и старики, хотя и отнеслись къ нему сочувственно. Всосавши съ молокомъ матерей и воспринявши въ дѣтскіе годы порядочную дозу идеализма, — они могли, подобно отцамъ, увидѣть въ новомъ міросозерцаніи рядъ безусловныхъ отрицаній и отпустить въ своемъ увлеченіи трескучія фразы, вложенныя г. Тургеневымъ въ уста Базарова и Кирсанова, въ родѣ того, что мы, молъ, все отрицаемъ, мы ломаемъ, мы сила и пр. Очень можетъ быть, что г. Тургеневъ, въ лицѣ своихъ молодыхъ героевъ, желалъ представить вовсе не людей новаго міросозерцанія, а тѣхъ недоучившихся баричей, которые слышали только, что въ какомъ-то приходѣ звонятъ, но не знаютъ гдѣ, и которые щеголяютъ фразами дешеваго отрицанія, не изъ внутренней потребности, вынесенной изъ жизненнаго опыта, а изъ щегольства этимъ отрицаніемъ, изъ желанія порисоваться имъ, да изъ-за того еще, что у нихъ кровь кипитъ и силъ избытокъ? Очень можетъ быть, что г. Тургеневъ изобразилъ именно тѣхъ рыцарей, которые, какъ это было въ прежнее время, такъ и теперь, съ невѣроятною легкостью переходятъ отъ щеголеватаго отрицанія къ весьма нещеголеватому примиренію съ самою пошленькою

дѣйствительностью. И развѣ среди подобнаго рода рыцарей нельзя встрѣтить такихъ, которые способны отнестись къ любви такъ же, какъ отнесся къ ней Базаровъ, те-естъ бороться съ нею не вслѣдствіе какихъ-либо разумныхъ основаній, а просто потому, что по якомъ мнѣнію, новыя идеи отвергаютъ любовь, какъ романтизмъ и белиберду? Г. Тургеневъ могъ встрѣтить въ жизни двухъ-трехъ рыцарей подобнаго рода, и такимъ образомъ, онъ вовсе не априорично вывелъ отношеніе своихъ юныхъ героевъ къ жизни, а списалъ съ дѣйствительности то, что видѣлъ и слышалъ.

Безспорно, г. Тургеневъ могъ въ дѣйствительности встрѣтить всѣ тѣ фразы, которыя онъ вложилъ въ уста своихъ юныхъ героевъ; могъ онъ встрѣтить не мало и людей, не уступающихъ аскетамъ въ бесполезной борьбѣ противъ естественныхъ потребностей во имя ложно-понимаемыхъ идей и принциповъ. Какой только уродливости нельзя подыскать въ нашей убогой дѣйствительности! Но, въ такомъ случаѣ, г. Тургеневъ былъ обязанъ отдѣлать ложное пониманіе новыхъ идей отъ истиннаго, что онъ, конечно, и сдѣлалъ бы на Базаровѣ, еслибы самъ онъ понималъ, въ чемъ тутъ заключается различіе. Вы видите, что г. Тургеневъ выдѣляетъ Базарова изъ всѣхъ окружающихъ его людей одного съ нимъ мнѣніа. Онъ высоко поставилъ его надъ Ситниковымъ, Кушниковомъ, въ лицѣ которыхъ онъ изобразилъ грязныя подонки стараго времени, вынесшія изъ новыхъ идей только новый способъ времяпрепровожденія. Онъ возвысилъ Базарова и надъ другимъ его, прекраснороднымъ Аркадіемъ, этимъ тигудушнымъ недоноскомъ прогресса. Въ лицѣ Базарова г. Тургеневъ, очевидно, имѣлъ намѣреніе представить типъ лучшихъ представителей молодаго поколѣнія. Онъ надблалъ его многими такими симпатичными чертами, вслѣдствіе которыхъ, критика въ началѣ 60-хъ годовъ имѣла основаніе видѣть въ Базаровѣ типъ лучшихъ молодыхъ людей нашего времени. Происходя изъ плебейскаго рода, Базаровъ вынесъ отъ своихъ предковъ ту жалку усидчиваго трудолюбія, тотъ физическій и нравственный завалъ, которые такъ рѣзко отличаютъ его отъ мигко-сердечныхъ, дряблыхъ, лѣнливыхъ и жиденькихъ натурашекъ кирсановской атмосферы. Жизнь, полная труда и борьбы въ-за куска хлѣба, изъ-за желанія пробиться собственною энергіею безъ всякой посторонней помощи, заставила пройти его сквозь огонь и воду, и еще болѣе закалила его. Вы видите передъ собою человѣка, который не ограничивается одними фразами о пользѣ труда, а самъ трудится безъ усталы. Едва пріѣхалъ онъ къ Кирсановымъ, и на другое же утро принялся за свои изслѣдованія. Что очень вѣрно сужмѣлъ подмѣтить г. Тургеневъ въ Базаровѣ, это его естественное отношеніе къ простымъ людямъ, снискавшее братское расположеніе къ нему со стороны этихъ людей, что, какъ извѣстно, дается очень не многимъ изъ нашихъ гуманнѣйшихъ прогрессистовъ, несмотря на всѣ выканы и ру-

копюжата, которыя они расточаютъ простому народу отъ всей своей щедрой души.

«Прошло около двухъ недѣль. Жизнь въ Марьяннѣ текла своимъ порядкомъ: Аркадїй сибаритствовалъ, Базаровъ работалъ. Всѣ въ домѣ привыкли къ нему, къ его небрежнымъ манерамъ, къ его немногосложнымъ, отрывочнымъ рѣчамъ. Феничка въ особенноти до того съ нимъ освоилась, что однажды ночью велѣла разбудить его: съ Мишей сдѣлалась судорога; и онъ пришелъ и, по обыкновенію, полусхутилъ, полуживая, просидѣлъ у нея часа два и помогъ ребѣнку. За то Павелъ Петровичъ всѣми силами души своей возненавидѣлъ Базарова: онъ считалъ его гордецомъ, нахаломъ, циникомъ, плебеємъ; онъ подозревалъ, что Базаровъ не уважаетъ его, что онъ едва-ли не презираетъ его — его, Павла Кирсанова! Николай Петровичъ побаивался молодого «нигилиста» и сомнѣвался въ пользѣ его вліянія на Аркадїя; но онъ охотно его слушалъ, охотно присутствовалъ при его физическихъ и химическихъ опытахъ. Базаровъ привезъ съ собою микроскопъ, и по цѣлымъ часамъ съ нимъ возился. Слуги также привыкались къ нему, хотя онъ надъ ними подтрунивалъ: они чувствовали, что онъ все-таки свой братъ, не баринъ. Душа охотно съ нимъ хихикала и, искоса, значительно поглядывала на него, пробѣгая мимо «перенелочкой». Петръ, человѣкъ до крайности самолюбивый и глухой, вѣчно съ напряженными морщинами на лбу, человѣкъ, котораго все достоинство состояло въ томъ, что онъ глядѣлъ учтиво, читалъ по складамъ и часто чистилъ щеточкой свой сюртучокъ, и тотъ ухмылялся и свѣтлѣлъ, какъ только Базаровъ обращалъ на него вниманіе; дворовые мальчвки бѣгали за «доктуромъ» какъ собачонки. Одинъ старикъ Прокофѣичъ не любилъ его, съ угрюмымъ видомъ подавалъ ему за столомъ кушанья, называлъ его «живодеромъ» и прощелыгой, и увѣрялъ, что онъ съ своими бакенбардами — настоящая свинья въ кустѣ. Прокофѣичъ, по своему, былъ арестовратъ не хуже Павла Петровича».

Вы видите, какими чертами изображаетъ г. Тургеневъ Базарова. Это не фразеръ, а труженникъ, это не шарлатанъ, скрывающій подъ маскою грошоваго отрицанія отсутствіе всякихъ положительныхъ знаній, а человѣкъ, при всей своей молодости успѣвшій запасть солидными свѣдѣніями. Такіе люди не говорятъ съ чужаго голоса звонкихъ фразъ, значеніе которыхъ сами плохо понимаютъ, а высказываютъ то, что сознаютъ, до чего додумались они путемъ жизненнаго и научнаго опыта. И вдругъ этотъ солидный, энергическій труженникъ, человѣкъ работающій и знающій разражается рядомъ нелѣпныхъ фразъ, въ которыхъ, какъ мы видѣли выше, замѣчается полное отсутствіе всякой логики и всякаго знанія. Очевидно, что въ словахъ лучшаго и работающаго представителя молодого поколѣнія, г. Тургеневъ имѣлъ намѣреніе представить новое міросозерпаніе не въ искаженномъ, а въ чистомъ видѣ его съ цѣлю показать, какъ это

міросозерцаніє гибельно вплиєть на лучшихъ представителей его. Но такъ-какъ г. Тургеневъ самъ-то не имѣеть ни малѣйшаго понятія о новомъ міросозерцаніи, то поновлѣнъ ему пришлось попасть въ такой же просакъ, въ какой попалъ бы я, еслибы мнѣ вдумалось изобразить великаго полководца, измышляющаго великій планъ сраженія; очевидно, что планъ этотъ, при мовхъ стратегическихъ способностяхъ и знаніяхъ военныхъ наукъ, вышелъ бы такой гениальный, что надъ нимъ посмѣялся бы первый вновь произведенный прапорщикъ.

IV.

До сихъ поръ мы стояли на почвѣ чисто теоретической. Мы разсматривали міросозерцаніє нашихъ отцовъ и новое, современное намъ въ ихъ сущности, какъ представляются они сами по себѣ и по взаимному отношенію другъ къ другу. Романъ г. Тургенева показалъ намъ, какіе взгляды составились у насъ относительно новаго міросозерцанія при условіи того узкаго идеализма и полнаго отсутствія всякаго философскаго образованія, какими страдаетъ наше общество въ лицѣ даже такихъ людей, которые, какъ г. Тургеневъ, считались когда-то передовыми людьми своего времени и на которыхъ общество смотрѣло, какъ на своихъ учителей и судій. Въ романахъ, предстоящихъ нашему разбору, мы неоднократно еще наткнемся на взгляды подобнаго рода. Но выраженіе взглядовъ этихъ не составляетъ сущности вышеупомянутыхъ романовъ. Они рѣзко отличаются отъ произведенія г. Тургенева тѣмъ, что въ то время, какъ въ «Отцахъ и дѣтахъ» преобладаетъ теоретическая сторона, осмѣяніе извѣстныхъ идей, въ прочихъ романахъ на первомъ планѣ стоитъ сторона практическая: они изображаютъ различныя явленія жизни по отношенію къ идеямъ: или повѣствуютъ намъ, какія печальныя послѣдствія произошли отъ вредныхъ идей, или же, напротивъ того, становятся на сторону самихъ идей и порицаютъ людей, находящихся въ противорѣчій съ этими идеями. Въ обоихъ случаяхъ взглядъ на жизнь въ этихъ романахъ чисто идеалистическій и потому, какъ мы увидимъ ниже, романы эти, ратующіе противъ мнимаго нигилизма, сами пропитаны нигилизмомъ весьма мрачнаго свойства.

Если мы изъ міра отвлеченныхъ идей, въ которомъ мы до сихъ поръ витали, опустимся въ реальную жизнь и начнемъ разсматривать тотъ физиологическій процессъ, который совершается въ нашемъ обществѣ въ настоящее время, то мы, конечно, не найдемъ въ реальной жизни той логической послѣдовательности и систематической стройности, какія представляютъ идеи, разсматриваемыя въ отвлеченіи. Жизнь не есть процессія и парадъ, устроенные по заранѣе предначертаннымъ инструкціямъ и церемоніаламъ. Жизнь есть броженіе многихъ силъ, сложный процессъ, въ которомъ тщетно вы будете искать разлинованной

симметрии, ласкающей глаза ваши въ подстриженныхъ садахъ въ версальскомъ вкусѣ или въ стройно движущихся арміяхъ. Смотри на жизнь съ этой точки зрѣнія, мы должны считать неизбежными тѣ непослѣдовательности и противорѣчія, которыя мы на каждомъ шагу встрѣчаемъ въ жизни, не упуская изъ вида, что отсутствіе противорѣчій, послѣдовательность возможны только, какъ послѣдній и крайній исходъ того или другаго жизненнаго процесса. Идеалисты смотрятъ на это совершенно иначе: выводя все изъ идей и опираясь исключительно на личную волю человѣка, они требуютъ, чтобы человѣкъ въ каждую минуту своего существованія былъ твердо послѣдователенъ своей идеѣ, которую онъ признаетъ истинною; при этомъ совершенно не берется въ расчетъ, обладаетъ ли человѣкъ такою волею, которая могла бы противостоять обстоятельствамъ, и таковы ли обстоятельства, чтобы ихъ могла вынести самая гигантская воля. Объяснимъ это нагляднымъ примѣромъ: основная идея протестантизма заключалась въ признаніи свободы совѣсти, свободнаго личнаго сужденія въ дѣлахъ религіи. Въ этой идеѣ заключалась главная сущность протеста противъ католичества, и сущность прогрессивнаго движенія Европы въ XV вѣкѣ. И что же мы видимъ: протестанты, проповѣдуя эту идею въ теоріи, на практикѣ на каждомъ шагу противорѣчили ей: въ своей нетерпимости они превосходили нерѣдко католиковъ, и готовы были истреблять ихъ при всякомъ удобномъ случаѣ, ни сколько не щади ихъ свободы исповѣдывать свою религію; мало того, въ самой средѣ протестанства одна секта отрицала существованіе другой и духъ взаимнаго самоистребленія овладѣлъ Европою на два столѣтія во имя идеи, которая по самой сущности своей была діаметрально противоположна этому духу. Идеалиста должна привести въ отчаяніе такая крайняя непослѣдовательность въ исторіи. Но всматриваясь въ событіе это съ реальной точки зрѣнія, мы видимъ, что непослѣдовательность эта была не чѣмъ инымъ, какъ неминуемымъ процессомъ жизни. Когда новая идея вносится въ общество, то она необходимо должна встрѣтить въ жизни рядъ учрежденій, обычаевъ, нравовъ и привычекъ, стоящихъ къ ней въ крайнемъ противорѣчій; иначе эта идея не была бы новою. Быть общества вліяетъ на каждую отдѣльную личность; если условія этого быта ложны, ненормальны, стѣснительны, то это отражается на каждой личности, искажая ее такъ или иначе. Живя подъ этими условіями, личность пріобрѣтаетъ разныя привычки, конечно, дурныя, если условія быта ненормальны. Когда является новая идея, то не можетъ же она разомъ, однимъ дуновеніемъ вѣтра сломить всѣ дурныя привычки, пріобрѣтенныя людьми иногда путемъ долгаго подбора въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій. Теоретически увлекаясь новыми идеями, люди на первыхъ порахъ довольствуются одними внѣшними, ничтожными въ сущности своей измѣненіями во имя новыхъ идей, а между тѣмъ, старыя привычки продолжаютъ по инерціи дѣйствовать въ нихъ

совершенно въ противорѣчіе новымъ идеямъ. Протестанты были совершенно удовлетворены, отвергнувши авторитетъ папы, дватри догмата, поклоненіе иконамъ, да устроивши свою особенную обѣдную въ отличіе католической; но въ то же время они воспитаны были предшествующими вѣками въ духъ нетерпимости и были слишкомъ озлоблены гнетомъ католичества, который продолжалъ угрожать имъ гибелью, чтобы быть строго послѣдовательными идеѣ свободы совѣсти, которую они проповѣдали. Необходимо было, чтобы европейскія общества нѣсколько столѣтій прожили подъ вліяніемъ такихъ условій жизни, при которыхъ въ нихъ могли бы выработаться новыя привычки, соотвѣтствующія идеѣ терпимости. Мы видимъ, что и до сихъ поръ Европа не вполне достигла этого, и даже въ Америкѣ, странѣ, въ которой релігіозная терпимость развита болѣе, чѣмъ гдѣ либо, возможно появленіе секты мормоновъ съ ея воинственнымъ духомъ истребленія всѣхъ другихъ сектъ. Въ какую историческую эпоху мы ни заглянемъ, вездѣ мы увидимъ подобное явленіе; оно очень грустно, если хотите, но тѣмъ не менѣе необходимо; оно основывается на томъ, что мысль человѣческая развивается и перерабатывается гораздо быстрее, чѣмъ та инертная масса привычекъ, которая развивается подъ гнетомъ тѣхъ или другихъ обстоятельствъ. Человѣкъ скорее можетъ доуматься до того, что онъ нѣсколько не ниже другихъ и имѣетъ право на всѣ человѣческія преимущества, чѣмъ въ дѣйствительности воспользоваться ими, если онъ не привыкъ къ этому. Рабы послѣ своего освобожденія долго еще продолжаютъ обыкновенно робѣть, теряться, иногда и унижаться передъ господами, а господа, самые гуманные продолжаютъ относиться повелительно къ прежнимъ рабамъ. Въ Америкѣ до сихъ поръ еще существуютъ особенные вагоны для негровъ, и тѣ самые янки, которые принимали самое горячее участіе въ дѣлѣ освобожденія своихъ черныхъ собратьевъ, до сихъ поръ еще стыдятся сидѣть рядомъ съ ними въ одномъ вагонѣ. Поэтому, когда мы разсматриваемъ какую нибудь переходную эпоху и замѣчаемъ въ ней рядъ явленій, поражающихъ насъ своею непослѣдовательностью, недѣльностью, мы должны остерегаться видѣть въ этихъ явленіяхъ нѣчто новое, вышедшее изъ новыхъ идей своего времени. Явленія подобнаго рода бывають обыкновенно ни чѣмъ инымъ, какъ отпрыскомъ старой жизни, произведеніемъ старыхъ привычекъ, глубоко въѣвшихся въ бытъ общества.

Мы уже видѣли, въ какомъ жалкомъ состояніи находился умственный круговоръ нашего образованнаго общества десять лѣтъ тому назадъ. Но не отрадило было и физиологическое состояніе его: лишеныя всякой самостоятельной дѣятельности, всякаго труда, всякой заботы о самихъ себѣ, образованные люди проводили жизнь свою въ праздно апативъ, перехода отъ жирнаго обѣда къ карточному столу, отъ резонерства и самоизгрызенія къ сплетнямъ и пересудамъ. Рьяные идеалисты и поклон-

ники разныхъ высшихъ стремленій, въ реальной жизни они были большіе любители самой неважной клубнички, и доморощенный сенсуализмъ ихъ принималъ нерѣдко самыя грубыя и циническія формы. За недостаткомъ внутренняго содержанія жизни въ обществѣ, была сильно развита страсть къ внѣшнему блеску и штиву, страсть казаться, играть роль, щеголять почестями, богатствомъ, а за немѣнѣемъ ни того, ни другаго мнимомъ образованностью, начитанностью, глубиной идей, мефистофельскимъ сарказмомъ, и даже иногда необузданностью неряшества и цинизма, лишь бы чѣмъ нибудь возвыситься надъ толпою и обратить на себя вниманіе. Всѣ эти привычки глубоко вѣдлись въ наше общество въ продолженіе многихъ поколѣній. Когда общество наше пробудилось на мигъ отъ своего глубокаго сна, начались реформы, началось всеобщее увлеченіе новыми вопросами, новыми идеями, мѣстѣ съ выраженіемъ *новыхъ идей* появилось выраженіе *новые люди*. Выраженіе это употребляется у насъ въ смыслѣ людей, увлекающихся новыми идеями. Но только въ такомъ смыслѣ и возможно поза употреблять это слово. Если же мы захотимъ быть потребителями и начнемъ анализировать новыхъ людей со стороны соответствія ихъ жизни съ ихъ идеями, то, конечно, мы на каждомъ шагу должны будемъ терпѣть самое горькое разочарованіе: мы встрѣтимъ не мало людей, которые проповѣдуютъ, что жизнь должна быть основана на трудѣ, а сами бѣдѣльничаютъ, людей твердящихъ о самостоятельности и постоянно находящихся подъ чьимъ нибудь вліяніемъ, людей, твердящихъ о братствѣ и собирающихъ деньги въ свою потаенную копилку съ самымъ черствымъ эгоизмомъ. Мы не будемъ приводить здѣсь всѣхъ безобразій, которыя встрѣчаются въ жизни въ противорѣчіе тѣмъ идеямъ, которыми люди поклоняются, или даже безобразій такого рода, въ которыхъ люди ищутъ мнимую опору въ идеяхъ, въ сущности вовсе этихъ безобразій не оправдывающихъ. Въ романахъ, которые мы будемъ разбирать, мы найдемъ обильные факты такихъ безобразій, и мы постараемся показать въ своемъ мѣстѣ, что если и встрѣчаются въ жизни эти безобразія, то идеи, которыми они прикрываются, нисколько въ этомъ не виноваты, а виновата прошлая жизнь нашего общества со всѣми ея условіями. Она-то, эта жизнь, и создала всѣ эти безобразія. Они коренятся въ тѣхъ привычкахъ, которыя суть произведенія многихъ поколѣній и не могутъ эти привычки разомъ исчезнуть, однимъ махомъ. Въ природѣ нѣтъ скачковъ: отъ одного воспріятія новыхъ идей, люди не дѣлаются еще новыми: подобно тому, какъ необходимо нѣсколько поколѣній, чтобы какой нибудь видъ животнаго царства, подъ вліяніемъ новыхъ условій жизни, переродился сообразно этимъ условіямъ, такъ необходимо, чтобы нѣсколько поколѣній людей прожили подъ условіями благоприятными, чтобы дурныя привычки могли переработаться въ хорошія, и чтобы изъ людей правдныхъ, безхарактерныхъ, чувственныхъ, дрянныхъ выросли трудолюбивые, энергическіе, воздержные, хорошіе люди.

Для идеалистовъ подобныхъ законовъ жизни не существуетъ: нища повсюду строгаго соответствія между идеєю и фактомъ, они приходятъ въ ужасъ отъ перваго встрѣчнаго противорѣчія въ жизни, впадаютъ въ отчаяніе, поднимаютъ вопли о невозможности какаго либо прогресса въ такой расстѣнной средѣ, или же на безобразія жизни смотрятъ, какъ на слѣдствія безобразія новыхъ идей, и отвергая послѣднія, устремляются вспять и начинаютъ поклоняться старымъ кумирамъ, видя въ нихъ единственное спасеніе.

Однимъ изъ такихъ воплей идеализма о ничетѣ міра сего, представляется романъ г. Писемскаго «Взбаламученное море». Г. Писемскій, какъ писатель, въ неизмѣримой степени объективнѣе г. Тургенева; онъ знаетъ русскую жизнь гораздо шире автора «Отцовъ и дѣтей» и не ограничивается въ своихъ романахъ одною узкою сферою любовныхъ извиваній подъ сѣннмъ усадебныхъ садовъ. Онъ извучилъ многія мрачныя стороны провинціальной жизни, и не даромъ его причисляютъ къ натуральной школѣ Гоголя; дѣйствительно, изъ всѣхъ писателей 30—50 годовъ, онъ ближе всѣхъ стоитъ къ этой школѣ. Но хотя его и считаютъ реалистомъ за то, что онъ не идеализируетъ жизнь, а изображаетъ ее, какъ она есть со всѣми ея гадостями, по своимъ мировоззрѣніямъ и взглядамъ на жизнь г. Писемскій оказывается самымъ безнадежнымъ идеалистомъ.

Въ романѣ своемъ г. Писемскій представляетъ наше общество въ видѣ безотраднато моря, на поверхности котораго онъ замѣчаетъ много радужныхъ отливовъ, но въ глубинѣ видѣтъ страшную бездну самыхъ отвратительныхъ чудовищъ, безкровныхъ рыбъ и мерзкихъ улитокъ, приросшихъ къ камнямъ, покрытымъ скользкою вонючею тиною. Въ первыхъ двухъ частяхъ романа писатель не пожалѣлъ мрачныхъ красокъ, чтобы изобразить намъ нашу прошлую жизнь во всей ея безобразной наготѣ, покрытой всевозможными болячками. На первомъ планѣ рисуется передъ нами герой романа Баклановъ. Авторъ относится къ нему очень снисходительно въ четвертой части романа, опредѣляя его такимъ образомъ: «герой мой, во-первыхъ, не герой, а обыкновенный смертный изъ нашей такъ называемой образованной среды. Онъ праздно выросъ, не дурно поучился (1), поступилъ по протевціи на службу; благородно и лѣнливо послужилъ, выгодно женился, совершенно не умѣлъ распоряжаться своими дѣлами, и больше мечталъ какъ бы пошалить, порѣзвиться и поприятнѣй провести время. Онъ представитель того разряда людей, которые до 55 года замирали отъ восторга въ итальянской оперѣ и считали, что это высшая точка человѣческаго назначенія на землѣ, а потомъ сейчасъ же стали, съ увлеченіемъ и вѣрою школьниковъ, читать потихоньку «Колоколъ». Внутри, въ душѣ у этихъ господъ, нѣтъ, я думаю, никакого самодѣланія; но за то натираться чѣмъ вамъ угодно снаружи—величайшая способность!»

Такъ характеризуетъ г. Писемскій своего героя, но на самомъ дѣлѣ въ развитіи романа онъ обрисовываетъ Бакланова рядомъ такихъ поступковъ, которые обнаруживаютъ въ героѣ романа порядочнаго негодяя. Вообще типъ Бакланова удался г. Писемскому какъ нельзя болѣе, и можно смѣло сказать, что въ нашей литературѣ не было еще такого полного и цѣльнаго изображенія этого типа, какое мы видимъ въ романѣ г. Писемскаго. Баклановъ есть полное олицетвореніе людей, которые только и могутъ развиваться на почвѣ жизни даровой, праздно и ничѣмъ не наполненной. Когда у человѣка нѣтъ никакого опредѣленнаго труда, который составлялъ бы и цѣль и средство его существованія, то, конечно, онъ будетъ метаться изъ стороны въ сторону и жизнь его представлять рядъ быстрыхъ увлеченій, за которыми будутъ слѣдовать столь же быстрыя охлажденія; такого человѣка очень легко увлечь куда хотите и склонить на что угодно. Привычка пользоваться готовымъ содержаніемъ развиваетъ безпечность, непрактичность, расточительность; праздность съ своей стороны влечетъ за собою жажду развлеченій и частую смѣну наслажденій; а отсутствіе полного и естественнаго удовлетворенія самолюбія, какое можетъ доставить человѣку только успѣшный трудъ, производитъ въ человѣкѣ стремленіе казаться, рисоваться, хвастать и лгать на каждомъ шагу, обманывать своей внѣшностью не только другихъ, но и себя, и тѣмъ усилить свое самолюбіе. Вотъ вамъ Баклановъ съ ногъ до головы. Воспитанный на папенькиныхъ хлѣбахъ, на полномъ барскомъ раздолѣ, онъ уже на гимназической скамьѣ привыкъ корчить изъ себя картиннаго героя въ родѣ тѣхъ, которые встрѣчаются въ повѣстяхъ Марлинскаго. Пожавши подъ столомъ руку своей кузины, онъ уже хвастается своему товарищу Венявину:

«— А было, что я сталъ къ ней въ такіа отношенія, при которыхъ уже пятиться нельзя! прибавилъ онъ съ разстановкой.

«Венявинъ даже поблѣднѣлъ.

«— Какъ такъ?

«— Такъ!

«И Александръ еще дальше закинулъ голову назадъ.

«— Она была, продолжалъ онъ, закрывая глаза, — грустна, какъ падшій ангелъ... Только и молила: «Что вы, что вы со мною дѣлаете?»... Но я былъ бѣшенный, прибавилъ онъ, сжимая кулаки».

Когда потомъ падшій ангелъ поковетничалъ немного съ флигель-адъютантомъ, Баклановъ воспылалъ ревностью, и уѣзжая въ Москву, въ университетъ, трагически проговорилъ:

«— Если я не нашелъ въ прекрасномъ, такъ найду въ дурномъ!»

И картинный геройчикъ предался студенческимъ пирушкамъ и скандаламъ, воображая, что онъ топить въ этомъ времяпрепровожденіи свою бурную страсть. Какимъ представляется онъ вамъ на

школьной скамьи, такимъ видите вы его и въ жизни: жалокъ и гадокъ онъ и тогда, когда силою растлвваетъ въ своемъ имѣннн крестьянскую дѣвушку, и тогда, когда стыдится ѣхать со своею матерью, и тогда, когда, въ припадкѣ ревности къ Софи Леневои, швыряетъ стулья и подсвѣчники въ ея домъ, и тогда, когда женится на Евпраксн, дѣвушкѣ, немѣющей съ нимъ ничего общаго, изъ одного сластолюбиваго любопытства, что, молъ, за существо эта дѣвушка и какъ она будетъ любить; жалокъ и гадокъ онъ и въ ночной омерзительной сценѣ съ Казимірою, и въ своей поѣздкѣ съ Софи Леневои въ Петербургъ тихонько отъ жены. Во всемъ этомъ вы видите безхарактернаго, пошлаго селадона, растлвннаго до мозга костей. Г. Писемскаго упревали въ клубничествѣ за цѣлый рядъ сценъ, дѣйствительно отвратительныхъ, но мнѣ кажется, что если рисовать благовоспитанные нравы той среды, представителемъ которой является Баклановъ, то гораздо поучительнѣе вставлять ихъ во всемъ ихъ грязномъ цинизмѣ, чѣмъ подкрашивать, подмалевывать и даже идеализировать, какъ это дѣлаютъ писатели въ родѣ г. Тургенева и г. Авдѣева, со своими героями идеализированной клубнички.

Въ подобіе Бакланову стоитъ героиня повѣсти Софи Ленева. Родившись въ бѣдномъ дворянскомъ семействѣ и не получивши никакого воспитанія, Софи вынесла изъ дѣтства одну жажду выбитыя изъ подавляющей бѣдности какими бы то ни было средствами, для того чтобы встать въ одинъ уровень съ другими и поражать окружающихъ красотою и нарядами. Для достиженія этого она готова продавать себя на каждомъ шагу, и какъ сначала продала она себя мужу своему, старому, изжившему, но за то богатому помѣщику, такъ потомъ продалась жиду-откупщику, а впослѣдствн, сколотивши деньжонки цѣною своей красоты, поѣхала за границу транжирить даромъ доставшеся капиталы, и мѣнять на каждой станціи любовниковъ, пока наконецъ за долги не попала въ лондонское Клиши. Это, какъ вы видите, типъ, тоже взятый изъ дѣйствительности, и авторъ не пожалѣлъ красокъ, чтобы очертить его во всей его грязной непривлекательности.

Далѣе вы видите мрачную агонію семейной жизни въ семьѣ Басардинныхъ. Печальна судьба Надежды Павловны Басардиной, вышедшей замужъ за полудюда, чтобы только уйти куда-нибудь и избавиться отъ монотонной, затхлои, невыносимой жизни въ домѣ сестры. А всѣ эти семейныя хлопоты и дразги, гонки за богатыми тетусками, выпрашиванья тепленькихъ мѣстечекъ, чтобы какъ нибудь поправить финансы и устроить семью, все это наводитъ на насъ тяжелую, свинцовую тоску. Особенно мрачно рисуется передъ вами типъ молодаго Басардина, этой жертвы корпуснаго воспитанія, колотящаго будочниковъ по зубамъ, обѣдающаго даромъ въ трактирахъ, жаднаго къ деньгамъ, чувственнаго и низкаго. А далѣе за Басардиннымъ отрывается

передъ вами цѣлый омутъ циниковъ и идіотовъ, блудниковъ и блудницъ, администраторовъ и откупщиковъ, совершающихъ, подъ прикрытіемъ власти и денегъ, уголовныя преступленія, отъ которыхъ волосы могутъ встать дыбомъ. Писемскій открываетъ передъ вами жизнь и нравы гораздо болѣе мрачныя, чѣмъ нравы временъ распада іиакской имперіи; тогда по крайней мѣрѣ страшная гнѣль подрашивалась лоскомъ древней цивилизаціи; здѣсь же растлѣніе нравовъ представляется вамъ въ самомъ грубомъ, циническомъ видѣ полуобразованнаго, полудикаго общества.

Въ этой картинѣ вы видите въ романѣ г. Писемскаго полное, безусловное отрицаніе всей нашей прошлой жизни, которая была повидимому такъ благоустроена, тиха и безмятежна, но подъ наружнымъ благочиніемъ скрывала самое страшное растлѣніе. Но вотъ лазурное, неподвижное море заволновалось. Начались реформы, поднялись вопросы, въ обществѣ возникло замѣтное броженіе. Отрицая все прошлое, г. Писемскій отрицаетъ вмѣстѣ съ этимъ и то движеніе, которое испытало наше общество, отвергая за нимъ всякое значеніе.

«Въ началѣ нашего труда, говорить онъ, при раздававшемся около насъ, со всѣхъ сторонъ, говорѣ, шумѣ, трескѣ, ясное предчувствіе говорило намъ, что это не буря, а только рябь и пузыри, отчасти надутые извнѣ, а отчасти повившіеся отъ поднявшейся снизу всякой дряни. Событія какъ нельзя лучше оправдали наши ожиданія».

А въ другомъ мѣстѣ онъ проводитъ ту же мысль еще яснѣе, влагая ее въ уста одному изъ своихъ героевъ, — Верегину.

— Неужели же во всемъ послѣднемъ движеніи вы не признаете никакого смысла? спросилъ Бакалановъ.

Верегинъ усмѣхнулся.

— Никакого!.. одно только обезьянство, игра въ обѣдню, какъ дѣти вонъ играютъ.

— Хороша игра въ обѣдню, за которую въ крѣпость попадаютъ, сказалъ Бакалановъ.

— Очень жаль этихъ господъ въ ихъ положеніи, возразилъ Верегинъ, — тѣмъ болѣе, что, говоря откровенно, они плоть отъ плоти нашей, кость отъ костей нашихъ. То, что мы дѣлали, крадучись, чему потихоньку симпатизировали, они возвели въ принципъ, въ систему; это наши собственныя сѣмена, только что распутившіеся въ букеть.

— Если подѣ движеніемъ разумѣть, началъ Юрасовъ, — собственно революціонное движеніе, такъ оно конечно бессмыслица, но движеніе — въ смыслѣ реформъ.

Верегинъ придалъ какое-то странное выраженіе своему лицу.

Что же привело г. Писемскаго къ этому безусловному отрицанію не только всего нашего прошлаго, но и того движенія нашего общества, которое было не чѣмъ инымъ, какъ стремленіемъ выйти изъ этого печальнаго прошлаго?

Вопервыхъ, г. Писемскаго сбилъ съ толку тотъ естественный

процессъ жизни, который ясенъ для всякаго мало-мальски образованнаго человѣка, но на который г. Писемскій взглянулъ съ точки зрѣнія увлаго идеализма. Его смутило то обстоятельство, что на арену увлеченія общественнымъ движеніемъ выступили люди того же добраго стараго времени—Баклановы, Ленева, Басардинны, и внесли въ это движеніе тѣ же гадости, которыми они начинали себя въ своей прежней жизни. Чтѣ новаго и хорошаго могли произвести эти люди? Очевидно, ничего. Но за этими подонками движенія писатель не разсмотрѣлъ главнаго, чтѣ собственно и составляло суть движенія, его средоточіе и ядро — тѣхъ новыхъ требованій отъ жизни, тѣхъ условій, которыхъ начали добиваться люди, стоящіе выше и въ умственномъ и въ нравственномъ отношеніи героевъ романа г. Писемскаго, добиваться для избавленія себя отъ тѣхъ же самыхъ Баклановыхъ, Леновыхъ, Басардинныхъ и пр. Въ этомъ отношеніи г. Писемскій и самъ не замѣтилъ, въ какое абсурдное противорѣчіе онъ поставилъ самого себя: онъ выставилъ передъ нами людей мало того, что растлѣнныхъ прежнею жизнью, но и плохо учившихся, мало образованныхъ, судящихъ обо всемъ вкривь и вкось. Такіе люди, увлекшись новыми идеями, очевидно, должны не имѣть о нихъ никакого понятія, должны сказать ихъ и въ высказываньи и въ примѣненіи на дѣлѣ. А между тѣмъ г. Писемскій, по словамъ и поступкамъ своихъ героевъ, судить о томъ, каковы эти идеи сами по себѣ. Такъ, на примѣрѣ, въ первой части романа г. Писемскій говорить: «и не одну, не двухъ, а сотни и тысячи, мы знаемъ подобныхъ труженицъ матерей, которыя на своихъ скорбныхъ плечахъ, часто подъ колотвами и бранью, поднимаютъ огромныя семьи, и не *безнравственными* *права* требуютъ онѣ у общества, а чтобы хоть сколько-нибудь подсобили имъ нести труды, которые возложили на нихъ самцы-супруги».

Такимъ образомъ, г. Писемскій считаетъ безнравственнымъ даровать женщинамъ какія-либо права и улучшить положеніе ихъ. На какомъ же это основаніи? Единственно на томъ, что безнравственные сами по себѣ люди, каковы Баклановъ или Софи Ленева, не понявши ясно, въ чемъ заключаются истинныя требованія правъ женщины, исказили эти требованія, найдя въ нихъ оправданіе своей празднои чувственности. Г. Писемскій до такой степени дѣтски-наивенъ, что въ поѣздѣ Бакланова съ Софи Леновой за-границу тихонько отъ жены или въ поверхностныхъ фразахъ m-lle Базилейнъ о бракѣ видитъ альфу и омегу женскаго вопроса. Неужели онъ способенъ найти безнравственными и требованія такого рода, чтобы труженицы матери, о которыхъ онъ сѣтуетъ, получали съ дѣтства хорошее образованіе, а главное дѣло приучались къ самостоятельному труду? Самостоятельный и въ то же время хорошо обезпечивающій трудъ избавилъ бы ихъ отъ необходимости томиться такою жизнью, какою жила Надежда Павловна въ домѣ сестры, избавлялъ

бы ихъ и отъ необходимости выходить замужъ за перваго попавшагося идиота, пьяницу или драчуна. Онѣ имѣли бы время и возможность выбрать мужа по душѣ и разѣ, выйдя замужъ по любви и сознательному выбору, онѣ, конечно, не заогѣбли бы бросать любимаго человѣка, хотя бы и имѣли въ этомъ свободу. Извѣстно, что вѣрность и постоянство, основанныя на любви, гораздо прочнѣе тѣхъ, которыя основаны на чувствѣ долга, т.-е. на усилахъ самостязующей воли. Я не говорю уже о томъ, что честный, самостоятельный и обеспечивающій трудъ избавилъ бы Надежду Павловну отъ необходимости кланяться, унижаться передъ богатыми родственниками, вымаливать для мужа мѣстечки, продавать своихъ дочерей богатымъ но старымъ любителямъ клубнички. Г. Писемскій не Богъ знаетъ какія нравственныя прелести показываетъ намъ въ жизни Надежды Павловны, и въ то же время считаетъ безнравственнымъ хотя бы малѣйшее измѣненіе къ лучшему этого жалкаго существованія.

Точно такъ же отнесся г. Писемскій и къ гласности. Его поразило тотъ фактъ, что гласностью могутъ злоупотреблять такіе люди, какъ Басардинъ, употребляя ее, какъ орудіе для низкаго влазничества съ цѣлю заграбленія денегъ или мести. Онъ разочаровался и въ гласности, находя, что въ идеалѣ это очень хорошая вещь, но не въ такомъ растленномъ обществѣ, какъ наше. Ограничившись такимъ образомъ наблюденіемъ нравовъ одной растленной среды, г. Писемскій по одной этой средѣ судить о несостоятельности всего нашего общества и съ другой стороны, по тому, какъ искажаетъ эта среда идеи, сами по себѣ можетъ быть и почтенныя, онъ судить о самихъ идеяхъ. Что писатель не имѣетъ объ этихъ идеяхъ никакого понятія, которое возвышало бы его надъ Бакаловымъ или Софи Леновой, это видно изъ слѣдующаго обстоятельства: рисуя въ туманѣ типъ Постскрипскаго, онъ видитъ въ немъ силу; вокругъ этого человѣка, по его словамъ, группируется общество того времени; слѣдовательно, г. Писемскій видитъ въ немъ средоточіе движенія. Человѣкъ сильный, занимающійся, способный встать во главѣ толпы, очевидно, долженъ чѣмъ-нибудь выдѣляться отъ прочихъ героевъ романа. Если они, легкомысленные, праздные, плохо развитые, безъ основательныхъ знаній, безъ всякой сознательной цѣли довольствуются поверхностными фразами, то чѣмъ же отличаются отъ нихъ сильные люди, занимающіеся, знающіе, каковы Постскрипскіе? Этого мы не видимъ въ романѣ г. Писемскаго, потому что въ уста Постскрипскаго онъ вложилъ тѣ же плоскія и бессмысленныя фразы, которыя г. Тургеневъ вложилъ въ уста Базарова. Точно также заставилъ онъ его отрицать безусловно искусства и науки и произносить даже такія вещи, что можетъ быть человѣку азотъ, котораго больше въ городахъ, нужнѣе, чѣмъ кислородъ. Если г. Писемскій и въ устахъ Постскрипскихъ новыя идеи предполагаетъ въ такомъ же видѣ, какъ и въ устахъ своихъ жалкихъ героевъ, то это прямо

показываетъ, что онъ имѣеть объ этихъ новыхъ идеяхъ такое же понятіе, какъ и Софи Ленева, и нисколько не возвышается въ своемъ умственномъ развитіи надъ героинею своего романа.

Въ то же самое время г. Писемскаго сбило съ толку слѣдующее обстоятельство: подъ вліаніемъ предстоящихъ реформъ общество наше пережило нѣсколько лѣтъ того возбужденнаго состоянія, въ которомъ естественно должны находиться, какъ отдѣльный человѣкъ, такъ и общество, при какихъ-нибудь важныхъ обстоятельствахъ жизни. Случалось ли вамъ среди вашихъ мирныхъ занятій получить внезапно вѣстіе, что въ жизни вашей готовится важная перемена? Что удивительнаго, что у васъ при подобномъ вѣстіи пропадетъ сонъ, аппетитъ, вы бросите ваши обыкновенныя занятія, будете только и думать, и говорить все о томъ, что неожиданно встревожило васъ. То же самое испытывало и общество наше: въ его жизни готовилось столько важныхъ и вѣковыхъ реформъ; оно было въ недоумѣніи и тревогѣ; оно не знало, чѣмъ разрѣшатся всѣ эти реформы, и можно ли удивляться, что въ эти роковыя минуты помутилось общее теченіе дѣлъ, что кромѣ общественныхъ вопросовъ всѣ другіе считались не стоящими вниманія, что вопросы эти на первомъ планѣ стояли повсюду и въ гостинныхъ, и въ клубахъ, и на сценахъ, и въ училищахъ, что люди, никогда прежде не думающіе ни о яемъ, кромѣ оперы или ужина, сдѣлались ревностными гражданами.

Г. Писемскій, при своемъ узкомъ и темномъ умственномъ кругозорѣ, не могъ переварить даже и этого простаго и нормальнаго явленія жизни. Онъ посмотрѣлъ на него съ точки зрѣнія мистера Подзанапа въ романѣ Диккенса «Нашъ взаимный другъ»; подобно тому, какъ мистеръ Подзанапа предполагалъ, что человѣкъ, что бы съ нимъ ни происходило, невозмутимо и аккуратно, долженъ во столько-то часовъ вставать, во столько-то часовъ бриться, во столько-то часовъ идти въ контору, во столько-то часовъ обѣдать, во столько-то часовъ ложиться спать — такъ и г. Писемскій предположилъ, что въ благоустроенномъ обществѣ, хотя бы происходило нашествіе варваровъ или столкновеціе земли съ кометою, благонамѣренныя граждане должны не прерывать общаго теченія жизни: ходить въ оперу, учить дѣтей, гдѣ ставить бузвудъ, бесѣдовать о погодѣ и танцовать кадрили, молодые кавалеры должны по прежнему говорить любезности дамамъ, а дамы — блистать нарядами и красотою. Г. Писемскій чуть не плачетъ, что объ общественныхъ вопросахъ заговорила даже Софи Ленева, едва умѣвшая читать и писать, что она, «молодая и вѣроятно, еще пылкая женщина, проходить съ невниманіемъ и вѣвотой, когда ей читають, со слезами въ голосъ, про любовь; некогда ей занималась симъ брешнымъ удовольствіемъ; въ ней одинъ огонь горитъ, огонь гражданскій!»

Что удивительнаго, если, при этомъ возбужденномъ состояніи общества, происходятъ разныя минутныя увлеченія, ведущія за

собою печальныя жертвы и утраты. Эти жертвы сторицею выкупаются тѣмъ новымъ развитіемъ жизни, которое выноситъ общество изъ своего возбужденнаго состоянія. Г. Писемскій плачетъ, что молодѣжь въ своемъ увлеченіи потеряла дѣльнаго профессора въ Верегинѣ, и изъ этого сейчасъ же выводитъ заключеніе, что новое движеніе ведетъ къ невѣжеству и варварству. Но протестантское увлеченіе стоило Европѣ не потери двухъ-трехъ Верегинскихъ, а десятковъ разрушенныхъ до основанія городовъ, со всѣми ихъ школами и учителями, и все-таки эти города гораздо болѣе процвѣли при новыхъ условіяхъ жизни, чѣмъ до своего разрушенія процвѣтали они подъ тяжелымъ гнетомъ католичества.

Выиди такимъ образомъ изъ той мысли, что повсюду должны бить тишина, порядокъ и благоустроеніе, что каждый смертный долженъ быть непременно идеальнымъ гражданиномъ, идеальнымъ мужемъ, идеальнымъ отцомъ семейства, и найдя въ дѣйствительности вмѣсто этого какой-то нестройный хаосъ, г. Писемскій не имѣлъ силъ возвыситься надъ этимъ хаосомъ и прослѣдить въ немъ естественный процессъ жизни, а прямо и безусловно, какъ истій идеалистъ, предалъ отрицанію все происходящее передъ нимъ; все, молъ, это мыльные пузыри, шутиха, игра въ обѣдню, и больше ничего. Но человѣкъ не можетъ ограничиваться подобнаго рода отрицаніемъ; оно дѣйствуетъ на его нравственную природу такъ же, какъ безвоздушное пространство на физическую: надо же дышать какимъ-нибудь воздухомъ, хотя бы и наполненнымъ миазмами, надо же на что-нибудь опереться, что-нибудь уважать, на что-нибудь надѣяться, иначе останется человѣку или смерть, или скотское, бессмысленное существованіе. Поэтому человѣкъ, дошедшій до такого безусловнаго нигилизма, до котораго дошелъ г. Писемскій, поневолѣ ищетъ какаго-нибудь выхода изъ своего отрицанія и находитъ его сообразно своему развитію. Какъ темный, узкій идеалистъ, г. Писемскій нашелъ выходъ своему отрицанію не въ какихъ-либо положительныхъ данныхъ, добытыхъ основательными знаніями, а въ слѣпой вѣрѣ въ такия отвлеченныя субстанціи, какъ *здравый смыслъ* народа, того самаго народа, о которомъ въ четвертой части онъ самъ же говорить: «простой народъ отъ непрерывно повторявшихся поборовъ сталъ приходить, наконецъ, въ оупѣніе: съ него брали и въ казну, и барину, и чиновникамъ, да еще и въ солдаты отдавали. Какъ бы въ отместку за все это, онъ неистово пилъ отравленную, откупную водку, и приходилъ оттого въ скотское бѣшенство, дрался, какъ звѣрь, или со своимъ братомъ, или съ женой, и безпрестанно попадалъ за то на каторгу». Другая субстанція, на которой почилъ г. Писемскій, это тотъ пресловутый *народный патриотизмъ* — чувство любви и самоотверженія, вложенныя въ сердце русскаго народа прежде его существованія, тотъ самый патриотизмъ, который когда-то пронизывалъ насквозь драмы Кюкольника въ родѣ «Рука всевышняго отечество спасла». Третья суб-

станція, на которой почилъ г. Писемскій, это — *русское семейное начало*. Вы не думайте, чтобы адсье подразумевалось вообще семейное начало. Семья существуетъ повсюду и въ Европѣ, и въ Америкѣ, и въ Азіи; но есть еще особенное русское семейное начало, котораго нигдѣ нѣтъ на всемъ земномъ шарѣ, которое и въ Россіи существуетъ только въ головахъ такихъ мыслителей, какъ г. Писемскій. Это русское семейное начало основывается на томъ, что въ случаѣ если мужъ или родитель зауничить своихъ домохадцевъ и расквасить имъ носы въ кровь, жена и дѣти должны съ вѣжнимъ умиленіемъ подѣловать заукающую руку. Олицетвореніемъ этого русскаго семейнаго начала является Евпраксія, жена Бакланова, которая послѣ того, какъ мужъ прокутилъ ея имѣніе и уѣхалъ отъ нея съ любовницей, по первому же письму его стремглавъ полетѣла къ нему въ Парижъ, видя въ немъ отца вѣжно любимыхъ дѣтей своихъ, а въ себѣ подругу жизни его, преданную ему по чувству долга, назначеннаго свыше. О, еслибы только могъ г. Писемскій понять, какое глубокое искаженіе всякихъ истинныхъ и здоровыхъ семейныхъ началъ таится во всей этой кислотнѣ!

V.

Авторъ «Марев» стоитъ, повидимому, выше гг. Тургенева и Писемскаго въ томъ отношеніи, что у него мы видимъ гораздо болѣе чутья относительно стремленій и чувствъ молодаго поколѣнія. Онъ понимаетъ, повидимому, что современными идеями можно увлекаться не изъ одной моды, обезьянства, не ради только одного щегольства и шика; увлеченія эти могутъ быть создаваемы самою жизнью, они могутъ глубоко проникать человѣка до мозга костей его и составлять главную сущность его существованія. Это мы можемъ прослѣдить на героинѣ романа, Иннѣ. Она была дочь одного изъ передовыхъ людей своего времени, вокругъ котораго, по словамъ автора, какъ вокругъ центра, группировалось одно время все мыслящее въ Россіи. Непонятный своимъ вѣкомъ, не найдя никакого исхода своимъ стремленіямъ, разочарованный въ своей тщеславной и пустой супругѣ, онъ зачакъ и умеръ на рукахъ своей дочери, въ которую онъ вложилъ весь пылъ своихъ неудовлетворенныхъ, осмѣянныхъ стремленій: «Если ты пойдешь по пути, завѣщанному тебѣ отцомъ, ты будешь его мстителемъ, потому что въ тебя вложены великія силы... Если ты пойдешь противъ отца, я не сужу тебя; свобода прежде всего; но неужели моя Инна пойдетъ противъ отца». Вы подумайте только, какъ должны были подѣйствовать эти слова въ устахъ мученика идеи на молодое, горячее, любящее существо. Не должны ли были они наложить роковое вліяніе на всю жизнь Инны, подобно тому, какъ всю природу Гамлета потрясло появленіе тѣни отца его. Затѣмъ понятно становится, что худо-ли, хорошо-ли это, но вся жизнь Инны, вся мощь ея природы должна

быть направлена къ одному, къ тому, что завѣщала ей отецъ на смертномъ одрѣ, что сдѣлаюсь ея исключительной страстію, ея долгомъ. Этими обусловливаются всѣ слова, поступки и дѣйствія Инны. Когда она говоритъ своей матери: «Анна Михайловна! въ одномъ человѣку отравили жизнь, удовольствуйтесь! Меня вамъ не свалить»,—вы видите въ этихъ словахъ не одно тщеславное желаніе порисоваться моднымъ протестомъ противъ родительской власти; вы видите въ нихъ болѣзненный стонъ наболѣвшей души, и тѣмъ болѣе оправдывается подобный вопль, чѣмъ тщеславіе и глупѣе представляется вамъ въ этой сценѣ Анна Михайловна, возроптавшая на дочь за то, что она не сумѣла, какъ слѣдуетъ, принять графа. — Когда Инна говоритъ въ своемъ дневникѣ: «ужь не ощущаете ли вы зародыши нѣжной страсти? Въ такомъ случаѣ провернѣй въ ходъ специфическое средство: мѣткую эпиграмму; да такую, чтобы вамъ послѣ и взглянуть на него было смѣшно!»—здѣсь опять-таки вы видите не базаровскій протестъ противъ любви во имя новыхъ идей, отвергающихъ будто бы любовь, а естественное чувство человѣка, у котораго всѣ силы души направлены къ тому, что онъ считаетъ великимъ, и которому передъ этимъ великимъ прочія чувства кажутся мелочными, ничтожными, способными только затмить въ немъ великую страсть. Таковъ всегда бываетъ человѣкъ, вдохновенный какимъ-нибудь высокимъ призваніемъ. Таковъ былъ Гамлетъ, пренебрегшій чувствомъ къ Офеліи, такова была Юанна д'Аркъъ, такова и Инна, произносящая слѣдующія слова: «Неужели мнѣ жаль разстаться съ нашимъ затхлымъ житьемъ? Неужели мнѣ жаль людей, съ которыми у меня ничего нѣтъ общаго? *Неужели такъ велика сила привычки, что передъ нею меркнетъ великое дѣло, которому я должна служить? Неужели пошленкое себлалюбіе перетянетъ обътъ, данный сознательно и обдуманно?*». Прочтите наконецъ ту сцену во второй части, гдѣ Инна слушаетъ оперу «Гугеноты». Въ этой сценѣ въ лицѣ Инны выраженъ прекрасно взглядъ молодого поколѣнія на искусство: то самое молодое поколѣніе, которое смѣется надъ произведеніями искусства, отвлеченными отъ жизни, выражающими одне безцѣльное поклоненіе прекрасному, совершенно иначе относится къ произведеніямъ, служащимъ выраженіемъ идей, стремленій и чувствъ своего вѣка, анализирующимъ жизнь и отзывающимся на всѣ ея мучительные вопросы. Такихъ произведеній молодое поколѣніе никогда не отрицало и не будетъ отрицать.

Но отличіе г. Ключникова отъ гг. Тургенева и Писемскаго только и ограничивается созданіемъ типа Инны. Выполненіе же этого типа не выдерживаетъ ни малѣйшей критики. Углубляясь въ романъ, вы видите тѣ же тенденціи, тѣ же взгляды на современное движеніе, что и у г. Писемскаго, и тотъ же отрицательный выводъ въ заключеніе. Отвергнувши все старое, затхло, износившееся и заставивши искать Инну выхода изъ всего этого

въ современномъ движеніи, онъ совершенно въ соотвѣтствіи съ *дымома* г. Турганева, и съ *музырjami* г. Писемскаго, не видить въ современномъ движеніи ничего, кромѣ *миража*, *марева*; въ людяхъ движеніи онъ ничего не находитъ, кромѣ ряда противорѣчій высокихъ идей съ дрянными или низкими поступками и приводитъ такимъ образомъ Инну къ самому горькому разочарованію :

«Всѣ формы жизни прошли передо мною, всѣ направленія дѣятельности ставались вокругъ меня, ломая и уничтожая другъ друга; я увлекалась то тѣмъ, то другимъ, но приступить не могла ни къ одному. Какъ только я осматривалась въ новомъ положеніи на столько, что затаенная ложь, не чуждая ни одной партіи, начинала мнѣ свозить черезъ декоративную виѣшность, я чувствовала себя разбитою, уничтоженною, замирала на время для жизни, замыкалась въ самой себѣ. Я не проклинала прежнихъ товарищей, я молча удалялась отъ нихъ; они чистили меня измѣнницей святому дѣлу и прочими кличками, къ которымъ только теперь я совершенно равнодушна, — только теперь, когда всѣ стремленія мои разбиты дѣйствительностью, когда я разочаровалась въ себѣ и во всемъ, за что жертвовала собою. Годъ тому назадъ, я сошлась съ людьми, которые казались мнѣ поборниками правды, добра, свободы, всего, не потерявшаго для меня и до сихъ поръ своего истиннаго смысла. Теперь я вижу насквозь эту горсть честолюбцевъ, жадно рвущихъ другъ у друга власть, какъ стая воршунонъ тащить другъ у друга изъ влева требуху дохлой свотины. Я видѣла эту знаменитую борьбу, въ которой свобода народовъ — звучный предлогъ для возвышенія однихъ тирановъ насчетъ другихъ; я знаю всѣ ихъ средства къ достиженію цѣли самой низкой, прикрытой маскою національности. Я стояла лицомъ къ лицу съ тѣмъ самымъ народомъ, съ которымъ они заигрывали до поры до времени. Это было послѣднею гирей на колеблющіеся вѣсы... Нѣтъ словъ выразить презрѣнія, нѣтъ мѣрки для ненависти, которая почувствовала я къ нимъ. Я съ ужасомъ обернулась назадъ... Тамъ, за мною, осталась Вѣрочка, сперва творившая себѣ потѣху изъ науки, а потомъ заигравшая въ революцію; тамъ былъ Ваня, сразу принавившійся за разрушеніе троновъ; тамъ, наконецъ, накопилась мелюзга, тля, въ сравненіи съ которою эти дѣти казались гигантами... Я осталась одна, на своей призрачной высотѣ, изломанная, искалѣченная, безъ всякой охоты къ жизни, безъ всякой вѣры въ будущность».

Изъ этой тирады вы можете судить, какимъ путемъ дошла Инна до разочарованія, принимая конечно въ расчетъ, что въ этомъ разочарованіи героини заключается основной взглядъ романиста на современное намъ положеніе вещей. Разочарованіе это сложилось путемъ чисто идеалистическимъ: Инна потеряла охоту къ жизни и вѣру въ будущность, потому что она искала повсюду идеальныхъ людей, поборниковъ правды, добра и сво-

боды, а наша низкихъ честолюбцевъ или легкомысленныхъ дѣтей, игравшихъ въ принципы, какъ Вѣрочка и Ваня. Этимъ именно путемъ и доходилъ идеализмъ постоянно до разочарованія и отрицанія. Онъ не обращалъ вниманія никогда, что люди, развивающіеся подъ сложною массою разнородныхъ вліяній, которыми обуславливается жизнь общества, могутъ быть идеальны только относительно и сравнительно, но не безусловно. Мы можемъ сравнительно судить, что въ Америкѣ люди, живущіе подъ лучшими условіями жизни, лучше насъ, развитѣе, энергичнѣе, самостоятельнѣе, можемъ мечтать, что и мы будемъ развитѣе, энергичнѣе, самостоятельнѣе, когда выработаемъ лучшія условія жизни, но навѣрное мы разочаровались бы и въ американцахъ, еслибы стали требовать отъ нихъ, чтобы они были безусловно идеальны въ каждую минуту своей жизни. — Еслибы Инна повсюду встрѣчала идеальныхъ поборниковъ правды, добра и свободы, это показывало бы, что мы достигли высшей и послѣдней точки прогресса, дальше которой нечего больше желать, не въ чему стремиться и не нужно болѣе никакого прогресса. Встрѣча съ людьми дрянными, дряблыми, пустыми, должна не разочаровывать насъ, а еще болѣе развивать въ насъ жажду прогресса и дѣятельности, стремленіе способствовать всѣми силами въ улучшенію быта людей и черезъ это въ образованію лучшихъ людей, чѣмъ мы видимъ въ настоящее время. Еслибы Инна вооружилась этими мыслями, ее ни мало не поразила бы встрѣча съ поборниками хорошихъ идей, противорѣчащими этимъ идеямъ на каждомъ шагѣ. Изъ своихъ неудачъ, какъ плодотворной неопытности и незрѣлости, она извлекла бы прекрасные уроки для своего будущаго, стала бы разборчивѣе въ избраніи того или другаго пути для дѣятельности и въ людяхъ, съ которыми сходилась бы, и если не нашла бы безусловно идеальныхъ людей, то во всякомъ случаѣ набрела бы на относительно хорошихъ людей, приносящихъ своему времени посильную пользу въ направленіи, завѣщанномъ ей отцомъ.

Такииъ образомъ мы видимъ здѣсь тотъ же взглядъ, какой видѣли и у г. Писемскаго: г. Ключниковъ считаетъ маревомъ все современное ему движеніе общества на томъ основаніи, что въ движеніи этомъ онъ встрѣтилъ рядъ противорѣчій, которыя показались ему непроходимыми, потому что онъ не могъ возвыситься надъ ними и посмотрѣть на современное ему движеніе, не какъ на рядъ произвольныхъ поступковъ или увлеченій отдѣльныхъ личностей, а какъ на сложный общественный процессъ, вознившій изъ цѣлаго ряда причинъ, лежащихъ въ прошлой жизни общества, и непрерывно ведущій къ своимъ послѣдствіямъ. Если смотрѣть съ этой точки зрѣнія, то признавая даже, что все современное движеніе было рядомъ разбившихся увлеченій, мы не должны упускать, что увлеченія не суть чтонибудь произвольное, сознательное, основанное на доводахъ холоднаго разсудка; увлеченія или все равно страсти, въ особен-

ности общественныя, распространяющіяся на массы, суть явленія стихійныя, произвольныя; если общество въ подобныхъ увлеченіяхъ показываетъ свою незрѣлость, неравнѣность, отсутствіе всякаго политическаго такта и предусмотрительности, то вся вина въ этомъ обрушивается не на самое общество, а на тѣ причины, которыя препятствовали и до сихъ поръ препятствуютъ развитію въ обществѣ всѣхъ этихъ качествъ, необходимыхъ въ общественной жизни. И въ этомъ отношеніи, какъ бы ни представлялись повидимому безплодными какія-либо общественныя движенія, каждое изъ нихъ приноситъ свою долю пользы тѣмъ уже, что даетъ обществу богатые опыты и уроки на будущее время. Хотя мы и имѣемъ въ настоящее время возможность предварительно получить о маревѣ опредѣленное понятіе, и увидя его гдѣ нибудь въ степи, не обмануться въ немъ, но люди, впервые увидѣвшіе марево, не могли получить о немъ понятія инымъ путемъ, какъ не бывъ предварительно нѣсколько разъ обманутыми зрѣлищемъ этого явленія. Такимъ образомъ, если даже считать дѣйствительно маревомъ все происшедшее въ послѣдніе 10 лѣтъ, и въ такомъ случаѣ мы не имѣемъ никакого основанія приходить къ тому разочарованію, къ какому г. Ключниковъ привелъ Инну. Но это еще вопросъ, имѣемъ ли мы право смотрѣть такимъ образомъ на эпоху, въ которую живемъ. Конечно, только потомство, которое воспользуется плодами нынѣшняго времени, будетъ способно вполне безпристрастно оцѣнить его. Но не вдаваясь ни въ какія гадательныя предположенія, ограничиваясь однимъ простымъ наблюденіемъ того, что мы видимъ передъ глазами, мы можемъ уже судить, на сколько авторъ «Марева» вѣренъ дѣйствительности, привелъ Инну къ разочарованію. Мы видимъ, что лучшіе люди того направленія, какого была Инна — до сихъ поръ не приходили въ разочарованіе, не складывали на груди невужныя руки: каждый изъ нихъ какимъ нибудь посильнымъ трудомъ приноситъ пользу своему времени; а кто не нашелъ труда, продолжаетъ искать, не давая духомъ; кто не выучился, учится; кто сдѣлалъ промахъ на большомъ предпріятіи, взявши его не по силамъ, тотъ берется за маленькое дѣло. Еслибы г. Ключниковъ захотѣлъ въ лицѣ Инны изобразить лучшую дѣвушку новаго направленія, онъ долженъ былъ бы прежде всего быть вѣренъ дѣйствительности и не измышлять разочарованія тамъ, гдѣ его въ дѣйствительности въ настоящее время нѣтъ и быть не можетъ. Приведя же Инну къ разочарованію, г. Ключниковъ изобразилъ въ ней вовсе не современную реалистку, а идеалистку печоринскаго склада. Если подобныя герои и героини съ мрачно-сложенными руками на груди и встрѣчаются изрѣдка въ средѣ современнаго поколѣнія, то они не пользуются особеннымъ уваженіемъ и ихъ обходятъ, какъ людей изжившихъ и никому не нужныхъ.

Отвергнувши такимъ образомъ все современное движеніе об-

щества, какъ марево и миражъ, г. Ключниковъ, подобно г. Писемскому, почилъ на тѣхъ же отвлеченныхъ субстанціяхъ, какъ здравый смыслъ народа, умилительный патриотизмъ и семейное начало. Олицетвореніемъ всѣхъ этихъ доблестей является Русановъ, второй, какъ и всегда это бываеъ въ искусствѣ съ олицетвореніями отвлеченныхъ началъ, представляется съ начала романа до конца личностью совершенно безвѣтною. При чтеніи романа онъ постоянно рисуется въ нашемъ воображеніи геніемъ чистоты, скромности и невинности, съ нѣжно-умиленнымъ сердцемъ, скромно опущенными глазами и цвѣточкомъ въ рукахъ.

VI.

Нужно ли распространяться много о томъ, что въ романѣ г. Стебницкаго «Некуда» мы видимъ тѣ же самыя элементы, которые нашли и у г. Писемскаго и у г. Ключникова. Самое заглавіе показываетъ вамъ, что романъ построенъ на томъ же умозаключеніи, какъ и всѣ прочіе романы этой школы. Если все современное движеніе общества не что иное, какъ мыльные пузыри, марево, дымъ, то, конечно, лучшимъ людямъ, иначе сказать, воплощеннымъ идеаламъ дѣться *некуда* — российская земля сошла для нихъ влкомъ: все старое нигуда не годится, все новое несостоятельно — и остается только ложиться въ холодныя могилы. Г. Стебницкій употребляетъ буквально тѣ же приемы, что и г. Ключниковъ: онъ выдвигаетъ передъ вами на первый планъ два идеальные типа: идеальнаго социалиста Райнера и идеальную нигилистку Лизу Бахареву. Подобно Ингѣ, Райнеръ воодушевленъ смертію отца своего, разстрѣланнаго швейцарскаго революціонера; разочаровавшись въ европейской жизни, онъ ѣдетъ въ Россію, предполагая найти въ ней какой-то самородный социализмъ, коренящійся на чисто-народной почвѣ, но находитъ толпу растленныхъ нигилистовъ; въ отчаяніи кидается въ польское возстаніе, предполагая и тамъ обрѣсти искомый социализмъ, но и тамъ его не находятъ, и кончаетъ жизнь плѣномъ и разстрѣляніемъ. Съ своей стороны Лиза Бахарева, непонятая и угнетенная въ семейной жизни, ищетъ выхода изъ нея въ современномъ движеніи, бросается въ толпу тѣхъ же коварныхъ нигилистовъ; но разочаровавшись въ нихъ, не знаетъ куда преклонить голову, находить, что дѣться *некуда*, и томится жаждою труда, не зная за что приняться, пока зрѣлище смерти Райнера не потрясаетъ всей ея природы, и тогда, поверженная на смертный одръ, она умираетъ въ кругу благонамѣренныхъ друзей своихъ, оплакавшихъ въ ней несчастную жертву современнаго движенія. Подобно Русанову, благонамѣренные друзья Лизы совмѣщаютъ въ себѣ съ здравымъ смысломъ всевозможныя доблести патриотическія и семейныя. Такъ, наиримѣръ, описывая свадьбу Жени Главацкой г. Стебницкій не преминулъ упомянуть, какъ сообразно съ праческими общаами къ дѣвственной кровати Жени была смѣл

и твердо приставлена другая кровать, какъ монахиня Теокиста, похаживая по спальнѣ, то оправляла оборки подушекъ, то осматривала кофту, то передвигала мужскія и женскія туфли новобрачныхъ. Какъ, затѣмъ, молодая жарво молилась съ монахиней о ниспосланіи брака честна и соблюденія долга несверна, и затѣмъ, г. Стебницкій объявляетъ, что мы не имѣемъ права долге оставаться въ этой комнатѣ, и тѣмъ заканчиваетъ картину благонамѣреннаго и благочестиваго брака.

Мы не будемъ вдаваться во всѣ подробности анализа тѣхъ элементовъ романа г. Стебницкаго, въ которыхъ онъ сходится съ вышеразобранными нами романами; иначе пришлось бы снова повторять все то, что мы высказали уже по поводу «Взбалученнаго моря» и «Марева». Мы обратимъ лучше вниманіе на то, чѣмъ отличается романъ г. Стебницкаго отъ вышеозначенныхъ.

Заблужденіе гг. Писемскаго и Ключникова заключается въ томъ, что обративши исключительное вниманіе на одни безобразія современной намъ эпохи, и упустивши изъ виду, по узкости своего умственнаго кругозора, все, чѣмъ мы можемъ гордиться, они, по однимъ безобразіямъ, судятъ о самой сущности общественнаго движенія нашей эпохи. Но надо имъ отдать справедливость, что въ анализѣ современныхъ безобразій они стараются твердо держаться на художественной почвѣ, то-есть проводить подмѣчаемыя ими въ жизни безобразія сквозь процессъ творчества, и создавать изъ нихъ типы, и иногда это имъ удастся. Таковъ, напримѣръ, типъ Бакланова у Писемскаго, типы Бронскаго или Коли Горобца у Ключникова, типы Кукиной и Ситникова у г. Тургенева; вы можете смѣяться надъ писателями, которые въ этихъ личностяхъ видятъ начало и конецъ современнаго движенія общества, и по нимъ судятъ о несостоятельности нашей жизни вообще, но сами по себѣ, типы эти взяты изъ жизни, они дышатъ художественною правдою.

Совершенно иначе поступаетъ г. Стебницкій: вмѣсто того, чтобы изучать жизнь, какъ она есть, въ самой дѣйствительности, и создавать общіе типы изъ частныхъ явленій, что г. Стебницкій обязанъ дѣлать, если только хочетъ быть достойнымъ носить имя художника, и что онъ можетъ дѣлать, владея несомнѣннымъ талантомъ, онъ пренебрегаетъ своимъ талантомъ съ самою постыдною небрежностью и недобросовѣстностью: извѣстно, что въ обществѣ ходитъ много всякихъ слуховъ, толковъ, перетолковъ и сплетенъ, лишенныхъ часто всякихъ основаній о разныхъ литературныхъ и общественныхъ дѣятеляхъ, о тѣхъ или другихъ фактахъ общественной жизни. Г. Стебницкій беретъ эти сплетни въ такомъ видѣ, какъ онѣ ходятъ, и безъ всякаго анализа передаетъ ихъ, исваяя и лица и факты. Такимъ образомъ, вмѣсто типовъ, вмѣсто эпизодовъ, въ которыхъ, какъ въ общемъ фокусѣ, отражались бы частныя явленія жизни, вы видите рядъ карикатуръ, рядъ обезображенныхъ событій, въ которыхъ вы не видите и тѣни жизненной правды. Если г. Стебницкій смо-

трить на длинный рядъ героевъ своего романа, какъ на людей заблуждавшихся, сбившихся съ истиннаго пути, то тѣмъ болѣе, онъ долженъ былъ позаботиться изучить этихъ людей во всѣхъ ихъ заблужденіяхъ, во всѣхъ современныхъ тайникахъ ихъ жизни. Какъ бы ни заблуждались, по мнѣнію г. Стебницкаго, эти люди, а все-таки они были люди, честно и горячо стремившіеся къ тому, что, по ихъ мнѣнію, было истинною и благомъ; если ихъ привычки, нравы, вынесенные изъ прежней жизни, противорѣчили иногда съ ихъ убѣжденіями, не могли же они, люди, во всякомъ случаѣ, развитые и мыслящіе, не чувствовать своего разлада, и хоть изрѣдка, не кандрить по поводу его, и не стараться выбиться изъ-подъ гнета своихъ привычекъ... Анализа борьбы съ обстоятельствами, борьбы съ самими собою, столкновенія, высокихъ и низкихъ побужденій, — однимъ словомъ, анализа всего, что наполняетъ жизнь человѣка — какихъ бы онъ ни былъ убѣжденій, развитія, состоянія, гдѣ бы онъ ни находился и что бы онъ ни дѣлалъ, всего этого мы не находимъ въ романѣ г. Стебницкаго. Нигилисты его вовсе не люди, а суррогаты всевозможныхъ пошлостей, злоумышленій, чувственности, подлости и трусости. Неужели г. Стебницкій не могъ понять той простой истины, что сатира только тогда производитъ свое потрясающее дѣйствіе, когда она беретъ какой-нибудь фактъ изъ жизни въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ, въ самомъ дѣлѣ, представляется въ дѣйствительности, и осмѣиваетъ въ его истинномъ безобразіи. Когда же писатель, искажая и окарикатуривая какіе-нибудь факты, представляетъ ихъ гораздо худшими, чѣмъ они въ дѣйствительности, читатель невольно становится на сторону обезображиваемыхъ фактовъ, и его возмущаютъ не столько изображаемыя писателемъ безобразія, сколько безобразіе самого писателя, низводящаго искусство на степень желчнаго и злобнаго злорѣчія, напоминающаго сплетничество уѣздныхъ кумушекъ и приживалокъ. И на такое постыдное поприще низводитъ искусство г. Стебницкій, принадлежащій къ числу поборниковъ такъ-называемаго чистаго искусства, поборниковъ, постоянно обличавшихъ людей новаго міросозерцанія въ отрицаніи значенія искусства и въ низведеніи его на степень гражданскихъ памфлетовъ!

Изобразивши толпу нигилистовъ въ видѣ суррогата всевозможныхъ пороковъ и слабостей, г. Стебницкій и самъ не замѣтилъ, въ какое противорѣчіе поставилъ онъ себя со своими идеальными героями, Лизой Бахаревою и Райнеромъ. Если эта толпа, дѣйствительно, представляла соединеніе всего порочнаго, то какъ же это Лиза Бахарева, дѣвушка съ умомъ и съ сердцемъ, начитанная и размышляющая, могла такъ долго якшаться съ такими людьми? Какъ на другой же день по вступленіи своемъ въ домъ согласія, не вышла она изъ него? А съ другой стороны, хорошъ и этотъ Райнеръ, европейскій социалистъ, успѣвшій поѣздить и пожить по Европѣ, разочаровавшійся въ европейскихъ социалистахъ, и въ то же время, не умѣющій съ перваго же

разу различить, какіе люди окружаютъ его въ Петербургѣ! Хорошо этотъ Райнеръ, человекъ, не забудьте, съ познаніями, и вдругъ, что же: стоило только встрѣтиться съ нимъ первому поляку, и сказать ему, что польское дѣло—добыть бѣднымъ хлопкамъ землю, раздѣлить ее по братски, — и пусть тогда будетъ народная воля, — и Райнеръ, какъ пятнадцатилѣтній мальчикъ, бросился стремглавъ въ польское возстаніе, сразу повѣривъ, что возстаніе это основывается на началахъ социализма!

Однимъ словомъ, недодуманность, небрежность, самая недобросовѣстная, мѣстами передача грязныхъ силетень, мѣстами писанье просто, что-называется, съ головы, то-есть, что сбредеть на умъ въ данную минуту, не слыха, на сколько это согласно съ предыдущей страницей — г. Стебницкій, какъ это называется по вашему — художественное творчество, поклоненіе чистому искусству?

VII.

Когда въ обществѣ полуобразованномъ, имѣющемъ самыя дѣтскія понятія о различныхъ системахъ міросозерданія, окончательно сложилось и укоренилось о новомъ міросозерданіи предубѣжденіе, что будто это новое міросозерданіе отвергаетъ всякую нравственность, оправдываетъ всѣ возможныя преступленія, лишь бы цѣль оправдывала средства, отрицаетъ любовь и признаетъ одно удовлетвореніе животной чувственности, — тогда сложились стереотипныя фабулы и типы въ видѣ молодой дѣвочки съ остриженной косою и грязными воротничками, разговаривающей не краснѣя со студентомъ объ актѣ оплодотворенія, и студента съ длинными волосами, рѣжущаго лагушекъ и готоваго при случаѣ зарѣзать человѣка. Разъ подобныя фабулы сложились, всякое наблюденіе живой дѣйствительности и акты творчества на основаніи этихъ наблюденій, — оказались совершенно излишними. Порицателямъ новѣйшихъ прогрессистовъ и прогрессистовъ теперь только и остается, что сидя въ своемъ кабинетѣ нанизывать изъ своей фантазии одну грязную сценку на другую, разсыпать по своимъ произведеніямъ дюжинами дѣвицъ съ остриженными косами и студентовъ, рѣжущихъ лагушекъ и фразы относительно отрицанія всякаго рода. Гг. Тургеневъ, Писемскій и Ключниковъ—все-таки заботились изображать въ своихъ произведеніяхъ людей живыхъ съ разными человѣческими побужденіями и чувствами, г. Стебницкій основалъ свое произведеніе по крайней-мѣрѣ на силетяхъ и злорѣчіяхъ, которыя ему во всякомъ случаѣ стоило труда собрать, г. Авенаріусъ въ своихъ повѣстяхъ «Бродящія слезы» — не сдѣлалъ и этого. Повѣсти эти основаны исключительно на готовыхъ ходячихъ фабулахъ и представляютъ странное патологическое явленіе. Г. Авенаріуса много обвиняли въ клубничествѣ, что побудило его, устыдившись своего динизма, выпустить кой-какія сценки въ

отдѣльномъ изданіи своихъ повѣстей. Но надо прибавить къ этому, что клубничество г. Авенариуса совершенно особеннаго свойства: это вовсе не клубничество человѣка познѣвшаго и знающаго, какъ говорится, жизнь вдоль и поперекъ; напротивъ того, это клубничество человѣка совершенно не жившаго, никогда повидимому не встрѣчавшаго ни одного лица женскаго пола или, по крайней-мѣрѣ, не сближавшагося ни съ одной порядочной женщиной. Ужъ не говоря о нигилистахъ, въ изображеніи которыхъ г. Авенариусъ руководствуется готовыми фабулами, вы посмотрите, какъ онъ изображаетъ швейцарку Мари, въ которой онъ претендуетъ олицетворить типъ женственности. Прочтите въ изображеніи этой таинственной Мари въ ночной сценѣ съ Ластовымъ,—развѣ женщина изображена въ этой сценѣ, а не галлюцинація разстроеннаго воображенія аскета, никогда не видѣвшаго женщинъ, или же трактирнаго гулаки, имѣющаго понятіе о женщинахъ только по пляшущимъ и поющимъ трактирнымъ красавицамъ. Такъ и надо было ожидать, что общество наше, воспитанное на доморощенной клубничкѣ, и неполучившее никакого философскаго развитія, бѣдное знаніями—вынесетъ изъ новаго міросозерцанія только рядъ соблазнительныхъ фабулъ, въ утѣху старыхъ дѣвъ и убогихъ аскетовъ съ развращеннымъ воображеніемъ.

И долго еще придется намъ возиться съ тѣмъ фамусовскимъ сластолюбіемъ, которое, само купаясь въ грязи и тинѣ самого неопратнаго цинизма, въ каждомъ мало-мальски самостоятельномъ шагѣ человѣка не по указанной тропѣ, подозреваетъ на первомъ планѣ непременно что-нибудь по части скоромнаго. Долго еще придется возиться намъ съ подозрительною трусостью невѣжества, которое, не въ силахъ будучи осмыслить какой-нибудь простой идеи, приходитъ сейчасъ же въ ужасъ отъ нея и подозреваетъ въ ней непременно замыселъ на разрушеніе всѣхъ основъ жизни общественной и семейной. Долго еще придется возиться намъ съ тѣмъ робкимъ и малодушнымъ скептицизмомъ, и кислымъ разочарованіемъ, которые на каждомъ шагу представляютъ намъ идеализмъ. Какъ въ былое время отнесся идеализмъ къ судебной реформѣ—объявивши, что это великая вещь, но... мы до нея еще не созрѣли, какъ думалъ онъ о крестьянской реформѣ, воображая, что ничего не можетъ быть выше свободы, но прежде слѣдуетъ развить каждаго крестьянина въ отдѣльности чтобы сдѣлать его достойнымъ такого высокаго предмета, какъ свобода, а потомъ уже приступить къ освобожденію, такъ долго еще будетъ встрѣчать идеализмъ каждую реформу. Онъ постоянно будетъ преклоняться передъ величиною идеи и считать своихъ современниковъ неприготовленными къ осуществленію ея. Онъ постоянно будетъ вмѣсто какихъ-либо хоть самыхъ ничтожныхъ измѣненій къ лучшему совѣтовать людямъ заниматься самоуглубленіемъ и самовоспитаніемъ съ цѣлю первоначально улучшить нравственность каждаго человѣка въ от-

дѣльности, а потомъ уже приступать къ улучшенію общественнаго быта. Но вида, что люди нисколько не заботятся о самовоспитаніи и нравственность ихъ не улучшается, онъ будетъ впадать въ разочарованіе и считать невозможнымъ какое-либо движеніе впередъ, признавая своихъ современниковъ слишкомъ драблыми и растленными для этого. Идеализмъ такого рода очень упорная и живучая теорія; его не сдвинуть съ мѣста никакими спорами, никакими убѣжденіями и насмѣшками. Теорія эта коренится на отсутствіи сколько-нибудь прочнаго и обширнаго образованія въ нашемъ обществѣ. Только распространеніе положительныхъ знаній въ массѣ публики можетъ хоть сколько-нибудь пошатнуть эту застарѣлую теорію.

А. СЕВЯЧЕВСКІЙ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Засоренныя дороги и Съ квартиры на квартиру.
Романъ и разсказъ соч. А. Михайлова. С.-Петербургъ. Изданіе В. Е. Генделя. 1865 г.

Г. Михайловъ началъ свое литературное поприще въ 1864 году романомъ «Гнилыя болота». Гнилыя болота—терминъ индифферентный: это жизнь въ тѣхъ ея формахъ, которыя завѣщаны намъ исторіей, это сплетеніе всякаго рода обрядностей, хотя и утратившихъ живой смыслъ, но выходящихъ за себя вышнюю, грубую силу, и потому безапелляционно подавляющихъ въ человѣкѣ всякое движеніе въ смыслѣ самостоятельности и независимости. Нельзя, однако, не сознаться, что сравненіе это было проведено авторомъ довольно голословно, и что ни содержаніе романа, ни положенія дѣствующихъ въ немъ лицъ, ни мало не указывали на то, въ чемъ собственно заключается сущность жизненныхъ «гнилыхъ болотъ», и въ чемъ выражается тлетворное ихъ вліяніе на судьбу людей. Участники драмы, по видимому, живутъ очень спокойно, въ весьма приличныхъ квартирахъ, не терпятъ никакихъ уцербовъ, не искалечиваются, не обезображиваются, и все ихъ отличіе отъ другихъ людей, живущихъ также въ приличныхъ квартирахъ, заключается въ томъ, что они совершенно добродушно трактуютъ о томъ, что жизнь есть «гнилое болото», которое можетъ и искалечить, и обезобразить, и нанести ущербъ. Это обиліе діалоговъ и крайняя бѣдность дѣйствительнаго, живаго содержанія, сообщили роману г. Михайлова характеръ чего-то напусканаго, сочиненнаго съ чужихъ словъ. Самое названіе романа казалось нѣсколько претенціознымъ, и далеко не отвѣчающимъ дѣйствительному выполненію

избранной авторомъ задачи. Но такъ-какъ, за всѣмъ тѣмъ, это было первое произведеніе молодого автора, и въ основаніи его лежала мысль несомнѣнно честная, то оно было встрѣчено публикой не только онискодительно, но даже съ симпатіей. Кажалось, что тутъ есть начатки чего-то хорошаго и серьѣзнаго, что если авторъ и страдаетъ неясностью, то это происходитъ оттого, что какъ всѣ начинающіе, онъ не можетъ еще совладать съ своимъ матеріаломъ, что онъ спѣшитъ подѣлиться съ публикой *всѣми* результатами своихъ размышленій и наблюденій, такъ-какъ *все* они имѣютъ въ глазахъ его одинаковую важность и интересъ.

Съ тѣхъ поръ, г. Михайловъ написалъ довольно много, но все вновь написанное оказывается повтореніемъ «Гнилыхъ болотъ» и, къ сожалѣнію, повтореніемъ довольно слабымъ. Сфера наблюденій ни мало не расширилась, а тотъ горячій лиризмъ, который примирялъ читателей «Гнилыхъ болотъ» съ недостаточностью дѣйствительнаго содержанія, утратилъ свою первоначальную свѣжесть и приобрѣлъ какіе-то фальшивые тоны. Напускное, измышленное негодованіе, по прежнему, стоитъ на первомъ планѣ, даже темы для этого негодованія намечены тѣ же, но страстности мысли, которая, по временамъ, проглядывала въ «Гнилыхъ болотахъ», не осталось почти и слѣда. Это, впрочемъ, всегда случается съ авторами, которые въ разнообразіи жизни умѣютъ подмѣчать только однѣ, такъ сказать, избранныя стороны. Авторы эти очень скоро исчерпываютъ небольшой запасъ своихъ наблюденій, и, въ конечномъ результатѣ, если желаютъ продолжать работать, то бывають вынуждены раздражать самимъ себѣ (разительнѣйшій примѣръ въ этомъ смыслѣ представляетъ г. Н. В. Успенскій, который уже нѣсколько лѣтъ сразу подвизается на печальномъ поприщѣ поддѣлки подъ самого себя).

Нѣтъ ничего тяжеле, какъ видѣть людей, страдающихъ неосознанными страданіями, и обладающихъ способностью во всякое время заниматься разговорнымъ негодованіемъ. Мало того, что эти люди не могутъ опредѣлить свойство боли, на которую непрерывно жалуются, они едва-ли даже въ состояніи указать на фактъ, производящій въ нихъ досаду или волненіе. Это своего рода маханіе картоннымъ мечемъ, это маневры чувствительности и благодарства, въ которыхъ нѣтъ ни одного движенія, не свѣдѣтельствующаго о натяжѣ и выдумѣ. Слышится томное, наводящее тоску голошеніе, но даже самое привычное ухо едва-ли съумѣетъ различить въ немъ хоть одно внятное слово. Миръ—гнилое болото; жизнь—засоренная дорога! вопіютъ эти люди на всѣ лады, и притомъ такъ самоувѣренно, какъ будто и дѣйствительно это унылое голошеніе нѣчто опредѣляетъ, какъ будто и впрямъ они понимаютъ и достоверно указать могутъ, гдѣ находятся эти гнилыя болота, и въ чемъ заключается суть засоренныхъ дорогъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ томъ стрѣжъ жизни, который представляется нашимъ глазамъ, насорено очень достаточно; но для того, чтобы имѣть право негодовать на этотъ соръ, необходимо, но малой мѣрѣ, умѣть назвать его по имени. Чело-вѣкъ на каждомъ шагу чувствуетъ себя связаннымъ и опутаннымъ по рукамъ и по ногамъ — это такъ; но онъ опутанъ со-всѣмъ не тѣмъ, что міру присвоено остроумное названіе гнилаго болота, а тѣмъ, что въ этомъ гниломъ болотѣ настроено великое множество всякихъ капищъ, съ которыми нельзя разминуться, и которыя дѣйствительно наносятъ человѣческой свободѣ немалый ущербъ. Эти капища такъ явны и до такой степени у всѣхъ на виду, что даже не требуется особенно-извурительныхъ умствен-ныхъ затратъ, чтобы запримѣтить ихъ. Тутъ необходимо только отнестись къ дѣлу просто и не зажмуривать преднамѣренно глаза.

Но эта простота не понутру очень многимъ. Охотники до легкаго труда справедливо разсуждаютъ, что несравненно покойнѣе покончить съ извѣстнымъ рядомъ явленій, отдѣлавшись отъ него какии-нибудь общимъ мѣстомъ, нежели анализировать и изслѣ-довать его. Какъ ни грубы явленія, опутывающія чело-вѣка въ данный историческій моментъ, но для того, чтобы каждому изъ нихъ указать свое мѣсто, все-таки необходимо употребить извѣ-стную сумму труда. Но, кромѣ нежеланія труда, тутъ не обхо-дится и безъ хитрости. Извѣстно, что чело-вѣкъ, который ве-детъ счетъ съ жизнью, а не запирается отъ нея, болѣе под-вергается всякаго рода рискамъ, нежели какой-нибудь высоко-добродѣтельный дармоѣдъ, который придумаетъ меткое словцо да и скроется въ свою раковину. Анализировать капища вещь не столько трудная, сколько опасная. Съ одной стороны, въ нихъ накоплено множество нечистотъ, которыя прилипаютъ; съ другой стороны, и сюда и съ боковъ всегда лежитъ такой за-пасъ всякаго хлама, что изслѣдователь нерѣдко останавливается въ недоумѣніи, отвергнуть ли капище безусловно, или только уяснить себѣ его значеніе въ ряду другихъ капищъ. А такъ-какъ, сверхъ того, прикосновеніе къ живому матеріалу и само по себѣ уже имѣетъ свойство смягчать слишкомъ суровые взгляды на жизнь, то нужно дѣйствовать очень осторожно и имѣть очень твердую опору въ самомъ себѣ, чтобы не запу-таться и не попасть, незамѣтнымъ образомъ, въ общую засорен-ную колею. Ни одной изъ этихъ случайностей высокодобродѣ-тельный дармоѣдъ не подвергается, да и подвергаться не хочетъ. Какъ истинный дворянинъ-бѣлоручка, онъ упорно отвращается отъ черной работы и ревниво блюдетъ, чтобы на одеждѣ его не показалось какое-нибудь натянышко, и чтобы право на непре-пятственное производство нетруднаго негодовательнаго ремесла было обезпечено за нимъ на неопредѣленное время.

Такихъ заносчиво-гадливыхъ дармоѣдовъ шатается по бѣлу свѣту великое множество. Въ оправданіе своей гадливости они говорятъ обыкновенно, что слишкомъ близкое общеніе съ жизнью

могут подвинуть на сдѣлки съ нею, сдѣлки же, въ свою очередь, могутъ подорвать чистоту мысли, чистоту убѣжденія. Въ этомъ объясненіи, какъ мы уже видѣли, конечно, есть известная доля правды, но рядомъ съ этою правдою, невольно рождается много вопросовъ, которые въ значительной степени видоизмѣняютъ ее. Вопервыхъ, если и дѣйствительно нами сознается, что жизненныя дороги засорены, то ужели этого сомнѣнія достаточно, чтобы удовлетвориться имъ, и затѣмъ уже смотрѣть на соръ, какъ на что-то фаталистически-присущее жизни и осужденное загромождать ее безсрочно? Вовторыхъ, ежели мы въ общеніи съ жизнью видимъ нѣчто несовмѣстное съ чистотою нашихъ убѣжденій, то какими же глазами мы взглянемъ на эту честную, бодрую, трудящуюся толпу, для которой подобное общеніе есть неизбежное условіе всей жизни, и которая только при его посредствѣ можетъ обезпечить себѣ скудный кусокъ хлѣба? Ужели мы назовемъ этихъ труженниковъ людьми безчестными или слабохарактерными? Ужели мы скажемъ имъ: сгибайся, бѣдствуй и умирай, но счетовъ съ жизнью имѣть не мож! Втретьихъ, наконецъ, ежели мысль наша и подлинно пришла къ убѣжденію въ негодности известныхъ формъ жизни, то для того ли только она убѣдилась, чтобы приобрести право на бессильныя жалобы?

Такого-то рода суесловныхъ героевъ, томатихся скукою правды, и вѣчно собирающихся что-то накуралесить, но только не знающихъ, на что именно имъ обрушиться, изображаетъ г. Михайловъ въ своихъ произведеніяхъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что типъ этотъ не лишенъ ни оригинальности, ни современной жизненной правды, но, къ сожалѣнію, г. Михайловъ относится къ нему безъ малѣйшаго признака объективности. Повидимому, онъ даже искренно сочувствуетъ своимъ героямъ, и признаетъ ихъ въ этомъ качествѣ безъ всякихъ оговорокъ; и хотя каждаго изъ этихъ крошечныхъ злопыхателей приличнѣе представить себѣ въ образѣ халатника, распадающаго грань-пассьянсъ, (но авторъ очень серьезно заставляетъ ихъ выходить съ желѣзомъ въ рукѣ и съ безсиліемъ въ сердцахъ, и повторять вмѣстѣ съ поэтомъ:

Я въ мірѣ боецъ! Я за правду ору!

Понятно, что эффектъ выходить поразительный, но едва-ли не въ обратномъ смыслѣ...

Содержаніе романа «Засоренныя дороги» такъ немногосложно, что его почти нельзя передать. Нельзя также сказать, чтобы романъ было очень длиненъ, но странное явленіе иногда происходитъ въ беллетристикѣ: вещи очень длинныя кажутся короткими, вещи несомнѣнно короткія кажутся такими длинными, что читатель едва осмливаетъ ихъ до конца. Все это, конечно, зависитъ отъ того, въ какой мѣрѣ созналъ или не созналъ авторъ предстоящую ему задачу. Весьма неприятно намъ сознаться, что впечатлѣніе, произведенное на насъ «Засоренными дорогами», было именно впечатлѣніе послѣдняго рода.

Т. СLXXX. — Отд. II.

4

Дѣйствіе открывается сборищемъ молодыхъ людей, только что кончившихъ курсъ въ университетѣ. Каждый говоритъ о своихъ намѣреніяхъ и надеждахъ, и говоритъ очень смутно и неопредѣленно. Это еще, конечно, небольшая бѣда: мечтательность и неопредѣленность стремленій не только свойственна юношескому возрасту, но даже сообщаетъ ему извѣстный симпатичный колоритъ; бѣда не въ этомъ, а въ томъ, что разговоры юныхъ героевъ г. Михайлова до очевидности заражены прѣвоннымъ старческимъ доктринерствомъ. Эти юноши не что иное, какъ несозрѣвшіе старички, въ словахъ и дѣйствіяхъ которыхъ обнаруживается преждевременное безсиліе, нагота котораго не прикрывается даже изобильнымъ напускнымъ выломъ.

Они какъ будто во всемъ уже убѣдились, и раздѣлили міръ пегородкой на двѣ половины, изъ которыхъ въ одной стоятъ они, благонравные, умудрившіеся мальчишки и неукоснительно налагають только избранныя мѣста изъ одобренныхъ хрестоматій, а въ другомъ — подлцы, тумоумные шалопаны и дармоѣды, налагающіе набранныя мѣста изъ сочиненій Баркова. Хорошо еще, что вторая половина міра всегда представляется въ романахъ г. Михайлова отсутствующею, а то вѣдь очень можетъ быть, что поговоривши между собой, обѣ стороны равне убѣдили бы другъ друга въ несомнѣнномъ своемъ дармоѣдствѣ. Слышатся остроумныя выходы противъ *блосомлетниковъ*; высказывается мнѣніе, что нѣтъ никакой привлекательности «въ золотѣ и батистѣ щеголя, отнявшаго этими украшениями законную долю у нищаго». Все это говорится такъ, безъ всякаго повода, все это выбрасывается изъ устъ на распутіе, и оставляется тамъ гнить, никѣмъ не подобраннымъ. «Что же, виновать я, что ли», говоритъ одинъ изъ этихъ неоперившихся перестарковъ, «что у меня жалчь къ горлу подступаетъ (не слишкомъ ли громко, милый молодой человѣкъ?) что я не могу балагурить и смотрѣть на жизнь шута? Жизнь не шутка! не шутка и то, что человекъ впередъ знаетъ, что онъ идетъ на гибель (?), на провѣбаніе въ какомъ-нибудь вороньемъ гнѣздѣ (?), гдѣ нѣтъ ни общественной жизни, ни порядочныхъ людей, ни книгъ, гдѣ у него не будетъ даже средствъ выписать на свои деньги нужныя выаги, а кругомъ будутъ пынствовать, кутить втянувшіеся въ этотъ омутъ субъекты, будутъ давить новичка, чтобы онъ не былъ лучше ихъ, чтобы онъ пошелъ по ихъ торной дорожкѣ...»

Видите, этотъ юный втенецъ еще отъ земли не выросъ, а уже чувствуетъ, что у него подступаетъ жалчь (куда?); онъ никакихъ не извѣдалъ страданій, кромѣ тосноты, причиняемой безмѣрнымъ куреніемъ табака, а уже грозитъ во всѣ лопатки, уже предсказываетъ себѣ, прекрасному молодому человѣку, гибель... Да, все это такъ; все это хотя и книжно, но при извѣстныхъ условіяхъ и въ данномъ возрастѣ, книжность нетолько простительна, но даже прилична и привлекательна. Это, такъ сказать, книжность естественная, вполне согласная со всею обстановкою

жизни. Но г. Михайловъ ухитрился этой книжнота придать еще особенной книжноты характеръ, и вышла у него книжнота натянутая, ни при какихъ условіяхъ жизни недопускаемая. И произошло это отъ того, что авторъ самъ видитъ въ этой книжнотѣ нѣчто нормальное и весьма премудрое, а героев своихъ считаетъ не зачатками героевъ, но героями настоящими и заправскими.

Показавши, съ какими людьми мы должны имѣть дѣло, авторъ переноситъ мѣсто дѣйствія въ провинцію, въ домъ помѣщика Пашенко, куда пріѣзжаетъ братъ его, одинъ изъ кончившихъ курсъ студентовъ. Описаніе помѣщичьяго быта очень любопытно. Съ тѣхъ поръ, какъ И. С. Тургеневъ подарилъ насъ мастерскими картинами «дворянскихъ гнѣздъ», описывать эти гнѣзда «по Тургеневу» почти ничего не стоитъ. Прежде всего, нужно изобразить страдающаго одинокой помѣщика, слегка пришибленную и бросающуюся изъ угла въ уголъ хозяйку-помѣщицу, и подлѣ нихъ молодое, страстное существо, задыхающееся въ тѣснотѣ житейскихъ дразгъ. Затѣмъ, варенье, варенье, варенье, сливки, сливки, сливки, ночью же припустить соловья. Такими чертами описана жизнь помѣщика Константина Ивановича Пашенко, его жены Марьи Дмитриевны и сестры Кати, у которыхъ поселяется «въ мирѣ боецъ» Иванъ Ивановичъ Пашенко. Само собой разумѣется, что «въ мирѣ боецъ» сейчасъ же начинаетъ задыхаться, а чтобъ не задохнуться окончательно, принимается за реформы по части меньшей братіи. Эта меньшая братія — просто кладъ, и ежели бы ея не было, то, право, не знаешь, что дѣлали бы наши проказливые «въ мирѣ бойцы». Но ежели справедлива пословица, гласящая, что «въ мужикомъ брюхѣ долото сгніетъ», то не мѣшало бы подобную же пословицу сложить и на счетъ мужицкой спины. Къ ней всякій подходитъ свободно и всякій кладетъ на нее какую угодно реформу, какъ будто это не живая спина, а простой, покрытый сермягою столъ. Съ такою же развязностью подходитъ къ этой спинѣ и «въ мирѣ боецъ» Иванъ Ивановичъ Пашенко, подходитъ безъ надобности, безъ убѣжденія, просто съ однимъ ребяческимъ любопытствомъ: попробую! Происходятъ трагикомическія сцены, въ которыхъ слышатся, сквозь видимыя міру слезы, не менѣе видимый смѣхъ. Мужики, разумѣется, ничего не понимаютъ; имъ дарятъ лѣсъ («лѣсъ» — это слабая струна, это *couleur locale* никогда не бывавшихъ въ деревнѣ авторовъ), а они, вмѣсто того, чтобъ употребить его на дѣло, пропиваютъ; мало того, нѣкоторые изъ нихъ до того извольничались, что стали даже просить, чтобъ ихъ выпороли. Все это приводитъ реформатора въ великое смущеніе. «Бывали дни», говоритъ авторъ, «или лучше сказать ночи, когда онъ сотни сотенъ разъ ходилъ взадъ и впередъ по своей комнатѣ, волновался, сжималъ руками пылающую голову, падалъ духомъ, рѣшался отдать крестьянамъ заразъ все, и оставить ихъ на произволъ судьбы...» И вѣдь ни разу во время этихъ сотни сотенъ разъ не пришло на мысль этому безмозглому съ пылаю-

щей головой «въ міръ бойду», что все это онъ выдумалъ, и что на порку не только мужикъ, но даже лошадь никогда добровольно согласія не изъавитъ.

Дни проходятъ за днями, и покуда Иванъ Ивановичъ Пашенко сжимаетъ плающую голову, въ Катенькѣ подъѣзжаетъ чиновникъ Благово и женится на ней. Этотъ Благово стоитъ по другую сторону перегородки, и потому онъ шалоной, дармоѣдъ и подлецъ. То-есть, коли хотите, онъ совсѣмъ не шалоной, не дармоѣдъ и не подлець, а просто лицо безъ всякихъ качествъ, но авторъ такъ настойчивъ въ этомъ отношеніи, что не вѣрить ему нельзя. Дѣйствіе переносится въ Петербургъ, куда вслѣдъ за Благовыми переѣзжаетъ и «въ міръ боецъ» Пашенко, у котораго въ Петербургѣ есть невѣста, хорошая дѣвушка, не чуждая вопросу о женскомъ трудѣ, и потому стоящая по сю сторону перегородки. Благово намекаетъ Катѣ, что она не дурно сдѣлаетъ, если подастъ нѣкоторыя надежды его начальнику, графу Баумгрилле; это, разумѣется, ее возмущаетъ, и она убѣгаетъ въ семью брата. Тамъ встрѣчаетъ она нѣкоего Крючниковъ, другаго «въ міръ бойца», который охазываетъ еще тупѣе Пашенко, и ничего не ѣстъ и не пьетъ. Напрасно Катенька признается ему въ любви, напрасно проситъ спасти ее — этотъ мрачный идіотъ, этотъ непоколебимый поборникъ либеральнаго онанизма остается глухъ и непреклоненъ. Изъ-за чего? — а вотъ изъ-за чего: «изъ боязни, что неостанетъ куса хлѣба, что этотъ кусокъ придется воровать у другихъ людей, неповинныхъ въ томъ, что я выдумалъ потѣшить себя любовью, пороскошничать!» Можно ли быть менѣе вѣжливымъ, и въ то же время менѣе сообразительнымъ!

Кончается тѣмъ, что Катенька уѣзжаетъ въ деревню, а Крючниковъ, въ догонку, какъ бы нѣчто восчувствовавъ, пишетъ къ ней письмо.

Вотъ и все. Мы неприхотливы и не избалованы богатствомъ внѣшняго содержанія въ нашихъ повѣстяхъ и романахъ — да и Богъ съ нимъ, съ этимъ богатствомъ внѣшняго содержанія! но самая простая азбука беллетристики требуетъ, чтобы повѣствователь, по малой мѣрѣ, объяснялъ внутреннія побужденія, руководящія его героями. У г. Михайлова лица слоняются изъ угла въ уголъ безъ всякихъ побужденій, даже безъ всякаго внѣшняго повода: это просто пружинныя буулы.

Мы знаемъ, что намъ могутъ указать на благонамѣренность автора, какъ на смягчающее обстоятельство. Мы ни мало не сомнѣваемся въ этой благонамѣренности, и даже уважаемъ ее, но не можемъ же смѣшивать это отличное качество съ талантливостью, особливо послѣ довольно многочисленныхъ попытокъ, доказывающихъ, что благонамѣренность растетъ, а талантъ умалывается.

СМѢШНЫЯ ПѢСНИ. Александра Иволгина (Чижикъ). *Изданіе А. Каспари. Спб. 1868.*

Трудно живетъ нашей сатиры. Капиталъ, которому нѣкогда положили основаніе Гоголь, не только не увеличивается, но ви-

дно чакнетъ и разбивается на мелкую монету. Сатирики наши какъ будто стали въ тупикъ, и кружатся на одномъ мѣстѣ, удивляя читателей кропотливостью своего трудолюбія, однообразиемъ типовъ и замѣчательною поверхностью своихъ отношеній къ жизни.

Возьмите любое собраніе сатирическихъ стихотвореній, любой русскій фельетонъ, и вы, не читавши, можете опредѣлить, какую пищу васъ тамъ питаютъ. Вы встрѣтитесь тамъ съ нажившимся взяточникомъ-чиновникомъ, съ камелиею, съ пустою свѣтскою барышней, съ откупщикомъ. Это все типы торжествующіе и блаженствующіе, и потому подлежащіе обличенію. Не говори уже о томъ, что всѣ подобныя обличенія пишутся заднимъ числомъ, съ наложеніемъ на нихъ, такъ-сказать, казеннаго клейма, они и потому еще поражаютъ безсиліемъ, что ни мало не затрогиваютъ того положенія, которое порождаетъ обличаемыя явленія. Явленія эти стоятъ одиноко, внѣ пространства и времени, и потому несутъ на однихъ себѣ всю отвѣтственность передъ негодованіемъ сатирика. Притомъ, эти взяточники, камелии; откупщики рисуются какъ-то сплошь одною и тою же краскою; это просто разбойники, грабители, наглецы, которымъ настоящее мѣсто въ дневникѣ происшествій «Полицейскихъ Вѣдомостей», а не въ литературѣ. Какъ противоположность этимъ торжествующимъ типамъ, является типъ человѣка приниженнаго, типъ бѣдняка, но не того русскаго бѣдняка, котораго трагическую судьбу такъ просто и незатѣливо рассказываетъ, напримѣръ, г. Рѣшетниковъ, а бѣдняка, сбѣжавшаго изъ романовъ Евгенія Сю. Избытокъ мотивовъ, отсутствіе чуткаго отношенія къ жизни, бѣдность, грубость и однообразіе красокъ — вотъ существенные недостатки современной русской сатирической литературы.

Нельзя сказать, однакоже, чтобы текущая жизнь не представляла обильной пищи для сатиры. Напротивъ того, послѣднее время создало великое множество типовъ совершенно новыхъ, существованія которыхъ гоголевская сатира и не подозрѣвала. Сверхъ того, гоголевская сатира сильна была исключительно на почвѣ личной и психологической; нынѣ же арена сатиры на столько расширилась, что психологическій анализъ отошелъ на второй планъ, впередъ же выступила сила вещей и разнообразнѣйшія отношенія къ ней человѣческой личности. На горизонтѣ русской жизни, періодически появляются своего рода моровыя повѣтрія и поглощаютъ цѣлыя массы людей. Вспомнимъ язву либерализма, язву правдоговорія, язву легкомыслія; вспомнимъ нелѣпую и жалкую борьбу, такъ-называемыхъ, благонамѣренныхъ отцовъ противъ дѣтей-нигилистовъ. Примемъ въ соображеніе ту легкость, съ которою русскій человѣкъ научился мѣнять убѣжденія; не забудемъ и того, что никогда такъ быстро не исчезали люди со сцены, никогда такъ легко не колебались репутаціи, повидимому, самыя прочныя — и мы убѣдимся, что предметовъ для сатиры существуетъ весьма достаточно, и что

эти предметы совершенно новые. Каждое из этих моровых повѣтрій воздействуетъ не на Ивана или Петра, но на цѣлыя массы Ивановъ и Петровъ и начертываетъ новыя страницы на свиржаляхъ россійской исторіи. Ужъ одно то, что русскіе, изъ народа солиднаго и наклоннаго къ утучненію, сдѣлались чѣмъ-то въ родѣ сѣверныхъ зеннянъ — одно это можетъ дать для сатиры почти неисощимый запасъ матеріала весьма разнообразнаго.

Но сатирики наши съ равнодушіемъ, истинно геройскимъ, проходятъ мимо самыхъ характеристическихъ явленій, и трещаютъ, да трещаютъ чиновниковъ-взяточниковъ, да камелій, да откупщиковъ. Если же и случится кому-нибудь изъ нихъ обмолвиться живымъ словомъ, то надо видѣть, какъ жадно наскочутъ на это слово со всѣхъ сторонъ собратья по ремеслу, какъ живо расклюютъ его по зернышку. Это своего рода шарманщики, которые до тѣхъ поръ не перестаютъ насвистывать пользующійся успѣхомъ мотивъ, покуда не искалечатъ его и не разобьютъ сверху до низу.

Быть можетъ, есть какія-нибудь особыя, внѣшнія причины, обуславливающія оскудѣвіе нашей сатирической литературы; быть можетъ, это оскудѣвіе отъ того именно и происходитъ, что сатира съ почвы психологической ищетъ перейти на почву общественную, гдѣ нѣсколько труднѣе ратовать; но публика всѣхъ этихъ причинъ не знаетъ и не желаетъ знать. Она видитъ результаты нашихъ сатирическихъ потугъ и неодобрительно покачиваетъ головою. Если даже до нея и доходятъ темные слухи о томъ или другомъ великомъ произведеніи, которому не суждено увидѣть свѣтъ, по независимымъ обстоятельствамъ, то она и тутъ не смягчается, но являетъ себя склонною заочно судить эти великія произведенія по тѣмъ малымъ образцамъ, которые ей извѣстны.

Конечно, сатирики наши могутъ въ свое оправданіе привести ту основательную русскую поговорку, которая удостовѣряетъ, что выше лба уши не растутъ, но съ другой стороны и публика не совсѣмъ неосновательна въ своемъ недоверіи къ русской сатирѣ *in petto*. Впервыхъ, наши русскія поговорки тѣмъ именно и хороши, что служатъ прекраснѣйшею для всѣхъ случаевъ лазейкою; вторыхъ, публика не специалистъ и не библиоманъ, чтобы разскаивать перлы русской сатиры по карманамъ и портфелямъ авторовъ; третьихъ, она резонно говоритъ: «не вниите совсѣмъ, ежели, по какимъ-либо причинамъ, не можете такъ писать, какъ желаете». Увы! она не знаетъ даже, что существуютъ причины, которыя именно заставляютъ писать не такъ, какъ желается...

Всѣ изложенныя выше размышленія какъ нельзя болѣе относятся къ изданной г. Волгинымъ книгѣ: «Смѣшныя Пѣсни». Выпишемъ на удачу одну изъ этихъ «пѣсенъ».

— Каръ Адамчъ!.. извините!
Любопытный я такой!..

Вы ужь слышомъ, какъ хотите,
 Избакованъ судьбой!
 Вы имѣете значенье,
 Пропасть денегъ, и притомъ,
 И роскошное жильё,
 И солидный очень домъ...
 Извините... какъ достались
 Вамъ значенье и доходъ?...
 По наследству отказались?
 — Ха, х-ха, ха... наоборотъ!..

— Ахъ, такъ, стало быть, трудами
 Это вы приобрѣли?
 Вы трудились дни за днями,
 Чуть не улицы мели...
 Можеть, ночи вы не спали...
 Честно бились съ нуждой,
 Голодали, холодали...
 Кровью плакали горей?
 Бить лакеямъ не хотѣли
 У мыслительныхъ господъ...
 Вы вѣдь такъ разбогатѣли?
 — Ха, х-ха, ха... наоборотъ!

— Ахъ, теперь я понимаю...
 Позабылъ я объ одномъ!...
 Значить, вы родному краю
 Принесли талантъ съ умомъ!
 Можеть, каждая идея
 Много гора вамъ несла:
 И угрозы отъ лавы,
 И насмѣшки отъ осла...
 Все же честно вы стояли,
 Въ лучшей вѣру исходъ...
 Вы не такъ ли въ ходъ попали?...
 — Ха, х-ха, ха... наоборотъ!

— Карлъ Адамчы!... не шутите!...
 Ухватились — такъ сказать —
 Извините... вѣроятно,
 Вы того... изворовать?
 Можеть, были вы пролазомъ,
 Или ловкимъ простачкомъ
 Съ тонкимъ слухомъ, острымъ глазомъ...
 Ну, и съ длиннымъ языкомъ?
 Всѣхъ, кто вѣренъ чести строгой,
 Вы умѣли только гнать...
 Значить, педлести дорогой...
 — Чтò?... ти дерзости оиятъ?

Вотъ какой солью угощаетъ насъ современная русская сатира.
 По нашему мнѣнiю, эта соль удивительно напоминаетъ ту, ко-
 торую въ изобилiи распылалъ покойный Ленскiй въ «Стрпцемъ»

подъ столонъ», «Дѣвницъ-Кавалеристъ» и другихъ подобныхъ же перлахъ золотаго вѣка молчанія нашей литературы.

Жюль Муру. *Задѣльная плата и кооперативныя ассоціаціи.*
Переводъ и изданіе Ф. П. Соллогуба. Москва. 1868 года.

Въ современной нашей журналистикѣ вопросы экономическіе отодвинуты на самый задній планъ и держатся, такъ сказать, въ черномъ тѣнѣ. Въ прежнее, недавно прошедшее время, это было совершенно иначе: достоинство журнала опредѣлялось его экономическими тенденціями, измѣрялось тѣмъ или другимъ взглядомъ его на существенные экономическіе вопросы. Одно время даже, подъ вліяніемъ экономическихъ идей, общество наше грозило распасться на враждебныя партіи: съ одной стороны разныхъ ненавистныхъ *истомъ*, съ другой — людей, несокрушимыхъ въ своихъ экономическихъ убѣжденіяхъ, установившихся по преимуществу подъ вліяніемъ жалудочныхъ внушеній. Не обошлось и безъ стичекъ, въ которыхъ выказано было не мало ехидства и инсинуаціонныхъ наклонностей, особенно со стороны несокрушимости. Словомъ, общество обнаруживало нѣкоторую долю жизненности, и эта жизненность была замѣчательна особенно тѣмъ, что вызвана была она всего больше экономическими стремленіями. Нынче совсѣмъ не то: о враждѣ партій нѣтъ и помину, тѣмъ менѣе о такой враждѣ, которая коренилась бы въ разногласіяхъ въ вопросахъ чистой экономической теоріи; умы успокоились и ненавистные вопросы, поселившіе было разладъ въ нашемъ любвеобиланомъ обществѣ, изгнаны изъ него со стыдомъ.

Не знаемъ какъ другихъ, но насъ это новое направленіе современнаго общества положительно радуетъ и наводитъ на много весьма отрадныхъ мыслей и надеждъ. На нашъ взглядъ, въ этомъ новомъ направленіи слѣдуетъ видѣть признакъ того, что общество наше процвѣтаетъ во всѣхъ отношеніяхъ, что если мы еще блаженствуемъ не всѣ, то такое всеобщее ликованіе наступитъ въ самомъ наипратчайшемъ времени. Въ самомъ дѣлѣ, практика какъ отдѣльныхъ людей, такъ и цѣлыхъ народовъ учитъ насъ, что вопросы экономическіе начинаютъ волновать насъ, только при дурномъ положеніи нашихъ хозяйственныхъ дѣлъ. Иногда мы должны дорожиться, что называется, надъ каждымъ грошомъ, когда всѣ наши мысли бываютъ устремлены на то, какъ бы на долю ближняго не перепала лишняя копейка. Экономическія науки процвѣтаютъ только въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ мы замѣчаемъ постоянное броженіе народныхъ массъ, броженіе, производимое, какъ извѣстно, недовольствомъ этихъ массъ своими хозяйственными дѣлами. Это подтверждается и исторіей нашего собственнаго развитія. До крымской войны у насъ и въ заведеніи не было, чтобъ когда-нибудь кто-нибудь проговорился объ экономической наукѣ, какъ ее тамъ изобрѣтали на Западѣ. Причиной этого было, очевидно, то, что наши дѣла или въ то

время очень хорошо, такъ хорошо, что мы успѣли возбудить въ себѣ зависть западныхъ государствъ, что, какъ извѣстно, и было главной причиной крымской кампаніи. Послѣ этой кампаніи, когда, по достовѣрному разсказу одного очевидца, на наше отечество сдѣлать намѣстивіе генераль Конфузовъ, мы на время какъ-то оторопѣли, понятія наши перепутались, и въ замѣшательствѣ мы такъ и повѣрили, что наша дѣла изъ рукъ вонъ скверны, и будто для очищенія отъ этой скверны намъ необходимо прибѣгнуть въ помощи западной науки. И, признаться надо, было отъ чего придти въ конфузъ: все намъ завидовали и завидовали, а вдругъ взяли, да и побили. Это огорошить хоть кого. Но царство конфуза длилось не долго, скоро мы пришли въ себя и увидѣли, что чортъ вовсе не такъ страшенъ, какъ мы мривали его съ испугу и что намъ еще долго хватить, на что жуировать. Прежнее ликованіе вернулось къ намъ снова, и первымъ дѣломъ, конечно, должно было быть торжественное изгнаніе экономическихъ вѣщаній, чуть не заплонившихъ было наши сердца.

Но какъ вообще, стоитъ разъ открыть истинную причину какого-нибудь явленія, какъ множество фактовъ сами собою приурочиваются къ найденному объясненію, служа ему вышнимъ подтвержденіемъ и уясненіемъ, такъ и представленное нами объясненіе отклоненія современнаго общества отъ вопросовъ политико-хозяйственныхъ подтверждается цѣлымъ рядомъ другихъ проявленій его духовной дѣятельности. На чемъ главнымъ образомъ сосредоточено теперь вниманіе читающей публики? Какія литературныя произведенія больше всего теперь въ ходу и имѣютъ наибольшій кругъ читателей? Кто слѣдитъ за нашей журналистикой, тотъ знаетъ, что всего больше публики навидывается на романы, и не на всѣ безразлично, а на романы спеціальныя, клубничныя. Исторія же литературы какъ нашей, такъ и иностранной повязываетъ, что настоящая заправская клубничность всходитъ и процвѣтаетъ только въ такія времена, когда каждый мирный гражданинъ и патриотъ можетъ невозбранно простирать свои руки и получать вождѣльное. Никогда европейскія общества не наслаждались такимъ мирнымъ и тихимъ счастьемъ, какъ во времена благороднаго рыцарства, и, съ другой стороны, никогда клубничка не созрѣвала въ такой сочный плодъ, какъ въ нѣжныхъ рукахъ трубадуровъ и минезингеровъ.

Другой важный интересъ современной нашей литературы составляетъ вопросъ о «славянскихъ братьяхъ». Нѣтъ журнала или журнальца, нѣтъ газеты или газетки, которыя не распинались бы изъ-за «братьевъ славянъ», которые не готовы были бы тотчасъ же открыть у себя ежедневныя проповѣди о крестовомъ походѣ противъ новаго антихриста, явившагося въ лицѣ барона Бейста. Кромѣ обилія сердечныхъ совоговъ, которымъ вообще отличаются потомки древнихъ Россовъ, такое пламенное сочувствіе къ интересамъ и судьбѣ другихъ націй не увязываетъ ли также и на полное вну-

треннее процвѣтаніе нашего отечества, готового при первомъ востребованіи подѣлиться своими избытками со всѣмъ нуждающимся и обдѣленнымъ на жизненномъ пирѣ. Мы могли бы подтвердить нашу мысль еще и многими другими фактами, напр. необыкновеннымъ приемомъ, оказаннымъ нашими соотечественниками г-жѣ Луккѣ, предупредительною готовностію, выказанною обществомъ при первомъ призывѣ о помощи голодающему народу, готовностію, благодаря которой мы въ какихъ-нибудь 4—5 мѣсяцевъ собрали почти полтора милліона рублей серебромъ и т. д. Но на сей разъ довольно и этихъ.

На всѣ эти глубокія и пріятныя размышленія мы наведены были лежащей предъ нами книжкой г-на Жюль Мура, переведенной и изданной г. П. Ф. Соллогубомъ. Прочитавши ее заглавно, мы опасались-было, что вотъ опять начнется старая канитель о рабочихъ, объ ассоціаціяхъ, никому ненужная и всѣмъ надѣвшаяся, опять пойдутъ разглагольствованія объ экономическихъ несовершенствахъ современнаго человѣчества, о разныхъ утопическихъ проектахъ къ ихъ искорененію и т. д. Опасенія наши усилились еще больше, когда мы прочитали предисловіе переводчика о томъ, «что всегда и вездѣ рабочіе преимущественно вредятъ недостаткомъ солидарности и общности интересовъ, вслѣдствіе котораго каждый работникъ обращаетъ вниманіе исключительно на самого себя и не принимаетъ въ расчетъ интересовъ всего класса, къ которому онъ принадлежитъ», и за тѣмъ приводитъ длинныя выписки изъ Керра, Милла, для доказательства, что «эта разрозненность составляетъ главный признакъ недостаточности умственнаго развитія и гражданской зрѣлости рабочаго». Господи!—подумали мы: давно ли мы успокоились, давно ли мы избавились отъ назойливыхъ требованій во что бы то ни стало разрѣшать рабочей вопросъ, и вотъ опять уже пристають съ этими проклятыми вопросами, опять требуютъ какихъ-то рѣшеній, до которыхъ намъ рѣшительно нѣтъ никакого дѣла. Пусть бьютъ себѣ голову надъ этими рѣшеніями тѣ, которымъ жутко безъ нихъ, — а намъ-то до нихъ что за дѣло? У насъ все обстоитъ какъ нельзя лучше; былъ, правда, маленький голодъ, да и тотъ скоро усмирили. Вотъ съ какими было горькими опасеніями мы приступили къ чтенію изданной г. П. Ф. Соллогубомъ книжки. Но чѣмъ больше мы углублялись въ чтеніе ея, тѣмъ больше таяли наши опасенія и подъ конецъ мы почувствовали даже нѣкоторую зависть къ автору ея, г-ну Жюль Муру. Вотъ, кабы у насъ научились такъ ловко морочить добрыхъ простяковъ, тогда зажили бы мы на славу! Спасибо же г-ну Ф. П. Соллогубу, что онъ взялъ на себя трудъ пересадить этотъ прехестный цвѣтокъ на нашу отечественную почву!

Книга предназначается главнымъ образомъ для рабочихъ, и дѣль ея та, чтобы, сообщеніемъ имъ правильныхъ экономическихъ понятій о «капиталѣ и трудѣ» содѣйствовать прекраще-

нiю незаконныхъ притязанiй рабочаго класса, притязанiй, порождаемыхъ, по мнѣнiю автора, незнанiемъ основныхъ истинъ экономической науки. Овладевши этими основными истинами, познакомившись и досыта усвоивши себѣ экономическiе законы и условiя, управляющiя размѣромъ задѣльной платы, рабочий пойметъ, что какъ бы ни была незначительна часть, перепавшая на его долю, хотя бы она и не покрывала издержекъ на пищу, освѣщенiе и содержанiе его семейства, онъ все-таки долженъ воздержаться отъ всякихъ выраженiй своего неудовольствiя, не прибѣгать къ насильственнымъ средствамъ съ цѣлью оттянуть отъ фабрикантовъ вполнѣ законно и на экономическихъ основанiяхъ причитающуюся имъ долю барыша, и не станетъ слушаться тѣхъ опасныхъ людей, которые выдумали «право на трудъ», «право труда», «минимумъ задѣльной платы». Не сдѣлаетъ онъ этого вопервыи потому, что такъ за него уже рѣшила экономическая наука, имѣющая своимъ предметомъ прогрессъ человѣческой свободы, а послушаться людей науки онъ, конечно, не захочетъ (какого они мнѣнiя о немъ будутъ послѣ этого?); во вторыхъ потому, что противъ рожа не попрушь. Послѣднiй мотивъ авторъ съ особенной энергiей старается популяризировать рабочимъ, и за это, конечно, его нельзя не похвалить.

Вотъ главная его цѣль. Посмотримъ теперь, на сколько ему удается послѣдовательно проводить свои мысли и достаточно ли убѣдительно онъ говоритъ. Мы постараемся передать его мысли въ томъ же послѣдовательномъ порядкѣ, въ какомъ онъ излагаетъ ихъ самъ, а изъ нашего изложенiя читатель увидитъ, какъ побѣдоносно должна дѣйствовать аргументацiя автора на тотъ классъ, экономическому и нравственному просвѣщенiю котораго онъ посвятилъ свой трудъ.

Начиная съ опредѣленiя термина рабочей или задѣльной платы, авторъ прежде всего, какъ подобаетъ благородному борцу за свободу и нравственное достоинство рабочаго класса, старается очистить его отъ тѣхъ неосновательныхъ представленiй, которыя обыкновенно съ нимъ связываются. Обыкновенно въ понятiи задѣльной платы видятъ наемъ услугъ рабочаго, подобно тому, какъ нанимаютъ трудъ животнаго взаимѣнъ потребляемой имъ пищи. Авторъ съ благороднымъ негодованiемъ отвергаетъ этотъ взглядъ, приравнивающiй «рабочаго, признаннаго свободнымъ и нравственнымъ и закономъ, къ неразумному дѣятелю, каковъ былъ или лошадь. Такой взглядъ непростительнъ даже старикамъ и людямъ, живущимъ въ прошедшемъ (какъ сильно сказано!)». Авторъ, напертывъ, длинною цитатой изъ Росси, доказываетъ рабочимъ, что они получаютъ не плату за услуги, не вознагражденiе за трудъ, а дивидендъ, причитающiйся имъ по условiямъ сдѣлки, въ которую они вступаютъ съ капиталистомъ. Словомъ, между ними и капиталистами «имѣетъ мѣсто *ассоциация* (курсивъ въ подлинникѣ)». Послѣ этой блестящей тирады онъ переходитъ къ изслѣдованiю законовъ, влiяющихъ

на размѣръ рабочей платы. Законн эти: количество предлагаемой работы, число работниковъ и, наконецъ, цѣна продуктовъ, потребляемыхъ рабочими. Признаемся, мы съ особеннымъ замѣраніемъ сердца вчитывались въ эту главу: что, думали мы, если онъ вдругъ проболтнется и разъяснитъ своимъ читателямъ истинное значеніе послѣдняго пункта — зависимость рабочей платы отъ цѣны продуктовъ? Вѣдь тогда бѣда! вѣдь тогда, значить, всё его прекрасныя рѣчи о значеніи ассоціаціи для рабочихъ улетучатся безслѣдно. Но нѣтъ, опасенія наши оказались напрасными: онъ ловко обошелъ этотъ вопросъ и какъ ни въ чемъ не бывало приступаетъ къ изложенію слѣдствій, вытекающихъ изъ основныхъ законовъ рабочей платы. Изъ того, что рабочій не есть собственно рабочій, получающій вознагражденіе, какое заблагоразсудится дать ему наемщику, а напротивъ, есть въ полномъ смыслѣ пайщикъ, получающій изъ производства долю, приходящуюся ему соответственно его трудамъ и заслугамъ, слѣдуетъ право работника условливаться о размѣрѣ вознагражденія и прибѣгать для его возвышенія къ всевозможнымъ средствамъ, исключая, конечно, тѣ изъ нихъ, которыя несомнѣнно съ общественнымъ спокойствіемъ и уваженіемъ къ чужой собственности». Конечно, послѣдняя фраза нѣсколько неопредѣлена и мало согласуется съ строгою ясностью экономической науки, но, что жъ дѣлать, любезный читатель? Нельзя же въ самомъ дѣлѣ предоставить рабочему право прибѣгать ко всевозможнымъ средствамъ для увеличенія своей задѣльной платы! Чего добраго, онъ тогда потребуеъ, пожалуй, и вмѣшательства государства въ его экономическія дѣла, что жъ и это ему позволить?

Но изъ того, что наука даетъ ему право дѣлать стачки, еще не слѣдуетъ, чтобы ему слѣдовало ихъ дѣлать. Право то ему дано, потому что экономическая наука есть «наука о прогрессѣ человѣческой свободы»; но пользоваться своимъ правомъ ему врядъ ли будетъ выгодно. Рабочій не долженъ забывать, что размѣръ его задѣльной платы опредѣляется, во первыхъ, отношеніемъ между спросомъ и предложеніемъ, и потому неблагородно требовать отъ фабриканта возвышенія платы, когда отношеніе это неблагоприятное; во вторыхъ, отъ количества рабочихъ рукъ, въ которыхъ, слава-богу, недостатка никогда не будетъ, такъ-какъ число бѣдныхъ на землѣ, повамѣсть, все увеличиватся. Стачки ведутъ только въ обнищанію самихъ рабочихъ, раздражаютъ и повергаютъ въ безпокойство фабрикантовъ и, наконецъ, могутъ навремя уменьшить промышленность страны, которою рабочимъ, какъ патріотамъ, слѣдуетъ дорожить пуще всего. Но, если съ одной стороны такая зависимость задѣльной платы отъ числа рабочихъ рукъ на рынкѣ и предостерегаетъ рабочихъ отъ неумѣреннаго пользованія правомъ стачекъ, то, съ другой, она даетъ имъ могущественное средство улучшить свое положеніе, средство, которымъ, чѣмъ неумѣреннѣе они будутъ пользоваться,

тѣмъ лучше. Средство это—«нравственное принужденіе», Мальтуса. «Зная, что число работниковъ вліяетъ на количество задѣльной платы, постараемся не увеличивать его безъ мѣры и не будемъ подражать примѣру животныхъ, лишенныхъ разума. И такъ-какъ Богъ далъ намъ эту способность, дѣлающую насъ отвѣтственными за наши поступки, то будемъ употреблять ее для улучшенія нашего состоянія, что будетъ нѣкоторымъ образомъ выполненіемъ его плановъ.»

Но «хотя нравственное принужденіе и обдуманые браки, въ противоположность преждевременнымъ, должны произвести возвышеніе рабочей платы; но это возвышеніе не воспослѣдуетъ сейчасъ же, непосредственно», а рабочимъ, разгоряченнымъ борьбою и надеждою на успѣхъ, нужно разрѣшеніе практическое, непосредственное.

Это непосредственное практическое разрѣшеніе рабочаго вопроса представляютъ ассоціаціи. «Ваша задѣльная плата недостаточна; положимъ, она не удовлетворяетъ вашимъ первымъ потребностямъ и извѣстнымъ привычкамъ; порожденнымъ движущею впередъ цивилизаціей (замѣтьте, какъ ловко влетены слова: привычки, *порожденныя цивилизаціей!*), привычкамъ, сдѣланнымъ въ свою очередь нуждами. Но таково же и положеніе фабрикантовъ, промышленниковъ, стѣсненныхъ съ одной стороны низкою цѣною вслѣдствіе конкуренціи, которой подвергаются ихъ произведенія на рынкѣ, побуждаемыхъ съ другой стороны вашими новыми требованіями, и оно не позволяетъ имъ, несмотря на ихъ собственное желаніе, удовлетворить васъ, выполнить ваши справедливыя требованія. Что же остается дѣлать? Вотъ въ этомъ-то случаѣ и можно съ пользою прибѣгнуть къ ассоціаціи, имя которой долге было пугаломъ для зажиточныхъ классовъ.»

«Нужно вступить въ товарищество не для того, чтобы уничтожить машины, но чтобы пріобрѣсти дешевле предметы первой необходимости; не для того, чтобы силою заставить принести жертву, признанную невозможной, но чтобы получить на болѣе честныхъ и менѣе обременительныхъ условіяхъ кредитъ, который дорого оплачивается у булочника, портнаго и вообще всякаго продавца.»

Мы написали эту длинную тираду, чтобы показать ловкость, съ какою авторъ справляется съ своимъ предметомъ. Замѣтьте, что о производительныхъ ассоціаціяхъ нѣтъ ни слова: онъ дѣйствительно не пользуется его благорасположеніемъ, онъ какъ-то успѣлъ усмотрѣть въ нихъ соціалистическія и коммунистическія затѣи. Ассоціаціями же потребленія и кредита онъ хвалиться не можетъ. Имъ-то, по преимуществу, предназначено разрѣшить этотъ неразрѣшенный гордіевъ узелъ—рабочій вопросъ. Только надо хлопотать о томъ, чтобы рабочіе устраивали эти ассоціаціи на свои собственные средства, не прибѣгая къ помощи общества или, что еще хуже, государства. И хлопочетъ онъ объ этомъ очень усер-

дѣю, такъ что было бы неблагородно со стороны рабочихъ, еслибъ имъ вѣдумалось ослушаться его.

Пересказывать мнѣнія Мура о достоинствѣ и значеніи ассоціацій мы не ставимъ. Дѣло, это вѣроятно, знакомо нашимъ читателямъ. Сдѣлаемъ только небольшое замѣчаніе для яснѣнія внезапнаго расположенія, почувствованнаго господами, подобными нашему автору, къ рабочимъ ассоціаціямъ. Оно объясняется очень просто и, конечно, въ великой чести буржуазныхъ либераловъ. Дѣло въ томъ, что антибуржуазная школа для своихъ собственныхъ цѣлей взяла на себя трудъ изслѣдовать открытый Риккардо законъ зависимости задѣльной платы отъ цѣны на предметъ первой необходимости, который до сихъ поръ понимался буржуазными экономистами не во всей его полнотѣ и полезности для буржуазныхъ интересовъ. Оказалось, что въ своихъ колебаніяхъ задѣльная плата всегда вращается около минимума потребностей, необходимыхъ для поддержанія жизни рабочаго, соотвѣтствующимъ въ данное время привычкамъ, такъ что разъ жизненные продукты, вслѣдствіе ли потребительныхъ и другихъ ассоціацій или по какому нибудь другому причинамъ, удешеватся, рабочая плата тотчасъ же упадетъ. Законъ этотъ какъ нельзя лучше оказался на руку буржуазіи; онъ, кромѣ того, что отвлекаетъ на время вниманіе рабочаго отъ ихъ продѣловъ, въ концѣ концовъ послужитъ въ пользу буржуазныхъ кармановъ. Вотъ почему они всячески рекомендуютъ ассоціаціи, пишутъ о нихъ популярныя трактаты, въ которыхъ, прикрываясь личною доброжелательности и общей пользы, они самымъ возмутительнымъ образомъ забиваютъ головы несчастныхъ рабочихъ своими экономическими софизмами, отвращая ихъ отъ тѣхъ людей, которые желаютъ имъ истиннаго добра и дѣйствительно понимаютъ интересы рабочихъ.

Теорія нравственныхъ чувствъ или опытъ изслѣдованія о законахъ, управляющихъ сужденіями, естественно составляемыми нами сначала о поступкахъ прочихъ людей, а за тѣмъ о нашихъ собственныхъ, соч. Адама Смита, пер. П. А. Бибикова. Санктпетербургъ. 1868 г.

Во второмъ томѣ Исторіи цивилизаціи въ Англии, Бокль, разсматривая умственное движеніе въ Шотландіи въ XVIII столѣтіи, особенное вниманіе обращаетъ на Адама Смита и разбираетъ оба сочиненія шотландскаго мыслителя (Теорію нравственныхъ чувствъ, и о Богатствѣ народовъ), какъ образцы того дедуктивнаго метода, какой господствовалъ въ Шотландіи въ то время. Бокль смотритъ на оба сочиненія Адама Смита, какъ на двѣ половини одного нераздѣльнаго цѣлаго, при чемъ онъ представляетъ на видъ, что Смитъ въ первомъ своемъ сочиненіи (Теорія нравственныхъ чувствъ) опустилъ совершенно своекорыстную сторону человѣка и основала свою теорію на одной сочувственной сторонѣ, симпатіи, а во второмъ сочиненіи, напротивъ того, онъ изслѣдовалъ своекорыстную сторону человѣка, совершенно устра-

нивши сочувственную. Бокль видитъ въ этомъ приемѣ нѣчто подобное, что мы встрѣчаемъ въ геометріи, которая, изслѣдуя законы пространства, и принимая линію, какъ мѣру его, предполагаетъ, что линія имѣетъ одну только длину и совершенно устраняетъ ширину линіи.

Переводчикъ «Теоріи нравственныхъ чувствъ», г. Бибииковъ, опираясь на авторитетъ Бокля и приводя въ предисловіи своемъ къ изданію выписку изъ вышеупомянутаго разсужденія Бокля, между прочимъ говоритъ:

«Теорія нравственныхъ чувствъ разсматриваетъ одну только изъ двухъ нравственныхъ сторонъ человѣка — именно сочувственную или симпатическую. Съ этой точки зрѣнія сочиненіе Смита вѣрнѣе было бы назвать теоріей симпатіи. Себялюбивая, эгоистическая или своекорыстная сторона человѣка отброшена имъ, ради того, чтобы вѣрнѣе достигнуть цѣли — изученія симпатической стороны, и составила предметъ изслѣдованія другаго великаго его сочиненія о Богатствѣ народовъ. Ясно, стало быть, что теорія нравственныхъ чувствъ должна представлять выводы, тѣмъ болѣе близкіе къ истинѣ, чѣмъ болѣе имѣлъ право изслѣдователь раздѣлять то, что по сущности своей раздѣлено быть не можетъ. *И такъ, вопросъ о достоинствѣ и значеніи философскаго труда А. Смита обращается въ вопросъ о достоинствѣ и значеніи его метода. Если принять этотъ методъ, то должно принять и все изслѣдованіе со всеми его выводами; если же не принять метода, то слѣдуетъ отвергнуть и все сочиненіе.*»

Насъ нисколько не поражаетъ безусловное подчиненіе взглядамъ Бокля, съ какимъ выступаетъ г. Бибииковъ въ своемъ предисловіи, повторяя слова великаго англійскаго мыслителя и не дерзая приложить къ нимъ хотя бы призвара своего собственного самостоятельнаго анализа, но насъ не можетъ не поразить тотъ неожиданный выводъ, который онъ дѣлаетъ изъ разсужденій Бокля. По мнѣнію г. Бибиикова, если принять методъ Адама Смита, то слѣдуетъ принять и все изслѣдованіе со всѣми его выводами; если же не принять метода, то слѣдуетъ отвергнуть и все сочиненіе. Такое мнѣніе г. Бибиикова považиваетъ крайнюю размахистость его натуры, но обличаетъ въ то же время въ немъ полное отсутствіе всякой логики. Мы постараемся охладить нѣсколько необузданный пылъ г. Бибиикова и показать ему, что нисколько не отвергая метода Адама Смита, мы можемъ однакоже быть несогласными со многими изъ его выводовъ; но будучи несогласны со многими изъ выводовъ Адама Смита, тѣмъ не менѣе мы не видимъ необходимости отвергать вслѣдствіе этого сочиненіе его отъ первой страницы до послѣдней.

Методъ сочиненія Адама Смита, какъ справедливо замѣчаетъ Бокль, дедуктивный, и мы не имѣемъ никакого основанія отвергать этотъ методъ. Весьма естественно, что умъ человѣка, сдѣлавши путемъ индукціи различныя обобщенія, предпринимаетъ обратный путь, анализируетъ на основаніи этихъ обобщеній частныя факты, дѣлаетъ изъ отвлеченныхъ обобщеній еще болѣе отвлеченные выводы, или же обобщивши различныя стороны

предметовъ, начинаетъ разсматривать эти стороны въ отдѣльности, отбрасывая всѣ другія. Все это и естественно и разумно. Но этимъ не обуславливается еще истинность выводовъ, добавляемыхъ дедуктивнымъ путемъ; она зависитъ не отъ самого пути, а отъ тѣхъ основаній, изъ которыхъ выходитъ изслѣдователь. Если обобщенія, предварительно сдѣланныя индуктивнымъ путемъ, истинны, то и дедукція приведетъ къ болѣе или менѣе истиннымъ выводамъ; если же обобщенія ложны, то и выводы будутъ столь же неосновательны. Такимъ образомъ, не отвергая нисколько метода изслѣдованія Адама Смита, мы можемъ принять или отвергнуть выводы его, смотря по тому, изъ какихъ обобщеній извлечъ онъ ихъ.

А обобщенія могутъ быть различнаго сорта. Замѣчательно, что чѣмъ на низшей ступени развитія стоитъ какая-нибудь наука, тѣмъ на болѣе широкія обобщенія пускается она, и тѣмъ смѣлѣе и рискованнѣе дѣлаетъ она выводы изъ своихъ обобщеній. Это явленіе очень понятно: когда умъ человѣка не успѣлъ еще осилить какую-нибудь область предметовъ, то предметы эти представляются человѣку въ смѣшанномъ, безраздѣльномъ видѣ, человѣкъ не можетъ еще уловить всѣхъ тонкихъ особенностей предметовъ, обращаетъ вниманіе на самыя общіе, рѣзко выдающіеся признаки и по этимъ признакамъ соединяетъ въ общія представленія предметы, имѣющіе иногда очень мало общаго. Такъ напримѣръ, прежде чѣмъ дойти до понятія о простыхъ тѣлахъ, изъ которыхъ составляются различныя химическія соединенія, умъ человѣка обратилъ вниманіе на самыя общія признаки всего матеріальнаго сущаго, на то, что всякое матеріальное вещество представляется или въ твердомъ, или въ жидкомъ, или въ огненномъ, или газообразномъ состояніи; отсюда младенческій умъ сдѣлалъ самое широкое обобщеніе, что матерія состоитъ изъ четырехъ субстанцій или стихій: земли, воды, огня и воздуха. Такое обобщеніе сдѣлано повидимому на основаніи самой наглядной и несомнѣнной очевидности; оно такъ просто, что его можетъ осилить умъ дитяти, едва начинающаго лепетать, и такъ въ то же время широко, что обнимаетъ все сущее. Но попробуйте на основаніи такого обобщенія объяснять частныя факты или дѣлать какіе-нибудь выводы, и вы зайдете въ самыя непроходимыя дебри. Новѣйшая химія, вмѣсто того, чтобы соединить вещества по ихъ внѣшнимъ и случайнымъ признакамъ въ общія и отвлеченныя субстанціи, разлагаетъ ихъ на составныя элементы; такимъ путемъ вмѣсто 4 стихій древнихъ, она нашла цѣлые десятки простыхъ тѣлъ, изъ которыхъ составляются матеріальныя вещества; только при такомъ условіи и возможнымъ сдѣлался химическій анализъ.

Раздѣленіе нравственной области человѣка на двѣ стороны: сочувственную и эгоистическую, какъ мы увидимъ ниже, есть обобщеніе совершенно такого же свойства, какъ и раздѣленіе матеріи на 4 стихіи. Раздѣленіе это наглядно показываетъ мла-

денческое состояніе психологін, которая и до сихъ поръ не дошла еще до степени положительной науки, а во время Адама Смита находилась еще совершенно въ младенческомъ состояніи и держалась на догматическихъ помочахъ теологін. Уже не говоря объ Адамѣ Смитѣ, догматичность котораго обусловливается кромѣ младенческаго состоянія науки общественными условіями, среди которыхъ онъ жилъ, вы возьмите Боэля, который жилъ при лучшихъ условіяхъ общественныхъ, обладалъ бѣльшимъ количествомъ знаній, чѣмъ Адамъ Смитъ и бѣльшею свободою мысли, и тотъ же самый Боэль, который высказалъ столько свѣтлыхъ и глубокихъ идей о вліаніи на цивилизацію матеріальныхъ условій жизни и распространенія знаній, по вопросу о нравственности стоитъ на чисто догматической почвѣ. Въ первомъ томѣ своей Истории цивилизаціи въ Англіи (см. 203 стр. вып. 1 пер. Буиницкаго), онъ между прочимъ говоритъ:

«Приложивъ извѣстный намъ признакъ (измѣнчивость) къ нравственнымъ побужденіямъ или указаніямъ такъ-называемаго нравственнаго инстинкта, мы сейчасъ увидимъ, до какой степени слабо вліаніе, оказанное этими побужденіями на успѣхи цивилизаціи. Неоспоримо, что въ цѣломъ мірѣ нѣтъ ничего такого, что бы измѣнилось такъ мало, какъ тѣ великіе догматы, изъ которыхъ слагаются нравственныя системы. Дѣлать добро другимъ, жертвовать для пользы ихъ своими собственными желаніями, любить ближняго, какъ самого себя, прощать врагамъ, обуздывать свои страсти, чтить родителей, уважать тѣхъ, которые поставлены надъ нами — въ этихъ правилахъ и въ нѣсколькихъ другихъ заключается вся сущность нравственности, и къ нимъ не прибавили ни одной сотой всѣ проповѣди, всѣ наставленія и собранія текстовъ, составленныя моралистами и богословами. Но если мы сравнимъ это неподвижное состояніе нравственныхъ истинъ съ быстрымъ движеніемъ впередъ истинъ умственныхъ, то найдемъ самую разительную противоположность. Всѣ великія нравственныя системы, имѣвшія большое вліаніе на человѣчество, представляли въ сущности одно и то же. Въ ряду правилъ, опредѣляющихъ нашъ нравственный образъ дѣйствій, самыя просвѣщенные европейцы не знаютъ ни одного такого, которое бы не было также извѣстно древнимъ. Что же касается до дѣятельности нашего ума, то люди позднѣйшихъ временъ не только сдѣлали значительныя приобрѣтенія по всѣмъ отраслямъ знанія, какія пытались изучить въ древности, но и совершили рѣшительный переворотъ въ старыхъ методахъ изслѣдованія: они соединили въ одну обширную систему всѣ тѣ средства наведенія, о которыхъ только смутно помышлялъ Аристотель, и создали такія науки, о которыхъ и самый смѣлнй мыслитель древности не имѣлъ ни малѣйшаго понятія».

Такимъ образомъ Боэль совершенно произвольно предполагаетъ, что въ человѣкѣ существуетъ особенный нравственный инстинктъ, руководящій его поступками и создающій нравственныя правила, неизмѣнныя для всѣхъ вѣковъ и народовъ. Но самыя поверхностныя наблюденія опровергаютъ это положеніе Боэля. Мы видимъ, что не только каждый вѣкъ имѣлъ свои особенныя нравственныя правила и побужденія, но каждое новое поколѣніе расходится во многомъ со старымъ по вопросамъ не только умственнымъ, но и чисто нравственнымъ. Перечисляя, напримѣръ,

и некоторые нравственные правила, Боэль упоминает между прочим о прощении враговъ. Нужно ли приводить въ опроверженіе неизмѣнности этого правила тотъ простой и общезвѣстный фактъ, что если для христіанина это правило составляетъ нравственную обязанность, то древній римлянинъ, напротивъ того, въ прощеніи враговъ видѣлъ безнравственность и нивость. Мы будемъ судить слишкомъ субъективно, если будемъ думать, что германскій или славянскій дикарь, совершая обычай кровавой мести, въ то же время руководствовался нашими правилами нравственности, т.-е. смотрѣлъ на свое дѣло, какъ на отклоненіе отъ нравственности и на преступленіе противъ человеколюбія; напротивъ того, въ кровавой мести онъ видѣлъ святую обязанность, нравственный долгъ, и совѣсть терзала его не въ томъ случаѣ, если онъ убивалъ врага, а въ томъ, если онъ не дѣлалъ этого. Говоря о неизмѣнности нравственныхъ принциповъ, Боэль подразумѣвалъ очевидно не тѣ принципы, которые живутъ и умираютъ вмѣстѣ со своимъ вѣкомъ, которые измѣняются, развиваются и совершенствуются вмѣстѣ съ развитіемъ матеріальной и умственной жизни того или другаго общества, а ту отвлеченную, догматическую мораль, которая дѣйствительно представляется совершенно неподвижною. Но и эта книжная мораль, если въ настоящее время она является неподвижною въ сравненіи съ умственнымъ движеніемъ европейскихъ обществъ, не всегда была такою: она имѣла свое развитіе и продолженіе многихъ тысячелѣтій, она измѣнялась со смѣною многихъ тысячъ поколѣній.

Весьма естественно, что стоя на догматической почвѣ, Боэль раздѣляетъ съ Адамомъ Смитомъ то убѣжденіе, что природа человѣческая имѣетъ двѣ стороны, сочувственную и своекорыстную; и если онъ говорить, что при опущеніи своекорыстной стороны получаемые Адамомъ Смитомъ результаты не сходятся совершенно съ тѣми явленіями, которыя усматриваются въ дѣйствительности, это несходство Боэль только тѣмъ и объясняетъ, что Адамъ Смитъ опустилъ своекорыстную сторону, но въ то же время не обращаетъ вниманія, что самое дѣленіе человѣческой природы на двѣ половины, лишено всякаго основанія.

Дѣленіе это, основанное на дуализмѣ, какъ мы выше уже замѣтили, совершенно аналогично съ раздѣленіемъ матеріи на 4 стихіи. Оно такъ просто, наглядно и очевидно, что отъ него очень трудно отрѣшиться. Оно имѣетъ, если хотите, свои основанія, но основанія эти слишкомъ поверхностны и потому непрочны. Всякое тѣло мы можемъ подвести подъ огонь, воздухъ, землю или воду, но это объяснить намъ только состояніе тѣла твердое или жидкое, а не его существенный составъ, такъ точно каждый поступокъ человѣка мы можемъ подвести подъ понятіе своекорыстія или сочувствія, и опять-таки мы не составимъ вслѣдствіе этого никакого еще понятія о самомъ существѣ поступка. Понятія сочувствія и своекорыстія

показываютъ только внѣшнюю относительность человѣческихъ поступковъ: мы видимъ, что одни дѣйствія человѣка направлены къ его собственной пользѣ, другія къ пользѣ ближнихъ; первыя дѣйствія мы называемъ своекорыстными, вторыя сочувственными; но если мы дѣйствія человѣка можемъ разсматривать съ этихъ двухъ сторонъ, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы и самая природа человѣка раздѣлялась на эти же стороны.

Если же мы захотимъ разбирать поступки человѣка не по внѣшней ихъ относительности, а по ихъ существу, по ихъ происхожденію отъ того или другаго свойства человѣческой природы, то въ жизни мы очень мало найдемъ такихъ дѣйствій, которыя могли бы быть названы простыми, то-есть которыя исходили бы изъ какаго-нибудь одного простаго свойства человѣческой природы. Большинство поступковъ нашихъ суть поступки, составляющіе весьма сложное сочетаніе многихъ побужденій, вытекающихъ изъ различныхъ свойствъ нашей природы. Поэтому, насколько не отвергая выводнаго метода Адама Смита, тѣмъ не менѣе мы нивѣкъ не можемъ согласиться съ попыткою его вывести изъ одного начала нравственные принципы, которые, при современномъ состояніи науки, мы не можемъ иначе вывести, какъ изъ нѣсколькихъ простыхъ свойствъ человѣческой природы.

Такъ, напримѣръ, мы видимъ, что въ природѣ человѣческой существуетъ свойство, заключающееся въ стремленіи нашемъ передавать другимъ свои впечатлѣнія; есть другое свойство, заключающееся въ способности нашихъ нервовъ воспринимать не только непосредственныя впечатлѣнія, но и передаваемыя намъ другимъ существомъ. Изъ этихъ двухъ свойствъ Адамъ Смитъ выводилъ симпатію. И онъ совершенно правъ, когда этою симпатіею онъ объясняетъ такіа дѣйствія, которыя могутъ быть названы простыми, прямо выходящими изъ этого простаго свойства нашей природы. Такъ, напримѣръ, онъ говорить:

«Когда простой народъ смотритъ на канатнаго пласуна, то поворачиваетъ и наклоняетъ свое тѣло изъ стороны въ сторону вмѣстѣ съ пласуномъ, какъ бы чувствуя, что онъ долженъ бы былъ поступать такимъ образомъ, еслибы былъ вмѣсто него на канатѣ. Люди слабаго сложенія и съ впечатлительными нервами при взглядѣ на раны, выставлемыя нѣкоторыми нищими на улицѣ, жалуются, что испытываютъ болѣзненное ощущеніе въ части своего тѣла, соотвѣтствующей пораженной части этихъ несчастныхъ. Сочувствіе обнаруживается у нихъ такою мѣстною отзывчивостію, и это сочувствіе возбуждается въ нихъ вслѣдствіе того, что они мгновенно представляютъ себѣ, что они сами испытывали бы на мѣстѣ этихъ страдальцевъ, еслибы у нихъ поражена была такимъ же точно образомъ та же часть тѣла. Силы этого впечатлѣнія на ихъ нѣжные органы достаточно для вызова того тягостнаго ощущенія, на которое они жалуются. Самые крѣпкіе люди замѣтили, что они ощущаютъ весьма чувствительную боль въ глазахъ, при взглядѣ на глаза, пораженные страданіемъ, и это потому, что органъ этотъ отличается болѣе нѣжнымъ устройствомъ у самыхъ крѣпкихъ людей, чѣмъ самый сильный органъ у людей, одаренныхъ самою слабою организаціей».

Такимъ же точно образомъ мы можемъ объяснить сочувствіемъ, что мы испытываемъ радость, когда намъ выражаетъ радость нашъ ближній, и печаль при видѣ горя другаго. Но на этомъ мы и должны остановиться. Одно сочувствіе нисколько не объяснитъ намъ далѣе, что побуждаетъ насъ, вида печаль другаго, стремиться облегчить его печаль, помочь въ несчастіи ближнему, а между тѣмъ съ этихъ дѣйствій и начинаются нравственныя стремленія человѣка.

Что одного сочувствія къ радости и горю ближняго мало для объясненія нравственныхъ стремленій человѣка, въ этомъ могутъ убѣдить насъ самыя простыя соображенія и наглядныя примѣры. Когда передъ нами человѣкъ выражаетъ свое горе какими-нибудь виѣшними проявленіями, наши нервы воспринимаютъ впечатлѣнія горя, и, конечно, въ этомъ впечатлѣніи нѣтъ ничего пріятнаго. Мы начинаемъ страдать страданіемъ другаго. А между тѣмъ у насъ есть другое простое свойство нашей природы: истиннѣе самосохраненія, который побуждаетъ насъ къ воспріятію пріятныхъ впечатлѣній и отклоненію отъ себя непріятныхъ. Весьма естественно, что по воспріятіи непріятнаго впечатлѣнія при видѣ страданія ближняго, у насъ должно явиться истиннѣе желаніе устранить поскорѣе непріятное впечатлѣніе, то-есть удалиться подалѣе отъ страдающаго человѣка. Такъ многіе и дѣлаютъ: ужъ не говоря о нервныхъ женщинахъ, которыя закрываютъ глаза руками или бѣгутъ изъ комнаты при видѣ невыносимыхъ страданій, у самаго твердаго человѣка является инстинктивное желаніе удалиться отъ человѣка страдающаго или печальнаго. Такимъ образомъ, если мы предположимъ въ человѣкѣ только два свойства: истиннѣе самосохраненія и симпатію, то мы не въ силахъ будемъ объяснить себѣ нравственныхъ побужденій: съ грѣхомъ пополамъ мы можемъ еще вывести изъ этихъ двухъ свойствъ нѣкоторые принципы отрицательной нравственности, то-есть мы можемъ заключить, что мы избѣгаемъ наносить другимъ вредъ потому, что страданія ближняго отражаются на насъ, возбуждая въ насъ самихъ такія же страданія. Но этимъ и должны будутъ ограничиться наши объясненія. Принципы же положительной нравственности останутся для насъ тайной. Мало этого, еслибы въ человѣкѣ только и существовали, что эти два свойства, въ такомъ случаѣ положительная нравственность была бы невысказанна, потому что каждый разъ послѣ мало-мальски непріятнаго впечатлѣнія у насъ возбуждалось бы стремленіе въ избавленію отъ этого впечатлѣнія и страждущіе, несчастные были бы, подобно зачумленнымъ, избѣгаемы и бросаемы на произволъ собственнаго страданія.

Но природа наша, кромѣ инстинкта самосохраненія и симпатіи, имѣетъ другія свойства: одно изъ важныхъ свойствъ нашей природы заключается въ томъ, что когда мы часто воспринимаемъ не только какое-нибудь пріятное впечатлѣніе, но совершенно безразличное, нервы наши отъ частаго возбужденія раз-

виваются особеннымъ образомъ и приспособляются къ полученію этого впечатлѣнія. У насъ возникаетъ потребность повторять привычныя возбужденія и отсутствіе такого повторенія возбуждаетъ въ насъ непріятное чувство. Этимъ обусловливаются всѣ наши привычки и привязанности. Въ простой привязанности къ человѣку, отъ котораго мы не получили никакихъ пріятныхъ или непріятныхъ впечатлѣній, а одни безразличныя, участвуетъ очевидно одна привычка, то-есть нервы наши, привыкли къ повторенію впечатлѣній, доставляемыхъ намъ сосѣдомъ нашимъ своею особою, удовлетворяются, когда воспринимаютъ эти впечатлѣнія, а если не воспринимаютъ, то доводятъ до нашего сознанія болѣзненное чувство неудовлетворенія. О какой-нибудь симпатіи не можетъ быть тутъ и рѣчи. Поэтому въ выраженіи Адама Смита: «намъ симпатично уже лицо человѣка, котораго мы встрѣчаемъ ежедневно, если только онъ не сдѣлалъ намъ никакого зла», слово «симпатично» мы можемъ принять пожалуй въ разговорномъ смыслѣ, но оно не имѣетъ здѣсь никакого научнаго значенія. Въ семейныхъ привязанностяхъ, основанныхъ на половомъ влеченіи, сходствѣ характеровъ, вкусовъ и стремленій, играетъ большую роль симпатія, но Ад. Смитъ самъ говоритъ, что семейная привязанность есть симпатія, перешедшая въ *привычку*—и привычка играетъ здѣсь такую большую роль, что нерѣдко она переживаетъ самую симпатію, т.-е. люди не могутъ иногда разстаться другъ съ другомъ, несмотря на полное отсутствіе какой либо симпатіи между ними.

Какъ бы то ни было, но разъ образовалась у насъ привычка къ человѣку, въ такомъ случаѣ, если отъ несчастія ближняго мы начнемъ воспринимать тяжелое впечатлѣніе, у насъ не явится уже желанія бѣжать отъ несчастнаго. Инстинктъ самосохраненія въ этомъ случаѣ, такъ сказать, раздвояется: съ одной стороны онъ побуждаетъ насъ избавиться отъ тяжелаго впечатлѣнія, съ другой—подъ вліяніемъ привычки онъ внушаетъ намъ, что если мы избавимся отъ непріятнаго впечатлѣнія удаленіемъ отъ несчастнаго, мы впадемъ въ другую бѣду: предметъ этотъ сдѣлался дорогъ намъ вслѣдствіе привычки, и мы будемъ страдать, когда перестанемъ получать отъ него тѣ впечатлѣнія, къ которымъ привыкли. Вслѣдствіе этихъ двухъ противоположныхъ побужденій инстинктъ самосохраненія принимаетъ средній путь: т.-е. мы избавляемся отъ непріятнаго для насъ впечатлѣнія не удаленіемъ уже отъ несчастнаго, а устраненіемъ той причины, которая поразила горемъ дорогой намъ предметъ. Вотъ начало положительной нравственности. Она возможна только тогда, когда посредствомъ привычки у человѣка образовались какія нибудь семейныя и общественныя связи. Изъ представленнаго нами анализа читатель можетъ видѣть, что если симпатія—привычка обусловливаетъ наши первыя привязанности, то инстинктъ самосохраненія играетъ самую главную роль въ нашихъ первыхъ нравственныхъ побужденіяхъ—въ любви къ роднымъ и близ-

внмъ, въ желаніи имъ всевозможнаго счастья и въ стремленіи помогать имъ въ ихъ горѣ.

Но изъ этихъ простыхъ свойствъ нашей природы можно вывести только семейную нравственность. Ими нельзя еще объяснить готовности нашей помогать всякому несчастному, хотя бы онъ не былъ связанъ съ нами никакою привычкою и былъ совершенно чуждъ намъ. Впрочемъ, нужно замѣтить, что большинство людей на этой степени развитія нравственности и останавливается. Для большинства людей не существуетъ никакой другой положительной нравственности, кромѣ семейной. Считаая своею святою обязанностью помогать роднымъ и друзьямъ, по отношенію къ прочимъ ближнимъ люди руководствуются инстинктомъ самосохраненія—сочувствія, т.-е. впечатлѣваясь минутно страданіями ближнихъ, люди спѣшатъ обыкновенно удалиться отъ соверпанія этихъ страданій и довольствуются одною отрицательною нравственностью, т.-е. не дѣланіемъ вреда другимъ, да и это не всегда ими соблюдается.

Но прежде, чѣмъ мы займемся разсмотрѣніемъ, изъ какихъ свойствъ нашей природы вытекаетъ высшая, всеобщая нравственность, мы остановимся на Адамѣ Смитѣ и покажемъ какъ желаніе выводить все изъ симпатіи и отрицанія всякаго участія въ нравственныхъ побужденіяхъ прочихъ свойствъ нашей природы, выводитъ порою почтеннаго шотландскаго мыслителя со степени глубокой и серьезной философіи на степень плоскаго и узкаго пониманія вещей. Такое пониманіе вы видите повсюду тамъ, гдѣ Ад. Смитъ начинаетъ нападать на утилитаризмъ за его выводы нравственныхъ началъ изъ себялюбія. Когда онъ опровергаетъ себялюбіе въ нравственныхъ побужденіяхъ, подъ послѣднимъ онъ подразумѣваетъ не что иное, какъ узкіе, корыстные, сознательные расчеты; объясненіе нравственныхъ побужденій такими расчетами очевидная нелѣпость, но утилитаризмъ подъ себялюбіемъ разумѣетъ вовсе не подобнаго рода расчеты. Объяснимъ это примѣромъ: на страницѣ 23-й Адамъ Смитъ говоритъ:

«Въ чемъ бы ни состояла причина симпатіи и какимъ бы образомъ ни вызывалась она, ничто не доставляетъ намъ такого удовольствія, какъ если мы встрѣчаемъ къ себѣ сочувствіе въ другихъ людяхъ, и ничто такъ не оскорбляетъ насъ, какъ если мы не встрѣчаемъ его. Люди, принимающіе себялюбіе и утонченныя его видоизмѣненія за единственный источникъ всѣхъ нашихъ чувствованій, стараются объяснить себялюбіемъ, какъ это удовольствіе, такъ и это оскорбленіе. Они говорятъ: такъ-какъ человѣкъ чувствуетъ собственную слабость и необходимость въ посторонней помощи, то онъ и радуется или негодуетъ, когда другіе раздѣляютъ или не раздѣляютъ его чувство, потому что онъ надѣется тогда на ихъ поддержку или страшится встрѣтить съ ихъ стороны противодействие. Однакоже, въ обоихъ случаяхъ ощущенія удовольствія или неудовольствія возникаютъ въ немъ до того быстро, они вызываются такимъ ничтожнымъ поводомъ, что, повидимому, ни тѣ, ни другіе не возбуждаются личными выгодами. Человѣкъ испытываетъ непріятное чувство, если, желая позабавить другихъ, замѣчаетъ, что онъ одинъ смѣется своей шуткѣ.

Напротивъ того, если онъ возбуждаетъ всеобщую веселость, то принимаетъ это согласіе между ощущеніями прочихъ людей и своими собственными за весьма лестное для себя одобреніе».

Предполагать, что люди, находя или нѣтъ сочувствія въ другихъ, сейчасъ же начинаютъ соображать о своемъ личномъ безсиліи и о выгодахъ въ поддержкѣ со стороны ближнихъ, — очевидная нелѣпость; но вовсе не въ такихъ соображеніяхъ видятъ себялюбіе утилитаристы въ приведенныхъ Ад. Смитомъ фактахъ. Понимать такимъ образомъ утилитаризмъ, — значить понимать его плоско и поверхностно или, лучше сказать, совсѣмъ не понимать. Подъ себялюбіемъ утилитаристы разумѣютъ тотъ инстинктъ самосохраненія, который побуждаетъ человѣка удовлетворять всѣ свои потребности, съ другой стороны, какъ мы выше говорили — стремиться къ пріятнымъ ощущеніямъ и избѣгать непріятныхъ. Если сочувствіе составляетъ одну изъ потребностей человѣка, если изъ удовлетворенія этой потребности человѣкъ извлекаетъ личное удовольствіе, а изъ неудовлетворенія — страданіе, то утилитаристы имѣютъ полное право вывести изъ себялюбія стремленіе человѣка къ сочувствію. Желая поразить утилитаристовъ приведеніемъ факта относительно шутливости, въ которой Адамъ Смитъ совершенно справедливо не замѣчаетъ ни малѣйшаго дальновиднаго расчета на какія-либо матеріальныя выгоды, фактъ этотъ привелъ онъ не противъ утилитаристовъ, а прямо противъ себя. Мы замѣчаемъ, что если человѣкъ смѣшитъ общество вслѣдствіе природнаго остроумія, нисколько не замѣчая этого и не заботясь о возбужденіи смѣха, ему все равно, будутъ смѣяться люди или нѣтъ послѣ его словъ; но если у него является *стремленіе* разсмѣшить людей забавнымъ анекдотомъ или шуткою, въ такомъ случаѣ неудача производить въ человѣкѣ страданіе неудовлетвореннаго стремленія, а всякое подобное страданіе прямо исходитъ изъ себялюбія, которое такъ упорно отвергаетъ Ад. Смитъ въ нравственныхъ побужденіяхъ.

Но пойдѣмъ далѣе въ нашемъ развитіи нравственности. Мы видѣли, что изъ инстинкта самосохраненія, стремленія къ сочувствію и привычки образуется семейная нравственность, которая въ развитіи семьи въ племя, народъ, государство расширяется до такъ-называемаго народнаго патріотизма. Этотъ народный патріотизмъ, хотя самъ по себѣ гораздо шире узкой семейной нравственности, далекъ еще до той универсальной нравственности, о которой мы будемъ говорить ниже. Онъ основывается на тѣхъ же свойствахъ природы нашей, изъ какихъ возникаетъ и семейная нравственность: то-есть чувства самосохраненія, сочувствія и привычки. Требуя, чтобы членъ большой семьи, называемаго государствомъ, заботился о благѣ своей родины, онъ на низкой ступени своего развитія допускаетъ не только нанесеніе всякаго вреда иноплеменникамъ, но и совершенное уничтоженіе ихъ, — на высшей — онъ не идетъ далѣе отрицательной

нравственности, то-есть избѣжанія нанесенія вреда иноплеменникамъ.

Но вотъ выступаетъ на сцену новый факторъ, заключающійся въ способности нашего мозгового организма изъ отдѣльных ощущеній создавать общія представленія, понятія, идеи. Это свойство нашей природы, называемое разумомъ, играетъ огромную роль въ нашихъ нравственныхъ побужденіяхъ. По мнѣнію Боля, Адама Смита и многихъ другихъ англійскихъ и германскихъ мыслителей, стоящихъ по вопросамъ нравственности на метафизической почвѣ, разумъ играетъ въ нравственныхъ побужденіяхъ роль совершенно пассивную. Нравственный инстинктъ Боля или сочувствіе Адама Смита докладываютъ разуму, что такіе-то и такіе-то поступки наши нравственны, а такіе-то безнравственны, и разумъ нашъ, безпревословно расшаркиваясь передъ такими докладами, сводитъ ихъ въ общіе нравственныя принципы и правила, и тѣмъ ограничивается вся его роль въ нравственныхъ побужденіяхъ человѣка. Но это совершенно ложно. Разумъ принимаетъ не только пассивную, но и активную роль въ этой области. Чтѣ же выводитъ насъ изъ частной нравственности ко всеобщей, какъ не разумъ. Не иначе, какъ посредствомъ умственного развитія, при помощи логическихъ соображеній, мы доходимъ до убѣжденія, что всѣ люди, какого бы они ни были племени, сословія, состоянія, суть въ одинаковой степени люди, имѣющіе право на всѣ человѣческія преимущества; поэтому, если мы обязываемъ состраданіе и помощь нашимъ близкимъ, то и всѣ люди въ одинаковой степени имѣютъ право на такія же чувства и дѣйствія съ нашей стороны. Эти логическія соображенія, разъ образовавшіяся въ головѣ человѣка, превращаются въ могучія нравственныя побужденія, въ нравственныя привычки, вслѣдствіе которыхъ развитой человѣкъ простираетъ свою любовь на все человѣчество. Дѣйствіе разума въ такой степени могущественно въ нравственной сферѣ, что разумъ подчиняетъ своему вліянію всѣ прочія свойства нашей природы. Онъ вліяетъ на наши привычки, заставляя насъ отвергать тѣ обычаи и приличія, въ соблюденіи которыхъ невѣжественныя массы видятъ послѣдніе предѣлы нравственности; онъ вліяетъ на чувство симпатіи, заставляя насъ иногда, совершенно вопреки теоріи Адама Смита, видѣть нравственный долгъ въ такихъ поступкахъ, по совершеніи которыхъ мы заранѣе предугадываемъ, что нетолько не найдемъ ни въ комъ ни малѣйшей симпатіи, напротивъ того, встрѣтимъ общее неодобреніе и вражду; онъ подавляетъ, наконецъ, самое чувство самосохраненія, заставляя насъ чистыми логическими соображеніями доходить до убѣжденія, что наше личное существованіе ничто передъ существованіемъ цѣлаго рода человѣческаго, и что мы всегда должны быть готовы пожертвовать этимъ существованіемъ для общей пользы. Подъ вліяніемъ разума между прочимъ происходитъ именно то, чтѣ отвергаетъ Боля — измѣнчивость нравственныхъ принциповъ и развитіе

ихъ вмѣстѣ съ умственнымъ развитіемъ общества. Адамъ Смитъ допускаетъ измѣнчивость нравственныхъ принциповъ въ одномъ только отношеніи; на страницѣ 266-й онъ говоритъ:

«Различныя эпохи и различныя страны тоже оказываютъ вліяніе на нравы людей, и видоизмѣняютъ мнѣнія ихъ о хорошихъ или дурныхъ свойствахъ того или другаго душевнаго качества, стотри по обычаю, существующему въ этомъ отношеніи въ ихъ странѣ въ данную эпоху. Та степень вѣжливости, которая такъ высоко цѣнится въ Англіи, быть можетъ, была бы принята за низклонство въ Россіи или за грубость во Франціи. Такимъ же образомъ, та степень бережливости и умѣренности, которая была бы принята за чрезмѣрную скупость между польскимъ дворянствомъ, можетъ считаться за крайнюю расточительность между гражданами Амстердама. Въ каждую эпоху и въ каждой странѣ поведеніе болѣе всего уважаемыхъ людей принимается за мѣрило, съ которыми сравниваютъ вообще всѣ добродѣтели и нравственныя качества; а какъ мѣрило это болѣе или менѣе измѣняется, смотря по большому или меньшему обращенію этихъ добродѣтелей въ привычки, то вслѣдствіе этого и мнѣнія людей о достоинствѣ того или другаго поступка тоже измѣняются».

Такимъ образомъ Адамъ Смитъ допускаетъ измѣнчивость нравственныхъ принциповъ подѣ вліяніемъ привычекъ, обуславливаемыхъ складомъ жизни того или другаго общества, той или другой эпохи. Здѣсь Адамъ Смитъ стоитъ на болѣе твердой почвѣ, потому что совершенно противорѣчитъ своей теоріи: онъ вводитъ въ нравственный міръ новаго фактора — привычку, и мало того, что подчиняетъ этой привычкѣ умственный міръ, говоря, что люди составляютъ нравственные принципы подѣ вліяніемъ своихъ привычекъ, но и свою любезную симпатію, говоря, что люди симпатизируютъ тому или другому подѣ вліяніемъ обычаевъ вѣка.

Но если онъ допускаетъ вліяніе привычекъ на измѣнчивость нравственныхъ принциповъ, за то никакимъ уже образомъ не соглашается онъ допустить вліяніе разума на привычки и симпатію. Разумъ играетъ у него, какъ мы выше замѣтили, роль совершенно пассивную:

«Разумъ,—говоритъ онъ на стр. 417-ой,—самъ по себѣ не можетъ сдѣлать какой либо предметъ пріятнымъ или непріятнымъ для насъ; онъ можетъ, правда, показать намъ, что при содѣйствіи такого-то предмета, мы можемъ получить другой, который естественно будетъ намъ нравиться или не нравиться, и придать прелесть предмету ради другаго предмета, но онъ не можетъ сдѣлать пріятнымъ для насъ предметъ самъ по себѣ, когда въ пользу или противъ него не говоритъ непосредственное чувство. Поэтому, когда въ нѣкоторыхъ случаяхъ добродѣтель нравится нашему сердцу сама по себѣ, а порокъ не нравится ему, то не разумъ, а непосредственное чувство влечетъ насъ къ одному и отвращаетъ насъ отъ другаго».

Но стоитъ взять какую угодно добродѣтель и показать ея историческое развитіе, и мы увидимъ, какое громадное вліяніе имѣетъ разумъ на развитіе этой добродѣтели. Такъ, напримѣръ, возмемъ хотя бы трудолюбіе. Сочувствіе къ этой добродѣтели возникаетъ прямо изъ истиннаго самосохраненія, побуждающаго

большинство людей поддерживать свое существование трудомъ. Мы сочувствуемъ человѣку трудолюбивому, хотя трудолюбіе возбуждается цѣлями исключительно эгоистическими. Еще болѣе сочувствуемъ мы человѣку, который трудится не для одного себя, но и для пользы другихъ — для пользы, напримѣръ, своего семейства. Но вотъ разумъ, вывода насъ изъ узкой семейной сферы въ общечеловѣческую, научаетъ насъ, что не всякіе труды полезны для человѣчества, хотя бы они и оплачивались хорошо и были бы поэтому очень полезны въ личномъ и семейномъ отношеніи. Подъ вліяніемъ этихъ доводовъ разума взглядъ нашъ на трудолюбіе совершенно измѣняется и мы перестаемъ симпатизировать многому, на что мы прежде смотрѣли какъ на добродѣтель. Человѣкъ мало развитой можетъ снискивать пропитаніе себѣ и своему семейству какимъ-нибудь фокусничествомъ, и онъ не только не будетъ чувствовать какихъ-либо угрызеній совѣсти при этомъ, напротивъ, будетъ видѣть въ своемъ трудѣ исполненіе нравственнаго долга, и не разъ за стаганомъ чая онъ будетъ съ гордостью повторять своему пріятелю, что «я молъ не даромъ живу, не сижу сложа руки, не дешево достается мнѣ мое ремесло и не легко трудиться для пропитанія своего семейства», и пріятель будетъ вполне согласенъ съ нимъ и будетъ смотрѣть на него съ уваженіемъ; а если фокуснику удастся обогатить свое семейство своимъ ремесломъ, и самъ онъ на себя и другіе на него будутъ смотрѣть, какъ на героя. Но для человѣка развитаго занятіе какими-нибудь фокусами немислямо, представляетъ верхъ безнравственности, за которую совѣсть не перестанетъ мучить образованнаго человѣка, пока не займется онъ какимъ-нибудь полезнымъ трудомъ. Одно малѣйшее сомнѣніе въ полезности своего труда обдастъ его жаромъ и холодомъ, и составляетъ одно изъ самыхъ мучительныхъ сомнѣній. Очевидно, что здѣсь разумъ прямо вліяетъ на всѣ прочія свойства нашей природы и опредѣляетъ, чему долженъ симпатизировать образованный человѣкъ и чего онъ долженъ избѣгать.

Величайшая ошибка Адама Смита заключается въ томъ, что онъ совершенно опустилъ историческій путь развитія добродѣтелей и пороковъ. Онъ беретъ различные нравственные принципы, добродѣтели и пороки въ томъ видѣ, въ какомъ существовали они въ данный историческій моментъ въ его время и по тому, какія данія представляла человѣческая природа его современниковъ, онъ судитъ о человѣческой природѣ вообще. Единственное исключеніе въ этомъ отношеніи онъ допустилъ, какъ мы выше видѣли, въ пользу привычки. Если мы начнемъ разбирать нравственные побужденія людей, принимая въ расчетъ только современную намъ дѣйствительность, то, естественно, что такой заукисный и историческій факторъ, какъ инстинктъ самосохраненія, скроется изъ нашихъ глазъ, а на первый планъ выступятъ привычка и сочувствіе, побуждающія насъ въ тѣмъ или другимъ добродѣтелямъ. Въ обружающей насъ дѣйствительности

мы видимъ, что люди привыкшіе считать добродѣтелью какое-нибудь чувство, напримѣръ почтеніе къ родителямъ, побуждаются къ этой добродѣтели не столько изъ какихъ-либо корыстныхъ видовъ, сколько изъ желанія заслужить всеобщее одобреніе и сочувствіе къ себѣ; но тѣмъ не менѣе, если мы начнемъ разбирать исторически, какимъ путемъ произошло то, что люди привыкли сочувствовать почтенію къ родителямъ и считать это добродѣтелью, то мы никакъ не избѣжимъ инстинкта самосохраненія, который такъ упорно отвергаетъ Адамъ Смитъ.

Въ этомъ отношеніи г. Бибиновъ судитъ опрометчиво, говоря, что сочиненіе Адама Смита слѣдовало-бы правильнѣе назвать теорію симпатіи. Мы могли бы сдѣлать это, еслибы Адамъ Смитъ, занявшись изслѣдованіемъ симпатіи, какъ одного изъ факторовъ нравственности, не упустилъ бы изъ виду, что симпатія его все-таки не болѣе, какъ одинъ изъ частныхъ факторовъ въ ряду другихъ, играющихъ роль не менѣе важную. Въ такомъ случаѣ ему оставалось бы ограничиться частнымъ изслѣдованіемъ, при чемъ ему все-таки необходимо было бы показать вліяніе какъ симпатіи на всѣ прочіе факторы нравственности, такъ и на оборотъ. Но мы видимъ, что онъ имѣлъ совсѣмъ иную цѣль: онъ написалъ полную теорію нравственности, возведя симпатію во всеобщій факторъ этой области и кромѣ привычки, отвергнувши всѣ прочіе факторы. Въ этомъ и заключается вся ошибочность теоріи Адама Смита.

Мы обратили вниманіе только на сущность теоріи Адама Смита, и этимъ мы принуждены ограничиться, имѣя въ виду небольшую объемъ рецензій. Если бы мы начали разбирать Адама Смита по страницамъ во всѣхъ частностяхъ его изслѣдованія, то, при современномъ состояніи науки, мы должны были бы отвергнуть изъ его выводовъ всѣ тѣ, въ которыхъ онъ строго послѣдователенъ своей теоріи, и напротивъ того согласиться съ нимъ въ томъ, въ чемъ онъ самъ себѣ противорѣчитъ. Въ этомъ отношеніи Адамъ Смитъ представляется намъ великимъ умомъ, подавленнымъ догматическою узкою шотландскою мысли его времени. Тамъ, гдѣ этотъ великій умъ разрываетъ оковы догматизма, наложенныя на него временемъ, и становится на болѣе живую почву, какъ напримѣръ въ главѣ *о вліяніи обычая и моды на чувство одобренія или неодобренія въ дѣлѣ нравственности*, тамъ онъ првближается къ современному намъ анализу, но за то претворѣть совершенно своей теоріи, которая представляетъ въ настоящее время только историческій интересъ, какъ памятникъ того, какъ мыслили назадь тому столѣтъ въ Шотландіи.

Въ заключеніе мы считаемъ не лишнимъ представить нѣсколько соображеній относительно того, какъ слѣдуетъ переводить книги подобнаго рода. Въ концѣ изданія г. Бибиновъ заявляетъ, что онъ намѣренъ представить цѣлую коллекцію изданій въ русскомъ переводѣ классическихъ писателей конца прош-

лаго и начала настоящаго вѣка. Изданіе Биша, Кабаниса и Адама Смита есть начало предпріятія. Кромѣ того печатается сочиненіе Мальтуса, исторія политической экономіи Бланки и собраніе сочиненій Лессинга. Въ виду такого колоссальнаго плана не мѣшаетъ обстоятельнѣе обдумать его исполненіе, а не приступать къ нему съ тѣмъ легкомысліемъ, съ какимъ видимо глядятъ на свое предпріятіе г. Бибиковъ.

Писатели конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка, имѣвшіе такое громадное вліаніе на ходъ европейской мысли и на практическія сферы дѣятельности, представляютъ живой интересъ, и не можетъ быть и сомнѣнія о полезности появленія многихъ изъ нихъ въ русскомъ переводѣ. Но при этомъ не мѣшаетъ принять въ соображеніе два обстоятельства: вопервыхъ, хотя писатели эти высказали много живыхъ и свѣтлыхъ идей для своего времени, тѣмъ не менѣе наука въ послѣдніе 60 лѣтъ настояло ушла впередъ, что многіе изъ взглядовъ этихъ писателей сдѣлались давно уже отсталыми, основанными на весьма гадательныхъ, иногда и положительно пошлыхъ основаніяхъ, и современная наука успѣла отвергнуть эти взгляды. При такихъ условіяхъ читать сочиненія писателей конца XVIII и начала XIX вѣка полезно не иначе, какъ въ историческомъ интересѣ, вооружившись при этомъ современною критикою; такое чтеніе можетъ познакомить насъ съ ходомъ развитія европейской мысли, и мы будемъ заключать изъ него, въ чемъ и насколько подвинулась современная намъ наука. Вотъ вторыхъ, публика наша до такой степени мало образованна, до такой степени мало свѣдуща даже въ хронологіи, что вся эпоха отъ половины прошлаго вѣка до половины нынѣшняго смѣшивается въ головѣ ея въ одинъ неопредѣленный хаосъ. Она обращается къ книгамъ, переводимымъ съ иностраннаго, безъ всякой критической провѣрки ихъ, жаждая въ каждой переведенной книгѣ найти истину и свѣтъ; особенно какъ если переводчикъ въ видѣ г. Бибикова, желая показать товаръ лицомъ, оторошитъ ее, что ты, молъ, публика, не забывай, что имѣешь дѣло не съ кѣмъ инымъ, какъ съ Адамомъ Смитомъ и потому должна принять всѣ выводы его безапелляціонно или же отвергнуть ихъ съ начала книги до конца. Легко сказать: отвергнуть сочиненіе европейскаго мыслителя, которое, по словамъ переводчика, «обратилось, такъ сказать, въ учебникъ у западныхъ народовъ». Остается только читать, удивляться и поучаться. Сегодня публика прочтетъ только что изданное на Западѣ сочиненіе Спенсера или Милля, завтра она прочтетъ Адама Смита, Кабаниса, или Бентама, сегодня она прочтетъ Тэна, завтра Лессинга. И вы думаете, что она такъ сейчасъ и провѣритъ одного писателя старѣйшаго другимъ новѣйшимъ? Какъ бы не такъ: и Спенсеръ, и Льюисъ, и Кабанисъ, и Бентамъ, и Адамъ Смитъ—все это для нея современники, потому что въ одно время входятъ въ ея головы, ко всѣмъ имъ она питаетъ одинаковое уваженіе и веѣмъ имъ одинаково вѣ-

рить. Въ то время, какъ появленіе Адама Смита, Лессинга, Канта, Спенсера въ Европѣ составляло послѣдовательныя историческія эпохи, у насъ все это является какъ нѣчто одинаково современное! Это совершенно равносильно тому, какъ если бы въ нынѣшнемъ году вышелъ въ Китаѣ переводъ Вѣдинскаго, въ будущемъ переводъ Ломоносова, да кстати Добролюбова, а потомъ сочиненія Сѣченова «Рефлексы головного мозга» пошли бы рядомъ съ сочиненіемъ Посошкова, и китайцы научались бы разомъ изъ всего этого безъ всякой критической оцѣнки, при чемъ переводчики завѣряли бы ихъ, что всѣ сочиненія, начиная съ Посошкова и кончая Добролюбовымъ, равно вошли, такъ сказать, въ учебники въ Россіи. Вообразите себѣ, что за сумбуръ образовался бы въ головахъ китайцевъ; меньшій сумбуръ долженъ произойти и въ головахъ нашей публики, когда у нея идеи Спенсера или Милля сольются съ идеями Адама Смита или будутъ она смотрѣть на искусство разомъ глазами и Лессинга и Тэна. Какъ же избавиться отъ этой бѣды? Издавать сочиненія европейскихъ мыслителей въ хронологической послѣдовательности, чтобы публика наша послѣдовательно переживала всѣ фазы европейской мысли, начиная съ Адама Смита и кончая Спенсеромъ? Или совсѣмъ не переводить прежнихъ писателей, а знакомить публику съ одними новѣйшими, чтобы публика, воспринявши послѣднее слово науки, повела европейскую мысль далѣе?

Для избѣжанія всѣхъ вышеизложенныхъ неудобствъ, есть одно очень хорошее средство, примѣръ котораго былъ уже представленъ въ нашей литературѣ. Сочиненія знаменитыхъ европейскихъ писателей, успѣвшія отстать отъ выводовъ современной науки или отступающія отъ нихъ въ чемъ либо, должны быть издаваемы такъ, какъ изданъ у насъ переводъ политической экономіи Милля. Для нашей публики недостаточно подробной біографіи писателя, недостаточно передовой классической статьи, какъ бы она ни была хороша, а еще менѣе достаточно двухъ-трехъ жалкихъ примѣчаній подъ текстомъ. Переводы такихъ сочиненій, какъ «Теорія нравственныхъ чувствъ» Адама Смита, непременно должны сопровождаться подстрочными замѣчаніями, которыя бы оцѣнивали критически каждую главу и даже страницу сочиненія. Такія замѣчанія должны дѣлаться людьми вполне компетентными въ своемъ дѣлѣ, хорошо знакомыми съ ходомъ развитія европейской мысли и послѣдними выводами современной науки. Чтеніе книги съ подобными примѣчаніями представляетъ крайнюю выгоду: 1) оно избавляетъ публику отъ того сумбура въ головѣ, о которомъ мы выше говорили, и пріучаетъ ее оцѣнивать критически то, что она читаетъ; 2) оно знакомитъ публику съ прошедшимъ состояніемъ европейской мысли и 3) въ то же время оно показываетъ состояніе современнаго знанія въ отношеніи къ прошедшему. Не иначе, какъ при такихъ условіяхъ предпріятіе г. Бябикова можетъ принести пользу нашему обществу. Въ такомъ видѣ предпріятіе это изъ лавочнаго и

спекулятивного, неизмѣющаго въ виду ничего болѣе, какъ изданіе и сбываніе переводныхъ книгъ можетъ обратиться въ весьма почтенное ученое предпріятіе: изданныя такимъ образомъ писатели конца XVIII и начала XIX вѣка, съ критическими примѣчаніями на основаніи новѣйшихъ выводовъ науки, могутъ составить энциклопедію европейской мысли въ ея историческомъ развитіи и современномъ состояніи. Предпріятіе и безъ того колоссальное, сдѣлается еще громаднѣе вслѣдствіе этого, но лучше совсѣмъ ничего не дѣлать, чѣмъ дѣлать дѣло какъ-нибудь и спуста рукава и принести болѣе вреда, чѣмъ пользы своимъ дѣломъ. Къ тому же конечно предполагается, что рядъ подобнаго рода изданій невозможно исполнить усиліями одного человѣка; для такого предпріятія необходимо соединеніе многихъ силъ и лучшихъ силъ нашего общества; тѣмъ болѣе смѣшно думать, что такое предпріятіе думаетъ исполнить одинъ съ своими силами г. Бибииковъ, который говоритъ въ своемъ заявленіи, что «всѣ сочиненія (издаваемые имъ) сопровождаются объяснительными критическими и біографическими статьями, возможно полными примѣчаніями и указателями». А между тѣмъ во всемъ разбираемомъ нами изданіи мы не видимъ никакихъ критическихъ указаній, кромѣ сентиментальныхъ писемъ Кондорсе, отъ которыхъ пахнетъ почти такой же ветхостью, какъ и отъ теоріи Адама Смита; изрѣдка кое-гдѣ попадаются сладенькія одобренія французскаго переводчика, да русскій переводчикъ въ двухъ-трехъ мѣстахъ дѣлаетъ кое-какія бѣглыя замѣчанія. Или свое крайне поверхностное, жиденькое предисловіе, основанное на разсужденіяхъ Бокла и съ размашистымъ выводомъ о принятіи или непринятіи теоріи Адама Смита, г. Бибииковъ считаетъ объяснительною критическою статью?

Земля и воля. П. Л. Сиб. 1868.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ вышла въ свѣтъ, разгонисто-напечатанная на 200 страницахъ брошюра нѣкоего П. Л., подъ заглавіемъ: «Земля и воля». Брошюра эта, какъ сгущенный экстрактъ всего того, о чемъ постоянно трагуетъ газета «Вѣсть», не представляла собою рѣшительно ничего новаго, оригинальнаго, но, неизвѣстно почему-то (благодаря громкому названію, что-ли?), обратила на себя вниманіе почти всѣхъ нашихъ газетныхъ и журнальных рецензентовъ. Такъ, одинъ изъ фельетонистовъ, помнитса, до такой степени обозлился на неизвѣстнаго автора «Земли и воли», что, повидимому, рѣшился даже повредить, если удастся, его служебной карьерѣ, дѣлая подконъ подъ его псевдонимъ. Фельетонистъ этотъ, самъ скрывающійся подъ псевдонимомъ, узналъ какъ-то, стороной, настоящее имя г. П. Л. и то, что онъ занимаетъ мѣсто чуть ли не вице-губернатора. Заручившись такимъ, весьма любопытнымъ для русской публики открытіемъ, фельетонистъ выразилъ не малое удивленіе о томъ, какъ правительство допускаетъ къ себѣ на службу людей, не

сочувствующихъ его распоряженіямъ? По мнѣнію фельетониста, — ужь если жалованье получаешь отъ правительства, — то сочувствуй ему во всемъ; иначе — дѣло дрянь.

Мы смотримъ на книжку «Земля и воля» вовсе не такъ, какъ взглянуло на нее большинство рецензентовъ. Намъ нѣтъ никакого дѣла, кто именно скрывается подъ буквами П. Л.: вице-губернаторъ-ли, частный-ли приставъ, или просто отставной какой лейбъ-гусарь-помѣщикъ, ударившійся въ литературу. Мы видимъ только, что книжку писалъ человекъ, задѣтый за живое, обозлившійся, который, очень естественно, въ сердцахъ, способенъ нести всяческую ерунду и несообразности. По поводу невозвѣрнаго, избытка въ книжкѣ ерунды, мы о ней до сей поры и не упоминали, да и теперь упоминаемъ единственно только потому, что газетные и журнальные рецензенты слишкомъ уже на нее накинудись и придали этому ничтожеству такое значеніе, какого оно не имѣло и не могло имѣть.

Въ первыхъ главахъ своего сочиненія, авторъ изъ кожи лѣзеть, стараясь доказать, что нынче, послѣ освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ, негодныя, ничего не производящія земли обрабатывать невыгодно, хотя едва-ли и было когда-нибудь такое время, когда бы ихъ обрабатывать было выгодно. Негодныя земли и при существованіи крѣпостнаго права постоянно лежали пустопорожными, а помѣщикамъ, разумѣется, житье было хорошее, потому что они, независимо отъ качества отданной крестьянамъ земли, собирали съ нихъ аккуратно каждое полугодіе оброкъ. Иной крестьянинъ землю-то никогда и не обрабатывалъ, занимаясь торговлей и промыслами, а оброкъ все-таки платилъ аккуратно, потому что боялся какъ огня обращенія на издѣльную повинность. Такимъ образомъ, доход получался помѣщиками вовсе не изъ земли, которая постоянно, по негодности своей, не имѣла никакой цѣны, а единственно съ личнаго труда, или просто, какъ говорится, — здорово живешь; плати за то, что существуешь на свѣтѣ, и притомъ еще торгуешь и занимаешься промыслами. Въ малоземельныхъ, но торговыхъ селахъ, нерѣдко, расторговавшійся мужикъ предлагалъ помѣщику за себя и свое семейство выкупъ въ нѣсколько десятковъ тысячъ; слѣдовательно, во всякомъ случаѣ, богатство помѣщика составляла вовсе не земля. По показанію автора книжки, въ петербургскомъ губернскомъ правленіи продано съ аукціона имѣніе какого-то нижегородскаго дворянина Н., 3,937 десятинъ за 201 рубль, то-есть по пятаву десятина. Цѣна, дѣйствительно, дешевая, но, тѣмъ не менѣе, причины дешевизны вовсе не тѣ, какія предполагаетъ П. Л. Еслибы у дворянина Н. земля была годная къ обработкѣ, то и послѣ уничтоженія крѣпостнаго права, цѣна на нее не могла бы дойти до пятака. Всего вѣроятнѣе, что и до освобожденія крестьянъ, дача дворянина Н. состояла изъ нигуда негодной тундры, за которую и 200 рублей можно было заплатить только лишь руководствуясь надеждою въ будущемъ:

заложить ее, или же приобрести на бумагѣ поземельный цензъ, съ помощію котораго впоследствии можно бы было устроиться по мировымъ, или земскимъ учреждениямъ. Очень не мудрено, что у насъ въ сѣверныхъ губерніяхъ появится цѣлая масса аферистовъ, въ родѣ Чичиковыхъ, которые, вмѣсто мертвыхъ душъ, станутъ скупать мертвую землю по пятачку десятину и, сдѣлавшись, такимъ образомъ, крупными землевладѣльцами, увеличатъ собою партію недовольныхъ, пишущихъ такія книжки, какъ «Земля и воля».

Изъ приведенной выше цѣны на землю видно, что нынче сдѣлаться крупнымъ землевладѣльцемъ очень не трудно. Если ходить почаще въ петербургское губернское правленіе, то на тысячу рублей можно накупить тысячъ пятнадцать десятинъ отличнѣйшей тундры, и потомъ, закрѣпивъ ихъ за собою формальнымъ актомъ, присоединиться къ числу плачущихъ и скорбящихъ о потерѣ обязательнаго труда. Операция, какъ видите, очень не хитрая, доступная для каждаго, даже небогатаго человѣка съ Чичиковскими наклонностями; но не такъ смотритъ на это дѣло почтенный авторъ «Земли и воли». По его мнѣнію, ни на чемъ, впрочемъ, не основанному, крупнымъ землевладѣльцемъ можно только родиться, а сдѣлаться никакъ нельзя. «Для получения процентовъ по капиталу, — пишетъ П. Л., — для промѣны купоновъ на деньги по процентнымъ бумагамъ, конечно, не требуется никакихъ нравственныхъ и умственныхъ качествъ; но совершенно иное представляетъ намъ недвижимая, въ особенности поземельная собственность. Не даромъ римляне, этотъ по преимуществу практической народъ, называли поземельную собственность — *dominium* — господствомъ человѣка надъ вещью, разумъ надъ матеріею». Преобладаніе разума надъ матеріею П. Л. предполагаетъ только лишь въ родовыхъ дворянахъ, которые, хорошо понимая вкусъ въ наслажденіяхъ и въ высшихъ потребностяхъ, живутъ гдѣ-нибудь въ Ниццѣ или Парижѣ, оставивъ свои имѣнія подъ управленіемъ специалистовъ, обладающихъ всѣми качествами, необходимыми для управленія поземельною собственностью (см. стр. 21); что же касается до мужиковъ, то они, по мнѣнію П. Л., неспособны быть землевладѣльцами. «Нашъ крестьянинъ — пишетъ П. Л. — такъ еще мало развитъ, что въ немъ побудительными причинами къ труду служатъ лишь необходимость удовлетворенія самыхъ ближайшихъ и неотлагательныхъ жизненныхъ потребностей; что же касается до наслажденій, то для большинства народа они заключаются пока еще въ пьянствѣ». По мнѣнію П. Л., для процвѣтанія сельскаго хозяйства въ известной странѣ необходимо, чтобы вся поземельная собственность была въ рукахъ нѣсколькихъ лицъ, а у нихъ бы всѣ уже наняли и, притомъ, чѣмъ дороже, тѣмъ лучше для тѣхъ, кто наняма; обрабатывать же свои собственные участки земли, — это, по мнѣнію П. Л., чистая гибель и раззореніе: нужно непременно свой участокъ продать, потому что за

арендуемый участок заплатить значительную сумму, и потом уже пахать. П. Л. не приводит никаких причинъ такого недѣльнаго явленія, но за то онъ ссылается на Англію и Францію. «Въ Англіи — говоритъ онъ — мелкій собственникъ продаетъ свой участокъ земли, и сдѣлавшись фермеромъ, при помощи капитала, вырученнаго отъ продажи и обращеннаго на улучшеніе арендуемой имъ земли, благоденствуетъ. Во Франціи землевладелецъ покупаетъ землю и, сдѣлавшись собственникомъ, обдѣляетъ. Собственность поземельная всегда и вездѣ была удѣломъ меньшинства; сдѣлать всѣхъ собственниками земли, въ полномъ смыслѣ этого понятія, такъ же трудно, какъ сдѣлать всѣхъ богатыми, счастливыми, умными и здоровыми».

Сравненіе, по нашему мнѣнію, очень неудачное! Нетолько всѣхъ дураковъ, сколько ихъ находится въ сѣверной, средней и южной полосахъ Россіи, но даже одного дурака превратить въ умнаго человѣка положительно невозможно, съ чѣмъ, вѣроятно, согласится съ нами и самъ П. Л., но надѣлать поземельной собственностію большинство населенія, напротивъ, очень не трудно, въ особенности въ нашей многоземельной Россіи. Надѣленіе крестьянъ поземельною собственностію производится у насъ въ настоящее время повсемѣстно, и нельзя сказать, чтобы безуспѣшно; а объ опытахъ превращенія дураковъ въ умныхъ что-то не слышно.

Для подрѣпленія высказываемыхъ предположеній, г. П. Л. придумалъ очень остроумный способъ: онъ смѣло ссылается на исторію и статистику, хотя ни въ той ни въ другой нѣтъ тѣхъ фактовъ, на которые онъ ссылается. Напримѣръ, онъ говоритъ, что земледѣліе во Франціи пало съ той самой поры, когда поземельная собственность начала дробиться, тогда какъ статистика указываетъ намъ совершенно противное. Изъ статистики мы, напротивъ, видимъ, что въ самомъ скверномъ положеніи земледѣліе во Франціи было именно тогда, когда поземельная собственность сосредоточивалась въ рукахъ стариннаго дворянства и духовенства. Съ русской статистикой П. Л. обращается такъ же безцеремонно, какъ и съ иностранной. Онъ смѣло, напримѣръ, утверждаетъ, что въ сѣверныхъ губерніяхъ, крѣпостные крестьяне, подъ властью помѣщиковъ, благоденствовали. По словамъ П. Л., крѣпостной крестьянинъ, наслаждаясь подъ опекою «даровой помѣщичьей власти», постоянно пользовался отъ нея обратнымъ капиталомъ «въ видѣ уплачиваемыхъ помѣщикомъ податей и повинностей, въ видѣ строеваго лѣса на постройки, топлива на зиму, сѣмянъ на обдѣненіе полей, лошади, коровы, иногда самаго продовольствія, отпущавшихся помѣщикомъ въ случаѣ нужды, а теперь... увы!... крестьянинъ долженъ все это самъ купить, онъ долженъ приобрести необходимый обратный капиталъ. На случай несчастій: неурожаа, падежа, пожара, болѣзни, онъ долженъ имѣть въ запасѣ еще особый капиталъ, какъ говорится, на черный день».

Т. СLXXX. — Отд. II.

6

Вотъ, видите ли, стоять только повѣрить на слово хитрому на выдумки П. Л., — и вы сейчасъ же начнете смотрѣть на вещи съ его точки зрѣнія. Оказывается, что крѣпостной мужикъ, сравнительно съ нынѣшнимъ своимъ положеніемъ, просто блаженствовалъ, пользовался почти неограниченнымъ кредитомъ, имѣлъ всегда въ своимъ услугахъ и школы и больницы, а теперь... теперь ему даже и дровъ на топливо не дадутъ: топчѣмъ хочешь, или мерзни...

Но стоять только винкнуть въ прошедшее и настоящее положеніе мужика, — сейчасъ же настоящее его представится не на столько безотраднѣмъ, а прошедшее не на столько прелестнѣмъ, какъ его описываетъ П. Л. Лѣсъ, дѣйствительно, отпущался крестьянамъ, но на какихъ условіяхъ? Наруби да навози помѣщику саженъ десять, а потомъ одну себѣ возьми; но развѣ въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ на такихъ условіяхъ не согласатся дать и теперь? Сколько бы угодно дали, но, къ сожалѣнію, мужики-то не согласатся, потому что теперь цѣнится трудъ и время, которые прежде не подлежали оцѣнкѣ.

Пусть помѣщикъ остается съ своимъ лѣсомъ, но, что ему и лѣсъ, если нѣтъ рабочихъ рукъ? Не даромъ, самъ же П. Л. говоритъ (см. стр. 41), что въ рабочую пору «грубный землевладелецъ напрасно мечется во всѣ стороны для отысканія рабочихъ»... Зачѣмъ же онъ мечется-то, если и крестьянину въ то же время нуженъ лѣсъ, нужны деньги на сѣмена, на подати, и т. п.? Чѣмъ безъ толку метаться, не лучше ли войти въ безобидную, добровольную сдѣлку съ рабочей силой, въ которой нуждаешься? Объ отсутствіи помѣщичьей медицинской помощи (которая, въ бѣльшей части случаевъ, давалась, впрочемъ, не въ больницахъ, а въ каретникѣ, или на конюшнѣ), мужикъ тоже плавать не станетъ, потому что, Богъ дастъ, со временемъ, все это и земство устроятъ, равно какъ и страхованіе. Однимъ словомъ, мужикамъ оплакивать блаженство крѣпостничества нѣтъ основаній, да они объ немъ и не плачутъ; плачутъ только господа Пе-эли, которые только и дѣлаютъ, что лаютъ на луну, да напрасно мечутся во всѣ стороны для отысканія рабочихъ.

О капиталѣ и трудѣ невещественномъ и ихъ значеніи и положеніи въ политической экономіи. Д-ра Владислава Ригера. *Переводъ съ чешскаго съ предисловіемъ и примѣчаніями* Д. Щеглова. С.-Петербургъ. 1868.

Предметъ, о которомъ трактуетъ эта брошюра, — производительность невещественнаго капитала и труда — есть предметъ, строго говоря, не стоящій никакого вниманія, потому что никто никогда и не думалъ отрицать производительность ни этого капитала, ни этого труда. Весь гвалтъ, поднятый французскими экономистами противъ Смитовой классификаціи труда на производительный и непроизводительный, возникъ отчасти по недоразумѣнію, отчасти по прямой недобросовѣстности этихъ экономистовъ. Опредѣливши,

что онъ разумѣетъ подъ производительнымъ трудомъ, Адамъ Смитъ въ слѣдующихъ же строкахъ прибавляетъ, что и между трудами, отнесенными имъ къ непродизводительнымъ, есть много очень почтенныхъ, очень *полезныхъ* и даже необходимыхъ. Очевидно, классификаціей своею. Смитъ хотѣлъ выразить вовсе не то, въ чемъ упрекали его впоследствии французскіе экономисты, въ томъ числѣ и авторъ этой брошюрки. Въ томъ хаосѣ хозяйственныхъ отношеній и понятій, который существовалъ во время Смита, при той несоразмѣрности въ распредѣленіи народныхъ богатствъ и народныхъ силъ, которая была отличительною чертою европейскаго общества до французской революціи, для Смита, какъ и вообще для всѣхъ экономистовъ, видѣвшихъ въ своей наукѣ не дѣло той или другой партіи, а дѣло всего человѣчества, было весьма важно бросить въ общество нѣсколько мыслей, которыя заставили бы его отрезвиться и подвести итогъ своимъ наличнымъ средствамъ и силамъ. Разсматривая свойства, по которымъ Смитъ причисляетъ ту или другую человѣческую дѣятельность къ производительному или непродизводительному труду, мы видимъ, что они именно таковы, что дѣлаютъ продуктъ данной дѣятельности способнымъ или неспособнымъ удовлетворять самымъ насущнымъ, самымъ неотступнымъ нуждамъ человѣка. Классификаціей своею Адамъ Смитъ, стало быть, хотѣлъ сказать только то, что какъ бы ни были сами по себѣ почтенны, полезны и важны многіе роды дѣятельности, на которые общество тратитъ свои наличные капиталы, но для пользы этого же общества важно, чтобы прежде всего и главнымъ образомъ капиталы эти обращались на производство предметовъ, если не столько почтенныхъ, то за то болѣе благодѣтельныхъ и необходимыхъ. Французскіе экономисты очень хорошо поняли эту мысль Смита, но они поняли въ то же время и то, что будь эта мысль доведена до своихъ прямыхъ логическихъ выводовъ, она значительно пошатнетъ излюбленный ими общественный строй. Вотъ почему они такъ вооружились противъ классификаціи Смита, и вотъ изъ какого источника идутъ ихъ двоярамбы умственному труду и капиталу.

Ригеръ, какъ видно изъ его брошюрки, воспитывался преимущественно на французскихъ экономистахъ, и потому принялъ ихъ фразы за чистую монету и повѣрилъ имъ на слово, что умственному труду и капиталу предстоитъ Богъ-знаетъ какая гибель отъ классификаціи Адама Смита и его прямыхъ послѣдователей, Рикардо и Мальтуса. Онъ счелъ долгомъ внести и свою лепту на освобожденіе умственныхъ работниковъ человечества отъ упрека въ дармовѣдствѣ, будто бы возведенномъ на нихъ Адамомъ Смитомъ. Уже одно это обстоятельство — легковѣріе, съ которымъ онъ поддался на хитрыя увертки французскихъ экономистовъ — показываетъ, что *безпопачной логики*, отысканной г-мъ Щегловымъ въ умозаключеніяхъ Ригера, ожидать отъ него едва-ли возможно. И въ самомъ дѣлѣ, вся

книжка запечатлена такимъ наивнымъ невѣднiемъ человѣческихъ отношенiй, экономическихъ прiемовъ и мншленiя, что удивляешься право, какъ находятся люди, которые не только читаютъ и переводятъ такую книжку, но вдобавокъ еще видятъ за ней важныя научныя достоинства. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ серьезно думать, что фразы въ родѣ той, что «невестественные труды (между прочимъ и пѣнiе Марiо?) составляютъ основанiе *всего* производства, *всѣмъ* богатства» имѣютъ хоть какое-нибудь научное значенiе, или, что научное значенiе заключается въ слѣдующей тирадѣ, въ которой авторъ думаетъ доказать производительность изацнныхъ искусствъ: «Отличный актеръ, пѣвецъ, танцовщикъ, имѣютъ въ своей способности и какъ бы исключительно подъ своимъ ключомъ неисчерпаемый источникъ, изъ котораго по своей волѣ каждый изъ нихъ можетъ продавать вкусный и освѣжительный напитокъ всѣмъ, кто только жаждетъ его, и этотъ источникъ нерѣдко бываетъ обильнѣйшимъ источникомъ богатства, чему неопровержимымъ доказательствомъ служитъ опытъ. Посмотрите только на эти великолѣпныя палаццо въ Венеци, на эти роскошныя виллы во Флоренци, которыя принадлежатъ знаменитымъ танцовщицамъ и пѣвицамъ. А это громадное богатство, которое вывезли въ свое отечество Паганини и другiе преимущественно итальянскiе художники!»

Или это, быть можетъ, по части безпощадной логики, г-нъ Щегловъ? Вообще изъ брошюрки видно, что Ригеръ прекраснѣйшiй человѣкъ, съ великолѣпнѣйшими настрѣненiями, теплымъ чувствомъ, горячо любящiй науку, поэзiю и искусства (онъ же, какъ извѣстно, и горячiй патрiотъ), но очень плохой и, не въ обиду ему будь сказано, бездарный экономистъ. Впрочемъ, въ оправданiе Ригера надо прибавить, что брошюра его написана имъ еще въ 1850 году, и не его вина, что г-нъ Щегловъ напелъ нужнымъ вызвать ее изъ забвенiя, въ которомъ она покоилась цѣлыхъ 18 лѣтъ (г-нъ Щегловъ, при всѣхъ его усилiяхъ, не могъ найти ее ни въ публичныхъ библiотекахъ, ни въ чешской и русской книжной торговлѣ), и издать ее теперь на русскомъ языкѣ. Г-нъ Щегловъ, надо отдать ему справедливость, вообще очень неудобный прiятель и подчасъ оказываетъ чисто медвѣжьи услуги. Такъ напр., брошюра эта переведена, между прочимъ, и въ видахъ литературнаго сближенiя славянскихъ племенъ, отъ котораго г-нъ Щегловъ ожидаетъ нивѣсть какихъ благъ для дѣла славянства. Не знаемъ, на сколько основательны тави надежды, но хотя бы оно и было такъ, какъ надѣется г-нъ Щегловъ, то и въ тавомъ случаѣ слѣдовало бы быть разборчивѣе при выборѣ книги для перевода. Ригеръ—личность довольно извѣстная, какъ у насъ, такъ и въ другихъ странахъ, и отъ него, какъ отъ коновода цѣлой, да еще оппозиционной партiи, мы вправѣ требовать какъ болъшей логической силы, такъ и болъе живаго и разумнаго отношенiя къ дѣлу. А то вѣдь иной недоброжелатель съ злорадствомъ можетъ восклик-

нута: хороша же должна быть партія, когда главные вожди ея непосредственно послѣ революціи, поведшей въ изгнанію ихъ изъ отечества въ странѣ, носившей еще свѣжіе кровавыя слѣды Кавеньяковской Вареломеевой ночи, начатой и совершившейся при громкихъ благословіяхъ экономистовъ, не нашелъ для себя другаго дѣла, какъ защищать итальянскихъ пѣвицъ и французскихъ государственныхъ прокуроровъ противъ несправедливыхъ обвиненій отца новѣйшей науки политической экономіи.

Несравненно больше умѣнья выказываетъ Ригеръ тамъ, гдѣ онъ доказываетъ неудоветворительность опредѣленія Ад. Смита даже съ точки зрѣнія самаго Смита. Онъ говоритъ, что если строго держаться опредѣленія, даннаго Смитомъ производительному труду, то въ послѣднемъ придется отнести многіе роды дѣятельности, исключенные Ад. Смитомъ изъ этой категоріи и, наоборотъ, дѣятельности, прямо примѣненныя имъ къ производительной категоріи, окажутся непродуцательными. Совершенно вѣрно, и страницы, посвященныя Ригеромъ разбору этой несостоятельности Смитовскаго опредѣленія, въ самомъ дѣлѣ очень хороши и удачны. Но это потому, что тутъ требовались не экономическія познанія и умъ, а просто адвокатская ловкость и умѣнье ловить противника на словѣ. Мы уже видѣли, каковъ истинный смыслъ Смитовской классификаціи, — смыслъ глубокой и плодотворной. Ригеръ игнорируетъ этотъ смыслъ, смотритъ на опредѣленіе Смита чисто съ формальной стороны, и потому, очевидно, долженъ находить его совершенно неудоветворительнымъ и не выдерживающимъ критики.

Книжка снабжена еще предисловіемъ и примѣчаніями г-на Щеглова, имѣющими своего рода невыразимую прелесть. Отъ нихъ пахнетъ кисленькимъ запахомъ того милаго журнальца, въ которомъ сотрудники въ время оно въ одно и то же время молчали и говорили, сидѣли и стояли, плакали и радовались. Какою напр. прелестью несетъ отъ слѣдующей тирады: «мысль Ригера объ экономическомъ и, такъ сказать, *сверхъ-экономическомъ* значеніи (милой человѣкъ, сверхъ-экономическое не есть экономическое, съ сверхъ-экономическимъ значеніемъ невещественныхъ богатствъ, пожалуй, согласится и самъ ужасный Адамъ Смитъ) богатствъ нематеріальныхъ составляетъ отрадное явленіе, доказывающее, что и нравственную систему славянина, его міровоззрѣніе, подобно его языку, «*věsně věkúe neogravis do soustavné káru po věmesku*» (что въ переводѣ на русскій языкъ значить: моему ндраву на мѣшай). Вообще г-нъ Щегловъ страхъ какъ обрадовался, узнавши, что и Ригеръ не любитъ матеріалистовъ и что славянскую натуру претить отъ матеріалистическихъ тенденцій. Но развѣ можно было думать иначе, развѣ кому-нибудь когда либо могло придти на умъ, чтобы Ригеръ любилъ матеріалистовъ, или что братья-славяне являлись съ безбожниками. Известно, что славяне все любятъ: и воду, и австрійское правительство, и даже цивилизацію, но матеріалистовъ — Боже сохрани!

Естественная исторія міроуданія съ нѣмецкаго перевода Карла Фогта, перевелъ А. Пальховскій. Изданіе 2-е. 1868.

Русской публикѣ уже знакома эта книга, иначе издатель не рискнулъ бы на 2-е изданіе. Авторъ ея остался до сихъ поръ неизвѣстнымъ, несмотря на то, что несомнѣнными достоинства этого произведенія признаются единогласно всѣми геологами, а о легкости и искусствѣ изложенія достаточно могутъ свидѣтельствовать нѣсколько тысячъ русскихъ читателей, благодаря которымъ первое изданіе раскуплено.

Тотъ сильно ошибется, кто станетъ обвинять предлагаемое 2-мъ изданіемъ твореніе анонимнаго автора въ отсталости и на этомъ основаніи станетъ отрицать высокую полезность этой книги. Съ развитіемъ естественныхъ наукъ въ послѣднія 30 лѣтъ, конечно, многіе изъ приводимыхъ имъ фактовъ оказались ложными, но исправленіе этихъ фактовъ не только не убьетъ его теоріи, а скорѣе просвѣтитъ ея темныя мѣста. Отрицать это можетъ только человѣкъ, не вникшій въ содержаніе вопроса, затронутаго почтенимъ анонимнымъ мыслителемъ. Вообще же для того, чтобы читатели не шокировались рѣзкостью Фогтовыхъ примѣчаній и главное получили бы болѣе ясное понятіе о важности содержанія вопроса, затронутаго въ предлагаемой книгѣ, мы приводимъ слова Фогта, съ которыми онъ обратился по поводу этой книги къ нѣмецкой публикѣ (см. его *Ankündigung* въ *Geschichte der Schöpfung*).

«Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, говоритъ Фогтъ, вышла въ Англіи книжка подъ заглавіемъ: «*Vestiges of the natural history of creation*», возбуждавшая столь необыкновенное вниманіе публики, что въ короткій срокъ появилось уже ея 6-е изданіе. Авторъ поставилъ себѣ задачей, на основаніи научныхъ фактовъ, связать въ одно цѣлое образованіе міра и земли со всеми находящимися на ней организмами. Этимъ путемъ (научнымъ) онъ достигъ результатовъ, весьма сильно противорѣчащихъ наиболее распространеннымъ въ Англіи ортодоксальнымъ воззрѣніямъ, и тѣмъ самымъ поставилъ въ сильно сомнительное положеніе ученіе о повторительномъ, непосредственномъ вмѣшательствѣ творческой силы. Между тѣмъ какъ всѣ представители такъ-называемой естественной теологіи въ Англіи, исходя изъ данной преданіями исторіи творенія, желаютъ согласовать во что бы то ни стало научныя данныя съ показаніями преданій, авторъ «*Vestiges*» идетъ противоположнымъ путемъ, исходя изъ приобретенныхъ современной намъ наукою фактовъ и указываетъ, что въ образованіи земли и въ ея населяющихъ организмахъ лежитъ естественный *планъ развитія*, такъ-сказать *законъ развитія*, котораго частныя стадіи (фазы) происходятъ по опредѣленной норѣ безъ непосредственнаго участія творческой силы.

«Этотъ естественный законъ развитія, авторъ устанавливаетъ не только на основаніи геологической структуры земли, но такъ-

же на основаніи тѣлеснаго и духовнаго развитія животныхъ и человѣка, и этимъ путемъ доходитъ до убѣжденія, что развѣ образовавшаяся земля въ своемъ дальнѣйшемъ нормальномъ развитіи обоглась безъ новаго непосредственнаго участія неестественныхъ силъ.

«Я считалъ полезнымъ познакомить нѣмецкихъ читателей съ этимъ твореніемъ, потому что вопросъ, затрогиваемый имъ, возбуждаетъ сильнѣйшій интересъ въ Германіи, въ силу своего *естественно-научнаго и философскаго интереса.*»

Что касается до замѣчаній, дѣлаемыхъ Фогтомъ, рѣзкость которыхъ можетъ смутить неопытнаго читателя, то пусть читатели не забываютъ, что творенію анонимаго автора уже не менѣе 25 лѣтъ отъ роду, а палеонтологія и исторія развитія (эмбриологія) науки новыя, въ которыхъ что ни день то перемены. Во всякомъ случаѣ, мы приводимъ опять слова Фогта (ib.), пусть читатель самъ звѣситъ послѣ этого умѣстность рѣзкости его примѣчаній.

«Моя примѣчанія имѣли цѣлю болѣею частію возстановить неправильные факты и разъяснить неясности. Впрочемъ, они вызваны отчасти воззрѣніемъ автора, которая менѣе въ своихъ конечныхъ результатахъ отличается отъ моихъ собственныхъ, чѣмъ въ способѣ ихъ развитія и доказательствахъ.»

Нужно при этомъ замѣтить, что воззрѣнія Фогта оказались несравненно дальше отъ истины, чѣмъ воззрѣнія анонимаго автора; вотъ почему весьма понятенъ тотъ интересъ, который книжка возбудила въ нѣмецкой публикѣ и о которомъ Фогтъ говоритъ (ib.):

«Послѣдующее показало, что доступная по своему изложенію всякому образованному читателю книга приобрѣла въ Германіи такъ много читателей, что оказывается необходимымъ выпустить 2-е изданіе; я исполняю эту обязанность тѣмъ охотнѣе, что интересъ вопроса, заключающагося въ предлагаемой книжкѣ, съ тѣхъ поръ сталъ еще болѣе животрепещущимъ, еще болѣе жизненнымъ.»

Это писано имъ въ 1859 году. А что составляло животрепещущій вопросъ въ Германіи въ 59, то, надѣмся, должно еще въ 68 сильно интересоваться образованную часть русской публики. Думаемъ, что и 2-е изданіе не замедлитъ быть раскупленнымъ и... стало быть прочитаннымъ.

О происхожденіи органическихъ тѣлъ и о ступеняхъ въ организаціи животныхъ и растений. *Популярныя письма г. Егера съ и. пер. Н. К. Зенгеръ. Дозволено цензурою. Спб. 1868 г.*

Какъ читатель можетъ судить по заглавію, Егеръ посвятилъ настоящій трудъ свой самому живому, интересному и плодотворнѣйшему вопросу современной біологіи. Если же вспомнить съ другой стороны, что правильнымъ установленіемъ этого вопроса

и дальнѣйшею его обработкою занимался гениальный Дарвинъ, т.-е. человѣкъ, обладающій изумительными фактическими познаниями въ сферѣ естественныхъ наукъ — то, пожалуй, онъ по-смотреть съ недовѣріемъ на книжку, во первыхъ необъемистую, во вторыхъ, принадлежащую автору, котораго только одинъ трудъ «Микроскопическій міръ» пользуется извѣстностью въ Германіи (о другомъ своемъ трудѣ «Симметрия и правильность» самъ же авторъ упоминаетъ какъ о преисполненномъ ошибокъ юношескомъ трудѣ). Тѣмъ не менѣе мы рекомендуемъ вниманію читателя этотъ трудъ и, уже собственно для привлеченія большаго вниманія, укажемъ ему на одно интересное обстоятельство. Егеръ, самостоятельно и нѣсколько инымъ путемъ, пришелъ къ тѣмъ же (даже къ совершенно тѣмъ же) выводамъ, которымъ удивляются всѣ образованные люди Европы и Америки въ Дарвиновомъ трактатѣ. Въ кругѣ естествоиспытателей въ Вѣнѣ, за нѣсколько лѣтъ до выхода въ свѣтъ знаменитаго Дарвиновскаго трактата *Origin of species*, Егеръ, интересовавшійся тѣмъ же вопросомъ, весьма часто высказывалъ положенія, ближе всего подходящія къ Дарвиновымъ. Засимъ онъ свелъ всѣ свои положенія къ нѣсколькимъ выводамъ, которымъ впрочемъ не придавъ окончательно обработанной формы, ибо не рассчитывалъ въ скорости выпустить свои разсужденія въ свѣтъ. Медлилъ же онъ изданіемъ потому, что сознавалъ нежеланіе современныхъ ученыхъ принять философско-біологическую теорію, не основанную на очевидныхъ фактахъ, не выведенную чисто эмпирическимъ путемъ. Мы, конечно, не сочувствуемъ его трусости, по понимаемъ ее; въ особенности послѣ того, какъ даже Дарвинъ со всею своею громадною логикою, со всѣмъ громаднымъ фактическимъ запасомъ строго изложенныхъ доказательствъ, принужденъ былъ (если не онъ, то его послѣдователи) выдержать сильнѣйшее нападеніе со стороны такихъ важныхъ противниковъ, какъ Агасисъ и др.

Вопросъ, затрогиваемый Егеромъ, ясное дѣло, морфологическій по своей сущности, иначе сказать: вопросъ о формѣ животныхъ и растений. Такъ-какъ всякій предметъ въ наукѣ разсматривается только съ трехъ точекъ зрѣнія: химической, физической и морфологической, и такъ-какъ химическія и физическія свойства веществъ, составляющихъ данный предметъ, опредѣляютъ его форму — то понятна вся громаднѣйшая сложность самаго вопроса о формѣ. Не забудьте, что, какъ органическая химія «частичная», такъ и правильное ученіе объ одной изъ наиболѣе могущественныхъ физическихъ силъ, теплотѣ, установилось только на нашихъ глазахъ и, не удивляйтесь, стало быть, если узнаете, что вопросъ о происхожденіи болѣе сложныхъ (органическихъ) формъ, т.-е. животныхъ и растений, считается даже въ настоящее время многими учеными *стоящимъ внѣ области*, доступной человѣческому изслѣдованію и сужденію.

Этимъ предубѣжденіемъ двѣ обширныя науки, ботаника и зоо-

логія, въ существенѣйшихъ своихъ частяхъ, ниводились и на будущее время ниводятся на степень перечня въ высшей степени интересныхъ, но разрозненныхъ, ни мало не объясненныхъ фактовъ.

Чистые эмпирики разсматривали, стало быть, подлежащія ихъ изысканіямъ формы, *какъ данныя*; происхожденіе же ихъ объясняли себѣ, согласно съ посторонними наукъ вѣрованіями, творческимъ актомъ. Когда, въ послѣдствіи добытые ископаемые остатки, будучи реставрируемы знатоками, дали формы, отличныя отъ современныхъ намъ формъ и дальнѣйшее развитіе науки объ ископаемыхъ организмахъ (палеонтологія) показало, что изъ современныхъ намъ формъ высшихъ животныхъ, многія не существовали раньше и вообще появились разновременно на землѣ, тогда стало ясно, что если животныя произошли въ силу творческаго акта *такими, каковы они суть* въ настоящее время, то актъ этотъ долженъ былъ повторяться столько разъ, сколько разъ являлись новыя формы... а онѣ являлись очень много разъ; несмотря на очевидное противорѣчіе этихъ фактовъ съ основнымъ вѣрованіемъ старыхъ ученыхъ, имъ легче было принять множество актовъ творенія, лишь бы избавить себя отъ труда объяснять происхожденіе органическихъ формъ путемъ изслѣдованій.

Егеръ устанавливаетъ свою теорію чисто дедуктивнымъ путемъ; при этомъ онъ вводитъ всего одну, въ высшей степени вѣроятную гипотезу о постепенномъ усовершенствованіи и усложненіи организмовъ подъ вліяніемъ окружающей среды. Конечный выводъ изъ его гипотезы тотъ, что всѣ видимыя нами животныя и растенія произошли изъ простѣйшихъ организмовъ въ силу разнообразія внѣшнихъ измѣнчивыхъ условій, иначе въ силу тѣхъ же законовъ, которыми произведены минералогическія формы, т. е. кристаллы, въ силу законовъ, которыми эти минералогическія богатства распределены въ настоящее время на земной поверхности, такъ какъ они распределены. Или говоря вообще: *если эти явленія онъ признаетъ вполне объяснимыми съ помощію тѣхъ познаній, которыми мы обладаемъ или которыми будемъ обладать въ химіи, физикѣ и механикѣ.*

Чисто логическимъ путемъ онъ приходитъ къ убѣжденію, что первые организмы, появившіеся на землѣ, были простѣйшіе. Вопросъ о томъ, были ли это животныя или растенія, по его мнѣнію, есть вопросъ праздный, ибо понятія «животное и растеніе» не заключаютъ въ себѣ ничего опредѣленнаго. Съ точки зрѣнія химической эти организмы должны были представлять довольно сложныя химическія соединенія, такъ-называемыя органическія соединенія; что касается до формы, то она ближе всего должна была подходить къ *одной клѣточкѣ*, то-есть представлять собою микроскопическій шарикъ. Происходить эти первичные организмы должны были путемъ такъ-называемаго произвольнаго зарожденія. Слово «произвольный» выражаетъ здѣсь

только то, что эти первичные организмы произошли не отъ добрыхъ себѣ родителей, а непосредственно отъ соединенія нѣсколькихъ минеральныхъ веществъ путемъ синтеза. Мысль о произвольномъ зарожденіи — весьма старая мысль и, несмотря на остроумные опыты Пастѣра, приведшіе къ отрицательнымъ результатамъ, въ настоящее время многіе зоологи признають ее истинною. Мысль эта, впрочемъ, по весьма понятнымъ причинамъ, неприятна присяжнымъ ученымъ, засѣдающимъ во французской академіи, и только, благодаря ихъ недобросовѣстности, вопросъ о произвольномъ зарожденіи еще не рѣшенъ положительно путемъ официально-эмпирическимъ. Какъ бы то ни было, но Егеръ, принявъ за исходную точку всей органической жизни одну кѣлочку (въ новѣйшемъ значеніи этого слова), выводитъ изъ нее сначала плоскостныя многокѣлѣбныя формы, потомъ тѣлесныя, уже обычнымъ путемъ дѣленія первичной, и послѣдовательнымъ видоизмѣненіемъ формы взрослого индивидуума.

Наибольшее затрудненіе къ принятію его теоріи представляется, повидимому, слѣдующимъ обстоятельствамъ: во-первыхъ, каждая вновь появляющаяся форма должна по его теоріи оказаться болѣе совершенною, чѣмъ ей предшествующія; во-вторыхъ, при существованіи опредѣленнаго плана (единичнаго плана творенія), каждая стадія развитія должна была бы имѣть своимъ представителемъ лишь одну форму, одинъ видъ, и в-третьихъ, всѣ, нынѣ существующія животныя должны были бы представлять — или непрерывный рядъ послѣдовательно совершеннѣйшихъ формъ, или же всѣ принадлежать къ одному виду.

Но Егеръ предусматриваетъ всѣ эти возраженія, и принявъ нѣсколько геологическихъ эпохъ за измѣненіе условій животнаго существованія въ зависимости отъ широты и долготы, т.-е. принявъ твердо установленныя данныя вычисленія, выводитъ изъ первичнаго организма число органическихъ формъ, которое должно существовать современно намъ; при чемъ оказывается, что независимо отъ существованія единичнаго плана творенія, число формъ, принадлежащихъ къ одной и той же стадіи развитія (напр. стоящихъ на стадіи костистой рыбы, полипа, мшоновки etc.), по вычисленіямъ оказывается не только не меньшимъ, но даже болѣе противъ числа дѣйствительно извѣстныхъ животныхъ или растительныхъ формъ, такъ что одно изъ важнѣйшихъ возраженій падаетъ само собою.

Конечно, принятіе геологическихъ повсемѣстныхъ эпохъ въ настоящее время ни для кого не обязательно. Но выводъ Егера этимъ не уничтожается, ибо никто не споритъ и не можетъ спорить, что каждая точка земной поверхности напр. въ Европѣ испытала цѣлый рядъ геологическихъ переворотовъ: была подъ глубокимъ моремъ, была берегомъ и сушею, имѣла климатъ болѣе теплый (быть можетъ теплый), за симъ болѣе холодный, и сколько разъ она испытала подобныя перемѣны, кто можетъ сказать это съ достовѣрностью? Стало-быть, отрицать эпохи мѣст-

вия невозможно, и выводъ Егера, на сколько онъ зависитъ отъ предположенныхъ имъ *повсемѣстныхъ геологическихъ эпохъ*; остается вѣрнѣе даже при вышѣшнихъ сильно измѣнившихся геологическихъ воззрѣніяхъ.

Далѣе Егеръ указываетъ, что кромѣ силъ, измѣняющихъ характеръ данной мѣстности и этимъ путемъ форму населяющихъ ее животныхъ и растений, существуютъ еще силы, которыя даже на неподвижной въ геологическомъ смыслѣ почвѣ производятъ изъ одного вида два, три, четыре и т. д. вмѣстѣ съ массою промежуточныхъ формъ и такъ-называемыхъ разновидностей. Эти силы лежатъ въ размноженіи, переселеніяхъ, и т. д. Каждое размноженіе даннаго вида непременно связано съ его распространеніемъ по земной поверхности, и всегда должно случаться такъ, что отдаленнѣйшія отъ центра (распространенія) животныя попадаютъ вліянію уже значительно отличныхъ условий.

Что касается до *промежуточныхъ формъ* или *переходныхъ формъ*, въ частомъ отсутствіи которыхъ зачатники *неизмѣняемости* или *отдѣльнаго самостоятельнаго происхожденія видовъ* видятъ сильнѣйшую опору, то Егеръ и здѣсь объясняетъ дѣло довольно просто, а именно: только въ относительно рѣдкихъ случаяхъ *непрерывности* такого *пространства*, занятаго размножающимися и слѣдовательно измѣняющимися животными, будутъ существовать переходныя формы. Если же какое-либо геологическое измѣненіе, напримѣръ, образованіе пролива или горнаго впадины разорветъ область, занятую этими организмами, то послѣдующія тысячелѣтія произведутъ дальнѣйшее измѣненіе упомянутыхъ промежуточныхъ формъ и притомъ въ разномъ направленіи, такъ что въ концѣ концовъ два животныя, происшедшія отъ одного предка, будутъ отнесены въ двумъ различнымъ видамъ, оттого что между ними не будетъ существовать посредствующихъ формъ, т.-е. оба животныя уклонятся весьма значительно и притомъ въ различномъ направленіи отъ формы своего предка.

За сѣмъ Егеръ разбираетъ также теоретически мнѣнію трудность, заключающуюся, по мнѣнію противниковъ измѣнчивости видовъ, въ одновременномъ существованіи многихъ стадій развитія, напримѣръ, въ современномъ намъ существованіи лягушки и человѣка, полипа и слона. Для объясненія этого обстоятельства онъ весьма послѣдовательно принимаетъ, что процессъ произвольнаго зарожденія хотя и имѣетъ свое начало въ томъ моментѣ, когда земля охладилась до температуры вѣскольکوъ ниже той противу предѣльной для необходимыхъ первичныхъ организмовъ органическихъ соединеній, но съ тѣхъ поръ не прекращается и понынѣ. Этими послѣдующими зарожденіями простѣйшихъ организмовъ онъ и объясняетъ одновременное существованіе всевозможныхъ стадій развитія отъ человѣка и явобрачныхъ до грегарины и одноклѣтчататаго гриба или водоросли. То-есть, по его предположенію, выходитъ, что, напримѣръ, нынѣшній полипъ произошелъ отъ первичнаго простѣйшаго орга-

низма, зародившагося повдѣе, чѣмъ нынѣшняя рыба, еще позднѣе относительно простѣйшаго организма, прозвешаго нашу птицу, и т. д. А измѣненіемъ геологическихъ условій объясняютъ тотъ фактъ, что нынѣшнія формы, соотвѣтствующія данной стадіи развитія, уклоняются отъ аналогическихъ имъ формъ ископаемыхъ животныхъ; тотъ, напримѣръ, фактъ, что наши виды и роды моллюсковъ отличны отъ видовъ и родовъ прежде существовавшихъ моллюсковъ.

Для болѣе удобнаго пониманія теоретическихъ построеній, прикладываетъ Егеръ графическій методъ, довольно простой и ясный. Языкъ перевода нѣсколько тяжелъ, но переводъ довольно точный и ясный. Должно однакоже замѣтить, что этотъ трудъ Егера страдаетъ неполнотою и, быть можетъ, вслѣдствіе этого недостаткомъ убѣдительности.

Въ заключеніе пожелаемъ, чтобы новый трудъ Егера, обѣщанный имъ еще въ 1860 году, трудъ, относящійся къ общей морфологій, былъ бы переводимъ по мѣрѣ его выхода на нѣмецкомъ языкѣ. Трудъ этотъ, уже не говоря о высокомъ философскомъ интересѣ, который онъ возбуждаетъ, для насъ русскихъ, при полномъ отсутствіи чего-либо въ этомъ родѣ, скорѣе необходимо, чѣмъ просто интересенъ.

ПОЛОЖЕНІЕ КРЕСТЬЯНСКАГО ХОЗЯЙСТВА.

Во всѣхъ газетахъ мы читаемъ извѣстіе, что министерство внутреннихъ дѣлъ предположило командировать въ губерніи своихъ чиновниковъ, съ цѣлью изслѣдованія на мѣстахъ положенія крестьянскаго хозяйства. По нѣкоторымъ слухамъ, методъ изслѣдованія имѣетъ быть принятъ сравнительный, т.-е. нынѣшнее положеніе крестьянскаго хозяйства предположено сравнить съ тѣмъ, какимъ оно представлялось до введенія въ дѣйствіе реформы 19-го февраля 1861 года.

Не знаемъ, на сколько справедливы эти извѣстія, но ежели они справедливы, нельзя не быть благодарнымъ министерству за принятое имъ рѣшеніе. Подобная мѣра, во всякомъ случаѣ, разсвѣтъ тотъ мракъ, который царствуетъ у насъ въ крестьянскомъ дѣлѣ и указать, нужно-ли что-нибудь предпринять, и что именно, чтобы это дѣло, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, слѣдовало точному разуму законодательства 1861 года. Думаемъ также, что выводы, къ которымъ конечно дастъ поводъ означенное сравнительное изслѣдованіе, будутъ едва-ли таковы, какихъ ожидаютъ отъ него люди, видящіе въ крестьянской реформѣ чуть-чуть не погубель Россіи.

Въ ожиданіи результатовъ этихъ изслѣдованій (нѣтъ сомнѣ-

ніа, что они въ свое время будутъ доступны для публики), считаемъ не лишнимъ коснуться здѣсь двухъ вопросовъ, которые, по мнѣнію нашему, прямо относятся къ настоящему дѣлу. Первый вопросъ: справедливо-ли, что съ уничтоженіемъ крѣпостной зависимости, крестьянское хозяйство стало приходить въ упадокъ, какъ объ этомъ во всеуслышаніе твердятъ поборники упрядненнхъ формъ русской жизни, и ежели справедливо, то имѣютъ ли причины этого упадка прямое отношеніе къ крестьянской реформѣ? Второй вопросъ: согласно ли съ требованіями здраваго разсудка отъ нынѣшняго положенія крестьянскаго хозяйства дѣлать какія бы то ни было посланки къ постепенному ухудшенію его въ будущемъ?

Утверждая, что крестьянское хозяйство вообще находится не въ дѣвствующемъ состояніи, мы, конечно, не рискуемъ встрѣтиться съ серьезными опроверженіями; мало этого, мы можемъ не безъ увѣренности поддерживать даже такіе тезисы, какъ напримѣръ: что бѣдность нашихъ крестьянъ такова, что они никогда, или почти никогда не употребляютъ въ пищу мяса, яицъ, скоромнаго масла; но идти далѣе этихъ общихъ положеній, дѣлать какіе-нибудь сравнительные выводы въ пользу или въ ущербъ настоящему, рѣшительно нѣтъ никакого повода. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, положительно извѣстно только одно: что пріемы и формы крестьянскаго земельного хозяйства остаются и донинѣ тѣ же самыя, какъ и при крѣпостномъ правѣ; затѣмъ для опредѣленія степени ухудшенія или улучшенія собственно внутренняго быта крестьянскаго дома, крестьянской семьи, сравнительно съ положеніемъ его во время крѣпостной зависимости, мы не находимъ совершенно никакихъ данныхъ. Мы можемъ въ этомъ случаѣ сослаться только на слухи, выходящіе изъ источниковъ болѣе или менѣе темныхъ, и потому встрѣчающіе множество возраженій. Напримѣръ, нѣкоторые, какъ доказательство обѣдненія крестьянъ, приводятъ постепенное будто-бы возрастаніе недоимокъ; но на это другіе возражаютъ, что изъ официальныхъ свѣдѣній, публикуемыхъ правительствомъ, напротивъ того, оказывается, что не только податныя недоимки, но даже выкупные платежи повсемѣстно поступаютъ удовлетворительно. Конечно, взмысаніе этихъ сборовъ вызываетъ нерѣдко мѣры очень энергическия, которыя на долгое время подрываютъ крестьянскія хозяйства (какъ напримѣръ, продажу скота и другаго крестьянскаго имущества), но тутъ уже крайне трудно опредѣлить, гдѣ кончается административная неумѣлость лицъ, на обязанности которыхъ лежитъ взиманіе сборовъ, и гдѣ кончается дѣйствительная невозможность уплаты. Указываютъ также на очевидный упадокъ производительности и непрерывно возрастающую дороговизну, но и противъ этого есть возраженіе весьма основательное, а именно, что сокращеніе производительности ближе доказываетъ упадокъ хозяйства помѣщичьихъ, а не крестьянскихъ. Даже пресловутые разказы о повальномъ пьянствѣ, какъ о при-

чинѣ народнаго обѣдѣнія, могутъ быть названы не болѣе, какъ сомнительными слухами, которымъ противорѣчатъ отчасти оффиціальныя свѣдѣнія о количествѣ оплачиваемаго акцизомъ вина, отчасти же и собственныя наблюденія каждаго незараженнаго предубѣжденіемъ челоуѣка. Эти наблюденія свидѣтельствуютъ, что ильство, если и достигну значительныхъ размѣровъ, то исключительно въ городахъ, а отнюдь не въ селеніяхъ. Вообще, вся эта область, въ которой вращается крестьянская семья, можетъ быть, покамѣсть, названа областью догадокъ болѣе или менѣе рискованныхъ.

За всѣмъ тѣмъ, слухи о возрастающемъ обѣдѣніи крестьянъ повторяются въ публикѣ такъ упорно, что нельзя предположить, чтобы въ нихъ не было известной доли правды. Эту правду, конечно, выяснять намъ предположенныя министерствомъ внутреннихъ дѣлъ изслѣдованія, но мы считаемъ возможнымъ и со своей стороны намѣтить нѣкоторые пункты, на которые изслѣдователямъ не лишне было бы обратить вниманіе.

Со времени упраздненія крѣпостнаго права, размѣръ подушной подати и земскихъ повинностей увеличился почти вдвое, и въ то же время увеличились нѣкоторые косвенные налоги, особенно чувствительныя въ крестьянскомъ быту, какъ напримѣръ, налогъ на соль. Система же распредѣленія налоговъ, какъ прямыхъ такъ и косвенныхъ, осталась прежняя, а именно: прямые налоги лежатъ на крестьянахъ всею своею тяжестью, а косвенные, за очень небольшими исключениями, также пополняются на счетъ крестьянскаго труда. Мало этого: самая крестьянская производительность подверглась въ послѣднее время ограниченіямъ, какихъ прежде не бывало. Такъ напримѣръ, мелочная торговля подчинена столь сложной регламентаціи и обложена такими сборами, что занятіе это сдѣлалось для крестьянина почти недоступнымъ. То же слѣдуетъ сказать и о трудѣ ремесленномъ, который до того затрудненъ, что большинству бывшихъ дворовыхъ людей и безземельныхъ крестьянъ, поселившихся въ городахъ и получающихъ отъ ремесла пропитаніе, рѣшительно шагу нельзя сдѣлать, не заплативъ впередъ денегъ, по обстоятельствамъ, довольно значительныхъ.

Вотъ первый разрядъ фактовъ, которые не могутъ не оказывать вреднаго вліянія на благосостояніе крестьянъ, и которые, очевидно, не имѣютъ ничего общаго съ упраздненіемъ крѣпостнаго права. Затѣмъ слѣдуетъ другой разрядъ фактовъ, въ которыхъ уже замѣчается нѣкоторая связь съ крестьянскою реформой.

Есть въ Россіи такія глухія мѣстности, въ которыхъ крестьяне изстари всѣ свои повинности оплачивали не иначе, какъ личнымъ трудомъ, гдѣ не существовало ни отходныхъ промысловъ, ни ремесленности. Такое положеніе встрѣчалось и поддерживалось сялою обстоятельствъ вездѣ, гдѣ земля была достаточно плодородна, чтобы сдѣлать выгодною барщину. Съ упраздненіемъ

крѣпостнаго права, хотя большинство такихъ крестьянъ и продолжало отбывать господскія повинности барщиной, но все-таки деньги понадобились и на уплату податей, и на удовлетвореніе разныхъ мірскихъ потребностей. Сверхъ того, несмотря на то, что выкупъ крестьянскихъ земельныхъ надѣловъ въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ существовала барщина, былъ до известной степени затрудненъ, владѣльцы, въ большей части случаевъ, сумѣли обойти эти затрудненія и воспользовались выкупными ссудами. Потребовалось, слѣдовательно, вносить еще выкупные платежи, и крестьянинъ, никогда невыходившій изъ своей деревни, незнающій никакого ремесла, почти не видавшій денегъ, вдругъ очутился въ необходимости уплачивать денежныхъ сборовъ отъ 15 до 20 рублей съ души въ годъ. Ясно, что, по крайней-мѣрѣ, на первое время, такая необходимость очень близко граничила съ невозможностью.

Иными характеристическими признаками сопровождалась развязка крѣпостныхъ отношеній въ имѣніяхъ оброчныхъ. Тутъ крестьяне чувствовали гнетъ крѣпостной зависимости гораздо въ меньшей степени, и, сверхъ того, въ большинствѣ случаевъ, владѣльцѣмъ безотчетно всѣми угодьями, принадлежащими помѣщику. Съ введеніемъ крестьянской реформы и опредѣленіемъ максимума крестьянскаго надѣла, весь излишекъ земли отъ крестьянъ отошелъ, а денежные сборы не только не уменьшились, но даже увеличились, такъ-какъ къ прежнимъ прибавились еще расходы по управленію. Понятно, что и въ этихъ имѣніяхъ экономическій бытъ крестьянъ долженъ былъ въ значительной степени потерпѣть.

Сверхъ того, не мѣшаетъ припомнить еще, что многіе помѣщики, уже въ виду слуховъ о прекращеніи крѣпостной зависимости, заранѣе приняли нѣкоторыя мѣры, не вполне согласныя съ выгодами крестьянъ. Подъ этими мѣрами, мы разумѣемъ вынужденныя переселенія, обмѣны земель и проч. Очень можетъ быть, что все это было весьма предусмотрительно и даже необходимо въ видахъ устраненія запутанности въ будущемъ, но во всякомъ случаѣ, есть очень много селеній, которыя и до сихъ поръ не могутъ опомниться отъ этой помѣщичьей предусмотрительности.

Вотъ, по нашему мнѣнію, въ главныхъ чертахъ, тѣ причины, которыя могли повліять на обѣднѣніе крестьянъ. Затѣмъ, безпристрастный обзоръ любой уставной грамоты можетъ опредѣлить всѣ частности этого явленія, частности, далеко не подтверждающія то слишкомъ часто выражающееся мнѣніе, будто бы у однихъ все отняли, а другимъ все отдали.

Нѣтъ сомнѣнія, что источникъ этихъ причинъ главнѣйшимъ образомъ кроется въ несовершенствахъ, которыми сопровождалось исполненіе законоположеній 1861 года; но, во всякомъ случаѣ, здѣсь нѣтъ ничего такого, что подрывало бы самый фактъ уничтоженія крѣпостной зависимости, что указывало бы на то,

что объединение крестьян произошло собственно вследствие получения ими свободы и устранения помещичьей опеки.

Намъ скажутъ, конечно, что никто и не хлопочетъ о восстановленіи крѣпостнаго права, но дѣло не въ томъ, подъ какою формою усиливается вновь прекратиться въ нашу жизнь это право, подъ формою ли обязательныхъ общественныхъ запасекъ, или вотчинной полиціи, или вмѣшательства мировыхъ посредниковъ въ мельчайшія подробности крестьянскаго быта и т. д., а въ томъ, что всѣ эти, столь ухищренно измышленныя формы никого не обманываютъ и скрываютъ за собою не что иное, какъ то же самое крѣпостное право, которое такъ несомнѣнно засвидѣтельствовало о своей несостоятельности.

Мы не сомнѣваемся, что изслѣдованіе безпристрастное и добросовѣстное не обойдетъ тѣхъ пунктовъ, которые намѣчены нами выше, и указать намъ, дѣйствительно ли вездѣ развязка крѣпостныхъ отношеній произошла согласно съ намѣреніемъ законодателя. Но, во всякомъ случаѣ, даже не видя результатовъ этихъ изслѣдованій, мы позволяемъ себѣ утверждать, что допущеніе новыхъ, хотя бы и болѣе благовидныхъ формъ крѣпостной зависимости, можетъ привести только къ одному результату, а именно: ввергнуть русское крестьянство въ то состояніе безсознательности, въ которомъ оно находилось при существованіи дѣйствительнаго крѣпостнаго права.

Какъ бы ни были малосовершенны нынѣ существующія формы крестьянскаго быта, все-таки онѣ не исключаютъ возможности развитія и совершенствованія. Главный и самый видный пунктъ крестьянской реформы, устраненіе помещичьяго произвола и той досадной опеки, которая преслѣдовала крестьянина во всѣ минуты его существованія, остается нетронутымъ, и, конечно, въ самое короткое время, успѣетъ, въ смыслѣ общественнаго самосознанія, придти къ результатамъ гораздо болѣе рѣшительнымъ, нежели тѣ, къ которымъ пришло крѣпостное право въ теченіе своего трехвѣковаго процвѣтанія.

Къ сожалѣнію, общество наше какъ-то слишкомъ склонно видѣть въ опекѣ единственное лекарство противъ всевозможныхъ народныхъ бѣдствій. Намъ на каждомъ шагу случается выслушивать самые разнообразныя проекты по крестьянскому дѣлу, изъ которыхъ ничего другого не выжмешь, кромѣ слова: опека. Предлагаютъ завести общественныя запашки, подчинить сельскую полицію помещичьей власти, регламентировать продажу и даже чуть не потребленіе вина, стѣснить еще болѣе свободу семейныхъ раздѣловъ... Увы! если дать фантазіи непривязанныхъ прожектеровъ полную свободу, то, вѣдается, она не остановится даже передъ запрещеніемъ крестьянамъ продавать на рынкахъ произведенія ихъ промышленности, безъ разрѣшенія мѣстныхъ административныхъ властей! И все это говорится очень серьезно, въ видахъ облагодѣтельствованія сихъ малыхъ, которые будто бы шагу не умѣютъ ступить безъ посторонней

вспомогательной помощи! Не понимайте эти фесюда одного: что человек только въ свободѣ может воспитываться къ свободѣ, что только свободный человекъ можетъ быть полезнымъ членомъ общества и государства, и что съ нашей навязчивою опекою, мы, пожалуй, достигнемъ того; что и самихъ долголетнихъ болвановъ осудимъ на безсрочное младенчество.

До сихъ поръ мы говорили о современномъ состояніи экономическаго быта нашихъ крестьянъ только предположительно; мы указали на тѣ причины, которыя могли вредно вліять на этотъ бытъ, но рѣшительныхъ заключеній сдѣлать не могли, потому что у насъ нѣтъ достаточно данныхъ для такихъ заключеній. Предположимъ, однако, что обстоятельство это достаточно разъяснено, и что крестьянское хозяйство найдено въ положеніи сравнительно худшемъ, нежели въ какомъ оно было во времена вѣрнопостнаго права — можно ли, за тѣмъ, считать это положеніе безвыходнымъ и дѣлать отъ этого факта какинъ-нибудь послѣдствіе къ будущему?

Еслибы положеніе было безвыходное, то, конечно, мы не преминули бы встрѣтиться съ фактами, свидѣтельствующими объ этой безвыходности. Въ древности, люди продавали себя въ кабалу, вслѣдствіе сознанный невозможности существовать самостоятельно; положимъ, что эта форма потери свободы уже слишкомъ дурна для нашего просвѣщеннаго времени, и что объ ней не можетъ быть даже и рѣчи, но, къ удивленію, мы не слышимъ ни откуда не только о продажѣ себя въ кабалу, но даже о слишкомъ большой уступчивости крестьянъ при оцннкѣ своего труда. Тѣ же самые прожектеры, которые такъ категорично утверждаютъ, что крестьянинъ нашъ обнищаль, опился и чуть не одичаль, радомъ съ этими навѣстіями излагаютъ жалобы на то, что помѣщичье хозяйство не можетъ идти, между прочимъ, отъ того, что трудъ непомѣрно вздорожалъ. Съ одной стороны, крестьянинъ обнищаль, съ другой, тотъ же самый крестьянинъ предпочитаетъ пролежать сутки на печи, нежели уступить свой трудъ за бездѣлицу—какъ согласить такое противорѣчіе? и чѣмъ объяснить подобную высокую оцннку крестьяниномъ своего труда? не тѣмъ ли, что положеніе его не совсѣмъ еще безвыходно, и что у него имѣется въ запасѣ возможность держаться?

Но, кромѣ того, мы имѣемъ нѣкоторые несомнѣнные факты, которые даютъ поводъ думать, что тѣ мрачныя предсказанія, которыя такъ щедро расточаются крестьянскому хозяйству нашими алармистами, едва-ли согласны съ истиной. Дѣйствительно, это будущее представится намъ въ весьма неутѣшительномъ свѣтѣ, если мы допустимъ, что опекунскія пополозновенія, которыя сканзываются въ обществѣ, получать хоть на минуту успѣхъ, но никакъ не на оборотъ. Уже теперь мы встрѣчаемся съ признаками, которые свидѣлствуютъ, что устройство крестьянскаго быта находится на хорошей дорогѣ и съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе приобретаетъ способности къ дальнѣйшему развитію. Эти

признаки мы видимъ, вопервыхъ, въ томъ, что значительное большинство помѣщичьихъ земель арендуется и обрабатывается не кѣмъ инымъ, какъ тѣми же крестьянами, и вторыхъ въ безспорномъ и весьма серьезномъ стремленіи крестьянъ къ устройству школъ и распространенію въ своей средѣ грамотности. Если же къ этимъ двумъ крупнымъ фактамъ прибавимъ еще то, что, конечно, въ цѣлой Россіи не найдется ни одного крестьянина, который пожелалъ бы вновь воспользоваться благодѣяніями крѣпостнаго права, съ его попечительною опекою, то мы придемъ даже въ недоумѣнію: о чемъ тутъ можетъ быть споръ?

Этимъ мы закончимъ нашу бѣглую замѣтку о предпринимаемой министерствомъ внутреннихъ дѣлъ важной мѣрѣ. Въ заключеніе скажемъ, что тѣ, которые ожидаютъ отъ предполагаемыхъ изслѣдованій какихъ-либо выводовъ, неблагоприятныхъ для крестьянской реформы, едва-ли не ошибутся въ своихъ ожиданіяхъ. Всякое живое дѣло имѣетъ свойство ноработать себѣ даже такихъ изслѣдователей, которые приступаютъ къ нему съ предубѣжденіемъ, заставляють говорить истину и только истину даже тогда, когда эта истина, по какимъ-либо фальшивымъ расчетамъ, не легко срывается съ пера или языка. Тѣмъ естественнѣе слѣдуетъ ожидать этого благотворнаго вліянія живаго дѣла на такихъ лицъ, которыя, по самому своему положенію, никакихъ иныхъ интересовъ и въ виду не могутъ имѣть кромѣ интересовъ истины.

ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОК.

Въ прошломъ письмѣ было мимоходомъ упомянуто, что исторіографы наши снабжены бѣлыми и острыми зубами, которыми они ловко врѣзываются въ ненавистныхъ имъ субъектовъ. Считаемо нелишнимъ подтвердить этотъ фактъ и даже остановиться на немъ, такъ-какъ, по мнѣнію нашему, чрезвычайное развитіе плотоядныхъ инстинктовъ можетъ наконецъ привести къ совершенному обезлюденію нашихъ провинцій и превратить ихъ въ пустынные пастбища, на которыхъ будутъ пастись лишь ожирѣвшіе фофаны, строгимъ образомъ бдительными исторіографами.

Въ провинціи, до сихъ поръ пользуется большимъ авторитетомъ то совершенно неосновательное мнѣніе, въ силу котораго могущество и величіе общества зиждутся исключительно на фофанахъ. Чѣмъ гуще въ известной мѣстности фофанское насажденіе, говоритъ это диковинное ученіе, тѣмъ та мѣстность счастливѣе, тѣмъ болѣе представляется залогомъ для обезпеченія будущаго благоденствія страны...

Основанія, изъ которыхъ вышло подобное убѣжденіе, понять довольно трудно; тѣмъ не менѣе, можно догадываться, что главную роль тутъ играетъ едва-ли не пресловутое фофанское смиренство. Предполагается, что человѣкъ, который вообще не имѣетъ наклонности къ мышленію, не можетъ мыслить худо; что человѣкъ, который ничего не дѣлаетъ, или же съ утра до вечера хлопаетъ себя по ляшкамъ, не можетъ дѣлать худа; что человѣкъ, который аккуратно каждый день напивается пьянъ, спать гораздо глубже, нежели человѣкъ, который пьянъ не напивается, а слѣдовательно не только противообщественныхъ, но и никакихъ сновъ видѣть не можетъ. Отсюда умозаключаютъ, что жить съ фофанами не въ примѣръ удобнѣе, и что имѣть съ ними дѣло не только не составляетъ никакой трудности, но даже представляеть извѣстнаго рода пріятства. Такъ, напримѣръ, фофана можно ухватить за плечи, перевернуть и поставить на извѣстное мѣсто — онъ будетъ стоять; фофану можно замазать уста скверностью — онъ будетъ молчать; фофану можно велѣть провалиться въ преисподнюю — онъ провалится. Такая легкость и безпрепятственность отношеній соблазняетъ очень многихъ и заставляетъ смотрѣть на фофановъ, какъ на какую-то каменную стѣну, подъ защитой которой можно, не стѣсняясь никакими соображеніями, кромѣ личныхъ, радѣть и ревновать на всей своей волѣ.

Съ другой стороны, если человѣкъ имѣетъ видъ не заспанный и не сонитъ, то весьма естественно, что къ нему нельзя подойти съ тою бойкостью и развязностью, съ какой подходятъ къ мертвому тѣлу. Нельзя поставить его въ уголъ носомъ, чтобъ онъ этого не слышалъ, нельзя ушибить, чтобъ онъ этого не почувствовалъ, нельзя замазать ротъ скверностью, чтобъ онъ этимъ не стѣснился. То-есть, колѣ хотите, все это сдѣлать можно, и даже очень можно, но насъ приводитъ въ негодованіе уже одно то, что вотъ человѣка пришибаютъ, а онъ еще, каналья, стѣсняется. Развѣ это не препятствіе, развѣ не стѣсненіе для насъ, посѣдѣвшихъ въ бояхъ исторіографовъ, ищущихъ расправлять локти въ пространствѣ и во времени?

Но этого мало; не все же ушибать и замазывать рты; иногда необходимость заставляетъ насъ побесѣдовать, посовѣтоваться и вообще поразмыслить. Какъ бы мы ни старались избѣгать преткновеній, требующихъ работы мозгового вещества, но жизнь, съ замѣчательнымъ упорствомъ, становится ихъ передъ нами, и дѣлаетъ умственный трудъ неизбѣжнымъ даже для самаго легкомысленнаго изъ исторіографовъ. Вотъ тутъ, дѣйствительно, познается, что разница между фофаномъ и человѣкомъ несопачимъ существуетъ несомнѣнная, и притомъ весьма ощутительная. Исторіографъ, съ внутренней стороны, очень мало чѣмъ отличается отъ фофана: онъ такъ же невѣжественъ, такъ же мало развитъ; нравственныя его убѣжденія и правила почерпнуты изъ того же классическаго источника, т. е. изъ романовъ Поль-де-Кока. Ихъ отличіе чисто вѣнш-

нее, и заключается единственно въ томъ, что историографъ можетъ распорядиться дѣлательно, а фюфанъ имѣть право распорядиться лишь исполнительно. Слѣдовательно, если, въ свободное отъ ушибаній время, историографъ обращаетъ свое слово къ фюфану, то онъ заранѣе увѣренъ, что слово это будетъ по инстинкту понято и принято безъ возраженій; мало того, онъ увѣренъ даже, что фюфану непремѣнно покажется, что у него, историографа, вылетаютъ изъ устъ совсѣмъ не тѣ глупыя и пошлыя слова, которыя вылетаютъ на самомъ дѣлѣ, а огненные языки. Совсѣмъ другимъ характеромъ отличается слово, обращенное къ человѣку не заспанному и не сонящему. Къ великой досадѣ историографовъ, этотъ послѣдній имѣетъ неудобную привычку усвоивать себѣ то, что ему говорятъ, и потому заранѣе и на вѣру ничего понимать не умѣетъ. Такъ, напримѣръ, если ему говорятъ: «*mais ça ne se fait pas ainsi!*» то онъ, стремясь уяснить себѣ, что именно *ne se fait pas ainsi*, непремѣнно объ этомъ спроситъ, и когда получитъ въ объясненіе: «*mais c'est impossible!*» то, пожалуй, и опять спроситъ.

Надо думать, что это дѣлается само собой, безъ всякаго дурнаго умысла. Человѣкъ не заспанный, не только самъ желаетъ понять, что ему говорятъ, но хочетъ, чтобы и говорящій былъ не совсѣмъ чуждъ этому пониманію. Историографъ, объясняющій свои намѣренія и предначертанія, — вѣдь это такое любопытное существо, что самое обыкновенное чувство человѣколюбія предписываетъ употребить всѣ мѣры, дабы развить его, по крайней мѣрѣ, въ той степени, чтобы онъ позналъ самого себя. Спрашивается: что же тутъ можно сысвать, кромѣ достойнаго похвалы? Гдѣ же тутъ злокозность? Но если мы предположимъ даже самое дурное, если посмотримъ на это дѣло даже съ предубѣжденіемъ, то и тутъ врядъ ли отыщемъ что-нибудь иное, кромѣ неопытности и небрежнаго отношенія къ обязанностямъ. Мы согласны, что піонеръ, какъ и всякій другой человѣкъ, пускаясь въ опасное плаванье между подводными камнями, носящими названіе историографовъ, обязанъ заранѣе подготовиться къ этому подвигу; что онъ прежде всего долженъ основательно изучить Поль-де-Кока и прочихъ классиковъ, потомъ выслушать курсъ наукъ въ введеніи минеральныхъ водъ, и затѣмъ уже, принабивъ себѣ слегка голову, явиться въ міръ кормчимъ добрымъ и благонадежнымъ. Если онъ не исполнилъ это — онъ виноватъ; никто объ этомъ не споритъ, никто его и не оправдываетъ. Но именно потому-то, что тутъ есть вина безспорная и несомнѣнная, и казалось бы справедливымъ ограничить этотъ вопросъ его естественными предѣлами (то-есть предѣлами простаго непониманія обязанностей), а не увлекаться не трудными обвиненіями въ неблагонамѣренности. Зачѣмъ прибѣгать къ уголовчанію, когда преступленіе подходитъ къ категоріи дѣяній, вызывающихъ лишь дисциплинарное взысканіе? Не понимаетъ человѣкъ — надо его вразумить, а если вразумлять некогда — надо напомнить

кратко, что пониманіе вредно, и указать, для лучшей видимости, на фофановъ, которые никогда ничего не понимаютъ, но живутъ. Ужели найдется тотъ незаспанный пионеръ, который не убѣдится столь дозвательными внушеніями?

Оказывается, однакожъ, что подобное ограниченіе вопроса не такъ легко, какъ можно было бы ожидать съ перваго взгляда; оказывается, что наивная пионерская пытливость до такой степени сразу огорошиваетъ историографа, что всякіе компромиссы дѣлаются невозможными. Его поражаетъ безконечно, что слова его нетолько не кажутся вылетающими изъ устъ въ видѣ огненныхъ языковъ, но даже принимаются съ нѣкоторою недоувѣрчивостію относительно смысла, въ нихъ содержащагося. Ему кажется это предумышленнымъ притворствомъ. Онъ пробуетъ прибѣгнуть въ разъясненіямъ, но каждое новое толкованіе приводитъ за собой новую путаницу, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и новый поводъ кипятиться и негодовать. Раздраженное воображеніе начинаетъ рисовать разнообразнѣйшія картины, въ которыхъ, по одну сторону стоятъ фофаны, все понимающіе и все исполняющіе, а по другую — люди не заспанные и не сопящіе, ничего не понимающіе и всему противодѣйствующіе. Разгоряченный непрощеною пытливостію, историографъ забываетъ даже свое знаменитое «*parlez moi de ça!*» и сразу озадачиваетъ своего собесѣдника восклицаніемъ: «а позвольте васъ, милостивый государь, попросить быть осторожнѣе въ вашихъ выраженіяхъ!» И такимъ образомъ, тайна словъ: «*mais ça ne se fait pas ainsi!*» остается не разъясненною, и не рѣдко, даже уносится историографомъ въ могилу.

И вотъ начинается походъ противъ бѣднаго не сопящаго историографа, страннѣйшій походъ за непониманіе «*parlez moi de ça!*» Поднимается генеральная пальба; въ воздухѣ пахнетъ доносомъ; на небѣ собираются тучи, изъ которыхъ, подобно молніямъ, изрыгаются извѣщенія. Внизу стоятъ фофаны, кидаютъ вверхъ шапки и кричатъ: вивать! Близорукъ и легкомысленно самонадѣянъ будетъ тотъ, кто не пойметъ этихъ предзнаменованій и не поспѣшитъ во время уложить свой багажъ!

Ни клевета, ни ложь, ни даже свой собственный срамъ не останавливаютъ историографа въ борьбѣ съ человѣкомъ, который не умѣетъ понять сразу значенія «*mais c'est impossible*». Не имѣя иныхъ желаній и помысловъ, кромѣ стремленія безпрепятственно расправлять локти, историографъ тѣмъ съ большею яростію нападаетъ на ненавистнаго ему субъекта, чѣмъ болѣе встрѣчаетъ въ немъ сознанія права, добра и законности, чѣмъ болѣе усматриваетъ въ немъ сомнѣній относительно необходимости и полезности безграничной игры локтями. Законность — это то страшилище, тотъ многоглавый мифотавръ, съ которымъ сей новый Тезей искони ведетъ неустанную борьбу, и ведетъ далеко не безуспѣшно...

Конечно, нельзя не сознаться, что въ безпрепятственности отношеній имѣется не малая доля привлекательности, и что

этимъ весьма достаточно объясняется ненависть историографовъ къ тѣмъ людямъ, которые не скоро поворачиваются и не идутъ на встрѣчу ушибаніямъ; но не слѣдуетъ забывать, что привлекательность эта чисто личная, и что для дѣла собственно тутъ пользы ни въ какомъ смыслѣ не предвидится. Мы желаемъ расправлять наши локти на всей своей волѣ — нѣтъ ничего пріятнѣе, и даже, съ личной, ограниченной точки зрѣнія, нѣтъ ничего законнѣе этого желанія! Но подумаемъ, однако, не рискуемъ ли мы при этомъ, что намъ, въ конечномъ результатѣ, придется расправлять эти локти въ пустотѣ, что намъ некого будетъ! современемъ, даже задѣвать ими? Смѣемъ, съ своей стороны, думать, что результатъ такого рода не только не заставитъ себя ждать, но и не будетъ ни для кого сюрпризомъ.

Взглянемъ ближе на эту странную теорію, въ силу которой благополучіе общества ставится въ зависимость отъ фофановъ, и мы убѣдимся, что выгода, представляемая покладистостью и смиренствомъ фофановъ, есть та важущаяся выгода, которая на дѣлѣ сейчасъ же сводится къ нулю. Прежде всего, передъ нами обнаружится совершенная неспособность фофановъ къ какой бы то ни было производительности, исключая унавоживанія полей; потомъ обнаружится, что, при всей неспособности и непроизводительности, фофаны въ высокой степени прожорливы и не прочь погулять въ золотыхъ одеждахъ, что обходится обществу довольно дорого; наконецъ, обнаружится, что, несмотря на смиренность и послушливость, ихъ исполнительныя качества не стоятъ мѣднаго гроша, ибо, даже въ этомъ смыслѣ, они могутъ только шарахаться изъ стороны въ сторону, а не исполнять. А потому, если мы представимъ себѣ среду, исключительно составленную изъ фофановъ, съ полнымъ устраненіемъ какихъ бы то ни было живыхъ элементовъ (чего именно и вождѣваютъ столь пламенно нѣкоторые губернскіе историографы), то, въ самомъ ближайшемъ будущемъ, увидимъ, что подобная среда не только не изображаетъ пресловутой каменной стѣны, но представляетъ полнѣйшую пустоту, въ которой одного бушуютъ историографы.

Позволительно усомниться въ назидательности подобнаго зрѣлища, хотя и нельзя отказывать ему въ нѣкоторой грандіозности. Опытъ съ достаточною убѣдительною доказываетъ, что успѣхъ какою бы то ни было страны находится въ зависимости совсѣмъ не отъ страдательнаго и бессмысленнаго присутствованія въ ея исторіи фофановъ, а отъ дѣятельнаго участія въ ней живыхъ и сознательныхъ силъ. Истина эта стара какъ міръ, и только одни историографы до сихъ поръ остаются ей чуждыми. Какъ ни вредны науки, но совершенно упразднить ихъ нельзя, потому что

Науки юношей питають,
Отраду старцамъ подають...

и слѣдовательно позволяютъ и тѣмъ и другимъ проводить время безъ ущерба для благочинія. Какъ ни неумѣстными кажутся убѣж-

деня, но и безъ нихъ невозможно, потому что только то дѣло прочно, которое дѣлается съ убѣжденіемъ. Летайте, сколько угодно, изъ края въ край, устрашайте, угрожайте, преслѣдуйте систематически всякое поположеніе на обладаніе мыслью и убѣжденіемъ, — вы не получите въ результатъ даже того смиренства, котораго такъ страстно добиваетесь, а получите только трупъ.

Предположимъ, въ самомъ дѣлѣ, что какой-нибудь остервенившійся исторіографъ второй или третьей руки все совершилъ, что совершить ему надлежало, то-есть нигилистовъ истребилъ, коммунистовъ разворилъ, демократовъ разгромилъ, науку упразднилъ, а Поль-де-Кока водворилъ; что онъ, весь потный отъ трудовъ смертнаго боя, почить, наконецъ, на лаврахъ и лицо его сіяетъ удовлетворенною глупостью. Онъ сидитъ, окруженный своими Пьерами, Анатолями, Жоржами, Симонами и прочими бонвиванами польдекоковскаго закала; сидитъ, и ведетъ благодушную бесѣду о томъ, какъ отвратительно жить въ Россіи, какъ развратенъ русскій народъ, и какъ должно быть теперь привольно тамъ, въ Петербургѣ, на минералвахъ, подъ крылѣшкомъ И. И. Излера...

— Et j'frott', et j'frott'... et allez donc!

напѣваетъ онъ, подражая жестомъ и интонаціей несравненной, l'incorparable Marie Lagy. Пьеръ, Анатолий, Жоржъ и Симонъ подтягиваютъ и умиляются.

— Не исторіографъ, а персикъ! говорятъ Жоржъ, и въ умиленіи дѣлаетъ жестъ, какъ бы обоняетъ.

— Приятнѣйшій администраторъ! картавитъ Анатолий, и ищетъ, нѣтъ ли у него въ головѣ еще какой-нибудь мысли; но не находитъ, потому что не далѣе, какъ вчера, за ужиномъ въ клубѣ, съѣлъ свои собственные мозги.

Пьеръ не говоритъ ничего, ибо страдаетъ собачьею старостью; Симонъ сосетъ палецъ, и думаетъ: что бы это было за наслажденіе, еслибъ можно было по телеграфу облобызать дѣвицу Лажи.

— Lagy la charmante! Lagy l'incorparable! поддерживаетъ бесѣду исторіографъ-побѣдитель: — messieurs! не выпить ли намъ по этому случаю мадеры?

— Délicieux! восклицаетъ Анатолий.

— Лажи — дѣвица первый сортъ! подтверждаетъ Жоржъ.

— Ну, а на счетъ того... можно? вопрошаетъ Пьеръ, выходя изъ золотушнаго оцѣпенѣнія.

— Parlez moi de ça! восклицаетъ исторіографъ-побѣдитель, сверкая глазами, и направляя стопы свои къ карточному столу.

— Надо думать, что отнынѣ мы будемъ играть въ стуголку безпрепятственно! предполагаетъ Жоржъ.

— Je suis solide au poste,
Car j'ai un fier temperament!

искусствует исторіографъ-побѣдитель, подрывая на сей разъ несравненной *m-lle Lafourcade*.

Приносится мадера и начинается та безконечная стучалка, о которой говорено во второмъ письмѣ. Является исторіографскія жены, исторіографскія номиналурши и присутствіемъ своимъ усугубляютъ блескъ торжества.

Вотъ первые недолгіе плоды побѣды. Исторіографы счастливы безконечно; они безпечно предаются восторженнымъ воспоминаніямъ о минералгахъ.

Je m'en fiche, contrefiche...

раздается изъ края въ край съ такимъ мастерствомъ исполненія, что даже становые — и тѣ вдали канганируютъ.

Но за первыми плодами всегда слѣдуютъ вторые. Цакостные разговоры имѣютъ ту слабую сторону, что не представляютъ никакого разнообразія, и потому немедленно засыпаютъ. Да и атмосфера въ провинціи какъ-то слишкомъ густа для кангана. Вольно и естественно танцуются этотъ танецъ только подъ эгидой почтеннѣйшаго Ивана Ивановича; мы же, провинціалы, слишкомъ тяжелы на подъемъ, слишкомъ стѣснены окружающими насъ со всѣхъ сторонъ сиволапными мужиками, чтобы имѣть возможность поднимать ноги до надлежащаго уровня. Такимъ образомъ, нежданно-негаданно наступаетъ время для плодовъ иного рода, и плоды эти оказываются уже далеко не столь пріятными, какъ плоды нумера перваго.

Возникаютъ преткновенія, требующія непремѣнной и безотлагательной работы мозговъ; возбуждаются вопросы, тоже безъ участія мозговъ отнюдь неразрѣшимые; среда сиволапныхъ даетъ себя чувствовать все стѣснительнѣе и стѣснительнѣе. Въ какую сторону ни обернется исторіографъ, вездѣ видитъ препятствіе, вездѣ чувствуетъ сердцемъ противодѣйствіе. Давно-ли, казалось, онъ разорилъ нигилистовъ и истребилъ коммунистовъ, а противодѣйствіе не только не унимается, но угрожаетъ принять невеселые размѣры. Оказывается, на повѣрку, что исторіографъ понимаетъ подъ противодѣйствіемъ все то, что имѣетъ ненавистное свойство заставлять его двигать мозгами.

— Что дѣлать? какъ поступить? мечется онъ отъ Симона къ Пьеру, отъ Анатоля къ Жоржу.

Увы! Симонъ только сосетъ палецъ въ отвѣтъ. Пьеръ молчитъ, потому что продолжаетъ страдать собачьей старостью; Анатоль хотя и стоитъ *la loi à la main*, но и въ этомъ трогательномъ положеніи усматриваетъ только фигу; что касается до Жоржа, то онъ, какъ малый скоронапительный, предлагаетъ перепоротъ всѣхъ до одинаго, не смотря даже на особъ.

— *Mais ce n'est pas pratique, mon cher, ce que vous proposez là!* восклицаетъ въ отчаяніи исторіографъ-побѣдитель, и съ угрязеніемъ впервые проснувшейся совѣсти воспоминаетъ о разорен-

ныхъ имъ коммунистахъ, которые, въ данномъ случаѣ, все-таки могли бы подать полезный совѣтъ, и, пожалуй, даже оградить его отъ оплаченныхъ въ будущемъ головомоловъ.

— Господи! да вѣдь это дураки... и даже не простые дураки, а дураки со взломомъ! въ первый разъ въ жизни дѣлаетъ онъ остроумное и притомъ несомнѣнно правдивое опредѣленіе окружающихъ его бонвивановъ.

Въ первый разъ онъ рассказываетъ; въ первый разъ онъ чувствуетъ, какъ несостоятельна и даже опасна теорія безпреступственной игры локтями.

Читатель! не радуйся слишкомъ скоро этому вынужденному обращенію историографа къ чувствамъ болѣе или менѣе человѣческимъ! помни твердо, что онъ самъ малый со взломомъ, что для него самого всякое явленіе, заставляющее шевелить мовгами, есть явленіе прогивное, которое во что бы то ни стало слѣдуетъ исторгнуть вонъ съ корнемъ!

А такъ-какъ явленій этихъ много, и дѣло выриванія корней—дѣло не легкое, то историографъ, не находя ни въ себѣ, ни въ своихъ сотрапезникахъ никакихъ мало-мальски практическихъ указаний, дѣлается на время угрюмъ и задумчивъ. Онъ ищетъ глазами, не найдетъ ли гдѣ какого-нибудь завалищаго пioniра, котораго онъ позабылъ второпяхъ разворить, но оказывается, что таковыхъ не обрѣтается. Вездѣ тинь да гладь да божья благодать; вездѣ умственная нищета и изнурительное нравственное убожество; вездѣ погромъ, вездѣ безсиліе... Вдали насутся откормленные фофаны, строгомые сосущимъ палецъ Симономъ и подстегиваемые, для порядка, своровалительнымъ Жоржемъ.

— Чѣмъ-то насъ сегодня будутъ кормить: бардой или жмыхами? лѣнливо урчатъ фофаны.

Сердце историографа сжимается.

— Хоть бы молчали, подлецы! ворчить онъ, досадливо закусывая усн.

И вотъ, онъ прибѣгаетъ къ средству самому простому и вмѣстѣ съ тѣмъ очень рѣшительному. Онъ воздвигаетъ укрѣпленія за укрѣпленіями, окопы за окопами, и уводитъ туда за собой своихъ сотрапезниковъ. «Ужъ тамъ-то, думаетъ онъ, не найдетъ меня никто, и я могу свободно показывать носъ всевозможнымъ вопросамъ!»

Не думайте, однакожь, чтобъ это были укрѣпленія настоящія, встроеныя изъ гранита, кирпича и т. п. Нѣтъ, это укрѣпленія бросовыя, наскоро слѣпленныя изъ такихъ же бросовыхъ и давно повсюду признанныхъ негодными матеріаловъ. Тутъ есть и насиліе, и самоуправство, и безответственность поступковъ, и безцеремонное отношеніе въ человѣческой личности. И все это кой-какъ слѣплено собственными слюнями историографовъ.

Оградивши себя и присныхъ своихъ этими налѣпными твердынями, историографъ мнитъ, что бессрочно отказался отъ всевозможныхъ запросовъ, и что, въ крайнемъ случаѣ, онъ во

всякое время будет имѣть возможность сокрушить безпокойныхъ и противляющихся посредствомъ палубы.

И дѣйствительно, первое время въ этомъ укрѣпленномъ лагерѣ живетъ отлично. Поощренный кажущаяся безопасностью, историографъ не только не остепеняется, но съ каждымъ днемъ все больше и больше предается пагубнымъ страстямъ. Превнія свои глупыя фразы онъ находитъ уже слишкомъ либеральными; въ «*mais c'est impossible!*» онъ уже видитъ какую-то малодушную уступку, которая можетъ скомпрометировать его достоинство. Мало по малу, онъ упрощаетъ свои приемы до того, что, наконецъ, только фыряетъ, брыкается и ржетъ.

Все это хорошо; все это такъ, какъ и быть надлежитъ, но, говоря откровенно, какъ-то плохо вѣрится въ силу возводимыхъ историографами укрѣпленій. Вообще мы, русскіе, никогда не отличались особенною смѣлливостью по части сооружения твердынь. Оттого ли, что наши инженеры недостаточно сообразительны, или отъ иной какой либо причины, но какъ-то всегда оказывается, или что укрѣпленія выстраиваются совсѣмъ не тамъ, гдѣ слѣдуетъ, или же, что подъ видомъ укрѣпленій, воздвигаются дрянные картонные домики. А потому, когда намъ приходится пахать, то мы либо палимъ по своимъ, либо убѣждаемся, что безъ пороку пахать невозможно. Было время (ужъ и памятно же оно намъ!—да и гдѣ, наконецъ, тѣ времена, которыя были бы намъ не памяты!), когда мы укрѣплялись и озапывались съ особеннымъ рвеніемъ, когда мы думали даже, что вотъ-вотъ откопаемся отъ цѣлаго міра,—и что-жь?—въ ту самую минуту, когда мы мечтали, что дѣло озапыванія, наконецъ, завершилось, когда мы уже простирали руки, чтобы плотно на плотно закупорить себя, какъ въ бутылкѣ... въ эту самую минуту оказалось, что инженеры наши по всей линіи сплеховали!

Это было зрѣлище потрясающее и въ то же время вполне поучительное. Сколько рухнуло разомъ надеждъ, сколько вырвалось криковъ изумленія! Мы до сихъ поръ не можемъ забыть изумленіе одного учителя географіи, который до того поназдѣялся на прочность твердынь, что даже въ учебникѣ своемъ написалъ: «Россія есть бутылка, со всѣхъ сторонъ осмотрительно и благонадежно закупоренная» — и вдругъ долженъ былъ сознаться, во первыхъ, что Россія совсѣмъ не бутылка, и во вторыхъ, что она закупорена очень не плотно, хотя денегъ на закупорку пошло съ три пропаста. Припоминается намъ много и другихъ отчаяній и вошей, раздавшихся по поводу незакупоренности нашего отечества, и, сознаемся откровенно, съ тѣхъ поръ оладѣло нами сомнѣніе.

Вотъ, думаемъ мы, уничтожены шлакбаумы—и сердце Россіи не дрогнуло; упразднилось крѣпостное право—и помѣщики возвеселились стугою; сланъ въ архивъ откупъ—и кабаки приумножились; наложена печать молчанія на суды земскіе, на суды

уѣздные — и злодѣи не только не восторжествовали, но вострепетали пуще прежняго! А вѣдь какія были твердыни, и какого переполоха надлежало ожидать отъ ихъ паденія! И ничего! не только ничего, а какъ будто бы этихъ твердынь совсѣмъ и не было! Фактъ этотъ до такой степени поразителенъ, что мы полагаемъ, что если будетъ признано не лишнимъ упразднить казенныя палаты и особыя о земскихъ повинностяхъ присутствія, то и тогда не послѣдуетъ ни потопа, ни труса, те и этой невзгодѣ Россія подчинится съ благоразуміемъ и готовностью, достойными похвалы.

Сверхъ того, исторія всѣхъ временъ и народовъ доказываетъ довольно убѣдительно, что обиліе укрѣпленій всегда порождаетъ извѣстную долю подозрительности, и именно въ тѣ самыя минуты, когда подозрительность, для насъ, размахавшихся и разревновавшихся исторіографовъ, всего менѣе желательна. Теченіе жизни самое скромное можетъ, наконецъ, замѣтить, что противъ него умышляется что-то недоброе, и замѣтитъ это тѣмъ скорѣе, чѣмъ чаще напоминаютъ намъ о томъ фальшивыми тревогами и искусственными страхами. Въ ту самую минуту, когда мы всего менѣе о томъ думаемъ, вдругъ, съ поразительною ясностью выдвигается впередъ вопросъ: за что-жь ты дерешься? и постепенно овладѣвая помыслами обывателя, становится въ упоръ всѣмъ насущнымъ потребностямъ дня. И вотъ, обыватель становится назойливъ и отчасти нахаленъ, онъ еще не протестуетъ противъ ошлеухъ, но уже хочетъ уяснить себѣ это явленіе, хочетъ дойти до сознанія, въ какихъ случаяхъ плоха съ обстоятельствами дѣла согласна, и въ какихъ—нѣтъ. Казалось бы, что тутъ-то именно и ждать отъ твердынь всякой благодати, а выходитъ совсѣмъ напротивъ: выходитъ, что въ этихъ-то случаяхъ и проявляется во всемъ блескѣ сугубая ихъ несостоятельность.

Вопервыхъ, вопросъ: «за что ты дерешься?» принадлежитъ къ тѣмъ изумительно яснымъ и простымъ вопросамъ, которые, въ самое короткое время, приобрѣтаютъ неимоверное количество прозелитовъ; слѣдовательно, какъ тутъ ни усердствуйте, а въ результатѣ все-таки ничего не получите, ибо всѣхъ перепалить ни подъ какимъ видомъ не разрѣшается. Вотъорныхъ, не слѣдуетъ упускать изъ вида, что въ подобныхъ обстоятельствахъ всегда немаловажную роль играетъ измѣна. Она незамѣтно проползаетъ въ самое сердце твердынь, и ядомъ своимъ растлѣваетъ сердца самихъ палителей. Всѣ эти Жоржи, Пьеры, Анатоли и сосущіе палець Симони оказываются далеко не столь благонадежными и твердыми въ вѣрѣ, какъ это предполагается. Какъ ни запирайте ихъ на замокъ, какъ ни ограждайте отъ соблазна, соблазнъ настигнетъ ихъ неизбежно. И вотъ, возникаетъ свара и галдѣніе въ самомъ святилищѣ бонвивановъ; зараждается и растетъ мысль о предательствѣ; число дезертировъ

съ каждымъ днемъ увеличивается; костюмъ ренегата становится très élégant et très porté... Въ одно прекрасное утро, бонвиваны, подъ предводительствомъ Жоржа, съ распущенными знаменами и подъ звукомъ гѣсни:

A Provins, trou-la-la-la...

выходятъ изъ укрѣпленнаго лагеря, и вслѣдъ за тѣмъ пресловутыя твердыни мгновенно покрываются паутиною и зарастаютъ репейникомъ.

Казалось бы, что всего вышеизложеннаго весьма достаточно, чтобы наглядно убѣдить насъ не только въ непрочности какого бы то ни было рода укрѣпленій, но и въ ненужности ихъ. Тѣмъ не менѣе, въ отношеніи къ нашимъ исторіографамъ, доводы самне убѣдительные оказываются бесполезными, потому что они влекутся къ укрѣпленіямъ даже не по своей волѣ, а фаталистически.

Поговорите съ любимъ изъ губернскихъ исторіографовъ — что вы услышите отъ него? — вы услышите жалобы на то, что его положеніе недостаточно твердо; вы услышите назойлива домогательства объ укрѣпленіи этого положенія; вы услышите нахальныя угрозы, что вселенная разрушится, если въ самомъ непродолжительномъ времени не будутъ приняты дѣйствительныя и энергическія по сему предмету мѣры. Въ виду этихъ суровыхъ сѣтованій и предсказаній, вы вглядываетесь и прислушиваетесь кругомъ, и, къ удивленію, не видите ни одного движенія, не слышите ни одного звука, которые, хотя въ самадѣйшей степени, давали бы поводъ для столь трагическихъ опасеній. Вы обращаете ваши взоры на исторіографа — и видите, что у него, сверхъ того, цѣлый волчанъ стрѣлъ за спиною, и руки вооружены увѣсистыми булыжниками. Стало быть, есть чѣмъ и отпоръ дать. «Господи! да рожна что ли ему надобно?» невольно спрашиваете вы себя.

Не удивляйтесь этому тоскливому голошенію; мы, коренные обитатели губернскихъ палестинъ, можемъ разъяснить вамъ это явленіе очень просто. Все дѣло въ томъ, что насъ, провинціальныхъ исторіографовъ, съ одной стороны, удручаетъ весьма замѣчательная умственная неразвитость, а съ другой стороны, насъ не менѣе притѣсняетъ встревоженное и изнуренное преждевременнымъ чтеніемъ Поль-де-Кока воображеніе. При такихъ данныхъ, позволительно ли удивляться, что мы не находимъ въ самихъ себѣ ни мадѣйшей опоры, и жадно ищемъ и ждемъ этой опоры откуда-то извнѣ?

По Поль-де-Коку, жизнь человѣческая представляется въ видѣ цвѣтущей долины, и теченіе ея обуславливается самыми несложными мотивами. Обыкновенно, какой-нибудь Альфредъ, ремесломъ, пофранцузски, бонвиванъ, а порусски — шалопай, ша-

тается по бѣлу свѣту, не держа въ головѣ никакой другой мысли, кромѣ мысли о повсемѣстномъ распространеніи ученія о бездѣлицѣ. И вотъ, ему сначала встрѣчается Армансъ, потомъ встрѣчается Блансъ, потомъ Жюстинъ и множество другихъ ревностныхъ послѣдовательницъ этого ученія. Онъ смакуеть, цоркаеть съ цѣтвѣ на цѣтвѣтокъ, и съ каждой поочередно разыгрываетъ водевилъ на тему: *dansons, buvons... et chantons!* Наконецъ, однако, онъ пропивается до тла и къ доверженію всего занемогаетъ истощеніемъ силъ. Очевидно, ему надлежитъ пропастъ, но Поль-де-Кокъ слишкомъ добродушенъ, чтобы допустить столь справедливую, но печальную развязку. И дѣйствительно, въ самую отчаянную минуту, у изголовья Альфреда является хорошенкій мальчикъ, который своимъ старательнымъ уходомъ оказываетъ самое благотворное вліяніе на возобновленіе истощенныхъ силъ шалопая. Послѣ довольно продолжительнаго любовнаго бездѣйствія, Альфредъ приходитъ, наконецъ, въ себя, прикасается дрожащими руками къ хорошенькому мальчику, и тутъ же начинаетъ чувствовать, какъ возвращаются къ нему способности селезня. Оказывается, что хорошенкій мальчикъ совсѣмъ не мальчикъ, а грѣшная дѣвица Клемансъ, которая давно любила Альфреда и съ тайною грустью слѣдила за его истощающими здоровьемъ похождениями.

Вотъ и все. Незамысловато, но за то общедоступно и успокоительно въ томъ отношеніи, что указываетъ въ перспективѣ легкую поправку распутства, въ лицѣ дѣвицы Клемансъ. Это, такъ-сказать, популяризація пошлости и маленькаго разврата. Но легко себѣ представить, какъ дѣйствуетъ такое чтеніе на человѣка, который былъ основательно подготовленъ къ нему домашнимъ подобнаго же рода воспитаніемъ. Вопервыхъ, онъ получаетъ убѣжденіе, что жизнь есть не что иное, какъ торжество бездѣлицы; вовторыхъ, онъ проникается мыслью, что для Альфредовъ ни въ чемъ не можетъ быть ни препонъ, ни отказа; втретьихъ, онъ пріобрѣтаетъ непреодолимое влеченіе къ легкому труду; вчетвертыхъ, онъ окончательно растлѣваетъ и тотъ небольшой обрывокъ умственныхъ силъ, который составлялъ все наличное духовное богатство его. Вообразите же себѣ этого человѣка, при первомъ столкновеніи съ дѣйствительною, а не шутовскою жизнью! Вообразите себѣ его въ ту минуту, когда въ головѣ его впервые зарождается подозрѣніе, что міръ населенъ не Клемансами и Жюстинами, а чѣмъ-то инымъ? Какъ долженъ онъ отнестись къ указаніямъ, требованіямъ и противорѣчіямъ жизни? Какъ долженъ онъ взглянуть на тѣ непредвидѣнныя пераховатости, которыя несомнѣнно должны встрѣтиться ему на пути?

Очевидно, что сначала онъ отнесется къ этимъ невзгодамъ довольно легко. Онъ, подобно бабочкѣ, будетъ перелетать съ одного цѣтвѣ на другой, подобно наемной блудницѣ, будетъ

раскочать всякому встрѣчному свои ненужные поцалуи. Но вотъ наступаетъ періодъ истощенія; всѣ цѣты перепробованы, всѣ поцалуи расцалованы, а невзгоды не унимаются, шероховатости ни мало не сглаживаются. «Клемансъ! гдѣ ты?» восклицаетъ онъ въ изнуреніи; но, увы! Клемансъ не является на выручку, потому что она солгана классиками, въ дѣйствительности же ея нѣтъ и не бывало...

Вотъ какъ пагубно бываетъ изнурительное чтеніе классиковъ, и какъ неразсчетливо отвращаться отъ людей, которые могли бы во время охранять и предостерегать насъ отъ опасностей этого занятія!

Отсутствие Клемансъ вызываетъ новыи фазисъ въ жизни исторіографа — фазисъ смутнаго самопознанія. Онъ начинаетъ, словно съезвъ сонъ, понимать, что представляетъ собою одно ничтожество, что въ немъ не обрѣтается ни одной струны, которая служила бы связью съ міромъ живыхъ. «И отчего только меня не бьютъ?» спрашиваетъ онъ себя съ основательнымъ изумленіемъ, и въ то же время чувствуетъ, какъ стонетъ его утроба отъ приливовъ животолубія. Благодаря этимъ приливамъ, самопознаніе не смираетъ, а ожесточаетъ еще болѣе. Какъ поступить исторіографъ въ дальнѣйшемъ ходѣ этого дѣла? Что предприметъ онъ, чтобы спасти свою утлую ладью отъ окончательнаго раззоренія?

Очевидно, что тутъ на первомъ планѣ должно стать напуганное воображеніе. Онъ такъ серьезно вѣрилъ въ появленіе Клемансъ, что не можетъ не видѣть въ ея отсутствіи какого-то злостнаго чародѣйства. Міръ наполняется грубіянами-предателями и беспокойными; тысячи ловушекъ, тысячи опасностей представляются умственному взору; куда онъ ни обернется — вездѣ посягательство, вездѣ брешь, съезвъ которую вотъ-вотъ ворвется невѣдомая какая-то сила... И чѣмъ спокойнѣе окружающая трясина, чѣмъ меньше вскакиваетъ на ней пузырей, чѣмъ глубже царствующее окрестъ безмолвіе, тѣмъ сомнительнѣе представляется исторіографу его будущее. Тутъ самое безмолвіе принимаетъ угрожающій характеръ, тутъ самыя могилы какъ будто провѣщиваютъ. «Нѣтъ, это не спроста! Это интрига! Это недостойный комплотъ!» умозаключаетъ исторіографъ, и все глубокимысленнѣе и глубокимысленнѣе вопрошаетъ трясину, и, горимый страхами, разгорается, разгорается...

«Вы меня презираете — хорошо! Я мирюсь съ вашимъ презрѣніемъ! Въ сущности, я, дѣйствительно, то самое, за что вы меня принимаете, и потому даже не претендую на ваше сочувствіе! Я требую одного: чтобы меня трепетали!» Такъ вѣщаетъ исторіографъ, и, воздвигая укрѣпленія за укрѣпленіями, палить изъ нихъ клеветою и вольными доносами!

Вотъ причина, вслѣдствіе которой исторіографъ фатали-

часки влечется въ укрѣпленіямъ и не можетъ обойтись безъ нихъ, хотя бы этого требовалъ простой здравый смыслъ.

Не станемъ повторять того, что сказано выше о непрочности укрѣпленій вообще, и исторіографскихъ въ особенности. Поставимъ себя на точку зрѣнія самихъ исторіографовъ, и предположимъ примѣрно, что они засѣли въ своихъ укрѣпленіяхъ, сверхъ всякаго чаянія, довольно прочно. Что можетъ произойти изъ этой прочности?

Увы! какъ бы хозяйственно ни устроились исторіографы въ своемъ укрѣпленномъ лагерѣ, положеніе ихъ не сдѣлается отъ этого ни менѣе уединеннымъ, ни менѣе безпомощнымъ. Человѣческая природа слишкомъ сложна, чтобы, въ продолженіе неопредѣленнаго времени, могла довольствоваться одною и тою же гнилою пищею. Какъ ни сладки трактаты о прелестяхъ бонвиванства, но съ теченіемъ времени, они пріѣдаются даже такимъ необширнымъ умамъ, каковы умы исторіографовъ. Тутъ мало неизмѣнности содержанія бесѣды; тутъ есть еще неизмѣнность пріемовъ и замашекъ, которыми сопровождается бесѣда. Заранѣе извѣстно, какой жестъ сдѣлаетъ Nicolas, какъ прищуритъ глаза Пьеръ, какъ облизнется Simon. Это становится, подъ конецъ, до того невыносимымъ, что потребность освѣжить содержаніе жизни становится вопросомъ дня. Предлагаются различные проекты для улучшенія исторіографскаго быта, стуолка замѣняется игрою въ *jeu de pique ou poig*; но такъ-какъ мозги шевелятся лѣниво, то изобрѣтательная способность оказывается ничтожною. Начинается скука, за скукой снѣтня, наушничество, шпионство; исторіографы зѣваютъ, раскалываются и взаимно другъ друга поѣдаютъ.

— Vous n'avez pas l'idée de ce que c'est que ce Pierre! il est d'une ignorance... rouah! жалуется Nicolas.

— Нѣтъ, да вы представьте себѣ, вчера нашъ другъ Nicolas собралъ насъ и говоритъ: «*messieurs! assez blagué comme ça! occupons nous de statistique!*» повѣствуетъ Жоржъ.

— Что жь вы?

— Ну, мы натурально спрашиваемъ, что же намъ съ этой *statistique* дѣлать?

— Ну?

— Хоть бы онъ глазомъ моргнулъ! Mais vous écrivez... toutes sortes de choses! Au reste, Simon vous fera connaître mes intentions! повернулся на каблучкахъ — и былъ таковъ!

— Что жь Simon?

— Извѣстно, палецъ сосеть! Я, говоритъ, *messieurs*, не виноваты! Я, говоритъ, даже около телеграфнаго столба вслухъ говорить боюсь, потому что въ Петербургѣ услышать могутъ.

— Mais... c'est un animal, ce Simon! удивляется Анатоль.

— Да, этотъ Simon — скотинище первый сорта!

И такъ далѣе, и такъ далѣе.

И чѣмъ ближе стоили другъ къ другу эти люди, тѣмъ сильнѣе горять ихъ взаимная ненависть. Каждый изъ нихъ служитъ для каждаго живымъ укоромъ невѣжества, глупости и безсмыслия. Вотъ причина, почему драма, если она возникаетъ въ средѣ исторіографовъ, ведется съ тѣмъ беззримѣрнымъ острозначіемъ, на которое могутъ быть способны только дикіе патогонскіе степи.

Таковы конечные результаты торжества исторіографовъ въ провинціи.

Но все это только личная комедія; могутъ спросить, какъ отзывается она на дѣлѣ? На этотъ вопросъ можно отвѣчать вполне утвердительно: въ настоящее время, въ провинціи ничто ничего не дѣлаетъ. Пioneры дѣлаютъ мало, потому, во-первыхъ, что орудія дѣйствія находятся внѣ ихъ вліянія, а во-вторыхъ, потому, что дѣйствія ихъ почему-то ностигаются парализомъ. Исторіографы не дѣлаютъ ничего, потому что ихъ назначеніе канканировать и мѣшать дѣлать другимъ. Какимъ же образомъ идетъ впередъ бы то ни было дѣло? На это одинъ отвѣтъ: Провидѣніе..

Петербургская журналистика нерѣдко въ довольно рѣзкихъ формахъ осуждала убѣжденія такъ-называемыхъ «постепеновцевъ» (къ нимъ всего ближе подходятъ тѣ люди, которыхъ мы разумѣемъ подъ именемъ пioneровъ). Не будемъ входить здѣсь въ разсмотрѣніе сущности этого убѣжденія; не будемъ говорить о томъ, въ какой степени правы или неправы люди этого убѣжденія; скажемъ одно: это тѣ самые люди, противъ которыхъ въ настоящее время направлена самая ядовитая стрѣла исторіографовъ. Лицо исторіографа немедленно покрывается пурпуромъ при одномъ видѣ постепеновца, и покрывается не безъ основанія, ибо въ постепеновцѣ онъ видитъ человека, которому самою судьбою предназначено обгнать у него лакомые куски. На сколько основательно это предположеніе—мы сказать не можемъ, но знаемъ, что въ немъ заключается весь смыслъ распри. Не та или другая сущность дѣла, не то или другое направленіе его, а именно лакомые куски составляютъ все содержаніе исторіографическихъ навидовъ съ ихъ темною святой вольныхъ доносовъ и извѣщеній. Не жалкое ли это зрѣлище? не жалкіе ли нравы?

Вновь повторяемъ: не станемъ разбирать, на сколько правы или не правы такъ-называемые «постепеновцы» въ своихъ стремленіяхъ; ограничимъ или достаточно обширенъ ихъ взглядъ на вещи. Станемъ на точку зрѣнія сравнительную, и что же мы увидимъ? съ одной стороны исторіографовъ, которые, такъ сказать, ведутъ первобытную борьбу за существованіе, которые ничего передъ собою не видятъ, кромѣ куска мяса; съ другой стороны—людей скромныхъ, быть можетъ не дальне дерзающихъ, но во всякомъ случаѣ преданныхъ тому дѣлу, которому взяли служить.

Спрашивается: на чьей сторонѣ перевѣсъ?

ПИСЬМО ПЯТОЕ.

Изъ всего, изложеннаго въ предыдущихъ письмахъ, достаточно явствуетъ, что въ провинціи существуетъ очень не мало препятствій, которыя въ значительной степени затрудняютъ правильное развитіе добрыхъ зачатковъ, положенныхъ въ основу русской жизни въ теченіе послѣдняго десятилѣтія. Препятствія эти, по нашему мнѣнію, заключаются, во первыхъ, въ трудно-объяснимомъ, но тѣмъ не менѣе весьма явственно-ощуцаемомъ недоброжелательствѣ къ этимъ зачаткамъ со стороны тѣхъ самыхъ лицъ, которыя, по всѣмъ видимостямъ, должны бы быть наиболѣе заинтересованы въ ихъ успѣхѣ; вторыхъ, въ склонномъ и несправимомъ свойствѣ нашихъ бюрократовъ всякое общее дѣло связывать съ своими личными интересами, и повсюду усматривать посягательство на ихъ власть, и третьихъ, въ крайнемъ невѣжествѣ губернскихъ исторіографовъ, которое фаталистически обрекаетъ ихъ на праздность и заставляетъ прибѣгать къ пререканіямъ и суесловію, какъ къ единственной формѣ, дающей ихъ полусознательнымъ движеніямъ какой-то видъ дѣятельности.

Но, само собою разумѣется, всѣ эти препятствія нивагъ не могли бы имѣть той рѣшительной силы, какую они въ дѣйствительности имѣютъ, еслибы рядомъ съ ними не существовало нѣчто другое, имѣющее корень въ самомъ складѣ губернской жизни, и наносящее ей успѣхамъ ущербъ несравненно болѣе значительный, нежели нелѣпое самопожираніе обозлившихся бюрократовъ второй степени.

По неисповѣдимой волѣ судьбы, у насъ какъ-то всегда такъ случается, что никакое порядочное намѣреніе, никакая здоровая мысль не могутъ удержаться долгое время на первоначальной своей высотѣ. Намѣреніе находится еще въ зародышѣ, какъ уже къ нему загода со всѣхъ сторонъ устремляются разныя полезныя прѣмѣси, и безцеремонно заявляютъ претензію на пользованіе предполагаемыми плодами его. Не успѣли вы порядкомъ огладѣться въ новомъ порядкѣ, созданномъ извѣстною мыслью, какъ уже замѣчаете, что въ немъ нѣчто помутилось, что въ чистый источникъ уже вторглась какая-то растлѣвающая струя. Вглядитесь пристальнѣе, и вы убѣдитесь, что тутъ суетятся и хлопочетъ цѣлый легионъ разнообразнѣйшихъ чужаидныхъ элементовъ.

Съ этими чужаидными элементами происходитъ довольно странная исторія. Такъ-какъ существованіе ихъ лишено всякой самостоятельности и находится въ тѣсной зависимости отъ болѣе или менѣе удовлетворительнаго состоянія тѣхъ предметовъ, которые доставляютъ имъ питаніе, то, казалось бы, что самый простой здравый смыслъ требуетъ, чтобы отношенія паразитовъ

къ этимъ предметамъ были основаны на строгой расчетливости, и чтобы въ дѣлѣ сосанія чужихъ соковъ была, по малой мѣрѣ, соблюдаема извѣстная деликатность и экономія. На практикѣ, однакожь, всегда случается совершенно противное. Паразитъ непредусмотрителенъ и ограниченъ по преданію; ему не жаль расколовать чужіе соки, потому что онъ не понимаетъ, что это вмѣстѣ съ тѣмъ и его соки. Онъ набѣдается всегда до-сыта, т.-е. до тѣхъ поръ, пока вмѣстятъ можетъ, потому что мысль о завтрашнемъ днѣ слишкомъ отвлеченна, чтобы умѣститься въ его головѣ. Поэтому, если въ жизнь закрадываются чужедные элементы, то зрѣлище, которое на первыхъ порахъ являетъ ихъ плотоядность, бываетъ, по истинѣ, изумительно. Запримѣтивъ въ какомъ бы то ни было обществѣ дѣлѣ извѣстнаго рода мякоть, они нападаютъ на нее съ безразсудною прозорливостью саранчи, высасываютъ ее до тла, не сознавая и не предусматривая, что своимъ невоздержаніемъ они не только отнимаютъ у общаго дѣла самыя нужныя соки (это-то, пожалуй, было бы имъ на руку!), но въ то же время ни мало не устраиваютъ и своихъ личныхъ маленькихъ дѣлъ.

Чужеядство — это вредное наслѣдіе нашего прошлаго. Нельзя сказать, чтобы этотъ элементъ когда бы то ни было заявилъ міру о своей устойчивости, и чтобы вообще прошлое оправдывало необычайную живучесть его; напротивъ того, онъ постоянно показывалъ себя до того разсыпчатымъ, рыхлымъ и нерассудительно-жаднымъ, что даже не сумѣлъ выработать самаго простаго понятія, безъ котораго не можетъ существовать ничто сколько-нибудь претендующее на живучесть — понятія о дисциплинѣ. Но есть у него своего рода драгоценное качество, замѣняющее и устойчивость, и дисциплину—это способность примелькаться — и вотъ, благодаря этой простой и чисто страдательной способности, чужеядство сдѣлалось въ нашихъ глазахъ какъ будто даже не чужеядствомъ, а очень обыкновенной профессіей, которая не только не оскорбляетъ нашего нравственнаго чувства, но съ которой, напротивъ того, мы находимъ не лишнимъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, считаться.

Съ одной стороны, способность примелькаться, съ другой, способность ко всему привыкать, со всѣмъ сживаться — и вотъ, въ итогѣ оказываются чудеса! Нельзя себѣ представить, какихъ неожиданныхъ результатовъ достигало иногда чужеядство въ нашихъ губерніяхъ, при помощи одной мелькательной способности, и достигало даже въ такія времена, когда никто ни о какихъ результатахъ не думалъ и не мечталъ, да и самаго слова «результатъ» по штату не полагалось. Взору представлялась какая-то безпутная масса, въ которой не замѣтно было ни дѣйствительнаго порядка, ни обдуманной дисциплины, но которая была сильна единственно своими инстинктами. Проникнуть въ эту массу, застать ее на мѣстѣ преступленія, уличить въ чемъ

бы то ни было,—не представлялось рѣшительно никакой возможности, потому что она съ неизмѣрною быстротою засасывала всякую штуку и тутъ же бесслѣдно хоронила концы {въ воду. Виноватыхъ не находилось, не потому чтобы ихъ не существовало въ натурѣ, и чтобы въ толпѣ чувствовалось оскудѣніе въ предателяхъ, а потому просто, что въ самомъ воздухѣ была разлита какая-то таинственная симпатія къ чужездству и ко всему, что изъ него происходить могло. Припомнимъ, какою бесплодностью всегда отличались самые грозные походы противъ многообразныхъ злоупотребленій, удручавшихъ русскую жизнь. Съ одной стороны, нахально-простое «знать не знаю, вѣдать не вѣдаю», съ другой — невѣжество, неумѣлость и безответность — вотъ очарованный кругъ, среди котораго волею-неволею вращались громовержцы самые рыаные и неуступчивые. При первомъ взглядѣ на паразитовъ, казалось: вотъ бросовые, ничтожные люди, которыхъ ничего не значить смять какъ угодно! а на повѣрчу выходило, что это люди далеко не бросовые, но сильные своимъ аппетитомъ, съ которымъ тѣмъ болѣе надлежало считаться, что онъ замѣнялъ имъ и убѣжденія, и чувство гражданственности, и даже инстинкты касты.

Въ это недавнее, но, къ счастью, все-таки прошедшее время, не рѣдкость было встрѣтить дѣляги губерніи, въ которыхъ до такой степени буйствовала сила желудочныхъ страстей, что нельзя было ничѣмъ отбояриться отъ ихъ нападений, нельзя было повернуться, чтобы не встрѣтиться лицомъ къ лицу съ разверстымъ зѣвомъ и щелгающими челюстями. Это были какія-то укрѣпленныя преисподнія, въ которыхъ безъ вѣсти пропадалъ всякій человекъ, необладающій твердыми желудочными убѣжденіями, въ которыхъ буквально совершались злодѣяства, не встрѣчая не только отпора, но даже робкаго протеста. Посылались туда всевозможные ревизоры и соглядатаи, иногда даже съ заранѣе принятымъ намѣреніемъ во что бы то ни стало истребить, уничтожить, не оставить камня на камнѣ, но результатовъ никогда никакихъ не получалось. Все не чуждое дару слова отъ рожденія было заражено чужездствомъ; все, имѣющее силу и власть, поголовно и одинаково плутовало, лгало и подкупало. Всѣ члены этой плотоядной массы задыхались подъ игомъ взаимной солидарности, въ основаніи которой лежало не сознание, а простой животный инстинктъ. Ревизоры пріѣзжали, и сразу упирались въ стѣну, въ которую какъ ни стучи, ни до какого отвѣта не достучишься ни подъ какамъ видомъ...

Существовали тогда особыя профессіи звѣрства, и въ каждой изъ нихъ допускалась большая или меньшая степень мастерства, въ каждой были свои виртуозы. Кто можетъ повѣрить, чтобы были виртуозы по части устроиванія внезапныхъ смертей? виртуозы по части подвигиванія мертвыхъ тѣлъ? виртуозы по части выдумыванія небывалыхъ преступленій? а между тѣмъ они суще-

ствовали достоверно; они пользовались въ обществѣ почетомъ и преимущественно передъ другими избирались членами и старшинами клубовъ. Кто повѣритъ, на примѣръ, чтобы въ губерніи могъ занимать видное мѣсто и виртуозничать человекъ, значащійся по всѣмъ документамъ умершимъ? а между тѣмъ этотъ фактъ у всѣхъ на памяти, да и не одиночный какой-нибудь фактъ, но повторяющійся въ преданіяхъ очень многихъ мѣстностей съ самыми незначительными вариантами. Кто повѣритъ, чтобы могли существовать такіе общественные кружки, въ которыхъ похвалы воровствамъ и казнокрадствамъ служили бы единственнымъ содержаніемъ безконечныхъ и никогда не надоедающихъ бесѣдъ, а между тѣмъ мы всѣ, люди того времени, были свидѣтелями, съ какою безперемонностью и съ какимъ безсознательнымъ безстыдствомъ велись эти растлѣнные разговоры.

— Когда я былъ командиромъ... начиналъ одинъ.

— Когда я былъ исправникомъ... продолжалъ другой.

— Когда я былъ судьей... перебивалъ третій.

И всякій, наперерывъ, спѣшилъ перещеголять своего сосѣда какою-нибудь матерюю мерзостью, всякій усиливался неопровержимыми фактами доказать, что не кто другой, а именно онъ есть тотъ самый злодѣй и неголай, которому мало мѣста на каютѣ!

Казалось бы, что, въ виду такого рода громкихъ и яркихъ фактовъ, раскрытіе ихъ не должно было представлять особенныхъ затрудненій, но на практикѣ выходило совершенно на оборотъ. Впервыхъ, изслѣдованіе всегда встрѣчалось въ этомъ случаѣ съ тою солидарностью, о которой говорено выше, и съвозъ которую тѣмъ труднѣе было пробиться, чѣмъ большею она обладала безсознательностью. Вотъ вторыхъ, существовало и еще одно обстоятельство, о которомъ нелишне будетъ сказать здѣсь нѣсколько словъ.

Дѣло въ томъ, что на случай излишней любознательности со стороны, у нашихъ губернскихъ виртуозовъ всегда хранились про запасъ извѣстные фортели, которые хотя и не блистали замысловатостью, но тѣмъ не менѣе достигали цѣли почти безъ промаха. Мы и теперь еще можемъ встрѣтить чуть ли не въ каждой губерніи не очень-то древнихъ старожилловъ, которые не прочь поразсказать намъ множество самыхъ характеристическихъ анекдотовъ по этой части. Главными и самыми простыми фортелями противъ излишней любознательности были: наивность, невѣдѣніе и забвеніе.

— А подайте-ка сюда дѣло объ обманномъ сведеніи отставнымъ маіоромъ Негодяевымъ роши, принадлежащей заштатному богословскому монастырю! взывалъ ревизоръ къ оторопѣвшему канцелярскому стаду, прибавляя мысленно: — ну, теперь-то вы ужъ не отвертитесь отъ меня, крысы прожорливыя!

Но крысы таинственно переглядывались между собой и наивно недоумывали.

— Дѣло... о сведеніи... роши?... произносила съ разстановкою какая-нибудь изъ крысъ побойчѣе.

— Ну, да; дѣло объ обманномъ сведеніи майромъ Негодяевымъ роши, принадлежащей заштатному богословскому монастырю! внятно повторяетъ ревизоръ.

— Дѣло... опять шепчетъ крыса, какъ будто припоминая. Вся фizioномія, весь организмъ этой крысы дышитъ такимъ наивнымъ удивленіемъ, какъ будто она сейчасъ только на свѣтъ божій произошла, ничего не знаетъ, и даже никакихъ прирочденныхъ идей о «таковомъ обманномъ отставнаго майора Негодяева поступкѣ» не имѣетъ.

— Это точно-съ... такое дѣло было-съ! выручаетъ другая канцелярская крыса:—только оно бывшимъ коністомъ Подгоняичковымъ неизвестно куда утрачено-съ!

Ревизоръ багровѣлъ, но сдерживался.

— А сдѣлано ли распоряженіе о возобновеніи дѣла? спрашивалъ онъ.

— Какъ же-съ! бойко отвѣчала крыса:—надъ самымъ этимъ Подгоняичковымъ и слѣдствіе въ то же время наряжено-съ... объ утратѣ, то-есть...

— Ну?

— Только самый этотъ Подгоняичковъ вскорѣ послѣ того волею божіею помире...

Ревизоръ багровѣлъ пуше прежняго; слышалось легкое скрипѣніе зубами.

— Ну, а подайте мнѣ дѣло о расхищеніи тѣмъ же майромъ Негодяевымъ принадлежащихъ приказу общественнаго призрѣнія суммъ! вопіалъ онъ.

Опять шепотъ, опять недоумѣніе. Вполголоса раздаются восклицанія: «да когда же?» «што врать-то? нешто не помнишь?» «да вотъ еще Михалъ Михалычъ спрашивалъ!» «Михалъ Михалычъ справку брали!» и проч. и проч.

— Скоро ли? тоналъ въ нетерпѣніи ревизоръ.

— Такое дѣло точно было-съ, только оно въ бывшій пожаръ вмѣстѣ съ прочими сгорѣло! отвѣчала одна изъ крысъ.

И такимъ образомъ подвигалась впередъ вся ревизія. Одно дѣло сгорѣло, другое пропало, третье какъ ни бился, не наши, четвертое продано въ кабакъ въ качествѣ оберточной бумаги. И еслибъ еще не было сдѣлано никакихъ по сему предмету распоряженій! о, еслибъ не было! но нѣтъ, всѣ распоряженія сдѣланы: о пронажѣ въ ту же минуту назначено слѣдствіе, а о возобновеніи дѣла со всѣми концами Россіи производится переноска.

— Странно! скрипитъ ревизоръ зубами:—какія же у васъ дѣла есть?

— А вотъ-съ: дѣло о бунтѣ Тришки мордвина противъ держащихъ властей; дѣло объ оскорбленіи Васькой чувашениномъ словомъ и дѣйствіемъ капитанъ-исправника; дѣло о пограбленіи черемисиномъ Ашлекою съ товарищи мѣдной гривны... ведутся неупустительно-съ!

Ревизоръ углублялся, разсматривалъ продерзостныя дѣйствія Алешекъ и Васекъ и убѣждался, что дѣйствія эти преслѣдуются вполне неупустительно, что обложки у дѣлъ чистыя и не равныя, и описи при дѣлахъ исправныя. А зловредный онѣй маіоръ Негодяевъ, который обманнымъ образомъ въ одну ночь увезъ на подводахъ цѣлую рощу, принадлежащую заштатному Богословскому монастырю, и нѣсколько лѣтъ сряду потихоньку воровалъ казенныя деньги, такъ-таки и выскользнулъ изъ-подъ ревизорскаго свальпеля!

Но этого мало; устраивались цѣлые пожары на случай ревизорской любознательности, и этотъ фактъ былъ однимъ изъ самыхъ оригинальныхъ, хотя и довольно обыденныхъ проявленій нашего чужездства. У всѣхъ на памяти и всѣмъ вѣдомо, какъ сожигались цѣлые корпуса присутственныхъ мѣстъ, и приносились въ жертву чужездной мамонѣ необозримые вороха дѣлъ и бумагъ—и никто ни о чемъ не смѣлъ проронить слова! Когда же наѣзжалъ ревизоръ, то все было гладко и чисто какъ на ладони. Мало и этого: устранялись даже люди, у которыхъ языкъ говорливъ не въ мѣру. То «угорить» въ тюрьмѣ партійка арестантовъ, въ которой не ко времени завелись такъ-называемые «похвальбишки», то невзначай помнуть бока такъ-называемому «безповойному», да такъ помнуть, что онъ, долго послѣ того, и другу и недругу заказываетъ: съ сильнымъ не борись! и — вотъ какъ ни вертится ревизоръ, но нигдѣ ничего не усматриваетъ, кромѣ неукоснительнаго веденія дѣлъ объ Алешкахъ-грабителяхъ и Васькахъ-оскорбителяхъ.

Таково-то было это канцелярско-обывательское чужездство, съ которымъ мы до сихъ поръ ни подъ какимъ видомъ разминуться не можемъ.

— И, батюшка! не въ рѣдкость слышать и нынче отъ обывателей старожиловъ:—и языка-то, кажется, не достанетъ, если поразсказать, что въ прежніе годы бывало! Этотъ самый Негодяевъ—маіоръ соберетъ, бывало, съ деревни всѣхъ дѣвокъ и бабъ, оголитъ ихъ какъ есть, да и велитъ мужикамъ тѣхъ бабъ и дѣвокъ сѣчи!

— Что-жь мужики?

— Что мужики! извѣстно, приказъ исполняютъ! Одинъ было этакой выискался, сѣчетъ это свою бабу да говоритъ: «неладно ты, маіоръ, эка дѣло затѣялъ!» — Что? взревѣлъ на него маіоръ.—Ничего, говорить, только неладно ты, маіоръ, эка дѣло затѣялъ! А самъ знай бабу сѣчетъ, да сѣчетъ! Только какъ отняли у него эту бабу—глядь, анъ она мертва! засѣкъ, значитъ!

— Что-жь дальше?

— А дальше, значить, этого самого мужика въ Сибирь за грубость сослали!

Всему этому безпутному, бессознательному и ненужному злодѣйству, всѣмъ этимъ подвигамъ тьмы и бессмысленнаго варварства положило безвозвратный конецъ 19-е февраля. Какъ бы ни были высекательны, какъ бы ни были обширны наши притязанія къ жизни, мы не можемъ не удивляться великости этого подвига. Разомъ освободить изъ плѣна египетскаго цѣлыя массы людей, разомъ оживить жизнь введеніемъ въ нее новыхъ и свѣжихъ элементовъ, разомъ заставить умолкнуть тѣ скорбные стоны, которые раздавались изъ края въ край по всему лицу Россіи—такое дѣло способно вдохнуть энтузіазмъ безпредѣльный! Но за работой освобожденія слѣдуетъ работа организаци, и тутъ-то приходится намъ бороться съ препятствіями еще болѣе дѣйствительными, нежели даже тѣ, съ которыми мы боролись во время трудной работы освобожденія.

Въ настоящемъ случаѣ, т.-е. относительно реформъ послѣдняго десятилѣтія, чужадымъ элементомъ тормозящихъ правильное ихъ развитіе, является пресловутое наше крѣпостничество, одѣвшееся, въ послѣднее время, въ мантию консерватизма.

Совершенно основательно думаютъ тѣ, которые утверждаютъ, что истина въ концѣ концовъ всегда торжествуетъ, и что, въ согласность этой аксіомѣ, несомнѣнно должно восторжествовать и все то, что исходить прямымъ и естественнымъ путемъ изъ дѣла освобожденія. Но не надо забывать, что и противная дѣлу сторона, т.-е. чужаство-крѣпостничество, также не остается въ бездѣйствіи, также начинаетъ сознать какія-то неопредѣленныя поползновенія. Оно не только не умерло, какъ это многіе утверждаютъ, но, мало по малу, сбрасываетъ съ себя иго распушенности, и начинаетъ уже толковать объ организаци и дисциплинѣ...

Конечно, руководствуясь свидѣтельствомъ исторіи, можно сказать заранѣе, что изъ всѣхъ этихъ толковъ и посуловъ не выйдетъ ровно ничего. Сознаемся откровенно, мы даже очень мало печалимся, предсказывая эту неспособность чужаства къ организаци. Въ самомъ дѣлѣ, если чужаство бессознательное сдѣлало насъ свидѣтелями такого безчисленнаго множества безобразій, то, по крайней-мѣрѣ, оно имѣло въ пользу свою то обстоятельство, что, однажды устраненное, не оставило по себѣ и слѣда. Совсѣмъ другая будущность ожидаетъ чужаство сознательное, дисциплинированное и стремящееся организовать. Это послѣднее, ежели оно успѣетъ въ своихъ замыслахъ, навѣрно вѣдется такъ сильно, что проѣстъ истязуемый субъектъ до мозга костей. Слѣдовательно, въ этомъ случаѣ, бессилие есть явленіе, возбуждающее не сожалѣніе, но скорѣе чувство совершенно ему противоположное. Тѣмъ не менѣе, какъ бы мы ни были увѣрены въ несостоятельности чужадыныхъ посуловъ, мы не должны,

однако, забывать, что и «Вавию приходится ошибкой обмелвиться стихомъ», что посулы эти, ежели не устраняютъ другаго намъ дѣла окончательно, то задерживаютъ его и запутываютъ. Основываясь на этихъ соображеніяхъ, мы не только не должны, но даже не имѣемъ права впадать въ безпечность излишнюю.

Къ сожалѣнію, мы видимъ на практикѣ очень много такого, что прямо свидѣтельствуетъ о нашей опрометчивости и близорукости въ этомъ смыслѣ. Несмотря на то, что чужездство доказало свой вредъ путемъ историческимъ, несмотря на то, что мы сами отлично сознаемъ этотъ вредъ и на каждомъ шагу, такъ сказать, осязаемъ его руками, это явленіе, какъ объяснено выше, до того уже примельгалось, что мы считаемъ невозможнымъ обойти его, не вступивъ съ нимъ въ извѣстнаго рода сдѣлки, и притомъ въ сдѣлки весьма рѣшительныя и нерѣдко компрометирующія самый смыслъ предпринятаго дѣла.

Задумывая какое-нибудь предпріятіе, мы на первыхъ же порахъ только о томъ и печалимся, какъ бы пристроить къ нему чужездство. Напрасно и совѣсть и память шепчутъ намъ, что ежели чужездство и поднимало, по временамъ, голову, то единственно для того, чтобы сѣять крामолу и рознь; напрасно доказываютъ намъ, что иди подѣ-руку съ чужездствомъ, мы дошли, наконецъ, до глухой стѣны; что гений народный, не развернувшись, уже увидаеть, какъ будто, сонивъ до дна чашу рабства, онъ въ то же время оставилъ въ ней и всѣ свои силы. Мы, конечно, не прочь и согласиться съ этими доводами, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ будто такъ мало еще отрезвелись, что не въ состояніи даже представить себѣ, какъ можетъ надъ нами такая бѣда стрястись, чтобы жить намъ по простотѣ и безъ вредныхъ примѣсей. И вотъ мы ломаемъ многострадальныя свои головы, какимъ бы образомъ такъ ухитриться, чтобы и чужездство было не безъ дѣла, да и намѣреніямъ нашимъ оно вредило какъ можно менѣе...

Результатъ такихъ сдѣлокъ и колебаній очень простой: задача, разрѣшенія которой мы, на первыхъ порахъ, такъ ревностно добивались, постепенно утрачиваетъ свою опредѣлительность и, дѣлаясь добычей всевозможныхъ посягательствъ, промывается другимъ, иногда даже совершенно неожиданнымъ для насъ смысломъ.

Чтобы сдѣлать нашу послѣднюю мысль болѣе ясною, да позволено будетъ прибѣгнуть къ сравненію. Оставимъ на минуту провинцію, перенесемся воображеніемъ въ большіе, густо населенные центры, и мы безъ труда убѣдимся, что тамъ дѣло образованія русской жизни имѣетъ совершенно иной ходъ, нежели въ нашихъ губернскихъ палестинахъ. Мнѣніе о невозможности одинаковаго во всѣхъ случаяхъ примѣненія того или другаго принципа, мнѣніе о томъ, что понятіе о правдѣ есть понятіе относительное, что она одна для Ивана и другая для Петра, — всѣ эти диковинныя мнѣнія, столь неизбѣжно стояща въ

провинціи, не только не живутъ въ большихъ центрахъ обязательнаго авторитета, но нерѣдко вызываютъ даже противорѣчіе. Скажемъ болѣе: въ этихъ центрахъ, дѣло овладѣваетъ исполнителями, даже помимо ихъ воли; если же, за всѣмъ тѣмъ, и можно указать на примѣры уклоненія отъ истиннаго смысла задачи, то факты такого рода, во всякомъ случаѣ, не остаются безъ указанія и болѣе или менѣе правдиваго обсужденія. Нерѣдко случается даже такъ, что исполнитель несомнѣнно чувствуетъ надъ собой извѣстное тяготѣніе, которое такъ и нашептываетъ: да отвинь же ты, милый человѣкъ, колѣнцѣ, чтобы вѣдали добрые люди, каковы таковы въ русской землѣ реформы называются,—но колѣнцѣ какъ-то невыкидывается, а ежели и выкидывается, то вяло, и восторговъ ни откуда не вызывается. Даже произволь—и тотъ дѣлается часъ отъ часу все больше стыдливымъ, совѣсьмъ не потому, чтобы онъ потерялъ возможность, или утратилъ сознаніе своего права, а просто потому, что, повидимому, настаетъ время стыда всеобщаго. Теперь вернемся назадъ въ нашу родную провинцію, и первое чтó поразить нашъ умственный взоръ—это наивная невыработанность понятій о правдѣ и правѣ. Въ этомъ отношеніи, у насъ существуетъ такое вавилонское столпотвореніе, что право и правда подраздѣляются чуть не на столько отдѣльныхъ и совершенно другъ на друга не похожихъ видовъ, сколько существуетъ отдѣльныхъ субъектовъ, до которыхъ эти понятія касаться могутъ. Это словно проклятый какой-то маскарадъ, въ которомъ право для однихъ является началомъ утучняющимъ, для другихъ — изнурающимъ и уничтожающимъ. И это ни мало не бросается въ глаза и не оскорбляетъ ничего нравственнаго чувства, потому что провинція до того закалилась въ произволѣ, что тотъ день считается чуть-чуть потеряннымъ, который не былъ свидѣтелемъ одного изъ безчисленныхъ и дивныхъ проявленій его. Сверхъ того, она изстари уже замутилась въ разнообразнѣйшихъ и крайне затѣйливыхъ обрядностяхъ, которыя до такой степени извратили смыслъ въ чело-вѣческой дѣятельности что въ концѣ концовъ въ этой заглушенной и запутанной средѣ, только такое дѣйствіе и можетъ быть названо разумнымъ, которое поражаетъ свѣжаго человѣка своею явною нелѣпностью. Спрашивается: при такихъ тяжелыхъ условіяхъ, при такомъ обиліи всевозможныхъ клаузъ и сплетенъ, возможно ли чтобы правда была правдою и право—правомъ вопстинну? возможно ли, чтобы общественная совѣсть, безъ напряженнаго труда, приобрѣла ей необходимую бодрость и силу?

Отчего происходитъ такая разительная разница въ степени и способахъ примѣненія одного и того же начала, понять очень не трудно. Явленіе это совершенно удовлетворительно объясняется тѣмъ, что въ большихъ центрахъ чужаеству сравнительно все-таки отведено гораздо менѣе мѣста, нежели въ тѣхъ безчисленныхъ мурьяхъ, въ вторыхъ оно не только не представляетъ

кажи въ морѣ, но скорѣе наоборотъ. Вслѣдствіе великаго разнообразія жизненныхъ условий, сосредоточенія на ограниченномъ пространствѣ всевозможныхъ формъ человѣческой дѣятельности, и легкости обмѣна мыслей, самый уровень жизни дѣлается выше и въ то же время не допускаетъ тѣхъ разительныхъ неровностей и пропусковъ, какіе замѣчаются нами въ провинціи. Рядомъ съ правами традиціонными возникаютъ права новыя, предъявляющія искъ о своемъ признаніи не передъ судомъ привычки и заксэнѣлаго предразсудка, а передъ судомъ разума и общественной совѣсти. Понятно, что въ кругу этихъ новыхъ соперничающихъ силъ, чужаеядству не совсѣмъ-то ловко расправлять свои крылья во всю ширь, хотя бы искусственная обстановка и благопріятствовала такому расправленію. Напротивъ того, провинціальная жизнь сплошь составлена изъ однихъ неровностей и пропусковъ, и вслѣдствіе того представляетъ такое множество пустыхъ мѣстъ, въ которыхъ изстари ничего другаго, кромѣ расправленія крыльевъ, не производилось, что, по самому простому расчету, тутъ надлежитъ заботиться не столько объ умноженіи пустыхъ мѣстъ, сколько о сокращеніи ихъ.

Но такова наша несмѣлость передъ примелькавшимися явлениями жизни, что вмѣсто того, чтобы распутывать узелъ, мы направляемъ всѣ наши усилія къ тому, какъ бы покрѣпче затануть его. Заявляя о своемъ стремленіи къ правдѣ общечеловѣческой, защищенной отъ наплыва чужаеядныхъ примѣсей, мы въ то же время ставимъ ее въ такія условія, среди которыхъ она не можетъ свободно дышать. Признавши прежнія рамки жизни слишкомъ тѣсными для непрерывно увеличивающагося содержанія ея, мы тѣмъ же не менѣе до того неохотно расстаемся съ ними, что люди неопытные и въ рамкахъ несвѣдущіе легко ошибаются и утверждаютъ, что нивакихъ новыхъ рамокъ нѣтъ и не бывало, а остались прежнія, тѣ самыя, въ которыхъ такъ удобно было расправлять крылья.

И вотъ, благодаря чужаеядству, общее дѣло русской жизни, дѣло ея преуспѣанія и развитія, съ быстротою и легкостью истинно-изумительными, становится дѣломъ домашнимъ. Если читатель припомнитъ дѣйствія мировыхъ посредниковъ при самомъ началѣ крестьянской реформы и сравнитъ ихъ съ дѣйствіями послѣдующими, то онъ безъ труда пойметъ, какаа громадная легла тутъ разниа. Эта разниа — фактъ несомнѣнный, засвидѣтельствованный общимъ сознаниемъ; но будемъ ли мы правы, если причину этого факта ставемъ искать безусловно въ какой-то мнимой неустойчивости русскаго человѣка; въ его неумѣннн споконно начать дѣло и столь же споконно довести его до конца? Очевидно, что предположеніе таковаго рода не только голословно, но даже и неправдоподобно. Вепервыхъ, кругъ дѣятельности мировыхъ посредниковъ вовсе не былъ такъ обширенъ и сложенъ, чтобы отъ нихъ

требовалось какого-то сверхъестественнаго напряженія умственныхъ силъ; вовторыхъ, дѣло само по себѣ такъ впросто, намѣренія законодателя такъ ясны, что совсѣмъ не нужно быть героемъ, чтобы выполнять ихъ во всей точности. Вездѣ и всегда исполнителями являются люди, ни мало не претендующіе на гениальность, но никто этимъ не смущается, да и дѣло отъ того ни мало не терпитъ. Отчего же только у насъ, и у насъ однихъ, происходятъ сіи неожиданныя превращенія? Не оттого ли, что мы великіе мастера отыскивать во всякомъ дѣлѣ такую мякоть, которая позволяетъ намъ приурочивать это дѣло для нашего личнаго, домашняго употребленія.

Но ежели мы мастера отыскивать эту мякоть, то, естественно, возникаетъ вопросъ: дѣйствительно ли это мастерство столь драгоценно, что необходимо его поощрять и воспитывать?

Та метаморфоза, которая произошла у всѣхъ на глазахъ съ учрежденіемъ мировыхъ посредниковъ, можетъ легко постигнуть и другіе зачатки развитія русской жизни. Въ послѣднее время, провинціалъ охотно и чаще другихъ словъ повторяетъ прилагательное *отчинный*, и повторяетъ его съ такою увѣренностью, которая невольнымъ образомъ заставитъ задуматься. Очень можетъ быть, что это увѣренность ни на чемъ не основанная и преувеличенная, и что въ будущемъ она окончится такимъ же пшикомъ, какимъ окончились вообще всѣ злопыхательства, направленные противъ реформъ настоящаго царствованія, но несомнѣнно то, что *въ настоящемъ* она наноситъ дѣлу преуслѣванія вредъ явный и положительный.

Трудно себѣ представить зрѣлище болѣе поразительное, нежели зрѣлище добра, изнемогающаго въ мукахъ рожденія. Правда, какъ только показала въ провинцію лицо свое, уже, такъ-сказать, распалась на сѧ. Есть правда княжеская и графская, есть правда дворянская, правда чиновническая, правда мѣщанская, правда мужицкая. Титулярный совѣтникъ имѣетъ право на болѣшую долю въ правдѣ противъ коллежскаго регистратора, дворянинъ—на болѣшую противъ мѣщанина и мужика. Злосчастный ремесленникъ, обозвавшій дворянина *муснымъ именемъ* мѣщанина, оказывается болѣе виновнымъ, нежели дворянинъ, угрожавшій этому ремесленнику палкой... Вотъ новый фазисъ, въ который вступаетъ дѣятельность пресловутаго чужездства.

Всюду, куда вы ни обернетесь въ провинціи, всюду встрѣтитесь съ этимъ въѣдчивымъ элементомъ, который, повидимому, поставилъ себѣ задачей заполнить вселенную. Сильный противъ безсилія, безсильный противъ силы, онъ обдѣлывается, или, лучше сказать, мечтаетъ обдѣлать свои дѣла, вопреки истинѣ, вопреки свидѣтельству здраваго смысла. Тщетно собственная выгода подсказываетъ ему о необходимости уступокъ и соглашеній—онъ сосетъ, сосетъ и сосетъ, не сознавая, что въ то же время высасываетъ до тла свои собственные соки, и забывая что точно

такимъ же неумѣреннымъ сосаніемъ онъ очень недавно и совершенно для себя неожиданно дососался до управленія крѣпостнаго права.

Удивительно ли, что, чувствуя подъ собой такое твердое основаніе, наши исконные губерскіе историографы не только не ускромняются, но держатъ пуще прежняго? Представьте себѣ эти двѣ силы: историографство и чужаство, простирающія другъ другу объятія и заключающія твердый и ненарушимый (до первой кости) союзъ, и спросите себя, что можетъ выйти изъ этого союза?

Въ будущемъ — конечно, ничего; но кто вознаградитъ за тѣ ущербы, которые наносятся въ настоящемъ?

Н. Гуринъ.

- XIV. — **НОВЫЯ КНИГИ.**—Засоренныя дороги и Съ квар-
тиры на квартиру, Романъ и разсказъ *А. Михай-*
лова.—Задѣльная плата Жюля Мура. Перев. *Ф.*
П. Солмоуба.—Теорія нравственныхъ чувствъ или
опытъ изслѣдованія о законахъ. Соч. *Адама Сми-*
та.—Земля и воля. *П. Л.*—О капиталѣ и трудѣ
невещественномъ и ихъ значенія и положенія въ
политической экономіи. Д-ра *Владислава Ритера.*
Перев. съ чешскаго съ предисловіемъ и примѣ-
чаніями *Д. Щеглова.* 46
- XV. — **ПОЛОЖЕНІЕ КРЕСТЬЯНСКАГО ХОЗЯЙСТВА** . 92
- XVI. — **ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІЙ.** (*Письмо четвер-*
тое и пятое). *Н. Гурина* 98

Объявленія: отъ музыкальнаго магазина *М. Бернарда* и отъ
вишпаго магазина *С. В. Звонарева.*

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ въ слѣдующемъ 1869 году будутъ издаваться совершенно на тѣхъ же основаніяхъ, какъ издаются въ нынѣшнемъ году.

ЦѢНА ЗА ГODOBЕ ИЗДАНИЕ

съ С.-Петербургу безъ доставки: 15 руб. серебромъ. | *съ пересылкою или доставкою:* 16 руб. 50 коп. серебромъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Санктпетербургѣ:

Въ **ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ** Редакціи «Отечественныхъ Записокъ», на Литейной, домъ № 38.

ВЪ ОТДѢЛЕНИИ КОНТОРЫ:

На Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Меншикова, при книжномъ магазинѣ С. В. Звонарева.

Въ Москвѣ:

Въ Конторѣ «Отечественныхъ Записокъ», на углу Вольшой Дмитровки, противъ Университетской типографіи, въ домѣ Загряжскаго, при книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева (бывшемъ И. В. Базунова).

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО** въ *Главную Контору* «Отечественныхъ Записокъ».

ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ:

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ДРАМАТИЧЕСКИХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ

ШЕКСПИРА

ВЪ ПЕРЕВОДѢ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

(СЪ ПОРТРЕТОМЪ ШЕКСПИРА, ГРАВЮРОВАННЫМЪ ВЪ ЛЕЙПЦИГѢ.)

Изданіе **Н. А. НЕВРАСОВА** и **И. В. ГЕРБЕЛЯ**.

Четыре тома, въ 182 листа (2112 стр.) большого формата, изъ которыхъ каждый равняется 2½ листамъ «Отечественныхъ Записокъ».

Содержаніе. Томъ I. «Литература и театр въ Англіи до Шекспира». Статьи В. П. Боткина. 1) «Кориолянъ» и 2) «Король Лиръ», въ пер. А. В. Дружинина, 3) «Титъ Андроникъ» и 4) «Тимонъ Аѳинскій», въ пер. П. И. Вейнберга, 5) «Сонъ въ Иванову ночь», въ пер. Н. М. Сатина, 6) «Много шума изъ ничего», 7) «Макбетъ» и 8) «Двѣнадцатая ночь», въ пер. А. И. Кронеберга и 9) «Юлій Цезарь», въ пер. Д. Л. Михаловскаго.

Томъ II. 1) «Гамлетъ», въ пер. А. И. Кронеберга, 2) «Буря», въ пер. Н. М. Сатина, 3) «Троилъ и Крессидя», 4) «Ричардъ II», 5 и 6) «Генрихъ IV», части 1-я и 2-я, въ пер. А. Л. Соколовскаго, 7) «Ромео и Джульетта», въ пер. Н. П. Грекова, 8) «Усмиреніе своеравной», въ пер. А. Н. Островскаго и 9) «Король Джонъ», въ пер. А. В. Дружинина.

Томъ III. 1) «Генрихъ V» и 2, 3 и 4) «Генрихъ VI», части 1-я, 2-я и 3-я, въ пер. А. Л. Соколовскаго, 5) «Ричардъ III», въ пер. А. В. Дружинина, 6) «Венеціанскій купецъ», 7) «Генрихъ VIII» и 8) «Какъ вамъ будетъ угодно», въ пер. П. И. Вейнберга и 9) «Антоній и Клеопатра», въ пер. Л. О. Корженевскаго.

Томъ IV. «Вилліамъ Шекспиръ», біографія, составленная П. Н. Полевымъ. 1) «Зимняя сказка» и 2) «Перьятъ», въ пер. А. Л. Соколовскаго, 3) «Конецъ всему дѣлу вѣнецъ», 4) «Виндзорскія проказницы», 5) «Комедія Ошибокъ» и 6) «Безплодные усилія любви», въ пер. П. И. Вейнберга, 7) «Цимбелинъ» и 8) «Мѣра за мѣру», въ пер. Ф. Б. Миллера, 9) «Титъ Андроникъ», въ пер. А. И. Рыжова и 10) «Два веронца», въ пер. В. Ф. Миллера.

Цѣна за томъ — **3 руб. 50 коп.** *Первый томъ отдѣльно не продается.*

